Сергей Татур

ОЧЕРКИ

ЗДРАВСТВУЙ, КАНАЛ

1. Вода и мы

В повести «Планета людей» Антуана де Сент Экзюпери есть такой эпизод. Летчик привозит группу бедуинов из Сахары к водопаду Виктория. Дети пустыни смотрят, зачарованные. Час смотрят, день смотрят. Сидят у водопада и ждут. Они сидят очень долго – ждут, когда же водопад иссякнет. В их представлении вода – то, чего всегда немного, что всегда быстро кончается. Им говорят, что водопаду десять тысяч лет, ждать бесполезно. Поняв это, старший из бедуинов воскликнул: «О, Аллах! Как велик Ты, сотворивший этот водопад! И как несправедлив к нам Ты, сотворивший пустыню!»

Цену воде лучше других знают жители стран с аридным климатом. Для них вода – урожай, благополучие, сама жизнь. Их почтительным отношением к воде можно восторгаться. Богатейший фольклор, любопытнейшие предания оставили нам поколения людей, в поте лица, словно хлеб насущный, добывавшие воду. Богатыри не только сражались с врагом. Простой кетмень в их могучих руках обретал невиданную силу. С его помощью они прокладывали каналы, перегораживали реки. Им счастливо удавалось то, о чем мечтали народы. Передаваемые из уст в уста, эти легенды дожили до наших дней. Там, где батыр Фархад по велению прекраснейшей принцессы Ширин крушил скалы на высоком берегу Сырдарьи, чтобы они расступились и открыли путь воде, сегодня стоит плотина, носящая его имя, и проложены каналы. Они орошают степь, которую пытался оросить он – Голодную степь.

Есть на Земле районы, где дождь сменяется новым дождем, где за год выпадает двенадцать метров осадков (в Ташкенте лишь 0,5 метра). Но там, где еще недавно пресной воды хватало, она все чаще становиться дефицитной. Человек потребляет ее во все возрастающем количестве. А там, где ее не хватало всегда? Народы республик Средней Азии во все времена умели беречь и ценить воду.

Географически этот регион относится к бассейну Аральского моря, и две его крупнейшие реки, Амударья и Сырдарья, ежегодно приносят на равнину сто кубических километров воды (доля Амударьи – две трети). Эти реки рождаются в горах Тянь-Шаня, Памира, Гиндукуша, у границы вечных снегов, и многоводны, когда это больше всего нужно человеку – летом. Ценность, однако, представляет не та вода, что в реке, а та, что в нужном количестве и в нужное время подана на поля. Борьба за воду, за то, чтобы в нужном количестве и в нужное время подать ее на поля – увлекательнейшая глава многотысячелетней истории края. Познакомившись с ней, мы с гордостью отметим, что за последние десятилетия сделано больше, чем за весь предшествующий период.

…Лица людей сосредоточены и суровы. В шурфах сотни тонн аммонала. Сигнальная ракета. Инженер крутит ручку взрывной машинки. В полном безмолвии встает и начинает медленно опадать коричневая стена грунта. Облако пыли наползает на солнце. Вздрагивает земля. И тут вместе с взрывной волной накатывается грохот, срываются и летят в неизвестность желтые шары перекати-поле. Затем пыль рассеивается, и становится видно готовое русло канала, прорубленное в плотных грунтах на тридцатиметровую глубину. Так в 1974 году была проложена наиболее сложная часть Большого Наманганского канала.

В то маловодное лето мирные взрывы гремели в Кашкадарьинской и Шерабадской долинах, на трассе Аму-Бухарского канала. И строители успели. По Большому Наманганскому вода пошла в июле, в самые горячие дни формирования урожая. В том же году, весной, были пущены Каршинский магистральный канал с шестью уникальными насосными станциями, назначение которых – подъем амударьинской воды в количестве 160 кубометров в секунду на высоту 132 метра, канал имени Москвы, направивший воды реки Зарафшан в обмелевшую Кашкадарью, десятки насосных станций на других ирригационных системах. На десятки километров продвинулся к Красноводску Каракумский канал в Туркменистане.

Продолжалось возведение Туямуюнского и Андижанского водохранилищ большой емкости, Чарвакской (600 тыс. киловатт), Токтогульской (1200 тыс. киловатт), Нурекской (2700 тыс. киловатт) гидростанций. Разворачивались работы Капчагайского на реке Нарын и Рогунского на реке Вахш гидроузлов суммарной мощностью четыре миллиона киловатт, Джизакского канала машинного орошения. Только в Узбекской ССР в 1974 году в объекты водохозяйственного строительства было вложено 1,1 миллиарда рублей, а прирост орошаемой пашни составил 105 тысяч гектаров. Такие показатели были достигнуты впервые. Шла гигантская, с непрерывным наращиванием усилий битва за воду. Сбывались легенды. Но их претворяли в жизнь не герои-батыры, а советский народ.

Нам очень дорог подписанный Лениным в 1918 году декрет об орошении в Туркестане 500 тысяч десятин засушливых земель. Его тогда не удалось претворить в жизнь. Началась гражданская война, затем

была острейшая хозяйственная разруха. Но как только позволила обстановка, крупные капитальные вложения в Средней Азии были направлены в первую очередь в ирригацию. Имелось в виду поднять сельское хозяйство края и на этой основе добиться хлопковой независимости СССР. Перед началом Великой отечественной войны эта задача была решена с честью. И сегодня Советский Союз – крупнейший в мире производитель и экспортер хлопкового волокна. В 1974 году в нашей стране собрано 8,4 миллиона тонн хлопка-сырца (это больше, чем в США), выработано 2,8 миллиона тонн волокна. Рекордный урожай вырастил и Узбекистан – 5, 3 миллиона тонн сырца.

1. Большой Наманганский

Осенью и зимой осадков выпало меньше, чем полагается по среднемноголетней норме, и весной тоже было мало дождей. Снежный покров в горах составил от половины до двух третей обычной высоты. Гидрологи произвели свои подсчеты и объявили: 1975 год будет маловодный. А поскольку маловодным был и предыдущий год, и большинство водохранилищ было опорожнено до дна, предсказание гидрологов не сулило ничего доброго. Оно означало, что водохранилища к поливному сезону наполнить не удастся и земледельцу придется бережно расходовать каждый литр воды, что основная тяжесть борьбы с маловодьем ляжет на плечи земледельцев бассейна реки Сырдарьи, водные ресурсы которого используются человеком на все сто процентом.

Эти прогнозы были заблаговременно доведены до земледельцев. Предстояло трезво оценить ситуацию и принять меры. По опыту предыдущих лет я знал, что включают в себя эти меры. Вводятся жесткие поливные нормы, повторно используются сбросные и коллекторные воды (в смеси с обычной), бурятся сотни артезианских скважин. Это дорогостоящие меры, но они дают желаемый эффект. Так, жестокое маловодье 1974 года практически не повлияло на урожай хлопчатника. Более того, Узбекистан уверенно пришел к рекордному урожаю. Но кормовых культур было собрано меньше, чем обычно.

Как противовес маловодью, планировался пуск второй очереди Большого Наманганского канала – важнейшей водной артерии северной Ферганы. Объем работ предстояло выполнить огромный. Напряжение, перерастающее в аврал, началось уже нынешней весной. Но об этом по порядку.

По саям сбегали веселые ручьи. По саям же весна поднималась в горы, обрызгивая розовым цветом персиковые и абрикосовые деревья. В Ферганской долине сады цвели дружно, всюду было разлито тепло, в поле вышел сеятель. За ухоженной землей поднимались адыры – предгорья, а дальше серой стеной вставал Чаткальский хребет.

Канал шел по адырам. Краса и гордость и надежна Наманганской области. Название канала передавало суть: Большой Наманганский. Ферганскую долину, собственно, трудно удивить каналом. Вся она расцвела благодаря каналам, разветвленная сеть которых напоминает кровеносные сосуды. Большой Ферганский еще до войны прославил долину сначала на всю страну, а потом и на весь мир: хашар обрел здесь новое, общенародное содержание. Здесь хашар стал подлинно народной стройкой, свою лепту вносили стар и млад. Кинохроника запечатлела плачущего аксакала и плачущего подростка, которых по возрасту не взяли на хашар. Кинохроника же запечатлела их встречу на трассе канала – вопреки запрету. Оба искрились радостью. Хашар принес невиданную победу. Сто тысяч колхозников за сорок дней выкопали кетменями русло Большого Ферганского канала.

В наше время техника полностью вытеснила ручной труд на земляных работах. Вода теперь дается земледельцу много легче, чем прежде, но к ней – традиционное почтительное отношение. Ибо вода, вовремя поданная в нужное место, у нас по-прежнему первая производительная сила, родоначальница материальных благ.

Итак, Ферганскую долину каналом не удивишь. Но я на многих проверял свое впечатление и беру на себя смелость сказать, что Большой Наманганский удивляет. Когда из огромной массы дорожный впечатлений пытаешься выделить главное, приходит мысль неожиданная и дерзкая: а ведь этот же путь должна повторить вода. И она его повторяет. Вниз – вверх. Вниз – на дно сая, вверх – на прежнюю отметку. Делает это она с помощью сложного и ответственного сооружения – дюкера. Иногда канал рассекает склон глубокой, до сорока метров, выемкой, иногда взбегает на насыпь. В этом случае он похож на канатоходца. Удержать воду в таком русле инженерам труднее, чем канатоходцу сохранить равновесие на головокружительной высоте. Рельеф, что и говорить, сложнейший. Прибавим сюда коварство просадочных грунтов. Все эти не маленькие трудности преодолели сначала проектировщики института «Узгипроводхоз», затем коллектив треста «Наманганводстрой».

Большой Наманганский пересекает долину из конца в конец, от Учкурганского водохранилища в Киргизии до Ленинабадской области в Таджикистане. Его подкомандная зона – это десятки тысяч гектаров справа от Северного Ферганского канала, которые не могут быть орошены из него самотеком. Большой Наманганский проходит примерно на сто метров выше Северного Ферганского. Зона его влияния очень обширна. То, что прежде орошалось из саев, и орошалось нерегулярно, ведь в саях в мае густо, а в августе пусто, теперь будет полито с высокой степенью надежности. Десятки источников воды, крайне ненадежные

летом, будут закольцованы. Гидротехники называют это гарантированным водообеспечением. Там, где оно есть, гарантирован и урожай.

Наверное, по сложности второго такого канала нет в стране. А, может быть, и в мире. Во всяком случае, ни одна отечественная ирригационная система не включает в себя столько уникальных элементов, как эта. Я имею в виду не протяженность, не пропускную способность, а способы преодоления пересеченного рельефа, эти самые прыжки вниз - вверх, безукоризненные с точки зрения инженерного искусства. Первая очередь канала, от головного водозабора до Намангана, прекрасно показала себя в минувшее маловодное лето. Урожай на значительных площадях был спасен, точнее, сформирован заново. Нижние завязи уже опали, но тут подошла вода, и на каждом кусте хлопчатника удалось вырастить 7 – 8 коробочек. Удивительное зрелище являли собой эти плантации: внизу – ничего, а на самом верху крупные коробочки. Сейчас в работе вторая очередь, до Касансая.

2. Строительная косточка

Яркий, пропитанный солнцем апрельский день. Объезжаю трассу: информированность – сестра компетенции. Касансай, желтый, как все вокруг, косогор. Здесь канал поднырнет под селеспуск. Средство, с помощью которого намечено осуществить это решение – четырехочковый дюкер. Работы ведет участок Джамалядина Рахманова. Сборный железобетон поступает по графику. Бетонщики планируют основание. Механизаторы производят земляные работы. На вывозке грунта из глубоких выемок занято двадцать самосвалов. И у бетонщиков, и у механизаторов четкость, ритм. А вот автотранспорт – узкое место. Побольше нам надо этих могучих минских машин. «Камаз» скоро расправит плечи – может, тогда станет легче? На одном из пикетов грунт не поддается ковшу экскаватора. Приехали взрывники, поставили свой станок. А рядом подстанция, ЛЭП. Надо сработать так, чтобы взрыв никому не причинил лишних хлопот.

Следующий участок. Пять труб под каналом, два акведука. «Сделаем!» – заверяет бригадир бетонщиков Махмудхан Ахмедов. Не сомневаюсь. И трубы уложит на совесть, и акведуки перебросит. Сплоченная у него бригада. Далее – мост. Здесь работают командировочные. Живут в вагончиках, вдали от семей. Торопятся. Они особенно нетерпимы к разного рода простоям. И управляющий трестом распоряжается все материалы направлять им в первую очередь. Бригадир благодарит, но по лицу вижу, что не всем доволен. Оказывается, к ним давно не приезжала автолавка. Ну, эта просьба не из тяжелых!

Впереди беззвучно взметается серый веер. Грохот взрыва накатывается потом. Здесь почти сорокаметровая выемка – надо выбрать миллион кубометров грунта. Взрывники – из Чарвака, в командировке. Их прораб Дмитрий Михайлович Кунец оценивает проделанную работу. Разрыхлено двести тысяч кубических метров плотного грунта. На дно котлована уже ползут бульдозеры, торят съезд экскаватору, самосвалам. У Кунца было будничное лицо, и выражало оно то, что обычно выражает лицо человека, который славно поработал, - достоинство, уверенность, усталость. И гордость чисто профессиональную, идущую от принадлежности к славному сословию взрывников. Этот взрыв в тридцать тонн – нормальный, даже, если хотите, маленький. Можем и триста тонн заложить, а можем… Маленькое землетрясение тогда будет. Но получится большой участок готового русла. Не первый год я вижу людей Дмитрия Михайловича в деле. Они умелы и спаяны. Им нельзя ошибаться; значит, среди них нет людей, которым нельзя верить.

Далее дюкерный переход через Гирвансай. Орешек тот еще! Дюкер трехочковый, длиной аж 404 метра. По законам сообщающихся сосудов вода сначала спустится на дно сая, а затем поднимется на прежнюю отметку. Дюкер и играет в данном случае роль сообщающегося сосуда. Требования к качеству работ предельно высокие. Придать железобетону полную водонепроницаемость не легко. Но бетонщики Камила Уркинова эти требования выдерживают. Сказывается опыт предыдущих лет. Применена металлическая катучая опалубка. По рельсам внутри дюкера движется вагонетка, на ней жесткий металлический щит нужной формы. И дело идет споро, и лес экономится, и качество, какое надо: в такой опалубке нет щелей, способствующих образованию раковин.

Выше работают колхозники. Одевают готовое русло в бетонную водонепроницаемую рубашку. Дорогостоящее это мероприятие, но, когда на счету каждый литр воды, необходимое. Кроме того, оно предотвращает прорыв дамб на косогоре. В перспективе, мы все каналы в республике оденем в бетон. В Голодной степи, например, бетонируются все новые каналы. Мы становимся богаче и все более прислушиваемся к рекомендациям науки, передового опыта.

Колхозы выставили бригады в 20 – 30 человек. Их участки невелики, 120 – 150 метров. Но колхозов десятки, поэтому и объем помощи, оказываемой ими, внушителен. Каждая такая бригада, работая в две смены, укладывает за сутки 50 кубометров бетонной смеси. Техника, как у строителей – площадные вибраторы, передвижная электростанция. Работами руководят мастера треста «Наманганводстрой». Это генеральный подрядчик, ему за все отвечать.

Левую ветку Гирвансая канал пересечет по высокой насыпи. Гидротехники не любят каналов в насыпи, стараются, где можно, избежать их. Предпочитают насыпям дюкеры или акведуки. Насыпь

коварна: не уплотнили грунт в одном месте, и вода находит себе лазейку. А это прорыв, авария, беда. Но тут от насыпи никуда не уйти. Самосвалы везут суглинок, его тут же увлажняют, потом плотно укатывают.

А вот дюкер через Намангансай, за ним вододелитель. Эти объекты построены в прошлом году, здесь кончается первая очередь канала. У вододелителя высажены серебристые ели, чинары, виноград. Быстро как! На берегу стоит айван. Здесь уже хозяйничают эксплуатационники. Я радуюсь добротности и красоте законченных бетонных сооружений. Скоро и сооружения второй очереди обретут такую же завершенность. И серебристые ели будут высажены подле них, и чинары. На вторую очередь сейчас переключены все наличные силы треста. Что ж, Большой Наманганский канал, эта вершина инженерной мысли, возводится со знанием дела и в сжатые сроки. И я говорю этому детищу рук человеческих, словно живому существу: «Здравствуй, канал!»

3. Навбахор

Сырдарья выпита. Ее сухое русло можно перейти пешком. Весь сток Нарына сейчас скапливается в чаше Токтогульского водохранилища. За мостом через реку, на левобережье, целинный Задарьинский район. А далее – пески, барханы. Стелящаяся растительность, игольчатые листья. Пятна соли похожи на язвы. Неласковая, неприветливая земля. Кусочек Каракумов в благодатной долине – это и есть Центральная Фергана. Казалось бы, стоять и стоять здесь вековой тишине. Что делать человеку в этих песках, обильно напитанных солью?

Рокот машин. Бульдозеры сомкнутым строем атакуют барханы. Скреперы разглаживают песок. Экскаваторы ведут вперед русла каналов, бригады рабочих одевают их в бетон. Прокладываются и более глубокие русла – дрены, коллекторы, которые на засоленных землях выполняют функцию почек. И вот уже идет вода, поля тщательно разровнены, многократно политы и готовы принять семена. Барханы отступают, оазис расширяет границы. Центральная Фергана перестает быть кусочком пустыни. Этому процессу уже много лет. Ферганцы осваивают целину энергично и целеустремленно, год от года наращивают усилия. И год от года растет полезная отдача: на землях Центральной Ферганы уже собирают четверть миллиона тонн хлопка-сырца. В следующей пятилетке последний бархан будет торжественно разровнен бульдозером, и куст хлопчатника и тутовое дерево заменят стелющуюся растительность пустыни.

Но вернемся в сегодняшний день, во многом предугадывающий день завтрашний. Известно, что будущее рождается сегодня. В поселке Джумашуй – районный центр. Были пески, а теперь это естественное продолжение оазиса. Дома, сады, сирень, асфальт, телевизионные антенны. И люди живут, и земля щедра – все, как и в других уголках благословенной Ферганы. Помнят ли здесь о недавнем прошлом?

Помню, - говорит экскаваторщик треста «Наманганводстрой» Константин Михайлович Казначеев. Приехал – целина, пустошь. За двадцать два года пять миллионов кубиков грунта выбросил. Гора целая. А нас – бригада. Да что бригада – трест! Словом, целинный Задарьинский район – наш район, вот этими руками вылеплен. У нас в бригаде узбеки и русские – интернационал. Без проблем: взаимное уважение. И взаимное притяжение. Сын в помощники просится, папа, говорит, к тебе хочу. Давай, говорю. Приятно это было от сына услышать. Приятно, когда сын уважает профессию отца. Помню начало: пески кругом, и плакат «Превратим Центральную Фергану в цветущий сад!» Теперь до песков отсюда ехать и ехать. Два ордена дали. Ничего, делаем свое дело. Жизнь прожил хорошо.

В одном не прав многоуважаемый экскаваторщик. Не прожил он еще своей жизни. В деле еще себя покажет, молодые поучатся у него. И как знать, не ему ли придется сокрушать последний бархан? Есть у Казначеева претензии к машиностроителям. Социальный, так сказать, заказ. Чтобы конструкторы создали удобства механизаторам. Когда летом в тени сорок градусов, в кабине экскаватора или бульдозера – все шестьдесят. Машины выпускаются сильные, надежные, но нельзя, чтобы машина могла больше, чем человек. А много ли может человек, когда в кабине шестьдесят градусов? Выход напрашивается – установить кондиционер. Делать машины в южном варианте, ведь делают их в северном. Кондиционер в кабине – это повышение производительности труда в летнее время, это крупный экономический выигрыш. И это не менее крупный выигрыш социальный. Это здоровье механизатора, его более поздний выход на пенсию.

Джумашуй строили сразу после войны. Навбахор – сегодняшнее наше слово и в какой-то мере слово завтрашнее. Агрогород Навбахор задуман как центральная усадьба совхоза, но со временем в нем разместится районный центр. Строит его совхоз имени Ленина Папского района, где директором Герой социалистического труда Ахмаджан Одилов. Не выйдя еще из пеленок, агрогород Навбахор уже привлек пристальное внимание республики. Проектирует его институт «Узгипросельхоз».

Сельские архитекторы предусмотрели все виды городского благоустройства. Жилые дома – только коттеджи, одно- и двухквартирные, с квартирами в двух уровнях. Общая площадь пятикомнатной квартиры более 120 квадратных метров. В таком жилище будет чувствовать себя просторно и многодетная семья. Огромные веранды на первом и втором этажах, гостиная площадью тридцать квадратных метров, просторная кухня, вход в квартиру и с улицы, и со двора, приквартирный участок площадью пятнадцать

соток, добротные надворные постройки, улучшенная отделка квартир и фасадов. Варьирование отделкой, придающее однотипным домам индивидуальный облик. И полный набор учреждений соцкультбыта, от торгового центра и комбината бытового обслуживания до больницы, спортивного комплекса и гостиницы. Не поселок – город. Он и мыслится, как город.

Работами руководит инженер Сабир Мамадумаров. Это высокий, симпатичный человек, днюющий и ночующий на своей строительной площадке. Отличительная его черта – целеустремленность, обстоятельность. Он вникает буквально во все, каждое задание разъясняет скрупулезно, разжевывает. Когда сам во все вникаешь, легко спрашивать с подчиненных.

Готовых домов в поселке пока немного. У них уже высажены чинары. Маленькая зеленая чинара – чем не символ цветущего сада? Готовые дома просто хороши. Когда еще мы, горожане, станем жить в таких прекрасных квартирах? Фронт стройки широк, одних профессиональных строителей на нем более трехсот человек. И многие районы Наманганской области прислали своих строителей, в порядке шефской помощи. Этот уже элемент хашара.

На площадках радует порядок, видна твердая рука производителей работ. Первый признак порядка – бережное отношение к материалам. Кирпич, пилолес, цемент – у каждого материала свое место, все сложено аккуратно, цемент прикрыт от дождя полиэтиленовой пленкой или навесом. Видно старание. Но виден и недостаток мастерства. В кирпичной кладке много изъянов – толшстые швы, неровная перевязка рядов. Вчерашние строителям каналов нелегко возводить дома, да еще такие, которым быть эталонами. Люди приезжают сюда издалека, но другой работы не хотят. Они строят очень красивый поселок, они причастны к большому делу. А то, что они пока не все умеют, не беда. С какой охотой они учатся мастерству!

Приехал директор совхоза Ахмаджан Одилов. Все осмотрел, остался доволен. Сказал: «Теперь поедем, покажу, как мы целину поднимаем».

4.Центральная Фергана

Ахмаджан Одилов – личность примечательная, неординарная. Хозяин, и хозяин с большой буквы. Его инициатива часто сродни частному предпринимательству. В его совхозе 17 подсобных предприятий, от кирпичного завода и мебельной мастерской до цеха, в котором вяжут оренбургские платки. Чудесные, надо сказать, платки, из шерсти ангорских коз, стада которых выпасают на высокогорных пастбищах. Существующие хозяйственные рамки для него тесны, и когда он за них перешагивает, начальство закрывает на это глаза – с ведома еще более высокого начальства, которое Одилова опекает. Вникая в то, как хозяйствует Одилов и что он себе позволяет, я начинаю думать о том, что ленинская новая экономическая политика, загубленная Сталиным, и загубленная очень сознательно, таит в себе огромные резервы частной инициативы. Весь вопрос в том, как с этой инициативой будет совмещаться власть партии.

Я говорю себе, что поразмышляю об этом на досуге. А мы едем в пески. Сразу за Навбахором ползут жуки-скреперы, ровняют барханы. Большие участки освоенной целины уже промыты (промывная норма – десять тысяч кубометров воды на гектар). Участки спланированные, но не промытые покрыты солью, как снегом. Вдоль дорог и каналов – тонкие прутики деревьев. Они высажены в три, четыре, пять рядов. Лес – надежный защитник от ветра, от движущихся песков. Эта земля называется Ачиккуль (горькие озера) и поливается из Большого Андижанского канала. Полвека назад здесь были болота и тугаи, в которых скрывались басмачи. Теперь эта земля впервые принимает семена, брошенные не ветром – рукой человека. Две первые года земледельцы сеют рис. Это окончательно вымывает соли из верхних горизонтов почвы. Затем наступает очередь хлопчатника. Первый урожай невелик, но это начало. Процесс формирования плодородной почвы длится пять – семь лет. Позже эта земля будет мало чем отличаться от плодороднейших сероземов долины, земледелие на которых ведется вторую, а то и третью тысячу лет.

Дорога идет по дамбе канала. «Вот она, наша вода!» – говорит Одилов. И мы смотрим на эту желтоватую, спокойно текущую воду. Мы знаем, чем эта вода станет осенью – бунтами хлопка, горами оранжевых кукурузных початков, дынь. В черных глазах Одилова – радость причастности к этой не легко давшейся воде, и к будущему, тоже не легкому урожаю.

Возвращаемся. Впереди миражеподобные очертания поселка. Навбахор вырисовывается все отчетливее. Этот агрогород несет в пески Центральной Ферганы идею комплексного освоения целины, идею строительства новых совхозов целиком. Красив Навбахор. Пусть это первая ласточка. Но это именно та ласточка, за которой прилетает стая. От Центральной Ферганы мы не отступимся. Мы будем прочно стоять на этой земле, а значит, много на ней строить.

5. Мы становимся богаче

Мы становимся богаче. Жизнь демонстрирует это и яркими деталями, и тысячью штрихов, которые радуют нас сначала тем, что вчера их еще не было, и сразу же – нашей причастностью к их появлению. Это, собственно, не открытие, но констатация факта.

Высокий уровень жизни – это, прежде всего, всестороннее и гармоничное развитие производительных сил. Вспомним, как несколько лет назад все среднеазиатские республики страдали от вилта, тяжелейшего грибкового заболевания хлопчатника. Вилт съедал шестую часть урожая. Ученые знал, что должны противопоставить вилту не только передовую агротехнику, не только химические средства защиты, но в первую очередь само растение хлопчатника, такие его сорта, в которых невосприимчивость к вилту закладывалась бы генетически, была бы наследственно стойкой. Это стало основной задачей селекционеров. Молодой ученый Садык Мирахмедов создал сорта «Ташкент», чрезвычайно устойчивые к вилту. Сортообновление удалось провести всего за три года. И вилт перестал быть бичом хлопкосеющих хозяйств. Минувшей осенью Мирахмедов дал путевку в жизнь еще одному своему сорту, названному «Ташкент-4». Помимо вилтоустойчивости, этот среднеспелый сорт характеризуют высокая урожайность, сорокапроцентный выход волокна и превосходное его качество.

Становиться богаче нам помогают машины. В минувшем году, например, на полях Узбекистана работало 27 тысяч хлопкоуборочных машин. Ими собрано 2,7 миллиона тонн сырца. Впервые в истории отечественного хлопководства доля сырца машинного сбора превысила 50 процентов. А многие целинные хозяйства научились убирать урожай без затрат ручного труда. Техника прочно вошла в быт села. Она непрерывно обновляется. Я видел новые ташкентские тракторы, названные распространенными узбекскими именами «Расул», «Мансур», «Шараф». В их кабинах кондиционеры. Что жара, солнце и пыль против кондиционера?

А как оценить новинку сельского пейзажа – индустриальные комплексы по производству мяса, молока, яиц? Это настоящие заводы стоимостью в два, пять, десять миллионов рублей с конвейерной организацией труда, с нормированным рабочим днем. Но заводы сельские, становящиеся как бы частью совхоза, замыкающим звеном его технологического потока. Село, но условия труда уже городские, и условия жизни – тоже.

А как быстро сейчас строится и перестраивается село! Исторического аналога этому процессу просто не существует. Но, при всей этой стремительности, нужны сложные подсчеты, чтобы определить, в какой области больше строят на душу сельского жителя. А когда подсчеты убудут закончены, выяснится, что разница, в сущности, убудет невелика, но намного впереди те области, где планомерно и широко ведется освоение целинных земель. Это понятно: новые хозяйства, новые поселки в чистом, можно сказать, поле, не надо ломать ничего старого, кроме разве что некоторых традиций. Любая ломка все-таки болезненна.

Целинные поселки концентрируют в себе все положительное, что мы накопили в сельском строительстве. Навбахор, например. В каждом из них есть все необходимое для высокопроизводительного труда и культурного отдыха, в каждом неукоснительно соблюдены пропорции, рекомендованные градостроительной наукой. И потому они удобны для жизни, хотя и не во всем привычны для новоселов. Переселенцы быстро примечают все это, и, гостя в родных местах, утверждают: а у нас лучше, у нас как в городе – и ванная, и горячая вода, и телефон в гостиной, и встроенная мебель. Они приводят и другие аргументы: поля по 200 и 400 гектаров, на которых великий простор машинам, лотковую оросительную сеть, закрытый дренаж, остановивший нашествие вредных солей, капроновые шланги, втрое повысившие производительность труда поливальщиков. У нас, говорят они, на хлопкороба приходится десять гектаров пашни, один человек производит по тридцать тонн сырца! Чаша весов после этого, естественно, стремительно идет вниз.

Отсюда отнюдь не следует, что в староорошаемых районах существуют застойные явления и жизнь медлит с выходом на новые рубежи. Именно эти районы рекордсмены по урожайности, именно здесь хлопковый конвейер функционирует с поразительной четкостью. Здесь тоже перестройка идет массовая, здесь тоже делают упор на лучшее, передовое. Но целинники имеют счастливую возможность решать все свои проблемы комплексно, в полной увязке с перспективой. И это дает им осязаемые преимущества.

В районах старого орошения идет настойчивая борьба с хуторами. Хуторское население сложилось исторически, особенно велико число хуторов в Ферганской долине. Но история вынесла хуторам свой приговор. Они давно перестали отвечать требованиям дня. Действительно, хутор, в котором живет десять, двадцать, сорок человек, не обеспечишь близкой школой, магазином, детским садом. А без всего этого какая жизнь? И вот на просторах республики идет ломка хуторов.

Из сорока тысяч сельских населенных пунктов должно остаться четыре тысячи, - это поселки, получившие название перспективных. Они будут развиваться комплексно, то есть достаточно быстро достигнут той степени благоустройства и архитектурной выразительности, которые свойственны сегодня лишь нашим экспериментальным поселкам, точнее, агрогородам. О масштабах этой работы свидетельствуют цифры: в девятой пятилетке каждый перспективный поселок получил генеральный план планировки и застройки, возведено 20 миллионов квадратных метров жилья, начали действовать крупные животноводческие и птицеводческие комплексы, прудовые хозяйства, теплицы. Происходит выравнивание уровня жизни города и деревни.

Архитекторы среди множества факторов теперь учитывают и такой, что жилой дом, скажем, в Хорезме традиционно не похож на жилой дом в Сурхандарье, а жилье в Ферганской долине имеет свои исторические особенности. Соответственно, в Узбекистане и проектирование ведется для одной из трех зон, а это уже совсем близко к жизни.

Мы богатеем, и это отражается на наших домах. Вчера мы, скрепив сердце, соглашались с тем, чтобы высота комнаты была 2,2 метра – сегодня подняли потолок до 2,7 метра. Вчера довольствовались тесной кухней – сегодня она расширена до 12 квадратных метров. Перестала быть привилегией города встроенная мебель. Как, впрочем, газ, центральное отопление, канализация. Архитекторы усиленно прививают вкус к квартирам в двух уровнях – прежде их не было, сравнивать не с чем, значит, нужна пропаганда нового. Просторнее стали спальные комнаты, уменьшился уклон лестницы (по ней ребенок, зазевавшись, теперь не скатится вниз). Если вчера при отделке фасадов кирпичных домов мы ограничивались расшивкой швов, то теперь делаем наружную штукатурку. На очереди отделка фасадов керамической плиткой, решетками (панджарами) из ганча. Это лишний раз подтверждает: мы становимся богаче.

Да, нынешний расцвет строительства на селе – залог того, что наше сельское хозяйство будет развиваться успешно, и завтра нашим земледельцам будут по плечу рубежи, еще вчера казавшиеся недоступными. Ибо все по плечу человеку, крепко стоящему на родной земле.

Но, радуясь растущему нашему богатству, радуясь обилию машин на наших полях и стройках, мы не забываем и о том, что Большой Ферганский канал построен нами вручную, кетменями.

Именно таким было начало.

СКАЛЬПЕЛЬ, ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Свежее утро. Впереди поливомоечной машины всплеск радуги. Лист чинары с шорохом упал на асфальт – хрупкий, красный. Карагачи и ясени желты и оранжевы, а тополя пока по-летнему зелены, и совсем зелены их макушки. Идет на работу женщина, и вместе с нею идет и едет на работу половина Ташкента. Хорошее, прохладное утро. Осень высветлила дали, и, выйдя с Жуковской на Пушкинскую, женщина увидела в конце ее синие горы. Улыбнулась.

Идет на работу женщина. Не высока ростом, да и не молода, и внешность у нее не броская. Не оглядываются на нее на улице, и в трамвае не глядя говорят: «Гражданка, разрешите пройти!» Идет человек, думает свою думу, старается идти быстро, потому что ходить быстро полезно для здоровья. Неприметный человек. А на работе она корифей. В белом халате и в окружении ассистентов строга, сильна, почти всемогуща доктор медицинских наук Ханифа Нурулловна Муратова. И шелестит по коридорам с ее приходом: «Ханифа Нурулловна назначила…»

Женщина ускорила шаг. Хочется скорее окунуться в привычную, всегда тревожную атмосферу клиники. Жизнь вокруг светла и здорова, но Муратова больше привыкла к другой жизни – больничной, к напряжению, которое никогда не выветривается из палат и операционных. Там, где разводит руками терапевт, еще не кончается борьба за здоровье, за жизнь пациента. Вот хирургу отступать некуда. Его бессилие – это и бессилие медицины.

Сегодня у Муратовой плановая операция. Резекция желудка. Больная подготовлена. У нее старая язва двенадцатиперстной кишки, наверное, пенитрация (рубец). Фармотерапия свое слово сказала, дело за скальпелем. Операции в пятнадцатой больнице Ташкента каждый день, по средам и пятницам – плановые. Внеплановых во много раз больше. Полуторамиллионный город, эта больница обслуживает пятую его часть. «Скорая» везет и везет больных, и многим из них необходима неотложная помощь.

Часто промедление смерти подобно. Время не ждет. Но, прежде всего, точный диагноз. Без него не положишь больного на операционный стол. Примерно зная, с чем столкнется, хирург должен быть готов к любой неожиданности. Хирурги этой больницы к неожиданностям готовы. Это опытные врачи, врачи по призванию. Они не спешат отступить там, где кончаются точные данные науки и начинается неведомое, где практика дает пока отрицательные результаты. Без риска, без стремления проникнуть за барьер известного нет настоящего хирурга. Многие хирурги больницы чем-то уже обогатили медицинскую науку, и, несомненно, обогатят еще. Сознавать это Муратовой приятно, и приятно с такими людьми работать. Но важно и другое. Каждый из этих людей отдает любимому делу свою душу. Раз есть это, будут и открытия.

Сначала – к больному в противошоковой палате. Это некто Станислав Кондратьев. Очень тяжел, за его жизнь пока нельзя поручиться. Муратова оперировала сама и сделала все. Но время упущено, организм очень ослаблен. Выживет ли? А если выживет, возьмется ли за ум? Парню 22 года, нон еще не жил, не сделал ничего полезного. И вот очутился на пороге смерти. Или – или. Для него мобилизовали все средства, но чаша весов пока в равновесии. Виновата водка, Кондратьев хронический алкоголик. Перебрал, подрался. Ударом ноги ему порвали кишки. Но разрыв кишок подкожный, он ничего не понял, приполз домой, еще принял на грудь. «Скорую» вызвал только через 19 часов. Муратова сама вскрывала живот, осушала брюшную полость, сшивала кишки. Влила много свежей крови. Остается ждать и надеяться.

Вот и больница. Тесновато, но тихо. Лет двадцать назад здесь была городская окраина. Деревья разрослись и заслонили больничный комплекс от уличной разноголосицы. В противошоковую! Улучшения у этого Кондратьева нет, к глубокому сожалению. Двадцать два года, а рядом уже неотступно витает смерть. Муратова ловит себя на мысли, что очень мало знает об этом парне. Кто он, как у него сложилась жизнь, вернее, почему не сложилась. Почему он в свои молодые годы законченный алкоголик. Кондратьев очень тяжел, но поставить его на ноги – полдела. Отучить бы его от водки, втолковать, что только трезвому человеку жизнь открывает все свои красоты.

Обход палат. Здесь все как надо, больные ухожены старательно. Что нового в приемной? «Скорая» привезла пожилую женщину с «острым животом». Чем вызвана непроходимость – спайками, опухолью? Надо срочно оперировать. Сегодня дежурит хирург Миралим Кадыров. Он добросовестен и опытен – справится, если только у больной не злокачественная опухоль в стадии распада.

Теперь – к своей больной. Это Людмила Петровна Егорова, учительница с двадцатилетним стажем. Язва двенадцатиперстной кишки у нее болезнь, можно сказать, профессиональная. Работа увлекает, режим летит, боли в желудке – пройдут, какие наши годы! Да и нет времени болеть по серьезному. Запустила, себе же хуже сделала. И врачам хуже – хлопот больше. Профилактика – вещь, достойная всяческого уважения. С каждым годом все больше веры в ее созидательную силу. Свой организм надо эксплуатировать правильно, согласно рекомендациям науки. А что получается на деле? Мы защищаем организм от

физических нагрузок, но беспощадно угнетаем алкоголем, табаком. Надо предупреждать болезни всеми доступными нам мерами и способами. И совершенствовать в первую очередь меры предупреждения.

Егорова уже в операционной. Затуманенные, невидящие глаза. Ей дали снотворное и обезболивающее, и сейчас у нее даже в минуты просветления все плывет перед глазами. Но сердце в норме, и это хорошо. Сначала с ней работает врач-анестезиолог Ольга Федоровна Соколова. Она ведет процесс обезболивания, следит за пульсом, дыханием. Под началом у нее две сестры, - одна «сидит на вене» (внутривенное капельное вливание), вторая заполняет наркозную карту, следит за пульсом и давлением. Она обязана сигнализировать об отклонениях от нормы. Егорова уже получила кровь, глюкозу, наркотические вещества. Ее сон глубок и спокоен.

Можно начинать. Муратова мысленно окидывает взором всю операцию, – как она должна протекать. Это секунда. И решительно делает разрез. Свет бестеневой лампы, белые маски помощников и сестер. Перед ней, по ту сторону стола, кандидат медицинских наук Дамир Шакиров. Помощник. Фигура атлета, а руки чувствительные, как у ювелира. Восемь лет совместной работы, сотни операций. В 1964 году – Муратова только начала работать в Ташкенте – Шакиров приехал из Андижана и попросился к ней в аспирантуру. «Подать заявление никому не возбраняется!» – сказала тогда она. Не очень это было любезно, но она его не знала. Он подал заявление и прошел по конкурсу. Сейчас это вполне сформировавшийся хирург, надежный помощник и способный экспериментатор.

Второй помощник – палатный врач Матякубов. Молодой, из Хорезма. Учительница из его палаты, он вел все обследование, за ним и послеоперационный уход. Пусть увидит, что сделано его больной. Он будет помогать: держать крючки, вытирать кровь, завязывать узлы. Это хорошая практика, а дальше – больше. Операция труд коллективный, и в ней нет деления на работу чистую и черновую. Нет и быть не может. Ибо любая небрежность, любой недосмотр непременно отразятся на больном.

Третий помощник – слушатель из Сибири Николай Михайлович Федин (Муратова заведует кафедрой хирургии в институте усовершенствования врачей). Федин опытный хирург, в его больнице 75 коек. Его задача смотреть и сравнивать. Он-то приехал сюда повышать квалификацию. Но что-то полезное и ценное можно перенять и у него, и после операции Муратова подробно запишет все его замечания.

За предметным столиком две операционные сестры. Инструмент будет применен самый обыкновенный. Не новинка уже и ушиватель культи легкого – с его помощью два ряда танталовых скрепок прошьют культю двенадцатиперстной кишки. Сейчас много ушивающих аппаратов. А десять лет назад они были уникальные, и получить их было ой как трудно.

Еще разрез. Рану осушают тампонами. Вскрыта брюшная полость. Правильно ли поставлен диагноз, подтвердится ли он? Диагностирование – коллективный труд, как и операция. Диагностика не менее тяжела и ответственна. Вместе с Муратовой волнуется – и она чувствует это по участившемуся дыханию за спиной – рентгенолог Джура Пулатов. Как бы он ни был занят, а непременно придет на операцию, чтобы убедиться в своей правоте. Хотя уже давно не ошибается в опознании язвенной болезни. Да, все начинается с диагноза. Уже применяются новейшие биохимические методы, а их обработка поручается ЭВМ. И завтра ЭВМ-диагностика станет принадлежностью каждой клиники. Пока же диагноз ставит человек, а людям, будь они хоть семи пядей во лбу, свойственно ошибаться. Самоуверенность для врача едва ли не страшнейшее из всех зол. Вот почему Пулатов приходит на каждую операцию.

Да, язва как раз там, где ее рассчитывал увидеть Пулатов. Прав, опять прав Джура. И это хорошо, что он опять прав. Чем язва осложнена? Спайки, увеличение печени. С этим Муратова сталкивается десятки раз. Язва глубока, ее дном стал соседний орган – поджелудочная железа. Пенитрация (прободение) язвы привела к тому, что поджелудочный сок попадал на железу, вызывая острейшие боли. Придется удалить вместе с язвой две трети желудка. Второй час идет операция. Предельное внимание, работа с полной отдачей. Автоматизм движений, приказы вполголоса. Самые громкие звуки – звяканье инструмента о хромированный поднос. Операция сложна, но отработана в мельчайших деталях. Для случайностей почти не остается места. Все нормально. На культю двенадцатиперстной кишки ложатся танталовые скрепки. Заключительный этап: рана осушена, брюшная полость ушита. Все, Егорову увозят.

Ханифа Нурулловна незаметно вытирает пот. Приятно сознание исполненного долга. Кто-то пододвигает стул, она с облегчением садится. Всего час дня, а кажется, что за плечами изнурительный рабочий день. За окном – поздняя осень и яркое солнце…

Минуты раскованности длятся недолго. Сестра зовет Муратову в соседнюю операционную. Значит, у Миралима Кадырова не все гладко. Желтые кроны отодвигаются за окно, Муратова торопится. Больная на столе, в глубоком наркозе. Да, неприятность из самых больших. Саркома. Безудержный, как взрыв, рост клеток, вышедших из-под контроля организма. Бороться с этим еще не научились. Удалять опухоль поздно, слишком обширен очаг поражения. Видны метастазы вокруг аорты. Как поздно больная обратилась за помощью! А ведь не могла не чувствовать нездоровья. Надеялась на самоизлечение. Опаснейшее заблуждение. Защитные средства организма чрезвычайно велики, но помощи врача она заменить не могут. Опухоль уже взяла свое. Что больше всего угнетает в таких случаях – бессилие. Говорят, что хирург

умирает с каждым своим пациентом, и это сущая правда. Составление с безысходностью составляет горчайший осадок. Это сильнейшая нагрузка на нервную систему, можно сказать, потрясение. Беда всех больниц с отделениями неотложной помощи – необходимость работать на «скорую». Как в данном случае. Но в этом и известное преимущество. Круглосуточные дежурства, постоянная готовность к неожиданностям. Молодежь часто сталкивается с труднейшими ситуациями и быстро оперяется, мужает. Три, пять лет такой практики, и хирург вполне готов к самостоятельной работе.

Можно вернуться к Егоровой, здесь Муратова не нужна. Егорова перевезена в палату усиленной терапии, действие наркоза скоро прекратится. Здесь самый тщательный уход, строжайшее выполнение всех предписаний врача. Проснется уже другой человек, в полном смысле этого слова.

В коридоре Муратову повстречал Юрий Кравченко, водитель автобуса. Широчайшая улыбка, и здоровается издалека. А на шее еще повязка. Исцеление полное, и вопросов можно не задавать. А операция была тонкая.

- Ханифа Нурулловна, на осколочек можно глянуть?

Тридцать лет ему не давал покоя осколок в шее. Давил на нерв, на крупные сосуды. Из-за жгучей боли человек терял работоспособность. Но желающих оперировать на шее мало, шея – это скопление нервов, артерий и вен. Тесно. И хирурги отнекивались: «Терпи, брат!» Но если осколок отравляет жизнь?

Осколок лежит в коробочке в кабинете. Темный кусочек чугуна с рваными краями. Муратова взвешивает осколок на ладони, чувствует пальцами холодные зазубрины металла. Эхо войны.

- Берите на память, он ваш.
- Доктор, говорят, вы тоже воевали?
- Да, я тогда была совсем зеленая.

Война вспоминалась, как тяжелейшее из испытаний. Волна патриотизма, единственное желание – сделать все, что в твоих силах, для фронта, для победы. Лето 1941 года, ставшее военным. Муратова родилась близ Самарканда, но первое военное лето встретила в Москве, – она была студенткой второго курса медицинского института. Только что сданы экзамены, радужные надежды на лето, и тут – вероломное нападение. Июль, август, сентябрь, октябрь. Сводки все тревожнее, немцы все ближе. Институт эвакуируют из Москвы в Омск, и Муратовой нужно в Омск, продолжать учебу. Но, ведь, война. Не раздумывала, не взвешивала – осталась в осажденной столице. Хлопотала, чтобы взяли на фронт. А в военкомате посмотрят на нее сверху вниз и скажут, как отрежут: «Зачем вы фронту? Вы никто, даже медицинской сестрой не можете работать. Фронту нужны обученные люди!»

Ничего, она умела настоять на своем. Нельзя на фронт – можно в госпиталь. Устроилась младшей медицинской сестрой. Госпиталь был далеко от дома, дорога поглощала уйму времени. Трамваи редки, а воздушные тревоги часты. Муратова ночевала в госпитале и была счастлива. Счастлива приносимой пользой. Училась на первый взгляд простым, но требующим большой собранности, аккуратности и гуманности обязанностям сестры. От сестры, оказывается, зависит очень многое. Самую блестящую операцию можно загубить недобросовестным уходом. Медицинской сестрой – сестрой милосердия – Муратова была образцовой. Ровна, выдержана, терпелива. Педантична. Приветлива. Но по-прежнему хотелось на фронт, туда, где самое трудное.

В декабре немцы откатились от столицы, и в январе медицинский институт Муратовой вернулся из Эвакуации. Окончивших институт обещали направлять на фронт без промедления. Это и было нужно Муратовой. Институт собрал студентов, оставшихся в Москве. Возобновилась учеба; программа была уплотнена до предела. Все внимание – военно-полевой хирургии. Это была гонка, немыслимая в мирное время. Семестр – три месяца, в каждой сессии двенадцать экзаменов. Третий, четвертый, пятый курсы – и ни единого дня каникул. Три курса за полтора года. Скромный выпускной вечер. Вокзал. К началу сражения на Курской дуге Муратова уже военврач.

Станция Фарфоровая под Белгородом. Одни трубы торчат. Мирных жителей почти не осталось. Зимой и весной здесь прошли горячие бои. Молодой военврач догоняет свою часть – эвакуационный госпиталь. В его обязанности входит прием раненых из медсанбатов и их отправка во фронтовые госпитали. Платочный городок на 450 коек, 12 врачей. Первые бомбежки, первые убитые и раненые, которые падают на землю на твоих глазах. Война вблизи совсем не такая, какой представляешь ее по газетам и книгам вдали от мест боев. В дом, в котором жили девушки, днем угодила бомба. Потом они долго откапывали свои чемоданы.

Было страшно?

А как же? Страх – естественная реакция организма на опасность. Но только через него можно переступить. И, знаете, не нужно было себя особенно заставлять. Я брала пример со старших. Боялась, но виду не показывала. А когда навалилась работа, когда на сон оставалось три-четыре часа, тут уж было не до страха.

Случай на реке Рожна, в Белоруссии. Большое наступление, раненые поступают непрерывно. Муратова принимала их с семи утра до шести вечера. Приняла 150 человек и чувствует, что валится с ног.

А осталось еще двадцать, самых легких. Обратилась к сменщице: «Прими, я пойду перекушу». Ужинает в землянке, и тут близкий взрыв. Снаряд угодил прямо в приемную палатку.

В дни крупных наступательных операций работали круглосуточно. Засыпали в операционной, стоя. Не покидали операционной по трое суток. Но все выдерживали: надо. Видела Муратова работу опытных хирургов, которые брали от скальпеля все. Вытаскивали людей с того света. Думала: неужели и я смогу работать вот так чисто? Жадно впитывала все то, чего не мог дать институт, что могла дать только практика. А учиться было у кого. Эталоном хирурга до сих пор остается у нее главный хирург эвакуационного госпиталя Василий Васильевич Васильев. Было тогда ему около шестидесяти, но возраст, казалось, не имел над ним силы. Рука оставалась твердой, ум – острым, настроение – оптимистичным. Бывший корабельный врач, он был не только опытнейшим хирургом, но и высокоэрудированным, высококультурным человеком. Знал французский, итальянский. В трудную минуту улыбнется, продекламирует четверостишие любимого поэта, и усталость отступает. Он умело воспитывал молодых. Учил собранности, хладнокровию, пытливости. Говорил, что у каждого уважающего себя врача должны быть планы и задачи ближнего и дальнего прицела, и текучка ни в коем случае не должна мешать их осуществлению. Тот, кто преодолевает текучку, преодолевает себя. Учил, что эмоциям место до и после операции, а когда в руке скальпель, ум хирурга должен быть обостренным и холодно расчетливым. Еще он учил не бояться. Болезнь коварна, но хирург сильнее. Он доказывал это десятки, сотни раз, и это запомнилось. Он хорошо рисовал, его дружеские шаржи были точны, карикатурны, но никто не обижался. Все его шаржи воспринимались, как похвала. Это был человек, с которого молодые врачи брали пример – в меру своих сил и способностей.

Десятого мая, едва отгремели залпы победного салюта, Муратова отбыла на Дальний Восток. Поезд Москва – Хабаровск шел до места назначения ровно месяц. Перед отъездом Ханифе Нурулловне вручили орден Красной звезды. Было торжественно и как-то необычно. «Не знаю, - сказала Муратова, - заслужила ли я эту высокую боевую награду, но то, что в годы войны я была там, где трудно, до сих пор приносит чувство удовлетворения».

Война с Японией завершилась быстро, санитарный поезд, в котором служила Муратова, так и простоял в резерве. Затем было возвращение в европейскую часть страны. Западная Украина, Белоруссия, Польша. Поезд дислоцировался в районах, где орудовали бендеровцы, белополяки. Гибли люди – которые за советскую власть, и которые против советской власти. Контру, конечно, задавили.

И вот демобилизация. Когда Муратова надела гражданское платье, увидела, что, кроме военно-полевой хирургии, не знает ничего. Для медика это мало, тем более когда война позади. Надо было срочно доучиваться. В первом московском медицинском институте работал прославленный хирург Иван Гурьянович Руфанов. К нему в клиническую ординатуру и поступила Муратова. Руфанов был большая умница, один из признанных авторитетов хирургии. Написанные им учебники были настольными книгами хирургов. Он знал много иностранных языков. Увлекался антикварными вещами, собирал их. У него были экспонаты с удивительными родословными. Вообще, Муратовой везло на учителей. Что ни наставник, то кладезь идей глубоких, дерзких, над осуществлением которых хотелось работать, не покладая рук.

Промелькнули три года. Муратова почувствовала себя уверенно. Она уже кое-что могла и чувствовала молчаливое одобрение Руфанова. Иван Гурьянович предложил ей поступить к нему в аспирантуру. Тема кандидатской диссертации – «Лечение гнойных ран фитонцидами лука и чеснока». Тема тесно связана с народной медициной, которая уже тогда была слабостью Муратовой. Еще три года экспериментов, наблюдений, обобщений накопленного материала. Она и не подозревала, что эта область народной медицины так интересна. Неделями, месяцами пропадала в библиотеках. Изучила рецептуру русской, арабской, индийской народной медицины. Нашла много общего, много такого, что уже принято на вооружение медицинской наукой. Особенно заинтересовал ее чеснок. Он чрезвычайно полезен: и калориен, и богат витаминами. Его фитонциды бактериоцидны. В древнем Египте чеснок считали символом плодородия. Умершим женам фараонов при погребении обязательно клали в ладонь головку чеснока, чтобы они и в загробной жизни были многодетными. Чеснок обладает и неплохим тонизирующим действием. Афганцы всегда берут его с собой в горные походы, считая, что он снимает усталость, повышает работоспособность. Простой пример: кто из нас не обжигал руку, прикасаясь к горячему? Если ожог невелик, его достаточно помазать мелкомолотой кашицей чеснока – боль снимается почти мгновенно. Руфанов – он тоже питал слабость к народной медицине – назвал диссертацию Муратовой самой интересной из кандидатских работ, выполненных под его руководством.

Вместе с защитой диссертации пришла долгожданная самостоятельность. Муратовой предложили поехать в Монголию. Три интереснейших года промелькнули, как взмах руки. Новая страна с диковинными обычаями. Просторы плоскогорий, маловодье, местами безводье. Отары овец, табуны полудиких лошадей, редкие юрты аратов (скотоводов), современный Улан-Батор. Непередаваемые, по чистоте, краски: желтый, до рези в глазах, полуденный зной, розовые закаты, черное, как провал в никуда, ночное небо. Кочевая неприхотливая жизнь, как и века назад. И ростки нового: школы, дороги, рудники. На аэродроме группу

советских врачей встречал министр здравоохранения Монголии. Поселили в лучшей гостинице. Три дня прошли спокойно, и вдруг ночной звонок. Ночной звонок в доме врача – почти всегда сигнал бедствия. Так и есть. Старший врач советской колонии торопливо объясняет задание.

Необходимо срочно выехать в Южный Гоби. На буровой сорвался бур, ударил механика в живот. Вездеход за вами послан.

Выхожу. – Вездеход уже подан. Но проливной дождь. Степь всхолмленная, фары выхватывают совсем немного. Дороги, в нашем понимании, нет. Скользкая глиняная колея. Вездеход буксует, елозит, водитель нервничает. Муратова тоже напряжена. Помочь бы, да нечем. «Скорее! Скорее!» – твердит она про себя. Но вслух этого не говорит, водитель сам знает, что надо скорее. А до буровой 45о километров. Утром выяснилось, что заблудились. Безлюдье, спросить не у кого. Вернулись – и снова вперед. Добирались до буровой три дня, измучились. Раненый, естественно, в тяжелейшем состоянии. Разрыв кишечника. Только Муратова начала оперировать, остановился движок, погасла тусклая лампочка. Команда водителю: «Подгоните к окнам машину, включите фары!»

Так и оперировала Ханифа Нуралловна. Три часа не выпускала скальпеля из рук. Ничего, выходили нашего специалиста. Кстати, автомобильные фары в сходной ситуации выручали Муратову не раз.

Все три монгольских года – это работа от зари до зари. Муратова оперировала в республиканской больнице, готовила из врачей общего профиля кадры национальных хирургов. Преподавала в университете имени Чойболсана. Свое назначение видела не только в оказании медицинской помощи. Для монголов она была советским человеком, а образ жизни советских людей им импонировал. Пусть их гостеприимство традиционно. Но сердечность традиционной не бывает, ее надо заслужить, завоевать добром, энтузиазмом. Когда Муратова уезжала, ее провожали сотни монголов. В выражении чувств они были безыскусны и искренни. Прощай, Монголия! На лацкане костюма Муратова увозила орден «Полярная звезда».

Возвращение в Москву привело к короткому распутью. Рассуждала Муратова просто. Брюшную хирургию она знала неплохо, пора было совершенствоваться в грудной. И она пошла в институт грудной хирургии к Александру Николаевичу Бакулеву, президенту академии медицинских наук СССР.

Хочу работать у вас.

Пишите заявление.

Не ожидала, что все образуется так быстро. Научным руководителем Муратовой Бакулев был десять лет. Он предложил и тему докторской: «Хроническая коронарная недостаточность и ее лечение хирургическим путем». Он сам страдал стенокардией и уделял этой проблеме много внимания. По этой теме у Муратовой с Бакулевым 27 совместных работ. Докторская уместилась в девять лет. После защиты Муратову пригласили в Ташкент заведовать кафедрой хирургии в институте усовершенствования врачей.

И вот кафедре отдано почти десять лет. Ежегодно на кафедре повышают квалификацию 50 – 60 хирургов из Средней Азии, Сибири. Институт популярен, едут сюда охотно. Были за эти годы и сложнейшие операции на легких, сердце. Запомнился мальчик из Намангана Насриддин Сайфутдинов с врожденным пороком аорты. Аорта у него была сужена до такой степени, что почти не пропускала крови. Организм получал кровь обходным путем, но мало, прогноз был крайне неблагоприятен. Помочь Насриддину могла только операция. Муратова и ее коллеги долго готовились. Хирургическое вмешательство прошло успешно. Суженный участок аорты длиной около двух сантиметров сейчас хранится у Муратовой во флаконе с формалином. Его она удалила, аорту срастила. Осложнений не было. Сейчас Сайфутдинов здоров, кончил школу, его вера во всесилие медицины безгранична. Мечтает поступить в медицинский институт. Муратова с ним переписывается. Она рада его настойчивости в достижении цели.

Операция – одна сторона практики. Ее вторая сторона -= экспериментирование. Медицина завтрашнего дня рождается в кропотливом поиске ученых. Не только кафедра Муратовой – десятки, тысячи клиник, институтов, лабораторий настойчиво и целеустремленно ищут новые методы лечения, новые лекарства, совершенствуют диагностирование. Процесс этот непрерывный, и то, что в него вовлечены сотни тысяч людей – лучший залог успеха.

Совместная работа с Руфановым определила круг самостоятельных поисков Муратовой. Руфанов много времени и сил отдал проблеме регенерации тканей, ускорению их восстановления после операции. Этому, в частности, способствуют специальные вещества адаптогены, многие из них известны людям тысячелетия и входят в рецептуру народной медицины. Первым Ханифа Нурулловна исследовала мумиё. Очень помог ей аспирант Дамир Шакиров – это была тема его диссертации. Когда остановили выбор на мумиё, Муратова поняла, что придется нелегко. Слишком много неизвестного, знахари приписывали мумиё универсальность. Разрешения на клинические испытания еще не было, исследования предстояло начать на животных. Мумиё в народной медицине стран Востока используется довольно широко. Это черная, иногда черно-коричневая вязкая органическая смола с характерным дегтярным запахом. Она, по опыту народной медицины, способствует быстрому заживлению ран. Шакиров оказался отличным помощником. Загорелся. Исследовательская жилка, прорезавшаяся в нем, очень помогла делу. Размах

исследований, обилие неизвестных его только радовали. В работу окунулся с головой. И Муратовой приятно было увидеть в помощнике врача по призванию, неутомимого подвижника. В многом Шакиров походил на нее, и это тоже было приятно. Причастность к большому делу вдохновляла его, позволила раскрыть недюжинные способности.

Несколько месяцев заняли опыты на животных. Данные накапливались, систематизировались. Опыты на животных должны были показать, не обладает ли мумиё каким-либо побочным действием, например, канцерогенностью – способностью образовывать опухоли. Были тщательно исследованы все органы подопытных животных, особенно железы внутренней секреции. Противопоказаний экспериментаторы не нашли, мумиё обладало резко выраженным бактериоцидным действием, ускоряло очищение и заживление ран. С этими результатами уже можно было ставить вопрос о клинических испытаниях препарата. И такое разрешение кафедре дали. В первую очередь надо было запастись достаточным количеством препарата. Мумиё еще называют горным воском. Его месторождения в горах Тянь-Шаня и Памира всегда невелики по запасам и слабо изучены, происхождение неясно. Добыча ведется кустарным способом, поиск мумиё – хобби многих геологов. У них хирурги и приобрели достаточное количество мумиё. Очистили от посторонних включений, приготовили препарат. Надо сказать, что мумиё различных месторождений очень неоднородно по составу, а, значит, и по свойствам. Причем, различие столь велико, что мумиё бостанлыкских и таджикских месторождений пришлось испытывать отдельно.

Клинические исследования также не выявили побочных действий препарата. Мумиё хорошо растворяется в воде и спирте, его бактериоцидные свойства сохраняются и при кипячении. Опытным путем экспериментаторы нашли лучшую концентрацию препарата – 0,5 – 2,5-процентные растворы. Ускорение заживления ран было довольно значительным, особенно в начальный, самый трудный период. Вывод: мумиё можно применять при лечении ран, положительный эффект наступает быстро. И сегодня мумиё не редкость в хирургических отделениях больниц. Единственное, что мешает его широкому прмиенению – недостаточные масштабы производства. Химический состав мумиё чрезвычайно сложен, синтезировать его пока не удалось. А естественные месторождения малопродуктивны.

Это обстоятельство и толкнуло Муратову на поиск других, более доступных адаптогенов. Чудесными адаптогенными свойствами обладает, по свидетельству народной медицины, маточкино молочко (апилак). Пример из биологии: рабочая пчела, если ее вскормить маточкиным молочком, становится маткой. Апилак не так бактериоциден, как мумиё, но его адаптогенные свойства ничуть не ниже. Фармакологи быстро наладили выпуск апилака, и сегодня препарат не является дифицитным.

На очереди исследование другого интереснейшего вещества, ускоряющего рост высших растений – гиберелина. Его еще называют ростовым веществом. Для этих опытов Муратова выбрала в помощники ассистента Миралима Кадырова. В нем тоже что-то от подвижника. Готовность идти в незнаемое. Он добросовестен и скромен, а в исследованиях кропотлив. Далеко не новичок, в расцвете творческих сил. Кандидатскую защитил в Ленинграде, и защитил блестяще, оставив о себе добрую память. Им, в частности, разработана методика экспериментального остеомиелита (воспаления кости). Это сложная, трудно поддающаяся лечению болезнь, и изучение ее на животных очень помогло хирургам.

На растениях гиберелин проверен и позволил получить растения-гиганты. Собственно, это, образно говоря, гормон роста. Растительный. Но в природе не существует биологической пропасти между миром растительным и животным. И если гиберелин ускоряет рост растений, вполне естественно предположить, что он ускорит регенерацию животных тканей. Это и будет проверено экспериментально.

Как и мумиё, гиберелин будет изучен сначала на животных. В виварiях. Впервые ростовое вещество было выделено из грибков, поражающих корни риса. Рисоводы с изумлением наблюдали, что некоторые стебли риса, пораженные этим грибком, вдруг намного обгоняют в росте соседние. Из корней больных растений риса и был выделен экстракт. Его действие на высшие растения всегда одинаково. Препарат – эффективнейший фермент, катализатор роста. Его-то и нужно совсем немного, миллиграммы. Миллиграммы, а какое прекрасное стимулирующее действие!

Мы будем исследовать наружное применение препарата, внутреннее и внутривенное, - говорит Муратова. – Посмотрим, будут ли противопоказания. Назначим дозировку. Считаю, что его действие при любом способе применения будет распространяться на весь организм. Гиберелин – не изолированное явление. Он присутствует, правда, в ничтожных количествах, в листьях всех без исключения растений. И у животных есть свои индикаторы роста, родственные, а может быть и вполне идентичные этому веществу. Попытаемся их выделить.

Гормон роста в чистом виде. Его воздействие на раны, скорее всего, будет более сильным и концентрированным, нежели действие мумиё, апилака. И заживление ран удастся ускорить настолько, насколько это вообще возможно. Мечта? Мечта, но высокая, но вдохновляющая, способная, воплотившись в дело, оставить глубокий след в медицинской науке. След – это хорошо, считает Муратова, но главное – практическая помощь больным. Чтобы исцеление наступало быстрее. Чтобы то, что не поддавалось

лечению вчера, сегодня можно было вылечить. То есть, идти дальше, добиваться большего. Не в этом ли смысл жизни врача, а более широко – каждого человека?

У каждого из научных сотрудников кафедры свое поле исследований. Шавкат Касымов разрабатывает методику точного диагностирования различных форм аппендицита. Кажется, аппендицит – чего тут неясного? Есть показания – оперируй, и дело с концом. Но и сегодня тридцать процентов операций по поводу аппендицита не вызваны острой необходимостью. Хирург вскрывает брюшную полость и видит, что аппендикс катарально изменен. Но такая форма воспаления может получить и обратное развитие, при правильном медикаментозном лечении. А все показания за немедленную операцию. Значит, диагностика требует улучшения. Биохимические и цитохимические исследования позволят исключить ошибки такого рода. Вообще, диагностика все чаще обращается к биохимическим исследованиям. Как, к примеру, отличить рак желудка от язвенной облезни? Точный ответ на этот вопрос дает исследование изоферментов крови. Сейчас новая методика – в стадии отработки. Отрабатывается и новая методика диагностики холецистита (воспаления желчного пузыря). Болезнь эта участилась в последнее время, причем женщины заболевают ею в двадцать раз чаще мужчин. При холецистите желчные протоки закупориваются камнями. А обнаружить камни можно с помощью ультразвука.

У Муратовой много времени отнимает подготовка монографии по народной медицине. Она хочет дать научную оценку рецептам, которые рекомендует. Народная медицина – ее слабость. Она глубоко убеждена, что многие ее средства, к которым научная медицина еще не определила своего отношения, в будущем войдут в ее арсенал, будут применяться наравне с новейшими препаратами. Народная медицина – огромный резерв медицины научной, и использовать его нужно в полной мере.

Будущее медицины – сложный вопрос, ведь медицина громадна. Об этом хорошо думается наедине с собой. «Многое из того, что мы делаем сейчас, мы делаем и для будущего хирургии, - говорит Муратова. – И мы здесь не исключение. Прогнозов на двухтысячный год давать не берусь. Жизнь сегодня настолько богата свершениями, что легко может быть опережен самый оптимистический прогноз. Лично я хочу, чтобы люди не боялись скальпеля. Чтобы слова «хирургическое вмешательство» никого не повергало в трепет. К хирургическому лечению надо относиться так же спокойно, как и к любому другому. Не откладывать операцию до тех пор, пока уже становится невмоготу».

Сейчас модной стала пересадка органов. Ваше мнение?

Вот именно, модной. А мода изменчива. Это большая проблема, она волнует воображение. Прошла волна операций по пересадке сердца. Лучший из итогов – это два года жизни. Рано или поздно вступает в силу тканевая несовместимость, и происходит отторжение чужого органа или смерть от инфекции. Ведь, чтобы подавить естественную для организма реакцию отторжения, - а на этом построена иммунологическая защита организма, которая вырабатывалась в течение всей биологической эволюции человека, - необходимо нейтрализовать защитные силы. А это отрывает дорогу инфекции. Хирургия достигла сейчас такого уровня, что можно пересадить любой орган. Но приживаться ему будет очень трудно. Я считаю, что будущее не за пересадкой органов, а за искусственными органами. Уже есть неплохие модели искусственного сердца. Сердцу из пластика – мотору, не грозит отторжение. Источник питания – давайте чуточку пофантазируем – ядерный генератор или сверх емкий аккумулятор. Такое сердце, с меняющимся в 10 – 15 раз диапазоном нагрузок, может служить как угодно долго. В принципе. На практике, на теленке такое сердце проработало несколько дней. Но будет новое сердце искусственным или естественным, вставлять его придется хирургу.

Наверное, медицинская помощь станет еще доступнее каждому из нас?

Лет через десять, я думаю, в нашей стране привычными станут семейные врачи. Под постоянным наблюдением врача – вся семья, он часто делает осмотры, знает в деталях образ жизни семьи, привычки каждого из ее членов и, конечно, болезни. Резко повысится действенность всех профилактических мероприятий. Мы будем защищать себя не от повышенных физических нагрузок, а от алкоголя, табака, токсичных отходов промышленности. Добрым другом каждого станет физическая культура. Но главным, повторяю, в нашей работе была и будет профилактика. Предупредить заболевание – это, поверьте мне, легче и эффективнее самых новейших методов лечения. Но если пациенту все же показано хирургическое вмешательство, не надо бояться скальпеля.

Идет по тротуару женщина. Идет быстро, такая ходьба приносит бодрость. В голове женщины рождаются замыслы, подчас дерзкие. Она им рада. У нее много энергии, чтобы претворить замыслы в живое, нужное людям дело. И много замыслов, сил и энергии у ее коллег. Славные это люди, каждый – яркая индивидуальность. А вместе они коллектив, вместе сумеют больше, чем каждый в отдельности. Вместе они стараются для людей, и сознавать это приятно. А вокруг разлита осень – возвышенные краски, высветленные дали…

О ТОМ, ЧТО СЕРДЦУ ДОРОГО

Очерк написан от имени кинорежиссера, народного артиста СССР Малика Каюмова

В двадцатые годы был Ташкент одноэтажный, не мощеный, зеленый и небольшой, и мне казалось, что в лицо я знаю половину ташкентцев. И все в Ташкенте было близко – в лучшем случае, несколько остановок на трамвае. Родился я в махалля Кунджак, а детство мое прошло на рабочей окраине города, близ Тезикова базара, где находился наш дом.

Я вырастал под теплыми лучами родительской любви, но очень много с ранних лет значило для меня и расположение товарищей. Годы эти были трудные. А для нашей семьи, рано потерявшей отца, - нас, детей, было в семье четырнадцать, выросло пятеро, - для нашей семьи время это было тяжелым во всех отношениях. Нужда сопровождала нас до конца двадцатых годов, когда прочно встали на ноги старшие братья. Но, несмотря на нужду, впечатления детства неизгладимы.

Я вырастал среди людей хороших и добрых, приветствовавших великую революцию. Эти люди были первыми моими учителями. А самым хорошим и добрым человеком была моя мама. Верующая, к тому же обремененная большой семье, она в отличие от сверстниц была грамотна, держалась передовых взглядов, свято верила в то, что советская власть даст нам, детям трудящихся, счастье, и как-то очень умело, очень убедительно вселяла эту веру в нас, детей. Ни разруха, ни голод, ни злобный шепот из байских подворотен не помешали ей увидеть будущее, и эта счастливая черта – умение видеть будущее и жить для него – самая светлая в характере матери.

Она старалась, чтобы мы учились. И ее материнского тепла с избытком хватало на то, чтобы каждый из нас, ее сыновей, вырос человеком честным, любящим свою страну и свой народ. Кроме материнской любви, в ее отношении к нам было много товарищеского, дружеского. Она умела преодолеть разницу в возрасте и встать на одну ногу с нами. Когда мы стали самостоятельными, наши дела стали частью ее жизни, ибо мы ничего от нее не скрывали. И я, и моли братья считали своим долгом посоветоваться с матерью перед каждым серьезным шагом. Это было заложено в нас с детства умелым воспитанием.

Первая моя школа была за Шейхантауром, в старой части города. Как и сегодня, величественно и неторопливо нес свои желтые воды канал Бозсу, а в арыках ил быстро оседал, и вода делалась чистой и звонкой. В сложный клубок сплетались узкие улочки и переулки. В переулках стены дувалов и глинобитных кибиток почти смыкались. В зеленые дворы вели резные калитки с почерневшими медными ручками. Здесь всячески подчеркивалось уважение к старшим, подросток не мог обогнать аксакала, как бы медленно ни шел согбенный старик, и женщинам не давали нести тяжелое.

Вначале учился я в медресе. Учитель (домулла) учил нас грамоте, а больше Корану. Был он строг и за малейшую провинность угощал ученика кнутом. Доставалось и мне. Однажды я вспылил, вырвал у домуллы кнут и прошелся им по его жирной спине. На этом учение в медресе для меня кончилось. Но горевал я недолго. Как раз в это время открылась первая в Ташкенте школа, где учили на узбекском языке. Я и поныне благодарен своему первому учителю Тахири. Сколько воспитал он людей, достойных своей страны, своего времени. Он учил не только грамоте, арифметике, истории, родной литературе. Он учил любви к своей страны, учил и человеколюбию. Надо сказать, что семена он сеял в подготовленную почву, и они давали добрые всходы.

В те годы на Шейхантауре помещалась и киностудия (теперь этого здания нет). Я был девятиклассник (тогда девятый класс был выпускной), когда снимался фильм «Американка из Багдада». Нужны были люди для массовых сцен, я пошел с превеликой охотой, увлекся, и увлекся на всю жизнь. После нескольких проб мне предложили одну из ведущих ролей, – как было не увлечься! Перестал ходить в школу, пропадал на киностудии до темна. Тяжелее всего было сказать об этом маме. Умная женщина, тонко чувствовавшая иронию, юмор, она очень старалась для нас, детей, и было мучительно умалчивать о чем-то в разговоре с ней. Я привык быть с ней откровенным. Первым мою тайну открыл старший брат. Он проверил мои тетради, а в них отсутствовали свежие записи. Пришлось вновь идти в школу. Девятый класс я кончил не так хорошо, как мог. Но еще до получения аттестата свою судьбу связал с кино.

«Американка из Багдада» – картина режиссера Николая Кладо. Сейчас это известный кинокритик, с замечаниями его одинаково считаются и маститые режиссеры, и новички, делающие в кино первые шаги. Название фильма было интригующим, а содержание – прозаически простым. Американка – это сорт

хлопчатника, очень нужный тогда нашему земледелию, резко повышающий урожайность плантаций. А Багдад – районный центр в Ферганской долине. Короче это был фильм о коллективизации.

Мой дебют в кино оказался успешным. Но, сыграв еще несколько ролей, я увидел, что актерская судьба не для меня. Вот оператор – это да! Меня все более влекла техническая сторона создания фильмов. Я ходил по пятам за оператором Фридрихом Веригодоровским, за фотографом и старшим ассистентом оператора Зельмой. Мы трое вскоре стали неразлучными друзьями. Днем – съемки, ночью – проявление пленок, утром – просмотр отснятого в кельях медресе на Шейхантауре. В этих кельях и зимой, и летом была одинаковая температура. Все делали сами, а для меня все – в диковинку, впервые. Естественно, из кино я уже не ушел, ведь я занимался самым интересным на свете делом. Привязанность и уважение к людям, которые привели меня в кино, я сохранил на всю жизнь. Пристально следил за их дальнейшей судьбой, радовался творческим достижениям друзей, как своим. Начало вырисовываться и мое амплуа – оператор, режиссер, иногда и сценарист.

Я уже сорок три года в кино, побывал с киноаппаратом в 79 странах Азии, Африки и Европы. Как актер, я снимался только в четырех фильмах. Как режиссер и оператор снял 206 короткометражных и 18 полнометражных документальных фильмов. Сколько сниму еще, не знаю. Знаю лишь, вижу это по себе, как с годами усиливается желание работать. Оно подогревается и темпом, и самим содержанием нашей жизни. Хочется работать много, хочется успеть как можно больше.

Помню, в довоенные годы Узбекистан жил ташкентским текстильным комбинатом, «Чирчикстроем», Большим Ферганским каналом. Одна-две крупные стройки занимали воображение в течение нескольких лет. Сегодня же таких строек не счесть. А сколько нового ежедневно рождается на колхозных полях, в заводских цехах, в лабораториях ученых! Как выросли люди! Можно часами говорить с человеком, удивляясь его эрудиции, его умению мыслить масштабно, государственными категориями, а потом случайно узнать, что ваш собеседник – рабочий. Богатая интеллектуальная жизнь перестала быть привилегией интеллигенции, и это одно из важнейших завоеваний нашей культурной революции. Запечатлеть приход нового, воспеть его – вот оно, огромное, нескончаемое и благородной поле деятельности кинодокументалиста!

Оглядываясь назад, я не вижу в жизни страны неинтересных лет. Позволю себе в связи с этим остановиться на своей рядовой, но очень дорогой мне работе – документальной ленте «Могучий поток» (в редакции 1967 года – «Канал»), посвященной строителям Большого Ферганского канала. Фильм этот я делал вместе с Леонидом Варламовым и Борисом Небылицким в 1939 году. Нам хорошо работалось вместе. Это была не первая моя документальная лента. Одна из предыдущих, о ташкентском текстильном комбинате, демонстрировалась на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1938 году. Шел десятый год моей работы в кино, я уже не считал себя новичком, но герои моих фильмов не переставали удивлять меня своей одержимостью. Большой же Ферганский канал стал событием особой важности в жизни узбекского народа.

Вообще, годы первых пятилеток были годами разительных перемен. Социалистические преобразования в экономике и общественной жизни были подобны лавине, вбирающей в себя все новые и новые пласты жизни. Земельно-водная реформа, эмансипация женщин –костры из ненавистных паранджи и чачвана, школы для детей и взрослых, борьба с малярией и риштой, коллективизация, пятилетки. Это был бурный, бешеный, вдохновляющий поток преобразований, и я был на самой его стремнине – с киноаппаратом.

Большой Ферганский канал – эта стройка, как ни одна другая, была проникнута пафосом созидания. Стать строителем канала рвался и стар, и млад. Я видел плачущего подростка, которого не взяли на стройку, – он был слишком юн. И видел плачущего старика – его сочли немощным. Аксакала я потом встретил на одном из участков. Он доказал-таки, что есть еще порох в его пороховнице.

Идея Большого Ферганского канала не была новой, ее выдвинул инженер-гидротехник Синявский еще в 1912 году. Со склонов Ферганского хребта стекают многочисленные реки и ручьи, и в пределах долины, не достигнув Сырдарьи, разбираются на орошение. Водность этих небольших рек всегда разная, воды или много, или мало. А если мало, чем возместить недобор? Вот и предложил инженер Синявский построить канал, который пересек бы всю Ферганскую долину и закольцевал, объединил в одну ирригационную систему все местные источники воды. Резолюция генерал-губернатора Туркестанского края была краткой: «Абсурд!» Но то, что было не по силам царскому режиму, оказалось очень нужно и вполне по плечу советской власти на 22 году ее существования.

И как замечательно была претворена в жизнь эта идея! Канал длиной 270 километров, один из крупнейших на земном шаре, был построен всего за 45 дней. Ибо армия строителей, огромная сама по себе – 170 тысяч человек, была еще зажжена великим энтузиазмом. Рекорд Дусмана Дусматова – восемь сменных заданий за день – очень быстро был превзойден, затем пал и новый рекорд, и следующий, который был еще выше. Снимать такую стройку было настоящим счастьем, и я не помню, чтобы какая-нибудь другая стройка, пусть более поздняя и более масштабная, оставила во мне столь же яркий след.

А между тем задача моя в данном случае была очень простой – запечатлеть действительность, ничего не придумывая и не приукрашая. И я так и поступил. Ручаюсь, любой другой кинорежиссер на моем месте поступил бы точно так же. Нечастый у кинодокументалистов случай: без всяких ухищрений со стороны съемочной группы лента получилась и емкая, и впечатляющая. Я недавно показал ее работнику чехословацкого телевидения. По его просьбе фильм был отправлен в Прагу. Потом он прислал письмо, что фильм в десятый раз показан по пражскому телевидению, что такие фильмы прекрасно учат интернационализму.

В узбекском народе живуча традиция хашара – общей стройки, когда на работу, как на праздник, выходит вся махалля, а иногда и целая область. Советское время придало этой традиции социалистические черты. Большой Ферганский канал стал первым всеузбекским хашаром. А не быть допущенным на хашар – кровная обида. Вот почему плакали подросток и аксакал, которых не взяли на стройку.

Это были сорок пять незабываемых, поистине праздничных дней, и накал, напряжение работы, дух соревнования только подчеркивали ее праздничность. Карнаи и сурнаи разнесли весть о начале хашара по всем кишлакам. Колхозники шли пешком, ехали на арбах. Соединяясь, ручьи эти становились могучим людским потоком. И летела на носилки рыжая земля, щедро посоленная человеческим потом. Взмах кетменя, тысячи, миллионы взмахов. И люди с носилками – вверх и вниз, вверх и вниз.

Инженер Синявский, чья идея наконец осуществилась, руководил одним из участков. Пожилой, в белом полотняном костюме, он не позволял себе отойти от нивелира, так быстро менялась обстановка. Он был счастлив. И счастливы были десятки тысяч других строителей канала. Снимая Синявского, я радовался силе инженерного предвидения. Он выносил идею этого канала, другие – идею орошения Голодной и Каршинской степей, третьи – идею поворота великих сибирских рек в Среднюю Азию. И кто знает, может быть, мне удастся запечатлеть исторический приход Иртыша, Оби и Енисея на наши жаждущие земли.

Вообще же, не перестаешь удивляться стремительности бега времени. Сегодня уже не объявят такую стройку хашаром, не пошлют людей трудиться вручную, а направят сколько нужно экскаваторов, скреперов, самосвалов, другой строительной техники. Другое время, другим стал и человеческий труд. Но ведь ничего этого не было бы, если бы у нас не было Днепрогэса, Магнитки, Кузнецкстроя, Большого Ферганского канала. То – наше удачное начало, а сегодняшние достижения и стройки, сегодняшние планы – их счастливое продолжение.

Я люблю вспоминать прокладку Большого Ферганского канала. Не ленту о канале, не свой труд, а работу строителей. Работу народа, созидающего свое будущее. Это очень помогает, особенно в трудную минуту. Хочется работать и работать, перешагивать через испорченные, через банальные кадры. . Хочется как можно доходчивее рассказать о тех переменах, которые пришли на узбекскую землю.

Сегодня Большой Ферганский канал – это широкая водная артерия, орошающая сотни тысяч гектаров пашни. По желтой воде скользят быстрые байдарки, на берегу в тени заматерелых ив стоят чайханы, кипят семиведерные самовары, в черных котлах варится шурпа…

В июне 1941 года я снимал раскопки усыпальницы Тимура – мавзолея Гур-Эмир. Их вела большая группа археологов и ученых других специальностей. Аксакалы были недовольны: нельзя тревожить прах великого государя, это к войне. И вдруг – война. Вначале мало кто представлял, какое суровое испытание выпало на долю нашей страны. Враг наступал, возрастало напряжение боев, и возрастало напряжение в тылу. С первых дней войны я просился в действующую армию. Вскоре просьба моя была удовлетворена. Профессия моя, однако, осталась прежняя – оператор. Прибавился только один эпитет – военный. Военные кинооператоры работали парами. Моим напарником был директор центральной студии документальных фильмов Алексей Георгиевич Семин – замечательный, редких душевных качеств человек. Достаточно сказать, что он дважды вынес с поля боя меня раненого, под Ржевом и Минском. Мы с Семиным снимали боевые эпизоды сначала на Центральном фронте, потом на Калининском. Отступление. Мы снимали проигранные сражения и то, как мы копим силу для решающих боев, учимся воевать. То, как мы становимся злее, яростнее, как идем за свое правое дело на смерть. То, как мы поворачиваем войну в нашу пользу. А битва за Москву была первым поворотом войны в нашу пользу.

Один из боевых эпизодов под Ржевом. Звонит генерал Ченчибадзе: «Приезжайте завтра утром, немцы пойдут в психическую атаку!» Разведка, значит, донесла. Приезжаем. Генерал ведет нас в первую линию траншей. Хороший обзор: траншея опоясывает холм. И вот немцы поперли. Снимайте, говорит генерал. Я стою по правую сторону от него, снимаю. Семин снимает слева. Немцы идут, как на параде. Наша пехота подпустила их на 25 метров – и открыла убийственный огонь. Фашисты падали, как срезанные серпом. Не понимаю, каким образом, но в руках у меня и у Семина тоже оказались автоматы, и мы стреляли вместе со всеми. Атака, конечно, захлебнулась, немногие уцелевшие солдаты противника бесславно откатились. И тут генерал увидел, что в руках у нас не киноаппараты, а автоматы. Дал нам прикурить. «Я сам, что ли, не мог отбить эту атаку? – бушевал он. – Я вас для чего пригласил, из автоматов стрелять? Ваше дело снимать – и только. Раззявы!»

Когда мы остались вдвоем, ни я, ни Семин не могли объяснить, как у нас в руках оказались автоматы. Еще один эпизод, относящийся к началу нашего наступления под Москвой. В освобожденной деревне – она была сожжена почти дотла, - мы сняли уцелевшую стену. На стене тикали часы-ходики, висели чьи-то фотографии, а за столом, рядом сидел незнакомый полковник и что-то наносил на карту. Чтобы оживить кадр, мы сняли и его. Полковник отвлекся от карты, стал говорить по телефону. Тут я снял его крупным планом. Ленту проявили в Москве, пустили на всесоюзный экран. И получаю я от жены полковника, откуда-то с севера, письмо: «Разыщите, пожалуйста, моего мужа и сообщите ему мой адрес». Она эвакуировалась в спешке, и оба не знали, куда писать. Фронт был еще недалеко от Москвы, я разыскал ее мужа, передал письмо. Как он был рад, как обнимал и целовал нас!

Мы снимали всех наших военнослужащих – и рядовых, и маршалов, и отношение к нам всегда было самое доброе. Не помню случая, чтобы нам заявили: «Зачем пожаловали?»Люди прекрасно понимали необходимость и пользу нашей работы. Довелось мне снимать маршалов Жукова, Конева, Рокоссовского, генералов Еременко, Петрова, Пуркаева и других. Несмотря на огромную занятость и тяжелую ношу ответственности, эти люди умели быть сердечными с подчиненными, умели не выделяться в быту, а мы, договариваясь с ними о съемках, умели не быть навязчивыми и заранее продумывали каждый свой шаг, чтобы съемки заняли минимум времени.

Фронтовые дороги кинооператора. В сущности, мы были такими же солдатами страны, как и пехотинцы, артиллеристы, летчики, танкисты. Из ста военных кинооператоров домой не вернулось 65. Мы с Семиным оказались в числе счастливых 35. Но от опасности не прятались и боевые эпизоды снимали в их естественной динамике. Первый раз меня ранило под Ржевом, в декабре 1942 года. Бои были жаркие, наши танки шли по какому-то заснеженному проселку, а операторская полуторка – за ними. Езда не быстрая, в кузове холод, зуб на зуб не попадает.

- Я пробегу, согреюсь, - сказал Семин и выпрыгнул. Семенит впереди машины, разминается. Я с ним шутки шучу. И тут взрыв. Противотанковая мина сработала не от танка, от полуторки – танки прошли невредимые, а мы ехали по следам гусениц. Пять килограммов тротила уничтожили машину. Я же отделался легко, переломом большой берцовой кости. Я сидел как раз над колесом, и меня выбросило вверх – и на обочину. Семин вывез меня в Калинин. Нога срослась быстро и нормально.

Снова – фронтовые бесконечные проселки. Теперь это были дороги нашего наступления. И вели они все дальше на запад. Мы снимали освобожденные города и села, плачущих от радости людей, дождавшихся возвращения родной армии, и вереницы пленных. Зрелище этих несостоявшихся завоевателей мира было хорошей наградой нашим бойцам, научившимся бить врага, несмотря на горькие поражения 1941 года, и получавшим теперь от тружеников тыла все нужное для победы.

Фронт откатывался к границам Германии, и летом 1944 года бои гремели на многострадальной земле Белоруссии. Под Минском, буквально в полукилометре от города, меня ранило вторично, на сей раз тяжело – я пролежал в госпитале 11 месяцев и 27 дней. Выписался после праздника Победы. Нам дали неверное направление, и мы натолкнулись на немцев. Для них это тоже было полнейшей неожиданностью. В упор, с пяти метров ударили автоматные очереди. Семин швырнул гранату, Немцы – их было немного – отошли в лес, и Семин принес меня к нашим. Погрузил на повозку. Тут налет, пикируют «юнкерсы». С перебитыми ногами я соскочил с повозки и заполз под нее. Семин лег рядом и подбадривает: «Не бойся, второй раз в тебя сегодня не попадут». Свист бомб, растворяющиеся в горячем небе силуэты отбомбившихся самолетов до сих пор в моей памяти.

И вот палатка медсанбата. Тихий голос хирурга Беляева: «Извини, друг, палатку только успели поставить, потерпи, друг». Рана была такая тяжелая, что, не дожидаясь, когда будет наркоз, начали оперировать. Операция длилась два с половиной часа, я лежал, привязанный к столу, кричал и ругался, а хирург вытаскивал из меня пули. Наконец, он наложил повязки. Утром я вновь почувствовал себя человеком. Почувствовал, что буду жить. Жить! Значит, работать, и все остальное. Значит, встретить Победу – нашу Победу, и радоваться ей, и радоваться залеченным ранам и новому движению вперед.

Хирург, увидев, что мне лучше, попросил у меня фотоаппарат, снять свою невесту. Пленку потом проявила в Москве жена Семина, а девушка эта погибла. Из медсанбата меня эвакуировали на самолете ПО-2. Летчик сделал по пути посадку, не предусмотренную маршрутом. «Для заправки!» – пояснил он. Сбежались белорусские женщины. «Ой, батюшки!» Они несли сало и лук, вареную картошку и самогон. Пилот налил мне стакан самогону.

- Я не пью!
- Пей, это помогает.

Не отрицаю, помогло. Вот какая это была заправка. В Москве меня положили в главный госпиталь Красной армии. До сих пор помню ведущего хирурга госпиталя Николая Николаевича Багараса. Он продолжал оперировать, хотя был без обеих ног. Потерял их он в Ростове. Для нас он был эталоном мужества. В госпитале меня осмотрела лечащий врач Галина Дмитриевна Чеснокова. Когда Семен

Семенович Филатов меня оперировал, она дала мне наркоз. Она умела ладить со всеми нами без исключения. Все больные ее любили. Она никогда не уходила во время операций. Я был влюблен в нее.

На утро, после операции, слышу: «Ну, сейчас Галина Дмитриевна придет!» Палата спешно бреется, моется, приводит себя в порядок. И вот непривычный стук женских каблучков по коридору. Вошла Она. Редкой красоты и обаяния женщина, прекрасный врач. Ее первый вопрос: «Как себя чувствует новенький?»

- Как и другие, жду вашего прихода, - в тон настроению палаты ответил я.

Почти год Галина Дмитриевна лечила меня. Долго, упорно. Мы до сих пор друзья. Переписываемся, и я с улыбкой вспоминаю многие из ее строгих медицинских наставлений.

Из нашей семьи на фронт ушли трое. Брат Абдулхай остался жив, старший Абдунаби погиб под Ворошиловградом. Сквозная осколочная рана в живот, ничего нельзя было сделать. Могила брата в Лисичанском районе, я ее навещал.

Великая Отечественная война показала всему миру, что такое новая общность людей – советский народ. Какие необъятные силы в нем скрыты, какими великими возможностями он обладает. В день Победы мы приветствовали долгожданный мир. Война заставила отложить многие наши планы. Теперь к ним можно было вернуться.

Одним из первых моих послевоенных фильмов был кинорассказ о Хиве – «Город четырех ворот». Лента вводила зрителя в сказочный город через каждые из его четырех ворот. Минареты, купола и порталы древних мечетей, дворцов и гробниц, дивные орнаменты невольно рождали мысль: «Вот ведь что способен сотворить человек!» Народный умелец усто Ата Палванов, хранитель славы древних зодчих, - ему 104 года! - покрывает тончайшим орнаментом деревянную колонну. Его самому юному ученику Ибрагимову 14 лет. Вот как естественно и просто наследуется это удивительное мастерство.

Рядом с музейной, заповедной Хивой – Хива сегодняшняя. Город сплошной грамотности, город заводов. Новая Хива, удобная для жизни, отнюдь не заслоняется архитектурными памятниками, а очень удачно с ними соседствует, подчеркивая динамичную красоту настоящего. Поток жизни: восточный базар со своими традициями, арбы на двухметровых колесах, бой барабанов, погонщики верблюдов – и вдруг на хлопковом обильно уродившем поле уборочные машины. Народ, только что отпраздновавший великую Победу, счастливо занимался мирным трудом.

Аналогичный фильм недавно я снял о Самарканде – «Самарканд всегда со мной». Из всех узбекских городов я почему-то больше всего люблю этот. О Самарканде можно говорить часами и все находить и находить в памяти интересные его черты, о которых еще не рассказано. И старое, и новое в нем с равной силой показывает душу народа. Когда мне бывает тяжело и грустно, я сажусь в самолет, и через час я уже на площади Регистан, и рядом шумит огромный, как море, базар, и люди торопятся по своим делам, но я улавливаю в их взгляде тепло участия. Я покупаю в лепешечном ряду горячие, посыпанные лиловыми зернами мака лепешки, выливаю в термос чайник зеленого кок-чая и поднимаюсь по бесконечной винтовой лестнице на минарет Шир-дор. Смотрю на город, накатывающийся на меня волнами улиц, суриковых крыш и абрикосовых садов. Вспоминаю, разбираюсь в себе, строю новые планы. Я набираюсь сил, я почти физически ощущаю их прилив. Спускаюсь вниз с горячим желанием работать. Самарканд – особенный город, его можно любить или не любить, но если его любишь, это навсегда. Если ты его любишь, все великолепные столицы мира не в силах потеснить в твоем сердце место, занятое Самаркандом.

С этой темой невольно перекликается фильм «Приезжайте к нам в Узбекистан», снятый в 1958 году. В нем я хотел показать душу узбекского народа, его сердечность, гостеприимство, трудолюбие. Не хвалебный, не крикливый, не перенасыщенный экзотикой, он оказался одним из самых удачных кинорассказов о союзных республиках. Фильм как бы разбит на несколько глав. Начало – встреча с прошлым. Гнезда аистов на золотистых минаретах Бухары. Хива, Рим Востока – Самарканд. Мавзолей Гур-Эмир, раскопки могилы Тимура 1941 года. Тогда скульптор-антрополог Михаил Герасимов по костям черепа сделал скульптурный портрет Тимура. Авиценна, Навои, их вклад в науку и литературу. Размах реставрационных работ – мы хотим видеть творения древних зодчих в их первозданном виде.

День новый. Природа осталась та же, а люди изменились и изменили облик своей страны. Фархадская плотина – первая из перегородивших Сырдарью. Солнце в мартеновских печах Бекабада. Герой социалистического труда сталевар Хафиз Ганиев – первый в республике мастер огненного дела. Многих умельцев чтит узбекская земля, но среди них еще не было сталевара. И химика (крупным планом – корпуса Чирчикского электрохимического комбината). И горняка (крупным планом – угольный разрез в Ангрене и карьер по добыче медной руды в Алмалыке). Открыто месторождение Газли, геологи уходят дальше в пустыню. Они еще не знают, что найдут там уран и золото, много золота, но поиск их настойчив и подкреплен научными гипотезами. Высоченные трубы Ангренской и Ташкентской тепловых электростанций, корпуса машиностроительных заводов в столице республики. Корпуса государственного университета, многочисленных исследовательских институтов академии наук Узбекской ССР. Русло Южного Голодностепского канала, новые совхозы на целине. Первые кварталы столицы Голодной степи

Янги-Ера. Женщины-профессора – медики, селекционеры, гидротехники. Всего этого не было прежде, все это наше, советское, созданное после очистительного вихря Октября, после костров из паранджи и чачвана на площадях наших городов.

Рассказ о пройденном пути. Он необходим для постижения настоящего. Один из первых ленинских декретов – об организации университета в Ташкенте, еще один – об освоении Голодной степи. Первые пятилетки, трудное становление социалистической экономики. Война. «Вставай, страна огромная!» Кузнец Шаахмед Шамахмудов усыновил 14 сирот – русских, украинцев, узбеков, евреев. В истории этой семьи видна душа народа. И красота этой души – в полотнах Урала Тансыкбаева, в прекрасном здании театра оперы и балета имени Алишера Навои, в изделиях бухарских золотошвей и хивинских ковровщиц, в пламенном танце балерины Галины Измайловой.

Заключительные кадры – о щедрой узбекской осени, о веселом празднике урожая «Пахта байрами», празднике, в дни которого во всей красе проявляется щедрое узбекское гостеприимство. «Хуш келибсиз!» Приезжайте к нам в Узбекистан!

Киноновелла «От весны до весны» – это короткий и строго документальный рассказ о том, что такое хлопок для Узбекистана. О трех очень разных больших хлопкоробах – трижды Герое социалистического труда председателе колхоза «Звезда Востока» Ташкентской области Хамракуле Турсункулове и бригадирах целинных хозяйств Иннобат Ахуновой (Голодная степь) и Манапе Джалалове (Центральная Фергана). Ровно год кинокамера находилась рядом с мастерами высоких урожаев, фиксировала каждый их шаг на хлопковом поле и каждое событие в их полнокровной жизни.

Спокойно, без внешних эффектов добился очень высокого урожая семидесятилетний Хамракул Турсункулов. Посеял, полил, удобрил, еще раз полил, убрал. И никаких помех. Не поле у знатного хлопкороба – заводской конвейер. Но за этой простотой – глубокое знание своего дела каждым рядовым хлопкоробом колхоза, работа машиностроителей и химиков, создавших индустриальную базу урожая.

- Мистер Турсункулов, с чего вы начинали?

Соха и серп служили крестьянину тысячелетия. Соха и серп были первыми орудиями труда, с которыми познакомился Хамракул. В гражданскую войну он сменил соху на винтовку, – советская власть нуждалась в защите. А далее – от малого к большому. Проявив недюжинные организаторские способности, Турсункулов создал образцовое хлопководческое хозяйство, и за это ему, аксакалу узбекских хлопкоробов, почет и уважение.

Турсункулов уже был председателем, а Иннобат Ахунова еще не родилась. И вот она бригадир механмизаторов в целинном совхозе. В бригаде одни парни. Ситуация! Но она не мешает коллективу энтузиастов, на целинном поле спорится работа. Применена, впервые в стране, новая техника орошения – лотки, гибкие шланги. Один поливальщик управляется за троих. И здесь никаких неожиданностей. И здесь урожай – в сильных руках человека. В страдную пору красавица Иннобат садится за штурвал хлопкоуборочной машины. И днем, и ночью гудят моторы. Щедрой оказалась земля, разбуженная энтузиастами.

Труднее пришлось Манапу Джалалову. Центральная Фергана осваивается не одной мощной организацией, какой является «Голодностепстрой», а отдельными колхозами. Один из таких колхозов и послал на целину молодежную бригаду Манапа. Трудность первая – негде жить. Преодолели ее, возвели к весне жилье. Трудность вторая – соль. Преодолели и ее. Зимой, по снегу, вспахали массив и промыли поле. Трудность третья – ливневые дожди в мае. Дружные всходы смыты потоками воды. Трудность четвертая – со страшной силой попер из земли тростник. Пропололи, еще раз пропололи. И вот зеленые кусты хлопчатника по грудь бригадиру. «Бир, икки, уч, - считает бригадир коробочки. – Ун бир, ун икки…» И здесь урожай оказался в руках человека.

В этом фильме я старался подчеркнуть мудрость и творческую зрелость Турсункулова, новаторство Ахуновой, несгибаемую волю Джалалова. Три разных – но сильно ли разных? – пути к высокому урожаю, три интереснейших человеческих характера…

У меня много фильмов снято в зарубежных поездках. В какой-то мере фильмы эти – кинопутешествия, в какой-то – раздумья о судьбе человечества. И первое, по моему глубокому убеждению, не следует ни отрывать от второго, ни противопоставлять ему. Из этих зарубежных лент я бы выделил две – о Демократической Республике Вьетнам и нашем южном соседе Афганистане. Фильм «Вьетнам, страна моя» снимался в 1960 году по моему сценарию, дикторский текст написал Горелик, отлично знающий Индокитай. Не так уж много лет прошло после подписания Парижских соглашений по Индокитаю, намеченные ими всеобщие выборы во Вьетнаме, однако, уже были сорваны проамериканским режимом Нго Динь Дьема, и нарастало народное недовольство. Но на север и юг страны еще не упали первые американские бомбы, и морская пехота США не высадилась с десантных судов в Дананге, Плейку и Сайгоне. Демократическая Республика Вьетнам жила в обстановке мира и быстро развивала экономику и культуру. Велика была отсталость вчерашней колонии, но велика была и тяга народа к переменам, которые нес с собой новый общественный строй.

Жизнь республики мы решили показать через человека – молодую учительницу Нгуен Лан, дочь крестьянина, полусившую высшее образование в Ханое и поехавшую учительствовать в родное село. Фильм открывается кадрами теплого южного моря. Ворота страны – Хайфон. В гавань входит белоснежный пассажирский лайнер. Он привез на родину очередную партию вьетнамцев из Таиланда. Домой решили вернуться 50 тысяч вьетнамцев. Расскажи им, родина, какой ты стала.

Восход солнца, яркие краски тропиков, причудливая растительность: апельсины, кофе, гевейи, хлебное дерево, плоды которого напоминают свернувшегося в клубок ежа, бананы, кокосовые пальмы, рис. Все растет на этой обретшей мир земле. Нгуен Лан днем учит грамоте детей, вечером – взрослых. К ней относятся с подчеркнутым уважением, и она довольна своей судьбой.

А в стране идет бурное строительство нового общества. Обновляются города, крестьяне создают кооперативы. Растут урожаи риса – вчера его было 160 килограммов на душу населения, сегодня – 350 килограммов, завтра будет 500. То есть, завтра Вьетнам станет крупным экспортером риса. Уходят в джунгли отряды геологов, строится железная дорога. В Дьен Бьен Фу – вьетнамском Сталинграде - собрана огромная гора неразорвавшихся бомб и снарядов. Поворот магнетто – взрыв. Окрестные поля очищены от Этих страшных следов войны. Кооперативы. Вступать или не вступать? – извечные колебания середняка. Будда, скажи, вступать или не вступать? Но молчит Будда, принимать решение надо самому. Колонизаторы оставили Вьетнаму 5000 католических храмов, но вода на поля подается вручную. А вот и первые тракторы в кооперативах. Так споро работается на общественном поле! И середняк решается.

Кадры Ханоя. Индустриализация, первые отечественные заводы. В этом городе училась Нгуен Лан, отсюда она понесла в народ азбуку и идеи Хо Ши Мина. Пока страна разделена надвое рекой Бьен-хоа. Надолго ли? Вьетнам-то один, и народ жаждет единой, независимой и демократической республики. Какой путь изберет страна? Последние кадры отвечают на этот вопрос. 50 тысяч вьетнамцев возвратились домой из Таиланда. 200 – на юг, 49800 – на север. Будущее подтвердило: выбор вьетнамцев был именно таким. Франция поняла это в 1954 году. И рано или поздно поймут это Соединенные Штаты.

Фильм о соседнем Афганистане – «Страна гор и легенд» – интересен в том плане, что дает богатейший материал для сравнений и сопоставлений. До 1917 года афганский и узбекский народы находились примерно на одинаковой ступени развития. Социальное освобождение позволило узбекскому народу создать свою государственность и невиданными на Востоке темпами развивать экономику, науку, культуру. Афганистан же только приближается к тому уровню экономического развития, которого Узбекистан достиг в предвоенные годы. Афганцы бы и рады идти в ногу с веком, но сейчас им это очень тяжело. Разумеется, в самом фильме этих сопоставлений нет, съемочная группа ставила перед собой иную задачу – показать достижения нашего соседа, а не подчеркнуть его отсталость. Показать стремление к прогрессу, а не патриархальность крестьянского труда. Показать помощь нашей страны, в том числе узбекских инженеров и техников, в становлении новых отраслей афганской экономики и плоды этой бескорыстной помощи.

В беседе со мной один из афганских государственных деятелей сказал: «И у нас, и у вас 49 лет назад произошла революция (фильм снимался в 1966 году). Я побывал в вашей стране. Не встретил ни одного неграмотного, ни одного безработного, ни одного обездоленного. У вас действительно произошла революция, у нас же все осталось по-прежнему». Признания эти, в разных вариациях, я слышал почти в каждой азиатской и африканской стране. За небольшим исключением. И сердце мое наполнялось гордостью. Надо сказать, что к развивающимся странам я испытываю симпатию, как к младшим братьям, которые многого еще не знают и не умеют, но которых пример старшего брата вдохновляет.

Афганистан – это горы и пустыни. Лишь пятая его часть – долины, в которых возможно земледелие. Кишлаки похожи, по плоским крышам, на наши горные аулы, но только без асфальтированных улиц, паутины проводов, телеантенн. Караванные тропы и дороги сходятся в Кабуле и Герате. Афганца разводят каракульских овец, выращивают пшеницу, делают кошмы, ткут прекрасные ковры. Крупнейшее и высокодоходное предприятие кабула – хлебокомбинат – построено с нашей помощью. И дорога через заоблачный Гиндукуш. И ГЭС Наглу на реке Кабул. И оросительная система Джалалабад. И газовые промыслы на севере страны. И многое другое. Рука Москвы, крича о которой, надорвал голосовые связки не один политический деятель Запада – вот она! На практике это металлургический гигант в Бхилаи, и высотная Асуанская плотина, и вот эти афганские заводы, дороги, рудники. Вполне естественно, что рука Москвы встречает ответное дружеское пожатие в большинстве стран мира.

Нет-нет, да и встретишь за границей, особенно в странах Востока, своего соотечественника, по разным причинам оторвавшегося от родины. Помню, в алжирском городе Оране гастролировал ансамбль «Бахор», а я снимал выступления славного танцевального коллектива. Однажды вечером, рано кончив съемки, зашел в кафе. Заказал пиво, пью и смотрю на вечернюю улицу. Проходит человек, намеренно замедляет шаг, жадно смотрит на меня. Возвращается и еще раз проходит мимо. Узбек. Еще раз проходит мимо и смотрит тоскливо и напряженно. Я заговорил с ним. Он оказался самаркандцем, из Пайарыка. Воевал, попал в плен, осел во Франции, потом сражался в Северной Африке да так и остался в Алжире.

Женился – трое детей, работает коммивояжером в фирме, которая продает кока-колу. Вернуться ему, конечно, трудно, корни пущены глубокие, но и тоска по дому ой как велика!

Я взял у него адрес родных. Заехал в Пайарык, разыскал родственников. Захожу, говорю, с чем пришел – слезы, объятия. Мать считала сына погибшим. Но это я вперед забегаю. Просыпаюсь на следующее утро – а у меня твердо укоренившаяся привычка вставать в пять утра, как бы поздно ни лег накануне, - выхожу на прогулку и вижу: сидит у парадного входа гостиницы этот человек, с ним его жена и дети. Увидел меня, подошел и заплакал. И не стеснялся слез. Подвел членов семьи. Я, советский человек, был для него какой-то реликвией. Не помню, зажиточно ли он жил в Оране, но домой тянулся всем сердцем. И было горько, очень горько ему, что стал он человек без родины. Недодумал он это по молодости лет, а теперь исправлять это было поздно.

…Студия готовится к съемкам четырех документальных фильмов об Узбекистане – к пятидесятилетию образования республики (1974 год). Основная идея всех четырех лет – Ленин и Туркестан.

Сам я в ближайшее время хочу съездить в Бангладеш и снять фильм о первых успехах молодой республики. И очень хочу сделать фильм о Голодной степи, преображенной в цветущий край.

Одна из основных задач студии – организация производства цветных диафильмов на узбекском языке для 7200 школ республики. Необходимую копировальную аппаратуру стоимостью 26 тысяч долларов студия приобрела во Франции. Это, я считаю, будет большое и благородное дело.

Готовясь к работе над новым фильмом, я стараюсь найти интересного, оригинально мыслящего сценариста. В горячих спорах, как принято говорить, рождается истина, сопоставление вариантов выявляет лучший. В человеке, который становится героем моего фильма, я стараюсь показать его лучшие, выпуклые черты, а также к чему этот человек стремится, чего он достиг на избранном пути, что помогло ему достичь успеха – как его личные качества, так и благоприятное отношение среды к его поискам и начинаниям.

Последнее я стараюсь подчеркнуть ненавязчиво – это фон, на котором разворачивается действие – ведь при ином фоне мы бы имели другой результат. Еще стараюсь подчеркнуть в человеке высокое. Герой моих киноочерков – человек заслуженный или рядовой, не успевший прославиться, но обязательно упорный и трудолюбивый, с характером, в котором есть изюминка. Человек без изюминки, без своего лица и своего «я» никому не интересен.

Я начинал оператором, и многое из того, что мне пришлось открывать для себя, сейчас азбучные истины. Теперь на студии рядом со мной работает немало талантливых операторов.

Студию справедливо считают одной из лучших в стране. Наши документальные ленты часто получают первые призы на всесоюзных и международных фестивалях. Так, фильм «Люди голубого огня» завоевал в Лейпциге приз «Золотой голубь». Молодежь – я радуюсь этому – умеет работать. Молодых можно за что-то ругать, но, направив их и раз, и два, с них можно требовать по самому высокому счету, они готовы к этому.

Стремительно движется время. И мы, документалисты, обязаны не только поспевать за ним, но и быть чуть впереди него. А для этого нужно много и вдохновенно работать. У меня, как и у молодых коллег, есть буквально все для работы одухотворенной и плодотворной. А значит – для счастья.

РАБОЧИЕ

Индустриальный пейзаж для Узбекистана сегодня столь же типичен, как и пейзаж сельский. Высоковольтные линии шагают через хлопковые поля. Заводские корпуса и целые промышленные комплексы опоясывают наши города, являя собой внушительное зрелище. Современные предприятия и ухоженная земля — не правда ли, доброе соседство? Тянутся на многие километры химические производства Чирчика, Навои, Ферганы. Рядом со сказочными минаретами Бухары – новые корпуса хлопчатобумажного комбината. Вот гигантские карьеры и обогатительные фабрики Алмалыка. Вот заводы Ташкента – один, пятый, десятый, сотый. Над ними важно плывет по небесной сини большой самолет. Задрав голову, смотрит в небо мальчишка. Но точно также ведет себя и седой пенсионер. А самолет летит, сотрясая воздух, рождая в нас изумление: самолет этот – детище ташкентских рабочих и инженеров. Да, Узбекистан, некогда колониальная окраина Российской империи, теперь республика индустриально-аграрная, с мощной динамично развивающейся промышленностью, годовая стоимость продукции которой – 13 миллиардов рублей. Первое от второго отделяет дистанция в шестьдесят советских лет.

На северной окраине Ташкента, там, где о последние городские кварталы разбивается зеленый прибой хлопковых полей, стоят корпуса тракторного завода. Цехи недавней постройки внушительны и светлы. Цехи в возрасте, со стенами из кирпичной кладки, приземисты, в них прохлада и полумрак. Но станки ровно гудят и там, и тут. Работа кипит, куются, точатся, сверлятся, шлифуются миллионы деталей. На конвейерах рождаются тракторы хлопковой модификации и самосвальные тракторные прицепы. Годовая программа завода – 24750 тракторов и 38 тысяч прицепов.

У железнодорожной ветки погрузочная площадка. Асфальтированный прямоугольник заполнен зелеными стоящими впритык 60-сильными тракторами. С конвейера начали сходить и 80-сильные машины, более совершенные, вобравшие в себя много конструктивных новинок. Сила в этих машинах органически соединена с прочностью и элегантностью. Вот они, стальные кони, основа сельской энергетики, основа дальнейшей интенсификации земледелия, основа его комплексной механизации. Город – селу, рабочий – крестьянину. Когда-то Ленин мечтал о ста тысячах тракторов, которые бы преобразовали страну. Он отводил трактору решающую роль в переходе от единоличных форм сельскохозяйственного производства к коллективным. Сегодня наша страна ежегодно производит 570 тысяч тракторов – больше, чем США, чем любая другая страна в мире.

Заводской коллектив насчитывает девять тысяч человек. Более семи тысяч из них рабочие. Перед началом смены они сплошным потоком вливаются через проходную на затененные акациями аллеи, ручейками растекаются по цехам. Это всегда волнующее зрелище. Лица веселые, жизнерадостные. Вчерашние школьники гордо вышагивают рядом с седыми ветеранами, носителями опыта и мудрости жизни. Стучат каблучками модельных туфель заводские девчата. Фасоны их платьев взяты из последних московских и рижских журналов мод. Сыновья идут рядом с отцами, мужья – рядом с женами. Такая семейственность здесь приветствуется. Идут слесари, токари, фрезеровщики, кузнецы, штамповщики, шлифовщики. Идут холостые парни и незамужние девчата, отцы и матери семейств, пятидесятилетние бабушки и дедушки. Идут студенты вечернего машиностроительного техникума, футболисты заводской футбольной команды «Трактор», музыканты, певцы и танцоры клубной художественной самодеятельности, туристы. Идут рационализаторы, изобретатели, инициаторы патриотических починов по выполнению пятилетки в четыре, в три года. Идут народные депутаты, члены районного и городского партийных комитетов. Идут рабочие, хозяева огромной страны, творцы ее материальных ценностей, ее индустриальной и оборонной мощи.

Дерзайте, парни!

Корпус, в который переведен главный конвейер и цех трансмиссий, сдан в эксплуатацию недавно. В нем светло и в летнюю жару прохладно (работают кондиционеры), и стены в нем приятные, домашние какие-то, уютные. Не давят, а располагают к работе. Цветов в кадках, правда, еще нет, пока было не до цветов. Но, полагаю, это следующий этап, а пока надо, чтобы к комфорту просто привыкли. Условия труда здесь хорошие, ветераны даже называют их тепличными, проводя параллель с тем, что было тридцать,

двадцать и даже десять лет назад. Но тон одобрительный. Побольше бы нам такой тепличности на рабочих местах – кондиционированного воздуха, света, чистоты, порядка.

С главного конвейера сходят тракторы. Бегут навстречу своей судьбе. И по главному конвейеру завод сверяет свой ритм. Когда спешит конвейер, спешат и слесари-сборщики – тут уж не закурить, не перебросится парой слов. Успевай поворачиваться! В начале месяца бег конвейера всегда замедлен, в конце – ускорен. Судьбу плана все еще решает это традиционное ускорение в конце каждого месяца (не буду употреблять слово «аврал», оно вызывает неприятные ассоциации). Предприятие – в стадии становления, и четкий ритм – это высота, которую еще предстоит покорить – в самое ближайшее время.

Конвейер обслуживают молодые расторопные парни.

Не совсем молодые! – поправляет меня слесарь-сборщик Владимир Колдаев, занятый вместе с Николаем Сучковым установкой конечной передачи (заднего моста). – Я здесь уже шесть лет, а до этого в армии служил. А Коля и в армии успел послужить, и пускал этот конвейер, и первый трактор собирал в семидесятом году, и стотысячный в семьдесят пятом. Какие же мы молодые?

Ему все еще хотелось казаться взрослее, солиднее, а так бывает только в молодости. Трактор, который они собирали сейчас, имел заводской номер 157005. Начальник смены сказал, что и Колдаев, и Сучков ребята аккуратные, исполнительные, и положиться на них можно во всем. Он задумался, подыскивая сравнение, и вдруг просиял: «Я полагаюсь на них, как на самого себя». Тут не привыкли разбрасываться лестными словами, каждое такое слово надо заслужить, завоевать, а потом ежедневно подтверждать делом. Сборщики работали слаженно, их движения отточены до автоматизма. Приспособления и инструменты, которыми они пользуются: тельфер, отбойный молоток, пневмогайковерт. Пользуются они ими виртуозно. Тяжело ли обслуживать конвейер? Это как на дело посмотреть. Им, например, не тяжело. Но нервы надо иметь крепкие. Замешкался – не паникуй, не кори себя, только хуже будет. Включай самую высокую скорость, но оставайся спокойным. Человеку нервному конвейер противопоказан. Но на огромном заводе разве мало другой работы?

У Колдаева открытое лицо, русый чуб, светлые зеленоватые глаза. До армии работал строителем, и в армии строил, но, как позже выяснилось, это был лишь поиск своего места в жизни, а настоящее его место – вот этот конвейер, где все надо делать аккуратно, на совесть и очень быстро. Иначе конвейер не для тебя. Образование – восемь классов. Будет ли учиться дальше? Пока этого в планах нет, свое же дело он знает. Женат, жена – тоже тракторостроитель, слесарь по электрооборудованию. Детей еще нет. Заработок нормальный. Увлечения? Играл в футбол за «Трактор», защитником. Теперь дыхание не то, теперь он только смотрит.

Его напарник Сучков в звене старший. Высок, кареглаз. Меньше стесняется, отвечая на вопросы. Образование – тоже восемь классов. Возможно, поступит в вечерний техникум (он сказал – «в наш техникум», и мне это понравилось). Время теперь такое, что требует от человека быть сведущим. И от рабочего? Обязательно. Женат, жена работает бухгалтером. Двое детей. Дети ходят в заводской садик, там они сыты и ухожены. Квартиру тоже предоставил завод. В чем специфика конвейера? «Мы тут все умеем помочь друг другу. Отстал рабочий – надо прийти на помощь, чтобы конвейер не замедлил ход. Это дело взаимное. Я замешкаюсь – и мне помогут. Это только кажется, что мы работаем «от сих до сих», Мы весь трактор в виду держим». Да, на рабочих, которые по своей инициативе «держат в виду весь трактор» , можно положиться.

Все остальные пролеты этого корпуса заняты металлорежущими станками. Бригада Анатолия Ивановича Юхненко специализируется на обработке валов. Труд тут иной, нежели на конвейере – быстрота не на виду, а на виду деловитость и порядок. Но, конечно, есть и быстрота, скорость, иначе бригада не перевыполняла бы сменное задание на одну треть.

Юхненко высок и плечист. Чувствуется, что в нем скрыта тугая пружина. Глаза далеко спрятаны под массивными надбровными дугами, густые черные волосы слегка вьются. Да, бравым парнем был старшина второй статьи Анатолий Юхненко, когда десять лет назад служил на Тихоокеанском флоте. «Ходили мы походами!» - говорит бывший моряк, не вдаваясь в подробности. А походы были сложные, приходилось охранять морской мост Владивосток – Хайфон. Об этом Анатолий тоже сказал кратко: «Воинский свой долг выполняли как надо, закалились на этом деле».

Почему выбрал тракторостроение? «А встретили меня здесь тепло, по-человечески». Начал работать, увидел, что к силе, к навыкам нужны еще и знания. Горизонт тогда как бы шире, видно дальше. Такая уж тут зависимость. Поступил «в свой техникум». Осилив эту ступень, стал думать об институте. Вернее, стал действовать, а думал об институте Анатолий, конечно, раньше. Ходил в техникум, а на прицеле уже был институт. Поступил, стал учиться. Институт выбрал авторитетный – ирригации и механизации сельского хозяйства. Сейчас – пятикурсник. Еще год, и рабочий Юхненко станет дипломированным инженером.

Что такое учиться после восьми часов честной работы у станка – сначала в техникуме, а потом в вузе, учиться ежедневно, настойчиво, преодолевая усталость, сон, ненастроение – знают только великие

труженики, студенты вечерних и заочных факультетов, те из них, кто доводит дело до победного финиша. Скажу только, что это не для слабых и даже не для средних, - для сильных телом и духом. На энтузиазме здесь можно лишь начать, ну, сдать первую сессию. А дальше нужны терпение, великая усидчивость. И великая вера в необходимость новых знаний, в правильность избранного пути.

Юхненко учился и осваивал производство трактора. Когда первый трактор стал явью, готовился к выпуску следующих, более совершенных моделей. И опять учился. Вот его мнение об учебе, - выстраданное мнение: «Если сейчас не учиться, обрастешь мхом, как камень в стороне от столбовой дороги. Все это сложно, нервов требует, нужно и заставить себя, и приструнить, но что делать? Хочется идти дальше, и не просто идти, а быть в первых рядах. Для нынешней моей работы вполне достаточно техникума. А вот для завтрашней техникума мало».

- Защитите диплом – бригаду оставите?
- Да уж наверное. Как подумаю, что придется расстаться с этими родными мне людьми, грустно становится. Но жизнь не стоит на месте. И, коль способен на что-то еще, помимо того, что хорошо удается тебе сейчас, надо эти способности развивать, оттачивать.

За настойчивость, за умение добиваться цели Юхненко назначили бригадиром. И он отвечает не за одного себя – за коллектив, в котором 14 человек. 14 разных характеров, 14 объединенных заводом судеб. Это заставило Анатолия быть еще более требовательным к себе. Надо сказать, что он сразу и очень остро почувствовал разницу, что такое отвечать за одного себя и за коллектив. В первом случае достаточно стараться самому. Во втором случае с этого только все начинается. Надо так поставить дело, чтобы все старались, все радели за бригадный успех.

Бригаду свою Юхненко создал сам. О том, какова в бригаде атмосфера – несмотря на все бригадирские строгости или, наоборот, благодаря им – можно судить по таким фактам. Уходят молодые ребята в армию, служат год, служат второй, и возвращаются к Юхненко, в свой коллектив. Хотя вольному воля, и бушприты бригантин нашей юности нацелены в неведомое, в далекие края. Владимир Седых вернулся, и Геннадий Якоби, и Юнус Салимов. А медом Юхненко никого не кормит, и, ясное дело, вернулись они потому, что их ждали, что здесь они не только при любимом деле, но и на хорошем счету. Уважаемые на заводе люди. А уважение, завоеванное своим трудом, ценится сегодня очень высоко. Вспомним Алексея Григорьевича Стаханова. Сначала он мечтал о том, чтобы быть сытым, хорошо зарабатывать. Но настоящая, всенародная слава пришла к донецкому забойщику лишь тогда, когда, мечтая о человеческом уважении, он сделал целью своей жизни стремление «стать лучше и выше самого себя».

На чем держится порядок в бригаде? На дисциплине. На чувстве ответственности за порученное тебе дело, которое быстро становится чертой характера. Бывают ли нарушения? Не будем отходить от правды жизни – бывают. Но тут отличаются новенькие. «Я считаю, - говорит бригадир, что пока человек формируется, нарушения будут. А встал крепко на ноги, нашел свое место в жизни – и нет нарушений, не нужны они, мешают только».

Анатолий Юхненко в партии уже пять лет. Почему решил стать коммунистом? За руки его не тянули. А рассуждал он так: коммунизм надо строить коммунистом. Все свои поступки старается просчитывать с позиций члена партии – и реже ошибается. Бригаду сплачивают работа, опыт и личный пример бригадира. Сейчас бригада осваивает взаимозаменяемость. Это когда токарь может встать за фрезерный станок, а фрезеровщик – за токарный или шлифовальный. Какой простор открывается для маневра! Да и с психологической точки зрения это хорошо: сменил станок – ушел от однообразия. Есть стремление проводить совместно и досуг, но обычно это трудно исполнить. А то, что удается осуществить, запоминается потом надолго. Зима – Чимган – лыжи – свежий ветер в лицо – смех, песни.

Юхненко женат. Жена Валентина – тоже заводчанка, работает контролером в одном из цехов. Год назад родился первенец – сын. Семья живет в заводской двухкомнатной квартире. Анатолий прежде играл защитником за первую сборную завода по футболу, теперь – за вторую. «Часто приходится выбирать между неотложными делами, а футбол – разве неотложное? – говорит он. – Приходится идти на жертвы».

Порох в пороховнице

Кавалер ордена Октябрьской революции, ветеран войны слесарь-испытатель инструментально-штамповочного цеха Абдурахим Ерматов застал, можно сказать, самое начало, самое рождение своего завода. Демобилизовавшись в 1953 году после тяжелого ранения, он поступил на завод, не имея никакой специальности. Мужчин было мало – поставили грузчиком. Собственно, то, что представляло из себя предприятие – легкие навесы да переоборудованные под цеха складские помещения, в которых прежде хранили сырье для консервного производства, заводом еще нельзя было назвать. А теперь какой завод! Громадный. Ерматов заслуженно гордится тем, что сегодня Узбекистан производит все без исключения машины для хлопководства, начиная от трактора, плуга и сеялки и кончая хлопкоуборочной машиной.

Итак, Абдурахим начинал разнорабочим, специальности не имел. Страна жила лозунгом «Все для фронта, все для победы!» Работали самозабвенно, сутками не выходили из цехов. Делали термитные

снаряды, и один снаряд из каждых десяти тысяч испытывали тут же, на полигоне у канала Карасу. В цехе, где готовили термитную начинку, было особенно тяжело, работницы быстро становились рыжими, и дети у них тоже рождались рыжие. Вредный был цех, но врагу причинял вреда в тысячу раз больше. «Я интересовался, сколько в годы войны Узбекистан принял заводов, эвакуированных с запада, - сказал Ерматов. – Оказывается, сто четыре. Сто два из них остались в республике навсегда».

Разнорабочий – не профессия. Стал Ерматов учиться на слесаря. Ну, а сейчас сам с удовольствием учит молодых. Русские говорят: «Долг платежом красен». Правильно говорят. «Я, если бы не передавалс вои знания, чувствовал бы себя скверно, - говорит Ерматов. – За тридцать четыре года завод стал мне родным домом. А какой хозяин не хочет, чтобы в его доме был порядок, чтобы в его доме все было хорошо?» Отличительные качества Абдурахима – природная смекалка и развитое чувство ответственности. Это и позволило ему выйти в лучшие, стать уважаемым на заводе человеком.

- Вот мы новую конституцию приняли, - говорит Ерматов. – Я ее одобряю, в ней есть все, с чем мы пришли к шестидесятилетию Октября. – И права человека в ней есть, и все наши социальные завоевания. Мой отец, крестьянин, был неграмотным. Работал от зари до зари, а семья недоедала. Я же обучен грамоте, имею отличную рабочую профессию. Не хочу хвалиться, но к моему голосу на заводе прислушиваются, а это приятно. В семье достаток. У меня трое сыновей и трое дочерей. Старшая дочь выучилась на педагога. Брат – кандидат наук. Отец и не мечтал об этом. Чтобы один из сыновей стал ученым, внучка – учительницей. Нет, не мечтал. Жизнь, наша действительность опередила самые смелые и высокие мечты людей старшего поколения. Вот почему я так горжусь своей Родиной!

Наше огромное завоевание – дружба и братство советских народов. Взять Голодную степь, взять этажи нового Ташкента, взять наш завод, - все самое заметное в нашей стране – плод коллективного труда, плод усилий многих народов. Я дружу с однополчанином белорусом Константином Григорьевичем Павленковичем. Он испытатель МАЗов, Герой социалистического труда. Живет в Минске на улице Ташкентской. Воевали – не знали друг друга. Познакомились уже в наши дни. Он неделю гостил у меня, теперь я к нему поеду. Мой возраст приближается к пенсионному. Можно уйти на заслуженный отдых, а нет желания уходить. Есть желание работать, и хорошо работать. И буду работать, пока здоровье позволяет. Надо многое сделать, чтобы жизнь наша стала еще лучше. Меня знаете что очень занимает? Моральный облик советского человека. Уровень его сознательности. Без нашей высокой сознательности коммунизму не бывать. Негатива в нашей жизни еще много. Прежде всего, гораздо выше должна стать культура потребления. Если человека воспитать ненасытным, никакой уровень материального изобилия его не удовлетворит. Скромность в личных потребностях отнюдь не мешает каждому из нас жить полнокровной духовной жизнью, ведь сокровища культуры, искусства широко доступны каждому. Честные труженики прекрасно видят: если их потребности не чрезмерны, они и сегодня удовлетворяются почти полностью. Завтра общество сможет удовлетворять их еще полнее. Приблизить коммунистическое завтра можно только одним – самоотверженной работой и строгим следованием моральному кодексу нашего общественного строя.

Так считает Ерматов – рабочий, ветеран войны.

Над станком Лиры Ильиничны Дубининой приметный щит. К нему прикреплен интересный документ – «Договор на взаимное соревнование между фрезеровщицей завода «Ташсельмаш» Тамарой Копотевой и токарем Ташкентского тракторного завода Лирой Дубининой».

- С Тамарой иду вровень, - говорит Лира Ильинична. – Что дает мне это соревнование? Стараюсь не отстать, значит, больше успеваю. И Тамара старается. Я хочу за пятилетку выполнить два пятилетних задания. Дала слово!

Выделим это гордое «хочу». Откуда у работницы это гордое стремление работать за двоих, без которого, я думаю, жизнь ее была бы бедна и духовно, и эмоционально? Начинала она учеником токаря. Переехала в Ташкент, поступила в цех, в котором работает и сегодня. Цех выпускал тогда запасные части для автомобилей, и завод был маленький, не сравнить с нынешним. Завод рос, а цех, можно сказать, каким был, таким и остался. Но за его неказистыми стенами бурлит жизнь, вне которой Дубинина себя не представляет. «Здесь мне все родное, - говорит она. – И люди здесь все свои. Подруги Валентина Бабешко, Анастасия Кутранова тоже токари. Мы друг за друга знаете как стоим?»

Лира Ильинична обрабатывает одну деталь – алюминиевую пробку к топливному баку. Таких деталей в день требуется сто, по числу выпускаемых тракторов. Выточив их, Дубинина берется за другую работу, помогает цеху выполнять программу. Обтачивая пробки, она предложила пневматический зажим и стала вдвое перевыполнять норму. Но в заработке не выиграла. Прежде обработка ста пробок стоила десять рублей, сейчас – пять. И я спросил работницу:

- Если бы вы знали, что расценки будут снижены, предложили бы свой зажим?

- Все равно бы предложила. Интересно, когда делаешь больше, перекрываешь нормы. А завод меня не обижает. Квартиру дал, путевки выделяет – я очень люблю путешествовать. В Польшу ездила, в Египет, Сирию. Приезжаю – рассказываю в цехе, что видела. Настроение после всех заграничных поездок

можно выразить словами из песни: «Хороша страна Болгария, но Россия лучше всех». Сейчас готовлюсь к поездке на Кубу. Когда меня избрали членом райкома партии, окунулась в дела района, города. Все это новое для меня, но очень интересное. По себе сужу: чем больше тебе доверяют, тем сильнее желание это доверие оправдать.

Вот ответ на вопрос, откуда у Лиры Ильиничны это стремление работать за двоих. Патриотические в своей основе, оно созвучно нашему времени.

Ветераны – опора завода. Это люди с большим жизненным опытом, прекрасно знающие свое дело. И Ерматов, и Дубинина, и сотни других равных им по жизненному опыту и увлеченности тракторостроителей стараются, чтобы их знания и умение стали достоянием учеников. Это авторитетные наставники, и учат они не только профессиональному мастерству, но и жизни. Притягательная сила ветеранов очень велика. Молодости вообще свойственна тяга к высоким идеалам, зрелости и опыту людей старшего поколения. А тут в дело вступает ежедневное непосредственное общение, устанавливаются прочные личные контакты. И молодые рабочие подражают не абстрактным героям труда, а вполне конкретным людям, старшим своим товарищам – Юхненко, Ерматову, Дубининой, десяткам других уважаемых на заводе людей. В этом воспитательная сила примера ветеранов, естественных центров притяжения в трудовых коллективах.

Дорогой творчества

Теперь обратим внимание на то, что труд современного рабочего все более приближается к труду инженерно-технических работников, в нем все больше места занимает творческий поиск. Неверно представлять себе труд инженера как непрерывный творческий процесс, в нем тоже много механического, шаблонного. Но неверно представлять и труд рабочего как пунктуальное следование требованиям технологии, разработанной инженерами. Вспомним Алексея Стаханова, его пламенное стремление взять от техники все. В какую могучую волну вылилось начатое им движение новаторов!

Строго следуя технологии, рабочий вместе с инженером участвует в ее совершенствовании. Так же, как инженера, его беспокоят узкие места производства, которые ему, знатоку своего дела, отчетливо видны. Внося в свою, казалось бы, строго регламентированную правилами и нормами работу элемент поиска, десятки тракторостроителей становятся рационализаторами, изобретателями.

Председатель заводского совета изобретаителей и рационализаторов Ян Борисович Белага называет фамилии рабочих, которые внесли ценные рационализаторские предложения. Слесарь заводской лаборатории Шавкат Каримов усовершенствовал несколько контрольно-измерительных приборов. Кузнец Геннадий Бакиновский внес изменения в технологию изготовления штампов, что удлинило срок из службы. Слесарь Виктор Омец внес настолько новые предложения по восстановлению режущего инструмента, что их оформляют как изобретение. И примеров таких десятки. Человек, страстный в работе и исканиях, творит чудеса. На тракторном заводе только рабочие ежегодно подают 1000 – 1100 рационализаторских предложений, и огромное большинство их внедряется. Этому содействует четкая система поощрений. Постоянно проводятся конкурсы, смотры деятельности рационализаторов. Выявляются победители. Каждое внедренное предложение и изобретение оплачивается. Поощряют рационализаторов в торжественной обстановке – в заводском клубе, при большом стечении людей. Инженеры помогают рабочим-рационализаторам подготовить чертежи, грамотно выполнить расчеты. На заводе действуют четыре консультационных пункта, назначение которых – помогать рабочим-рационализаторам.

Сближение труда рабочего и инженера особенно присуще цехам с высокой культурой производства. Наладчик, слесарь-сборщик, лекальщик, модельщик не только должны, но и обязаны проявлять смекалку, находить нестандартные решения. Сколько творческого труда вносят в исполнение своих обязанностей Юхненко, Ерматов, Дубинина! Ни одна опытная машина не минует золотых рук медалиста Выставки достижений народного хозяйства СССР Николая Михайловича Стефашина, прекрасного рационализатора и наставника молодежи. Его труд сродни труду инженера высшей квалификации. Знакомимся. Стефашин высок и жилист, в себе уверен. В требованиях строг. Заводу отдал 22 года. Пришел после ремесленного училища, умел мало чего.

- А теперь беру чертеж, сдаю готовое изделие, - говорит он. – Специфика цеха такова: через нас идет все новое. Поэтому и молодежь стремится к нам. Берем, учим, выводим в люди. В цехе много очень грамотных рабочих. Смотри и перенимай – быстро вырастешь. Только что справились со срочным заказом. Три месяца работали, и как работали – ударно! Сделали жатковые тракторы и отправили на испытание на целину. Проверили жатки здесь, на люцерне. Они отлично клали валки, я смотрел и радовался. Пойдет у нас жатковый трактор – это выход на всю страну, это такая перспективы роста! Новые тракторы снабдили кондиционерами – своими, заводскими, и герметичными кабинами. Думаю, сказали свое слово, резко улучшили условия труда тракториста. Конструкторы справедливо говорят: если машина может, а человек нет, то кому это нужно? Тракторист за рабочий день тратит энергии столько же, сколько

молотобоец. Поэтому в хозяйствах редко встретишь тракториста старше сорока. А наш жатковый трактор очень удобен, и тракторист, ручаюсь, возьмет от машины все. Конечно, делали эти тракторы – на часы не смотрели. Старались от души. Труд в нашем цехе действительно сродни инженерному. Иногда сразу что-то не получается – думаем, ищем, конструкторов задействуем. Я, например, широко пользуюсь технической литературой – периодическими изданиями, справочниками, учебниками. Что нам, экспериментаторам, мешает? Слабость материальной базы. Завод растет, экспериментировать надо больше и шире, а наш цех за ростом завода не поспевает. И еще нас, как главный резерв, администрация бросает на отстающие участки. Затыкает нами свои сегодняшние дыры. А работа над завтрашними машинами прекращается. Это не есть порядок. Нельзя отделять план от перспективы. Работа над машинами завтрашних серий – это самое важное, самое престижное в нашем деле.

Стефашин автор многих рационализаторских предложений; одно из них позволяет ежегодно экономить 26 тысяч рублей. Сын Стефашина, Игорь после восьмилетки просится на завод. Учиться дальше желания не изъявляет. «Возьму к себе, - говорит Николай Михайлович. – Заводской цех тоже школа, а для многих и университет».

Рабочие, о которых я рассказал, говорили со мной об очень личном – о своей работе, о жизни, о планах на завтрашний день. Но это очень личное было наполнено глубоким общественным содержанием. Мне нравилось, что этим люди умели делать правильные выводы, когда сталкивались с непорядком, с отклонениями от норм морали. Такие выводы для них – это команда к действию, к скорейшему искоренению обнаруженных недостатков. Они борцы по складу духа, по убеждению. Сразу ли они стали борцами? Понятно, нет. Но вся их предыдущая жизнь воспитала в них твердость духа, необходимость отстаивать свои убеждения. И сейчас они не проходят мимо чужой беды, непорядка, аморального поведения. Поэтому коллектив доверяет им представлять свои интересы в советских, в партийных и общественных органах.

Жизнь рабочего сегодня не замыкается в сфере производства, семьи. В кругу его интересов – самообразование, спорт, культурные ценности, техническое творчество. Все эти возможности не абстрактны, под ними прочный материальный фундамент. Государство построило для тракторостроителей жилой городок площадью 160 тысяч квадратных метров и ежегодно добавляет к нему 20 тысяч квадратных метров жилья. Построены также детские сады, пионерский лагерь в живописных предгорьях, клуб с массой помещений для кружковой работы, стадион с плавательным бассейном, медсанчасть. В многочисленных спортивных секциях занимается две тысячи человек, в кружках при клубе – 600 человек. В две смены идут занятия в школе рабочей молодежи, техникуме. Нет нужды скрупулезно перечислять все, об этой стороне жизни хорошо осведомлен каждый.

Недавно гостями тракторостроителей были 36 профсоюзных активистов из ФРГ, в большинстве своем рабочие. В их честь заводская художественная самодеятельность дала большой концерт. Гостям показали одну картину из оперы «Евгений Онегин», балетную сцену. Перед ними выступил струнный оркестр. Все участники концерта – рабочие и служащие завода. Один из членов делегации, пожилой человек, сказал тогда Абдурахиму Ерматову:

- Завидую!

Он, конечно, имел в виду не только прекрасный концерт в заводском дворце культуры.

…Здесь рассказано о рабочих Ташкентского тракторного завода. Но тот, кто попытался бы сегодня провести четкую грань между советским рабочим, крестьянином и интеллигентом, попал бы в трудное положение. В самом деле, крестьянин давно перестал быть единоличником, и условия жизни на селе постепенно сближаются с городскими. А наша интеллигенция вышла из народа, служит народу и живет его интересами. Развитие советского общества объективно ведет к стиранию граней между классами и социальными слоями. Так что общество быстрыми темпами приобретает черты общества бесклассового. И уже можно говорить о том, что сложилась новая историческая общность людей – советский народ.

ВЯЗАЛЬЩИЦА

Продвинуться вперед как можно дальше по пути достижения высоких конечных результатов, достойно завершить пятилетку – это не только горячее желание тех, кто работает честно. Это их инициатива, энергия, поиск. Это большая каждодневная напряженная работа. Узбекистан обязался добиться в 1980 году роста промышленного производства на 7,5 процента против 7 процентов по государственному плану, реализовать сверхплановой продукции на 200 миллионов рублей.

Успех республики складывается из выполнения своих обязательств предприятиями, бригадами, каждым тружеником. Например, коллектив трикотажного производственного объединения «Малика» обязался изготовить сверх плана изделий на 700 тысяч рублей. Вязальщица этого объединения Шоира Халмухамедова, обслуживающая четыре основовязальные машины вместо двух по отраслевой норме, работала в январе 1984 года в счет мая года 1984-го. Брошенный ею клич «Две пятилетки за одну» упал на благодатную почву. Только на «Малике» у Шоиры десятки последователей.

«Малика»

Прядением, ткачеством, вязанием человек занимается с библейских времен. Вспомним, как начинает Пушкин «Сказку о царе Салтане». «Три девицы под окном пряли как-то вечерком». Одна из них, большая мастерица, обещала наткать для батюшки-царя отменного полотна. Но из пряжи, из готовых хлопчатобумажных, льняных, шелковых, шерстяных нитей, намотанных на большие катушки, можно не только ткань соткать, но и связать теплый свитер или тончайшую ночную рубашку. Людям старшего поколения еще памятна такая картина детства: бабушка, клубок шерсти на ее коленях, мелькающие в руках спицы. Вязаные вещи и есть трикотаж.

Современные вязальные машины повторяют движения наших бабушек, вязавших спицами. Но они и умеют больше, и в тысячи раз производительнее. Станки последних марок позволяют получать любое переплетение волокон, любой рисунок. Этим и ценен трикотаж – бесконечностью возможностей, способностью удовлетворить самого взыскательного потребителя. Первыми разгадали преимущества трикотажа женщины. На каждой из них давно уже гораздо больше трикотажа, чем текстиля. А все потому, что трикотаж полнее отвечает запросам человека, чем обычная ткань.

В Узбекистане немало трикотажных фабрик. Пять из них входят в производственное объединение «Малика» – четыре ташкентских и одна джизакская, новая, построенная недавно. 6200 рабочих и служащих составляют коллектив объединения; три четверти из них – лица местной национальности. На каждого работника в год приходится более двух тысяч изделий, от прозаических детских маек и колготок до элегантных детских костюмов, отвечающих последним велениям моды. Все цвета радуги, огромное разнообразие изделий олимпийского года. Немало это и в стоимостном выражении – 74 миллиона рублей. Впрочем, не буду спешить с такими оценками, как «много», «мало». Рынок остается не насыщенным, спрос на многие изделия, особенно детского ассортимента, удовлетворяется пока не полностью. А это стимул для поиска, инициативы, роста.

Да, о названии фирмы. Малика, в переводе с узбекского, принцесса. Пусть принцесс у нас давно нет, смысл названия, полагаю, в том, что изготовленные объединением вещи позволяют каждому из нас выглядеть наилучшим образом. Десятую пятилетку фирма начала, имея удельный вес изделий, удостоенных Знака качества, два процента. А завершает с шестнадцатью процентами таких изделий. Это не бедно, если учесть, что фирма не получает ни грамма сырья со Знаком качества, что большая часть пряжи маркирована вторым сортом.

Головное предприятие «Малики» расположено в бывшей старой части Ташкента, у кольца трамвая № 10. Рядом протекает канал Бозсу, не так давно деливший Ташкент на азиатскую и европейскую части. Близок и парк «Победа» со строящейся трехсотметровой телебашней, с выставкой достижений народного хозяйства Узбекистана. Близки и жилые кварталы. Мужчины идут работать на машиностроительные заводы, которыми богата северная промышленная зона Ташкента, а женщинам – прямая дорога на «Малику». Близко, а, значит, и удобно. И труд специфически женский, требующий внимания, аккуратности. Наверное, по этой причине «Малика» обходится без общежитий.

Головное предприятие не похоже на те швейные и обувные фабрики, которые поднялись в городе за последнее десятилетие. Здесь нет просторных многоэтажных корпусов из бетона и стекла, в которых под одной крышей сосредоточены все основные технологические линии. Цехов много, есть среди них и глинобитные. В 1942 году эти цеха приютили швейную фабрику имени Клары Цеткин, эвакуированную из

Ростова на Дону. В ту тяжелейшую зиму Узбекистан принял 104 завода из западных областей страны, и 102 из них навсегда остались на узбекской земле.

С тех пор оборудование неоднократно менялось, технический прогресс шел в ногу со временем. Трикотажники не плелись в хвосте событий. Росла и производительность труда. Фирма многие годы подряд завоевывает переходящее Красное знамя министерства легкой промышленности Узбекской ССР. На новой джизакской фабрике верхнего трикотажа проектные мощности были освоены досрочно. Фабрике-новостройке в Джизаке объединение оказало массированную и комплексную помощь. 600 молодых работниц, выпускниц средних школ, прошли основательную подготовку в Ташкенте. Объединение командировало в Джизак опытных наладчиков, технологов. Общими усилиями удалось решить и такие непростые вопросы, как строительство жилья, объектов соцкультбыта. И новая фабрика удивительно быстро вышла на проектную мощность. Это ответ на вопрос о том, из чего складывается сверхплановая продукция. Из добросовестности и инициативы коллектива. Из новаторства. Из умелого руководства, создающего все условия для честной, вдохновенной работы.

Машины для легкой промышленности – одни из самых совершенных. Их рабочие элементы человек оттачивал веками. И когда входишь в цехи «Малики», первое, что бросается в глаза, это высокая техническая оснащенность предприятия. Стены еще глинобитные, а начинка на уровне электронного века. Много импортного оборудования. Осново-, плоско- и кругловязальные автоматы – настоящее чудо техники. Видишь, что трикотаж поистине неисчерпаем. У «Малики» и свое красильное производство, свой отделочный участок. Швейные цехи, в которых трикотажное полотно превращается в готовые, на самый взыскательный вкус, изделия. В закройном цехе работает уникальная машина по обрезке кружев, создана заводским умельцем слесарем Геннадием Власовым в содружестве с инженерами. Ее нож в точности копирует линию узора. Эта машина заменила труд 80 человек. Вот еще один ответ на вопрос, как проявляется сверхплановая продукция. Девиз «Твори, выдумывай, пробуй!» – правильный девиз. Не одни мощные конструкторские бюро, но и заводские рационализаторы продолжают совершенствовать технику, которая уже хороша по всем статьям.

Святая святых производства – экспериментальный цех, ателье мод «Малики». Руководит этой первоклассной художественной мастерской Нина Павловна Исматходжаева, модельер с тонким вкусом, богатой фантазией и глубокими знаниями. Трудно описать созданные здесь вещи, их надо увидеть. Не модных изделий «Малика» не выпускает совсем. Директор объединения Батыр Кадырович Иргашев рассказал о таком эксперименте. Пошили сто добротных жакетов традиционного английского фасона. Без единого изъяна пошили. И сто батников сработали. Грубо сработали – дырки были, другие дефекты. Жакеты отправили в один магазин, батники – в другой. Батники разобрали в одно мгновение, на изъяны не обратили внимания. А добротнейшие жакеты почти все остались непроданными. «Качество, мол, не то», - заявили товароведы. Но качество было наивысшее. И на «Малике» поняли, что такое мода и как важно идти в ногу с ее требованиями. Изделие непременно должно быть модным. И уже потом соответствовать стандарту.

Как приходит мастерство

Вязальщицей Шоира Халмухамедова стать не мечтала. Хотя человеческое уважение – то уважение, о котором мечтал Алексей Стаханов, когда устанавливал свой исторический рекорд, пришло к ней именно потому, что она стала замечательной вязальщицей, не останавливается на достигнутом и всей душой стремится, чтобы такие же высокие результаты были у тех, кто работает с ней рядом. Шоира – кавалер орденов «Знак почета» и Трудового красного знамени, депутат городского совета народных депутатов. Все это – следствие человеческого уважения.

Когда Шоира в 1966 году сдавала выпускные экзамены, а затем вступительные в политехнический институт, на отделение переработки пластмасс, она видела себя инженером-технологом, хозяйкой светлого цеха, в котором умные машины формуют из белых гранул капрона и полиэтилена и детские игрушки, и детали машин. Но на конкурсных экзаменах в институт получилась осечка – недобор баллов. Разочарование, конечно, было сильное. Но вывод девушка сделала правильный: в неудаче обвинила себя, год сидела над учебниками, готовилась. И следующим летом поступила. Казалось бы, добилась своего. Но открылись следующие высоты, взойти на которые оказалось сложнее, чем преодолеть первый барьер. На второй сессии она не сдала математику. Ходила сдавать раз десять, но каждый раз путалась в функциях и их производных. Теперь она считает, что ей помешала застенчивость. Она стеснялась спрашивать у подруг, обращаться к преподавателю за консультацией. Но как бы там ни было, а высшая математика стала для нее камнем преткновения. Пришлось забрать документы и уйти, понурив голову.

Это разочарование было глубже первого и держалось дольше. «Неспособная!» – укоряла она себя. Навалилась апатия. Стыдно было смотреть в глаза жизнерадостным, удачливым подругам. Отец, мать и сестры вели себя с ней деликатно и по-житейски мудро. Не попрекали. Говорили, что есть и другие жизненные пути, и нужно ступить на один из них, чтобы погасить огонь разочарования. «Не всем дано

быть инженерами, - объяснял отец. – Будь, как и я, рабочим. Уважение и почет приходят не к должности, а к человеку». В семье рабочей, дружной ей не могли бросить грубо: «Ага, провалилась! Постой-ка теперь всю жизнь у станка!» И все равно перешагнуть через апатию было не просто. Прошло какое-то время, прежде чем прояснилось сознание и жизнь обрела свои обычные краски. Четыре стены, пол, потолок, гнетущее одиночество – нет, лучше работать! Выбирать, однако, Шоира не стала, ей еще было все равно, где работать. Ближайшим к дому предприятием была головная фабрика «Малики», и Шоира переступила ее порог. Трепета не ощутила, сердце билось спокойно. Но день запомнила – второе декабря 1968 года.

Сейчас над турникетом висит большая фотография Халмухамедовой. Идет Шоира на смену, смотрит на свой портрет, улыбается Шоире на портрете. «Мы с тобой чего-то достигли, не так ли?»Улыбается быстро, озорно, заговорщически. Этого никто не должен видеть. А ведь впервые она входила сюда без улыбки, в расстроенных чувствах. Не думала, что здесь ее ждут известность, слава, что ей будут подражать. Не мечтала об этом. Рассеянно обходила цехи в сопровождении сотрудницы отдела кадров. В вязальном цехе громоздкие станки медленно накручивали на широкие барабаны готовое трикотажное полотно.

- Определите меня сюда! – попросила она. Менять место работы в дальнейшем ей не пришлось, в этом не было необходимости. Учеба у станка – основовязальной машины «Крокетт-2» производства ГДР – во многом отличалась от учебы в институте, ибо быстро привела к хорошим практическим результатам. Профессии Шоиру обучала опытная и строгая вязальщица Антонина Бойко, эвакуировавшаяся в Ташкент из Ростова в памятную первую военную зиму. За строгостью наставника Шоира быстро разглядела доброго, душевного, глубоко знающего жизнь человека.

Часто удивлялась: «Тетя Тоня, как быстро вы заправляете нить в ушковую гребенку! Мне бы так!» Училась заправлять станок, ликвидировать обрывы. Ткацкий станок автоматически останавливается при обрыве нити основы, вязальный – нет. И трикотажное полотно получается с дефектом. На обнаружение обрыва и остановку станка дается восемь секунд. Навыки девушка приобретала быстро, потому что старалась. Сказались добросовестность, трудолюбие, воспитанные в семье. Белоручкой Шоира не была никогда, любая работа по дому кипела в ее руках. Уже через месяц Бойко доверила ей один станок. А через два месяца ученичество формально завершилось, Шоира стала обслуживать два станка, а это и было отраслевой нормой. Постигая новое дело, девушка оттаивала душой. Работа, издали казавшаяся почти домашней, связанной с покоем, со спицами, с бездумным неспешным автоматизмом движений, постепенно втягивала ее в свое быстрое русло. Покой, неспешность, бездумный автоматизм действий – не для современного производства. Более того, они его первые враги. Это она осознала быстро, еще в начале ученичества.

Как-то Антонина Бойко спросила: «Шоира, как переводится твое имя?»

- Поэтесса, - ответила девушка и покраснела. Наставница, подумав, сказала: «Звучное у тебя имя, красивое. Что ж, все твои стихи и поэмы будут из трикотажа. Человек ты серьезный, и судьба твоя должна сложиться счастливо, интересно».

- Спасибо, тетя Тоня!

Знала многоопытная наставница, что говорила. Как в воду глядела. Обслуживая две машины, Шоира очень скоро почувствовала себя полноправным членом коллектива. Этого ей и хотелось. Поскорее избавиться от неопытности, стать, как все. На это потребовался год. У Антонины Бойко она переняла все лучшее. Освоилась, огляделась, и теперь видела, что может пойти дальше. В коллективе она была теперь своя. У нее появились первые общественные поручения. Администрация обратила внимание на ее энергию, отзывчивость, принципиальность. Ей нравилось не только вязать свое полотно, но и что-то организовывать, улучшать. Общение с людьми, так тяжело дававшееся ей прежде, теперь приносило радость, потому что стало потребностью. Ей нравилось, что к ее словам прислушиваются, стараются взять все полезное коллективу и производству, что она предлагает.

Появилась уверенность, а от нее до окрыленности оставался один шаг. Многие операции, особенно заправку станка, она уже выполняла быстрее других работниц. Где же теперь было ее место в рабочем строю? Это помогло выяснить соревнование. Шоире давно нравилась атмосфера трудового соперничества. Объявили об очередном конкурсе рабочего мастерства.

- Ты должна участвовать, у тебя хорошие шансы, - сказала Бойко. Она продолжала следить за ней, направлять и помогать, с удовлетворением отмечая, что в помощи Халмухамедова нуждается все реже. Птенец оперился и расправляет крылья.

К первому в своей жизни конкурсу рабочего мастерства Шоира готовилась вдохновенно. Загорелась. Говорила себе, что звание «лучший по профессии» – это то же самое, что и школьная золотая медаль. Все продумала, мобилизовалась. Каждый день проверяла себя, оттачивая и оттачивая все операции. Очень старалась – и победила.

- Эту победу Шоиры мы все сочли случайной, - поделилась потом мнением секретарь партийного комитета «Малики» Клавдия Петровна Тишина. – Мол, слишком молода еще девочка, чтобы

по-настоящему знать дело. Хотя то обстоятельство, что девушка после одного-двух лет работы обошла не только своих сверстниц, но и опытных кадровых работниц, конечно, заставило обратить на нее внимание. Молодо, однако, не обязательно зелено. Это и доказала Шоира, блистательно победив и на втором конкурсе, и на третьем. Всякие разговоры о случайности, о везении были пресечены в корне. Шоира значительно опережала всех уже на зарядке станков. Остальное, как вы догадываетесь, дело техники, а техника ее не подводила. Очень быстро Шоира стала гордостью «Малики». Прожектор славы нашел ее. На нее теперь равнялись, ей старались подражать.

Эти победы дороги вязальщице прежде всего тем, что она поверила в себя окончательно, увидела себя в новом свете. Но у медали была и оборотная сторона – известность, слава. И тогда, и сегодня это для нее тяжелая ноша. Быть на виду она не привыкла и не хотела. Быть как все – пожалуйста! От прожектора славы она желала бы заслониться и сейчас, его лучи слишком горячи. «Для кого как!» – воскликнул бы иной. Да, для кого как.

За первые победы в конкурсах мастерства Шоире торжественно вручили именные часы, а за третью, развеявшую все сомнения, она была премирована путевкой в Пицунду. По труду и честь,в се правильно. Море, ароматные сосны, горы в белых косынках, прекрасный санаторий – все это оставило неизгладимый след в душе Шоиры, отзывчивой на доброту.

В безмятежные дни отпуска, когда на залитый солнцем пляж накатывались ласковые волны и с тихим вздохом угасали у самых ног Шоиры, девушка задумалась над тем, что привело ее на этот удивительный берег. «Я работница, каких тысячи, - говорила она себе. – Но меня выделили. Стране дорого то, что я стараюсь. Страна заинтересована в моей честной работе. Если прежде я старалась потому, что отец и мать воспитали во мне добросовестность, то теперь буду стремиться, как Стаханов, стать лучше и выше самой себя. Это достойная цель. Чтобы ее достигнуть человек должен все время совершенствоваться в любимом деле. Ведь не остановишься, не скажешь себе: я всего достигла, это вершина. А дальше тогда куда? Вниз?» Больше знать, больше уметь, больше давать – такой видела она свою программу на ближайшее будущее.

Сила соревнования

Состязательность – это проба сил. В хорошем, конечно, смысле. Не такая проба сил, когда сильный побивает слабого, а слабый потом тихо чахнет в тени. Наша, советская состязательность – это такая проба сил, которая улучшает всю постановку дела на производстве и от которой выигрывают общество, весь народ. Не слава, не личная выгода лежат в ее основе, а общее благо.

Аксиомы соревнования просты. В беге побеждает быстрейший, в борьбе сильнейший. В трудовом соперничестве, соответственно, побеждают мастерство, добросовестность, инициатива. Соревнование в трудовом коллективе включает в себя многое от состязательности. Но оно гораздо больше, богаче, разнообразнее. Ведь, работая творчески, с полной отдачей, труженик неизбежно приходит к новой оценке ценностей, в результате которой наступает красивая гармония в соотношении личного и общего.

Когда трудовое соперничество выливается в соревнование, оно не разъединяет людей на индивидуумы, старающиеся каждый для себя, а, напротив, спаивает их в коллектив, потенциальные возможности которого практически безграничны. Человек в таком коллективе очень быстро начинает сознавать, что его личный успех ничто без успеха коллектива, и его работа приносит ему удовлетворение только при четкой постановке дела в целом. Заинтересованность в общем успехе, в победном движении страны к намеченным высотам – вот что воспитывает в труженике соревнование. Это и открывает путь к высоким конечным результатам.

Что изменилось после того, как Шоира завоевала почетное звание лучшей по профессии? Окрепла уверенность в себе, в своих силах, и это расширило ее возможности. Другим, более строгим, взыскательным, стало и чувство ответственности. Если по болезни не выходила на работу вязальщица из ее смены, Шоира просила помощника мастера дать ей один из простаивающих станков. Справлялась и радовалась тому, что справляется. Ускорялся ритм труда, обострялось внимание. Но большей становилась и полезная отдача. Иногда бралась обслуживать и четыре машины. И здесь справлялась. Но это были отдельные эпизоды, нормой они пока не становились. Однако крепла уверенность в том, что она может работать на трех, на четырех станках. А значит, работать как прежде, то есть обслуживать два станка, означало работать вполсилы, давать обществу меньше, чем она была в состоянии дать. Так созревала в ней решимость перейти на обслуживание четырех станков, работать за двоих. Нужен был толчок, чтобы решимость перешла в действие, в почин.

Вскоре после того, как Шоира вернулась из Пицунды, на «Малику» из Львова пришло письмо. Львовское трикотажное объединение «Луч» приглашало для о бмена опытом делегацию ташкентских трикотажниц. В делегацию вошли лучшие, в том числе и Шоира. В далеком, у самой западной нашей границы, и не похожес на Ташкент городе посланцев Узбекистана встретили хлебом-солью. Шоира познакомилась со знатной вязальщицей Нинель Ивановной Ион. Обе они обслуживали одни и те же

машины. Они провели вахту дружбы – проработали вместе одну смену. Как обычно, смена длилась восемь часов. Этого времени оказалось вполне достаточно Нинель Ивановне, чтобы увидеть: Шоира любит свою профессию, многое умеет, к своим обязанностям относится честно, мечтает о новых высотах. Львовская вязальщица с радостью показала новой подруге некоторые свои приемы. В свою очередь, добрая, отзывчивая Нинель Ивановна не могла не понравиться Шоире. Они заключили договор на соревнование. Так родилось обязательство Шоиры перейти на повышенную зону обслуживания.

Много полезного увидела она на родственном предприятии. Во Львове вязальщица сама не заправляла станки, это делал заправщик. И качеству продукции львовяне уделяли несравненно больше внимания. Поставили дело так, что за высокое качество изделий боролись все трикотажницы. Недаром впоследствии львовскую систему управления качеством продукции стали внедрять по всей стране. Текучесть кадров на «Луче» тоже была меньше, чем на «Малике». Многоопытный, сплоченный коллектив с высокой производственной культурой. Все это произвело на Шоиру впечатление. В народе говорят: «Опыт к опыту – богатство». Шоира дала себе слово перенять все лучшее, что увидела на «Луче».

Ион показала себя гостеприимной хозяйкой. Пригласила домой, познакомила с мужем, сыновьями. Повезла смотреть город. В честь узбекской делегации художественная самодеятельность «Луча» дала большой концерт. Теплота и сердечность встречи крепко запомнились Шоире. Были и другие впечатления, тоже неизгладимые. Ташкентскую делегацию повели на могилу славного сына узбекского народа капитана Салиджана Ахунова, павшего смертью храбрых при освобождении Львова. Торжественно, в скорбном молчании легли на надгробие цветы. Усилием воли Шоира сдержала слезы. И острее, чем в Пицунде, почувствовала, что ее родина – не только Ташкент, а вся необъятная страна, народы которой живут в дружбе и согласии. Хозяева подарили гостям вымпелы «Кращий по профессии» и детские украинские национальные костюмы. И по сей день в детском саду «Малики» в этих ярких костюмах ребята дают праздничные концерты.

С тех пор Шоира и Нинель Ивановна дружат, встречаются ежегодно, пишут друг другу любезные письма. И не забывают подвести итоги соревнования. В таких случаях обычно говорят: «Победила дружба». Глубоко убежден, что это действительно так. В одну из следующих встреч Шоира вручила Нинель Ивановне символический «ключ мастерства». «Это и ключ от моего дома», - сказала она, когда стихли аплодисменты. Она не любила громких слов. Все, что она говорила и делала, шло от сердца.

Кончалась девятая пятилетка. Шоира попеременно работала на трех, на четырех станках. Как относились к этому те, кто работал рядом? Тамара Молева, кадровая работница и вязальщица с золотыми руками, говорила: «Молодец, девочка! Но только я от тебя не отстану». Подруги и сверстницы Раиса Маткаримова и Машкура Кадырова говорили: «Пробуй, Шоира! У тебя получится – и мы попробуем, поддержим тебя». А некоторые говорили другое. Нашептывали: «Перестань, остановись, тебе что, больше других надо? Вот сделают нам три станка нормой, снизят расценки – что запоешь?»Обидно было слышать это. Навертывались слезы, сжимались кулаки. Но жизнь была на ее стороне. И Шоире адаже не пришлось агитировать, убеждать. Отраслевая норма, как научно обоснованная, осталась неизменной. И те вязальщицы, которые перешли на обслуживание трех станков, зарабатывали теперь в полтора раза больше. Росла производительность труда, большая работа делалась меньшими силами.

В начале десятой пятилетки Шоира не только перешла на постоянное обслуживание четырех машин, но и обратилась, вместе с другими лучшими рабочими республики, с призывом выполнить две пятилетки за одну. Откликнулись тысячи – токари и водители, ткачихи, швеи, строители. Те, у кого не было возможности выполнять ежедневно по две нормы, принимали обязательства поскромнее. Но свой кирпич в величественное здание новой пятилетки стремился положить каждый. Шоира и удивилась, и обрадовалась силе поддержки. «Не одна я – мы стараемся», - видела она, и сердце ее наполнялось гордостью за совершенно незнакомых людей, выступивших в поддержку ее почина.

Пятилетнее задание она выполнила 8 апреля 1978 года. За пятилетку она даст почти одиннадцать годовых норм. Итогом она, несомненно, гордится. Хотя теперь она и не первая среди вязальщиц. Нурия Иргашева и Сания Ягудина выполнили по две пятилетки каждая раньше нее. И Тамара Павловна Молева, наверное, впереди. Депутатские обязанности, визиты в составе делегаций на родственные предприятия отнимают время. Но слово свое Шоира держит с честью.

Тяжело ли выполнять две отраслевые нормы?Сама Шоира говорит, что очень тяжело, - к концу смены ее шатает от усталости.И практика показывает: далеко не каждая вязальщица в состоянии работать на четырех станках, даже на трех. Могут только самые энергичные, упорные, волевые. Могут лучшие.

Что дала обществу инициатива Халмухамедовой? Почин силен, прежде всего, последователями. На «Малике» большинство вязальщиц ее почин подхватили, и сейчас предприятию требуется на 25 вязальщиц меньше. При растущем с каждым годом в стране дефиците рабочей силы это немало. Но превышают нормы выработки и закройщицы, отделочники, швеи. И не будь новаторского движения «Две пятилетки за одну», начатого Шоирой, ежедневно порог фабрики переступало бы на сто рабочих больше.

Нельзя не остановиться и на такой стороне работы вязальщиц, как взаимопомощь. Каждая из них работает вполне самостоятельно, ее выработка учитывается отдельно. И, тем не менее, помогать друг другу в цехе стало нормой. «Бывает,у меня станки идут легко, ровно, а у соседки – нет, - говорит Шоира, - и я помогаю ей. А как же? Бывает наоборот, и тогда я как должное принимаю помощь подруги. При заправке станков помощь просто необходима. Наши катушки с нитками не похожи на те, что продаются в магазинах. В каждой 35 килограммов, 385 нитей равной длины. У нас не принято стоять в стороне, если кому-нибудь трудно».

- Есть ли на фабрике рабочие, не участвующие в соревновании? – поинтересовался я.

Шоира подумала и сказала: «Нет таких. Ну, что сдельщики соревнуются между собой, это понятно. Вся их выработка на виду. Но мы и ремонтников вовлекли в соревнование. Чем реже техника, которую они обслуживают, подводит, тем выше балл. Даже среди уборщиц определяем победителя соревнования. Никто не остается в стороне, и администрация строго следит за этим. Бригады и цехи соревнуются не только за высокие производственные показатели, но и за то, чтобы среди их работников не было отстающих. Так, цехи красильный и нетканых материалов работают без отстающих четвертый год. А, вообще, знаете, как хорошо, какое это прекрасное чувство, когда у тебя все ладится, когда выполняешь все, что пообещала, и тебя уважают – за это, а еще больше за то, что на тебя можно опереться. Это и есть счастье!»

Чествование победителей соревнования на «Малике» стремятся обставить торжественно, превратить в праздник. Итоги подводятся всенародно, на стыке смен, у доски почета. Как только у объединения появится свой дворец культуры, эта красивая церемония будет перенесена в актовый зал. * марта (не будем забывать, что коллектив на «Малике» в основном женский) присваиваются звания «почетный рабочий объединения», «ветеран труда». Тепло все это проходит, сердечно, и потому трогает до глубины души. В полную силу действуют и материальные стимулы. По труду и честь – это давно уже принцип нашей жизни.

Шоира, как член партии

От выполнения отдельных общественных поручений до вступления в ряды коммунистической партии Халмухамедова прошла большой путь. По времени он занял восемь лет. И знали ее уже отлично на «Малике», и ее патриотическая инициатива уже была широко подхвачена, а она все оставалась беспартийной. Считала, что должна еще зарекомендовать себя. Но к выводу, что коммунизм надо строить коммунистом, пришла самостоятельно и намного раньше того дня, когда принесла секретарю первичной партийной организации свое заявление. Рекомендации ей дали хорошие, приняли единогласно. Три года пребывания в партии очень расширили ее кругозор. Оказалось, что первичная партийная организация может многое. Она создает творческую обстановку, в которой каждый работает в полную силу. Она использует такой эффективный элемент созидания, как критика и самокритика, претворяя в жизнь предложения и критические замечания коммунистов. Она влияет на все стороны жизни и деятельности трудового коллектива. Она воспитывает верность слову, чувство долга, ответственности. Все это Шоира поняла быстро. Она увидела, что, будучи членом партии, человек в состоянии сделать гораздо больше, чем просто сочувствуя партии, ибо он опирается на помощь и силу единомышленников.

В цеховой организации, которая приняла Шоиру в свои ряды, 28 членов партии. Секретарем коммунисты избрали старшего мастера Сурата Мухамеджанова. Это знающий, отзывчивый человек с хорошими организаторскими способностями. Готовя собрание, он привлекает к работе над докладом, к выработке решений как можно больше людей. Каждый член партии, считает Мухамеджанов, должен уметь подготовить и провести партийное собрание. В первом своем предложении, высказанном на партийном собрании, Шоира обосновала заправку станков не самими вязальщицами, а подсобными рабочими. Так давно уже поступали на львовском «Луче». Нинель Ион сама не ворочала 35-килограммовые катушки, это делали заправщики-мужчины. Внедрялось это предложение на «малике» не просто. Дело осложнилось тем, что подсобные рабочие получали мало, 70 – 80 рублей. Такая зарплата никого не привлекала. Посчитав вопрос актуальным, партийная организация попросила администрацию пересмотреть условия оплаты труда подсобных рабочих, перевести их на сдельную оплату. И заправщики стали получать 130 – 140 рублей. Это позволило закрепить кадры.

Как сработало предложение Шоиры? Партийная организация цеха немедленно довела его до сведения парткома. Там оно было зарегистрировано в специальной книге предложений и критических замечаний коммунистов и направлено для исполнения администрации «Малики». Директор объединения Батыр Иргашев быстро оценил новшество и лично контролировал исполнение предложения рабочей. Когда, как говорится, дело было сделано, Мухамеджанов проинформировал об этом коммунистов на очередном партийном собрании. Мог бы и не информировать, все и так видели, что это предложение реализовано. Но такой заведен порядок.

Вскоре Халмухамедову избрали членом партийного комитета объединения, а затем и членом городского комитета партии. Заботы и нужды ее производственного объединения, заботы и нужды

большого города стали и ее заботами и нуждами. Кто сказал, что от нее, рабочей, ничего не зависит? Кто мог так подумать? От нее, бойца партии, зависит многое. Две пятилетки за одну – это ее личный вклад в движение общества вперед. Плюс вклад ее последователей, вылившийся в добрую репутацию «Малики», продукция которой, кстати, давно не залеживается на прилавках. Чем больше ноша на ее плечах, тем строже, требовательнее к себе молодая вязальщица. Она впередсмотрящая, на нее равняются.

Вся десятая пятилетка на «Малике» проходит под знаком нарастающей борьбы за повышение качества работы. Качество изделий, авторитет фирмы зависят от множества причин, но первая среди них – отношение к делу самого работника, его добросовестность. Есть гвоздь, и есть шуруп. Гвозди забивают молотком, шурупы закручивают отверткой. И там, где этого нет, где шуруп с маху загоняют молотком, где сознательно нарушаются азы технологии, там не поможет и самая современная техника. Все равно в бочку меда будет влита ложка дегтя. Наведение должного порядка на каждом рабочем месте и в каждом цехе, - а тут администрация и трудовой коллектив действовали слаженно, единым фронтом, - сказалось и на темпах роста, и на добротности изделий. В этих условиях, естественно, резко повысилась эффективность новой техники. Встал вопрос о коренной реконструкции головного предприятия. Его обосновали, внесли на рассмотрение министерства легкой промышленности республики.

Пусть не сразу, но удалось добиться положительного решения, найти подрядчика. Новые производственные корпуса поднимутся по соседству со старыми, их фасады выйдут на Софийский проспект – одну из красивейших магистралей Ташкента. Но реконструкция даст полезную отдачу лишь к концу следующей пятилетки, когда будет завершена. Пока же она вносит в повестку дня одни прозаические вопросы: отчуждение территории, перемещение семей, заключение подрядных договоров, размещение заказов на оборудование. Семьи работников «Малики» администрация стремится переселить в ближайшие дома, чтобы они не поменяли место работы. А у горисполкома не всегда есть такая возможность. Надо просить, убеждать, настаивать. Иногда бывает полезно и обязать, обратившись за содействием в вышестоящие органы. И с такими вопросами теперь сталкивается Шоира. С каждым годом раздвигаются границы ее компетентности. Меняется характер оценок, масштаб мышления. На чашу весов кладутся интересы трудового коллектива, государства. Рабочая становится и общественным деятелем.

Еще к вопросу о качестве работы. На «Малике» внедряется автоматизированная система управления «трикотаж». Две электронно-вычислительные машины уже просчитывают 25 задач. Машины принимают на себя контроль за запасами и движением сырья, полуфабрикатов, готовых изделий, за выполнением плана по номенклатуре. Программисты обсчитывают следующие 25 задач. Каждая ЭВМ стоит полмиллиона рублей, и каждая окупится всего за год. Внедряется и своя собственная система управления качеством продукции. В ее основе лежит саратовский метод бездефектного труда. Много полезного почерпнуто и из опыта львовского трикотажного объединения «Луч». О ходе внедрения комплекса перед администрацией и партийным комитетом отчитались руководители всех цехов, руководители всех служб. И это правильно. Ибо система должна работать, давать эффект, совершенствоваться, вбирать в себя все новые крупицы опыта.

За пятилетку фирма освободилась от планово-убыточных изделий. Были пересмотрены цены на изделия детского ассортимента, и теперь рентабельны все виды трикотажа из всех видов сырья. Это начало большой и перспективной работы по совершенствованию хозяйственного механизма. Близится переход на оценку деятельности предприятия не по пресловутому валу, а по нормативной стоимости обработки. Не будет нужды гоняться за дорогим сырьем. Больше внимания коллектив сосредоточит на главном направлении – качестве продукции, выполнении заданий по ассортименту. Кстати, в 1979 году для покрытия дефицита в детских изделиях «Малика» резко увеличила выпуск продукции для детей. И этому очень способствовало то обстоятельство, что изделия детского ассортимента перестали быть убыточными. Не будучи членом парткома предприятия, Шоира едва ли когда-нибудь столкнулась бы с показателями эффективности хозяйственной деятельности «Малики», рентабельности производства тех или иных изделий. А так – столкнулась, вникла в их суть. Разобралась, поняла, из чего они складываются. И уже с открытыми глазами поддерживала администрацию, стремящуюся увеличить воздействие экономических факторов на темпы роста производства.

Готовит Шоира для рассмотрения и свое предложение. В последнее время «Малика» все чаще страдает от неритмичных поставок сырья, от невыполнения планов этих поставок. Соревнование по принципам «рабочей эстафеты» может подстегнуть поставщиков. Идея вязальщицы такова. Поставщикис ырья должны взять на себя обязательства по обеспечению поставок пряжи, красителей, фурнитуры, по повышению их качества, а «Малика» - по выработке из них модных и добротных изделий. Не попрекать за неудачи, не бичевать виноватых, а помогать, сообща добиваться высоких результатов. В этом главный принцип «рабочей эстафеты». Но как конкретно «Малика» может помочь прядильным фабрикам, не выполняющим плана? Посылкой своих рабочих? Это неэффективно, среди них нет прядильщиц. Критикой министерства, которое не обеспечивает гармоничного развития сырьевой базы? Критика, и очень резкая, звучала уже не раз.

Формы взаимной помощи еще предстоит найти – при деятельном участии министерства. Предложение, суть которого была ей ясна, еще не было продумано в деталях. И это ее останавливало. Наверное, имело смысл послать на прядильные фабрики не только толкачей-снабженцев, но и кого-то из членов парткома – посмотреть, как обстоят дела, подготовить на месте условия соревнования. «Посоветуюсь с Тишиной, с Иргашевым, - решает она. – Пусть и они подумают».

В ее идее, которая постепенно приобретает конкретные формы, есть рациональное зерно. И она знает это. Но есть и неясности. Ждать? Нет, действовать! Но сообща, помня о том, что опыт к опыту – богатство.

Замыслы

- Чего я хочу? – спрашивает Шоира. Вопрос кажется ей немного наивным. Разве отважишься рассказать обо всем – обо всем, о чем мечтаешь? – Много чего хочу, - неожиданно заключает она. Или это нескромно – хотеть многого?
- Это нормально.
- Вот и я так считаю. Я хочу больше знать, больше уметь, больше успевать. Это – задание самой себе на завтрашний день. Стаханов тоже мечтал об этом т вот как сформулировал свою задачу: «Стать лучше и выше самого себя». Я заочно учусь в политехническом техникуме, изучаю вязальное оборудование. После техникума, скорее всего, останусь вязальщицей, в технологи не пойду. Но глубокое знание машин, на которых я работаю, мне пригодится, скажется на производительности труда. Четыре машины, которые я сейчас обслуживаю – это, конечно, высота, но не предел возможного.

Затем, я хочу видеть «Малику» образцовым предприятием с самой совершенной техникой. Мы откроем при нашей художественной мастерской цех особо модных изделий и всю его продукцию направим в фирменные магазины. Наши модельеры часто создают удивительные вещи. Хочу, чтобы каждого, кто наденет наш костюм или свитер, спрашивали: «Где купили?» Пусть тут я не совсем права, пусть во мне говорит местный патриотизм, в душе-то я знаю, что товаров любых и разных должно быть достаточно, а в таком случае вопрос «Где купили?» неуместен. Но людям, носящим наш трикотаж, он должен нравиться, это непременное условие.

Мы будем иметь свои жилые микрорайоны. Дворец культуры, стадион, профилакторий, зону отдыха. Понимаю, что это вопрос времени. Но в наших силах сжимать время, приближать желаемое. Хочу также, чтобы меня как можно реже приглашали на всякого рода мероприятия – собрания, заседаний и так далее. – Она улыбнулась, но по тону я понял, что для нее это важно. – Страшно не люблю председательствовать, сидеть в президиумах. Да я лучше вторую смену отработаю, чем в президиум пойду!

- Стесняетесь?
- Очень.
- А портрет в проходной, которому вы говорите: «Здравствуй, Шоира! Мы с тобой кое-чего достигли, не так ли?»
- Ну, это озорство, ребячество! А на больших заседаниях, да еще в президиуме я никогда не чувствую себя свободно, непринужденно.

Я пожелал Шоире хороших, счастливых перемен. А она вдруг сказала: «Знаете, за что я больше всего люблю жизнь? За то, что могу быть полезной людям».

Мы расстались, и лишь тогда я подумал, что одна сторона жизни Шоиры осталась за рамками нашего долгого, скрупулезного разговора, - ее личная жизнь. Она ее намеренно не коснулась, а я постеснялся вторгнуться в эти пределы, сугубо личные. Шоира была не замужем. Двадцать восемь лет, и одна. Я подумал, что когда работа – это все, это обездоливает. Ее возвысили, она в президиумах, а на Востоке мужчины не жалуют женщин, возвышенных обществом. Не жалуют в том плане, что не связывают с ними свою жизнь. Ибо в их представлении такая женщина – не для семейного очага. На Востоке такую женщину мужчины обходят стороной. И время проходит, а никто не называет Шоиру мамой, и нет у нее любимого человека, с которым ей было бы хорошо. С которым ей было бы так хорошо, что, возможно, всего остального уже и не надо. И тут своего слова не скажут ни администрация «Малики», ни ее партийный комитет. Я очень хотел, чтобы одиночество вязальщицы Шоиры Халмухамедовой завершилось счастливым замужеством, и как можно быстрее.

КРЫЛЬЯ СОРЕВНОВАНИЯ

Лучшие

Работа. Работа хорошая, за которую благодарят от души. Работа редкая, виртуозная, за которую как-то стесняются хвалить, ибо слова бледнеют перед увиденным. Ее наблюдают молча, с грустной завистью: «Я так не умею». Зависть эту испытывает каждый из нас, сталкиваясь с истинным мастерством, и если ее нет, значит, человек беден духовно. В этой хорошей зависти изначальное стремление к совершенству, не получившее, по ряду причин, своего воплощения в отточенное, законченное мастерство. Впрочем, те, про кого мне было известно, что они достигли высочайшего мастерства, говорили не рисуясь, искренне так, доверительно говорили, что законченного маситерства нет и они не считают, что достигли потолка. Токарь «Таштекстильмаша» Николай Марков так говорил (на заводе в один голос заявили, что он лучший), и бригадир хлопкоробов Ахмаджан Валиев, вырастивший на голодностепской земле 55-центнеровый урожай, и бригадир ташкентского треста «Высотстрой» Джалил Каюмов, и прославленная ткачиха Лидия Павловна Казанцева.

Пожалуй, они правы, совершенствоваться в любимом деле можно беспредельно. Да и как скажешь себе, что всего достиг? А что тогда дальше? И получается, что идти дальше, добиваться большего могут и лучшие, причем возможности у них более широкие, ибо фундамент, на который они опираются в своих дерзаниях, самой высокой пробы. Как раз лучшие, как никто другой, и стремятся добиться большего. Просто и естественно лучшие берут на себя роль лидеров в своих трудовых коллективах. Они быстро становятся своеобразными центрами притяжения. На них равняются, им стараются подражать – зачастую безотчетно. Иногда их догоняют. «Клуб лучших» расширяется, двери в него ни для кого не закрыты. Такое событие всегда праздник в рабочем коллективе. Лучшие становятся инициаторами патриотических начинаний, которые достигают каждого предприятия, каждого уголка страны. «Недельную норму – за четыре рабочих дня!» «Ни одного отстающего рядом!» «Ученику – рубеж наставника!» «Пятилетке качества – рабочую гарантию!» Эти призывы всегда актуальны. Они вносят в соревнование свежую струю, делают его в высшей степени предметным. Подкрепленные творчеством миллионов, они обретают большую созидательную силу.

Приятно и то, что инициаторами становятся лучшие. А как же иначе? Не овладев мастерством, не став примером для тех, нельзя призывать других работать лучше, добиваться большего. За тобой просто не пойдут. Одна из задач нашего соревнования – опыт и достижения передовиков сделать общим достоянием. В соревновании нам наиболее ценны его организующие, мобилизующие функции. Оно привносит в работу, зачастую монотонную и однообразную, элементы яркого состязания. Оно рождает энтузиазм, ибо его девиз – творить, выдумывать, пробовать. Рождает соревнование и своих героев, которых народ знает поименно. Чествуя их, мы стремимся к тому, чтобы их высоты стали доступны и нам. Стараемся повторить их выдающиеся достижения.

Ленин видел в соревновании родник созидательных сил, возможность проявить способности, которых в народе непочатый край. Жизнь, советская действительность подтвердили его правоту. Соревнование как раз и предусматривает творческое отношение к труду, и чем лучше оно организовано, тем выше в нем творческое начало. Если человеку его работа доставляет радость, это, бесспорно, огромное социальное завоевание. Итак, инициаторами ценнейших начинаний становятся лучшие в своем деле, из мастеров мастера. Не все лучшие, но непременно лучшие.

Жизнь счастливо сводила меня с людьми, незаурядное мастерство которых делало их своеобразными маяками в рабочих коллективах. Я вспомнил многих симпатичных людей, умеющих прикоснуться душой к своему нехитрому, казалось бы, делу.

Вот Яков Филиппович Шварц, сварщик научно-исследовательского отдела среднеазиатского отделения института «Гидропроект». Немногословный, строгий человек, улыбающийся редко, но обаятельно. Жизнь порядком помяла его, в его прошлом были и трудовой фронт, и неуважительное отношение к немцам, на которое он отвечал однозначно: «Как вы ко мне, так и я к вам». Я проработал рядом с ним четыре года. Первое время его замкнутость меня отпугивала, и я удивлялся, почему начальник отдела всегда обращается к нему, а не к его напарнику, сварщику с таким же высоким разрядом. Мне казалось, что Шварц не уважает руководителя, что тому приходится чуть ли не упрашивать его. Почему же, удумал я, этот умный человек терпит все причуды Шварца? Потом увидел, почему. На всем, что делал Яков Филиппович, можно было, по нынешним понятиям, поставить Знак качества. Его же напарник мог допустить брачок и скрыть его, то есть слукавить. И руководитель не считал зазорным пойти на поклон к строптивому рабочему. Это была благодарность, но странная, я даже видел в ней что-то от ритуала. Но передать свое мастерство Шварц не умел, ему не хватало терпения. Ему казалось, что напарник должен работать так же, как и он, а у напарника это обыкновенно не получалось, и Шварц быстро прогонял его,

говоря, что он не нянька. Мастер? Да, мастер. Но не наставник, значит, и не лидер. Такие, как я потом понял, очень редко становятся инициаторами широких починов.

Вторым умельцем в научно-исследовательском отделе был столяр Дмитрий Трофимович Буркин. Жизнь и к нему не всегда была ласкова. В году 1941, осенью, в боях под Вязьмой, в окружении, он вынужден был поднять вверх руки. Ибо другой выход из создавшегося положения – смерть – его не устраивал. Три с половиной года плена он воспринимал, как вину неисправимую, и, как мог, ее отрабатывал. Этот высокий, сильный, добродушный человек руководил бригадой, хотя и небольшой, и мастера у него подобрались отменные. Но сам он всегда выделялся, прежде всего, своей неутомимой любознательностью, восторженной, мальчишеской тягой к новшествам. Принимая задание, он обычно задавал с десяток вопросов, причем спрашивал почтительно, как ученик. А потом делал такие модели из органического стекла, которые были сродни произведениям искусства. Стекло это очень капризно в обработке, но чудом или не чудом ему удавалось выдерживать все размеры при изготовлении сложнейших поверхностей двоякой кривизны. Он куда-то постоянно ездил, высматривал, выпытывал, новое тут же применял у себя, и его мастерская преображалась на глазах. Масляную ванную, в которой прежде нагревалось стекло, он заменил воздушной печью, в которой нужная температура выдерживалась с точностью до двух градусов, и стекло перестало желтеть. Подобных новшеств, повторяю, он применил массу, хитрые инструменты и приспособления у него занимали целые стеллажи, причем едва ли что-нибудь он придумал сам. Он, пожалуй, мог бы стать инициатором важных починов, если бы не Вязьма и не годы плена. Он всегда спрашивал, что дали исследования, всегда интересовался конечным результатом. Но специфика и масштабы отдела не способствовали распространению каких-либо инициатив, и только узкий круг лиц знал, какой Дмитрий Трофимович мастер, и мог воздать ему должное.

Вот девятиклассник Назарташ, сын прославленного хлопкороба Атамурада Худайназарова из целинного совхоза «Комсомолабад» в Шерабадской степи. Назартала я увидел на поле отца, где он работал на подборщике хлопка. Отец вырастил 60-центнеровый урожай и весь его убирал машинами. Назарташ делал последний проход. Следующими по технологии операции были корчевание голых стеблей хлопчатника и зяблевая пахота.

Назарташ остановил машину, спрыгнул на землю, скромно поздоровался. Худощавый, стеснительный юноша был уже отменным механизатором, прекрасно чувствовал себя на тракторе, хлопкоуборочной машине, подборщике. Он стоял чуть-чуть в стороне, лицо его светилось одухотворением. Мы были для него слишком взрослыми, он же продолжал быть сам по себе, в своем подростковом мире. Мне вспомнилась картина Петрова-Водкина «Купание красного коня», - Назарташ был очень похож на счастливых юношей, оседлавших сильных коней. Только его конем был трактор. Я представил себе, как начиналось это приобщение к технике. Сначала мальчик попросил отца показать назначение рычагов, потом сказал: «Папа, дай попробовать!» Потом звонким, срывающимся голосом сказал: «Папа, можно, я сам!» И вот ему доступно многое из того, что умеет отец, а дальше будет доступно еще больше.

Я осмотрел рядки, по которым прошла его машина. Сборщику с фартуком делать здесь было нечего. Назарташ помнил камышовые тугаи, их обитателей – кабанов, лис, но помнил это смутно, потому что выкорчеванные заросли очень быстро стали хлопковыми полями. Недаром про «Комсомолабад» говорят, что это крепость на целине. В последние годы Назарташ не только учился, но и работал, и поле отца давно стало его полем. «Готовая смена» – сказал про него отец. Да, этот юноша – пример того, как приходят в лучшие.

Я вспомнил еще бригадира строителей из Ангрена, на площадке которого был идеальный порядок и ничего не валялось – когда я поднялся к нему на леса, никто из его рабочих не оглянулся, не оторвался от работы ни на миг. Вспомнил швею из Самарканда, которая привела на свое предприятие около ста девушек из окрестных кишлаков. Я вспомнил двух метростроевцев, – у обоих был яркий послужной список, кузнеца из Андижана с тридцатипятилетним стажем, сыновья которого тоже стали кузнецами. Все это были достойные люди, но нужная мне линия преемственности не вычерчивалась.

Тогда я решил: пусть это будут люди одного завода – «Ташсельмаша», например. Крупнейшего в мире производителя хлопкоуборочных машин, создатели последней модели которых – четырехрядного «Узбекистана» удостоены Ленинской премии.

Завод

Войдем в заводские цехи, окунемся в шум станков, в тяжелое уханье прессов, в запахи горячего металла, из которого человек лепит и точит нужные ему детали. Для хлопкоуборочной машины нужно 1500 деталей, не считая ее энергетического сердца – трактора. Литейный, механические, кузнечно-прессовый и другие цехи поставляют детали на конвейеры и поточные линии укрупнительной сборки. Узлы и агрегаты отовсюду стекаются на главный конвейер, чтобы соединиться в умную и, не побоюсь этого слова, элегантную машину. Первым в руки сборщиков попадает сам трактор. Он обрастает рамой, рабочими аппаратами, которым предстоит аккуратно снимать с кустов хлопчатника его белое волокно,

вентиляторами, воздуховодами, отправляющими сырец в объемистый бункер, гидравликой системы управления. Последнее – обкатка, и под возглас: «Пошла, родимая!» – новый хлопкоуборочный агрегат предстает пред бдительное око работников отдела технического контроля. Машины с конвейера сходят разные, для междурядий шириной 60 и 90 сантиметров, для съема средне- и тонковолокнистых сортов. Но унификация разных марок достигает 90 и более процентов. И это позволяет быстро и безболезненно переналаживать конвейер на сборку нужной модели.

В 1975 году завод изготовил 7600 хлопкоуборочных машин. Объем производства за пятилетку вырос на 45 процентов, причем намного увеличился и выпуск запасных частей, и товаров народного потребления. Это как бы итог капитальной реконструкции завода, которая началась семь лет назад. Она велась настойчиво и целеустремленно, с привлечением крупных сил строителей и монтажников. Удалось добиться значительного роста производства при минимальных капитальных затратах. Опыт «Ташсельмаша» подтверждает правильность курса на реконструкцию действующих предприятий, особенно построенных в годы первых пятилеток и Великой отечественной войны. Именно таким заводом и является «Ташсельмаш», выросший из скромных сельскохозяйственных мастерских в первоклассное предприятие. Оно специализируется на выпуске хлопкоуборочной техники с 1948 года. В девятой пятилетке было освоено почти 20 миллионов рублей капитальных вложений, что дало прирост мощностей в 3000 машин в год. Трудоемкость производства машины снизилась по сравнению с 1970 годом на 40 процентов. Все это свидетельствует о том, что реконструкция действующих промышленных предприятий дает стране больший экономический эффект, нежели строительство новых. Задачи реконструкции решались в полном объеме, путем комплексной модернизации всей технологической цепочки.

Наиболее массовая и трудоемкая деталь машины – шпиндель, острые зубца которого осуществляют съем сырца. Долгое время их выпуск был узким местом производства. Но построили новый цех, оснастили его многоместными полуавтоматами и твердосплавным режущим инструментом, по научному организовали труд. И производительность труда при изготовлении шпинделей повысилась в 2,5 раза. Прежде завод изготавливал в год миллион этих деталей, теперь – три миллиона.

Вторым узким участком было литейное производство. Завод не справлялся с поставками литья по кооперации, условия труда были тяжелые, молодежь обходила «литейку» стороной. Техническое перевооружение позволило преодолеть хроническое отставание литейного цеха. Модернизировали вагранки, поставили автоматическую линию формовки. Установили шесть кондиционеров. Литейщики получили новый бытовой корпус с просторными душевыми, свою цеховую столовую, в которой можно пообедать за 15 минут. И выпуск литья серого чугуна вырос с 19 до 24 тысяч тонн в год, при сокращении персонала на 90 человек. Годовая выработка литья на одного работника поднялась с 20 до 41 тонны.

В новый корпус переведено производство рам, в нем сварочные работы полностью механизированы. Здесь тоже число рабочих уменьшилось на 30 человек. Реконструкция завода уже близка к завершению. Ну, а техническое перевооружение – процесс непрерывный, как непрерывен во времени сам технический прогресс. Жизнь ставит перед заводом новые проблемы. Так, инженеры подсчитали, что нецелесообразно переналаживать главный конвейер на выпуск малых серий – машин для уборки тонковолокнистого и семенного хлопка. Для их производства предусмотрено строительство специального цеха. В нем конструкторы будут работать и над машинами завтрашнего дня.

Модернизация повышает как количественные, так и качественные показатели. Новая технология гарантирует стабильно высокое качество изготовления деталей, узлов, агрегатов, а, следовательно, и машины в целом. Это – материальная база для того, чтобы в новой пятилетке доля хлопка машинного сбора увеличилась с 50 до 70 процентов. Это значит, что в 1980 году Узбекистан выгрузит из бункеров машин более четырех миллионов тонн хлопка-сырца. Перед семитысячным коллективом поставлена цель добиться, к 1980 году, присвоения построенным за заводе хлопкоуборочным машинам Знака качества. Задача эта нелегкая, ибо слишком много факторов влияет на качество машинного съема хлопка: степень удаления листьев перед уборкой, степень раскрытия коробочек, сорт хлопчатника, рельеф поля. Но страна очень заинтересована в ее скорейшем решении, текстильщики мечтают о том, чтобы сырец машинного и ручного сбора были одинакового качества. И она будет решена, - для этого сконцентрированы достаточные силы и средства.

Машина

В начале девятой пятилетки (год 1971) конвейер завода покинула стотысячная хлопкоуборочная машина. Сто тысяч за двадцать с небольшим лет! Юбиляром оказался четырехрядный «Узбекистан», на нем прославленный механизатор Сурхандарьи Шаймардан Кудратов установил рекорд – 800 тонн сырца за сезон. Интересен и во многом симптоматичен путь завода от первых однорядных машин к красавцам «Узбекистан». От посредственного к хорошему, от хорошего – к лучшему, совершенному. Годами собирались крупицы опыта. Тогда же, в юбилейные для завода дни, с конвейера сошла двухрядная машина для ширины междурядий 90 сантиметров (самая популярная из выпускаемых сейчас серий). Особенность

ее в том, что 95 процентов деталей (1335 из 1400) у нее те же, что и у серийного «Узбекистана». Невиданная унификация! Конструктор Александр Сергеевич Муравьев поясняет:

Аналогичную машину для шщ9ироких междурядий мы выпускали и прежде, но на иной основе. У нее были общие узлы с предшественницей Узбекистана», унификация доходила до 50 процентов. Когда пошел в серию «Узбекистан» – а у него и трактор, и рама, и другие агрегаты резко отличаются от первых двух машин, - мы увидели, что выпуск аппаратов для широких междурядий не может быть прекращен, и унифицировали эту машину с «Узбекистаном». Результаты говорят сами за себя. Выгадали и мы – завод. Мы никогда так легко не переходили на выпуск машины другой марки. Соседние заводы нам завидуют. Но главную выгоду получают эксплуатационники. Ведь запасные части одни и те же. В «Союзхлопкомаше» до сих пор не было таких унификаций.

Но ведь новая машина и лучше предыдущей?

Вне сомнения. А цена на нее прежняя. Мы согласились на прежнюю цену, хотя это и не совсем справедливо. Но благодаря высокой унификации завод не в убытке.

Добавлю: именно эта модель получила Большую золотую медаль на московской международной выставке сельскохозяйственных машин. Столь высокая унификация позволяет инженерам считать эту модель и четырехрядный «Узбекистан» вариантами одного и того же аппарата. А конструирование, между прочим, длилось четыре года, и улучшение машины не прекращается сейчас, когда она в серии. Идеи вертикального копирования рельефа, облегченной системы управления (механизаторами все чаще становятся женщины), уменьшения габаритов шпиндельных барабанов находят свое техническое решение. Смазка раз в сезон, облегченный доступ к ответственным узлам – разве это не заслуга конструкторов? Напомню, что наша четырехрядная машина – первая в мире, доведенная до промышленного образца.

Приятно, слов нет, когда наше, советское, завоевывает популярность, сделано добротно, на совесть. Хороший отзыв из страны, которой мы продаем хлопкоуборочные машины, рабочие и служащие «Ташсельмаша» воспринимают как персональную благодарность. Вот письмо инженера Александра Ишанова из Греции: «Все 30 поставленных машин в порядке. Рекорд – 120 тонн на машину. Особый интерес греки проявляют к агрегатам для междурядий шириной 90 сантиметров. Недавно они провели такой опыт. Поставили три американские машины-однорядки и одну нашу. Американские надо было все время регулировать, нашу – нет. К вечеру подвели итоги. Три американских агрегата вместе собрали семь тонн, наш один тоже собрал семь тонн»

Достигнутое нас, конечно, радует. Но жизнь выдвигает новые проблемы, и требования к уборочной технике растут. И, чтобы идти в ногу со временем, нужно больше экспериментировать, быстрее проверять на практике, в металле новые идеи конструкторов. Ибо мы хотим иметь такую машину, чтобы в белую страду к хлопковой коробочке вообще не прикасалась рука человека. Чтобы не было ни ручного сбора, ни ручного подбора за хлопкоуборочной машиной. Сегодня перспективы кардинального решения проблемы яснее и ближе, чем когда-либо прежде.

Ветераны

Этот краткий рассказ о заводе мне понадобился для того, чтобы показать, сколь благодатна почва, на которой живые традиции стахановского движения обретают новые формы, продиктованные задачами сегодняшнего дня. Соревнование, действительно, процесс очень живой, очень чувствительный к требованиям времени. Это всегда и процесс массовый, социальный. Он и силен прежде всего тем, что в него вовлечены миллионы.

Прошло более сорока лет с того августовского дня, когда забойщик донецкой шахты Алексей Григорьевич Стаханов за шестичасовую смену вырубил отбойным молотком 102 тонны угля, перекрыв норму выработки в 14 раз. Применив новаторские приемы труда, он взял от техники все. Так было положено начало новому массовому патриотическому движению за овладение техникой, которое назвали стахановским и которое буквально всколыхнуло страну.

Вглядимся пристальнее в это огромной ценности начало. Тогда в считанные дни под натиском стахановской гвардии пало несколько мировых рекордов. Кузнец горьковского автозавода Бусыгин превзошел лучшие достижения кузнецов на американских заводах. Мариупольский сталевар Мазай установил мировой рекорд выплавки стали. Ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы впервые в мировой практике перешли на обслуживание ста станков. Рахматов стал инициатором движения за сбор ста центнеров хлопка-сырца с гектара. Стахановцы добивались невиданной производительности труда, и достижения лучших воодушевляли миллионы.

Очень быстро движение это вовлекло в свою орбиту и Узбекистан. Стахановцам «Ташсельмаша» слесарю-ремонтнику прессового цеха Михаилу Николаевичу Жирнову и инженеру отдела организации работ Алексею Викентьевичу Рудаеовскому сейчас за шестьдесят, каждый отдал родному заводу более сорока лет, могли бы тихо - мирно коротать время на пенсии, но, видно, еще и порох есть, и закваска та давняя, стахановская, не позволяют уйти на покой прежде, чем опустеют пороховницы. Для обоих завод –

это жизнь, это свое, кровное, как дом, семья и дети. А от родного и кровного не уходят на отдых, даже если он сто раз заслужен.

Ветераны чем-то похожи и внешне. Оба гладко зачесывают назад густые еще волосы, но Жирнов массивнее и лицом белее. Оба очень интеллигентны, и только руки, крупно натруженные ладони с крепкими пальцами неопровержимо свидетельствуют о том, что и Жирнов, и Рудаковский представители нашего славного рабочего класса. Металлическая пыль въелась в поры, и ее не отмоешь, не отдерешь, да и надо ли? Мы долго говорили о связи времен. Стахановское движение оставило в жизни ветеранов труда свой неизгладимый след. Из глубин прожитого он ведет в настоящее, а нацелен в будущее, в бессмертие.

ЖИРНОВ: Когда прогремел рекорд Стаханова, «Ташсельмаш» – если сравнить то и нынешнее – только начинался. Я работал в новом цехе на монтаже оборудования, в моей бригаде было 16 человек. Нам поручили установить на фундамент мощный немецкий компрессор. Мы сгрузили машину с железнодорожной платформы и по разрытой территории должны были доставить ее в цех. Тут узнали о рекорде Стаханова. Стихийный митинг. Решили: компрессор будут устанавливать не шестнадцать, а пять человек. По-стахановски. Техника тогда была не сегодняшняя. Катки, тали, ломики. На себе, можно сказать, мы этот компрессор втащили. Впятером сработали за бригаду. Смекалка помогла. И душу мы вложили в дело. Вечерами оставались. И поняли смысл стахановского движения: работать с душой. Желание сделать как можно лучше не только свою часть работы, но и работу в целом – это, знаете, огромная сила, это коллективизм, это наше, советское. Директор премировал тогда всю бригаду. Я как отец шестерых детей получил квартиру рядом с заводом. «Чтобы всегда был под рукой», - сказал директор. И вот уже сорок лет я «под рукой».

РУДАКОВСКИЙ: Я работал слесарем-сборщиком в механосборочном. Выпускали плуги, хлопкоочистительное оборудование. Стахановское движение пришло, как волна. Всех подняло на свой могучий гребень, всех воодушевило. Помню, агитировать никого не пришло, каждый принимал серьезные обязательства. Это был общий порыв, и в этом его ценность и жизненность. Прежде в сборочном нам не хватало деталей. А тут пошло и пошло, успевай только собирать. Все цехи рванули вперед и нас торопят, подгоняют. Соревнование! А мы и сами торопимся. Меня тогда премировали сделанным в заводских мастерских столом и шестью стульями. Стол и сейчас служит семье верой-правдой. Семейные советы за ним всегда приводят к правильным решениям.

Я спросил, в чем сегодня ценность стахановского движения?

РУДАКОВСКИЙ: В том же, что и тогда. Надо взять от оборудования все, быстрее идти вперед. Эта задача осталась, но база теперь другая – богатейшая техника, четкая система организации труда. Каждый, однако, способен на взлеты, на свои личные рекорды, а стахановское движение побуждает к этому. Оно мобилизует, расправляет крылья. Вот токарь-расточник из инструментального цеха Борис Ефремов в девятой пятилетке две пятилетние программы выполнил, а в новой пятилетке хочет повторить этот результат. Это замечательный стахановец, и я нисколько не удивлен тем, что он член ЦК компартии Узбекистана. А наш слесарь-жестянщик Махмуд Муйдинов? Он тоже выполнил две пятилетки за одну. Он очень честно относится к труду, и нас радует, что такие, как он, как Ефремов формируют моральный климат на заводе. Кстати, Муйдинов – депутат Верховного совета республики. Поле для высоких достижений, для рекордов будет всегда. Вот я говорю: техника у нас богатейшая. И правильно это, ибо я знаю, с чего мы начинали. Но и сегодня ручного, монотонного труда достаточно. А мы ему – войну! Все, что мы еще делаем вручную – на плечи машин!

Я спросил, какие поощрения морального плана им запомнились.

ЖИРНОВ: Помню, было торжественное собрание в театре имени Алишера Навои, посвященное годовщине Октября. Я сидел в президиуме. Чем меня тогда премировали, не помню, а то, что сидел в президиуме, до сих пор считаю большой наградой.

РУДАКОВСКИЙ: Мне нравится наш лозунг «Советское – значит отличное!» Тремя этими словами сформулирована актуальная задача. На днях я был свидетелем такого случая. В новом цехе поставили большой станок. Прекрасный станок. Входят двое гостей, глазеют на станок, и один говорит другому: «Любо посмотреть, как за границей вещи делают». Я ему деликатно так замечаю: «Вы сюда посмотрите, на марку!» Он читает: «Кубань». Стушевался, покраснел. Еще пример. Два наших сварщика побывали в туристических поездках. Один по Волге-матушке плавал, второй с Чехословакией знакомился. Второй похвалился новым костюмом. Шикарный, мол, костюм купил, у нас таких не шьют. Первый попросил показать. Смотрят, а фабричная марка ташкентская. Итак, советское – значит, отличное. Наш коллектив сделает все для того, чтобы хлопкоуборочные машины «Ташсельмаша» снискали себе добрую славу и на плантациях Средней Азии, и в сопредельных странах Востока.

Я согласился с ветеранами: глубочайшая заинтересованность в весомости общего, коллективного результата труда отличает участников стахановского движения. Своим немеркнущим подвигом Алексей Стаханов как бы проложил мост в наше время. И пусть недавно он умер, но дело его живет.

Муйдинов, слесарь-жестянщик

Махмуд Муйдинов броской внешность не обладает. Скорее щупл, чем крепок. Где уж тут до косой сажени в плечах! На улице таких не выделяют. И, увидев его впервые, я подумал: «Как же он работает за двоих, как тянет?» Потом увидел его в деле и убедился: все правильно, преувеличения здесь нет. Он действительно работает за двоих и, главное, легко, красиво работает. Все кипит в его руках, и даже пресс, когда он его обслуживал, мне показалось, ускорил свой ритм, хотя это невозможно по техническим условиям. Быстро – но ведь и хорошо! И ведь идут за ним, как за лучшим!

Слесарь-жестянщик. Что-то дедовское в этой профессии. Звон консервной банки, что ли? Но предложи Муйдинову другую профессию – обидится. Для него она лучшая. Да, профессия у него не из новых, но техническое оснащение участка вполне современное. Прежде 17 комплектов воздуховодов здесь делали ввосьмером. Лет семь назад делали уже 27 комплектов – вшестером. Теперь 40 – 45 комплектов делают вчетвером.

Хлопкоуборочную машину Муйдинов впервые увидел четверть века назад. Те первые аппараты были далеки от сегодняшних, но Махмуд, двенадцатилетний подросток, бежал за голубой колонной до соседнего кишлака. Там на площади собрался народ, аксакалы говорили, поглаживая пышные бороды: «Какие умные машины!» Мальчик смотрел, слушал, запоминал. То первое впечатление было настолько глубоким, что он сказал себе: «Вырасту и буду строить такие машины». Вообще, детство у него протекало тяжело, не в отчем доме, и когда он поступал на завод и слышал шепот: зачем, это грязная работа, - у него было четкое представление о том, что работы грязной не существуют, но есть обыватели, для которых любая работа – грязная. Он и сейчас говорит, что лучшей работы для себя не хочет. С далеких детских лет нравился ему завод, на который он пошел потом работать и который стал для него родным.

Муйдинов и его бригада работают по способностям, как того и просит общество. Вклад его бригады в рост заводского потенциала весьма заметен. Задуманное, кажется, он исполнял целиком. Первую личную пятилетку выполнил в июне 1973 года, вторую – в конце августа 1975 года. Слесари из его бригады Аширмат Дуруллаев, Акмал Усманов и Вахиджан Мирзаахмедов тоже в декабре выполнили по две пятилетки каждый. Брали пример с бригадира? И это было. Старались догнать, показать, что тоже не лыком шиты? Аширмат сказал: «Махмуд, как факел, от него всем нам тепло, всех он зажигает». А Махмуд сказал: «Мы в бригаде, как братья. Тут я опять подчеркну: одно дело, когда я один стараюсь, когда я сам по себе, и те, кто трудится рядом, тоже сам по себе, и совсем другое дело, когда мы стараемся – бригада, цех, весь завод. Тут мы уже другой результат труда имеем, тут высоты перед коллективом открываются безграничные. Мы стараемся! Это как раз то, что сегодня очень и очень нужно нам для повышения качества всей нашей работы. В бригаде мы к этому пришли, в цехе – приходим».

Основа успешной работы каждого – высокое индивидуальное мастерство. Когда Махмуд поступил на завод, ничего не умел. Иван Кожевников учил его профессии жестянщика. Украдкой Махмуд бегал на главный конвейер, смотрел, как его детали – воздуховоды, крылья, обтекатели – становятся на машину, уяснял себе их назначение. Уже через месяц работал самостоятельно. Через три года стал бригадиром. Свои ученики появились. Это уже авторитет доверие, а доверие, раз оно есть, надо оправдывать постоянно. Значит, требовательность к себе всегда должна быть высокой.

Второе, без чего нет честной работы – чувство ответственности. Развивая эту мысль, слесарь-жестянщик привел такой пример. В понятие качества, сказал он, входит, конечно, и много сложного, но базируется оно все же на простых вещах. Есть гвоздь, и есть шуруп. Первый забивают молотком, второй закручивают отверткой. Там, где шуруп забивают молотком, а это куда быстрее, там нет работы честной, нет и чувства ответственности. И никакая техника не поможет, коль работник плох. Ни шурупов, ни гвоздей бригада Муйдинова не использует, но, обобщая, он говорит, что те люди, которые трудятся с ним рядом, никогда не позволят себе забить шуруп молотком. И если не забивать шурупы молотком, то есть просто соблюдать требования технологии, качество нашей работы улучшится наполовину. А ведь ценное наблюдение, отметил я. Нет работника, который бы не знал разницы между гвоздем и шурупом.

В начале пятилетки было у Муйдинова в бригаде четыре человека, и тут одного парня призвали в армию. Трое осталось в бригаде, а программа прежняя. Надо ее делать? Надо. Решили делать ее втроем. Подставили плечо под тяжелую часть ноши и не отступили. Увидели, что лучше получается, если каждый владеет еще смежными профессиями – сварщика, прессовщика, наладчика. Когда каждый стал на себя то, что ему больше по душе, что он лучше умеет, совсем легко пошла программа. Увидели далее, что если задание на несколько дней вперед получить, можно лучше спланировать работу, лучше к ней подготовиться. Бригаде стали давать задание вперед. По научной системе организации труда свои рабочие места оборудовали – тут инженеры многое подсказали. Запасной инструмент завели, чтобы по мелочам не отвлекаться. И вот уже за те же восемь часов бригада уверенно дает две нормы. Значит, столь высокую выработку можно сделать нормой каждого дня. Когда Муйдинов пришел к такому выводу, тогда и возникла идея выступить с патриотическим почином «Две пятилетки за одну». Присоединились к этому

начинанию тысячи. Только в декабре 1975 года о выполнении двух пятилеток рапортовало свыше 800 тружеников.

Добиться рекордной выработки, конечно, почетно, рекорды воодушевляют. Но не одними рекордсменами силен заводской коллектив, а, прежде всего, ритмичной работой, каждодневным выполнением программы. Четкий ритм – важнейшее слагаемое и качества, и количества. Все-таки две пятилетки за одну по силам выполнить единицам. Сменное же задание может и обязан осилить каждый. Инженеры изучили опыт родственных предприятий. Тракторостроители Волгограда боролись за безусловное выполнение сменных заданий каждым рабочим, цехом, причем итоги подводили ежедневно. Без такой гласности, без ежедневного подведения итогов, понятно, соревнования не получится. Последнее и было самым трудным – в Волгограде на это ушло три года.

В Ташкенте, используя готовый опыт, этого добились быстрее. Утром, становясь к станку, каждый на доске показателей видит, как он сработал вчера. Отстающие подтягивались буквально на глазах. В цехи и на участки пришел ритм, и сразу все увидели, какое это огромное завоевание коллектива. Ритм против аврала. Это, прежде всего, гораздо более высокая культура производства, лучшая организация труда. Вот заработала автоматизированная система управления производством. ЭВМ теперь заранее выдает дневные задания, контролирует продвижение деталей и узлов от мест изготовления до главного конвейера или склада. И пульс предприятия стал еще более четким, наполненным.

Ефремов, токарь-расточник

Казалось бы, уж сегодня очень далеки от нас бои Великой отечественной. Но каждый день встречаешь людей, в судьбы которых война вмешалась жестоко, перекраивая наметившиеся жизненные пути и не спрашивая, кто перед ней: ребенок? старик? женщина? Борису было три года, когда его отец, Владимир Ефремов, командир эскадрильи, погиб в 1942 году под Харьковом. Потом вражеские полчища хлынули на Северный Кавказ, и Ташкент приютил семью Ефремовых – Веру Ивановну, семилетнюю Геру и Бориса. Жили в школе, четыре семьи в классе, мать работала в военкомате. Было и холодно, и голодно, но что невзгоды, когда радиодиктор Левитан с пафосом сообщал стране о победном шествии на Запад.

В 1949 году мать умерла. Бориса хотели отдать в суворовское училище, сестру – в детский дом, но соседи – мир полон добрых людей – решили по-другому. Присматривали за детьми и подыскивали им хороших опекунов. Через полгода это удалось. Опеку над Ефремовыми взяла на себя немолодая уже женщина, Евгения Яковлевна Колобовникова, мать двоих сыновей, Бориса и Николая, которые воевали десантниками и погибли. Тут сказалось и то, что Ефремова тоже звали Борисом. Это сказалось, конечно, только поначалу, а дальше между опекуншей и детьми установились отношения теплые, полные любви, и вот уже двадцать шестой год Борис Владимирович почтительно и нежно зовет Евгению Яковлевну мамой.

Кончив десятилетку, Борис поступил на «Ташсельмаш». «В родной двадцать седьмой цех», - сказал он, давая понять, что в его трудовой книжке только одна запись, исключая, конечно, записи о поощрениях. Но, прежде чем открыть новую страницу в его биографии, я бы еще раз остановился на той огромной роли, которую сыграли впечатления детства, мир детства на формирование характера Ефремова. Война, ее впечатления. Смерть отца в воздушном бою, стремление походить на него, естественное праведное стремление двигать вперед дело, за которое отец отдал жизнь. Человеческая доброта и душевная щедрость, которые позволили ему звать Евгению Яковлевну мамой. Мало сказать, что Борис вырос физически крепким. Честность, умение постоять за свои убеждения счастливо соединялись в его характере с дружелюбием, искренностью, отзывчивостью. Таким пришел Борис на завод, а завод продолжил формирование личности молодого человека, усиливая и развивая в нем лучшие черты.

Атлетическое сложение юноши повлияло на решение кадровика. Парня определили помощников к кузнецу. Год Ефремов махал молотом, и эта работа была ему не в тягость. Ему любая работа была не в тягость, так его воспитали. Но тянуло его к станкам. Ему нравилось смотреть, как из холодной серой болванки на токарном или фрезерном станке получают сложную, с очень чистой поверхностью деталь, как часто при этом рабочий сверяется с чертежом, делает замеры штанген-циркулем, вычисляет. Это казалось ему настоящей работой.

Через год он уговорил администрацию перевести его на фрезерный станок. Вскоре был призван в армию. Демобилизовался – и снова на свой завод, в свой цех. Теперь он серьезно учился фрезерному делу, и начальник у него был серьезный – бывший военный летчик Константин Репушкин. Очень быстро Борис стал работать самостоятельно, и мастер, постепенно повышая сложность заданий, убедился, что у молодого фрезеровщика завидное будущее. Фрезерный станок, однако, Ефремову скоро пришлось оставить. В инструментальном цехе поставили новый координатно-расточный станок, и Борису предложили перейти на него. Он глянул: множество кнопок, ручек, все сложно, непонятно, и отказался. Но начальник цеха бросил вслед: «А ты подумай!» Он подумал и понял, что погорячился. Новый станок уже манил к себе тем, чем всегда манит новое – сложностью, широким полем для самоутверждения, возможностью доказать себе и другим: «Сумею, эта техника для меня». Обучал его Николай Боронов, умелый расточник и уважаемый на

заводе человек. Достаточно сказать, что Боронова четырежды избирали депутатом городского совета. Это высокая честь, и заслужить ее не просто.

Учиться у Боронова было легко, - говорит об этом периоде своей жизни Ефремов. – Николай Николаевич щедро делился всем, что умел сам. Через неделю у меня уже кое-что получалось, но это были азы, а мастерство пришло не в один день и не в один год.

Десять лет, до конца восьмой пятилетки, шло неприметное, глубинное накопление мастерства. И сам Борис Владимирович именно в эти годы стал зрелым человеком. Вступил в партию. Женился. Родилась дочь Олеся. Но, пожалуй, самое интересное в биографии Ефремова – работа и жизнь с максимальной отдачей – падает на девятую пятилетку. До Этого Борис как бы впитывал и впитывал в себя. Но скрывать накопленное трудно, да и незачем, не для себя копил. И вскоре все увидели, что токарь Ефремов мастер, каких поискать. Что в любимом деле мало кто с ним сравнится. Коммунисты избрали его делегатом на XX1У съезд КПСС. На многое теперь Ефремов смотрел по-другому, с иной, с общественной точки зрения. То, что прежде считал своим, кровным, - свое мастерство, например, теперь он был склонен считать нашим, то есть принадлежащим не ему одному. И это не замедлило сказаться.

В 1971 году уволился из цеха расточник. Явление это рядовое, но вот что за ним последовало. Расточников было шесть, осталось пять. Все шестеро до этого работали каждый за себя, по индивидуальным нарядам. Ефремов предложил организовать бригаду. Рабочие слились в бригаду и решили прежнюю программу выполнять вчетвером, а пятого расточника держать дублером (он замещает больных и отпускников и в обычные дни работает токарем). И четверо стали делать то, что прежде делали шестеро. Не правда ли, внушительно? Одно, когда каждый за себя, и совсем другое, когда единым фронтом выступает бригада, коллектив. Секрет тут вот в чем. У каждого расточника свой конек, свои любимые детали, которые ему даются и лучше, и быстрее, чем другим. Виктор Яновский, например, любит крупные детали. Николай Боронов отдает предпочтение кокилям, сварным узлам. Борис Колущинский уважает деталь мелкую и точную. Дублер Юрий Никулин, тезка великого актера, но очень далекий от сцены человек – прекрасный токарь. Сам Ефремов любит пресс-формы, шаблоны, экспериментальные детали. Простое распределение деталей внутри бригады – бери, что любишь, - уже способствовало повышению производительности труда.

Добавим сюда постоянную работу над собой. Ефремов получил шестой разряд в 1973 году, Боронов и Яновский – в 1974. Добавим сюда коллективную ответственность – личное клеймо есть у каждого, изделия бригады минуют отдел технического контроля. Это и высочайшее доверие, и надежная преграда браку. Итак, всю девятую пятилетку четверо работали за шестерых. И не просто хорошо работали, а ударно работали, ибо то, что шестерым полагалось выполнить за пять лет, сделали к концу 1974 года. Сам же Ефремов 24 мая 1975 года рапортовал о выполнении двух пятилетних заданий. Два пятилетних плана токарь-расточник обязался выполнить и в десятой пятилетке.

Выше я сказал уже, что каждый из расточников, вступив в бригаду, сел на своего любимого конька (бывают, конечно, исключения, ибо интересы производства превыше всего). Независимо от этого, на участке усиленно внедрялась научная организация труда – прогрессивная оснастка, вспомогательный инструмент, элементы производственной эстетики. Эльборовые резцы, например, позволяют обрабатывать и детали, закаленные в термических печах. Бригаде специально выделили комплект мерительного инструмента. Словом, научная организация труда, внедряемая активно, с душой, несла с собой массу облегчений, улучшений. Вот, вкратце, то, что помогло четверым сработать за шестерых, обогнать время. Роль бригадира отмечена особо: в 1974 году он удостоен звания Героя социалистического труда.

Еще о Ефремове. В 1971 году он поступил в вечерний авиационный техникум, на факультет холодной обработки металлов, и кончил его с отличием в 1974 году. На этом не остановился. Поступил в институт народного хозяйства, на факультет планирования промышленности. Я так расценил этот его шаг. Как члену ЦК компартии Узбекистана, ему часто приходится мыслить в масштабах республики. И тут, конечно, необходима опора на более солидный фундамент, чем технология холодной обработки металлов.

Когда мы прощались, Ефремов сказал, что бригада, работая, часто поет. Запевает Яновский, подхватывает Боронов, а за ними и остальные, и как ни шумны станки, а песня мощнее. Я не спросил, что обычно запевает Виктор Казимирович. Мало ли песен, которыми берут нас за душу Зыкина, Пьеха, Утесов? Человек поет, и всем понятно, почему он поет – вот, ведь, в чем дело.

Муйдинов и Ефремов живут в одном доме, дружат семьями, следят за трудовыми успехами друг друга хотя и ревниво, но в то же время доброжелательно. Соседями они стали случайно, друзьями и единомышленниками – нет. Пусть к вершинам мастерства, к активному участию в общественной жизни каждый из них прошел свой, но ведь сколько в их судьбах схожего! Упорство, честное отношение к делу вывели их в лучшие, и тут уж прожектор трудовой славы просто и естественно остановился на них, на лучших. Они поняли, что должны звать и вести за собой, что есть у них такое право. Каждый из них счастливо обладает чертами и качествами наставника. И я подумал, что впереди у них новые сияющие вершины, а какие – им знать лучше.

ДАГЕСТАНСКИЕ НОВОСЕЛЬЯ

Махачкала. Судя по времени, самолет должен был начать снижение, и он начал снижаться, убавив обороты двигателей. На иллюминатор надвинулось водянистое облако, серое-серое. Я попытался представить себе этот город, в котором никогда не был. Берег моря с четкой линией прибоя, горы, а между берегом и горами узкая и длинная полоса города. Амфитеатр или прямоугольник? Улицы, площади, дома никак не прорисовывались, горд не обретал никакого лица, и цифра в 200 тысяч жителей, говорившая только о величине, ничего не проясняла. Нельзя было представить город, в котором ты не бывал. Я понял это, и тут мы еще углубились в тучу, матовой солнце погасло, капельки дождя прочертили на иллюминаторе прямые линии, и самолет как следует встряхнуло, а потом стало швырять из стороны в сторону. Мы висели в кромешном мраке дождевой тучи.

- Пристегнуть ремни! – спокойно приказала стюардесса. Внизу открылось море, темное, с темными барханами волн. А на берегу, на траве, на асфальте дорог блестели лужи.

Автобус повез нас в город по лужам, и эти лужи, и низкие цепляющиеся за горы тучи, и капли дождя на ветровом стекле были необычны для ташкентца, отвыкшего за три летних месяца от дождя.

А ведь ехал я сюда к ташкентцам, для которых все махачкалинское давно стало привычным, которые хорошо акклиматизировались здесь и показывали образцы самоотверженного, высокопроизводительного труда. Все обстояло именно так, но, несмотря на это, приведенный выше журналистский штамп, конечно же, неуместен. Уже более года в Махачкале работал строительный поезд от Главташкентстроя, насчитывающий более трехсот человек. Коллектив этот должен был построить городу двадцать тысяч квадратных метров жилья, общественный центр с магазином и мастерскими бытового обслуживания, детский сад, мощную котельную.

Помочь столице Дагестана восполнить потери, нанесенные семибалльными подземными толчками 14 мая 1970 года, были для ташкентцев делом поистине святым. Совсем недавно вся страна участвовала в эпопее восстановления узбекской столицы. Но наша работа в Махачкале не была, конечно, простым возвращением долга, хотя долг, как известно, и красен платежом. Эта помощь шла от души и сердца. И не случись с Ташкентом беды в памятное апрельское утро 1966 года, эта помощь все равно была бы оказана с таким же воодушевлением. Без этого, без совершенно бескорыстной помощи оказавшемуся в беде, мы сейчас просто не представляем взаимоотношений народов, населяющих нашу многонациональную страну. И все 54 года советской власти нас убеждают: иначе и быть не может.

Задание выполнялось успешно, но отдаленность объектов мешала нам, журналистам, внимательно следить за работой этого отряда строителей, и мы использовали каждую возможность, чтобы восполнить этот пробел. Тем более, что отзывы о наших строителях приходили из Махачкалы самые восторженные, - ташкентцы за полтора года работы в столица Дагестана так никому и не уступили первенства в соревновании.

Чтобы оценить размах восстановительных работ в Махачкале, достаточно было тех десяти минут, в течение которых аэропортовский автобус мчал нас сквозь частокол башенных кранов от городских предместий к элегантным зданиям центра. Дощатые заборы, огораживающие котлованы, фундаменты и полуготовые корпуса будущих жилых домов, не прерывались на километры и оборвались только на подступах к центру, где доживали свой век подштопанные и подлатанные одноэтажные домики, сложенные из глинобита в довоенные и послевоенные годы. Кварталы благоустроенных кирпичных и панельных зданий наступали на одноэтажную Махачкалу по всем правилам военного искусства, брали ее в окружение и со стороны зеленой горной гряды, и с юга, со стороны прибрежной равнины. И много кранов стояло в самом центре, который тоже жаждал обновления. Их ажурные стрелы почти касались низких туч. Знакомая по Ташкенту картина. «Восстановление», пожалуй, неверно подобранное слово. Шла коренная, хорошо продуманная реконструкция города, и это было верное решение. В самом деле, какой резон восстанавливать и без землетрясения отжившие глинобитные дома?

Первую скрипку в этом большом созидательном процессе играли, конечно, дагестанские строители, но и помощь областей России, братских республик была огромным подспорьем. Она позволила в течение года вдвое поднять темпы строительных работ. Причем, то, что я наблюдал в Махачкале, было лишь частью ведущейся в Дагестане упорной борьбы с последствиями землетрясения. Восстанавливались, а большей частью строились заново горные селения, на которые стихия обрушила свой сильнейший удар. Причем, эта работа уже была близка к завершению.

Эти махачкалинские, насыщенные яркими впечатлениями дни, когда к радости узнавания примешивается удивление и восхищение: воочию убеждаешься, что в нашей стране все делается во имя человека и для его блага. Они быстро промелькнули. Неделя промелькнула в беготне по новостройкам, в беспрерывных знакомствах с хорошими людьми. И вот уже в кармане обратный билет, и упакован чемодан, и брошен последний взгляд на море, которое разбивает о берег свои волны прямо у стен гостиницы и в

которое мне удалось обмакнуться всего один раз, и сказаны слова благодарности приветливому администратору. Пора подводить итоги увиденному.

Главной достопримечательностью Махачкалы была сама стройка, захлестнувшая город с головой. У нее были свои герои, которых она рождала ежедневно. Но герои эти упорно хотели остаться в тени – чего там, они приехали сюда не за славой и особенного ничего не совершили, и товарищи им ни в чем не уступают, зачем же выделяться? Стройка рождала не только героев, она рождала большую дружбу. Когда год назад Махачкала встречала ташкентцев, у многих горцев на глазах были слезы. А гордый и привыкший к трудностям народ этот не назовешь сентиментальным. И, пожалуй, самой характерной чертой, которую я наблюдал в бригадах строителей, было стремление каждого из рабочих подставить свое плечо под самую тяжелую часть ноши, выполнить свою работу не просто хорошо, но и красиво, и подсобить товарищу.

Бывшая окраинная улица Дагестанская сегодня стала поясом новостроек Махачкалы. На свободных участках, где вчера еще огородники выращивали помидоры и капусту, возводится свыше сотни многоэтажных зданий. И это отрадная, впечатляющая картина. Рев десятков моторов, лязг лебедок башенных кранов. Могучее уханье дизель-молотов, которые вгоняют в коричневое дно котлованов длинные железобетонные сваи – здесь тульские строители поставят первые в городе двенадцатиэтажные дома. Груды пиленого белого камня из Армении, груды красного махачкалинского кирпича, штабеля плит перекрытия, штабеля желтой архангельской доски. Коробки наполовину возведенных зданий, этажи которых растут буквально на глазах. Поток машин с материалами. Так же быстро в Ташкенте поднимались белокаменные кварталы, которые возводили строители из России и Украины, из других республик. Ударные темпы видны во всем. Венчали эту работу готовые здания, сверкающие тщательно вымытыми стеклами окон. На торце одного из готовых узбекских домов – легендарная мозаичная птица счастья Семург, держащая в клюве ключ от новой квартиры. В этом году новоселья справят шесть – семь тысяч семей махачкалинцев. В городе с двухсоттысячным населением будет тридцать тысяч новоселов!

Давайте, я познакомлю вас с Махачкалой несколько в другом аспекте, нежели вы знакомились с городом, бродя по его улицам, - сказал мне главный архитектор столицы Дагестана Михаил Иосифович Придаткин. – Я хочу, чтобы вам стали понятны и наши трудности.

Он производил впечатление человека утомленного, отдающего делу много времени и сил. И так оно и было. К нему поминутно подходили люди, - что-то согласовать и утвердить. И оказывалось, что он уже знает суть дела, будь то новая школа или магазин или дорога, которую надо проложить чуть-чуть левее, чтобы сохранить пять заматеревших тополей. Но за всей этой массой дел повседневных, обыденных он умел видеть перспективу и потому, собственно, и был назначен на должность главного архитектора, несмотря на молодые еще годы.

Махачкала тем хороша, что имеет и море, и горы. А что может быть лучше теплого моря, зеленых гор и всегда ласкового солнца? Место, можно сказать, курортное. И еще одно преимущество города – отличные транспортные связи. Здесь удачно сходятся морские, железнодорожные и автомобильные коммуникации. Самый же большой недостаток города – то, что он складывался стихийно. В результате Махачкала хотя и вытянута вдоль моря узкой полосой, но не обращена к нему лицом, своими жилыми кварталами. Побережья заняли промышленные предприятия, порт и склады, вдоль него проходит железная дорога. Мы могли бы иметь прекрасный пляж и приморский бульвар, которые бы тянулись на десять километров. А имеем всего километр пляжа. Генеральный план застройки города начали разрабатывать лишь в 1936 году. Война помешала этому делу, и свой первый генеральный план Махачкала получила совсем недавно. К этому времени все удобные земли центра были застроены в основном одноэтажными домами, без инженерного оборудования. Эти ошибки, накопившиеся за десятилетия развития города, в один год не исправишь.

Но ведь землетрясение – толчок к коренной реконструкции, - возразил я. – Стихия против стихии, и в ваших руках оказались ключи к переустройству города на основе современных архитектурных концепций. В Ташкенте решили не ремонтировать старые, отслужившие свое дома, и он преобразился за считанные годы.

Мы тоже не собираемся держаться за старое. Но и спешить, откровенно говоря, боимся. Пока новый город рождается на бывших горных отводах, где прежде добывали нефть. А хотелось бы, чтобы новые жилые районы были расположены ближе к морю, чтобы люди видели море из окон своих домов. Московские архитекторы перерабатывают сейчас нынешний генеральный план города, вносят необходимые коррективы. Намечают первоочередные объекты реконструкции. Благодаря помощи страны, - а она очень эффективна, - мы уже строим в два раза больше, чем строили в предыдущие годы. И эти высокие темпы не только сохранятся, но вырастут еще.

Он рассказывал увлеченно, радуясь предстоящим переменам, радуясь тысячам новоселий, которые приходили в его город, радуясь троллейбусу, который примет на свои плечи существенную часть пассажиропотока, радуясь тем необходимым для города свершениям, в разработке которых он принимал самое деятельное участие. Он рассказывал, а я пробовал представить его лицо в моменты грозных

подземных толчков 14 мая 1970 года – земля заходила ходуном, заскрипели полы и оконные рамы, зашаталась мебель, а он, глава семьи, показал образец выдержки, не стронувшись с места – с третьего этажа быстро не спустишься, и жена и дети, глядя на него, быстро преодолели страх. Но он и сейчас помнит чувство беспомощности при подземных толчках, - это отвратительное чувство. Я тоже его помнил. Тогда они так и нет спустились во двор, не поддались панике, а утром узнали, что никто не поддался панике, и даже в горных селениях, где трясло сильнее и были большие разрушения и жертвы, никто не поддался панике.

Сейчас за его спиной висели красочные планы и фотографии макетов, пояснявшие, каким скоро станет центр Махачкалы, и какой станет курортная зона города, и как изменят его транспортную систему первые троллейбусные маршруты. Грандиозные эти замыслы были близки к претворению в жизнь, а частично уже воплощались, и рассказывать об этом главному архитектору было приятно. Да, по масштабам капитального строительства провинциальная Махачкала выходила на одно из первых мест в Союзе. Тбилисские архитекторы завершали проектирование 18-этажной гостиницы, ленинградцы готовились ее строить. Доминантой центральной площади города должно было стать 19-этажное административное здание.

В будущем году мы завершим строительство в предгорьях, - говорил Придаткин. – Два новых массива разместим уже в Приморском районе. Будут построены заводы шарикоподшипниковый и экскаваторный, это позволит трудоустроить подрастающее поколение. И в 1975 году вас встретит другая Махачкала, помолодевшая и возмужавшая одновременно. Нас, махачкалинцев, к этому времени станет 240 тысяч, и все мы будем заслуженно гордиться своим городом. Знаете, что? – заговорщически воскликнул он. – Уделю-ка я вам еще час! Поехали на Анджи-арку!

Что это такое?

Гора! Обзор на 50 километров. В будущем проведем туда фуникулер, разобьем парк, ресторан поставим. А пока поедем на машине.

Мы пересекли город и стали подниматься вверх по старинной брусчатой мостовой. Машина без спешки одолевала затяжной подъем, и нам оставалось любоваться открывающимся простором. По склону шагали мачты канатной дороги, вагонетки плыли навстречу друг другу, вверх и вниз. Вниз – с желтым бутовым камнем из карьера, вверх – порожние. Мы проехали мимо карьера и дробильных установок и остановились на довольно ровной площадке, вполне достаточной для того, чтобы разбить на ней парк.

Чем не Ласточкино гнездо? Смотрите!

Махачкала лежала на прибрежной равнине, вытянувшись с севера на юг. Дальше было море, темно-синее спокойное теплое море, над которым висели два или три облачка. Плыли пароходы, одно судно заходило в порт, который был совсем невелик. Маяки, телебашня. Сплошное темно-зеленое пятно – городской парк. Улицы. Крыши – железные суриковые и серые шиферные. Отчетливо прослеживались три части города – административный и деловой центр, застроенный неплохо, пояс индивидуальной застройки – домики и садики, тихие, непритязательные, и пояс микрорайонов, образовавшийся в последние годы, когда индивидуальное жилищное строительство было признано нецелесообразным для больших городов. Кварталы многоэтажных домов были к нам ближе всего и поэтому выгодно отличались на общем фоне.

Пользуясь рукой как указкой, Михаил Иосифович повторил мне утреннюю лекцию. Большей наглядности нельзя было пожелать. Наш узбекский квартал терялся в общей массе домов, но он был, и благодаря ему Махачкала быстрее залечивала раны, нанесенные землетрясением, и само время залечивания ран сильно сокращалось. Слепым силам стихии противостоял один из главных принципов нашего общества – человек человеку друг, товарищ и брат.

Землетрясения не предупреждают о своем приходе. Процессы горообразования известны человеку пока в самых общих чертах, он и в глубь земли-то заглянул всего на 10 километров. И не создано пока приборов, заблаговременно подающих сигнал опасности. Многолетние наблюдения, правда, позволяют сказать: в данном районе сила толчка не должна превышать семи, восьми, девяти баллов. На этих довольно зыбких принципах построено сейсмическое районирование. Строители учитывают заключения сейсмологов, усиливая конструкции возводимых сооружений, насыщая их сталью. Но землетрясения остаются самым грозным явлением природы. Их последствия тяжким бременем ложатся на людей. Но, как было отмечено в дни ташкентского землетрясения, бремя это, в зависимости от организованности общества, можно облегчить, а последствия быстро устранить. Пример тому – всенародный хашар в Ташкенте. Последствия крупных стихийных бедствий в нашей стране устраняются быстрее и в более полной мере, нежели в других странах.

В Дагестане земля пришла в движение 14 мая 1970 года в 12 часов дня. Семибалльному толчку с эпицентром в 3- километрах к западу от Махачкалы предшествовал глухой подземный гул. Этот толчок можно назвать толчком милосердия. Не причинив особых разрушений, он предупредил горцев: в недрах неспокойно. Многие не легли спать в домах. Эта предосторожность сохранила жизнь не одному десятку людей. Ибо сила второго толчка, последовавшего через 9 часов после первого, была на целый балл выше.

Через две минуты восьмибалльное сотрясение почвы повторилось. Это была кульминация. Все последующие толчки, а их было более тысячи, оказались намного слабее. Сейсмологи быстро подсчитали, что энергия, выделившаяся в очаге этого землетрясения, была в сто раз выше, чем энергия ташкентского землетрясения. К западу от Махачкалы произошло разрушение сейсмического шва. В эпицентре наблюдались оползни, камнепады, движение осыпей. В пострадавших аулах было зафиксировано частичное обрушение зданий. Тяжелые раны были нанесены 16 сельским районам и четырем городам. Это четверть территории Дагестана.

Красноречивы фотографии, сделанные на другой день после трагедии. В Махачкале с высоких зданий упали трубы, сырцовые и каркасные постройки дали сквозные трещины. Груда развалин и сложившаяся гармошкой крыша – все, что осталось от Кумторкалинской больницы. Присевшие на корточки дома в Новом Чиркее. Сплошные развалины на месте аулов Зубутль, Карапай. Бродящие среди развалин понурые женщины, дети. Глубокие трещины в земле. В самой Махачкале жертв не было. 22 населенных пункта были разрушены полностью, 257 причинены серьезные повреждения. Без крова осталось 45 тысяч человек.

Не будем проводить аналогий с сильнейшими землетрясениями – Токийским, Перуанским, Чилийским, Ашхабадским, каждое из которых унесло десятки тысяч жизней. Там, где землетрясение берет хотя бы одну жертву, оно уже трагедия. Территория Дагестана вообще характеризуется повышенной сейсмичностью. Максимальная сила толчков достигает восьми баллов, эпицентры чаще всего приходятся на побережье. За последние 150 лет в Дагестане было отмечено двадцать сильных землетрясений. После них люди десятилетиями жили в шалашах и землянках, прежде чем отстраивали заново разрушенные селения. Набожные жители прятались в мечетях, но и мечети не выдерживали ударов стихии. Землетрясения несли горцам голод, нищету, эпидемии.

Последнее землетрясение было, пожалуй, крупнейшим. Но благодаря большой глубине очага землетрясения (от 20 до 50 километров) его последствия не стали катастрофическими. Дагестан в те тревожные дни не выказал ни паники, ни растерянности. Как верны слова народного поэта республики Расула Гамзатова:

Раненья удальцам не причиняют вред.
Скала, хоть вся в рубцах, стоит сто тысяч лет.

Стойкость и мужество были проявлены самые высокие. Горцы, вообще, воспитываются в спартанском духе. Беду встретили спокойно, утром 15 мая засучили рукава и принялись разбирать развалины. И сразу пришла помощь. Первым делом спасали раненых. В считанные часы были эвакуированы больные из оказавшихся в аварийном состоянии больниц и родильных домов. Людей, оставшихся без крова, разместили в палатках и вагончиках, в шалашах. Спешно разрабатывались восстановительные мероприятия. В первую очередь возводились временные столовые и пекарни, ремонтировались дороги, мосты, линии электропередачи, водопровод. И жизнь вошла в привычную колею.

В назначенный день встретился со своими избирателями кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Расул Гамзатов. «В аул Чирката, - вспоминает он, - мы приехали вместе с артистами. Честно говоря, я усомнился: надо ли выступать, говорить какие-то слова, тем более петь и плясать, когда рядом беда? Но старик-горец сказал нам: «Слово и песня – лекарство. Пойте, мы будем слушать». И они слушали. И отступило горе, потому что продолжалось великое и вечное земное чудо – жизнь».

Нет такой страны в мире, как наша, - сказал Гамзатов на предвыборном митинге в Буйнакске. – В этом наш народ убедился еще раз, когда на нас обрушился невидимый враг. Но мы не оказались одни. Нам соболезнуют самыми добрыми словами, нам помогают – и как помогают! Все это вызывает во мне особые чувства, потому что мне приходилось видеть в Пакистане народ, который постигло землетрясение. Люди, не имея возможности восстановить разрушенное, толпами покидали родные места. Не получая помощи, без средств к существованию, они бесконечными вереницами шли по дорогам и, когда встречались им люди, смиренно протягивали руки, прося милостыню. Видя эту картину, я мысленно переносился на родину и гордился тем, что такое у нас невозможно.

В эти часы люди совершали подвиги – врачи, медицинские сестры, телефонистки, пекари, доярки. И это былое стественно. Они даже обижались потом, когда их слишком горячо благодарили. Можно было, конечно, уйти от опасности, убежать. Но кто из горцев согласится запятнать себя позором трусости? Горцы проявляли мужество, а страна уже спешила им на помощь. Из соседних областей России, из республик потянулись колонны автомашин с продуктами, палатками, строительными материалами. Размеры помощи были таковы, что обеспечивали не только полное возмещение ущерба, но и дальнейшее ускоренное развитие производительных сил республики.

Руку помощи протянули горцам и трудящиеся Узбекистана. Уже через месяц после трагедии Махачкала встречала первый эшелон узбекских строителей. Вспоминаю, какими теплыми были проводы этого эшелона. И встреча в Махачкале была сердечной, незабываемой. Когда спрашивал наших ребят, что больше всего запомнилось им в Махачкале, они, словно сговорившись, отвечали: «Встреча». Не цветы,

которых было ароматное море, и не приветственные речи, и даже не хлеб-соль, поднесенная на серебряном подносе девушкой в национальном костюме, а лица тысяч людей, которые вышли на городские улицы. Эти лица выражали все: надежду, благодарность, любовь. И они-то неизгладимо врезались в память. Они слились, за временем, в одно огромное бледное, счастливое лицо. Когда у старика-горца спросили, на чем держится земля, он протянул собеседнику руку и сказал: «Ты чувствуешь тепло пожатия руки? Вот на этом и держится земля». И строители из Ташкента, которые приехали в Махачкалу первыми, поняли и запомнили это.

К кварталу «Узбекистан» продираюсь сквозь хаос котлованов, траншей, штабелей строительных материалов. Ориентир мне указали десять минут назад – два белых, ярко отражающих солнце пятиэтажных дома, которые были совсем готовы и ждали новоселов. Эти нарядные, впечатляющие дома, казалось, отражали не только тепло солнечных лучей, но и другое, человеческое тепло. Подхожу ближе и вижу: стандартные панели облицованы керамической плиткой, а балконные парапеты покрыты голубым мозаичным орнаментом. Синие, фиолетовые и белые крошечные плиточки вили прихотливый узор, и в этом узоре было что-то древнее и вечное, взятое из орнаментов знаменитых самаркандских медресе. Эта небольшая деталь говорила о тонком вкусе архитекторов «Ташнипрогора» – им хотелось сделать узбекский квартал в Махачкале поярче, поинтересней, чтобы он выделялся среди других кварталов, одинаковых с ним по составу домов, по высоте. Это удалось сделать с помощью сравнительно несложных, недорогих средств.

На торце одного из готовых домов легендарная птица Семург – птица счастья по восточной мифологии – держит в клюве ключ от новой квартиры. Совсем не банальное решение. Я и обрадовался, и позавидовал находке зодчих. Им было поручено дело исключительно сложное, но простое – привязать наши типовые дома к коммуникациям готового уже проекта одного из новых микрорайонов. Но они смогли прикоснуться душой к стандартным моделям, и те перестали быть стандартными.

Первые знакомства.

- Шукур Аманов, секретарь партийной организации поезда. Замещаю начальника, который в отъезде.
- Тургун Курбанов, начальник участка.

Против ожидания, первым на вопросы отвечаю я. Что нового в Ташкенте, каковы виды на урожай – не нанесло ли маловодье ущерба хлопчатнику. Как уродились овощи, фрукты, бахчевые. Какая а Ташкенте погода – они соскучились даже по ташкентской жаре. Чувствую, как этим людям хочется домой. Но эта тоска по дому выливается не в тоску и нытье, а в большое трудовое напряжение. Чем быстрее будет сдан последний из объектов узбекского квартала, тем ближе родной дом.

Они приехали сюда первыми и помнят всю историю стройки, от желтых колышков и первой отмашки руки, когда бульдозер Юрия Ефремова опустил нож и пошел на зарезание (это была торжественная минута) до вот этих готовых домов, которые нет нужды расхваливать и к которым быстро будут присоединяться следующие. Строительный конвейер здесь работал, как конвейер на хорошо отлаженном заводе. Недаром на эту площадку так часто приходят местные строители – поучиться организованности, мастерству исполнителей.

Обходим строительную площадку. Идет монтаж седьмого, последнего по счету дома. Монтажниками командует бригадир Алексей Костенко, парень сметливый и общительный, набиравшийся сноровки на многих стройках. Чертежи он помнит на память, не первый ведь фундамент. Внизу шипит белая дуга сварки, над человеком в брезентовой робе вьется белый дымок. Закладные детали соединены – порядок, можно браться за следующую деталь. Без заминочки идет этот фундамент, легче предыдущих. Потому что после него, последнего дома, - Ташкент, родной город, с которым ты, оказывается, связан тысячью нитей. Отделочники пусть здесь задержатся, им и положено задержаться, а у монтажников этот дом последний. Этот дом и то немногое, что осталось доделать на котельной, детском саде, торговом комплексе.

А у бригадира отделочников Марифа Юлдашева свои заботы. Пора бы заселить сданные дома, чего это горисполком медлит? Фасадам-то ничего не делается, а квартиры блекнут, теряют лоск, который был наведен с таким старанием. Сколько труда вложено в отделку, ведь эта последняя операция венчает все, по ней судят о строительном коллективе в целом. Человек, чтобы выглядеть прилично, каждый день бреется, умывается, приводит себя в порядок. И такой же уход нужен квартире. А кто будет за ней ухаживать, если она заперта на ключ?

- Налей-ка мне белил, Мариф! – прерывает бригадира жена, маляр Елена Юлдашева. В разговор не вступает, некогда. С полным ведром белил идет красить двери. Ташкентские строители работают с семи до семи, прихватывают еще и половину субботы. Отдыхать будем дома, постановили они на общем профсоюзном собрании. Когда восстанавливался Ташкент, никто не помышлял об отдыхе. И здесь люди ждут, к зиме очень кстати придутся наши квартиры. Знакомясь с Юлдашевым, я не подумал, что он отделочник, тем более бригадир. Худощавый и стройный тридцатилетний мужчина клал кирпич в невысокие стены плескательного бассейна и получал от этой работы видимое удовольствие. Меня он

застеснялся, кирпич класть перестал. Оказывается, прежде чем стать отделочником, он семь лет проработал каменщиком. А родом он из Андижана. «Мне на стройке все нравится, каждой строительной профессии хотел бы выучиться, - говорит Мариф. – Сейчас я отделочник, а как хочется посидеть в кабине башенного крана, поработать сварщиком. За все бы взялся с радостью!»

Юлдашев строил новый Ташкент. Это неплохая школа, ее прошли все, кто приехал сюда из узбекской столицы. И всем она пошла на пользу. Когда записывали желающих поехать в Дагестан, Мариф почувствовал, что надо записаться. Он так и сказал: «почувствовал». А мог бы и не поехать? Мог, если бы отказали. В этом случае чувствовал бы себя обиженным, обойденным, что ли. Ведь сколько хороших людей приезжало восстанавливать Ташкент! Отмечу, что эту мысль в разных вариантах высказывал почти каждый рабочий – нам ведь от души помогали, и они тоже хотели ответить добром на добро.

- Мариф, чем вам запомнится Махачкала?
- Работой. – Он отвечал не раздумывая, он знал это. – Гостеприимством горцев. Дагестанцы очень сердечны. Внешне суровые, замкнутые, они легко раскрывают сердце другу. Еще, конечно, запомнится наш квартал, каким мы оставим его. Здесь всегда будет кусочек узбекской земли.

Обходим квартиры, в которых наводится последний лоск. Александр Симонов стеклит окна. По-стариковски уверенно приложит стекло к пустому проему, ногтем упрется в место, где должен пройти разрез, и раз алмазом, а потом легонько так разломит стекло и вставит в проем. Галина Ползунова и Вера Плоткина клеят обои, Валя Ямщикова, уже после всех, моет до блеска окна и полы. И запирает квартиру на ключ. После нее войдут только новоселы.

Здесь все было в порядке, и хотелось тепло поблагодарить этих озорных девчат за мастерство и неутомимость, за то, что вдали от дома они делают свое дело так, словно им самим предстояло завтра въехать в эти светлые квартиры.

Очень напряженно было на котельной. Если другие объекты могли и подождать, то котельная ждать не могла. Ее тепло должно было согреть не только ташкентские дома, но и весь большой новый микрорайон. Середина октября, предельный срок – конец октября – вот тот отрезок времени, которым располагали рабочие. «Дадим тепло в октябре», - сказал бригадир монтажников Федор Шмаков. Крепко скроенный, с рыжеватой бородкой, в белой войлочной кепочке-конфедератке он производил впечатление человека с жесткой хваткой, но, по отзывам товарищей, был обходителен и в людях больше всего ценил дружелюбие и откровенность, и многие из его бригады исчисляли совместный счет работы со Шмаковым в десять и более лет. Легко, раскованно работалось под его началом. Уверенность же бригадира в успехе покоилась на том расчете, что сейчас все зависело от его людей, а в них он не сомневался. Снабженцы уже не могли подвести, все материалы и комплектующие детали прибыли на площадку. Собирай, вари, ставь на место, опробуй и пускай. Во всем этом он и его люди разбирались прекрасно. Четкое взаимодействие, при высоком индивидуальном мастерстве, дух коллективизма, чувство долга, ставшее чертой характера – вот основные качества коллективного портрета шмаковской бригады.

Трудовая вахта здесь была самая напряженная, включала в себя и субботу, но с обязательным отдыхом в воскресенье. В этот день всей бригадой отправлялись за город к морю, на желтые пустынные пляжи, и нежились в теплой каспийской воде. В эту ласковую зеленоватую воду тело и высачивало накопленную за неделю усталость. И кто-нибудь насвистывал, лежа на берегу: «Издалека - долго течет река Волга…» Эта зеленоватая, такая приятная вода на 80 процентов была волжской.

Шмаков закурил, прикрывая мозолистой ладонью трепещущее пламя спички.

- Сейчас дует из Турции Магомет-ветер, - сказал он. – Тепло и сыро, дождички, вот, не перестают. А зимой с Астрахани дует Иван-ветер, холодный и сильный. Когда зимой оба ветра встречаются здесь, махачкалингцам приходится не сладко. Зато на берегу моря живут!

Общий короткий перекур. Сварщик Эдик Хайрутдинов говорит: «Здесь, ребята, разве рыбалка? Стоят граждане на берегу, бросают в волны блесну, крутят-вертят свои спиннинги, а что на крючке? Килька обыкновенная, даже без томатного соуса. И еще они рады ей, этой кильке. Самое большое, чему они без ума рады – это вобла. Вобла размером с ладонь. Ну, рыбалка! Вот у нас на Чардаре! Не успеешь удочку закинуть или переметик поставить, а на крючке уже бьется поросенок, судак килограмма так на четыре или сазан килограмма на два. А если судак килограммов на шесть, так он тебя так помучает, - за час больше намаешься, чем на работе за день».

- Знаем, Эдик! – перебивает бригадир. – Арнасайской ухой ты нас потчевал, и мы отмечали твое мастерство, на тосты в твою честь не скупились. А ухи каспийской что-то мы не видали. И с одной стороны к тебе подъезжаем, и с другой – налови, Эдик, рыбки на уху, а ты не можешь. Не приноровился еще к здешнему морю, у здешней рыбы, должно быть, характер другой, а ты ее все за арнасайскую красноперочку считаешь, которая по дурости сама прет на крючок. Ты к здешней рыбке найди индивидуальный подход! Вот я знал одного парня, так тот рыбак был, ничего не скажешь. В любой луже у него клевало, даже не по себе становилось от такой удачливости. Ты, Эдик, давай, попробуй сегодня, мы тебя к вечернему клеву отпустим.

Глаза Эдика загораются рыбацким блеском.

- Заодно и лодочку свою испробуешь, может, тебе дырявую подсунули (Эдик купил здесь резиновую лодку грузоподъемностью 200 килограммов и очень гордился покупкой).
- Возьми меня, я тебе лодку надую, - предложил кто-то.
- Смеетесь, а я возьму и осетра поймаю! – сказал Хайрутдинов.
- И сразу – в браконьеры! А потом: ребята, поручитесь за меня, ведь я хороший!

Все засмеялись, и Шмаков встал, взял газовый резак и открыл вентили ацетилена и кислорода. Чиркнул электродом о стальную трубу, поднес резак к искре – горелка загудела фиолетовым ядовитым лезвием. Прикоснись этим лезвием к стали, и потечет сталь, горючими оранжевыми слезами заплачет.

Я стоял рядом и смотрел, как работают эти люди. Бригадир никому ничего не говорил, каждому были известны его часть дела и задание в целом. Шмаков вырезал автогеном круглые отверстия в большом черном резервуаре, а Хайрутдинов подтягивал к нему пять тонких труб и одну толстую. Подтянув трубы, он тоже принялся варить. Прикрыв глаза щитком-забралом с синим стеклышком посередине, он склонялся над трубой, белое пламя вольтовой дуги вспыхивало в его руках, и получалось, что он держал его на весу брезентовыми рукавицами. И это похожее на большое яблоко пламя не гасло до тех пор, пока не выгорал электрод или не кончался шов. Швы получались ровные, одинаковой толщины, а это, как я помнил, было верным признаком зрелого мастерства. Саидалиев или поддерживал трубу, чтобы Хайрутдинов не отвлекался, или помогал Шмакову делать разметку. И все это происходило совсем молча. Люди без слов понимали друг друга, так давно они работали вместе и так цепко держали в уме все предстоящие операции.

Это была красивая работа. И я не ошибусь, если скажу, что каждый из этих людей получал удовольствие, вот так споро, без минутной задержки делая свое дело. Бросалось в глаза безукоризненное взаимодействие. Едва Хайрутдинов кончал сваривать стык, как Саидалиев бегом подносил ему следующий кусок трубы или колено, что требовалось по ходу пьесы, а когда дошел черед до толстой трубы, бригадир, не говоря ни слова, погасил свой резак, спрыгнул на землю и оказался у этой трубы секунда в секунду с Саидалиевым. Потому что одному Саидалиеву поднести эту трубу было не под силу. А два других члена бригады работали наверху, в хитром сплетении трубопроводов, и Шмаков ни разу не подошел к ним, не поинтересовался, как дела, - это было излишне.

- Неплохую память оставим о себе, как вы считаете? – лишь однажды сказал бригадир, проходя мимо меня. Но и это, как мне показалось, его не беспокоило. Он знал, что память о строителях из Ташкента в Махачкале действительно будет доброй и долгой, а то, что его, лично шмаковского вклада, никто не выделит, не беда. И в Алмалыке никто не выделял лично его вклада, а какой красавец-завод они отгрохали за год, любо-дорого смотреть, как льется расплавленный цинк в чугунные изложницы – это после всех сложных химических и прочих процессов – и как на погрузочной площадке растет гора белых цинковых чушек. А здесь люди будут жить. Они хотят счастья, и эти ташкентские дома помогут им быть счастливыми. Почему же не постараться для людей?

Прощаться с бригадой Шмакова было грустно. Я подумал, что едва ли найду слова, достойные глубокой человечности этих строителей по призванию, и то высокое и чистое, что я увидел, наблюдая их работу, так и останется, не рассказанное, во мне.

У бетонного узла затормозил самосвал. Поднялся кузов, зашуршал стекающий на землю щебень.

- Быстро ты обернулся, Вася! – крикнула сверху из дозаторной оператор Антонина Рябкова.
- Я всегда так! – в тон ей весело ответил Василий и пригладил кудрявые волосы. Так было, конечно, не всегда, но почему бы не порисоваться, если легко на душе и ты никому ничего не должен, и найдено твое место в жизни, которым ты доволен, и большой самосвал послушен тебе и послушно поглощает километры дороги, и ты уже побывал во многих городах, служа в армии и когда стал строителем. И тебе нравится страна, в которой ты живешь, и нравится город, в котором твой дом.

Я прошусь в кабину, на пару ходок.

- Всегда пожалуйста! С попутчиком веселее.

Сажусь в высокое кресло. Дорога сразу становится узкой, а все легковые машины – плоскими, не имеющими высоты. Мотор выводит то высокую, то низкую ноту, рычаг скорости прыгает с первой на вторую и третью передачи, а у светофоров – на нейтраль, город несется навстречу домами и потоком машин, но твоя часть дороги все время свободна. Василий, не сводя глаз с дороги, спрашивает:

- Всем хороша Махачкала, а я за год не смог к ней привыкнуть – почему?
- Скучаете по близким, - наугад отвечаю я.
- Так ведь и здесь у меня немало близких. На работе это не так заметно, дорога не позволяет думать о постороннем, тут смотри в оба, машина-то тяжелая. Но вот придешь на берег моря, - казалось бы, чего тебе еще, где в Ташкенте море, - покачаешься на волнах, как на качелях, понежишься на горячем песочке – и до боли хочется в Ташкент.
- Наверное, можно уехать, смениться.

- Я у вас не совета прошу, - обиделся Василий. – Сам знаю, что можно уехать. Но ведь не честно уехать, когда дело не доведено до конца. Так себя уважать перестанешь. Вы объясните, почему приходит такое состояние, когда остро чувствуешь: там у тебя дом, а здесь тоже дом, но не такой, как там, не родной?

- Задал ты мне задачу.

- Нет, почему?

- Детство и юность, и планы на жизнь – все там, - говорю я. Говорю применительно к себе, иначе этого и не объяснишь. – И то, что тебе дорого из прошлого и что приятно вспомнить – это все Ташкент, его люди и улицы.

- А я вот никак не разберусь в этом, - признается Василий. – Умом-то я знаю, что вся страна моя, от края и до края, и где я захочу, там и могу обосноваться. Но дом-то, оказывается, уже есть, и хочется, чтобы он всегда был рядом с тобой.

А дорога бежала и бежала нам навстречу, и не было ей конца, и МАЗ, при всем желании, не мог пробежать ее всю ни за день, ни за месяц – она не кончалась и там, за голубым горизонтом. Одна из этих дорог вела в Ташкент, и Василий твердо знал это. Но еще тверже он знал, что воспользуется ею только после завершения работ здесь, в Махачкале.

- Понравились наши ребята? – спросил меня вечером Тургун Курбатов. Мы сидели в вагончике, где он жил с семьей – матерью, женой и четырьмя детьми. Девочки-близнецы родились уже здесь, полгода назад, и их назвали Зухрой и Фатимой. Мы сидели на войлочном паласе и пили чай, традиционный зеленый чай и тонких фарфоровых пиал, на которых фиолетовый кадмий красиво оттенял белые коробочки хлопка. Я ответил, что строители не просто понравились мне, но глубоко тронули меня своей душевностью, своим очень патриотическим отношением к порученному им делу.

- Я рад, что приехал сюда, это такая школа! – говорит Тургун. – Когда не только работаешь с подчиненными тебе людьми, но и живешь с ними бок о бок – у нас в городке сто вагончиков, все устроены неплохо – и когда подчиненные понимают свою задачу ничуть не хуже тебя, уважение к этим людям достигает большой силы. И сам стараешься стать лучше, стараешься подняться над своими недостатками. Чтобы люди, которых ты глубоко уважаешь, ни в чем не могли упрекнуть тебя. Ведь обидно, если у них найдется повод для этого.

Мы пили чай, заваренный женой Тургуна Салимат, которая работала здесь табельщицей и растила четверых детей. И Тургун неторопливо рассказывал о жизни вагонгородка. Бытовые условия рабочие считают вполне удовлетворительными, в вагончиках не тесно, столовая готовит не только борщи и котлеты, но и шурпу, плов, лагман, а вечерами всегда людно в чайхане, она, можно сказать, клуб заменяет: чай, шахматы, домино, телевизор. Душ, вот, на горячей местной минеральной воде работает. Тургун – строитель по призванию. Начинал учеником каменщика, потом плотничал, потом был бригадиром. Кончил вечернее отделение алмалыкского филиала ташкентского политехнического института. Диплом защитил через неделю после землетрясения в Ташкенте. И два года работал вместе с русскими строителями на восстановлении узбекской столицы. Вот это была работа!

Я не стал спрашивать, почему он приехал сюда – приехал основательно, с семьей, словно собирался остаться надолго, хотя конец работам уже был виден. Он мог бы приехать и один, так многие поступили, но семья не захотела жить вдали от своего главы, и это, пожалуй, было мудрое решение. Вся предыдущая жизнь подготовила Тургуна к тому, что слово «надо», сказанное вообще, он воспринимал как обращенное лично к нему. Ладно, решил он, раз надо помочь Махачкале, записывайте меня. Конечно, нашлись бы и другие, но ему не хотелось, чтобы его обошли в этом, как он считал, очень важном деле. Он никому не говорил про то, что чувствовал, когда в нем созревало решение. Ведь это личное, это носишь глубоко в себе. И если у тебя нет этого, рано или поздно тебе будет плохо.

- Зимой приезжал к нам Председатель совета министров России Геннадий Иванович Воронов, - вспомнил Тургун. – В воскресенье заехал осмотреть наши строительные площадки. А мы как раз работали, до этого три дня простояли из-за метели. Он очень удивился. «Молодцы!» – похвалил он. А что? Первенство с июня прошлого года держим, как приехали. И, покаду не уедем, не отдадим!

Здесь, в Махачкале, повторялась эпопея восстановления Ташкента. Была большая беда. Но страна приняла ее на свои могучие плечи, и ее последствия оказались очень недолговечны. То, как встретил эту беду Ташкент, было подвигом. И было подвигом то, как Ташкент восстанавливали. И подвигом было то, как встретил эту беду Дагестан. Подвиг этот продолжался – на строительных лесах автономной республики и ее столицы Махачкалы.

Из хутора – в агрогорода

Бульдозер встал перед приземистым глинобитным домом. Поднялся стальной отполированный нож, нацелился на хрупкие серые стены. Машинист высунулся из кабины, чтобы лучше видеть, что крушить. Дом зиял черными проемами окон и дверей. На плоской саманной крыше цвели маки, ветер колыхал красные чашечки. Бульдозерист дал газ. Стены рассыпались, рухнули балки, взметнулась пыль. Стоявший неподалеку плотный мужчина средних лет зажмурился, сжал кулаки. Но, пересилив себя, сдержал слезы. Старое рушилось для нового, для лучшего, и все было правильно, все было в глубине удуши желанно.

Мужчину звали Бахадыром Мухамеджановым. В колхозе «Ленинизм» Янгиюльского района его знали как хорошего механизатора, уважали за добросовестность и мастерство. Когда отец Бахадыра собирал свой домишко из подручных материалов, о сегодняшнем достатке хлопкоробы только мечтали. Теперь семью механизатора в центральной усадьбе колхоза ждал новый двухэтажный пятикомнатный дом со всеми удобствами, которые есть у горожан, но более просторный, чем любая городская квартира. И тужить, конечно же, было не о чем. Но рвались невидимые нити, связывавшие Бахадыра с детством, с дорогими сердцу картинами прошлого. И многое, очень многое под рев бульдозера уходило из его жизни, как ему казалось, навсегда.

Я наблюдал за ним, и мне были близки его переживания. Десять лет назад я вот так же стоял и смотрел, как рушится под ударами чугунной бабы, висящей на стреле экскаватора, дом, в котором прошло мое детство. Понимал необходимость и своевременность происходящего. Но было больно, очень больно.

Плеча Бахадыра коснулась добрая рука.

Полно, дорогой, пошли. Так всем будет лучше, - сказал председатель колхоза Юсуп Талипов. – Не дом – дворец теперь у тебя. Въезжай, дорогой! Будь счастлив. Отблагодаришь ударным трудом за проявленную о твоей семье заботу. – Последние слова он произнес торжественно, как напутствие. На добросовестном труде, на этом надежном фундаменте и держится достаток колхоза «Ленинизм». И вот трубят карнаи. Их гордый глас далеко окрест разносит радость новоселий. Хлопкоробы, механизаторы, специалисты колхоза въезжают в новые дома. На торжество приглашены и строители. Их сейчас согревает причастность к пришедшим на колхозную землю хорошим переменам.

Да, такими кварталами двухэтажных домов заслуженно гордятся и колхоз, и подрядчик – одна из передвижных механизированных колон «Узколхозстроя». Новая усадьба выходит Фасадом на Большой узбекский тракт, связывающий Ташкент с Термезом. Естественно, фасад всегда принаряжают. Но эти дома хороши со всех сторон. Оштукатуренные мраморной крошкой («под смыв» – так называют отделочники этот трудоемкий вид работ), они прекрасно смотрятся и с улицы, и со двора. Квартиры в двух уровнях, с тридцатиметровой квадратной гостиной, с просторной кухней, в которой легко размещаются холодильник и обеденный стол, с большими террасами.

Но пять комнат – не излишествуем ли мы? Нет. У Мухамеджанова, например, семеро детей. Кроме того, он хочет приютить под своим кровом престарелых родителей. Наше узбекское село отличается от города еще и тем, что в нем почти не встречаются маленькие семьи. Ежегодный прирост населения в республике – триста тысяч человек, или два процента. Это много выше, чем в среднем по стране.

Улица, на которой, кстати, уже высажены клены и чинары, уведет к общественному центру усадьбы. Здесь школа, универмаг, столовая с чайханой, здание правления, учреждения соцкультбыта. Тщательность отделки такая же, как и в жилых домах. Здания радуют капитальностью, комфортом, современной, учитывающей национальные традиции, архитектурой. Обращает на себя внимание широкое использование сборного железобетона, что позволяет индустриализировать строительные площадки. Школа, надо сказать особо, получилась замечательная, с кабинетной системой обучения, с просторным спортивным залом. «Хотела бы я, чтобы у моих детей была такая школа!» – воскликнула женщина, член приемной комиссии.

Их благодарите! – Начальник участка механизированной колонны ветеран войны Георгий Алексеевич Лапунов кивнул на бригадиров Султана Абзизова, Марата Асходжаева, прораба Алексея Сона. Держать марку было нелегко, ведь прежде к качеству работ не предъявлялись столь высокие требования. Но экспериментальный поселок – это как бы завтрашний день всего сельского строительства. А без высококачественного исполнения что останется даже от очень хорошего замысла? Сила эксперимента именно в единстве замысла и исполнения. И если новый поселок задуман как показательный, все в нем должно удовлетворять и требованиям завтрашнего дня, перспективы.

Остановлюсь подробнее на том, какой задумана центральная усадьба колхоза. Архитекторы института «Узгипросельхоз» придали этому поселку облик агрогорода. Удобства предусмотрены городские, а вот от устремленности ввысь, от многоэтажности и оторванности от матушки-земли, свойственной городам, проектировщики отказались и поступили правильно.

Поселок, однако, получился компактный. На площади в 88 гектаров разместятся жилые дома на 463 семьи, общественные здания. Зеленая зона отдыха и внутриквартирные скверы займут 11 гектаров. Каждый житель получит 50 квадратных метров зеленых насаждений, не считая приусадебных участков, которые в наших условиях всегда сады. Нормы предусматривают вдвое меньше, но отступление от норм в данном случае сознательное. Это одна из позиций эксперимента. В большом парке в центре поселка архитекторы разместили детский сад и школу, а также стадион с плавательным бассейном, летний кинотеатр. Школа в парке? Замечательно.

Жилые дома десяти типов, с разнообразным оформлением фасадов. Каждый дом со своей изюминкой, и каждый квартал не похож на соседний. Стоимость квартиры от 12 до 21 тысячи рублей. После заселения стоимость дома записывается на счет колхозника, выплата в рассрочку на 20 лет. Это, примерно, от 50 до 90 рублей в месяц. Инженерные коммуникации, надворные постройки в стоимость жилья не включены и оплачиваются колхозом. Жилые дома с квартирами в двух уровнях более дорогие. Они остаются в собственности колхоза, и те, кто их заселяет, выплачивает квартирную плату, как горожане. Весь поселок обойдется в 12 миллионов рублей. К настоящему времени усадьба готова наполовину.

Первоначально в каждом дворе предусматривалось строительство помещений для содержания скота. Но, опять-таки в порядке эксперимента, было решено вынести индивидуальные коровники нескольких хозяйств за пределы жилой зоны и заменить их общественным коровником. Личный скот колхозника в общественном коровнике? А почему бы и нет? Сразу улучшается санитарное состояние каждого двора и всего поселка в целом. Кроме того, если механизировать кормление и удаление навоза, создать единую кормовую базу – а все это предусматривается, то, несомненно, облегчится и труд колхозниц по уходу за личным скотом. Правда, теперь коровник будет не рядом с домом, а метрах в 200 – 400. Это неудобство. Но преимуществ будет больше. Приживется ли новшество? Для того и проводится эксперимент, чтобы посмотреть, насколько оно жизнеспособно, в состоянии ли оно агитировать за себя.

Интересным обещает стать экспериментальный поселок колхоза «Ленинград» Сырдарьинского района. Он поднимается вдали от больших дорог, в глубинке, на землях Голодной степи, освоенных еще до войны. Председатель колхозы Кузыбакар Синдаров, новатор в душе, считает, что если создать людям максимально хорошие условия, они будут прекрасно работать, и хозяйство окажется в выигрыше. В поисках хорошего сельского дома он объездил всю страну. Много интересного увидел в Прибалтике, на Кубани, в Армении, на Украине. Сравнивал, отбирал то, что могло подойти для его климатической зоны, не противоречило узбекским народным традициям. Из готовых рецептов отобрал немногие. Но зато твердо знал, что нужно заказать архитекторам. При оценке проектов был взыскателен и компетентен, как эксперт.

Теперь первые кварталы поднялись, и постепенно раскрывается все богатство архитектурного замысла. Дома возводятся одно- и двухэтажные, на одну и две квартиры. Все гостиные комнаты просторные, жилая площадь даже трехкомнатной квартиры – 80 квадратных метров. Для сравнения: жилая площадь городской четырехкомнатной квартиры 52 – 56 квадратных метров. Количество комнат не менее трех, не более шести. Поселок строится на тысячу хозяйств (5 – 6 тысяч человек), будет 43 жилых квартала. Школа на 1176 ученических мест получилась прекрасная, с плавательным бассейном. Задуман и стадион на пять тысяч зрителей. Много чего задумано хорошего и нужного. Клуб, например, обещает стать настоящим дворцом культуры. Подрядчик уже сейчас обеспокоен тем, где взять гранит и мрамор для его отделки.

Колхоз приобретает для новоселов ковры, импортные мебельные гарнитуры. Обстановка внутри дома также должна отвечать возросшей культуре быта. Тут надо сказать, что традиционно узбекские семьи почти не пользуются мебелью. Едят, расстелив достархан на ковре, и спят на ковре, а постельные принадлежности складывают в нишах. Однако есть за столом куда удобнее, и спать на кровати удобнее. В городах Узбекистана европейская мебель уже видоизменила традиционный восточный быт. А на селе этот процесс протекает медленнее. И понятно стремление руководителей колхоза и района его ускорить. В современных домах должна быть и современная мебель. Чтобы быстрее преодолеть инерцию прошлого, эту заботу колхоз берет на себя.

Новый поселок обойдется в 40 миллионов рублей. Эти затраты колхоз покроет за счет собственных доходов, от хлопководства и теплиц, которые уже занимают двадцать гектаров. И пусть стоимость квартир, коммуникаций и надворных построек высока, в «Ленинграде» считать умеют, с рублем обращаются на «вы» и непроизводительных затрат не делают. Деньги, уплаченные колхозом за новые дома, вернутся в его кассу не только в виде квартирной платы или платежей в рассрочку. Люди будут лучше работать, больше радеть о колхозном добре. А поселок получается действительно добротный, и многое здесь сделано не только капитально, но и в полном соответствии с законами красоты.

Подчеркну одну важную особенность. И в «Ленинизме», и в «Ленинграде» первыми в центральную усадьбу съезжаются жители хуторов, а хутора сносятся, и на их месте закладываются сади или хлопковые плантации.

Чем плох хутор

Хуторская система расселения в Средней Азии сложилась исторически. Другие области нашей страны тоже характеризуются обилием мелких и мельчайших населенных пунктов. Масса хуторов в Прибалтике, на Дону и Кубани. От средневековой обособленности и стремления к натуральному хозяйствованию идет хутор. Он неудобен уже для следующей формации – капиталистического способа производства, предполагающего широкий товарообмен. Но все, что касается человеческих поселений, консервативно и плохо поддается ломке.

В Узбекистане сейчас 28 тысяч сельских населенных пунктов, и огромное большинство из них – хутора с 3 – 10 хозяйствами, с населением в 20 - 100 человек. Благоприятными условиями для дальнейшего развития располагают три тысячи населенных пунктов. Эти поселки архитекторы назвали перспективными. В них сейчас и сосредотачивается все новое строительство. В ближайшие годы эти поселки будут подвергнуты коренной реконструкции, превращены в агрогорода. А 25000 хуторов, то есть всю отжившую свой век хуторскую систему расселения, мы постепенно ликвидируем. Собственно, процесс этот уже идет, набирает скорость, и хутора, скорее всего, окончат свое существование на рубеже тысячелетий. Ликвидация хуторов –задача не местная, но общесоюзная.

Чем же плох хутор, что ему закрыта дорога в XX1 век? А тем, что в нем не построить школу, магазин, детский сад, клуб. Хутор практически нельзя обеспечить водопроводом, канализацией, газом, центральным отоплением, асфальтированной дорогой. Жить в хуторе становится неуютно. Прогресс, оказывается, по понятным экономическим соображениям, обходит хутор стороной. Раньше это терпели, а зачем сейчас терпеть?

Грани между селом и городом, за исключением чисто природных различий, нам не нужны, более того, они вредны. Советская власть проявляет равную заботу и о рабочем, и о крестьянине, в общенародном государстве по-иному быть не может. Таким образом, ликвидация хуторов – задача большого социального значения. Ее не берутся решать даже богатые капиталистические страны, а мы и ставим, и решаем.

Все чаще с мест приходят сообщения, что под ножом бульдозера исчез еще один хутор, а его жители переехали в перспективный поселок, в добротные кирпичные дома. Процесс этот не насильственный. Сам ход нашей жизни, в которой не последнюю роль играет коллективизм, помогает хуторянам осознать, что жизнь на отшибе, в стороне от благ цивилизации не принесет ничего хорошего ни ему, ни его детям.

Все недостатки хутора, действительно, на виду. А есть ли у него достоинства? Я спросил это у секретаря Хазараспского райкома партии Юлдаша Саттарова. Подумав, он сказал: «одно, пожалуй, я вам назову – близость к хлопковому полю. Хутор, как остров в хлопковом море. Хозяйка в свободное время может выйти на прополку, на сбор урожая. Ну, и дети тут как тут, помогают. Поработает семья час-другой, и снова к домашнему очагу. Поля рядом с хуторами ухожены с особой тщательностью».

Ну, а если не ориентироваться на ручной труд? Комплексная механизация хлопководства не оставляет для него места. Труда затрачивается во много раз меньше, а урожай тот же.

Тогда, - сказал секретарь, - хутор лишится единственного своего преимущества. Что ж, тем рельефнее станут его отрицательные свойства.

Мы приходим к победе комплексной механизации в хлопководстве. Даже уборка урожая сейчас механизирована на две трети, и ставится задача, чтобы к хлопковой коробочке вообще не прикасалась рука человека. Уже сегодня, при нынешнем уровне развития транспортных средств, в колхозах практически нет далеких полей. Так жизнь отнимает у хутора его последний якорь. Кстати, в колхозе «Ленинград», где скоро не останется хуторов, урожайность хлопчатника уже перевалила за сорок центнеров. Не будем забывать, что голодностепские земли считаются трудными.

Противники хуторов считают, что эта система расселения не позволяет эффективно использовать поливные земли. Вот их аргументы. Так, в Андижанской области при плотности населения 266 человек на квадратный километр на каждый квадратный километр приходится в среднем четыре хутора. Где же развернуться трактору, мощной уборочной технике? И до сих пор вручную выполняются те поливные работы, которые давно можно переложить на плечи техники.

Подрядчик

Уже более десяти лет мы стремимся застройку сельских поселков осуществлять комплексно, по генеральным планам. Пусть сегодня это тенденция. Завтра она станет правилом, не терапящим исключений. Переустройство села, переустройство всего сельского хозяйства на основе его индустриализации —веление времени. Эта задача решается уже много лет, и решается всенародно, вопреки утверждениям западных советологов, что без опоры на частный сектор советскому сельскому хозяйству не подняться. В Узбекистане все большую часть строительных работ на селе берут на свои плечи подрядные

организации «Узколхозстроя». Они ежегодно выполняют строительно-монтажных работ более чем на 600 миллионов рублей. Разумеется, что-то делается и собственными силами колхозов и совхозов.

Для полной ликвидации хуторов и мелких поселков в Узбекистане необходимо построить более 20 миллионов квадратных метров нового жилья и плюс все то из соцкультбыта, что к этому жилью полагается пот нашим нормам. Ежегодно республика возводит на селе три миллиона квадратных метров жилья, в том числе два миллиона – на средства колхозов и колхозников. Строительство этих двух миллионов квадратных метров жилья и должен взять на себя «Узколхозстрой». Познаколмимся ближе с этим крупнейшим на селе подрядчиком. В каждом районе «Узколхозстрой» представлен межколхозным строительным управлением, в каждой области – трестом. Трест включает в себя, помимо чисто строительных, еще и специализированные управления, а также предприятия строительной индустрии, – кирпичные и деревообделочные заводы, полигоны по производству сборного железобетона, автоколонны.

Объединение «Узколхозстрой» становилось на ноги долго, колхозная стройка медленно уравнивалась в правах со стройкой государственной. Отсутствие серьезной производственной базы, малочисленность подъемных механизмов мешали его подразделениям в полном объеме выполнять возложенные на них функции. И на создание такой базы были направлены необходимые силы и средства (в денежном исчислении это почти четверть миллиарда рублей). Пока она создавалась, «Узколхозстрой» возводил школы, больницы, клубы, животноводческие помещения, мастерские, а жилья почти не строил. Коренная реконструкция поселков отодвигалась на будущее. Теперь время такой реконструкции наступило. И в перспективе объединение возьмет в свои руки все то жилищное строительство, которое ведется сейчас в колхозах индивидуальным способом. Для этого необходимо взойти на следующую ступень, ежегодно строить не 150 тысяч квадратных метров жилья, как сейчас, а два миллиона.

В сельской глубинке

Широченный мост приподнял автомобильную реку над рекой естественной, сдавленной песчаными косами, почти до дна выпитой окрестными полями. И вот уже оскудевшее русло Сырдарьи позади, а вокруг плоская голодностепская равнина, покрытая каналами, дорогами, поселками, садами. Над ухоженными плантациями носятся с гомоном плотные птичьи стаи. На выгонах пасутся упитанные стада. В хозяйствах здесь не редкость сорокацентнеровые урожаи. Пророческими оказались слова Фридриха Энгельса, сказавшего сто лет назад, что урожайную силу земли можно поднимать бесконечно путем приложения капитала, труда и науки.

Хлопок, как у нас говорят, всему голова. Даже 30 центнеров сырца с гектара – это 1500 рублей дохода в год. И если в колхозе пять тысяч гектаров земель и хлопчатником заняты две трети площади, вот вам пятимиллионный доход. Есть чем заплатить колхознику за труд, есть на что строить. И все чаще в здешних краях о председателе колхоза судят не только по урожайности его полей и продуктивности ферм, но и по тому, какой в его хозяйстве поселок.

Надо сказать, что в Сырдарьинской области особенно заметен контраст между нынешним, комплексным способом освоения засушливой целины, за внедрение которого в практику его авторы удостоены высокого звания лауреатов Ленинской премии, и способом старым, когда молодое советское государство брало на себя только подготовку ирригационной сети, а на остальное средств не было, и жилые поселки поднимали не окрепшие еще хозяйства. Если в зоне Южного Голодностепского канала стоят новые совхозы с тем уровнем комфорта, к которому мы привыкли в городе, то в зоне канала имени Кирова, которая в основном осваивалась в довоенные годы, в поселках много глинобитных построек, и много хуторов, создающих своим хозяевам большие неудобства. В этих поселках колхозники всегда строили себе жилье сами, из подручных материалов, что подешевле. Непритязательными, а часто и недолговечными, были здания производственного и общественного назначения.

Теперь положение меняется. И рабочий целинного совхоза, и хлопкороб колхоза, созданного в годы коллективизации, имеет одинаковое право жить в благоустроенном поселке. И развернувшаяся реконструкция кишлаков направлена в первую очередь на то, чтобы комфортом пользовался каждый труженик села. В Сырдарьинской области 25 колхозов. Все они получают высокие доходы и в состоянии выделить на капитальное строительство значительные средства. Ну, а коль велик спрос – назовем его строительным, под стать ему должно быть и предложение. Растущее капитальное строительство в колхозах – одно из средств удовлетворения потребностей тружеников села, которые тоже быстро растут.

Вот сельский строительный комбинат в поселке «Бахт», опора и надежда треста «Сырдарья облколхозстрой». Сейчас он выпускает 20 тысяч кубометров сборного железобетона в год, а скоро станет выпускать 50 тысяч. Из предприятия мелкого превратится в среднее. Полурамные коровники пролетом 21 метр, которые изготавливает комбинат, продукция вполне современная. В таких коровниках можно монтировать любое оборудование. Начато освоение унифицированных конструкций для жилых домов. Унификация намечена такая, что из одних и тех же блоков, как из кубиков, можно будет собирать и жилые дома с разным числом комнат, и детский сад, и магазин.

Сегодня Бахтскому строительному комбинату до лучших заводов железобетонных изделий еще далеко. Зато Баяутский кирпичный завод предприятие и новое, и современное. Его кирпича хватает и собственным стройкам, и для продажи колхозникам. А совсем недавно потребности треста в железобетоне и стеновых материалах почти полностью удовлетворялись за счет государства. Сегодня доля государства в снабжении строек треста этими материалами снижена до 20 процентов и будет уменьшаться. Трест расширяет и опорные базы межколхозных строительных управлений, одновременно специализируя их на изготовлении немногих видов продукции. Можно ли это рассматривать как тенденцию иметь хоть плохие, но свои строительные материалы? Ну, во-первых, далеко не все, что производит на своих заводах и полигонах «Узколохозстрой», низкого качества. На Баяутском кирпичном заводе планировали получить кирпич марки 75, а получили марки 100. И те материалы, которые сегодня еще недостаточно хороши, не обязательно останутся такими же завтра. Техническое обновление предприятий строительной индустрии неизбежно влечет за собой повышение качественных характеристик выпускаемой продукции.

Вспомним, что дало энергичное развитие собственной производственной базы Голодностепстрою. Эта организация смогла в нужных республике объемах осваивать целинные земли потому, что строила из своих материалов. И точно так же разветвленная производственная база сослужит добрую службу «Узколхозстрою».

Бахтский комбинат готовится к выпуску новой продукции – экспериментального жилого дома для колхоза «Ленинград». Пока усадьба «Ленинграда» застраивается кирпичными домами. Надо предложить и сборный вариант, посмотреть, как поведут себя такие дома в эксплуатации, останутся ли колхозники довольны их планировкой. Если делать панели из керамзитобетона, полносборный дом будет так же хорошо хранить зимой тепло, а летом прохладу, как и кирпичный. Квартал кирпичных домов, квартал сборных. Сравнивай, хлопкороб! Сравнивай и выбирай!

Но сопоставлять будет не только заказчик, но и подрядчик. Тресту «Сырдарьяоблколхозстрой» не приходится рассчитывать на большой приток рабочей силы. Джизакская степь, близлежащие города Бекабад, Ширин, Янгиер как магнит притягивают к себе рабочие руки. Значит, ставка может быть только одна – на повышение производительности труда. В этом смысле полносборный жилой дом гораздо эффективнее кирпичного. Индустриализация строек, увеличение доли полносборных объектов – важные слагаемые повышения эффективности труда сельских строителей. Индустриализация строительных работ влечет за собой углубление специализации. В тресте организовали сначала участок, а затем и управление отделочных работ. Конец – делу венец, гласит народная мудрость. Отделочники замыкают строительный процесс, и по тому, как постланы и окрашены полы, оштукатурены и побелены стены, заказчик судит о работе строителей в целом. Ну, а показательные поселки просто немыслимы без высококачественной отделки.

В повестке дня еще одна проблема. Объем строительства в колхозах быстро растет, капитальных сооружений становится все больше. Развивается сеть инженерных коммуникаций. Все это необходимо грамотно эксплуатировать, вовремя и со знанием дела ремонтировать. Сейчас каждый колхоз сам организует и содержит ремонтные бригады. Но результаты часто неудовлетворительные. Бывает так: прекрасный клуб через пять лет становится обшарпанным, невзрачным строением. Теряет, если применять торговый термин, товарный вид. Настало время создать централизованную службу эксплуатации.

В колхозе имени Куйбышева Ворошиловского района недавно появилась новая улица. На фасадах кирпичных, прекрасно отделанных домов – хлопковая коробочка. В нашем краю эта коробочка отождествляется с упорным трудом и символизирует достаток. Будь счастлив, хлопкороб, в своем новом просторном доме, и не уставать тебе в нелегком твоем труде! Сегодня уже можно констатировать, что колхозные строители в состоянии решать задачи, которые ставит перед ними жизнь – вести одновременно производственное, культурно-бытовое и жилищное строительство. Колхозы получают добротные постройки с высоким уровнем комфорта, с которыми не стыдно будет войти в завтрашний день.

Село развивается не как город, это общеизвестно. В каком доме хочет жить сельский труженик? Не в многоэтажном и не в многоквартирном, а в коттедже. Это в полной мере подтверждают социологические исследования. За коттедж высказываются почти все опрошенные. Причем, большинство согласно на более низкий уровень благоустройства, лишь бы дом был одноквартирный. Эта традиция пока не поколеблена, хотя экономисты очень хотели бы, чтобы сельский житель остановил свой выбор на двухэтажном доме с двумя сблокированными, в двух уровнях, квартирами, и усиленно пропагандируют его немалые достоинства. Что ж, такой дом не многим отличается от коттеджа, но гораздо компактнее: фундамент и крыша приходятся уже не на один, а на два этажа. Кстати, возражений против таких домов раздается все меньше. А вот многоквартирные дома явно не для села. В связи с этим хочу привести высказывание председатель колхоза «Политотдел» Ташкентской области Тимофея Григорьевича Хвана. Он говорил, что нужно твердо помнить о различии в психологии и привычках рабочего, скажем, автомобильного завода и совхоза. Первый спокойно пойдет жить хоть на девятый этаж, он истый горожанин. Второй хочет и должен прочно стоять на земле, ему нужны коттедж, приусадебный участок. В «Политотделе» для колхозников

строят только коттеджи и не жалеют затрат на благоустройство. Центральная усадьба этого хозяйства – одна из лучших в республике.

Но в поселках, состоящих из одних коттеджей, растянуты дороги и инженерные коммуникации. В расчете на одну семью это составляет 3 – 4 тысячи рублей. Ученый-социолог Владимир Переведенцев, обобщая исследования по сельскому строительству, считает, что есть возможность резко уменьшить затраты на инженерное оборудование коттеджа. Не надо идти проверенными, городскими путями – прокладывать водопровод, теплосети, канализацию. Надо полностью электрифицировать дом. Пусть электрический кабель будет единственной коммуникацией. В этом случае плита на кухне и водогрейка в ванной будут работать от электричества. Не понадобятся трубы центрального отопления, газопровода. Воду из скважины во дворе подаст небольшой насос. Инженеры доказывают, что это самый экономичный способ создания комфорта в сельском доме, и Запад пошел уже по этому пути. У электрического варианта есть еще одно громадное преимущество. С его помощью комфорт может войти в уже построенные добротные дома, лишенные коммунальных удобств. Таких домов в сегодняшнем селе подавляющее большинство.

Что ж, надо проверить и этот предлагаемый специалистами путь, он кажется весьма перспективным.

Когда мы говорим о переустройстве села и культуры сельского быта, то подразумеваем наличие стройной, научно обоснованной и планомерно осуществляемой системы мер, направленных на превращение сельского труда в разновидность труда индустриального, на резкое улучшение культурного и бытового обслуживания сельского населения. Зримые перемены в сельском хозяйстве коснулись не только производства. Они хорошо прослеживаются и в социальном развитии деревни. В дома колхозников, рабочих совхозов приходят все коммунальные удобства. Растут запросы сельских тружеников в отношении планировки жилья, предметов домашнего обихода, одежды. Мы с каждым годом становимся богаче. Это значит, что процесс переустройства кишлаков будет набирать ускорение, в огромной мере повышая культуру быта сельского труженика.

В З А И М О Д Е Й С Т В И Е

Сергей Татур

Один наблюдательный человек сказал, что порядок невидим, зато беспорядок назойливо лезет в глаза. Действительно, порядок неосязаем, как неосязаемо все естественное: воздух, которым мы дышим, здоровье, гармония, само счастье. Любое же отклонение от нормы, любая дисгармония приковывает к себе внимание многих людей. Наша реакция принципиальна и бескомпромиссна. Прожектор критики ярко высвечивает недостатки и упущения: халатность, бесхозяйственность, равнодушие, бюрократизм и так далее. И начинается работа, как принято говорить, по устранению выявленных недостатков. Естественное стремление к порядку выливается в действия по наведению порядка, в работу по восстановлению нарушенной гармонии или по созданию гармонии там, где ее не было прежде.

На Сырдарьинской ГРЭС, крупнейшей тепловой электростанции Средней Азии, в 1977 году были введены в эксплуатацию два энергоблока по 300 тысяч киловатт, а теперь, в конце 1978 года, успешно завершались работы на восьмом. В дело уже уступили наладчики и монтажники контрольно-измерительной аппаратуры, и было видно, что этот энергоблок даст ток не в конце декабря, как предписывалось графиком, а раньше. Забегая вперед, скажу, что эта турбина под аплодисменты многих тысяч строителей и энергетиков была поставлена под нагрузку на три недели раньше срока. Заминок, несогласованности, а тем более разобщенности усилий не было, и я радовался порядку на этой большой стройке – порядку, обретенному не легко, не в один день, завоеванному, можно сказать, каждодневным боем, каждодневным напряжением сил и серьезной, кропотливой организаторской работой.

Мне было с чем сопоставлять. В конце декабря 1972 года на этой станции пускали первый энергоблок, и финишная красная лента была разрезана торжественно, и было произнесено много речей, тоже торжественных, воздающих должное большой трудовой победе. Я обратил тогда внимание на то, что лица руководителей стройки постные, совсем не праздничные. Это была не усталость, это было недовольство собой. Позже стала понятна причина. Перовая турбина за полгода проработала всего двадцать часов. Значит, между рапортом об одержанной трудовой победе и фактическим вводом пролегла дистанция в полгода. Это время ушло на устранение многочисленных недоделок, на достройку всего того, без чего первый энергоблок не мог нормально работать.

И вот за минувшие годы беспорядок был побежден, восторжествовали четкий ритм, взаимодействие. Порядок, думается мне, вбирает в себя многое.

Дисциплина – трудовая, плановая, государственная; высокий профессионализм, компетентность; деловитость, инициатива; умение при всех обстоятельствах следовать закону и поступать по закону, бережливость, рачительность – вот те кирпичи, из которых складывается величественное и всем нам нужное здание порядка. Все эти кирпичи скрепляет цемент высокой ответственности за порученное дело. И еще одним интересным свойством обладают эти кирпичи. Она не взаимозаменяемы. Как лук нельзя заменить картофелем и капусту – помидорами, так компетентность не подменяется трудовой дисциплиной, а инициатива – бережливостью. Все это говорит о том, что добиться порядка в работе любого коллектива не просто. Порядок – сумма многих неоднородных слагаемых. И все программы экономического развития страны подразумевают, что необходимым элементом их осуществления станет повсеместная работа по наведению и укреплению порядка. И это правильно.

Понять, находясь в Ташкенте, как всего этого добился коллектив строителей и эксплуатационников ГРЭС, было затруднительно. Хотя и известно, что большое видится на расстоянии, расстояние в данном случае следовало предельно уменьшить. Многие связывали достигнутые здесь успехи с внедрением принципов рабочей эстафеты, объединивших усилия строителей и поставщиков материалов и оборудования. Хотелось увидеть рабочую эстафету в действии. И я еду на Сырдарьинскую ГРЭС. Машину с шумом обтекает встречный воздух, мелькают коричневые поля, вошедшие к осени в силу тутовые деревья, заготовительные пункты с внушительными бунтами хлопка, добротные поселки с пылающими виноградниками.

Я вспоминал картины порядка, те из них, которые видел когда-то и которые, как принято говорить, оставили глубокое впечатление и могут быть признаны образцовыми. Эти эталоны следовало держать наготове, чтобы сопоставлять с ними увиденное в Ширине.

Я вспомнил строительство одного жилого дома в Ангрене. Его возводили методом бригадного подряда, и когда я поднялся на леса, никто из каменщиков не повернул в мою сторону головы, но тотчас подошел бригадир и осведомился о цели посещения. Рядом с этим домом не валялось ни одного кирпича, ни одной сломанной плиты перекрытия. Я понял, что эта бригада – подлинный хозяин на своей

строительной площадке и, значит, хозяин рачительный, ценящий и любящий порядок и научившийся его создавать. Допускаю, что не все в этой бригаде были строителями по призванию. Но, познав на практике, что несет с собой порядок, рабочие стали его преданными и добросовестными сторонниками.

Я вспомнил хлопковое поле Атамурада Худайназарова из целинного сурхандарьинского совхоза имени Гагарина. Это было прекрасное поле, давшее 60-центнеровый урожай. За штурвалами хлопкоуборочных машин сидели сам Атамурад и его сыновья, еще школьники, перенявшие у отца его сноровку и любовь к земле. Это белое поле было щедрым-щедрым, и не верилось, что недавно здесь простирались тугаи, а после того, как их распахали, из земли упорно лез камыш. Теперь же между кустами хлопчатника не было ни одного сорняка. Конечно, это было следствием самозабвенного труда. Но это было и следствием образцового порядка в бригаде знатного хлопкороба.

Я вспомнил агрегатный завод на окраине Ташкента, не новый, специализированный на изготовлении редукторов. Это среднее по размером предприятие было прекрасным по постановке дела. Здесь брали не числом, но умением. Здесь был простор для инициативы, и принцип «Твори, выдумывай, пробуй» никогда не встречал красного сигнала светофора. И потому завод мог похвастать огромной массой внедренных новинок, о которых на других предприятиях только мечтали. Такой стремительный разлив новаторства могла вызвать только обстановка порядка, ибо порядок – великая раскрепощающая и мобилизующая сила. Беспорядок давит, угнетает инициативу, наступает ей на горло своей безалаберностью. Порядок же – первый союзник изобретателя и рационализатора, первый союзник инженера, заботящегося о внедрении достижений научно-технического прогресса.

Я вспомнил, как в Алмалыке строили заводы цинковый и аммофоса. За год и цехи возвели, и насытили их оборудованием, и получили первую продукцию - блестящие двадцатикилограммовые слитки цинка и белые гранулы удобрения, содержащего азот и фосфор. Успех обеспечили четкое взаимодействие всех участников строительного процесса, организация порядка, такого порядка, когда каждый этап работ завершается в положенный срок, открывая дорогу этапу следующему, и вся стройка мощно, как набравший скорость локомотив, идет к светлому празднику пуска.

Мы подъезжали к Ширину со стороны Бекабада, быстро растущего центра черной металлургии. Сооружаемый здесь электросталеплавильный комплекс уже давал продукцию. И Бекабад, как губка воду, вбирал в себя людей, строителей и сталеваров, а городу все было мало, так быстро разворачивалось здесь строительство и росло производство. В войну и в первые послевоенные годы этот город был на устах у всей республики: здесь возводили Фархадскую ГЭС и металлургический завод. Объекты эти, особенно гидростанцию с первой перегородившей Сырдарью плотиной, поднимать было очень тяжело; в те неимоверно сложные годы все было дефицитом – цемент, металл, хлеб и рабочие руки. Но народ и на этом участке строительства добился победы наперекор военной разрухе, проявил величайшую трудовую доблесть. Из первой здешней мартеновской стали было выковано оружие и отправлено в действующую армию. А на гидростанции и по сей день бок о бок с двумя харьковскими машинами работают две турбины фирмы «Вестингауз». Годы войны дали неплохие примеры делового сотрудничества СССР и США.

Бекабадцы многое сделали для освоения Голодной степи, беспрерывно направляя на целину воды реки Сырдарьи по каналам имени Кирова и Южному Голодностепскому, а также стальную арматуру, кирпич, ирригационные лотки, бригады строителей. Но сам город в шестидесятые годы рос медленно. И дело тут, конечно, не в злых бекабадских ветрах, наклонивших все деревья в одну сторону – на запад, а в том, что четверть века металлургический завод не расширялся, не увеличивал спрос на работников. И это замедляло развитие города. Начало реконструкции завода совпало с разворотом работ на площадке Сырдарьинской ГРЭС. И потребность в людях, в первую очередь строителях, сделала города-соседи Бекабад и Ширин городами-конкурентами. Впрочем, весь близлежащий район, включающий обширные пространства Голодной и Джизакской степей, предъявляет сейчас не просто повышенный, а чрезвычайно высокий спрос на рабочих строительных профессий, а теперь еще и на механизаторов, металлургов, энергетиков. Это, думал я, создает свои сложности, побуждает хозяйственников там, где это можно, брать не числом, а умением. Ну, а суворовская наука побеждать не числом, но умением дает плоды только в союзе с образцовым порядком. Побеждать умением, думал я, значит, побеждать с помощью порядка.

Та часть Бекабада, что на левом берегу реки, незаметно перешла в поселок Фархадской ГЭС, одноэтажный, укрытый от солнца и злых ветров садами и тополями, стволы которых теперь были в два обхвата. Вот какие тополя вымахали за треть века! А поселок Фархадской ГЭС контрастно переходил в город Ширин. Сады, тополя и индивидуальные домики обрывались, как по чьей-то команде, и начинались кварталы крупнопанельных домов с лоджиями, со щетиной телевизионных антенн на крышах. Мне показалось, что новые кварталы за последние годы не раздвинулись вширь, но это впечатление нуждалось в проверке. Два или три неоштукатуренных здания с пустыми глазницами окон не могли, естественно, свидетельствовать о стремительном росте города. Я попытался отыскать среди жилых домов общегородской центр с величественным Дворцом культуры энергетиков, с впечатляющими общественными зданиями. Этот центр, судя по возрасту Ширина, уже должен был существовать, но я не

находил его ни в готовых архитектурных ансамблях, ни в контурах того, что еще возводилось. Зато детских садов было много. Они выделялись обилием стекла и хорошей, старательной отделкой.

Километрах в двух от города стояла сама ГРЭС. Двенадцать лет назад здесь была степь, ветер осенью вырывал с корнем лебеду, кусты ее сцеплялись в метровые плотные шары, которые катились и катились, пока не встречали какого-нибудь упора. Помню, первые рабочие подносили к таким шарам спичку, и грелись, протянув руки к огню, и мечтали о другом огне, за которым пришли. Теперь в топках электростанции бушует могучее пламя. Оно сотрясает десятитысячетонные махины котлов: бухарский газ сгорает, и рождается электричество. На 1978 год было задание – произвести 11 миллиардов киловатт-часов, что составляет третью часть электроэнергии, вырабатываемой в Узбекской ССР.

По всем параметрам Сырдарьинская ГРЭС стала флагманом энергетики Средней Азии, и ввод следующих блоков должен был еще более укрепить ее ведущее положение в регионе. 180-метровые дымовые трубы, 50-метровой высоты главный корпус, резервуары мазута емкостью по 10 и 20 тысяч тонн мазута (резервуар в 10 тысяч тонн опорожняется всего за сутки работы станции зимой, когда газ разбирается на бытовые нужды), строящаяся 320-метровая труба, призванная предохранить окружающую среду от дыма и серы – все это были надежные сооружения, вобравшие в себя последние достижения отечественной науки и техники. В главном корпусе, правда, рядом с работающими генераторами уже бы могли стоять пальмы в кадках. Пальм пока не было, а все показатели станции, за которые коллектив отвечал перед страной, были на высоте, график нагрузок выдерживался стабильно, и по показателям станция уже входила в десятку лучших.

Броских внешних атрибутов «рабочей эстафеты» на станции я не увидел. Сами вахты (так энергетики называли свои смены) выглядели буднично, то есть проходили нормально, без авралов и аврального напряжения. У огромных турбин, источающих резкий свист, было безлюдно. Люди дежурили у пультов управления энергоблоками, и только вокруг пятой турбины хлопотали ремонтники, снявшие кожух и проводившие освидетельствование ее хитроумных лопаток, которые выдерживают сверхзвуковые скорости пара. Что ж, не все должно быть броским, рассуждал я, сила лозунгов и починов не в том, что они на виду, а в том, как быстро они материализуются в дела людей, в то, к чему призывают.

На восьмом энергоблоке, где работы вступили в предпусковую стадию и трудовое напряжение было и высоким, и красивым, бригады связывали свои успехи с «рабочей эстафетой». Ускорение было налицо: монтажники принимали эстафету из рук рабочих-машиностроителей, а передавали ее энергетикам, и совместно намеченные жесткие сроки пуска все замыкали в единую цепочку.

По четвергам, регулярно собирался штаб стройки. Приемная комиссия в предпусковые дни работала ежедневно. Сегодня на заседании штаба председательствует управляющий трестом «Узбекгидроэнергострой» Хабибулла Шагазатов. Это интеллигентный, худощавый человек среднего роста с черными, тронутыми у висков сединой волосами и внимательным, пытливым взглядом. Работает он культурно, голоса не повышает и к разносам, унижающим достоинство подчиненных, не прибегает (а это на наших стройках явление довольно обычное). Половину года проводит в командировках. Объекты треста находятся в Мары и Тахиаташе, Навои, Ангрене, Фергане и даже в Красноярске, а самые крупные – здесь, в Ширине. Считает, что если редко бывать на местах, упускаешь из рук нити руководства. Спросить умеет. И спрашивает так, что подчиненный, дающий ему ответ, чувствует: доверие, которое ему оказано, надо оправдывать. Штаб собирается в вагончике, это традиция.

Вокруг кипит стройка, в открытые окна врывается ее гул и запах сгоревших электродов. На вагончике висит плакат, на плакате рисунок: врач освидетельствует перевязанного бинтами человека и с сочувствием говорит ему: «В следующий раз, когда будете брать обязательства, потише кричите и не так сильно бейте себя кулаками в грудь». Этот плакат, в отличие от многих других, работает, воспитывает ответственность. В серьезной обстановке проходит заседание штаба. Болтовня, битие кулаками в грудь здесь изжиты. Разбор дел ведется аргументировано.

- Докладывайте! – приглашает Шагазатов.
- Корпус «А» промывать начнем сегодня, корпус «Б» – через два дня (речь идет о двухкорпусном котле, трубы которого имеют такую же толщину стенок, как и стволы артиллерийских орудий, и должны быть промыты кислотами до зеркального блеска).
- Канал будем заполнять завтра утром.
- Нельзя. Бетон должен выстоять двое суток.
- Разве я не даю бетону выстоять, сколько надо? Вы, а не я, опоздали с бетонированием. Сроки нарушать не будем. Сейчас, товарищи, все пройдемте со мной на площадку. Как это вы умудрились накопить столько мусора? Стыдно, все захламили. На расчистку даю три дня.

Еще были вопросы – о питательном насосе, упрямо не входящем в расчетные параметры, и трансформаторах, и лаконичные ответы на них. И заседание штаба закончилось. Инженеры сосредоточивали внимание только на нерешенных вопросах и отклонениях от графика, которые мешали пуску. А их было немного.

- Что нужно, чтобы на стройке был порядок? – спросил я Шагазатова.

- За всю отрасль отвечать не берусь, капитальное строительство огромно, да и права у меня такого нет, - сказал управляющий. – Но, имея в виду наш трест, скажу вот что. Нам нужны добротная проектно-сметная документация, поступающая, конечно, в срок, и надежное материально-техническое обеспечение работ. И убудет порядок. Ибо опыт показывает: то, что зависит от нас, от наших людей, мы делаем, выполняем, обеспечиваем. Находим резервы. Выходные, всякий отдых откладываем в сторону – ради слова, которое дали стране и которое обязаны сдержать, несмотря на разные встающие на пути препятствия и неувязки.

Мне понравилась эта спокойная уверенность руководителя в своих людях. Он привык полагаться на них, а они – на него. И тут цепь замыкалась. Но Шагазатов хотел, чтобы цепь была замкнута всегда, во всех многочисленных звеньях, а тут одного его желания было недостаточно. Вскоре я сделал, для себя, конечно, еще одно открытие. Того, что успевали выполнить строители, не щадя себя в отдельные выходные, заказчику было мало, заказчик хотел большего, торопил, потрясал номенклатурой еще не начатых объектов, построить которые следовало не сегодня и не вчера, а много раньше. Но ведь большего желает каждый из нас, а всегда ли желание осуществимо?

Секретарь партийного комитета Александр Еремеевич Неустроев готовился к отчетно-выборному собранию. Крупноголовый, с внушительными плечами, он казался человеком основательным и подтверждал это мнение о себе умением глубоко и основательно вникать в суть дела. В его трудовой книжке лишь одна запись – о приеме на работу. Двадцать шесть лет на одном месте, с одними и теми же людьми – это ли не свидетельствоосновательности?

В руководимой им партийной организации около двухсот коммунистов, они возглавляют большинство бригад и участков. Это опытные, энергичные, авторитетные строители, и практика выдвижения их на руководящие посты себя оправдывает.

- Одного из них ночью подними, он приведет с собой десять человек, только машину дай, и закипит дело, - говорит Неустроев. И видно, что ему дороги его люди, которых он полюбил за годы совместной работы. В своем отчетном докладе он воздавал должное их инициативе, подробно говорил о достижениях коллектива и менее подробно – о нерешенных задачах и проблемах. В повестку дня, как я понял, просились вопросы о будущем управления «Сырдарьягрэсстрой», - что строить после ГРЭС, и о будущем Ширина. Город рос гораздо медленнее, чем того требовали нужды его 18 тысяч жителей, и выход Неустроев видел в том, чтобы сделать крен в сторону гражданского строительства. Далее, в городе образовалась диспропорция между использованием мужского и женского труда. И строительные организации, и станция предъявили спрос на мужской труд, в связи с чем трудоустройство для многих женщин стало проблемой. Швейное или электронное предприятие позволило бы резко увеличить занятость женщин. В целом, доклад секретаря партийного комитета на отчетно-выборном собрании обещал быть конкретным и интересным.

Я поинтересовался, каковы взаимоотношения у генерального подрядчика с поставщиками и часто ли парткому приходится вмешиваться. Поторапливать поставщиков.

- Связи с заводами, изготовляющими оборудование, у нас прочные, деловые, - подтвердил Неустроев. – Поставки регулируются планами, и вмешиваемся мы довольно редко. В этом году писали только на один завод, а у нас пятьдесят крупных поставщиков. В прошлые годы писали чаще, но в основном тогда, когда коллектив выходил вперед, опережал плановые сроки, и заказанное оборудование нам требовалось раньше, чем оно должно было поступить по графику. Почти всегда нам шли навстречу. Копии телеграмм помню наизусть. За досрочное выполнение заказов мы всегда сердечно благодарим коллективы заводов-поставщиков.

Итак, взаимоотношения с поставщиками материалов и оборудования генеральный подрядчик строил на четко продуманной системе строгого выполнения каждой из сторон планов и обязательств, предварительно увязанных друг с другом, и выполнение договорных обязательств здесь – норма, правило, а срыв сроков, несостоятельность поставщика – досадное и, как я убедился, очень редкое исключение из правила. И хорошо, что дело обстоит именно так. У нас плановая экономика, и данная стройка говорит о том, что планировать мы умеем.

А как строятся отношения с привлеченными специализированными организациями, каждая из которых берет на себя определенный вид работ, например, сборку котла или турбины или изоляцию трубопроводов, и требует от генерального подрядчика своевременного предоставления фронта работ, их материально-технического обеспечения, и ни за что другое, кроме как за свой вид работ, ответственности не несет? И здесь принцип тот же.

- Взаимодействовать нам выгоднее, чем идти врозь, предъявлять друг другу бесконечные претензии. Так и стараемся поступать. За время совместной работы на одной площадке это стало линией поведения каждого производителя работ. Руководствуемся пусковым графиком, это закон для каждого участника стройки. Связь с субподрядчиками самая оперативная. В дни пуска счет идет на часы, и пусковая

комиссия собирается трижды в сутки. Тут уже день ли, ночь ли – все на ногах. Как штаб воздействует на отстающих? Всякая недисциплинированность и расхлябанность наказывается.

Штаб оперативно реагирует на все отклонения от графика. Например, при пуске очередного блока огромный объем работ наваливается на изолировщиков. Пока трубопроводы испытываются, они голые. Но вот испытания позади, и у изолировщиков аврал. В кратчайшие сроки необходимо уложить тысячи кубометров теплозащитного материала. И штаб направляет в помощь изолировщикам столько людей, сколько они просят. Такой маневр силами в интересах дела. А нет у изолировщиков фронта работ, – они трудятся на других участках.

Действенным орудием штаба стройки и партийного комитета стали боевые листки «Молния». Вот содержание некоторых из них:

Молния!

Молодцы! Бригада слесарей-монтажников Анатолия Селькова установила новый всесоюзный рекорд. За 47 дней завершен монтаж турбины № 7 вместо 150 дней по норме. Прежний рекорд – 56 дней. Слава ударникам коммунистического труда!

Молния!

Монтажникам треста «Средазэнергомонтаж».

На лицах ваших светлая улыбка
И радость горделивая у всех.
Сейчас идет кислотная промывка –
Еще один предпусковой успех.

Еще рывок, еще одно старание,
И будет взят намеченный рубеж.
Всем по плечу сверхсрочное задание,
Сверхбыстрота, внедренная на ГРЭС!

Молния!

Всем, всем, всем! 16 июня начата укладка бетона в ствол дымовой трубы высотой 320 метров. Это уникальное по конструкции сооружение впервые возводится в Советском Союзе. Пожелаем коллективу участка «Спецжелезобетонстрой» (начальник товарищ Синдаев) больших трудовых успехов.

Эти и десятки других боевых листков выпустила созданная при партийном комитете группа информации. Не будет выговаривать авторам за несовершенные стихи, а отметим самое важное: «Молнии» в Ширине любят. Если они критикуют, так остро, пробирая до печенок. Если воздают должное лучшим из лучших, так щедро, полной мерой. Полутонов не признают, в страстности, в оперативности реагирования на события их сила. Бывает и так, что критикуемый через некоторое время попадает в герои. Значит, ситуация в корне изменилась, люди постарались, быть может, превзошли самих себя, и хвалили их теперь за дело. И старого уже не помнили. Так уходят в прошлое все неурядицы, авралы, нервотрепка, бессонные ночи, ошибки, загибы, все сгоряча сказанные слова, и остается один торжественный час пуска, остается праздник – один на всех, кто довел очередной энергоблок до победного финиша.

Секретарь партийного комитета Сырдарьинской ГРЭС Александр Родионович Войцеховский человек иного плана, нежели Неустроев. Высокий, худощавый, подвижный, эмоциональный. Говорит быстро и образно, и это делает его похожим на горячего юношу. На станции он сравнительно недавно.

- Как обстояло дело с первым энергоблоком, не знаю, не при мне его пускали, - говорит он. А за день сегодняшний и я в ответе. Порядок в энергетике всему голова, у нас не может быть так, чтобы один – в лес, второй – по дрова. График – непреложный закон, все подчиняются его ритму. Но есть и своя специфика. Например, как определить лучших? Вклад каждого в энергетику на весы не положишь, киловатт-час лишен индивидуальности. Но если человек активен и работает честно, он и у нас ходит в лучших. И это справедливо.

О взаимодействии со строителями. Жизнь научила нас помогать друг другу, совместно отвечать за порученное дело.Будем кивать на них, а они на нас – стройка застопорится, ни мы не решим своих задач, ни они. Вышестоящие органы одинаково наказывают за чрезмерные претензии друг к другу и нас, и строителей, не разбираются, кто прав на 51 процент, а кто – на 49. Я считаю: понять, что взаимодействовать лучше, чем копить обиды и призывать на помощь третейского судью, уже большое достижение, самый важный шаг к торжеству организованности. Мы, эксплуатационники, давно перестали считать: вот это наше, а это чужое, это строителей и монтажников. На пуск очередных энергоблоков отвлекаем до двадцати процентов нашего персонала. На седьмом и восьмом блоках так синхронно работали – любо-дорого смотреть было!

Войцеховский умолкает, а я, соглашаясь с его конкретными примерами, все же не хочу, чтобы у читателя возникло сомнение, будто к взаимодействию заинтересованные лица и организации пришли почти автоматически. Нет, процесс этот был достаточно длительный и болезненный, и потребовалась большая работа, чтобы взаимодействие углублялось, вовлекало в свою орбиту все новые и новые коллективы,

становилось важным организующим и воспитательным фактором в их трудовой деятельности. Действительно, самые неотложные потребности двух больших взаимозависимых коллективов подсказывали одно: необходимо объединять, а не разобщать силы для решения выдвинутых жизнью задач.

- А кто решает вопросы взаимодействия? – спросил я Войцеховского.

- Это вопрос хозяйственный, и он в компетенции администрации ГРЭС. Если бы администрация стояла здесь в стороне, уповала на инициативу и добрую волю коллектива, мы могли бы и не достичь четкой согласованности усилий. Только выполняя обязательные для всех распоряжения, коллектив выступает как единая созидающая сила.

Итак, администрация отдает распоряжения, а «рабочая эстафета» призывает к взаимодействию. На Сырдарьинской ГРЭС распоряжения администрации и вдохновенный призыв «рабочей эстафеты» счастливо дополняют друг друга. Обязать и строго проконтролировать исполнение – дело надежное. Призывают же к тому, чего нельзя добиться в приказном порядке, например, к перевыполнению планов и норм ваработки, к досрочному достижению цели. Есть государственный план, но соревнуются всегда за его перевыполнение, и в этом глубокий смысл. Добавить к тому, что государство считает нормой, что-то свое, личное, подняться над собой, стать, как призывает Алексей Стаханов, лучше и выше самого себя – вот девиз соревнования. Итак, призыв должен дополнять приказ, нацеливать на его быстрейшее исполнение.

Я пересказал Хвабибулле Шагазатову ту часть беседы с Войцеховским, которая была посвящена низким темпам развития городка энергетиков.

- Если строителю на новом месте удается начать с жилья, решение всех последующих задач многократно облегчается, - развивает свою мысль Шагазатов. – Я долго возглавлял управление «Каршистрой». В Талимарджане, есть такой город на каршинской целине (позже в нем построят ГРЭС под стать Сырдарьинской), мы сразу поставили много жилых домов, и вначале часть их даже была не заселена. Принимая на работу строителя с семьей, мы говорили ему: «Иди, выбирай себе квартиру». И мы не знали недостатка в людях. Из Талимарджана выезжали в степь частот за сто километров, строили насосные станции, каналы, совхозы. Механизатор, монтажник, если семья его устроена, работает далеко в степи и неделю, и две, ночует себе в вагончике, и отдача от работника, у которого за спиной надежный тыл, всегда высокая. Нормальные культурно-бытовые условия, прочная производственная база – вот та основа, без которой не развернуться в полную силу ни одной большой стройке. В 1971 году «Каршистрой» выполнил работ на 75 миллионов рублей, в 1976 - на 150 миллионов. И все спрашивали: «Как вам это удалось?» А удалось только потому, что начали с жилья.

На стройках обязанность поставлять материалы и оборудование лежит на заказчике. Для этого перед тем, как забить в землю первые колышки, создают дирекцию строящегося предприятия. Когда объект вводится в эксплуатацию по частям, как, например, Сырдарьинская ГРЭС, дирекция строящегося предприятия постепенно становится и дирекцией предприятия действующего. В этом есть глубокий смысл: ты – будущий хозяин крупного объекта, ты и следи за тем, чтобы при его возведении рачительно расходовались государственные средства. На заказчике лежит также функция снабжения стройки проектно-сметной документацией, приемка готовых этапов работ, их оплата. Заказчик распоряжается кредитами, строитель строит. Отношения между заказчиком и подрядчиком складываются гладко далеко не всегда, и это понятно. Запоздай материалы или какой-нибудь чертеж, и подрядчик вправе строго спросить с заказчика за проявленную им нерасторопность, а потом долго оправдывать этими объективными причинами отставание от графика. А допусти подрядчик брак, некачественно выполни работы, и заказчик вправе задержать оплату, потребовать исправления всех огрехов. Тут взаимодействие, если оно достигается, - а такова наша цель, - не притупляет и не должно притуплять принципиальности, высокой требовательности друг к другу.

На Сырдарьинской ГРЭС заказчик и подрядчик помогать друг другу научились. Не сразу, не в один день, но согласованность усилий при решении общих задач стала важнейшим фактором успеха.

Заместителем директора Сырдарьинской ГРЭС по капитальному строительству работает Ирик Шакирович Валиев, инженер аккуратный и добросовестный.

- Дирекция имеет прочные деловые связи со всеми, кто участвует в создании ГРЭС, - говорит он. – Станцию и город Ширин проектируют 15 институтов. К качеству технической документации претензий обычно не имеется. Решения в проект были заложены самые прогрессивные. Двухкорпусные котлы производительностью 950 тонн пара в час по тому времени были новинкой. Но расширять станцию после достижения ею мощности в три миллиона киловатт мы бы хотели посредством ввода энергоблоков по 800 тысяч киловатт. Строительных и монтажных организаций, помимо генерального подрядчика, на площадке 17. Скажу сразу, что монтажники работают четче и аккуратнее, чем строители. У них более узкая специализация, стабильные кадры и высокий профессионализм. Заводов, с которыми постоянно имеем дело, около пятидесяти. Сами видите, как много заводов и организаций работает на нас. И тем не менее мы не сорвали ни одного срока ввода, а большинство блоков пустили досрочно и быстро вывели на проектную мощность.

- И как достигается синхронность при столь неоднородном составе участников?

- К началу каждого года мы составляем пусковой комплекс на очередной энергоблок. Если их два, как в 1977 году, составляем два комплекса. Они увязывают сроки поставок со строительно-монтажными работами. Допустим, строители забетонировали фундамент под котел, и тут должен поступить котел. И так во всем. Не дай бог что-нибудь упустить – это чрезвычайное происшествие. Не семь – семьдесят раз проверяем, согласовываем, консультируемся, сил на эту работу не жалеем. Готовы й пусковой комплекс отправляем в министерство, оно корректирует, увязывает сроки. Министр издает приказ, сроки производства работ и поставки оборудования обретают силу закона, ими теперь руководствуются все, кто причастен к делу – проектировщики, заводы, строители. Нас остается контролировать исполнение. Параллельно с нами контроль осуществляет министерство. Исполнители на всех этапах работ руководствуются графиком и только графиком, то есть пусковым комплексом.

- Возможны два варианта. Первый вариант: кто-то отстает.

- Здесь в дело вступают все возможные факторы воздействия на отстающего, от поставки на вид и товарищеской критики до строгого наказания. Факторы эти используем в определенной последовательности, от обычных переходим к сильнодействующим. Случаются и чрезвычайные обстоятельства. Так, когда ленинградцы делали нам седьмую турбину, их переключили на исполнение срочного экспортного заказа. И они отгрузили нам машину на два месяца позже. Но вошла в наше положение, направили в Ширин слесарей высшей квалификации. Объединив усилия, мы и установили на монтаже этой турбины новый всесоюзный рекорд. Работали дни и ночи, но наверстали упущенное. В целом же сроки поставок выдерживаются весьма скрупулезно, мы обходимся без толкачей, и руководителям не надо бросать свои дела и превращаться в снабженцев.

- Второй вариант, - говорю я. – Строители выходят вперед, есть реальные условия для досрочного пуска, и необходимо ускорить поставки.

- Тут уже нужно содействие, в первую очередь, министерства. И часто нужен призыв, соучастие в нашем соревновании. Мы объясняем смежникам наше положение, просим разделить с нами обязательства. И коллективы прославленных заводов энергетического машиностроения отвечают, как правило, согласием. Это яркий пример «рабочей эстафеты». Мы просим, они ускоряют свой шаг для того, чтобы мы ускорили свой, и страна получает большой выигрыш во времени, во всем.

- Но ведь договаривается администрация.

- От имени своих коллективов. Главное, люди дают больше, чем предусмотрено планом. И общество быстрее осуществляет планы социально-экономического развития. А такой красивой и вдохновенной работы, как на седьмой турбине, я еще не видел. Легких рекордов не бывает, верно. Каждый, кто работал на этой турбине, превзошел себя, и родился рекорд. Мне тоже хотелось, засучив рукава, броситься в дело, и если бы я был уверен, что это принесет пользу, я бы так и поступил.

Когда я шел к директору станции Василию Ивановичу Божко, ответы на большинство вопросов уже были получены. Я знал, что порядок на этой строительной площадке складывался тяжело, и полным назвать его все еще нельзя. Знал, что в основе достигнутых успехов лежало взаимодействие, сложение сил, умение добросовестно выполнить свою часть работы и помочь товарищу, а если нужно – с достоинством принять помощь. И если порядок здесь уже становился нормой, то отклонения от нормы еще встречались часто. Не на каждом шагу, конечно, но достаточно часто, чтобы не считать работу по становлению порядка завершенной. Эта работы продолжалась, и люди, участвующие в ней, не позволяли себе ослабить усилия, вовремя не прийти на помощь. Напротив, они входили во вкус. Огромное большинство рабочих и инженеров сознательно стремилось к порядку, проявляло настойчивость и целеустремленность – и получало удовлетворение от сознания исполненного долга.

Но все еще имели место и досадные исключения, и ложка дегтя все еще попадала в бочку с медом – торжество порядка не было безраздельным. Те же строители оставляли много недоделок, Божко числил за ними недоделок на два миллиона рублей. А монтажники, люди с более высокой культурой производства, умели работать без недоделок. И то, и это, работа с недоделками и без них, средний уровень и эталон соседствовали на одной строительной площадке. Но это соседство не былом ирным сосуществованием. Тенденции сталкивались, боролись, и одна из них была наступающей, а вторая оборонялась. Движение вперед, от посредственного к хорошему и лучшему, общее стремление к новым высотам всех втягивало в свою орбиту, на каждого накладывало свой отпечаток.

Божко был энергичным, дружелюбным и, как мне показалось, обаятельным человеком.

- Наверное, наибольшие интерес представляет то, как мы принимает эстафету у строителей, - говорит Василий Иванович. – Введенные энергоблоки осваиваем досрочно, за три-четыре месяца при норме девять месяцев. Фондоотдача выросла с 25 копеек в 1973 году до 77 копеек в 1977 году и будет расти дальше. Чистой прибыли станция дала 270 миллионов рублей,в се затраты государства уже возмещены. Сэкономлено 18 тысяч тонн условного топлива. Все наши показатели на уровне лучших тепловых станций страны. Досрочное освоение энергоблоков дало республике полтора миллиарда киловатт-часов

электроэнергии. Здесь и наше усердие, и вклад строителей – досрочный ввод мощностей. Как видите, это прямое следствие взаимодействия, концентрации сил.

Задача на перспективу: сделать Сырдарьинскую ГРЭС образцовой станцией, а Ширин – образцовым городом. Какие на этом пути есть трудности и сложности? Большие. Вот генеральный план Ширина. Красным обведены здапия, уже построенные. Половина плана, как видите, черная. Иными словами, Ширин возведен только наполовину. Из 31 миллиона капитальных вложений, отпущенных на сооружение города, освоено 16 миллионов. А ведь были установлены сроки. Идея комплексности строительства, комплексного развития промышленных предприятий и узлов здесь нарушена.

Жизнь многообразна, и достижения могут соседствовать с узкими местами и нерешенными вопросами, как в Ширине. С одной стороны – порядок на большой строительной площадке, самая мощная в Средней Азии ГРЭС, красивая согласованность усилий «рабочей эстафеты», с дуругой стороны – недостроенный город. Опыт, приобретенный на площадке ГРЭС, «рабочую эстафету» – на стройки города!

Ведь все по-настоящему ценное, думал я, у нас проходит примерно один и тот же путь – от единичного фактора до массового, повсеместного явления.

Так обязательно будет и в Ширине.

ОСТАВАТЬСЯ ИЛИ УЕЗЖАТЬ?

(Журнал «Звезда Востока», 1991 год, № 1)

Сознаю, что злободневная эта тема очень деликатна. Одно и то же слово, один и тот же вывод могут обнадежить одного и больно ранить другого. Извиняюсь заранее за боль, которую кому-либо причиню. Она не от злого умысла и не от стремления подогреть страсти, а от обыкновенного человеческого неумения, участвуя в споре, удовлетворить все стороны. В горячие и злые перестроечные годы мы менее всего преуспели в искусстве компромисса. Желание говорить самим в нас давно и решительно преобладает над умением слушать. Еще труднее бывает поставить себя на место оппонента, проникнуть в мир его интересов. Нас всецело поглощают свои интересы, других мы и знать не хотим.

Итак, оставаться или уезжать?

В стране это волнует сегодня миллионы людей некоренных национальностей. Бегут евреи и немцы, национальные окраины покидают русские, и только крымские татары с чувством глубокого удовлетворения возвращаются на свою историческую родину – для них историческая справедливость восторжествовала. В Закавказье и Молдове, Средней Азии и Прибалтике русскоязычное население придавлено бременем дискомфорта. Дискомфорт создан целеустремленной деятельностью националистических и экстремистских сил, и спорадические взрывы (Фергана, Баку, Нагорный Карабах, Ош) только увеличивают его тяжесть. Эти силы стараются, чтобы русским на окраинах Советского Союза и дальше было неуютно, чтобы они осознали: у их детей и внуков сне России нет будущего. А осознавшим это людям скатертью дорожка. Езжайте, граждане русские, на все четыре стороны, мы вас сюда не звали.

Действительно, они нас сюда не звали. Но много лет назад звали другие, которых уже нет. Звали от чистого сердца, специалисты были в большой цене. Мои отец и мать, инженеры-землеустроители, приехали в Узбекистан перед войной. Отец, став доктором экономических наук, умер в 75-летнем возрасте, ни одного дня не побыв на пенсии и подготовив более пятидесяти кандидатов наук, в основном из лиц местной национальности. Отца и мать сюда приглашали, и дело свое они сделали на совесть. В этом плане они ничем не отличались от сотен тысяч русских, украинцев, евреев, помогавших, в меру своих сил, поднимать край. И сегодняшнее громкое «Мы вас сюда не звали!» бьет, прежде всего, вопиющей своей неблоагодарностью.

Вот свидетельство моего коллеги по «Звезде Востока» прозаика Игоря Федоровича Рогова: «Мой дед, крестьянин с Тамбовщины, приехал в Туркестан в конце прошлого века строить Среднеазиатскую железную дорогу. А потом, полвека проработав дорожным мастером, лег в эту землю. Моя мать работала в Коканде в русско-азиатском банке, похоронена здесь же. И вот теперь я, житель Средней Азии в третьем поколении, думаю: как мне быть дальше?»

Присутствие и деятельность русских на здешней земле можно назвать колонизацией лишь при огромном желании уколоть, уязвить, при внутреннем неприятии русских. Совместная плодотворная работа русских и узбеков по обустройству края, при неприкосновенности уклада народной жизни, целиком укладывается в рамки сотрудничества. Еще была и помощь, естественно вытекавшая из неравного положения народов на лестнице цивилизации. Совсем недавно ее называли бескорыстной помощью великого русского народа братскому узбекскому. Сегодня высокие эпитеты не в чести и вышли из употребления, но суть общественного явления большой важности – помощь одного советского народа другому во имя достижения общих целей остается неизменной. И новые понятия национального суверенитета мало чего меняют в сути этих отношений.

Да, присоединение края, в котором решающее слово сказала армия, было насильственным, захватническим. Царскую армию сюда не звали. Но, не приди сюда Россия, пришла бы Великобритания. Но сложившиеся затем отношения почти всегда диктовались не военной силой, а взаимными интересами. Всегда подразумевалось, что сотрудничество лучше диктата, и выбирались пути сотрудничества. И если результаты сотрудничества замалчивать, а тяжело рубцующиеся раны диктата выпячивать, срывая скрывающие их одежды, картина получится совершенно превратная, тенденциозная. Но она-то и отвечает замыслам господ-националистов.

Обстановка в Средней Азии сложна, завтрашний день по-прежнему плохо предсказуем. Хотя стрелка барометра общественных отношений минувшей осенью была куда ближе к норме, чем горячим летом, и продолжает смещаться в сторону нормы. Ошские события (киргизы стеной поднялись на узбеков, и наоборот) не придали оптимизма. Русские стали тысячами покидать не только Ферганскую долину, но и Фрунзе, оазисы Семиречья. Не выявлены и не наказаны вдохновители Ферганских событий. Это подразумевает их высокий ранг в обществе: они – среди тех, кто выявляет и наказывает. Обществу стараются внушить, что турки-месхетинцы сами виноваты в обрушившихся на них бедах: и вели себя вызывающе, и богатели быстрее своих соседей-узбеков.

Твердость, принципиальность верхов, которая бы успокаивала, что-то запаздывает. Как будто все тихо-спокойно-пристойно у нас, и узы братства крепнут и цементируются, как внушали нам с газетных полос в застойные времена. Но, полагаю, дело не только в заверениях. Президент опасается, и не без оснований, что его заверения разойдутся с действительностью. Если сотни ситуаций на житейско-бытовом уровне будут противоречить намерениям президента стабилизировать обстановку, доброжелательства не возникнет и а настроениях людей будет накапливаться отчужденность и неприязнь. И вот что необычно для традиционных отношений на Востоке: воспринявшая националистические идеи молодежь перестает прислушиваться к слову взрослых, которых очень беспокоит нестабильность и которые ставят добрые отношения между совместно проживающими народами выше богатства, то есть считают их высшим богатством, высшим достижением человечества. Поистине, перед такой мудростью аксакалов стоит преклонить голову.

Последние выборы во многих регионах страны проходили под лозунгом «Вся власть Советам!» Однако время идет, и мы убеждаемся, что Советы не становятся сколько-нибудь сильной, уважаемой и авторитетной властью. Власть атрофируется, растворяется в кичливой депутатской среде, не превращается в дело. Беспомощность властей ведет к анархии и беззаконию. И уже можно сказать, что процесс демократизации жизни общества приостановил свое движение. Почему Советы так слабы? Почему не исполняются, а часто и вовсе не замечаются президентские указы?

Демократизация страны, единение и сотрудничество, которые демонстрируют нам европейские народы, быстро меняют характер общественных отношений. Но сегодня рост национального самосознания узбекского народа, как и многих других, сопровождается детской болезнью национализма. Ею заболевают избирательно. Дехкане, рабочие, торговцы – подавляющее большинство населения выработало достаточно стойкий иммунитет. Национализм исповедует лишь часть интеллигенции, причем та ее часть, которая мало чего добилась, но амбиции которой велики. Но ведь это цвет нации. И когда этот цвет выражает свою волю и дает событиям свое толкование, к нему прислушиваются, особенно молодежь. И далеко не везде семена национализма падают в бесплодную почву. Конфликты между молодым и старшим поколениями на почве терпимости в межнациональных отношениях возникают все чаще. Старики вдруг с удивлением констатируют, что их внуки перестают уважительно относиться к их мнению. Происходящее все чаще ставит их в тупик, ведь прежде ничего подобного не было.

Беспомощность властей особенно колет глаза на пожарах межнациональных распрей. Безмерно затянулся и все более обостряется армяно-азербайджанский конфликт, водоворот которого засасывает все новые человеческие жизни. Впечатление такое, что два некогда здравомыслящих народа вдруг оказались лишены мудрости. Неужели только потоки крови в состоянии удовлетворить амбиции экстремистов? Неужели в конце двадцатого века кто-то еще может делить кровь человеческую на свою и чужую? Костры ненависти в Фергане, Душанбе, Оше загашены, но какой чудовищной ценой? Организаторов и вдохновителей погромов следственные органы так и не выявили.

Их как бы и не было, а была стихия, был взрыв народного негодования, которого не могли предвидеть. Вот что хотят нам внушить. Мелкая сошка из тысячных взбудораженных подстрекателями толп, конечно, получает свое, ведь кто-то должен стать ответчиком за содеянное невообразимое зло. Враз забыто, что в Фергане действия многочисленных отрядов погромщиков умело направлялись и координировались. Число европейцев, покидающих Среднюю Азию, исчисляется десятками тысяч. Статистика не торопится обнародовать эти данные. Правительство Таджикистана вынуждено было обратиться, через всесоюзную телевизионную программу «Время», с призывом: «Русские братья, не уезжайте!» Да, в Душанбе обезлюдели заводские цехи, кабинеты проектных институтов и конструкторских бюро, некому становится учить и лечить. Но пропагандисткими крокодиловыми слезами митинги не остановить. Люди заявляют с предельной откровенностью: «Мы видели, что у нас здесь творилось, и не хотим пережить это снова». Что в этой ситуации потрясает, так это неблагодарность. Ее и не прощают уезжающие. Руками русских в среднеазиатских республиках созданы огромные материальные ценности, несоизмеримые с процентным составом русскоязычного населения. И в благодарность за это – пинок под зад от зеленой молодежи, которая, в большинстве своем, не ведает, что творит, но, подогретая внушенным ей чувством национальной исключительности, слепо исполняет злую волю своих лидеров.

Заверения республиканских президентов и правительств – это одно, определяет же и решает жизнь. В заверениях есть следование служебному долгу, но мало искренности. И люди, надо сказать, это хорошо сознают. Поэтому бросаются государственные квартиры и хлебные рабочие места, и тысячи семей, выстояв многомесячные очереди за контейнерами, едут на север – навстречу неизвестности. Впрочем, в худшие условия не попадает почти никто. Россия необъятна и сегодня, как никогда, нуждается в крепких руках и светлых головах своих сыновей, которых обстоятельства забросили за ее пределы. И невольно задаешь себе вопрос: «Нужно ли русским жить там, где их крепкие руки и светлые головы не ценятся?»

Докопаться до сути, до коренных причин взрывов межнациональной ненависти чрезвычайно сложно. Почему организаторы эксцессов бесследно растворяются в многотысячных толпах, почему

круговая порука надежно заслоняет их от не слишком-то ретивых и прытких служителей закона? Рука закона здесь, на Востоке, никогда не отличалась проворством и принципиальностью. И все же я беру на себя смелость утверждать, что здравый смысл и уважение к людям другой национальности присущ подавляющему большинству узбеков (как и таджиков, киргизов и так далее). Но подавляющее большинство, к сожалению, пока инертно к экстремистскому меньшинству, и здесь воздействие идет практически в одном направлении, от активного меньшинства к пассивному большинству. Энергия и инициатива националистов позволяет им рассчитывать на жатву. И все же я полагаю, что чем интенсивнее будет идти рост национального самосознания, тем быстрее будет преодолен участок, заставленный рогатками националистов. Коренные интересы узбекского народа очень далеки от их устремлений. Ведь в пожарах межнациональных конфликтов сгорают надежды на светлое будущее и гонимых, и гонителей, но последние осознают это слишком поздно. Идеи животворного сотрудничества ближе и понятнее развитому, духовно богатому человеку, нежели идеи национальной исключительности.

Сталкивался я и с мнением прямо противоположным, которое разделяют многие неглупые люди. Здесь, в Средней Азии, рост национального самосознания ориентирован на Мекку, северу же, России адресуются лозунги: «Русские, идите-ка домой, все наши беды от вас!» Пусть этих лозунгов немного, но они звучат и в союзе писателей Узбекистана, и в университетских аудиториях. Брошенные бог весть какими русофобами и демагогами, слова ненависти долго будоражат людей, и горько то, что именно на это они и рассчитаны. Правда же жизни в том, что если взоры некоторых обращаются к Мекке, то железные дороги из нашего края ведут только на север. Все – на север и на восток и ни одна – на юг. И в этом же направлении развивались торговые и все наши иные связи.

Исламский фактор в регионе становится все более заметной, влиятельной силой. Я не вижу ничего плохого в том, что открываются мечети, в семьи приходит Коран. Публикует Коран и наш журнал, прежде всего, отдавая дань уважения традициям и обычаям узбекского народа. Беспокоит другое: исламизация ведет к разъединению людей по религиозному признаку. Еще раз убеждаюсь в глубокой справедливости утверждения Редьярда Киплинга о несоединимости, несовместимости Запада и Востока. Эту несоединимость русские чувствуют все острее, она включает в себя массу оттенков и нюансов. Мы здесь чужие. Нет – да, нет – да. Знание языка и обычаев не снимает ощущение дискомфорта. Мы чужие, нас лишь терпят. Ни в пятидесятые, ни в шестидесятые и семидесятые годы этих ощущений не возникало. Но они и не ровесники перестройки, они старше. События в сопредельных странах, бесславная афганская война не могли не сказаться на обстановке в регионе. Лавинообразно накапливались негативные проблемы с клеймом «Сделано в СССР»: перенаселенность оазисов, низкие темпы индустриального развития, ограниченное количество рабочих мест для молодежи, бедственное состояние народного образования, здравоохранения. И, как следствие этих факторов, низкое качество жизни. Это и создает социальную напряженность. Годы идут, молодость сменяется зрелостью, зрелость – старостью, а жизнь не улучшается, машины и мясо остаются недоступными, и светлые надежды тонут и гибнут в бескрайнем море нужды. Это – реальность, определяющая настроение людей. Реальность, убивающая улыбки и творящая зло.

Русские покидают Фергану и Чирчик, Наманган и Андижан, Ташкент и Навои. Покидают даже затерянный среди песков Зарафшан, в котором составляют подавляющее большинство населения. Пустеют цеха крупнейших предприятий – заводов авиационного и тракторного, электронной техники. Уезжают врачи и преподаватели высшей школы, оказавшиеся не у дел управленцы и, конечно же, рабочие высшей квалификации. Отток знающих свое дело работников достиг такого масштаба (человек сам по себе ценности у нас не представляет, ценятся работники, которых трудно заменить), что правительство Узбекистана вслед за таджикским вынуждено было выразить свою озабоченность. А с какой стати оставаться, если власть имущие делают сегодня вид, будто ферганских, душанбинских, ошских событий и не было?

Отъезд высококвалифицированных специалистов некоренных национальностей из среднеазиатских республик объективно подрывает, и все более сильно, их позиции в ведущих отраслях народного хозяйства – промышленности, научных изысканиях, проектном и конструкторском деле, капитальном строительстве, то есть в тех отраслях, где эти республики пока слабы и где только и возможен быстрый прогресс, связанный с внедрением передовых технологий. Кому, спрашивается, эти технологии внедрять? Иностранцам? Их надо пригласить, и им надо хорошо заплатить. В сколько-нибудь серьезных масштабах иностранное содействие пока не реально. Так кому расширять производственную базу среднеазиатских республик завтра, если сегодня разбегаются самые дееспособные инженеры и рабочие? Здесь есть над чем задуматься тем руководителям высшего звена, кто действительно озабочен судьбами своих народов и кто чувствует себя ответственным за эти судьбы перед своею совестью.

Бьет тревогу собственный корреспондент «Литературной газеты» по Киргизии Александр Иванов (статья «Скатертью дорога», «ЛГ», № 41 за 1990 год). «Руководство республики долго делало вид, что не замечает всего этого (отъезда специалистов-европейцев), - с болью душевной пишет Иванов. – Спохватившись же, высказало свою озабоченность. Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Абсамат

Масалиев взывал к городским и районным властям: «Рассмотрите специально этот вопрос, изучите причины, установите, что беспокоит людей. И сделайте так, чтобы никто не уезжал!» Благие пожелания. Как будто не ясно, что главные причины – в межнациональной нестабильности, в бытующих здесь перекосах. Кардинальные решения должны быть приняты прежде всего на республиканском уровне. Но наши руководители, похоже, больше усилий тратят на борьбу с оппонентами, на стремление любой ценой выгородить своих приближенных, виноватых в ошской трагедии, нежели на то, чтобы всерьез и основательно наводить мосты между нациями, живущими в Киргизии. Национальное самосознание всюду набирает силу. Очень хотелось, чтобы народы при этом выиграли, а не проиграли.

Миграция русскоязычного населения из Средней Азии набирает силу. Из безобидной тары в средство наживы превратились железнодорожные контейнеры. Квартиру в Душанбе или Фергане уже давно не поменяешь на квартиру в России. Сюда, где обстановка вдруг стала горячей до непредсказуемости, никто не хочет ехать на постоянное место жительства. Если за годы одиннадцатой пятилетки Узбекистан покинули 70 тысяч европейцев (превышение выезда над въездом), и этот миграционный поток вполне можно считать нормальным, то после известных событий ручей выезжающих разбух до размеров бурной реки. Статистика эти данные прячет. Но есть все основания полагать, что сегодня Среднюю Азию покидает в десять раз больше европейцев, чем пять – семь лет назад.

Раз отток европейского населения из национальных республик принял массовый характер, должен ли он и дальше протекать самостийно, при полном невнимании к нему государства, которое патетическим лозунгом «Все во имя человека!» надежно отгородила себя от его нужд? Государству, наконец, следует в этот процесс вмешаться, создать миграционно - переселенческие службы. Одни граждане давят на других, выдавливая их из привычной среды обитания. А государство наблюдает, чтобы дело не дошло до стрельбы и кровопролития. Миграционно - переселенческие службы содействовали бы возрождению России, и уезжающие не тыкались бы туда-сюда в поисках жилья и работы.

«Миграционный процесс уже имеет собственный побудительный источник, - пишет Игорь Федорович Рогов. – Его питают и глобальные процессы в стране, и мелочи повседневной жизни. Порой решение уехать принимается после какого-то случайного разговора на улице. Запрещать это движение или препятствовать ему было бы, на мой взгляд, и неразумно, и бесполезно. Подобные проблемы, если их не решать, имеют свойство накапливаться до критической массы, а потом взрываться самым разрушительным образом. И если мы не хотим новых потоков беженцев, нужна продуманная и дальновидная переселенческая политика. Необходимо немедленно создать миграционную службу, единый переселенческий комитет, государственный по правам и полномочиям. Но, конечно же, он должен действовать при самом широком участии общественности. Чиновники же продемонстрировали свою неспособность помочь беженцам. Понимаю, все это будет стоить больших денег, который у государства нет. Но, во-первых, могут же помочь сами будущие переселенцы. Ведь они все равно теряют при переезде: неэквивалентный обмен квартир, доплата за них, покупка повсеместно подорожавших домов и т. п. Так не лучше ли эти потери обратить на общую пользу? Выпустить переселенческий заем с гарантией предоставления в будущем жилья? А, во-вторых, должны же расплачиваться с людьми сами республики, если они не в состоянии удержать своих граждан? Ведь отъезжающие оставляют квартиры, рабочие места. Да мало ли что было наработано каждым из нас на благо покидаемой республики?

Интересные дебаты по этому поводу разгорелись в Интерсоюзе. На сторонников создания миграционных комитетов обрушились те, кто не помышляет об отъезде. Их было большинство, и они отвели душу: «Вы за что нас агитируете? Уезжать – с какой стати? Никто нас не гонит! Никакой паники, никаких миграционных служб! Мы сами раздуваем слухи! И потом, разве мы не в состоянии за себя постоять?»

Почему нас перестали любить? Почему нам не благодарны за все, что мы сделали для Узбекистана? Я слышал от десятков людей одно и то же: «Я всю жизнь проработал на Узбекистан, а теперь получаю одни упреки». Попытки переложить на русских несчастья и беды, причиненные системой, не новы. Ну, а что русские от этой системы пострадали больше других народов, в расчет не принимается, своя боль привычно заслоняет от чужой. Правда, в конце двадцатого века, когда все так сложно переплелось, боль и кровь человеческую все сложнее делить на свою и чужую, нашу и не нашу.

Решение уехать или остаться принимается индивидуально, и не на собрании Интерсоюза. Лично я вижу большую пользу в создании служб, которые бы помогали людям, вынужденно покидающим родные гнезда, получить кров и работу на новом месте, вернуться в среду своих соплеменников. Надо исходить из того, что для русского Россия не чужбина.

Создается впечатление, что общество подспудно готовилось к отторжению русских. Что-то давящее и отчуждающее накапливалось до нынешних свобод, нынешней вседозволенности, идущих от спонтанных, непродуманных реформ Горбачева. Слагаемые дискомфорта – воинствующий национализм, давление государственного языка, откровенное предпочтение местным кадрам при трудоустройстве в сфере управления, обслуживания, в высшей школе. Если в конфликтной ситуации одна из сторон позволяет себе

прибегать к такому аргументу: «Не нравится – езжай в свою Россию!», то исход такого спора предрешен. Человек, поразмышляв на досуге, принимает предложение, поднимает семью и уезжает. А потом, неплохо устроившись где-нибудь на Новгородчине или в Ульяновске, благодарит непрошеного советчика, резко изменившего к лучшему его жизнь.

Каждый русский, живущий в одном из среднеазиатских городов, уже спросил себя, есть ли у него здесь будущее, и есть ли будущее у его детей. Но далеко не каждый ответил на этот вопрос утвердительно. А кого может устроить жизнь без будущего? Только опустившихся, деградировавших людей, бомжей. И русскоязычные граждане, естественно, делают для себя выводы. В переписке с родственниками и друзьями в России на первое место вышли практические вопросы, связанные с выездом: где и за какую цену можно приобрести дом, как с работой. Не так давно редакция «Звезды Востока» проводила двух своих машинисток с семьями. Они поселились в псковском колхозе, получили новые коттеджи, большие земельные участки. Прижились, и сейчас чувствуют себя отменно. Председатель колхоза, уговоривший их переехать, две недели не допускал их к работе: ходите, говорил, осматривайтесь, привыкайте. Ягод, грибочков соберите. И каждой подобрал работу по склонности. Непьющие работники из Средней Азии в пьющей России котируются высоко.

Кому же выгоден массовый отъезд русских? Не узбекскому народу. Ибо неизбежно покатится вниз его и без того не высокий жизненный уровень, разладятся промышленность, транспорт, связь. Пестуют националистические силы и побуждают их к активным действиям коррумпированные элементы, которые, в случае сдачи партией своих позиций, реально претендуют на власть. Они видят в разжигании вражды между узбекским и русскоязычным населением и изгнании русских важнейший элемент реализации своих претензий на власть. Только этим группам выгодно напряжение в межнациональных отношениях, и они не дают ему опасть. Все это сказывается на самочувствии русскоязычного населения, которое осознает, что его права под угрозой. Жизнь в среде, переставшей быть дружественной, не приносит радости. В условиях дискомфорта мысль об отъезде рано или поздно принимает форму решения.

Что же, людям, которые всю жизнь или многие годы проработали на здешние республики, а сегодня под давлением обстоятельств приняли решение об отъезде, бросать жилища, работу без всякой компенсации? И где-нибудь за тридевять земель все начинать заново? Да, именно изгнания без всякой компенсации русскоязычного населения добиваются экстремисты и силы, их подпирающие. Ведь русский рабочий класс, интеллигенция способны помешать им выхватить власть из слабеющих рук местного партийного аппарата. Хотя с выхватыванием власти можно и не спешить. Дешевле и привычнее подкормить власть существующую и вить из нее веревки. Верхушка партийного аппарата давно уже ориентируется на интересы людей состоятельных, ворочающих большими деньгами, чем на нужды трудящихся.

Годы после присоединения Туркестана к России и годы Советской власти были годами быстрого развития среднеазиатских народов, и они намного опередили сопредельные страны. Лишь в последние десять лет общий паралич системы это развитие застопорил. Руками русских производится большая часть промышленной продукции, возводится большая часть крупных энергетических и водохозяйственных объектов. Я говорю об этом не в укор кому-либо и не из желания задеть чьи-то национальные чувства, а напоминая слишком забывчивым о реальностях сегодняшнего дня. Есть вещи, о которых надо говорить открыто, чтобы всем все было ясно. Если русские стали неугодны среднеазиатским республикам (а языковый пресс многих приводит именно к этой мысли), пусть правительства этих республик проведут референдум, открыто заявят о своих намерениях. Если итоги референдума будут в пользу националистов, пусть эти правительства выкупят собственность, принадлежащую вынужденным мигрантам, создав, тем самым, нормальные условия для их возвращения на историческую родину. По моим грубым подсчетам (они, кстати, совпали с выкладками московских экономистов), для компенсации собственности, которую оставляет одна выезжающая семья – жилье, рабочие места, инфраструктура – необходимо около ста тысяч рублей. Соответственно, отъезд миллиона семей должен сопровождаться стомиллиардной компенсацией.

Говорить о такой компенсации бессмысленно как в связи с отсутствием у республик средств, так и в связи с тем, что имеющиеся в их распоряжении всегда ограниченные средства можно с гораздо большей пользой и с помощью того же русскоязычного населения, которому необходимо только возвратить уверенность в завтрашнем дне, потратить на осуществление проектов индустриализации и социальные нужды. В здешних бедах, в обилии нерешенных проблем виноваты не русские. Республикам чрезвычайно трудно переориентировать сознание масс, их психологию с земледельческой на индустриальную. Новейшие технологии, совместное предпринимательство, опыт стран, которые совершили блестящий рывок в постиндустриальное общество – Южной Кореи, Тайваня, Малайзии, не имея в недавнем прошлом сильного рабочего класса, - все это вызывает почтительное удивление, и только. О повторении чужого опыта, прекрасно удавшегося, речь обычно не заходит. Ибо сначала его надо осмыслить. Когда разговор с местными руководителями переходит от проблем сельского хозяйства к проблемам промышленного развития, большинство из них просто теряется, не зная, что предложить. Здесь мыло глубоких, серьезных

проработок, и еще меньше конкретных дел. Да, и сегодня в нашем краю престижны земледелие, животноводство, торговля, сфера обслуживания в широком смысле и, конечно, руководство. На них и ориентируются в выборе жизненных путей. А труд индустриальный – нет, не престижен. Хотя он во много раз эффективнее труда сельскохозяйственного.

Узбеки любят землю и умеют на ней работать. Просторный одноэтажный дом на земле в окружении виноградника, сада и огорода – идеальное жилище узбека. И он готов пойти на любые затраты, чтобы жить не в многоэтажке, а в своем доме, прочно стоящем на собственном клочке земли. И в планах на завтрашний день у огромного большинства национальной интеллигенции и должностных лиц, отвечающих за хозяйственную деятельность, на первом месте стоит земля, труд земледельца-дехканина, рост достатка, рождаемого полем, садом, фермой. Я расспрашивал о перспективах на будущее многих руководителей районного и областного звена из Ферганской долины, Кашкадарьи, Хорезма. И каждый из них связывал завтрашнее благоденствие только с традиционной обработкой земли.

Варьировали формы собственности и методы ведения хозяйства, наборы культур, цены справедливые и несправедливые. Но все планы твердо покоились на земле и питались ее животворными соками. Никто не сделал попытки оторваться от матушки-земли, воспарить, растечься мыслью по древу. «Вот, построим теплицу, овощехранилище, консервный завод, откроем свои магазины в Ташкенте, Новосибирске…» На этом круг возможного практически замыкался. Почему-то не фигурировала идея овоще-фруктового моста Средняя Азия – Сибирь. За три – четыре миллиона тонн овощей и фруктов в год Сибирь поставила бы 5 – 10 миллионов кубометров первоклассной древесины, стальной прокат, зерно, картофель. Выгода просматривается обоюдная, просмотр для долговременного сотрудничества открывается редчайший. Но ведь это идея не районного и даже не областного масштаба. А создание и нормальное функционирование такого моста уже завтра дало бы работу сотням тысяч молодых узбеков. Не высказывались и идеи индустриализации сельских, в общем-то, районов. Когда я заводил речь о новейших индустриальных технологиях, которые вывели в развитые страны Южную Корею, Тайвань, Таиланд и Турцию, о зонах свободного предпринимательства в Самарканде, Бухаре, Хиве, в которых свободные рабочие руки республики гармонично соединились бы с капиталами и технологиями Америки, Европы, Японии, о совместных предприятиях, наконец – на меня начинали смотреть, как на сказочника какого-то. Фантазиями, мол, мы сыты. Наиболее откровенные говорили прямо: «Нет, сами мы это не обоснуем и не вытянем, нужны посредничество и помощь сведущих людей».

Пламя межнациональной розни разжигают единицы, при боязливом равнодушии окружающих. Не тысячи, не сотни – именно единицы. Но это фанатики, которые ни перед чем не останавливаются. Они готовы вывернуть наизнанку саму историю, чтобы показать, что русские, силой оружия присоединив Туркестанский край к и без того огромной империи, ничего не дали среднеазиатским народам, а только ограбили их и унизили, погубив их многовековую культуру и растоптав национальное достоинство. Что действительность была отнюдь не такова, что царская Россия вложила в цивилизацию края более 50 миллиардов рублей золотом, построила железные дороги и линии связи, стимулировала буржуазное предпринимательство и торговлю, создало основы образования и здравоохранения и так далее, а вывезла товаров и прибыли только на половину этой колоссальной суммы, совсем не важно. И не важно, что в советские времена для развития края было сделано во много раз больше, чем при царе. Важно бросить злое семя в большое скопление народа.

Само собой разумеется, Советы все усугубили, позакрывав мечети и согнав дехкан в колхозы. Созданные еже за годы пятилеток индустриальные структуры, пусть еще не перенацеленные на удовлетворение потребностей человека, пусть привычно удовлетворяющие потребности государства-монстра, но не маленькие по любым оценкам, объявляются не нужными народу и даже вредными, поскольку они пачкают окружающую среду. Но как идти к достатку, к зажиточной жизни, не развивая индустрии? Научите, пожалуйста! Экспорт десяти самолетов Ташкентского авиационного завода дает больше валюты, чем экспорт всего хлопкового волокна, вырабатываемого за год в том же Ташкентском оазисе. В первом случае это двухмесячная работа 30 – 40 тысяч человек, во втором – полугодовой труд ста тысяч дехкан. Есть разница? И очень заметная. Таково сегодня различие в производительности труда в индустрии и сельском хозяйстве. В высокоиндустриальных странах, с лихвой обеспечивающих себя продовольствием (Франция, Нидерланды) доля фермерской продукции в валовом национальном продукте не выше одной десятой.

Правда жизни, грубая, но многообещающая по своим перспективам, в том, что узбекам и русским в Узбекистане делить нечего. Как и киргизам и русским в Киргизии, таджикам и русским в Таджикистане. И большинство это понимает. Сделать бы это большинство подавляющим и, главное, активным! Тишь, благодать согласия и мира возвратилась бы в наш край. Сколько энергии, которая сегодня тратится на создание трений в межнациональных отношениях и на их преодоление, обратилась бы в благородные цели созидания! Уму непостижимо, как быстро бы вокруг все изменилось. Да, добрые отношения – великое благо. Но строиться они могут только на фундаменте трезвого учета взаимных интересов. Не устану

повторять: русский в Узбекистане не может быть счастлив без того, чтобы не был счастлив узбек. Уйти от низкого, недостойного человека качества жизни можно только совместно, взаимодействуя и сотрудничая. И лишь совместно можно построить такое государство, такое человеческое сообщество, в котором каждый гражданин независимо от национальной принадлежности, веры, языка, хорошо бы себя чувствовал и мог развивать свои способности во благо себе и обществу.

Соединяют нас совместно прожитые, и неплохо прожитые годы, совместно построенные города и преображенные пустыни, общие планы на будущее. А разъединяют только амбиции националистов, социальная база которых ни в коей мере не соответствует их активности. Вторая, но более масштабная Фергана никому не сделает чести, а лишь умножит число несчастных и обездоленных. Рознь ведет к разрухе и деградации, сотрудничество – к общему благу. Единение, к которому стремится человечество, отнюдь не ущемляет в каждом гражданине Земли национальные черты и чувства. Оно и возможно при непременном условии, что в общечеловеческом море русский остается русским, узбек – узбеком, японец – японцем, христианин – христианином, мусульманин – мусульманином (пока землян не объединит единая вера в Создателя, или единая мировая религия). Каждый остается самим собой, но воспитывает в себе к правам и достоинствам ближних, как к своим собственным. Да, уважение к правам и достоинствам людей – плод высокой внутренней культуры и показатель высокого уровня развития цивилизации. Сколько же нам к такому уровню еще идти, чтобы не видеть в ближнем посягателя на наше благополучие, а видеть товарища и друга, на плечо которого можно опереться в случае нужды?

Если пассивно ждать, куда повернут события, повлиять на них в момент всплеска эмоций будет сложно. Управлять событиями можно только объединившись. Защита прав человека – естественный стержень для сплачивания людей разных национальностей. Русская община, русский культурный центр, Интерсоюз способны восстановить веру русскоязычного населения в то, что не следует торопиться с отъездом, что все образуется, когда в межнациональных отношениях утвердится подлинное равноправие, и старший и младший братья превратятся просто в братьев, из отношений которых исчезнут старшинство и подчиненность. Только истинное равноправие в состоянии возвратить веру в будущее. Да, настроение на отъезд идет и от нашей разъединенности. Чувство локтя рождает уверенность. Это – самое общее впечатление от анализа более чем годовой деятельности Интерсоюза, который заявляет о себе все более громко. Почему русские, живущие в среднеазиатских республиках, так разъединены? Так пассивны? Рассчитывают только на себя и даже на Бога не надеются, который один за всех? Почему у них нет общин и землячеств, какими славятся армяне и евреи, нет даже разрешенных последними законами культурных центров? На моих глазах протекает деятельность Интернационального союза народов Узбекистана. И я воочию наблюдаю ужасающую пассивность русских. Неужели пресс тоталитаризма убил в нашем поколении всякую самодеятельность? Но бурлят Москва и Ленинград, в сотнях городов страны демократы задают тон, объединяются в партии, приходят к власти. Единственное, что резко увеличивает приток в Интерсоюз, это обострение межнациональных отношений.

Одни и те же люди приходят на заседания Интерсоюза, выступают, предлагают, готовят обращения к президенту Узбекской ССР, пытаясь переложить бремя дискомфорта со своих плеч на его государственные плечи. Он же не спешит принять дополнительную ношу. А массы не торопятся объединиться. Чтобы защитить себя, свое будущее на узбекской земле. Чтобы обрести самое важное — уверенность в завтрашнем дне. Ведь русские нормально жили с узбеками в течение более чем ста лет, понимали и уважали друг друга.

Да, непохожесть русского на узбека и узбека на русского велика. И это понятно, ведь они представляют совершенно разные исторические и культурные миры. Каждый из этих народов может идти своим путем, развиваться совершенно независимо. История, однако, подарила им шанс идти вперед рядом и вместе, помогая, сотрудничая, счастливо дополняя друг друга. Никто из нас, давно проживающих в Узбекистане, не считает, что только узбеки берут от русских. Многое из обычаев и жизненного уклада переходит от узбеков к русским. Сегодня ни один народ не развивается, опираясь только на собственные силы (даже китайцы отказались от этого лозунга). Идеи, научные и технические открытия, интересы народов переплелись, и сотрудничество стало самым важным фактором прогресса.

В сфере труда узбеки и русские не часто конкурируют, и многие выразители общественной мысли республики это прекрасно видят. «Уедут русские, одни мы современных технологий не освоим, - рассуждают они. – Придется обращаться за помощью к американцам, японцам, немцам. С русскими мы находили общий язык, а как – с ними?»

Узбекам и русским вновь предстоит найти общий язык. Притушить эмоции, опереться на здравый смысл, очертить свои интересы и нужды, сопоставить их с интересами и нуждами друг друга и прийти к согласию. Ибо отъезд полумиллиона русских семей, с компенсацией или без, это трагедия и для тех, кто уедет, и для тех, кто останется. Эйфория полной независимости скоро пройдет, зависимость от соседа (его национальность не имеет значения) всегда была и всегда будет. Вписаться в мировое сообщество, принять и выдержать предложенный им темп Узбекистану без русских будет куда труднее, чем с русскими.

Здесь я подхожу к главному. Интерсоюз решает общую для всех живущих в Узбекистане задачу: как здесь, на этой земле нам жить дальше, как сотрудничать? Интерсоюз высказался однозначно: русские не должны уезжать, и паники не должно быть, и из состояния дискомфорта надо выходить. С националистами можно и нужно вести диалог, содействуя превращению их в демократов. Одно желание слушать и понимать почти всегда гасит напряженность. Не надо говорить с толпой, надо говорить друг с другом; чем уже круг, тем лучше взаимопонимание.

Русские могли бы оказать узбекскому народу неоценимую помощь, убедив его в том, что его будущее – занятость и достаток – в развитии индустрии. Возможности сельского хозяйства для роста невелики, и все более сказывается ограниченность водных ресурсов. Возможности же для роста промышленности богаты и многообразны. Отсутствуют традиции, молодежь обходит заводы стороной? У рабочего класса Таиланда и Турции тоже нет вековых традиций, они только нарождаются. Однако эти страны, используя мировое разделение труда и международную помощь, в течение жизни одного поколения покончили со слаборазвитостью и сейчас радуют мир высокими темпами прироста национального богатства. Убедить – это первое. Помочь в создании новых предприятий, в освоении рабочих профессий – это второе. Помощь и не прекращалась никогда. Но, сталкиваясь со скрытым сопротивлением, со своего рода психологическим барьером против новшества навязываемого, а не приходящего естественным путем, она оказывалась не столь эффективной, какой была бы, если бы аксакалы говорили своим внукам: «Тыбудешь жить не в родном кишлаке, а в городе работать на заводе, готовься». А мудрые аксакалы решатся на такое лишь тогда, когда поймут, сами придут к выводу, что животворная сила орошаемого поля не беспредельна, тогда как резервы заводского цеха неисчерпаемы.

У нас любят упоминать о щедрых недрах. Когда так же повели себя сибиряки-дальневосточники в беседе с известным японским предпринимателем, тот спокойно осадил их, заявив, что никакие природные богатства не могут быть сравнимы с богатством человеческого интеллекта. И для убедительности постучал себя пальцем по широкому лбу: «У нас вот. Вот наше богатство! А все остальное мы купим». Да, заводской цех требует иной подготовки, иного настроя, чем поле или прилавок. И всем нам, русским и узбекам, еще предстоит понять, что вложение средств в народное образование наиболее прибыльно с точки зрения будущего народа.

Демократизация общественной жизни в Узбекистане идет темпами, настолько не совпадающими с общесоюзными, настолько от них отстающими, что до сих пор ни одна неформальная организация в республике не зарегистрирована, не имеет крыши над головой, своих помещений, не может проводить собрания, нормально работать. Не все к этому относятся спокойно. Урезывание конституционных прав человека структурами власти не проходит бесследно. Протест часто перерастает в праведный гнев на бюрократов-крючкотворцев. И останавливает людей лишь сознание того, что бюрократ, представляющий власть, лишен чести и совести – за ненадобностью. Люди, пришедшие в Интерсоюз, учатся политической культуре на ходу, в работе. Пассивные в своих первичных партийных организациях – им не давали там и повернуться без команды, в Интерсоюзе они преображаются на глазах. Случается, что в деликатных ситуациях им недостает такта, уважения к оппонентам. Идея гармоничных межнациональных отношений проходит период непростого, подчас болезненного становления. Но и метод проб и ошибок дает в итоге не быстрое, но неуклонное увеличение ее сторонников. Приятно видеть, как люди, вчера еще сторонившиеся политики, вчера еще путавшие общественную жизнь с затяжным, скучным партийным собранием, сплачиваясь для доброго дела, становятся организацией, слово которой обретает влияние и вес.

Изжившие себя структуры власти, в силу своей тоталитарной природы привыкшие брать на себя все (ни за что при этом не отвечая перед народом), продолжают омрачать нам жизнь регламентациями и запретами, которые в демократическом обществе неуместны и нетерпимы. Собственно, мы к этому настолько привыкли, что не возмущаемся, не протестуем, несмотря на дарованные нам перестроечные свободы. Десять месяцев власти города Ташкента не регистрировали русский культурный центр (возможно, он не зарегистрирован и по сей день). Почему? Одно из услышанных мною объяснений: некто даст алкоголику-узбеку сто рублей, скажет: разбей стекла в русском культурном центре; алкоголик стекла разобьет, его поймают, намнут бока, слух побежит – русские побили узбека. Это и добивался некто. Надо, чтобы не было никакого повода для провокаций.

Как относиться к такому объяснению, решайте сами. Еще одно объяснение. Не те, видите ли, люди выступили с инициативой создать этот культурный центр. Представители неформальной общественной организации Интерсоюз, а не обыкновенные ходоки от рабочих, крестьян и интеллигенции, заручившиеся добрым напутствием своих партийных комитетов. Инициативной группе много раз разрешали провести учредительное собрание, потом цинично отпирались от собственных слов, потом обещали снова – и снова отрекались. Горисполком кивал на горком, горкомовцы с улыбкой разводили руками: мол, не мы являемся властью. Всем все сходило с рук – почему бы и дальше не забавляться с неформалами? Весело ведь, забавно. Они пришли на свое собрание, уперлись в милицию с дубинками – ну, и видик у них при этом!

А Конституция? А законы? А указы, принятые одним и вторым президентами, Союза и Узбекистана? Пусть их исполняют те, кто хочет? Но, как понимает читатель, оттяжки и проволочки не были самоцелью. Велась привычная для аппарата игра с дальним прицелом. Срочно лепилась своя, послушная инициативная группа, которая должна была потеснить инициаторов-неформалов, зарегистрировать центр и получить все права учредителей. Это лишь один пример из многих, как власти продолжают с великой настойчивостью, словно в стране не происходит никаких перемен, выпестовывать послушание и верноподданичество. Других отношений по вертикали партийный аппарат пока не признает. Забота о собственном авторитете эти структуры власти уже не беспокоит. Да и нужно ли заботиться о том, чего нет?

И все-таки национальный русский культурный центр в Ташкенте появится. Ведь жизнь, человеческие отношения меняются в стране коренным образом, и на первый план выдвигаются насущные нужды граждан, но не государства. Потому что во времена, когда на первый план выдвигались насущные нужды государства, для удовлетворения скромных потребностей рядовых граждан (не номенклатуры!) уже не оставалось средств. Что такое национальный культурный центр для 700 тысяч русских и еще для 200 тысяч русскоязычных граждан, проживающих в Ташкенте? Заметят ли они его появление? Как к нему отнесутся, нужен ли он им? Нужен – для возрождения национального самосознания, для самоутверждения. Для объединения в русскую общину, которая будет отстаивать их интересы в жестком мире столкновения интересов.

Русские в Средней Азии сейчас почувствовали себя открытыми всем ветрам, лишенными привычной социальной защиты. Новые реальности не только воодушевляют, но и ранят чувством неуверенности и дискомфорта. Многие преодоление дискомфорта видят только в выезде в Россию. И если русский культурный центр станет составной, консолидирующей частью завтрашней русской общины, поможет людям обрести уверенность в том, что уезжать не надо, а надо, засучив рукава, вместе с узбеками поднимать Узбекистан на уровень высокоразвитых стран, тогда создание такого центра будет оправдано целиком и полностью. Вместе с узбеками? Непременно. У нас гораздо больше общих проблем и вопросов, чем частных, которые касались бы только русских или только узбеков.

Межнациональные отношения в Узбекистане сегодня похожи на обнаженный нерв, сверхостро реагирующий на каждое неделикатное прикосновение. И защитить этот нерв от новых травм, направить межнациональные отношения в русло взаимного уважения и сотрудничества – это ли не благородная задача? Взаимных обид и претензий накопилось много, и хватит копить их дальше. Хватит искать все новых виноватых в нашем скудном, убогом житье-бытье. От этого жизнь не становится краше, а душа — добрее. Создавая русский культурный центр, не лучше ли вспомнить, возродить и взять на вооружение традиции русского и христианского подвижничества, терпимости, великодушия? Тогда мы увидим, как часто бываем высокомерны и не правы в отношениях с людьми другой национальности, с людьми, обычаи и традиции которых не похожи на наши, на которых, кстати, часто и обижаемся за это. Национальный культурный центр поможет нам в трудном, но крайне необходимом всем нам процессе самосовершенствования. Нет выше цели, чем стать лучше и выше самого себя.

Надо консолидироваться, чтобы понять, что с нами происходит и как нам жить в мире и согласии с людьми других национальностей. Ведь лозунговое братство советских народов похоронено под обломками бюрократической, коррумпированной административной системы, давно обесчестившей себя колючей проволокой запретов и лагерей, но называвшей себя развитым социализмом. А новые, действительно равноправные отношения между советскими народами еще предстоит построить – нам с вами. Ведь живущие рядом люди других национальностей ни в коей мере не враги нам и так же, как и мы, хотят счастья, достатка себе и своим детям.

Сделать бы русский культурный центр таким, чтобы в него с удовольствием шли люди. Сила русской культуры в том, что она, изумляя своей самобытностью, своей нравственностью и праведностью, привлекает и объединяет, но не унижает, не разобщает. Используем же сполна эту объединяющую силу в нелегкое время поворота огромного хозяйственного механизма страны лицом к человеку! Поможем вернуть русским их достоинство и веру в себя, , а также веру в тех, кто живет с ними рядом. Если в наш культурный центр придет узбек, пусть ему будет интересно. Если придет еврей, пусть в его стенах будет хорошо еврею. Пусть визитной карточкой русского национального культурного центра станет широта русской души, бесценные духовные ценности нашего народа.

В известной статье по обустройству советского общества в «Литературной газете» писатель Александр Солженицын предлагает отделить от Союза двенадцать неславянских республик, в том числе и все среднеазиатские. Он полагает, что для России это будет благом. Сомневаюсь, что это так, хотя сознаю, что вечное донорство России уже не по силам. Россия и Средняя Азия счастливо дополняют друг друга – и по природным данным, которые очень различны, и по отличиям, которые заложены в характерах народов. Ну, а во что выльется отделение для русских, проживающих, например, в Узбекистане. Они отвергают не только отделение, но и всякое ослабление связей с Россией. В этом случае миграция, значительная и

сегодня, примет характер повального, нерегулируемого исхода. Республику под прессом дискриминации в короткие сроки покинут два-три миллиона человек. Аналогичные ситуации история уже имела возможность проанализировать. Алжир после исхода французов лет двадцать преодолевал тяжелейший кризис, пока не возобновил сотрудничества с теми же французами – экономические, культурное, научно-техническое. Но уже по ценам мирового рынка. Лет двадцать после ухода португальцев не может встать на ноги Ангола. Кровавые междоусобицы пока лишают ее шансов на спокойную жизнь и прогресс. По словам писателя Тимура Пулатова, над Средней Азией уже витает призрак ангольского синдрома. Пусть эмоциональный призрак преувеличивает опасности. Но ведь он и боль свою изливает, а она не случайна.

Россия и Средняя Азия, счастливо дополняющие друг друга, это реальность недавних дней. Но это и путеводная нить в день завтрашний, наполненный заботами о гармоничном, справедливом общественном устройстве. В здание ленинской национальной политики преемники Ильича уложили слишком много бутафорских камней, извне внушительных, но лишенных необходимых прочностных характеристик. Скреплял их цемент ханжества, который тоже прочностью не отличался. Провозглашались равенство, полная гармония отношений и интересов. Чистая и прозрачная река братства струилась в русле пропагандистских лозунгов. Такую радужную картину рисовала нам официальная идеология. Жизнь же протекала по другим законам, реального братства почему-то не получалось, реальные отношения между советскими народами были близки к тому, что мы называли в то время мирным сосуществованием. Выселенных народов мы не замечали, ведь на них лежало клеймо изменников. Лозунговый, показной интернационализм не выдержал испытания временем, как не выдержала его и вся система. Вслушаемся в мудрое слово русского философа Николая Бердяева («Судьба России», ЛГ № 35, 1990 год): «Есть только один исторический путь к достижению высшей всечеловечности, к единству человечества – путь национального роста и развития, национального творчества. Все человечество раскрывает себя лишь под видами национальностей. Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернационального человечества, есть чистейшая пустота, небытие».

В нас скопилось много недовольства и обыкновенной злости. Постоянные нехватки изнуряют, как физическое недомогание. Мечты не сбылись и надежды поистрепались – это у старшего поколения, взращенного на догмах лучшей в мире общественной системы. Молодежь, строя свои планы, уже не видит впереди светлого будущего: она прагматична и бескрыла. Очереди и дефицит товаров и доброго отношения к человеку, расцвет коррупции на фоне общей, увековечивающей себя бедности отнюдь не воспитывают в нас милосердие и добродушие. В такой обстановке поиск виноватых мгновенно превращается в охоту на ведьм. Националистическая агитация делает свое дело, и многие вину за наши хронические бед возлагают не на систему, основанную на утопических идеях, а на живущих рядом людей иной национальности, которые… Перечень обид и претензий может быть длинным. Эмоции разгораются быстро, и горе нам, если обстановка выходит из-под контроля.

Средством жесткого давления на европейское население избран государственный язык. Неформалы «Бирлика» («Единство») и другие видели в нем панацею от всех бед. Они шли на улицы с лозунгами, что только государственный язык способен возродить Узбекистан. Перенаселенность оазисов и массовая безработица в кишлаках, пассивность в развитии промышленности, вопиющая неэффективность народного образования и здравоохранения и, как следствие, низкий уровень жизни на фоне падения культуры и нравственности до небывало низкой черты – все это не было удостоено пристального внимания неформальных движений. Не вызвал тревоги и разгул коррупции на всех уровнях управления. Все силы были брошены на придание узбекскому языку статуса государственного. Победа была одержана. И теперь вопрос очень часто ставится так: «Ах, вы не знаете государственного языка? Столько лет здесь живете и не научились? Вам нельзя дальше оставаться на вашей работе…» А то, что человек этот, к несчастью своему не выучивший государственного языка в школе, где его преподавали из рук вон плохо, всю жизнь на Узбекистан проработал, вдруг перестает кого-нибудь интересовать.

Примечательно, что уехавшие редко сетуют на свою судьбу, редко попадают в худшие условия. Нельзя не признать, что в Средней Азии сложился жесткий для европейской морали, глубоко коррумпированный мир с прочно укоренившимся чинопочитанием, с непременной благодарностью (материальной, конечно) за услуги, входящие в служебные обязанности должностного лица, с поставленным на широкую ногу извлечением частного дохода из государственной собственности и с практической бездеятельностью правоохранительных органов, когда необходимо защищать права человека.

Любопытные данные последней переписи населения привела недавно газета «Вечерний Ташкент». В столице республики две трети узбеков свободно владеют русским языком, но лишь каждый тридцатый русский в такой же степени владеет узбекским. Не скажу, чтобы это украшало русских, но не вижу в этом и пренебрежения к коренному населению, как представляют дело некоторые. Языковая ситуация в любом обществе – это своеобразный пик межнациональных, экономических, культурных отношений. И прогнозы на будущее при выборе языка играют куда большую роль, нежели историческое и культурное прошлое, каким бы богатым оно ни было.

Но вернемся к статистике. В Ташкенте проживает 44 процента узбеков, 34 процента русских, а вместе с украинцами, евреями, корейцами – 42 процента. 70 процентов ташкентцев свободно владеет русским языком, и лишь половина – узбекским. Поэтому принятие закона о государственном языке с форсированием перехода на него больно ударило по русскоязычному населению. С городских улиц исчезли вывески на русском языке, в магазинах (реклама, торговые бирки) тоже властвует один язык – государственный. Этот явный, не вытекающий из закона о государственном языке перекос, конечно же, усилил дискомфорт русскоязычного населения.

Почему националисты не получают отпора со стороны тех граждан своей национальности, которые отдают себе отчет в ущербности, в огромном вреде их устремлений? Ведь они посягают на святая святых – на доброе имя народа. Только ли потому, что критиковать и одергивать «патриотов» непатриотично? Или этот тот плюрализм мнений, та митинговая, выплеснутая на потребу толпы «демократия», которую еще долго будет шатать из стороны в сторону отсутствие здорового нравственного стержня? Сегодня аксакалы стушевываются перед вызовом молодежи. Их призыв к сдержанности и терпимости повисает в воздухе. Обходя махаллинские дома в избирательную компанию, я понял, что многие пожилые узбеки опасаются за судьбу своих детей. «Еще недавно все было спокойно и хорошо. Как прокралась в наши дома неприязнь к людям другой национальности?»

Особенность политической ситуации в Узбекистане в том, что власть имущие, без труда отстояв свои позиции от атак разрозненных и вялых демократических сил, возлагают ответственность за напряжение в межнациональных отношениях на неформалов. В «Бирлике» властям не нравится один из лидеров, доктор наук кибернетик Абдурахим Пулатов, человек независимый и уверенный в правоте своего дела. В вопросах принципиальных он идет на конфронтацию, к чему власти вообще не привыкли. То, что я даю ему положительную характеристику, конечно, не означает, что он всегда прав и что избираемые им методы проталкивания демократии в реальную жизнь советского Востока – лучшие из возможных. Я просто хочу быть объективным: вот человек, желающий блага своему народу, но не за счет ущемления прав других, а за счет коренного переустройства общества, за счет раскрепощения производителей материальных благ на селе и в городе. Во многом Пулатов фантаст и утопист. Но если эти редкие качества изъять из обращения, останутся одни карьеристские призывы. Пока все, что идет от «Бирлика», порицается, как враждебное интересам народа. Но два лидера и идеолога «Бирлика», капитан первого ранга в отставке Тимур Валиев и народный поэт Шукрулло, недавно введены в президентский совет, что говорит о желании прийти к согласию. Похвальное намерение!

Гонения же на Интерсоюз ужесточаются. Запрещаются собрания, задерживаются распространители газет Интерсоюза. Едва ли хоть один гонитель Интерсоюза дал себе труд соотнести свои действия с конституционными статьями о свободах, правах человека. Противоправные действия властей, которые стремятся задавить неформалов, дискредитировать их лидеров (им мешают, их гонят с государственной службы) остаются нормой.

Необычность, острота и непредсказуемость нашего времени заключается еще и в том, что правда белых на нашей земле вновь соседствует с правдой красных, и соседствует наступательно, тесня ее и разоблачая с позиций общечеловеческих ценностей, стремясь взять реванш за октябрь 1917 года. Я говорю об этом вот почему. В этих условиях правомочно и неизбежно движение национальной интеллигенции среднеазиатских республик, особенно молодой, в защиту басмачества, реабилитация басмачества и вскрытие тягчайших нарушений законности со стороны новой власти, провозгласившей высшей формой законности диктатуру пролетариата. Идеи, которые защищало басмачество, а в более широком плане все белое движение, вновь повышаются в цене. Необходимо, однако, помнить, что над басмаческими отрядами развевались знамена национальные, и часто вместе с исламскими, но вовсе не интернациональные. От реабилитации басмаческого движения и до вывода «Во всех наших бедах виноваты русские» дистанция не так уж велика. Именно эту идею проповедовал известный в Узбекистане поэт и неформал Мохаммад Салих, выступая на симпозиуме по проблемам Аральского моря в институте штата Индиана минувшим летом.

Я далек от мысли упрекать Салиха в русофобии. Он искренне любит свой народ. Но далеко не всего доводы о бедственном положении узбекского народа выдерживают критику. Да и в доводах он, как человек чрезмерно эмоциональный, больше опирается на чувства и настроения, нежели на факты. Когда его спросили: «Вот, вы утверждаете, что до революции за килограмм хлопкового волокна давали корову – разве это правда?», он невозмутимо сказал: «До революции за килограмм волокна давали больше, чем сейчас». Вспоминаю разговор с ним о целях и задачах Интерсоюза. Когда я сказал ему, что краеугольным камнем Интерсоюза стало положение: «Русский в Узбекистане, не может быть счастлив без того, чтобы не был счастлив узбек», он посветлел лицом и воскликнул: «Это прекрасная основа для сотрудничества». Действительно, если здраво поразмышлять узбекам и русским, которые живут в Узбекистане, делить нечего, и выше цели – как вместе достичь такого качества жизни, которое достойно цивилизованного

человека, - у них нет ничего. Да, нам надо вместе уйти от нищеты, и как можно быстрее. Чтобы достаток, демократические свободы и сладость предпринимательства познала уже нынешняя молодежь.

Аллах велик – всеведущ, всезнающ и всемогущ, гласит священная книга мусульман Коран. «Алла акбар!» (Аллах велик), вещают муэдзины с минаретов, созывая правоверных на молитву. Если все в воле Аллаха, а именно так трактуют действительность мусульманские богословы, то многообразие народов на Земле, мусульман и не мусульман, тоже есть проявление мудрости и дальновидности Аллаха. И не любить другой народ за то, что он живет по иным законам, что он не такой – значит посягать на реалии, созданные Алолахом. Значит, погрязать в грехе.

Наше время как никогда широко распахнуло двери для сотрудничества народов, для того, чтобы вершинные достижения каждого народа становились общим достоянием человечества. Европу ли взять, латинскую Америку или Юго-Восточную Азию – мир семимильными шагами движется к единению. Ибо мечты о счастье, заботы о хлебе насущном и тепле домашнего очага едины для всех народов. Множатся контакты, устраняются препятствия и упрощаются формальности при пересечении национальных границ, ширится общение. Межнациональные корпорации – как мы клеймили их в свое время и как теперь хотим, чтобы они не обошли нашу страну своим вниманием – создают основу единого мирового хозяйства. На фоне этих процессов, определяющих само мировое развитие, мелко и неумно выглядят потуги националистов выделить и возвысить один свой народ за счет ущемления прав сынов и дочерей других народов, наделить его чертами исключительности.

Идеи равенства и равной ответственности перед законом потому и завоевывают мир, что равно устраивают белых, желтых и черных, христиан, мусульман, буддистов, жителей стран богатых и стран бедных. Единение – столбовая дорога человечества. Мне кажется, очень скоро это поймут и те, кто сегодня дружно скандирует «Узбекистан для узбеков!», и те, кто не афишируя своей привязанности, делает все для того, чтобы хорошо было в первую очередь узбекам.

От национализма, детской болезни роста самосознания народа, излечивает зрелость. Быстро ли наступает исцеление или нет, это другой вопрос. Здесь многое зависит от кругозора национальной интеллигенции, от того, какие ценности в ее глазах имеют приоритет. Не у сохи, не у станка, не за торговым прилавком рождаются идеи национальной исключительности. Плодят их неудовлетворенное честолюбие, нереализованные способности. Последнее очень зависит от общественного устройства, от того, подавляет или возвышает человека общественная система. Кажется, наше государство обретает первые черты государства правового, поворачиваясь, пусть неуклюже и без желания, лицом к нуждам и запросам своих граждан. И не направить ли нам нашу энергию и помыслы на то, чтобы облегчить государству поворот к человеку? Чтобы человек с его миром интересов стал превыше всего? И не это ли отличный повод для взаимодействия и сотрудничества всех тех, кто волею судьбы в этом государстве проживает?

Сегодня трудно представить, что такое суверенитет союзной республики, да еще полный. И каким будет союз суверенных республик, какой прочности нити убудут его сшивать. И какой будет роль центра, цементирующая или констатирующая? Положение дел в стране и межнациональные отношения переплетены теснейшим образом. Инициативы республик могут резко менять положение к лучшему. Так, президент Узбекистана И. А. Каримов своим указом отдал под приусадебные участки около двухсот тысяч гектаров орошаемой пашни. И более миллиона молодых семей получили землю, на которой можно поставить дом, посадить огород, сад. Люди мечтали об этом десятилетиями. Не так уж много земли было передано дехканам, всего пять процентов, а социальная напряженность резко поползла вниз. Люди правильно это событие поняли и оценили, увидев в нем начало тенденции, первый разумный отклик государства на бедственное положение дехканина. Последовал и отклик второй: его величество хлопчатник был потеснен продовольственными культурами. Но сколько еще предстоит сделать, чтобы по-настоящему разбудить инициативу народа, возродить предприимчивость и предпринимательство, вернуть полям и фабрикам хозяина, без которого если дело и делается, так плохо и неразумно.

Уезжать или оставаться? Сам-то я как отношусь к этому в упор заданному мне жизнью вопросу? «Уедем, - внушают близкие, - здесь теперь все не так, и этот пресс государственного языка…» Уедем, согласился было я и стал представлять себя вдали от Ташкента, где-нибудь в лесной или степной России. И не стало мне хорошо от такого воображаемого переселения на земли далеких предков. Отец и мать мои лежали неподалеку на городском кладбище, и более десяти могил других близких мне людей я насчитал сразу. Могил же друзей и знакомых было не объять памятью. Дом я вспомнил, в котором прошло детство. Прошло ли? Промелькнуло, как взмах быстрого птичьего крыла. И друзей-приятелей вспомнил, которых приняло и поглотило бескрайнее житейское море, никого не возвратив пред глаза мои. И девушек вспомнил, на которых было приятно смотреть. Чем больше я вспоминал, эпизод за эпизодом, жизнь свою, тем более мне не хотелось покидать родной город. Тут на неделю уедешь, и то тягостно. А если – навсегда? Родной город манил, притягивал меня всем тем, что со мной здесь было, и не отпускал. Я понял, как прочно слился с ним, так прочно, что одна смерть могла разлучить нас.

И тогда я задал себе встречный вопрос, вопрос-подсказку: «А гонят ли меня?» Мне лично сказал ли кто-нибудь хоть однажды: «Езжай в свою Россию?» Не было такого. Ни в сельской глубинке, ни в родном городе никто меня не обижал, не отталкивал. Укоры и грубости были и в мой адрес, но только от своего брата-писателя, который в порывах самоутверждения никого не щадит. А причина каждой неприязни всегда конкретна: этому возвратил рукопись, о произведении второго дал не слишком восторженную рецензию, третьему воздал должное за пассивную работу в аппарате союза писателей… Вот, никто нет гонит меня и не отторгает. Зачем же паниковать, паковать чемоданы? Зачем, уподобляясь перекати-полю, срываться и лететь неизвестно куда? Кто ждет меня там, в тридесятом царстве? Никто не ждет, никто не обрадуется моему приезду. Экватор жизни давно пересечен, мне не тридцать и не сорок, чтобы меня считали перспективным работником. Вот и ответ: не лежит у меня душа к дороге дальней, к перемене мест. И люди, которых я люблю и знаю, , все здесь неподалеку, а в новых краях рядом со мной их не будет.

Да, сам уезжать я не хочу. Дети же пусть решат это каждый сам за себя.

Итак, в обычной жизни с недоброжелательством я не сталкивался. Вниманием, гостеприимством обделен не был. Причем, глубинка от столичного Ташкента в этом плане если и отличается, то в лучшую сторону. В кишлаках, на высокогорных пастбищах, на дорогах я встречал уважительное отношение и готовность помочь, вовсе не показную. Не помню, чтобы в меня уперся злой взгляд или было брошено недоброе слово. Так что по части внимания или дружеского участия я чувствую себя должником. Хотя и я, в свою очередь, более тридцати лет верой-правдой работаю на Узбекистан, своими книгами и статьями доказывая доброе отношение к его народу. Боль республики, идущая от сложнейших социальных проблем, становилась моей болью, я искал выхода и здесь, наверное, мало чем отличался от писателей-узбеков, которые тоже искали выхода. Рецепты, которые мы находили, не были идентичными, в силу различия характеров. Но нужды узбекского народа я считал своими, и это нас роднило.

Жизнь, собственно, дает тысячи будничных, негромких уроков терпимости, отвергая грубость и диктат в человеческих отношениях, принимая как норму равенство и взаимное уважение. Помню, я ехал в метро с группой студентов-узбеков. На одной из остановок магнитофон скомкал ленту с объявлением на узбекском языке, мычание было какое-то, объявление же на русском языке прозвучало безукоризненно. Ни на одно юное лицо не легла тень неудовольствия, ни один юноша не усмотрел в техническом сбое глумления над государственным языком. Я подумал, что тысячи нитей связывают узбеков и русских, и их не оборвать, даже если кто-то этого сильно захочет.

Опять в очерк вторгается трагический «кто-то». Кто он, чего хочет, на какие средства и способы достижения цели полагается? Да, сегодняшняя напряженность в межнациональных отношениях – объективная реальность. И так же реальны лица, эту напряженность разносящие. Сколько их? Тысячи? Не знаю. Но ведь не единицы создают дискомфорт. Сама идея национального возрождения не вызывает неприятия. Протест вызывает обвинение русских в бедах узбеков.

Много лет по утрам я хожу на стадион «Пахтакор», в группу здоровья, которая именует себя футбольной командой «Тонг» («Заря»). На три четверти она состоит из узбеков. Но не на узбеков и русских она делится, а на «красных» и «синих». Между ними сыграно более двух тысяч матчей, забито десять или пятнадцать тысяч голов, среди которых были и красивейшие. Интересно смотреть, как пятидесятилетние мужчины (среди них есть люди с очень высоким общественным положением) превращаются в неугомонных, взрывных пацанов. Но иного способа возвращения в юность пока нет. Ни должность, ни национальность на поле не играют роли, а важно умение распоряжаться мячом, переиграть соперника. Эмоций, претензий друг к другу на поле масса. Но ни разу за много лет эти эмоции не приобрели национального оттенка. Сыграл отлично – получай аплодисменты, подвел команду – испей горькую чашу критики. Не критиковали только тех, от кого нечего было ждать, например, меня, худшего из игроков. Проявляли деликатность.

Отношения в такой команде и отношения в обществе – так ли велика дистанция между ними?

Я часто езжу на дачу пригородным автобусом. Салон быстро заполняется. «Салом алейкум!» – приветствуют водителя одни. «Здравствуйте!» – говорят ему другие. И когда водитель, молодой узбек из Паркента, переключается с ответного «Ассалом алейкум» на русское «Здравствуйте», сердечная тональность приветствия не меняется. Пассажир получает добрую улыбку водителя, а водитель – доброе напутствие пассажира. Все довольны, и можно ехать, зная, что в пути ничего худого не случится.

И в межнациональных отношениях, порядком подпорченных общим нашим неустройством и недовольством, нам очень нужна добрая, уважительная улыбка. Без взаимных претензий, без выяснения отношений нам не прожить – так жизнь устроена. Убежден, если при этом нами не будет руководить злость и непреклонность, между нами не останется ни одного нерешенного вопроса, ни одной тупиковой проблемы. У человека нет худшего советчика, чем зависть и злость. Они обливают грязью и обвиняют в трусости мудрость, здравый смысл – чтобы те молчали. Трагедии входят в наш дом тогда, когда вскипает злость и выключается здравый смысл.

Третья сессия Верховного Совета Узбекской ССР приняла обращение народных депутатов Узбекистана к населению республики, Верховному Совету СССР. В нем, в частности, говорится: «Мы со свей ответственностью заявляем, что узбекский народ, имеющий древнейшую культуру и благородные традиции, с великим уважением относится ко всем нациям и народностям, проживающим на земле Узбекистана. Мы уверены, что Узбекистан и впредь будет подлинно интернациональной республикой нашей страны».

Хорошо сказано. Спокойнее, уютнее становится на душе от этих обнадеживающих слов. Сомнения гасятся, их место занимает надежда. Обстановка меняется к лучшему на глазах, и не я один замечаю это.

Идет сложнейший исторический процесс преобразования СССР из тоталитарного государства в содружество народов. Все мы участники этого процесса. Он не может быть быстрым. Но он взрывоопасен, и мы должны быть не только твердыми и послдедовательными в отстаивании своих прав, но и деликатными. Когда политика называют мастером компромисса, это для него высшая похвала. Вспомним первую строку государственного гимна, безнадежно устаревшего, но еще не отмененного: «Союз нерушимый республик свободных…» Может быть, действительно свободные республики станут лучшими гарантами нерушимости Союза?

Послесловие

С момента опубликования этой статьи прошло 18 лет. Предсказать события мне не удалось, я предсказал их лишь частично. Что Союз распадется, перестанет существовать, я, конечно, не думал. В дурном сне я не видел такого поворота. Но произошло решительное и быстрое размежевание союзных республик по национальным квартирам, от которого выиграли Россия (она перестала быть всеобщим донором), Казахстан, Туркменистан и Прибалтика, а все другие потеряли гораздо больше, чем приобрели. Но к старому, как поется в одной хорошей песне, возврата больше нет, и Узбекистану теперь предстоит полагаться только на себя. Переход на рыночные отношения погасил в Узбекистане межнациональные трения, сделал их совершенно излишними. Но две трети русскоязычного населения, и подавляющее большинство русской молодежи покинули Узбекистан, рассчитывая, что в России им будем лучше. Эти расчеты оправдались. Уехали и все мои дети. Они все мечтали о лучшей доле, и они обрели ее. Благодаря их помощи мы с женой жили вполне пристойно, ибо получаемой нами пенсии хватало только на неделю. Интерсоюз прекратил свое существование вскоре после того, как президент Каримов во всеуслышание объявил, что защита прав русскоязычного населения – прерогатива его, но не Интерсоюза. Я, как один из инициаторов организации Интерсоюза, вынужден был оставить журнал, и потом у меня уже не было такой интересной и престижной работы.

Узбекистан сначала пошел своим путем, но мало чего добился и начал перенимать опыт России и Казахстана, которые добились много большего. Промышленность в республике, однако, возрождалась крайне медленно, зато прилавок от Ташкента до Термеза и от Андижана до Нукуса был возведен чуть ли не в мгновение ока. Но этот прилавок не отменил правила, что товар, прежде чем быть проданным, сначала должен быть произведен. Чиновники в стране творили все, что хотели, и большая часть денег оказывалась в их руках, превращалась в махалля в изысканные домики-дворцы (я называл их терем-теремками). Ни на что другое денег уже не хватало, и в Ташкенте прекратилось даже строительство метро. Естественно, в такую страну никто не спешил с инвестициями, и Казахстан, к примеру, получал иностранных инвестиций в десять раз больше, чем Узбекистан (а у него, как и у России, своих денег было хоть отбавляй). Дочь Лена все настойчивее звала нас к себе. Звала до тех пор, пока мы не ответили согласием на ее предложение. И все-таки уезжать из Ташкента ой как не хотелось…

НАШЕ ВРЕМЯ

1.

Неуютно, неспокойно стало жить на белом свете. И горечь травит душу, и совесть почему-то мучает. Место в душе, отведенное надеждам, почему-то пустеет. Страна, если ее сравнить с кораблем, проворачивает на новые пути долго и тяжело. «Куда рулить?» – вопрошает рулевой. «Куда плывем-то?» – интересуется команда. В адмиральской рубке нет ясности, но есть намерение быстрее покинуть застойные ядовитые воды. Море штормит, мрак промозглый скрыл ориентиры, спрятал звезды небесные. Но корабль поворачивает, капитану самому невмоготу плыть прежним курсом, к хладным скалам разрухи и деградации. Ибо дальше умалять человека и возвышать государство-монстр нет никакого терпения. Государство-монстр должно исчезнуть. Человек, именуемый в обиходе советским, то есть униженный и оскорбленный советской властью сверх всякой меры, должен занять подобающее человеку место в обновленном обществе. Это общая, идущая, снизу, от масс, от человека труда, установка. Если она не начнет осуществляться, производитель материальных благ перестанет работать, великая держава рухнет. А как ее, эту установку, претворить в жизнь с наименьшими потерями и наибольшими приобретениями? Кто знает? И вот тут пренеприятный мы открываем для себя парадокс.

Семьдесят дооктябрьских лет дали миру трех основоположников марксистско-ленинской теории. Три выдающихся сына человечества положили все свои устремления на то, чтобы освободить и возвысить человека труда, сделать его хозяином жизни. А семьдесят послеоктябрьских лет не прибавили к трем основоположникам ни одного. В чем дело? Не в том, конечно, что земля наша оскудела талантами. Напротив, двадцатый век взрастил их неизмеримо больше, чем предыдущие века и тысячелетия. Ибо неизмеримо расширились сами возможности человека развивать и применять свои таланты. А в том дело, что догмы учения стали вступать в противоречие с реальностями новой жизни, и получалось далеко не то, а часто и совсем другое, совсем не то, что пророчили и намеревались осуществить основоположники.

Повторяю, это были чистые и отважные люди, лучшие, смелые умы, великие подвижники семьи человеческой. И не их вина в том, что преемники, все как один ниже ростом и кровушкой пожиже, но вознесенные на недосягаемую высоту реальной властью и этой властью опьяненные, отгородились от живого человека, поставили между собой и им громкий лозунг: «Все во имя человека, все для его блага». Государство стараниями преемников росло и крепло, но не отмирало, как предсказывали основоположники. А человек чах и деградировал. Как долго это могло продолжаться? Страшно долго – для нашего быстротекущего времени, редко ошибающегося в оценках. Этому способствовало полное отсутствие контроля низов над верхами, отсутствие всем и каждому понятного, всеми и каждым приводимого в действие механизма, регламентирующего приход первого лица страны на его высокий пост, пребывание на нем и уход – досрочный, при выявлении несоответствия этому посту, или после истечения определенного срока. Нам нужны выборы, но не назначения, несостоятельность которых доказана вполне. Номенклатура лежит в фундаменте командно-бюрократической системы управления страной, которая стала ненавистна народу. Выборы высвобождают энергию народа, назначения держат ее в строгих рамках государственного регулирования.

То, что сегодня происходит в стране, это сложнейший по психологическому давлению на человека переход от положения «партия для вождя» к нормальному в социалистическом обществе положению «партия для народа». Советская, непревзойденная и, конечно же, лучшая в мире демократия, надежно оберегавшая тоталитаризм, заменяется (или вытесняется?) просто демократией, и мы наконец-то начинаем постигать, какое великое благо пришло к нам. Выкорчевывание корней сталинизма идет болезненно и медленно. Миллионы людей увидели, что обмануты, а жизнь-то прошла или проходит, и как признаться, как согласиться, что лучшие годы и самые искренние порывы употреблены на достижение целей, враждебных человеку? Не возвышающих, а принижающих его?

Вопрос, быть или не быть социализму на нашей земле, шестьдесят лет назад Сталин решил в пользу казармы, в пользу самого жестокого в истории принуждения. Вождь взрастил послушную управленческую машину, казенную и безликую. Область чувств, эмоции, культура, гуманность были неведомы ей. А ведь за Сталиным, околдованные его силой, его четкими формулировками, шли миллионы. Каково этим людям сегодня? Страшный пресс разочарования пригибает их к земле. И крик «Нет!» вырывается из их уст инстинктивно. Нет, они не согласны с тем, что их жизнь прошла впустую. Да, не впустую: страна расстраивалась, государство накапливало мощь. Но ведь другие страны, чьи лидеры не лезли в учителя и наставники к человечеству, пошли дальше нас и добились большего. Реформы, в многолетнем плане, оказались куда эффективнее, чем горнило революции. И еще одну разницу мы отмечаем. Она всего-навсего в наличии и отсутствии демократии. При демократии давно уже Сталин был бы развенчан и до геноцида собственного народа дело бы не дошло. Крестьяне бы имели землю, Советы – власть, трудовые коллективы

– право собственности на предприятия и право распоряжаться произведенным. При обратном отсчете времени убеждаешься: можно ведь было так повести дело, чтобы притягательная сила социализма не тускнела, не блекла с годами, а росла и множилась, завоевывая сердца людей.

Трудной и сверхтрудной оказалась дорога, не давшая за семьдесят послеоктябрьских лет ни одного выдающегося теоретика реального социализма. Другой вопрос, нуждались ли в них люди, сосредоточившие в своих руках необъятную власть? Сталин – определенно нет. Он руководствовался собственными теориями, из которых важнейшее значение имели предназначенные не для общего, а для личного пользования, - они-то не публиковались никогда. Теории для общего пользования он прикрывал красной обложкой продолжателя дела Ленина. Хрущев и Брежнев в этом плане также предпочитали иметь свободные руки. Куда удобнее ссылаться на ушедших корифеев, повышая и повышая их пьедестал. Они-то не возразят, не заспорят, не ткнут носом в левацкие новации, которые на 180 градусов расходятся с их выводами. Так теория была низведена до роли служанки практики с ее каждодневным и почтительным «Чего изволите-с?» Сейчас ревнивые поклонники догм все изъяны общества стараются списать на дурное исполнение. Дурное исполнение было, есть и будет; не одна праведная идея была таким образом тихо загублена. Но одно ли дурное исполнение виновато в том, что задуманного не получилось? А злой умысел? Ведь в контроле народа над власть имущими Ленин видел единственное средство от дурного исполнения, но его-то мы пока не имеем. Однако так ли уж непорочен и праведен был сам замысел? Уничтожение одного класса, которому приписали все грехи и пороки, не принесло счастья двум другим, пролетариату и крестьянству. О чем это говорит? И о том тоже, что теоретически вычислить и обосновать социализм оказалось все же легче, нежели реализовать намеченное. Может быть, и не надо, чтобы являлись новые основоположники? Христианство, ислам, буддизм, три великие религии обошлись одним пророком каждая. Но сколько можно тыкаться носом в неведомое и ошибаться?

В то же время наши северные соседи, да и не только они, никого не экспроприируя, не раскулачивая, не ставя к стенке и не пряча за колючую проволоку как контру и врага народы, особенно не крича и не суетясь, создали общество, в котором не стало бедных и в котором достаток и социальная защищенность человека так велики, что не идут в сравнение с нашими. Наши северные соседи не отделяли свои преобразования от демократии, только и всего. Они видели, на нашем примере, что от общественной собственности, которая ничья и бесхозна, никому нет пользы. Такая собственность расхищается направо и налево или тихо загнивает без присмотра, но почти не способствует ускоренному накоплению национального богатства. Простое содержание в порядке ничьей собственности, то есть государственной, обходится народу во много раз дороже, чем содержание собственности личной или кооперативной.

Считается, что наша страна навсегда ушла от такой формы экономических отношений, как эксплуатация человека человеком. Согласен, если не иметь в виду теневую экономику, тщательно оберегаемую от стороннего глаза. А эксплуатация человека государством, нашим, «родным», советским? Аппетиты и амбиции государства непомерны, поведение великодержавное, замашки и апломб тоже великодержавные, и стоит все это, включая содержание самой большой в мире армии (вдвое больше американской) чрезвычайно дорого. Недавно нам объявили, что оборона обходится стране в 77 миллиардов рублей в год. Мы привыкли к тому, что в разных сферах рубль имеет у нас разное измерение. В сфере оборонной рубль, конечно же, самый полноценный, он потянет и на три, и на четыре доллара, не как в «Березке» или на черном рынке, где за него отваливают всего десять центов. Поистине, дождем золотых червонцев оплачивает народ военную мощь своего государства, мощь, которая, несмотря на начавшееся сокращение, все еще пугает остальной мир. Эксплуататоров – капиталистов, помещиков и купцов мы прогнали, это факт. Но их место очень быстро заняло государство. Тоталитарный режим правления способствовал этому, сосредоточив, после ликвидации новой экономической политики, в руках государства почти всю собственность. Ведь в условиях отсутствия свободы в принятии решений кооперативная собственность мало чем отличалась от государственной, или, как у нас говорят, потрафляя простым людям, общенародной. Ликвидация нэпа с его многообразием форм собственности означало переход с ленинских путей развития на сталинские. Сталин же создал невиданную в истории машину принуждения, государственную, конечно.

С детства мы помним маршаковские строчки о мистере Твистере, бывше министре, владельце заводов, домов, пароходов. Десять тысяч мистеров Твистеров, слившихся воедино, (а каждый из них позволял себе все) – таким я вижу наше государство. Оно владеет у нас всем, землей и финансовыми ресурсами, заводами и путями сообщения, больницами, школами, магазинами, музеями. Оно владеет решительно всем, кроме разве что личного имущества граждан. Оно содержит армию, милицию и комитет, который печется об его безопасности, хотя рухнуть оно может только от собственной непомерной тяжести, как в свое время рухнула Вавилонская башня. Ибо армия и комитет успешно защитят его от врага внутреннего и врага внешнего, но не от его собственных пороков, у которых симптомы самых тяжких недугов. Оно содержит многие миллионы чиновников, требуя от них постоянного рвения в распространении своей власти и расширения своего влияния. Приоритет нужд и интересов государства над

нуждами и интересами граждан внушался каждому с рождения. Школа воспитывала исполнителей, но не хозяев страны. Являясь работодателем и гарантом социальных благ, государство регламентирует оплату труда (но не его производительность и качество), размер пенсий и пособий, дарует гражданам бесплатное образование и медицинское обслуживание и почти бесплатные жилища. Ведя, как поводырь, гражданина по дороге жизни от рождения и до смерти, ставя себе в заслугу блага бесплатные (как будто они не созданы этим самым гражданином), оно ревниво и строго следит за тем, чтобы в потреблении материальных благ гражданин не перешагнул за рамки весьма скромного достатка, не обуржуазился и, упаси боже, не добился материальной независимости от государства-работодателя. Однако в своем стремлении свести фонд потребления к минимуму он переусердствовало, побив все мировые рекорды. Корни, отдающие все живительные соки наверх и лишенные и полноценного питания и простора для роста, стали атрофироваться, чахнуть, сокращать подачу соков наверх. Другие деревья стали обгонять наше в росте. В стволе тоже обнаружились признаки трухлявости.

Итак, непомерное сосредоточение собственности и власти в руках государства и отстранение от собственности и власти граждан, плюс минимальное вознаграждение за труд, плюс уравниловка в вознаграждении сделали граждан пассивными и апатичными. Хорошо работать стало не обязательно, ведь хорошая работа не оплачивалась по более высоким ставкам. Оплата по труду стала фикцией. Лозунг социализма: «От каждого по способностям, каждому по его труду» – лишился своего надежного фундамента, то есть оплаты по труду. Уравниловка, это величайшее порождение казарменного социализма, торжествовала. С детских лет внушалось, что богатство грязно и антигуманно, как всякий плод нечистых помыслов, нечистых рук, нечистой жизни. Спартанская же скромность потребностей возводилась в добродетель, с единой целью: чтобы государство быстрее тучнело. И, оказавшись за границей, советские люди ошалело таращили глаза на богатых рабочих, на состоятельных фермеров, которые, естественно, никого не эксплуатировали, а создавали свой, несопоставимый с нашим, уровень жизни исключительно собственным трудом. А ведь еще и господам-капиталистам что-то перепадало, и государство не упускало своей кесаревой доли, всегда немалой. У нас же продолжалось тихое закручивание гаек. А лозунги без всякого стеснения несли людям то, что совершенно не отвечало действительности: «Все во имя человека, все для его блага!»

Экономисты, политики, социологи исследуют и подсчитают, во что обошелся советскому обществу незыблемый приоритет интересов государства над интересами труженика и как низко в результате этого пал авторитет реального социализма. Само по себе, сосредоточение гигантских средств в руках государства еще не есть преступление, а только особенность данного общественного устройства. Преступно было оставить за чертой бедности миллионы и миллионы людей, работавших на государство. Преступным было бесконтрольное, строго секретное употребление этих средств на удовлетворение нужд великодержавности, в ущерб народу. Впрочем, тоталитарные режимы никогда не отчитывались в своих действиях, и народу дозволялось предъявлять счет только почившим диктаторам, но не живым и властвующим. До недавних пор, до перестройки протест маленького человека против всесилия государства был инстинктивно-стихийным, но очень массовым. И выражался он в падении престижа честной работы и в нежелании рожать детей. Недобросовестность, необязательность стала самым характерным средством наших окостеневших, негуманных производственных отношений. И столь же характерной чертой российского бытия стала малодетность. Первым обезлюдело российское Нечерноземье. Это была нормальная, то есть единственно возможная реакция крестьян на принудительную коллективизацию и принудительный, почти бесплатный труд на обобществленном поле. Но и города наши, за исключением немногих, которым выпали особенно благоприятные условия, что-то не демонстрируют бурного роста. Их ростовая сила невелика, ибо она не подкреплена осознанной, мощной тягой к новейшим технологиям.

То, что наше государство после ликвидации нэпа и повторной, но уже не у помещиков, а у крестьян, экспроприации земли взяло на себя все до единой функции эксплуататорского класса, у меня сомнений не вызывает. Самое неопровержимое тому свидетельство наш жизненный уровень. Заработок работающего сегодня таков, что на него в состоянии прокормиться лишь один человек, – сам работник. Ну, при большой экономии, при наискромнейшем образе жизни, один иждивенец. Где уж тут быть многодетности? Тридцать лет назад я начинал самостоятельную жизнь со сторублевой зарплатой. Немного для инженера, но, впрочем, хватало. Все тогда было впереди, будущее нам всегда рисовали в розовых тонах, и мы соглашались: «Да, нам это подходит!» Нехватки военных лет еще были свежи в памяти. Бег времени неудержим. Наши спутники открыли зеленую улицу ракетостроению. Старые деньги были заменены на новые, десять старых рублей на один новый. За карибским кризисом (надо ли нам было лезть так далеко и так близко подходить к американским берегам?) последовало ракетное перевооружение армии. Америка утратила былую неуязвимость, военный паритет сверхдержав стал реальностью, и надо ли говорить, как все это сказалось на уровне жизни? Моя зарплата росла, но не менее быстро росли и цены. Интуитивно я чувствую, что, как ни стараюсь, а лучше не живу. Сегодня я, главный редактор ужурнала, получаю 250 рублей в месяц (и это при том, что журнал приносит государству миллион рублей чистой

прибыли в год). Но это, с учетом инфляции, ровно столько же, сколько я получал тридцать лет назад, зеленый специалист, которому нельзя было поручить ничего серьезного. Да, сто рублей образца 1961 года сегодня официально приравнены к 250 рублям образца 1990 года. Чего же я добился в материальном плане? Экватор жизни пересечен давно, близки холодные широты, а благополучие – все тот же журавль в небе, желанный и далекий.

Вспоминаю рассказ отца, который в конце двадцатых годов – то были благословенные годы нэпа! – работал в Бахчисарае десятником на строительстве небольшой плотины. Ему, старшему рабочему, не инженеру и не технику, платили 90 рублей в месяц. За комнату с полным пансионом он платил 15 рублей, или одну шестую часть зарплаты. Причем, хозяйка кормила его, как на убой. Согласно данным статистики, с трех пор национальный доход страны вырос раз в пятьдесят, и во много раз выросли доходы на душу населения. Но, сопоставляя свою сегодняшнюю зарплату с заработком отца в конце двадцатых годов, я не могу сказать, что получаю больше. Напротив, я сознаю полное убожество своего заработка. А ведь журнал «Звезда Востока», повторяю, приносит большую прибыль. Но ни копейки от этой прибыли не поступает в распоряжение редакционного коллектива, только заработная плата согласно штатному расписанию. Государство забирает себе все подчистую и, конечно, в своих расходах предпочитает не отчитываться. Не одно поколение советских людей вела по жизни вера в светлое будущее. Жизнь проходила в трудах и надеждах, но светлое будущее почему-то не приближалось, манило-посверкивало в приличном отдалении. Энтузиастов сменили прагматики.

Нынешнее поколение не только не верит в лозунги, но откровенно высмеивает их. Оно требует от властей развязанных рук и твердого минимума жизненных благ. Гореть на работе молодежь не стремится. Отцы горели на работе, а чего достигли? Капиталисты и помещики были плохи, это факт. Но работать на государство оказалось еще более проигрышно, чем гнуть спину на капиталиста и помещика. Капиталист отстоял свое право на место под солнцем в споре с огромной надстройкой, именуемой социалистическим государством. Он показал себя и изворотливее, и щедрее, и обходительнее –—он показал себя умнее. Он четко реагировал на стремительно меняющиеся условия бытия, а не делал вид, что жизнь стационарна. Сколько я помню себя, мне внушали, что капитализм загнивает и вот-вот сойдет с исторической арены, покрытый позором. Четверть века назад наша первая антарктическая экспедиция вернулась на Родину. Экспедиционное судно по пути домой останавливалось в Австралии. Я спросил у знакомого гляциолога из этой экспедиции что-то про язвы капитализма. «Знаешь, их-то я и не приметил!» – сказал он с мягким юмором. Сейчас заграница перестала быть чем-то абстрактным и закрытым. Миллионы советских граждан пересекают государственную границу. У многих из них в огромных супермаркетах вдруг сдавливает грудь, навертываются слезы. Такова острота пронзившего их чувства обездоленности. Дай Бог нам так развиваться, как они загнивают!

Тут меня должны схватить за руку и сказать, что я забываюсь, что гордость потерял и вообще перестал соответствовать. Укорять начнут и просвещать, хотя кто сейчас учит лучше жизни? За что, воскликнут, искренне негодуя, агитируешь? «За жизнь нашу завтрашнюю, другую», - скажу я оппонентам и попрошу их проследовать за мной дальше.

Не умея соразмерить расходы с доходами, не умея насытить рынок продуктами и товарами, извратив само понятие рынка и так и не научившись за семьдесят советских лет торговать, наше государство нещадно эксплуатирует печатный станок. Зато нескончаемый поток материалов, которые легко могли бы стать рыночным товаром, распределяются по фондам, плодя и кормя миллионы чиновников. Через розничную торговую сеть реализуется всего пять процентов производимых в стране лесоматериалов, остальное уходит за рубеж или поставляется по фондам. Такое же положение с цементом, кирпичом, шифером. Семье не из чего построить себе дом. Она хочет купить материалы, но более реально – украсть или обратиться к посредничеству тех, кто крадет. Вот вам первый выход на теневую экономику. Сейчас хоть начали продавать гражданам государственные квартиры, но как-то робко, стеснительно, словно грех большой иметь гражданину квартиру в личной собственности. Словно весь мир поступает по-другому. А весь мир вовсю продает жилье, стимулируя высокую активность граждан, одни мы казенно его распределяем, насыщая при этом тьму райисполкомовских и профсоюзных пиявок. Что-то я не припомню ни одного человека, который бы от души благодарил свое «родное» государство за предоставленную ему бесплатную квартиру. Мучений она стоит таких и унижений, что порой кажется: самому построить и то легче. Мы выплавляем более 160 миллионов тонн стали в год, чуть ли не вдвое больше США, А легковых автомобилей, за которые покупатель готов платить бешеные деньги, делаем в шесть раз меньше. Построили при Брежневе завод в Тольятти и остановились на этом: с частника проклятого и этого хватит. Зато наводнили страну громоздкими и ломкими сельскохозяйственными машинами, которые через три – четыре года возвращаем в мартены. Цикл замыкается. Таково свойство экономики, которую государство приспособило для удовлетворения своих необъятных нужд, и только. Повернуть экономику лицом к советскому человеку пока не удается. Нет ни гибкой реакции на рыночную конъюнктуру, ни сколько-нибудь заметного рвения в удовлетворении скромных запросов граждан.

Шестьдесят лет нас уверяют, что колхозы вот-вот накормят страну. Но исправить однажды совершенную нелепость и вернуть землю крестьянам не хватает духа. Ибо крестьянин – это тот самый частник, который навеки проклят со сталинских времен. «С частником социализма не построишь, в светлое будущее не войдешь!» – повторяли настойчиво и рьяно. И доповторялись до того, что идти в социализм дальше почему-то все меньше желающих. Ни одна из стран, которые вслед за нами пошли по нашему пути, не встала впереди мирового сообщества по уровню и качеству жизни. Капитализм, на сегодняшний день, гибче, проницательнее, а в чем-то и гуманнее казенного социализма. Тут опять мне погрозят пальцем и напомнят о гордости. Но уезжают от нас к ним, а не от них к нам. Как-то я наблюдал за молодым немцем, который оформлял выездную визу. Уезжали он, жена, трое детей. У него были крепкие руки и глаза много передумавшего человека. Уезжал работник. Уезжал туда, где ему будет лучше. Был уверен, что там полнее раскроется его человеческий потенциал. И горько мне стало за страну, которая дошла до такой жизни, что ее без сожаления покидают.

Мы свыклись с тем, что наше государство бездушно и казенно. У государства масса форм давления на личность, вплоть до ее полного подавления, полного подчинения своим интересам. Давление государства на личность таково, что человек, вступающий в самостоятельную жизнь, очень скоро начинает воспринимать его, как насилие и грубую эксплуатацию.

Принцип социализма: «От каждого по способности, каждому по его труду» – надо подчеркнуть, краеугольный принцип, не только не осуществлен, но в повседневной жизни предан забвению. Производственные отношения в интересах государства искусно обошли его стороной. Оплата по труду заменена минимумом, необходимым для поддержания жизни работника. На иждивенцев этого минимума обычно уже не хватает. Половина работающих в стране сидит на должностных окладах. Эти оклады ни в коей мере не зависят от количества и качества труда, никак не привязаны к конечному результату. Система должностных окладов бросила страну в объятия уравниловки и бюрократизма. Хозяйственный расчет и новые отношения собственности, призванные похоронить антигуманную, губительную для инициативы систему должностных окладов, - это все еще мечта и иллюзия, все еще журавль в небе, не дающийся в руки. Должностной оклад делает ненужными старание, поиск, творчество. Зачем выдумывать и пробовать, если это не поощряется? Поговорите с любым изобретателем: его деятельность по-настоящему не поощряется, она упирается в стену. Погоня за новшествами, внедрение новшеств, то единственное, что движет вперед экономику мира, пока еще противоречит канонам нашей практики. И вот наши открытия и изобретения, даже очень не плохие, чаще всего не материализуются, не становятся живительным горючим для двигателя прогресса. И порой кажется, что наезженная колея в обрамлении замшелых лозунгов и догм – единственное, что нам не надоедает.

Мизерная зарплата едва ли не наиглавнейшая форма подавления личности. Принятая государством в годы «великого почина», она с тех пор не претерпела существенных изменений. Начав с распределения не по труду, испытав и грубые, и самые изощренные методы разверсток и заготовок (их суть – изъятие без соответствующей оплаты – не менялась с годами), пожав апатию и равнодушие, государство и сегодня, когда это стало наиважнейшей потребностью общества, так и не пришло к оплате по труду, так и не решило эту не простую задачу. Между тем, мир за пределами наших границ, исключая немногие страны, платит по труду, и платит за инициативу, за идеи. И, главное, не делает секрета из того, как все это делается. Я представляю себе муки человека, скованного жесточайшими цепями маленькой зарплаты. Как мало ему доступно, как много остается за пределами возможного!

Темной ночью ленинградка, обняв двоих детей, зажмурилась и шагнула за балкон. С девятого этажа. Так она ушла от нищеты. Ее крик отчаяния услышали миллионы. Маленькая зарплата рождает безысходность. Прибавим сюда низкое качество товаров долговременного пользования, которые ломаются и портятся через год-другой, вместо того чтобы служить 10 – 20 лет, как служат, например, японские магнитофоны. Наш человек очень скоро начинает ненавидеть лютой ненавистью маленькую свою зарплату, нищету, из которой не видит выхода. Сегодняшняя гласность помогает ему быстро разобраться, что к чему, и ненависть, питаемую нищенским его существованием, он обращает на государство, главного виновника всех его бед. Ведь оно и только оно, «владелец заводов, домов, пароходов», облагодетельствовало его минимально возможным вознаграждением за труд. Едва ли в какой-нибудь другой стране мира есть большая разобщенность, отъединенность гражданина и государства. Ситуация поистине революционная. Но родила она не могучий разовый взрыв негодования, а перестройку. В первые годы перестройке, правда, сопутствовал эпитет «революционная», но он как-то поблек, полинял от отсутствия быстрых перемен к лучшему. Поворот на новые, не исследованные заранее и никем не опробованные пути мучительно тяжел, и не все желают этого поворота. А тем, кто хочет, все еще очень мешает психология маленького человека, которого все предыдущее течение жизни убеждало, что от него ничего не зависит, что высовываться и что-то предлагать глупо и себе дороже. Команда повернуть дана, но инерция сверхтяжелого судна необыкновенна. Народ уже не безмолвствует, но он и не ринулся к штурвалу с намерением помочь

рулевому, с намерением выкинуть из рубки всех тех, кто в слепой тоске по наезженной колее заслоняет обзор, пророчит крах, мешает рулевому.

11

Команда к повороту, команда покинуть привычную колею, которая становилась все более непроезжей, прозвучала с капитанского мостика, и подал ее капитан, ударив в колокола громкого боя. Гонг застал команду врасплох. Колокола громкого боя молчали так давно, что об их существовании команда забыла. К тому же, она была поражена бациллами неверия, разброда и шатания. Обещания разбрасывались десятками и сотнями, исполнялись же единицы. Партия, устами своего генерального секретаря позвавшего народ к перестройке и коренному обновлению общества, сама остро нуждалась в коренной перестройке своей стратегии и тактики, всей окостеневшей системы внутрипартийных отношений. Догматизм сковал склерозом ее кровеносные сосуды; органы чувств утратили чувствительность. Уставной демократический централизм на практике вылился в безудержный рост и укрепление централизма и в такое же безудержное принижение демократических начал. Слово «гражданин» стало чуть ли не неприличным, позорным. Слово «товарищ» – казенным. Руководящая и направляющая сила советского народа – коммунистическая партия сама нуждалась в скорейшем обновлении для того, чтобы и дальше оставаться руководящей и направляющей силой страны.

Тысячи коммунистов влились в неформальные организации. Случайность ли это? Едва ли. Они поступили так потому, что в первичных партийных организациях, так называемой основе партии, отсутствовали и по сегодняшний день отсутствуют условия для самовыражения. Они не могли делать в своих партийных организациях то, что для них важно и интересно. В первичных парторганизациях вообще с некоторых пор угасла всякая интересная, полнокровная жизнь, всякая самодеятельность. Ибо их обрекли на безоговорочное (неуклонное, безусловное) исполнение директив вышестоящих органов. И только. Добавим сюда хлынувшую в партию толпу карьеристов, которой первичные партийные организации безразличны, ибо не они расчищают путь наверх. Все помыслы карьеристов нацелены на то, чтобы на них обратили внимание вышестоящие партийные организации, имеющие свою номенклатуру. Войти в номенклатуру, сесть в руководящее кресло – вот тайная мечта и истинная цель значительной части тех, кто вливался в партийные ряды. Сама жизнь толкала на это, беспартийным путь наверх был закрыт. При сложившейся командно-административной системе иначе и быть не могло. Партийные функционеры взяли в свои руки основную часть партийной работы, но исполняли ее «от и до», ибо по своей природе были дисциплинированными исполнителями, но не генераторами идей. Лишенные самостоятельности и инициативы, жестко регламентируемые в каждом своем поступке, низовые звенья партии (вот оно, сталинское наследие, прекрасно просуществовавшее десятилетия и без Сталина) перестали что-то решать и серьезно влиять на политику партии. Ибо их назначение было в одобрении и неуклонном исполнении решений, поступающих из центра.

Партийная бюрократия с чувством глубокого удовлетворения замкнула систему на самое себя, считая, что теперь-то ее власть незыблема. Связи с массами прервались, хотя сверху их усиленно обозначали: удивительно правильные слова умели вложить в уста первых лиц лукавые помощники. Дела, однако, со словами не вязались, противоречия в стране резко обострились. Ибо те, кто производил материальные блага, не хотели, чтобы их лишали слова при распределении этих благ, и не хотели, чтобы каждый их шаг направлялся извне. Контроль за функционерами со стороны рядовых членов партии отсутствовал, как и контроль за партией в целом со стороны народа. Хотя на вопрос вовсе не провокационный, а жизненно важный, должен ли народ контролировать свою правящую партию, каждый здравомыслящий человек ответит: «Да, должен!» Формы и методы такого контроля еще предстоит разработать и внедрить в практику общественной жизни. Кое-что уже прогладывает: свободная пресса, депутаты, избранные народом, а не назначенные партийными комитетами. Но это «кое-что» – еще не система и даже не ее четкие контуры. Ибо без того, чтобы первое лицо страны избиралось на свой высокий пост всем народом, подлинного контроля не будет.

Итак, без возрождения полнокровной, не подавляемой постоянными указаниями сверху жизни в основе основ партии – ее первичных партийных организациях возрождение КПСС едва ли возможно. Для сегодняшней ситуации, которая кратко характеризуется формулой «вождь для партии», непременным должно стать положение «аппарат для партии». А не партия для аппарата. Уходит в прошлое пора администрирования, пора непререкаемых указаний, когда и что сеять, когда и как жать. Командно-административный стиль руководства изжил себя в народном хозяйстве, продемонстрировав всему миру и даже нашему Политбюро свою полнейшую несостоятельность. Изжил он себя и в партии. Но это осознается чрезвычайно медленно, болезненно, чуть ли не со скрежетом зубовным: вот черт, опять не получается! Как это не командовать? Что тогда останется от централизма, этого станового хребта партии? Аппарат бешено сопротивляется изъятию из его рук реальной власти, усилению влияния низовых звеньев

партии, ее рядовых членов. И так же яростно он сопротивляется посягательствам на его привилегии, на закрытые распределители и четвертое главное управление Министерства здравоохранения СССР с его спецполиклиниками, спецстационарами и спецсанаториями, на жилье улучшенной планировки. «На всех этих благ все равно не хватит, а мы… Мы их отрабатываем!» Если бы…

И если сегодня трудовые коллективы с огромной пользой для себя обретают самостоятельность, отвоевывают ее у сплоченной армии управленцев и аппаратчиков, представляющих партийные комитеты, министерства и ведомства, то такой же очистительный процесс должен идти и в партии. Без этого ей не возродиться, не вернуть доверия народа. Получив долгожданную самостоятельность, то есть возможность строить работу на удовлетворении своих забот и нужд, а не на одном выполнении спускаемых сверху решений, первичные парторганизации начнут по-настоящему задавать тон в своих коллективах, смогут все более ощутимо влиять на их нравственный облик.

И надо бы широко распахнуть дверь в партию перед людьми совестливыми, которые без приглашения в партию не пойдут, это не карьеристы, и которых в партийных рядах сегодня явно недостаточно. Без притока этой свежей, исцеляющей струи, без возвращения в партийные отношения на всех уровнях нравственной чистоты, порядочности, принципиальности обновление и перестройка не смогут состояться. И не сможет состояться отход от насажденного Сталиным метода жесткого силового давления сверху вниз, от присущих бесконтрольной власти коррупции, протекционизма, показухи. Понятно, что люди совестливые, нравственно здоровые, к тому же не равнодушные к делам общества, не могут составить в партии подавляющее большинство по причине общей своей малочисленности, ведь наша действительность настойчиво и упорно изживала из советского человека совестливость, прививая послушание и покорность. Но и при своей относительной малочисленности они вполне в состоянии такое положение изменить, очеловечить и в конечном счете очистить отношения внутри партии от бюрократизма и казеншины.

Обновленное общество – это в первую очередь новое качество партии, такие приемы и методы ее работы, которые будут не отвергаться, а приниматься обществом, дышащим живительным воздухом демократии. Если первичные партийные организации действительно составляют основу партии, а против этого уставного положения никто не возражает, то и политика партии должна вырабатываться в ее низовых звеньях, брать свои истоки от нужд и запросов человека труда, а затем уже суммироваться и выкристаллизовываться в строгий цельный курс в вышестоящих партийных комитетах. Снизу вверх! Только тогда пирамида, с которой, предельно упрощая дело, можно сравнить партию, будет покоиться на матушке-земле массивным и прочным своим основанием.

Жизнь же являла нам пока иную расстановку партийных сил, иное состояние внутрипартийных отношений. Первичные партийные организации до последних лет мало чего предлагали и вырабатывали своего, идущего от естественных народных нужд, от поля и станка, доморощенного. Зато они в непереваримом количестве принимали к исполнению решения, принятые наверху людьми, которые привыкли решать и думать за народ, но которых народ не выдвигал, не избирал и не ставил на их высокие посты. Инициатива, как и критика снизу, почти увяла за ненадобностью, не только не стимулируемая, но и принижаемая сверху. Она мешала вышестоящим партийным комитетам говорить свое слово и петь свою песню. Командно-административный стиль руководства, строгая зарегламентированность всех сторон партийной жизни больше всего ударили по низовым звеньям партии, лишив их генерирующих свойств, оставив одни исполнительские функции. Это состояние можно назвать застоем, если иметь в виду недавние годы. Наиболее присущие ему черты – ущемление и выхолащивание основных положений внутрипартийной демократии.

Работая над романом «Периферия», главный герой которого сначала инструктор, затем секретарь партийного комитета, я ознакомился с жизнью десятков первичных партийных организаций. И ни в одной из них не нашел ни образцовой, ни просто приемлемой постановки дела. Мне могут возразить: «Ну, так это же у вас в Узбекистане!» Мол, про то, что там у вас, нам и так все понятно и известно. А разве Узбекистан не часть страны? И разве в Москве не видели, что из шести миллионов тонн узбекистанского хлопка при обратном сложении, когда суммируются волокно, масло, жмых и другие составляющие, получается только пять миллионов тонн? И не мне одному интересно, кому это в Москве чемоданы денег так притупляли зрение? Согласен, условия, при которых многое можно не видеть, в упор не замечать, были одни для всей страны. Как одни и те же условия для всей страны пришли им на смену. Они-то и гарантируют невозвращение дня вчерашнего. Не кто-то, а мы повесили слишком много золотых звезд и других ярких цацок на грудь одного человека. Не кто-то, а мы бурно аплодировали очередным «выдающимся» достижениям, с трудом подавляя рвущееся наружу раздражение от неумения соединить «развитой» социализм с убогими магазинными полками и усеченными правами человека. Кстати, человеческие контакты, как ничто другое, убеждают, что страна у нас одна. Людей из Ленинграда, Горького, Минска я спрашивал: «А у вас как?» Увы, у них все оказывалось примерно так же. Своими проблемами Термез не сильно отличается от Бреста, Ташкент – от Баку.

Вождь народов вполне сознательно ослаблял и принижал первичные партийные организации. Не пожелали покинуть наезженную колею и творцы застоя. Если вождь народа держал в своих необыкновенно цепких руках всю полноту власти, ни с кем ею не делясь и не передавая кому бы то ни было даже малую толику ее, то творцы застоя невольно мирились с тем, что власть из их дряхлеющих рук перетекала к аппарату, делая его могучим, почти всесильным. Аппарат никогда не останавливался в своем росте, даже тогда, когда принял гипертрофированные формы. Он научился командовать и распоряжаться, ни за что не отвечая. Если обещанное народу не исполнялось (продовольственная программа, например), обещание повторялось еще и еще раз, только и всего. Под давлением аппарата низовые звенья партии перестали реагировать как положено на недостатки. Тогда пышно расцвели казнокрадство и протекционизм, и в нашем краю Рашидов, а в других краях другие его двойники и единоутробные братья получили полную свободу рук в окружении себя себе подобными и в срывании плодов с древа власти. Ведь стрелка на шкале контроля низов над верхами, народа над правящей партией замерла у нуля.

Не везде и не безвозвратно ушло в прошлое время, когда большинство секретарей первичных партийных организаций было озабочено не самой постановкой дела, не тем, как преодолеть апатию и восстановить авторитет партийцев, а лишь тем, чтобы достойно выглядеть в глазах вышестоящего партийного комитета. Суть этого прочно прилипшего к нашему обществу явления определяет емкое слово «показуха». Еще недавно секретарями становились не лучшие организаторы, не самые активные и уважаемые партийцы, а люди, наиболее удобные и угодные администрации, райкому, горкому. Везде ли это преодолено и навсегда ли преодолено?

Ненормальному положению, когда живое дело подменяется видимостью дела, в огромной степени способствовала сложившаяся практика, при которой выборы секретарей и всего низового партийного актива были фактически вытеснены назначениями. Члены партии мирились с тем, что с ними не советовались относительно членов партийных комитетов, и равнодушно голосовали «за». Отчетно-выборные собрания лишь формально утверждали руководящие органы, сформированные за них вышестоящими инстанциями. Важнейшим своим правом, правом избирать коммунисты перестали пользоваться. Это право присвоили себе вышестоящие партийные комитеты. Назначения стали испытанным и надежным инструментом, закрепляющим и увековечивающим диктат верхов. При такой практике пассивность и утрата боевитости – явления естественные. Ущерб, ею причиненный, неисчислим.

Поведение должностного лица, получившего свою должность из рук вышестоящего начальника, будет разительно отличаться от поведения должностного лица, победившего на выборах. Второй куда более уверен в себе, демократичен, принципиален. Протекционизму он явно предпочтет опору на деловые и нравственные качества товарищей. Он знает, что протекционизм компрометирует, лишает авторитета. Он много советуется, зато упорен и смел в отстаивании выводов, к которым пришел коллектив. Назначенное же должностное лицо постоянно ориентируется на человека, который сыграл главную роль в его назначении. Коллектив при этом отодвигается на второй план, ведь это не более чем вотчина, где надо добиваться неуклонного исполнения и подавлять самодеятельность. Назначения – благодатная среда для командно-административного стиля руководства. Руководитель избранный будет стремиться к расцвету возглавляемой им организации. Для руководителя назначенного это, как показывает жизнь, вопрос второстепенный.

Итак, секретарь, действительно избранный собранием, настойчив и принципиален в отстаивании нужд своей партийной организации и при этом предпочитает стоять не на местнических, а на общенародных позициях. Если бы мы покончили с назначениями и сделали выборность нормой и практикой партийной жизни, - а стремление к этому большое, то обстановка в стране уже была бы другая. Рухнула бы номенклатура, так любимая и лелеемая партийными чиновниками. Административным методам руководства был бы нанесен решающий удар. Смотришь, и критика снизу возродилась бы, ведь страха перед местью вышестоящих органов уже не было бы. Сами вышестоящие органы, избираемые в низах, уже были бы другими. Расцвела бы инициатива мест, никем не подавляемая. Диктат верхов, напротив, остался бы во дне вчерашнем. При этом, уверен, принципы демократического централизма не пострадали бы, а только больше ценились и уважались бы партийцами. Ибо жизнь быстро нашла бы точное соотношение между централизмом и демократией. Воля центра породила бы сознательную поддержку мест, как сумма их нужд и запросов; воля мест, являясь одновременно и их ростовой силой, не подавлялась, а поощрялась бы центром.

Если мы не отменим назначения, то скоро вновь утонем в бурных аплодисментах, угодничестве и чинопочитании, и привилегированное сословие начальников воздвигнет возникнет между собой и народом стену кастовой замкнутости, приобретет все черты третьего класса. Полной мерой получит она и то, что заслуживает больше всего – народную ненависть. Это уже было, но к взрыву не привело: пришел Горбачев, объявил перестройку и стравил пар. Однако отсутствие заметных сдвигов к лучшему вновь ведет к перегреву заскорузлого механизма власти. С каждым новым разом стравливать пар будет сложнее.

Мы ощутили, как страшна по своим последствиям пассивность рядовых коммунистов, равно как и пассивность беспартийных. И это наследие застойных лет одно из самых труднопреодолимых. От рядовых коммунистов должно зависеть гораздо больше. От них должно зависеть все. В своей партийной организации, а не у неформалов коммунисту нужны условия для самовыражения. В триединстве предлагать, решать, осуществлять ему нужно просторное поле деятельности в каждой составляющей. Тогда часть тех, кто сегодня тих и пассивен, воспрянет духом и скажет свое слово. Тем же, кто дальше предпочтет отмалчиваться в тени, кому не по душе бороться за торжество новых, высоконравственных человеческих отношений, лучше из партии уйти. Это лучше для партии. Уж слишком много балласта в ее некогда монолитных рядах. Оттого так велика инертность партийных низов, привыкших, что все решается за них и без них.

С некоторых вор в партию приходит мало людей, которые презирают соображения карьеры, совестливы и честны, обладают развитым чувством собственного достоинства. А ведь как раз эти люди имеют свой взгляд на пути выхода страны из затянувшегося кризиса. Они в состоянии вступиться за обездоленного. Они не упрекнут оппонента в инакомыслии, ибо видят в сопоставлении разных, часто противоположных точек зрения, важнейший стимул движения вперед. Они, по понятным причинам, ждут приглашения в партию, но все чаще не получают его. По догматической традиции прежних лет не принято приглашать в партию. Тем более, что райкомы, регулируя прием, выстроили очереди на много лет вперед. По мнению устроителей этой очереди, она тоже должна была подчеркнуть престижность членства в правящей партии. Практически она мало чем отличалась от очереди за благами. Я знаю прекрасных людей, которые вне партии только по той причине, что их туда не пригласили.

Еще недавно партию буквально штурмовали хваткие молодые люди с явно выраженными карьеристскими наклонностями. Пребывание в партии они рассматривают как трамплин для завтрашнего взлета. В устав и в программу они заглядывали лишь один раз, перед собеседованием. Сейчас предпринята попытка уйти от этого крайне невыгодного, крайне проигрышного для партии положения. Наконец-то перестали игнорировать беспартийных при подборе кандидатур на руководящие должности. И сразу поубавилось число желающих стать коммунистами. Действительно, разве нормально положение, когда только членство в партии открывает путь наверх? Да, в партию шли не столько для того, чтобы осуществлять ее программу, сколько за должностями, и это способствовало коррупции и падению авторитета партийцев. Я, например, не вижу сколько-нибудь существенной разницы между коммунистами и беспартийными. Последние часто более добросовестны в работе и более последовательны и тверды в соблюдении норм морали. Убежденные сторонники перестройки и чистых, неоказененных, необюрокраченных человеческих отношений, они идут в неформальные объединения и там раскрывают свои способности. А мы удивляемся активности, напористости и самоотверженности неформалов, забывая о том, что туда идут люди, которые слишком долго ждали своего часа.

Партия засорена сынками и доченьками функционеров всех рангов, на убеждениях и жизненной позиции которых в полной мере сказалась безыдейность и беспринципность родителей. Не потому ли в партийных комитетах столько инструкторов, не знакомых с низовой работой и не умеющих инструктировать? Они в состоянии выполнять только функции передаточного звезда. Врастая в партийные аппараты без опыта и знания жизни, они невольно становятся пособниками казенного, бумажного стиля руководства. Самостоятельность их пугает, они не дорастают до нее и в зрелом возрасте. Роль исполнителей устраивает их на всех уровнях партийной иерархии. И вот мы имеем ситуацию, когда в партии много функционеров и мало подвижников. Энтузиасты и бессребреники первых послереволюционных лет, в кого превратились ваши внуки? Молчат герои, почившие своей смертью или убиенные в застенках НКВД выстрелом в затылок. История не вдохновляет на новые дерзания. А как без них? Привыкшая командовать, номенклатура не любит подсказок снизу. А критики и нравоучений снизу не переносит. Наставления могут поступать только сверху, согласно незыблемым и почитаемым законам централизма. Не случайно предпочтение при приеме на партийную работу отдается добросовестным исполнителям. Люди же с аналитическим складом мышления и самостоятельностью суждений, умеющие обосновано возразить, предложить что-то свое, часто неординарное, отвергаются как трудные для взаимопонимания. Их непокладистость выпирает, иметь с ними дело не просто. Отсутствие же таких людей в партийных аппаратах очень сказывается на уровне и качестве всей работы. Декларируя свою приверженность новшествам и демонстрируя перестроечную активность, можно годами ничего не менять, годами не покидать наезженной колеи. Консерватизм на местах стал притчей во языцех. Ну и что? Новые люди и должны стать той будоражащей, исцеляющей силой, не задействовав которую, сопротивление противников перестройке не преодолеть. Все ограничится разговорами о крутом переломе (их и так слишком много), а затем – созданием видимости крутого перелома, торжеством той самой показухи, которую нам подсовывали вместо реальных перемен к лучшему и выдающихся мастеров которой недавние годы нам подарили в изобилии. И они, эти мастера и дизайнеры показухи, ой как тоскуют по большой работе.

Партийному работнику по-прежнему внушают, что он за все в ответе. Ибо за все в ответе партия. А человек, отвечающий за все, в жизни чаще всего безответен. Такая постановка вопроса на уровне ответственности и обязанностей каждого конкретного работника заставляет хвататься за все, подменять других. Ни к чему путному это не ведет, что жизнь, кстати, блестяще доказала. И не за все должен отвечать партийный работник, это ему не под силу. Для начала он пусть по-настоящему отвечает за постановку дела в первичных партийных организациях, которые курирует, за подбор и выдвижение кадров, им произведенный. За работу Советов пусть отвечают народные депутаты, ведь народ направил их в Советы не представительствовать. За результаты хозяйственной деятельности путь отвечают директора предприятий, отраслевые министерства, правительство, но не ЦК КПСС и его Политбюро. Партийные комитеты разучились влиять на производство через первичные парторганизации. Отдать распоряжение директору привычно. Но экономика воспринимает такие распоряжения как удар палкой, ее ростовая сила глохнет и чахнет.

Не командовать – простите, а что это такое? Кто умеет, кто научит? Если одним с самой высокой трибуны многократно было сказано: «Не командуйте!» – то почему другим не сказали: «Не исполняйте других команд?» Дать такую команду – это какой сук под собой подрубить! И в состоянии ли руководитель назначенный не исполнить указание лица, благословившего его на должность? Перестать командовать – это, одновременно, и перестать назначать. Многие ли представители нашего командного сословия пойдут на это по своей воле? Тут, наверное, нужны разъяснения, что же такое принципы политического руководства. Что это такое применительно к секретарю партийного комитета, к работникам его аппарата? Как это отвечать за все, но не командовать? Как это добиваться более высоких результатов без ежедневных указаний?

После ухода Брежнева из жизни страна стала получать некоторую информацию о деятельности Политбюро. Но краткие сообщения ни в коей мере не удовлетворяют интереса к работе этого высшего органа партии. Каждый член Политбюро – человек, личность, и мы хотели бы знать их и в этом качестве. Пока же мы знаем в этом качестве только генерального секретаря и в меньшей степени председателя Совета министров страны. Интерес к дебатам в Политбюро идет не от праздного любопытства. Гражданам чрезвычайно интересно знать, как каждый член Политбюро проявляет себя на ниве перестройки. Гласность в этом деле неотделима от нарождающегося контроля народа над правящей партией. Газета «Правда» могла бы посвящать еженедельным заседаниям Политбюро полосу, а то и две, концентрируя внимание читателей не на пересказе принятых постановлений, а на том, какие сталкиваются мнения, как преодолеваются разногласия. Кстати, Политбюро по-прежнему принимает массу постановлений по хозяйственным вопросам. Реализация же принципа «не командовать экономикой», выдвинутого Горбачевым, могла бы начаться с того, что все чисто хозяйственные вопросы решались бы в Совете министров СССР.

Вновь в прессе и на площадях звучат лозунги, казалось бы, навсегда решенные великим Октябрем. Власть – Советам! Земля – крестьянам! Многие вспоминают и третий ленинский лозунг «Мир народам», имея в виду возросшую напряженность в межнациональных отношениях и возникшее в связи с этим чувство дискомфорта, чувство неуверенности в завтрашнем дне у миллионов граждан. Нет нужны напоминать о не загашенных кострах межнациональной розни, их жар опаляет всех, и невольно спрашиваешь себя, почему в человеке вдруг просыпается зверь, и почему человека, который говорит на другом языке и живет по другим обычаям, надо ненавидеть, а не уважать, как брата своего?

Как нам быть с землей, как быть с ничейной, то есть общенародной собственностью, вроде бы ясно. Решение этого вопроса обретает все более четкие контуры, сторонники многообразия форм собственности доводами своими и аргументами кладут оппонентов на лопатки. В то же время и до процесса, обратного коллективизации мы все еще не доросли, не дожили, и Егор Кузьмич Лигачев тверд и упорен в своей убежденности, что колхозы себя еще покажут. Наверное, голод и мор надо пережить, чтобы решиться на деколлективизацию. Хотя, по нынешним временам, достаточно и того, чтобы мы умом на этот счет хорошо пораскинули. Робко, ощупью и как бы в потемках возвращаемся мы к ценностям, которые однажды отринули: как сознаться, что ничего лучшего взамен не получили? Надеялись изумить мир щедростью коллективного достархана, да вдруг сами поразились его скудностью. Как бы там ни было, законы о земле, о новых отношениях собственников не за горами. И Верховный Совет должен постараться, чтобы соцбюрократия не сделала их половинчатыми.

Чем не удовлетворяет народ власть нынешняя? Не тем, конечно, что она в руках правящей партии, вернее, ее комитетов, а самим своим казенным характером, тоталитаризмом, ее пронизывающим, оторванностью и отдаленностью народа от власти, приматом государственных, так называемых высших интересов над интересами простого человека. Власть Советов – а в Советы народ посылает своих представителей, и в его силах проследить, чтобы за него этого больше не делали, - власть Советов сегодня народу ближе и понятнее. У нее меньше таинств, меньше непредсказуемости, и она все же более направляется теми, кому должна и обязана служить. Процесс, который, по идее, должен возвратить

Советам полновластие, только разворачивается. Он не стремителен, как все наши реальные перемены; никто от власть имущих не торопится от нее отказаться. Столкновение интересов неизбежно. Предложение, чтобы секретари партийных комитетов возглавили соответствующие Советы, в какой-то мере снизило остроту противостояния. Но еще неизвестно, захотят ли такого совмещения избиратели. Выборы в Совет народных депутатов СССР показали, что партийным лидерам на местах далеко не всегда отдавалось предпочтение. И то, как реально будет убавляться власть партийных комитетов и приращиваться власть Советов, от Верховного до поселкового и сельского, какие для этого будут приняты постановления и законы, наверное, сейчас самое интересное в нашей действительности. Именно тут разыграется (уже началось!) главное кипение страстей и столкновение интересов. Оно может завершиться неожиданным рывком в сторону от демократии. У людей старшего поколения сильна тоска по непререкаемой власти, они смущены вторжением в нашу жизнь демократии, не знают, как ею пользоваться, сомневаются, что она будет полезна советскому обществу.

В новом уставе КПСС должны быть очерчены права и обязанности ЦК, Политбюро, их воздействие на жизнь в правовом государстве. Пока это воздействие всеобъемлющее, и недавний наш Верховный Совет по существу играл роль секретариата Политбюро, трансформируя его указания в законы. Должно ли это всеобъемлющее воздействие Политбюро на нашу жизнь и завтра оставаться таким же? Большинство отвечает: «Нет». Нет хотя бы потому, что рядовые коммунисты никакого влияния на формирование этого на сегодня высшего в стране органа власти не оказывают, их просто ставят перед свершившимся фактом. В правовом государстве жизнь должна определяться конституцией, а не уставом правящей партии. Как реально поделят власть Политбюро и Верховный Совет, так реально будет поделена власть и на местах.

Власть партии осуществляется не посредством выполнения коммунистами постановлений, принятых партийными комитетами, а в основном посредством выдвижения и расстановки кадров руководящих работников всех рангов. Еще недавно каждый кандидат в депутаты отбирался в партийном комитете, а машина голосования не давала сбоев. 99,9 процента голосов, поданных за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных, отражали уже не повсеместное единодушие, а повсеместную апатию. Мы получали послушное, инертное, мало на что способные органы государственной власти. Новое положение о выборах в корне меняет дело. Теперь, выдвигая своих кандидатов, партия должна опробовать их популярность в народе. Своих, и без нажима извне, кандидатов выдвигают трудовые коллективы, общественные организации, неформалы. В этом процессе, в важнейшем процессе демократизации нашей жизни, - формировании Советов, - власть партии заметно поубавилась, перетекла к народу. Переходный период здесь нам являет состояние некоторой растерянности: ни партия, ни народ к такому положению еще не привыкли. Конечно, партия, как единый организм, оправится быстрее, то есть тоже пойдет по пути быстрой демократизации внутрипартийной жизни. Ведь ей крайне важно через устранение противоречий восстановить свое единение с народом.

Ну, а кадры руководителей другого ранга? Всегда ли будут номенклатурой партии директора заводов, председатели колхозов, профсоюзные и комсомольские лидеры, руководители творческих союзов, редакторы непартийных изданий? Или те, кем эти номенклатурные товарищи руководят, воспользуются правом сказать свое слово, поддержать своего кандидата? Десятки людей, и не коммунисты вовсе, с пеной у рта заявляли мне, что выборы директора – чушь собачья, что директоров необходимо назначать, и на Западе так и поступают. Тогда вопрос: почему это должен делать партийный комитет, а, например, не трест, не консорциум какой-нибудь, не отраслевое министерство? Не люди, более компетентные в данной сфере человеческой деятельности? Тут проблемы остаются, и Советы пока даже в подборе кадров для сферы обслуживания, здравоохранения и народного образования не вполне самостоятельны.

Многие считают, что дело вовсе не в том, кому будет принадлежать власть, партии или Советам, и в какой пропорции она будет распределена между ними, а в том, будут ли развязаны людям руки, и как будут соблюдаться их права. Все фокусируется на человеке, на том, будет ли он свободен в принятии решений. Работник давно мечтает быть хозяином на своем рабочем месте, не по минимуму получать за свой труд, не встречать препятствий при самовыражении. Не в том ли неуспех обобществления средств производства – и наших, и в других странах, что обобществлению не поддается величайший генератор идей – мозг человеческий? Ведь нет производительной силы выше этой.

Таковы насущные нужды работника, и власть обязана удовлетворить их. По традиции она называется народной. Чтобы стать народной по самой своей сути, она должна пройти длительный процесс гуманизации, вобрать в себя такие извечно важные для человека нравственные начала, как справедливость, милосердие, внимание. Казенный характер отношений роняет авторитет власти. Она очень нуждается в притоке свежих сил, в опоре на людей, разбуженных перестройкой. Она очень нуждается в том, чтобы демократические принципы и начала пропитали каждую ее пору. Демократия не должна зависеть от государства, это всегда кончалось плачевно. Демократия должна стать неотъемлемой частью власти, причем важнейшей ее частью. Нам мало быть великой державой. Мы хотим быть еще и страной счастливых людей.

111.

Как-то, еще несколько лет назад, до нынешнего обострения в межнациональных отношениях, до Алма-Аты, Сумгаита, Ферганы, я попытался подвести итоги, чего мы достигли в национальном вопросе. Время было самое тихое, - его потом назовут застойным, армяне не требовали еще выхода Нагорного Карабаха из Азербайджана и его вхождения в Армению, а азербайджанцы не блокировали доставку грузов в Армению. И тем не менее то, что я видел вокруг, то, как фактически складывались у нас межнациональные отношения, заслуживало оценки «мирное сосуществование», и только. Хотя официально эти отношения именовались братскими. У нас и человек, согласно официальному лозунгу, был тогда другом, товарищем и братом всем и каждому, хотя преждевременность этого лозунга все более проявлялась. Ну, не видел я братства в межнациональных отношениях. Убавлялось и взаимное уважение. А тихое, повторяю, было время. Теплых и тесных уз дружбы, братства я не чувствовал, но и до нынешнего дискомфорта было далеко. Были, разумеется, и узы, но они уже утратили прочность стержня, так как носили, скорее, какой-то исключительный характер. Терпимость и внутреннее побуждение, внутреннее принуждение к терпимости – вот как, чаще всего, называлось то, что я видел у нас на Востоке. Два русла жизни, национальное и европейское, существовали на параллельных курсах. Соприкосновение в тысячах и миллионах точек всегда ограничивалось минимальным переливом из одного русла в другое: потоки несли несмешивающиеся жидкости.

Невольно вспоминалось утверждение Киплинга о том, что Западу и Востоку не суждено сойтись в силу несовместимости их нравственных и философских начал. Действительно, Восток разительно не похож на Запад всем тем, что составляет внутренний мир человека, его духовные ценности. Хотя несомненно и то, что есть общее, идущее от забот о хлебе насущном и крыше над головой, о завтрашнем дне для детей и внуков. Если Запад у нас ассоциируется с крепкой деловой хваткой, с практичностью, которая опирается на теснейшее содружество с наукой, с изобретательством, с изначальным уважением прав человека и иного мнения, то Восток – с созерцательностью, которая легко уживается с фанатизмом, с традициями, строго регламентирующими поведение мусульманина, с иерархией, указывающей человеку его место в обществе, круг его обязанностей, прав и ответственности. Покорность судьбе, алогично соединенная с полным неприятием чужой воли, чужого образа жизни – вот вам современный Афганистан. Хотя кровь, пролитая в Афганистане, вопиет о том, что в конце XX века нельзя делить кровь человеческую на нашу и не нашу.

Отдаленность от демократических начал продолжает оставаться весьма характерной для Узбекистана, особенно для его глубинных районов. Коррупция и казнокрадство, недавние ежегодные приписки по миллиону тонн хлопка-сырца с взиманием у государства оплаты как за реально произведенный хлопок были восприняты в республике без взрыва народного гнева. Их осуждение было гораздо более показным, чем идущим из глубин человеческого естества. Зато каждое новое послабление в борьбе с коррупцией встречается громким вздохом облегчения. По традиции имущество соседа неприкосновенно, имущество государства – нет. Сосед может вообще не запирать двери, а государственное достояние не сохранят и самые хитроумные запоры. Ключи-то находятся у должностных лиц, которые не заинтересованы в сохранении доверенного им добра. Ведь по другой, пришедшей к нам от древних времен традиции должность должна кормить, а на нынешнюю зарплату большую семью как содержать? В Бухарском эмирате чиновникам не платили, но ни один из не влачил жалкого существования. Должностное лицо любого ранга ревностно претворяет в жизнь принцип единоначалия. Подчиняясь командам сверху и уважая начальника, их отдающего, оно стремится иметь в отношениях с подчиненными развязанные руки. Демократия, встревая в такие отношения, только все путает и осложняет. Иными словами, она мешает чиновнику творить свое чиновничье дело. Не случайно процесс демократизации советского общества вызвал в среднеазиатских республиках острейшую тягу к национальной обособленности. Большим деньгам, осевшим в карманах заправил хлопкового и иного бизнеса, тесно не с русскими. Им тесно в рамках наших производственных и правовых отношений.

Ждут еще кропотливого объяснения кровавые события в Фергане. Взрыв ненависти к маленькому народу турков-месхетинцев, который по злой сталинской воле оказался в Узбекистане, потряс Союз силой своего фанатизма. Многие в республике придерживаются мнения, что турки спровоцировали этот акт, что они виноваты сами. За этими утверждениями, однако, никогда не следовали разъяснения, в чем их вина и почему им нельзя жить в Фергане дальше. Словно это традиционно запретная тема. Вероятно, на бытовом уровне постоянно происходили какие-то недоразумения, стычки, взращивавшие неприязнь. Люди, по долгу службы прошедшие с погромщиками весь путь бесчинств от начала и до конца, , утверждают, что события спровоцированы и подготовлены местной мафией, не поделившей мирным, компромиссным путем с турками-месхетинцами доходные места в торговле и общепите, автосервисе и так далее. Судя по тому, как квалифицированно направлялись события, по накалу их ожесточенности, эта версия довольно близка к действительности. Но на скамье подсудимых мы видели пока лишь рядовых участников погромов и убийств, а не представителей мафии. И чего, в таком случае, стоят наши правоохранительные органы, под

«недремлющим» оком которых мафия разжирела настолько, что способна разворачивать масштабные боевые действия?

Реакция властей на события была явно пассивной, они растерялись и перестали контролировать ситуацию. Кстати, такие острейшие кризисы всегда обнаруживают отрыв власти аппаратной, чиновничьей, казенной от народа. Вмешались войска специального назначения. Время идет, а имена тех, кто направлял бесчинствующие толпы молодежи, народу пока неизвестны. Между тем, значительная часть интеллигенции Ташкента разделилась на тех, кто осуждает Ферганские события, и тех, кто осуждает, как эти события освещались в центральной прессе и на телевидении. Симптоматичное расслоение. Столбовая дорога человечества – единение. Нет сомнения, что к двухтысячному году оно придет более сплоченным, преодолев и погасив массу разногласий. Параноики и шизофреники, конечно, могут пророчить свое, но человек разумный внимать их призывам не станет. Кстати, ни одна из мировых религий не пошла по пути человеконенавистничества, преследования людей по признаку национальности, веры.

Ферганские события заставили русскоязычное население республики задуматься о своем завтрашнем дне. Есть ли здесь перспектива у детей, или лучше уехать в Россию? Кое-кто уезжает. В Фергане, городе русскоязычном, заявки на железнодорожные контейнеры сделаны на много месяцев вперед. Не власти должны на этот вопрос ответить, цена их заверениям известна, а сама жизнь. А как раз она ответа конкретного и определенного пока не дает. Напряженность существует. Я сам был свидетелем, как толпа молодежи на Комсомольской площади в Ташкенте, кружась в огромном хороводе, скандировала антирусские лозунги. Юношам разъяснили, что они ведут себя нехорошо, что русские не виноваты в низком уровне жизни, безработице, других бедах республики. Но ведь не из кишлаков своих студенческая молодежь привозит в столицу Узбекистана антирусские настроения. Они умело подогреваются отдельными представителями столичной интеллигенции. Не от сохи, не от станка идут эти настроения, и об этом необходимо помнить. На уровне сохи и станка межнациональных противоречий, розни нет, а есть представление о том, что населяющие республику народы не могут быть счастливы порознь, не могут прийти к достатку и благополучию каждый своим путем, а только вместе. Однако есть на этом уровне и вызывающая досаду социальная инфантильность, пассивность: пусть власти сами разбираются с наболевшим.

Власти несколько лет приходили в себя от рашидовского шока, от неприятно близкого знакомства с правоохранительными органами, и были мало на что способны. В последнее время положение, похоже, резко меняется. Новый первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Ислам Каримов человек дела, и чувствуется, что у него твердая рука. Главное же, чувствуется, что у него есть свой, часто неординарный взгляд на то, каким путем идти дальше. Принято решение о наделении семей сельских тружеников землей, в размере до четверти гектара. Это решение огромной принципиальной важности. Ведь в староорошаемых оазисах, в той же Ферганской долине, десятилетиями не нарезались новые приусадебные участки, и дети вынуждены были ставить дома рядом с домами отцов и дедов, на участке площадью 0,12 гектара. Для огорода, сада, виноградника не оставалась ничего. Землю получит примерно миллион семей. Социальная напряженность на селе сразу пойдет на убыль. Известно, что земля в личном секторе используется вдвое продуктивнее, чем в общественном. И, раз это давно известно, остается только сожалеть, что в руки дехкан попадет лишь четверть миллиона гектаров. Начало, однако, положено, и поблагодарим людей, которые не побоялись кардинальных мер. Ведь предыдущее руководство только лавировало и заверяло. И было бы совсем хорошо, если бы в процессе наделения крестьян землей удалось их оградить от посягательств руководителей хозяйств, районного звена на получение мзды за землю. Ведь принято решение о наделении сельского труженика землей, а не о ее выкупе.

Второй больной вопрос – создание новых рабочих мест для молодежи. Их требуется много, не менее двухсот тысяч ежегодно. И по этой части заверений от своих руководителей республика получала более чем достаточно. Делалось же ой как мало. Для ежегодного 4-процентного промышленного производства, а более быстрыми темпами мы вперед пока не шли, новых рабочих мест на заводах и фабриках вообще не нужно. Нужен рывок, а есть топтание на месте. Рывок сегодня можно сделать, только опираясь на фундамент новых технологий. А это – инвестиции, поиск путей сотрудничества с зарубежными странами, экспортирующими, за хорошую плату, конечно, свои знания. Это создание зон свободного предпринимательства, претендентов на которые в стране немало. Аксакалы, помнящие еще годы новой экономической политики, предлагают свой вариант ускоренного развития, но только не взамен первого, а в дополнение к нему. В годы нэпа в крае, при отсутствии крупной фабрично-заводской промышленности, процветали кустари и ремесленники. Ткани, одежда, обувь, посуда, мебель, строительные материалы – вот что они делали. Законы об индивидуалах и кооперативах позволяют сравнительно быстро и без расходов со стороны государства возродить промыслы, создать в кратчайшие сроки десятки тысяч семейных предприятий. Япония не бедная страна и не последняя в ряду индустриально развитых – семейные предприятия там процветают. Но без оптового рынка на средства производства, без рынка вообще семейные предприятия невозможны. На одном местном сырье, на отходах,

в вечных просителях далеко не уедешь. Кстати, в условиях открытого рынка семейным предприятиям легче ориентироваться на новые технологии, чем крупным государственным, которые за 70 советских лет так и не смогли повернуться лицом к человеку.

Обращение к социальным нуждам, реальная программа их удовлетворения способны сплотить людей разной национальности, погасить вспыхивающее там и тут пламя межнациональной розни. Хотя очаги эти, их открытое пламя чаще всего не следствие самовозгорания. Командно-административная система, разжиревшая на коррупции, ой как тоскует по твердой руке. И если страна будет ввергнута в хаос межнациональных распрей, если народные фронты потянут республики из Союза, погибель нарождающейся демократии и возвращение твердой руки почти неизбежны. Платформа КПСС по национальному вопросу нацеливает на соединение усилий по возрождению страны: общие интересы много сильнее центробежных сил. Впрочем, вся земля стремится сейчас к единству, и границы все более становятся анахронизмом.

Да, преодолевать, на пути к лучшей жизни, нам приходится одни и те же завалы. Чего хочется больше всего человека, вдохнувшего свежего воздуха свободы и демократии? Развязанных рук ему хочется, избавления от пресса догм, которые до недавнего времени определяли образ его мыслей и сами поступки. Жалко ему себя, конечно, от осознания того, что винтиком он был безголосым, что от него ничего не зависело. Но жалость к себе преодолима, если действительность открывает поле для самовыражения. А такое поле открыто сегодня для посева. Человек уже осознал и полюбил свободу внутреннюю. И тут же увидел, как тяжела инерция, мешающая прийти к свободе поступков, мешающая перестроить, на основе праведности, человеческие отношения, само человеческое бытие.

Революция совершалась с великой надеждой, что жить люди будут лучше. Мы знаем, что удалось нам, что – нет, на чем замешаны наши большие и маленькие беды. Смысл нашего Союза в единении надежд на лучшую жизнь с усилиями по их осуществлению. Негоже забывать, что пришло к нам в советские годы. И мне довелось покрутить скрипучую ручку колодезного ворота, готовить уроки при керосиновой лампе, и у меня жадно загорались глаза при виде горбушки хлеба. Где теперь все это? В безвозвратном прошлом. Взвешивая сегодняшний достаток, однако, видишь, что другие страны успели добиться большего. И надо внимательно присмотреться, как и почему это произошло. Как сельскохозяйственные в недавнем прошлом Южная Корея, Малайзия, близкая к нам Турция, не имевшие сильного и многоопытного рабочего класса, в течение жизни одного поколения прекратились в промышленно развитые, богатые страны. Видя это, особенно остро ощущаешь, что нам нужны иные, не похожие на вчерашние пути развития. Сегодня способность учиться, способность перенимать лучшее, брать его всюду, где оно есть, гарантирует быстрое продвижение вперед. Правда, теперь нам заявляют, что переходный период будет длиться чрезвычайно долго, чуть ли не четверть века. Это неприемлемо. У страны достаточный производственный и интеллектуальный потенциал, что не через двадцать пять лет, а через пять лет кардинальным образом улучшить условия жизни советского человека. Эх, если б не косность великая наша!

В это непростое время меня особенно привлекают искания молодежи. У молодого поколения есть многое для того, чтобы гармонично вписаться в современную жизнь. Я мечтаю о таком положении, чтобы юноше, который родился в Узбекистане, были в равной мере открыты и доступны все четыре стороны света, весь тот голубой простор, который до преклонных лет будоражит воображение.

Возражая, мне могут сказать, что я вырос в других традициях, надо мной довлеют иные духовные ценности. Есть отчий дом, есть притяжение родного порога, которое не слабее земного. И, отдавая должное традициям и обычаям, в центре которых отчий дом, отдавая должное нравственным ценностям, которые на этом фундаменте покоятся, я считаю, что открытость и доступность всех четырех сторон света, готовность считать все четыре стороны света своими только помогут юноше-узбеку вступить в самостоятельную жизнь, вступить на равных с такими же юношами, которые выросли в Москве, Нью-Йорке или Берлине. Однако открытость и доступность четырех сторон света не приходит сама собой. Образование, воспитание, психологический настрой, высокие патриотические цели, поставленные перед молодым человеком родителями и страной – вот составляющие открытости и доступности всех четырех сторон света. Да, первопроходство – удел сильных. Но кто хочет, чтобы его дети вырастали слабыми, сторонились иноплеменников? Они должны знать, уметь и хотеть в том же объеме, нисколько не меньше, в каком знает, умеет и хочет молодежь мира.

Чем богаче страна, чем выше ее интеллектуальный уровень, тем меньше ей нужны границы или барьеры, их заменяющие – административные, языковые и другие. Не устану повторять, что единение – столбовая дорога человечества. Доказательств и подтверждений тому масса. Но ведь сам процесс единения возможен лишь на определенном, весьма высоком нравственном и культурном уровне и потому, что русский при этом продолжает оставаться русским, узбек – узбеком, японец – японцем. Едва ли возможно какое-либо продвижение по столбовой дороге человечества без того, чтобы, к примеру, русский, оставаясь русским, не уважал узбекское в узбеке или японское в японце. Уважение к языку, традициям и обычаям

других народов сегодня непременный элемент духовного облика молодого человека, которого общество подготовило к вступлению в самостоятельную жизнь.

Наше время – время стремительного взлета таких ценностей, как национальное самосознание, культура, история. И это при том, что культура межнационального общения в нашей стране складывалась веками. Взаимный учет, взаимное уважение нужд и интересов людей разных национальностей наполняют межнациональные отношения конкретным содержанием, направляют их в русло сотрудничества. Русский в Узбекистане не может быть счастлив без того, чтобы не был счастлив узбек. Это аксиома. И первое, что нам предстоит сделать совместно – это уйти от бедности, от низкого уровня жизни. И так ли уж важно, кто из нас при этом на каком языке будет говорить?

Опыт совместного проживания людей разных национальностей учит, что ничто их так не сближает, как совместная работа по достижению такого качества жизни, которое бы удовлетворяло всех. Этот путь позволит раскрыть способности каждого, на каком бы языке он ни говорил и из каких бы ценностей ни состоял его внутренний мир. Это факторы созидательные. Рядом с ними присутствуют и факторы разрушительные: коррупция, национализм. Борьба того, что идет от реформ Горбачева, от насущных потребностей честного человека, с тем, что буйно расцвело в застойные годы, и определяет сегодня реальную атмосферу межнациональных отношений. У народа есть средства и способы оздоровить эту атмосферу, насытить ее кислородом доброжелательства. Мне кажется, что исследования в области национальной политики должны прежде всего планировать такое удовлетворение запросов людей разных национальностей, в результате которого никто, за исключением разве что экстремистов (им никогда не угодишь), не почувствовал себя ущемленным.

Сегодня укреплять и оздоравливать страну означает, прежде всего, укреплять и оздоравливать все то, что нас соединяет. А простор-то какой впереди! Рухнули догмы, и открылись дали действительно светлые. Впервые мы начинаем жить с развязанными руками. И нам ли, имеющим за плечами такой опыт и такие уроки, пачкать наши души рознью и неприязнью?

x x x

«И этот не обошелся без очернительства!» – могут бросить мне со злостью. И бросят, не сомневаюсь. Это не так. Стыд, великий стыд движет моим пером. Стыд за прошлое, за наших руководителей, так нелепо тративших богатейший созидательный потенциал народа, и за себя, вынужденного выполнять столько показушной, бездарной, никчемной работы.

Но есть еще надежда.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ: ПОИСКИ МОБИЛЬНОСТИ

Узбекистан многолюден. Это впечатление не одного дня и не одного года. Можно пересечь благодатную Ферганскую долину с севера на юг и с востока на запад, и все время будет казаться, что едешь одной непрерывной, нескончаемой стокилометровой кишлачной улицей. Мелькнут разводья полей, ряды тутовых насаждений, - и снова дома, дома, дома. Близ центров этих населенных пунктов людской поток осязаемо плотен, и будни не меняют этого ощущения. В республике семьи были, есть и еще долго будут многодетными. Поэтому плотность населения на землях древнего орошения велика чрезвычайно. И триста, и пятьсот человек на одном квадратном километре оазисной территории – это норма, и люди все заметнее чувствуют локоть и плечо друг друга, когда устраиваются на работу или пытаются поменять ее на более близкую душе и сердцу или лучше оплачиваемую.

Сегодня в республике 18 миллионов жителей, а на рубеже тысячелетий будет на семь миллионов больше. На селе, а часто и в городе под одной крышей, в одном дворе дружно живут старики (двое), их дети (четыре – восемь человек), дети их детей (двадцать – тридцать человек). И каждый знает свое место, свои обязанности, свою ответственность перед домом и землей, на которой он стоит, и оттого в больших узбекских семьях царит порядок, цементирующий их в организм прочный и жизнестойкий, не позволяющий центробежным силам провести свою разрушительную работу. В таких условиях индивидуализму и эгоизму трудно поднять голову, утвердиться. Эгоцентрические наклонности умело подавляются старшими, и это, наверное, к лучшему. Общество лишается нескольких ярких индивидуальностей, но пополняется сотнями трудолюбивых добросовестных работников, которые с видимым старанием выполняют порученное им дело.

Привязанность к родной земле велика, корни глубоки и прочны, и это делает кишлаки все более многолюдными. Не менее быстро растут и города. В Узбекистане их сегодня 132. Причем 111 из них стали городами в советское время. А Ташкент превратился, стараниями республики, а после землетрясения 26 апреля 1966 года и всей страны, в супергород, число жителей которого перевалило за два миллиона, и который имеет все то, чем обладают современные большие города в развитых странах: крупную разностороннюю индустрию, а также соответствующие ей жилищно-коммунальное хозяйство, инфраструктуру, сферу обслуживания. Некоторые из новых городов стали серьезными промышленными центрами. Так, в Чирчике с его развитой химической, машиностроительной и электротехнической промышленностью проживает 153 тысячи человек, в столице Каракалпакии Нукусе – 139 тысяч, Карши – 132, Ангрене – 122. В самом молодом из них, Марджанбулаке, завтрашнем центре горно-металлургической промышленности, пока лишь первые тысячи жителей, но перспективы таковы, что у этого города еще будет слава Алмалыка.

И все же в городах республики живет всего 7,5 миллиона человек, а 10,5 миллиона – сельские жители. Они выращивают хлопок и кенаф, рис, овощи, фрукты, выкармливают тутовый шелкопряд. Они возделывают четыре миллиона гектаров орошаемых земель. Поливная пашня – главное богатство нашего края. Земля, родящее белое золото – хлопок, поистине бесценна. Наша земля славится хлопком, хлопок – наша основная специализация в общесоюзном разделении труда, за хлопок Узбекистан отвечает перед страной. Все остальное, чем мы богаты и что приносим на общесоюзный достархан – шелк и самолеты, газ, медь, золото – сотни наименований продукции наших заводов, проектных институтов и конструкторских бюро, - идет следом за хлопком, второй строкой. Хлопок в нашем солнечном крае всему голова, и в страду вооружаются фартуком сборщика седобородый аксакал, давно получающий пенсию, и юный школьник, домохозяйка и инженер, ибо каждый чувствует личную ответственность за судьбу урожая.

Распределение населения между городом и селом, анализ его роста, занятости и других демографических факторов позволяет сделать определенные выводы. Если в городах производится промышленной продукции на 24 миллиарда рублей (год 1985), а на селе, где жителей тремя миллионами больше, сельскохозяйственных продуктов производится на десять миллиардов рублей, то сам собой напрашивается вывод о преимуществах, и в первую очередь, высокой продуктивности индустриального труда, о необходимости ускорять рост городов и развитие в них промышленности и сокращать непомерно разросшееся сельское население, благо тот же объем продукции можно получить, используя вдвое и втрое меньшее количество рабочих рук. Ведь в СССР как раз обратное соотношение между городским и сельским населением. Горожане давно и прочно превалируют, села продолжают терять работников. Город манит интересными профессиями, нормированным рабочим днем, комфортом, разнообразным досугом. И село вынуждено отпускать молодых: насильно мил не будешь, и не уговоры держат сегодня человека на том или ином месте и при том или ином деле, а сумма усилий, каждое из которых тщательно им учитывается и взвешивается. У нас тоже наметился отток молодежи из кишлаков, но высокий естественный прирост сельского населения с лихвой его покрывает. К тому же, статистика говорит о том, что из каждых ста уехавших 63 в конце концов возвращаются в милый сердцу родительский дом и вторично его уже не

покидают. Трудоизбыточность сельских районов, особенно земель древнего орошения – Ферганской, Зарафшанской долин, Хорезмского оазиса продолжает быстро расти. И вопрос о том, как эти многие и многие тысячи рабочих рак лучше использовать, перестает быть вопросом чисто хозяйственным, все более приобретает социальный оттенок, социальную значимость.

Из 18 миллионов жителей Узбекистана 6 миллионов человек занято в народном хозяйстве, науке, культуре и управлении, миллион учится, два миллиона ведет домашнее и личное подсобное хозяйство. Эти два миллиона – многодетные женщины, более половины которых, по данным опросов, желало бы работать при создании благоприятных условий (близкие работа и детский сад, иногда – неполный рабочий день, и так далее). Обращает на себя внимание сравнительно небольшая численность фабрично-заводских работников и значительное число домохозяек. Не будем, однако, забывать, что индустриализация в нашем крае началась практически с нуля, с нескольких хлопкоочистительных, маслобойных, кирпичных заводов и железнодорожных мастерских. А ныне промышленность представлена более чем ста отраслями, отдельные из которых (производство хлопкового волокна, цветных металлов, добыча природного газа, самолетостроение) имеют общесоюзное значение.

Перенасыщенным рабочими руками остается наше село, сельское хозяйство. Собственно, перенасыщенность села работниками не остается постоянным, а растет во времени. Село становится все более трудоизбыточным. И если исключить целинные районы Голодной и Каршинской степи, а взять сложившиеся оазисы, то в них председатель колхоза или директор совхоза давно уже ставит двоих или троих туда, где вполне может справиться один. А что прикажете делать? Эти люди не хотят покидать родной кишлак, родную среду. Они согласны довольствоваться (и довольствуются-таки!) малым, а безработицы у нас нет, быть не должно и не будет.

Сколько же лишних рабочих рук таит в себе наша сельскохозяйственная глубинка?

Работники государственного комитета по труду говорят: двести тысяч. И тут же добавляют: это минимум. И тут же дают понять, стыдливо отводя глаза, что сколько-нибудь точными данными в разрезе каждого кишлака и района не располагают, что таких подсчетов серьезно никто не вел и реальные данные, скорее всего, в несколько раз выше их осторожных предположений. И эта приблизительность в подсчетах, откровенно говоря, очень настораживает. В наше время, когда и копейка счет любит, когда работники статистики собирают и обобщают данные по тысячам показателей, не знать, сколько в том или ином кишлачном совете трудоспособных, сколько из них занято в колхозах и совхозах фактически и сколько должно быть занято при научной организации труда, – значит, не быть рачительным хозяином. И планирующие органы, которые привыкли иметь дело с точными исходными данными и которых приблизительность ставит в тупик, все еще очень осторожны в своих проектах увеличения занятости. У них перед глазами пример крупных текстильных предприятий, построенных не так давно в Бухаре, Нукусе и других областных центрах. Они долгое время оставались недоукомплектованными, а во вторую смену просто пустовали, хотя заверений от местных органов власти о наличии богатейших неиспользованных трудовых ресурсов было предостаточно. Да, трудовые ресурсы были и есть, и были благодушные заверения о том, что новые производства, конечно же, не будут испытывать затруднений в кадрах. Обещать у нас научились. А вот подкрепить заверения делом, кропотливой разъяснительной и организаторской работой не потрудились. Вывесили объявления о наборе рабочих и успокоились. А надо было о многом рассказать людям, пойти в дома, в семьи, поагитировать в простой домашней обстановке. Переход от крестьянского труда к промышленному, от сельского уклада и образа жизни к городскому не так легок и прост, каким он видится в кабинетной тиши. Ломка привычных производственных отношений, приобретение новой профессии – процесс длительный во времени и болезненный в психологическом плане. У заводского конвейера свои законы. И по сей день новые текстильные комбинаты, обросшие филиалами, да и не только они, не в состоянии набрать рабочих на вторую смену. Женщинам, вчерашним колхозницам, вечерняя смена не по душе (а их мужьям еже более не по душе), ведь в поле и на фермах ночью не работают.

Как видим, жизнь такова, что с нею надо постоянно советоваться. Все специалисты, причастные к нашим демографическим проблемам, согласны: да, избыток рабочих рук налицо, да, необходимо ускорить процесс индустриализации. Но как только теория с ее программными выводами уступает место практике, перестройке конкретных человеческих отношений, происходит сбой, прогнозы не сбываются, предприятия, филиалы и цехи в глубинке заполняются рабочими медленно и выходят на проектную мощность дольше, чем предусмотрено нормами, эффективность произведенных капитальных вложений снижается, запланированные результаты достигаются позднее. И в высоких инстанциях укоризненно разводят руками: что же это получается, дорогие товарищи? Средства, которые вы просите, мы даем, филиалы строим, а где же отдача? Почему она опаздывает?

Такая постановка вопроса очень уместна и просто необходима, ибо в нас очень сильна инерция, тяга к самотеку. Пообещали, заверили – и понадеялись на счастливое стечение обстоятельств, на то, что нужное дело само пробьет себе дорогу. А оно своей собственной ростовой силой еще не обладает, помочь ему надо, подтолкнуть. Вспоминаю разговор шестилетней давности с директором Бухарского текстильного

комбината (сейчас предприятие возглавляет другой человек). Он жаловался на то, что инженеры, приехавшие из Иваново, на комбинате не задерживаются, а голод на мастеров, начальников смен острейший. Спрашиваю: «А вы сколько лет директорствуете?» Седьмой год. Почему, говорю, в первый же год директорствования вы не послали в Ташкент, в текстильный институт, целевым назначением пятьдесят выпускников бухарских школ? Эти люди уже вернулись бы к вам с дипломами инженеров. «Я об этом тогда не подумал», - чистосердечно признался он. Но кто же будет думать о таких насущных вещах за директора, за главного инженера? За руководителей города, наконец? Как видно, причина низкой отдачи многих новых предприятий кроется не только в психологии человека, меняющего привычный, до мелочей знакомый и выверенный уклад жизни на новый, который хотя и сулит более высокий достаток, но связан с утратами и потерями, вносящими стойкий душевный дискомфорт. Эта причина кроется не только в длительности привыкания к новым реалиям, которые во многом – но ведь не во всем! – лучше прежних, но и в нашем неумении вдумчиво заглядывать в завтрашний день, предвидеть его.

С 1959 года население Советского Союза выросло значительно – на 30 процентов. За эти же четверть века число жителей среднеазиатских республик удвоилось. В Узбекистане ежегодный прирост населения составляет три процента. Это большой прирост. В десятой, десятой, а частично и в одиннадцатой пятилетках создавать адекватное ему количество рабочих мест не удавалось. Оттого и росло количество трудоспособных, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйствах. В одиннадцатой пятилетке, однако, этот процесс был замедлен, и только каждый шестой трудоспособный не вовлекался в сферу общественно-полезного труда. Причем на селе не у дел оказывался каждый третий человек, а в городе – каждый двадцатый. В городах работу находят практически все, было бы желание. И молодежь из кишлаков потянулась в города: охотно – на учебу, и менее охотно, подчиняясь необходимости – на постоянное место жительства. Этот поток статистика оценивает в 60 тысяч в год. Он не столь велик, как хотелось бы, и естественный прирост населения в городах все еще выше этого притока из села. Но в состоянии ли города республики принять более полнокровную человеческую реку? Нет. Их поглощающая способность определяется темпами развития промышленности, капитального строительства, сферы быта и используется практически полностью. Есть, конечно, и некоторые резервы, но о них – ниже.

Если страна решительно ступила на интенсивный путь развития народного хозяйства, если в большинстве ее регионов на естественный прирост рабочих рук рассчитывать не приходится, и путь решения народнохозяйственных задач видится один – всемерное использование достижений научно-технического прогресса, повышение производительности труда, опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом всех других показателей (и эти тенденции скрупулезно зафиксированы в планах на двенадцатую пятилетку), то для Узбекистана наряду с естественными процессами интенсификации приемлемыми и важными остаются пути экстенсивного развития, пути широкого создания заводов и фабрик, транспортных и строительных организаций и всего, что им сопутствует, пути резкого увеличения числа рабочих мест во всех отраслях народного хозяйства, пути переориентации агропромышленного комплекса на более глубокую переработку сырья с максимальным расширением кооперационных связей. Оба эти факторы (интенсификация производства и развитие индустрии вширь и вглубь) должны быть тщательно обсчитаны экономистами и плановиками до гармоничного сочетания. Если этого не делать (а предыдущие пятилетки показали, что демографические особенности республики серьезно во внимание не принимались, и ей планировались те же темпы роста производительности труда, что и стране в целом, ну, чуть-чуть ниже), то ежегодное увеличение численности населения более чем на полмиллиона человек властно вносит свои коррективы. Безработных у нас нет и быть не должно, это аксиома. Люди устраиваются, не сидят без работы, но на месте одного иногда работают двое, и ни один из показателей роста производительности труда в городе и на селе не выполняется. Объемные показатели растут: тут планы в основном выдерживаются, но только не за счет повышения производительности труда. Сама жизнь опровергает механическое, бездумное перенесение показателей роста, взятых в целом по стране, на Узбекистан. Рост производительности труда получается иной, намного ниже запланированного, и корректировку вносят те сотни тысяч юношей и девушек, которые ежегодно пополняют число работающих.

Особенно трудоизбыточно село. Чем, как не этим, объяснить тот факт, что при непрерывном насыщении села техникой производительность труда земледельца за последние двадцать лет практически не выросла? Там, где можно использовать технику или человеческие руки, выбор часто делается в пользу человеческих рук. Ибо нужно дать работу и заработок как можно большему числу людей. Так, в Ферганской долине при наличии многотысячного парка хлопкоуборочных машин большая часть урожая снимается руками, машины же стоят на приколе. Объяснения потом даются разные: и машины-де несовершенны, оставляют много хлопка на кустах и земле, и дефолиацию мы передвинули на более поздние сроки, чтобы накопить еще на каждом гектаре по паре центнеров сырца. Обилие же в хозяйствах людей, как главная причина антимеханизаторских настроений, вовсе выпадает из поля зрения. Что хлопкоуборочные машины, при всем их несовершенстве, достаточно эффективны и надежны, я не раз

убеждался сам. В тех хозяйствах, где на машины рассчитывают и к их применению готовятся, потери совсем невелики, и опыт Ташкентской и Сырдарьинской областей, выполняющих план машинной уборки из года в год, всецело подтверждает это.

Между прочим, в статистических данных можно найти весьма простое, но достаточно объективное объяснение плачевного положения с ростом производительности труда в сельском хозяйстве Узбекистана. Из данных всесоюзных переписей следует, что за период с 1959 по 1989 год сельское население страны уменьшилось на 10,5 миллиона человек. За этот же период в республиках Средней Азии оно выросло более чем на шесть миллионов человек, в том числе в Узбекистане – на четыре миллиона. Отсюда и чрезвычайно низкая нагрузка на работника (1,3 гектара в колхозах и 2,5 гектара в совхозах вместо расчетных 3 – 5), и низкая, в полтора раза ниже, чем в среднем по стране, выработка в рублях. Отсюда и общие невысокие заработки наших сельчан, и повышенное внимание к подсобному хозяйству, которое дает почти половину мяса, молока, овощей и фруктов, производимых в республике.

Кстати, в последние годы выделение новых приусадебных участков для молодых семей на староорошаемых землях приостановлено, и это в известной степени способствует оттоку сельской молодежи в города и целинные хозяйства. Жизнь подсказывает, что необходима четкая, тщательно продуманная система экономических и организационных мер, стимулирующая отток избыточного сельского населения в города, а также и за пределы республики, в районы интенсивного освоения минеральных ресурсов, лесных богатств и так далее. Выдачей пособия, даже крупного, и предоставлением жилья проблемы не решить. Прежде всего следует позаботиться о том, как преодолеть дискомфорт, в который попадают вчерашние земледельцы, сыновья и дочери кишлаков, на новом месте в городе, а тем более за пределами республики, в иной языковой и культурной среде. Стимулирующая роль более высокого заработка, получения престижной специальности, обретения самостоятельности сама по себе достаточно притягательна, чтобы завладеть воображением молодого человека. Но велика и привязанность к отцу и матери, к родной семье, к родному дому и кишлаку, к впечатлениям детства.

Условия жизни на селе, сам уклад этой жизни не развивают высоких материальных потребностей. Уровень потребления, вообще, не является первым и единственным побуждением к переселению. Коренное сельское население в обыденной жизни довольствуется малым, и нынешний уровень потребления для большинства настолько выше того, который был у отцов и дедов, что вполне удовлетворяет людей. Мало мяса? Зато есть лепешка, рис, растительное масло, овощи и фрукты – этого достаточно. Нет в доме мебели, дети готовят уроки не за письменным столом? Но ведь предки прекрасно обходились без всего этого. А часто ли представители власти, руководители хозяйств, самые уважаемые в кишлаке люди – многоопытные аксакалы, чей голос особенно весом и чье мнение обладает очень высоким авторитетом, можно сказать,, непререкаемым авторитетом, - часто ли эти люди говорят с выпускниками школ об овладении профессиями рабочего, строителя, о переезде в город? Этого-то еще как раз и нет. Разъяснительная работа о переориентации жизненного пути молодежи на город и промышленность находится в зачаточном состоянии, и в печати гораздо чаще прочитаешь о том, что выпускники еще одного класса в полном составе решили пойти на ферму или создать еще одну полеводческую бригаду, чем о том, что вчерашние сельчане выразили намерение связать свою судьбу с городом. Это почти не пропагандируется, об этом и от учителя редко услышишь, - а почему? Неужели перенаселенное село – лучшее поледля приложения сил юношей и девушек, начинающих жить самостоятельно?

Кстати, доходы на душу населения, равно как и душевое потребление, зависят не только от общественной производительности труда, но и от структуры общества, от того, какой удельный вес занимают в нем работники. В Прибалтике, к примеру, из каждых трех-четырех жителей работают двое. Это следствие нулевого и даже отрицательного прироста населения, следствие одно- и двухдетных семей и высокой занятости женщин. В Узбекистане из трех жителей работает один. Низкий удельный вес работников в составе населения, обусловленный многодетностью семей и все еще имеющим место отставанием развития промышленности от общесоюзного уровня, автоматически влечет за собой и более низкий доход на душу населения. Не будем пока касаться вопросов общего уровня индустриального развития, ценим факты чисто механически: там, где из троих жителей работают двое, и душевой доход будет вдвое выше, чем там, где из троих работает один. Пособия и доплаты многодетным семьям, общественные фонды потребления что-то нивелируют, сглаживают, но заменить заработную плату работника, которого нет, не в состоянии. Отсюда существенная разница в достатке, в потреблении, в уровне жизни.

Здесь уместно сказать и о том, что на уровень душевого потребления продуктов питания серьезно влияют объемы их производства. Узбекистан – основная хлопковая база страны. Но у высокой хлопковой специализации края есть и негативная сторона – недостаточное собственное производство продуктов питания, особенно мяса и молока. В республике их потребление на удушу населения почти в два раза ниже, чем в среднем по стране, и даже потребление овощей и фруктов ниже рациональной нормы. В то же время хлебопродуктов и растительного масла жители Узбекистана потребляют на тридцать процентов больше,

чем их среднестатистические собратья. То, что Узбекистан ежегодно увеличивает количество завтрашних работников на полмиллиона человек, с общесоюзных позиций должно рассматриваться как вклад, и вклад не маленький, можно сказать, наиважнейший, в завтрашний экономический и оборонный потенциал страны. Но этот вклад полностью может быть реализован только завтра, и не путем одной интенсификации экономики, а путем ее одновременного развития вширь, путем создания сотен тысяч новых рабочих мест, путем широкого привлечения молодежи в те районы страны, где сегодня особенно нужны рабочие руки.

Поскольку темпы хозяйственного и демографического развития Узбекистана не совпадают и, начиная с семидесятых годов, прирост трудовых ресурсов существенно превышает поглощающие возможности народного хозяйства и сферы учебы, демографические процесс начинают задавать, причем все более громко и остро, вопросы, отвечать на которые в позитивном плане можно только одним: повышением занятости, общим ускорением темпов экономического и социального развития, широкой индустриализацией городов, особенно малых и средних.

Какими возможностями располагает сегодня город в деле аккумуляции рабочих рук, которых на селе явный избыток? Большими, если иметь в виду только города Узбекистана. Неограниченными, если иметь в виду города всей страны. В центральных областях России, на Урале и в Сибири пустуют миллионы рабочих мест. Зачем же их создавали, накапливая и накапливая вакансии? Зачем давно уже не пошли путем технического перевооружения народного хозяйства?

Планирующие органы республики усиленно стремятся достигнуть отраслевой и территориальной сбалансированности между количеством вновь вводимых рабочих мест и наличием трудовых ресурсов. И здесь в роли главного работодателя выступают город, индустрия. Завод, фабрика, развиваясь, наращивая и совершенствуя производство, дают городу ростовую силу, позволяют ему подтягивать к требованиям дня инфраструктуру. Вместе с заводами и фабриками возникают новые строительные и транспортные организации, снабженческие конторы, проектные институты – всем им находится место в городских структурах, все они сообща помогают городу раздвигать границы, расти вширь и ввысь.

Подсказанные жизнью, эти вопросы глубоко изучаются и обретают силу политических решений и государственных планов. Узбекистан принимает участие в развитии нечерноземной зоны России. Восемь тысяч строителей республики трудятся в Ивановской, новгородской, Владимирской областях. Там за пятилетие мелиорировано 70 тысяч гектаров земель, построено 115 тысяч квадратных метров жилой площади. Эти работы будут продолжены и в новой пятилетке.

Республика включилась в осуществление комплексной программы развития нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири. Ее строители ведут прокладку дорог к нефтяным месторождениям и должны приступить к возведению жилья в Тюменской области. Посланцы Узбекистана работают и на Байкало-Амурской магистрали. В следующую пятилетку туда будет направлено 15 тысяч молодых рабочих. Прямо скажем, программа развернута внушительная. Работы будут вестись по многим направлениям, но гораздо более энергично, смело и инициативно, чем в предыдущие годы.

Правомочно спросить, а откуда такая уверенность, что работа по повышению эффективности использования трудовых ресурсов Узбекистана в X11 пятилетке будет вестись более решительно? Во-первых, опыт уже накоплен, и не маленький. Во-вторых, республиканская партийная организация резко усилила борьбу с коррупцией, приписками и очковтирательством. Эта борьба встретила полную поддержку трудящихся, которые сочли своим гражданским долгом принять личное участие в наведении в республике порядка. Восстановление принципов социальной справедливости сопровождается общим оздоровлением обстановки, усилением общей нетерпимости к недостаткам. Так, бой припискам при заготовках хлопка-сырца привел не только к искоренению приписок и связанного с ними присвоения крупных денежных сумм, но и к тому, что из урожая 1984 года в 5,3 миллиона тонн хлопка-сырца было выработано на сто тысяч тонн волокна больше, чем из урожая 1983 года, который согласно отчетности равнялся шести миллионам тонн. И это общее оздоровление обстановки в республике логично привело к тому, что гораздо лучше, чем прежде, стали выполняться государственные планы. 1985 год дал наивысший за X1 пятилетку прирост промышленного производства – семь процентов.

На новую пятилетку Узбекистану запланированы самые высокие в стране темпы роста экономического потенциала: 25 процентов по промышленности, 15 процентов по сельскому хозяйству. Разумеется, эти планы учитывают демографические особенности республики, обилие рабочих рук, уже имеющихся в наличии, и постоянно усиливающийся их приток. Совет по изучению производительных сил, функционирующий при академии наук республики и возглавляемый Саидом Зиядуллаевым, предлагает, опираясь на богатые минеральные ресурсы Узбекистана и его крупный хлопковый комплекс, повысить в общем объеме промышленного производства долю готовой продукции, и в первую очередь трудоемкой. Эти рекомендации научно обоснованы и хорошо согласуются со спецификой республики. Так, на базе местных ресурсов в Узбекистане целесообразно создать общесоюзную базу текстильной и плодоперерабатывающей промышленности. Сейчас же республика перерабатывает в готовые ткани лишь 5 процентов хлопкового волокна – остальное волокно вывозится в страну и за рубеж. Консервная

промышленность тоже пока нацелена на удовлетворение местных потребностей. Между тем, если построить емкие хранилища и перерабатывать овощи и фрукты зимой, в межсезонье, уровень занятости на селе будет существенно повышен. И отпадет надобность в переселение в города десятков тысяч людей.

Если говорить в более широком плане, речь идет об ускорении развития на селе подсобных производств и промыслов, о внедрении в самую глубинку мелких и средних предприятий пищевой, местной, легкой промышленности. Сюда же можно отнести холодильное и складское хозяйство, фирменные магазины в городах по реализации сельскохозяйственной продукции. К сожалению, примеров, что это дело поставлено хорошо или хотя бы удовлетворительно, совсем немного. Они носят единичный характер и являются исключением из правила. А правило таково: руководители хозяйств в своем подавляющем большинстве не утруждают себя созданием таких предприятий, не взваливают на свои плечи эти большие хлопоты. На подсобных предприятиях и промыслах, включая ремонтные мастерские, занято в колхозах полтора и в совхозах четыре процента от общего числа работающих. Исключим отсюда персонал ремонтных мастерских – что останется? Ноль целых, жалкие десятые доли процента. И это весьма убедительно говорит об отсутствии местной инициативы и предприимчивости, направленной на то, чтобы продуктивнее использовать богатейший человеческий потенциал узбекистанского села. Не показали себя подлинными хозяевами положения и агропромы районного, областного да и более высокого ранга. А ведь одни теплицы и парники, убудь их в несколько раз больше, могли бы решить проблему круглогодичного обеспечения овощами, лимонами и цветами городов республики, занять дополнительно десятки тысяч людей. Здесь есть маяки, есть на кого равняться. Один сырдарьинский колхоз «Ленинград» с его теплицами чего стоит! А папский совхоз имени Ленина, где директорствует Ахмаджон Адылов? Там целых 17 подсобных предприятий, там сушат фрукты и шьют одежду, выделывают прекрасные оренбургские платки. Опыт, однако, ценен повторением и распространением, его сила в полной мере проявляется только тогда, когда он становится общим, то есть народным достоянием, когда примеру лучших следуют повсеместно. Тысячи тонн зелени и цитрусовых, миллионы гвоздик, помещенные в рефрижераторы, проторили бы дорогу на Урал, в Тюмень, расширяя хозяйственные связи Узбекистана.

Особое слово в расширении занятости принадлежит филиалам и цехам крупных предприятий, создаваемых в малых городах и больших кишлаках. Этот метод дальнейшей индустриализации республики подсказан самой жизнью. В десятой пятилетке сооружено 290 филиалов и цехов с 30 тысячами работающих. В минувшей пятилетке открыто уже свыше 400 филиалов с числом работающих 110 тысяч человек. В нынешней пятилетке планируется создать пятьсот филиалов. Это позволит задействовать около 200 тысяч человек. Две трети персонала филиалов – женщины, и почти всегда – лица местной национальности. Многие филиалы быстро превращаются в самостоятельные предприятия. Так, в 1972 годы в городе Мархамат был открыт филиал андижанского завода «Электроаппарат» с 25 работниками. Сейчас это динамичное самостоятельное предприятие, на нем занято более тысячи человек.

Почему предпочтение отдается филиалам и цехам? Причин тому несколько. Процесс их становления сравнительно скоротечен, и государство быстрее возмещает вложенные средства, чем при строительстве крупных предприятий, которые надо возводить в комплексе с объектами соцкультбыта и на которых освоение мощностей обычно затягивается. Филиалы же, как правило, вначале удовлетворяет имеющаяся инфраструктура. Так, в Ферганской долине даже шелкомотальные фабрики не испытывают недостатка в рабочей силе, а условия труда на них и сегодня очень тяжелые. Зато большой джизакский завод аккумуляторов комплектуется рабочими со скрипом. Не последнюю роль тут играет то обстоятельство, что в Джизакской области в народном хозяйстве занято 90 % трудоспособных, а в Ферганской долине – 75. Головные предприятия, создающие филиалы, направляют на них инженеров, обучают рабочих, и это способствует быстрому освоению мощностей. Та же джизакская фабрика верхнего трикотажа, как филиал ташкентского трикотажного объединения «Малика», с помощью головного предприятия освоила свои мощности досрочно. И филиалы хороши еще тем, что придают постепенность процессу превращения сельчан в горожан. Многие жители кишлаков годами ездят на филиалы из кишлаков, прежде чем принимают решение о переселении в город. Часто родители ставят предприятию условие: посадите нашу дочь в автобус у калитки, и у калитки же высадите ее вечером. Если это условие соблюдается, взаимопонимание сторон наступает быстро и длится долго.

Сейчас, когда во весь рост встает вопрос о том, чтобы сделать трудовые ресурсы Узбекистана более доступными стране, один из возможных ответов на него – создание в республике филиалов московских, уральских и других предприятий, соединение опыта и передовых технологий центральных, самых развитых районов страны, и соединение на нашей, узбекистанской земле, с нашими рабочими руками. В стране пустуют рабочие места, в создание которых вложено более ста миллиардов рублей. Зачем же создавать новые рабочие места там, где и так много вакансий? По логике вещей, средства целесообразно направлять туда, где избыток рабочих рук. Там же, где в них недостаток, надо вести дело к тому, чтобы обходиться меньшим числом работников, больше полагаться на новшества и инициативу, на роботов, наконец.

Представители российских министерств и ведомств частые гости в нашем краю. Они ведут деловой разговор о том, какие предприятия собираются развернуть, что им для этого надо. Намечаются площадки, согласовываются сроки, даются взаимные гарантии, но и после достижения полной ясности по всем интересующим стороны вопросам работы разворачиваются далеко не всегда. Первые ласточки, однако, уже есть. В Андижанской области, в Ахунбабаеве, поднимаются корпуса одного из московских подшипниковых заводов. Пока возводились стены и устанавливалось оборудование, андижанцы направили на головное предприятие 600 юношей, в основном демобилизованных воинов. Эти люди пройдут стажировку и затем составят костяк нового коллектива. Почему остановились именно на демобилизованных воинах? Они служили в России, освоили русский язык, привыкли к условиям, в которых живет и работает русский народ. Кстати, все выехавшие охотно дали согласие на учебу в Москве. Сама жизнь подсказывает нам еще одну форму перераспределения трудовых ресурсов в интересах тех районов страны, которые испытывают острый дефицит в работниках: обучение и стажировка молодых рабочих на их предприятиях. Большинство возвращается домой, под родное южное солнце, меньшинство, поддавшись уговорам и взяв в жены местных красавиц, остается. Все довольны, и то же самое повторится со второй сменой, с третьей…

Пока, как мне кажется, в деле создания в нашем регионе филиалов российских заводов и фабрик больше самотека, чем твердой плановой организованности. Видна личная инициатива отдельных хозяйственников, но нет линии, нет четкой, проработанной на годы вперед позиции центральных министерств и ведомств, которая придала бы этому делу необходимый размах, позволила вести его с хорошим ускорением. Причина такой пассивности, на мой взгляд, кроется в ориентации на завтрашнюю, но не на послезавтрашнюю отдачу, на завтрашний, а не на послезавтрашний конечный результат, который, несомненно, будет в несколько раз выше. Никто не намерен ждать, то есть серьезно учить молодежь городским профессиям, терпеливо превращать вчерашних хлопкоробов в машиностроителей, химиков и так далее. Это должен делать абстрактный некто, мы же пользуемся готовыми плодами. А именно это дело, как никакое другое, требует наличия и времени, и внимания и человеческой заботы, человеческого тепла.

Обращает на себя внимание пренебрежительное отношение планирующих органов к средним городам, когда речь заходит о сооружении новых больших предприятий, таких, например, как завод по производству тракторных двигателей. Здесь безусловное предпочтение оказывается Ташкенту с его обилием специалистов и разветвленной инфраструктурой. Наверное, создать завод можно было и в Янгиюле (сегодня пять тысяч янгиюльцев ездят на работу в Ташкент), и в Самарканде или в одном из городов Ферганской долины. Возможно, такие предложения и ждались, но их судьба была – заранее предрешена. Так супергород одной своей привлекательностью, одними своими размерами еще раз порвал ограничения, налагаемые на его рост, взвалил на свои дюжие плечи (ноша-то потом окупится) то, что могло бы всколыхнуть, вывести из тихой заводи на быстроток какой-нибудь средний город, обделенный крупными предприятиями.

Есть в промышленности республики одна нереализованная возможность, один неиспользуемый пока резерв повышения занятости населения, приведение которого в действие не требует от государства ни рубля капитальных вложение: бери и используй на общее благо. И благодарить никого не надо, потому что на поверхности этот резерв, у всех на виду. Это повышение коэффициента сменности. Если завод, который работает в одну смену, перевести на работу в две смены, то и продукции можно получить вдвое против прежнего, и людей занять вдвое больше. Этот путь привлекателен во многих отношениях, и прежде всего в экономическом: не надо просить денег, расширяться, а надо только, чтобы имеющееся оборудование работало больше, вот и все. Правда, тут же возникают вопросы обеспечения сырьем, энергией. Но они вполне разрешимы, ведь решаются они для новых предприятий. Сейчас коэффициент сменности в промышленности Узбекистана равен 1,36. Повышение его только на одну десятую повлечет за собой увеличение численности фабричнро-заводского персонала на 50 тысяч человек. Почему же мы не идем этим путем, не поднимаем то, что на поверхности, а строим все свои планы повышения занятости на новом строительстве и расширении действующих предприятий, предусматриваем большие финансовые и материальные затраты, тогда как с не меньшей пользой могли бы применить свои организаторские способности?

Конечно, нужно и то, и другое. Но вторая смена там, где ее нет, выручила бы нас быстрее, чем новое строительство. Между тем все предприятия местной промышленности в малых городах односменные. Почему? Не потому ли, что новые заботы-хлопоты для многих хозяйственных руководителей слишком обременительны и непривычны? Из той работы по наведению в стране порядка они не сделали для себя вывода о том, что работа в одну смену – это непорядок, а работа в две смены – это порядок. Они ждут, чтобы им этот вывод подсказали, а потом помогли организовать вторую смену, помогли утвердить новые планы и их материальное обеспечение, и так далее. Что-то слишком уж мы безынициативны на своих должностных окладах, которые еще мало зависят от конечного результата, от того, насколько он вырос по сравнению с предыдущим годом.

И в нашей республике, при значительном превышении числа трудоспособных над числом занятых в народном хозяйстве, отдельные предприятия и многие целинные совхозы испытывают нужду в работниках, часто весьма острую. Проблема переселения молодежи из обжитых районов на земли нового освоения имеет свои аспекты и нуждается, прежде всего, в утверждении у молодого поколения духа первопроходства, в расширении понятия того, что есть родина. Считать родиной родной кишлак, а все то, что за его пределами, считать чужбиной узко и несовременно. То есть, в корне неправильно. Думать так, не включать в свои планы на будущее ничего из того, что находится вне родных стен – значит, сознательно запирать себя в четырех стенах, обрекать на неподвижность и ограниченность. Но что-то в нашей прессе, особенно молодежной (я имею в виду республиканские газеты) мало простора, мало теплого ветра, дующего в лицо, тема первопроходства редка, эпизодична. Наша родина – весь огромный Советский Союз. А разве не так? Пусть я ташкентец, но разве просторы России или пики Тянь-Шаня для меня чужие? Разве Кремль, строгая красота Ленинграда и соборная мечеть Биби-ханым в Самарканде созданы не моими предками? Давайте посчитаем. Десять поколений назад у меня (как и у каждого из нас) была тысяча предков – а, точнее, 1024. Двадцать поколений назад – миллион предков, тридцать поколений назад – миллиард. А что такое тридцать поколений? Это примерно 750 земных лет. Человек может считать себя принадлежащим к той или иной национальности, но кровь его интернациональна.

Сейчас многое делается для привлечения переселенцев на целину. Ферганская долина взяла шефство над совхозами Голодной, Каршинской степей и направляет туда добровольцев. Переселенец нравственно готов к трудностям, к неуюту первых лет жизни на целине, которые, по логике вещей и в соответствии с нашими представлениями о социальной справедливости, должны быть компенсированы работой, заработком, льготами. Работа, заработок и льготы и есть составляющие душевного комфорта и достатка, на которые мы умеем влиять. И тут мы должны максимально идти навстречу людям с развитым чувством общественного долга. Почему в целинных совхозах дают приусадебный участок размером 6 соток, тогда как по всей республике его площадь вдвое больше? Почему переселенец непременно должен жить в государственном доме, который часто не удовлетворяет его планировкой, размерами, и лишен возможности построить или заказать себе такое жилище, которое ему по душе?

Но вернемся к промышленным предприятиям и стройкам, недоукомплектованным кадрами. Если временные трудности в этом плане затягиваются на десятилетия и превращаются в тормоз, если годами простаивает оборудование на наших текстильных предприятиях, кирпичных заводах, если не осваиваются средства на строительство жилья, больниц, а качество строительных работ опустилось ниже всякой критики, то от разговоров на эту тему, от указаний на необходимость ликвидировать выявленные недостатки надо переходить к делу, надо делом доказывать свою нетерпимость к дурному, неумелому хозяйствованию. Помочь делу здесь может приведение в действие экономических рычагов, повышающих интерес граждан к профессиям прядильщицы, ткачихи, каменщика, монтажника, штукатура. Лично у меня нет предубеждения ни к одной профессии. В моем представлении подметать улицы или мыть посуду в столовой так же престижно, как конструировать новый станок или писать роман. Обществу равно нужен труд хлопкороба и учителя, водителя и врача. Но если тысячи молодых людей мечтают стать артистами или экономистами, но ни одна девица не желает порадовать батюшку-царя (вспомним Пушкина!) тонким полотном, вкусно приготовленным обедом и розовощеким богатырем, нужно срочно переоценивать многие ценности и менять ориентиры у профессиональной ориентации молодежи. Кстати, о многих этих трудностях наш государственный комитет по труду даже не осведомлен. Так, руководители «Главташкентстроя» в ответ на упреки в невыполнении плана и низком качестве жилья заявляют, что их подразделениям не хватает пяти тысяч рабочих. В Госкомтруде же говорят, что им об этом ничего не известно. Интересно, кто же за них будет узнавать, беспокоиться, реагировать?

У экономистов есть мнение, что значительным резервом рабочих мест располагает сфера обслуживания. Их доводы построены на том основании, что в Узбекской ССР в расчете на тысячу жителей в сфере услуг занято в полтора раза меньше человек, чем в среднем по стране. В торговле и общественном питании, например, у нас работает 23 человека из расчета на тысячу жителей, а в стране – 37. Госкомтруд считает, что в сфере услуг у нас к 1990 году можно дополнительно занять чуть ли не миллион трудоспособных. Но едва ли эти расчеты строго обоснованы. Скорее всего, они слишком оптимистичны и отражают стремление должностных лиц выдать желаемое за действительное. Если в стране удельный вес занятых в обслуживании населения намного выше, то там выше и удельный вес занятых в народном хозяйстве и, соответственно, выше душевой доход и душевое потребление. А именно эти показатели и определяют потребность в услугах и формируют структуру сферы обслуживания.

Задачей большой социальной значимости становится вовлечение в общественное производство женщин. Но она совсем не проста и далеко не всегда решается предоставлением места (или двух, или трех) в детском саду и наличием рабочей вакансии. В Узбекистане за последнюю пятилетку численность женщин в народном хозяйстве увеличилась на 300 тысяч человек и превысила два миллиона. Но в процентом отношении доля женщин от общего количества занятых не выросла и остается самой низкой в стране 0 43

процента. В известной мере это связано с недостаточным развитием производительных сил и их неравномерным распределением. По оценкам ЦСУ, в общественное производство можно вовлечь не менее полумиллиона женщин, занятых в домашнем хозяйстве. Условие: их дети должны быть устроены в детские дошкольные учреждения или в школы с продленным учебным днем, а работа предоставлена вблизи места жительства. Последнее условие одно из самых трудновыполнимых. Кстати, подсчитано, что для многодетных матерей невыгодно строить детские сады. Гораздо выгоднее доплачивать им разницу между содержанием детей в садах и платой за детский сад, чисто символической.

Наверное, правомочно ставить вопрос не о полной, а о рациональной занятости женщин. Многодетная мать, и не участвуя в общественном производстве, а только выполняя свои материнские функции, тем самым выполняет и свой гражданский долг. И закон предоставляет женщинам, родившим и воспитавшим пятерых и более детей, право на получение пенсии при неполном стаже работы. Кроме того, многодетная мать, как правило, занята в личном подсобном хозяйстве. В этом ей активно помогают дети. При хорошей постановке дела и нынешних высоких ценах на овощи и фрукты приусадебный участок может дать семье столько же, сколько зарабатывают двое рабочих, занятых в промышленности.

Помочь женщине-матери стать работницей могло бы широкое вхождение в практику неполного рабочего дня и надомничества. Надомный труд, если он четко поставлен, очень эффективен. Ташкентская фабрика художественных изделий использует труд более тысячи надомниц, каждая из которых имеет многих детей. Их месячный заработок – 170 рублей в среднем. Женщины хотят и семье помочь, и быть полезными обществу. Но эти формы женского труда носят зачаточный характер. Сегодня в Узбекистане всего 20 тысяч надомников, а могло быть в десять раз больше. Местная промышленность, бытовое обслуживание населения игнорируют эти формы труда, а ведь они давно проверены жизнью. Позиция хозяйственного руководителя здесь однозначна: зачем обременять себя заботами, если достаточно людей, которые согласны работать полный рабочий день?

Следует отметить, что при общем дефиците рабочих мест многие из них, традиционно занимаемые женщинами, отдаются мужчинам. Если в целом по стране в торговле и общественном питании преобладает женский труд, то в нашей республике соотношение обратное: в этих отраслях обслуживания мужчин больше, чем женщин. Мужчины работают продавцами, кассирами, поварами, даже мойщиками посуды, и это престижно. Стоять у станка или строить менее престижно.

Трудовые ресурсы Узбекистана велики. Как сделать их более доступными для страны? Путь здесь один – настойчивая работа по увеличению подвижности коренного населения, ориентация сельского школьника на городские профессии, воспитание у юношей и девушек высоких идеалов подвижничества. Слепая привязанность к родному кишлаку, слепое следование традициям, согласно которым жизнь детей должна протекать рядом с родителями, серьезно мешают развитию республики, не дают сотням тысяч юношей и девушек уйти из села, стать горожанами, попробовать свои силы, показать себя умелыми работниками и полноправными гражданами в самых различных регионах страны. Борьба с этой традицией еще не начата, молодежь не получает родительского благословения и доброго напутствия не только на переселение в далекие края, но и на переезд в соседний город. Служба в армии и завершение образования здесь предстают как отступления от правила, как дань неизбежному. А как расширяется горизонт юношей после службы в рядах Советской армии, как разительно отличаются демобилизованные воины от допризывников, не познавших необъятности нашей страны, не соприкоснувшихся с жизнью других ее областей! Но традиция остается незыблемой, и отслуживший службу солдат возвращается в отчий дом. Как дань этой традиции, следует рассматривать мнение государственного комитета Узбекской ССР по труду, что больших излишков трудовых ресурсов в Узбекистане не имеется. Они есть, но пока лишены подвижности, не получили должной профессиональной подготовки, недостаточно свободно владеют русским языком, и так далее. Министерства, претворяющие в жизнь хозяйственную политику партии и наделенные для этого необходимыми полномочиями, ориентируются на использование трудовых ресурсов Узбекистана только в самой республике. Да, Узбекистан оказывает шефскую помощь Нечерноземью, Тюмени. Но если проанализировать, кто же работает в тамошних передвижных механизированных колоннах, посланцев республики в их рядах будет выявлено немного, а представителей коренной национальности и того меньше.

Конечно, подвижность населения не остается неизменной. Жизнь неизбежно берет свое, миграционные потоки растут и ширятся. Между последними переписями (1970 – 1979 годы) население республики выросло на 30 процентов, а число лиц, поменявших место жительства – в 2, 5 раза, в том числе узбеков – в три раза. За несколько больший период, с 1967 по 1983 годы, число женщин-узбечек в составе рабочих и служащих увеличилось в 3, 6 раза. Но должного импульса со стороны советских и хозяйственных органов работа по увеличению подвижности населения не получила. Даже заселение малолюдных и трудодефицитных территорий в самом Узбекистане идет недопустимо медленно. И это влечет за собой невосполнимые потери для народного хозяйства. Показательны в этом отношении целинные районы. Хроническая нехватка рабочих рук на целине привела к возникновению такой

уродливой, хищнической формы эксплуатации земель нового орошения, какой является «гектарщина» - сдача государственных земель в аренду частным лицам, которые вместо хлопчатника возделывают лук и арахис и получают доходы, в десятки раз превышающие средний заработок колхозника.

Но далеко не все не занятые общественно полезным трудом мужчины гектарщики. Нуждается в уточнении, на что же они живут. А живут они очень часто гораздо лучше тех, кто работает на заводах или в поле. Республике нужна действительная картина занятости. Сейчас проверка занятости ведется выборочно в нескольких городах. В Маргилане, крупном центре шелкоткацкой промышленности, выявлено несколько сотен лиц, явно уклоняющихся от общественно полезного труда. Я думаю, для общественности скоро перестанет быть тайной, кто эти люди и почему они позволяют себе не работать.

Действенной мерой в системе перераспределения трудовых ресурсов является оргнабор, осуществляемый низовыми подразделениями Госкомтруда. Если посланцы ударных комсомольских отрядов, как правило, прочно не укореняются там, куда приезжают, то лица, едущие работать по оргнабору, за небольшим исключением, достаточно добросовестно выполняют заключенные контракты. В минувшей пятилетке по договорам оргнабора из республики ежегодно уезжало 7 – 8 тысяч человек, и еще 500 семей переселялось в Нечерноземье и на Дальний Восток. Люди, уехавшие по оргнабору, чаще всего не возвращаются на прежнее место жительства. Почувствовав, что им хорошо на новом месте, они зовут к себе родных, друзей и знакомых. Это действует лучше казенных объявлений: «Требуются…» В новой пятилетке ежегодный оргнабор будет доведен до 11 тысяч человек. В сравнении с ежегодным приростом трудовых ресурсов в республике это немного, и в составе оргнабора преобладает европейское население, а доля местного населения не превышает одной трети.

В целом, одиннадцатая пятилетка зафиксировала нарастающий отток населения из Узбекистана. Разница между уехавшими и приехавшими с каждым годом становится все внушительнее. Это можно было бы оценить как положительный фактор, если бы не одно обстоятельство, таящее в себе многие нежелательные последствия: уезжают представители тех профессий, которые дефицитны для самого Узбекистана. И это отрицательно сказывается на работе его предприятий и строек. Так, «Главташкентстрой» недодал за пятилетку к плану полмиллиона квадратных метров жилья, то есть замедлил темпы развития столицы республики примерно на полгода. Причина – хроническая нехватка рабочих основных строительных специальностей.

В трудовых коллективах крупных промышленных предприятий все еще мало представителей коренной национальности. В повседневной работе местные органы власти и руководители предприятий и организаций недостаточно принципиальны при решении проблем, продиктованных многонациональным характером советского общества. И пока еще мало что делается для использования избыточных трудовых ресурсов республики в интересах ускоренного развития народного хозяйства страны.

В последние годы были высказаны интересные предложения о более активном вовлечении населения Средней Азии в освоение новых территорий. Но осуществляются они медленно, без энтузиазма. Об этом, в частности, говорит качественный состав строительных формирований, созданных нашей республикой для работы в Нечерноземье, Тюмени, на Байкало-Амурской магистрали.

Положительно повлиять на увеличение подвижности населения должно, по мнению ученых, усиление профессиональной ориентации в сельских школах на индустриальные профессии и улучшение преподавания русского языка. Выпускники школ в сельской местности еще недостаточно владеют русским языком, и это закрывает им путь к интернациональным богатствам советской культуры. Языковый барьер был и остается препятствием серьезным. Но пути и методы его преодоления давно найдены, для сотен тысяч узбеков русский язык давно стал вторым родным языком. В последние годы резко увеличено внимание к качеству подготовки преподавателей русского языка, многие из них защищают дипломы в вузах России. Но то, что сельская школа еще не всегда дает выпускникам прочное знание русского языка – факт неоспоримый.

План экономического и социального развития Узбекской ССР на X11 пятилетку определил поглощающие способности народного хозяйства республики в 1, 3 миллиона человек. Столько рабочих мест предполагается создать во всех отраслях экономики. Количество занятых в домашнем хозяйстве должно уменьшиться на 20 тысяч человек. Таким образом, новая пятилетка станет первой с начала семидесятых годов, когда в республике начнет планомерно сокращаться количество трудоспособных, не занятых общественно полезным трудом. И в этом заключен большой социальный смысл. Только профтехучилища подготовят 858 тысяч молодых рабочих.

В Андижанской области намечается расширить хлопчатобумажный комбинат, построить подшипниковый и кабельный заводы, в Бухарской – развивать легкую и пищевую промышленность, создать десятки филиалов, в Джизакской – ускорить разработку Учкулачского месторождения свинцово-цинковых руд, пустить на полную мощность аккумуляторный завод, в Наманганской – открыть шелкопрядильную и текстильную фабрики, начать производство бархата. В Ферганской области планируется возвести несколько предприятий легкой промышленности, в Хорезмской – заводы

фарфоровый и кормоуборочных машин. И так далее. Новый пятилетний план выступает хорошим посредником между политической линией партит и конкретными делами трудовых коллективов по ее воплощению в жизнь. И нет сомнения в том, что путем ускоренного развития собственного хозяйственного комплекса, путем усиления взаимодействия и укрепления экономических связей со всеми республиками, а также новым для себя путем направления на работу и на учебу в основные индустриальные центры юношей и девушек Узбекистан увеличит свой вклад в наш общий и единый экономический потенциал, упрочит братские интернациональные связи со всеми союзными республиками и в первую очередь – с Российской Федерацией.

СИБАРАЛ: СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Пожалуй, самая характерная и яркая достопримечательность нашего края – поливное земледелие. Оно складывалось веками. Веками накапливался опыт умелого соединения земли и воды в символ края – хлопковую коробочку, в хлебный колос и кукурузный початок, в тяжелую виноградную гроздь, в красивый, как сгусток закатного солнца, плод граната. От поколения к поколению передавался, непрерывно совершенствуясь, навык обращения с водой как с непреходящей, единственной в своем роде ценностью. Вода есть вода, она изначальна, как земля, как мать и отец, она – источник жизни. В крае, большую часть которого оставляют пустыни, иного отношения к воде и не могло возникнуть. Условия жизни, среда обитания диктуют поведение, обычаи, традиции. Суть их ясна: вода – это щедрое поле, это урожай, этот достаток, это светлый завтрашний день. Так было и есть, и все окружающее нас говорит о том, что так и будет.

За годы советской власти орошаемое поле Узбекистана было расширено почти втрое. И такими же темпами шло развитие поливного земледелия в Южном Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении. Еще в довоенные годы была завоевана хлопковая независимость. Огромный вклад в это историческое достижение внесли и народы среднеазиатских республик, и русский народ, оказавший нашему краю бесценную интернациональную помощь в проведении необходимых преобразований – ликвидации неграмотности, индустриализации, перестройке водного хозяйства на современной основе.

К сегодняшнему дню в регионе созданы гидротехнические сооружения, ирригационные и мелиоративные системы, которые вызывают почтительное уважение мелиораторов всего мира. Это Большой Ферганский канал и Каттакурганское водохранилище, удивившие мир пафосом народной стройки – социалистического хашара. Это Нурекская ГЭС на реке Вахш с трехсотметровой плотиной из местных материалов, равной которой по высоте еще не воздвигнуто. Это Токтогульский гидроузел с двухсотдвадцатиметровой бетонной плотиной, полностью зарегулировавший сток реки Нарын. Это Андижанское водохранилище на реке Карадарья с плотиной под стать плотине Братской ГЭС, но контрфорсной, то есть более легкой и дешевой. Это Каракумский, Южный Голодностепский, Каршинский магистральный, Амубухарский и другие каналы с уникальными насосными станциями, которые обеспечили водой целинные степные массивы площадью в сотни тысяч гектаров. Наконец, это получивший всесоюзное призвание комплексный метод освоения засушливой целины, суть которого в том, что крупные территориальные строительные организации, такие, как Каршистрой или Голодностепстрой, стали конвейерами, с которых сходят готовые целинные совхозы с комфортабельными поселками, оросительной и дренажной сетью, со всем тем, что нужно для работы и культурного досуга сельского труженика.

И тут общая засушливость края, общая его необеспеченность водой сказали свое веское слово. Ясно обозначились пределы: вот столько земель еще можно освоить, затем придется остановиться. Ведь каждый следующий гектар будет поливаться из одного и того же источника, ресурсы которого расписаны и розданы уже вплоть до последнего кубометра. По сути дела, вода в нашем крае все более приравнивается к строго лимитируемым фондовым материалам, таким, как металл, горючее, цемент, лес. В количественном выражении это выглядит так. Сток рек бассейна Аральского моря в средний по водности год составляет примерно сто кубических километров драгоценной влаги, 80 процентов которой уже сегодня расходуются на орошение семи миллионов гектаров пашни. Остальные ресурсы будут полностью задействованы к 1995 году. Речь идет о бассейне Амударьи, Сырдарья же вся разобрана на орошение. Реки бассейна Аральского моря давно уже не впадают в Арал, который катастрофически мелеет, и не в наших силах ни остановить, ни замедлить этот процесс. Коль дефицит выявлен и определен количественно и территориально, неизбежно в повестку дня просится вопрос о его покрытии. Как быть, где взять недостающую воду?

И тут жизнь не предоставляет в наше распоряжение множества вариантов. Она не дает нам даже двух вариантов, только один. Нужная Средней Азии вода есть в Западной Сибири, в Оби и Енисее. Больше ее нет нигде, вся остальное пока – за пределами нынешних человеческих возможностей, за пределами реального. Много ли воды в этих реках? Суммарный сток Оби и Енисея – около тысячи кубических километров, что ровно на порядок выше водности рек бассейна Аральского моря. Естественно и закономерно часть этой большой воды, которая без очевидной пользы для человека стекает в Северный Ледовитый океан, направить на юг, на наши засушливые земли. Это просто необходимо сделать, имея в виду создание в стране изобилия продуктов питания и более полного использования – опять-таки в общесоюзных интересах – быстро растущих трудовых ресурсов Средней Азии. Суть проблемы правильно понята советским правительством. Соответствующие решения о начале научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ приняты и осуществляются. Разработано и апробировано в компетентных органах технико-экономическое обоснование переброски в наш регион части стока Оби первоначальным

объемом в 27 кубических километров. Развернулись инженерные изыскания и проектирование первой очереди канала.

Но раздаются голоса, подчас резкие, раздраженные, что Средней Азии не нужна сибирская вода, что вопрос поставлен преждевременно, что там вполне могут обойтись и без нее. Так ли это в действительности? И что преобладает в доводах оппонентов? Расчеты, продиктованные строгим знанием реальных условий? Неумение или нежелание из-за территориальной отдаленности вникнуть в наши нужды и заботы? Голословность? Местничество?

Редакции журналов «Шарк Юлдузи» и «Звезда Востока» считают, что нашим читателям, как и широкой общественности в целом, будет интересно ознакомиться с мнением по этой многосложной и очень интересной для нашего региона проблеме некоторых видных специалистов республики. С этой целью редакции пригласили председателя Совета по изучению производительных сил Узбекской ССР академика Саида Каримовича Зиядуллаева, директора Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации Виктора Абрамовича Духовного, директора института «Средазгипроводхлопок» Геннадия Николаевича Кулешова и предложили им, в беседе за круглым столом, высказать свои соображения по вопросам выполнения научно-исследовательских работ, проектирования и строительства канала Сибирь – Средняя Азия.

С. К. Зиядуллаев. Совет по изучению производительных сил Узбекской ССР, разрабатывая научные основы развития народного хозяйства республики на перспективу, столкнулся с рядом неблагоприятных тенденций, которые несет с собой прогрессирующий дефицит водных ресурсов. И это не только наша, узбекская проблема. Она равно захватывает интересы всех среднеазиатских республик и Казахстана. Обеспечение потребностей орошаемого земледелия в воде в двухтысячном году - первое и наиболее важное условие выполнения планов социально0-экономиического развития республик нашего региона. Это и обеспечение работой тех, кто сегодня осчастливил молодых родителей своим появлением на свет. Как известно, в нашем крае самый высокий в стране прирост населения. Это залог дальнейшего увеличения нашего вклада в общесоюзный продовольственный фонд, залог обеспечения потребностей нашей страны и ее друзей в хлопковом волокне, шелке, кенафе, потребностей Урала и Сибири в овощах и фруктах, особенно ранних. Орошаемые земли Средней Азии и юга Казахстана дают 86 процентов общесоюзного производства хлопка-сырца, 46 процентов риса, 13 процентов овощей и фруктов. И возможности для дальнейшего наращивания у нас производства этой продукции не маленькие.

Социалистическое строительство в кратчайшие исторические сроки преобразовало наш край. Царская Россия уплатила Северо-Американским Соединенным Штатам не один миллиард рублей золотом за импортированное хлопковое волокно. На рубеже первой и второй пятилеток мы добились хлопковой независимости. Это было этапное достижение в самообеспечении страны важнейшими сырьевыми ресурсами. Сегодня экспорт хлопкового волокна дает нам значительные финансовые поступления. Хлопковая специализация края будет сохранена и на обозримое время. Но повысится удельный вес овощей, фруктов, столового винограда, животноводческой продукции, то есть повысится наш вклад в реализацию продовольственной программы. Ну, а каким конкретно окажется его увеличение, всецело зависит от воды. От того, какими водными ресурсами будет располагать регион.

До революции Узбекистан имел 1, 4 миллиона гектаров орошаемых земель. Теперь их четыре миллиона гектаров. И продуктивность каждого поливного гектара выше, чем 70 лет назад. Ежегодно республика осваивает до 90 тысяч гектаров новых земель. Оазисом – и каким! – стала Голодная степь. По производству хлопка она приближается к Зарафшанской долине, а Зарафшанский оазис насчитывает тысячелетия. Амударьинская вода по ступенькам насосных станций пришла в Каршинскую степь. Рисовой житницей стала дельта Амударьи. Темпы развития сельскохозяйственного производства в Узбекистане одни из самых высоких в стране. Сохранятся ли они в будущем или резко упадут, зависит от того, как будут обстоять дела с водой. Для нормального развития производительных сил Узбекистана нам понадобится дополнительная вода с 1995 года. Целесообразнее всего получить ее из Сибири, сначала из Оби, затем и из Енисея.

Идея переброски части стока сибирских рек в бассейн Аральского моря не нова, ей более ста лет. Но возможности для ее материализации появились только сейчас. Могучая материальная база развитого социализма позволяет нам эту некогда фантастическую идею перевести в область реального проектирования. Первое решение советского правительства по этому вопросу состоялось 15 лет назад. Во исполнение его над проблемой основательно поработало 150 исследовательских и проектных институтов. Они всесторонне обосновали общенародную значимость и актуальность переброски в социально-экономическом плане. Многочисленные совещания, конференции, научные дискуссии, в том числе и в печати, позволили провести широкий обмен мнениями, выявить разные точки зрения. Несостоятельность доводов противников переброски была раскрыта достаточно убедительно, но многие из них остались при своем мнении и своего отрицательного отношения к проекту не изменили. По итогам этих проработок институт «Союзгипроводхоз», как генеральный проектировщик, составил в 1980 году технико-

экономическое обоснование переброски, которое после трехлетнего тщательного рассмотрения было одобрено экспертной комиссией Госплана СССР. Технико-экономическое обоснование строго научно доказывает народнохозяйственную необходимость и социально-экономическую эффективность направления в наш регион сибирской воды. Это позволило приступить к проектированию канала Сибарал. Проект будет готов через два года. Лишь после его утверждения на гигантской по протяженности трассе развернутся строительные работы.

Каковы возражения противников переброски и что мы им противопоставляем? Журнал «Наш современник» (1985 г. №7), например, предоставил слово группе ученых, которые, обсуждая специфические вопросы мелиорации земель Черноземной зоны, свои выводы нацелили далеко за пределы этой зоны, предлагая, правда, в косвенной форме, воздержаться от реализации глобальных проектов перераспределения речного стока, в том числе и от переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан. Главный их довод весьма уязвим: раз мелиоративные работы не показали высокой эффективности в Черноземье, раз они не дали там заметной прибавки урожая, значит, они не эффективны вообще. Вот уж, поистине, если у меня что-то не клеится, значит, это не получается ни у кого! На таком уровне вести научный спор по меньшей мере нелогично. В строительстве и эксплуатации мелиоративных систем огромное значение имеют опыт, умение находить ошибки, исправлять их и не допускать впредь. В Черноземье такого опыта действительно еще мало, в нашей же аридной зоне его накоплено достаточно. Зачем же свой явно скромный опыт переносить на наш регион?

Доктор экономических наук Лемешев утверждает, что высокая экономическая эффективность мелиораций в целом по стране – иллюзия. Оценку эффективности мелиораций, в частности, орошения, по его мнению, необходимо осуществлять не в рублях, а по натуральному продукту. Тогда получится, что мелиоративные земли, а их всего 11 % от общей площади сельхозугодий страны – дают 10 % зерна, 7 % сахарной свеклы, 1% подсолнечника. Такой подход разве правомерен? А где хлопчатник, рис, кенаф? Эти культуры на богарных землях не произрастают. Большое количество разнообразной продукции, получаемое с орошаемых земель, не позволяет правильно оценить продуктивность поливного гектара в натуральном исчислении. Оценка валовой продуктивности орошаемого поля возможна только в стоимостном выражении. В Узбекистане более 90% земель, используемых в сельском хозяйстве, поливные. По данным ЦСУ, в нашей республике в 1983 году каждый поливной гектар дал продукции на 1250 рублей. Для сравнения, средняя продуктивность одного гектара в целом по стране 290 рублей. Называть эти данные неубедительными несерьезно.

Результаты практики не позволяют нам согласиться и с утверждением Лемешева о том, что мы подаем на поля воду в объемах, намного превышающих фактическую потребность. Заявляю категорически: у нас в Средней Азии такой бесхозяйственности в водном хозяйстве нет. У нас планы водопользования составляются с учетом всех факторов, влияющих на конечный выход продукции растениеводства с поливного поля. У нас просто нет лишней воды, чтобы ее разбазаривать. Помимо всего этого, вековой опыт земледельца говорит об огромном вреде переполива. Лишняя вода, поданная на поля, в наших условиях оборачивается засолением и заболачиванием земель. И организации министерства водного хозяйства строго контролируют выполнение планов водопользования.

Неприемлемо для нашего региона и предложение Лемешева о сокращении кормопроизводства на орошаемых землях. Заниматься интенсивным кормопроизводством на богаре у нас невозможно. Посевы люцерны в хлопковом севообороте у нас необходимы для восстановления плодородия почвы и профилактики вилта – злейшего заболевания хлопчатника. У нас доля хлопчатника в севообороте доходит до 80%, и правомерно предлагать, имея в виду достижение более высокого конечного результата, снижение хлопковости и повышение доли люцерны, а не отказ от нее. Лучшего предшественника хлопчатника у нас просто нет.

В. А. Духовный. Возражая Лемешеву, я хотел бы развить вашу мысль, Саид Каримович, о высокой эффективности ирригации в нашей зоне. Сопоставляя объемы поверхностного и подземного стока с потребностями в воде, мы составляем водохозяйственный баланс. Эти балансы говорят о полном исчерпании наших внутренних водных ресурсов к 1995 году. Мы учитываем как все источники воды, так и все мероприятия, повышающие коэффициент полезного действия водопотребления: бетонирование каналов, новую технику полива, автоматизацию гидротехнических сооружений. Водохозяйственные балансы разрабатываются по каждому источнику орошения. Все более широким становится маневрирование водой. Так, зарафшанская вода поступает во многие районы Кашкадарьинской области, а Бухарский оазис почти полностью переведен на полив амударьинской водой. Но маневрируют резервами. Не будет резервов, нечем будет и маневрировать.

Один из наиболее частых упреков в наш адрес: вы плохо используете свою воду. Так ли это? Возьмем бассейн реки Сырдарьи, ресурсы которой практически исчерпаны: мы даже ни разу не наполнили до проектных отметок Токтогульское водохранилище, чаша которого позволяет аккумулировать более половины годового стока реки Нарын. В Ферганской долине, которая производит более полутора миллиона

тонн хлопка в год, орошаемая пашня очень продуктивна, здесь гектар дает продукции почти на две тысячи рублей, то есть столько же, сколько семь неорошаемых гектаров. А ирригационные системы здесь старые, см коэффициентом полезного действия 0,6. Но означает ли это, что мы безвозвратно теряем в этой межгорной котловине почти половину поливной воды? Вовсе нет. Природные условия таковы, что вся профильтровавшаяся вода вновь оказывается в Сырдарье, но ниже по течению, и снова подается на поля.

В Голодной степи противофильтрационные мероприятия резко снизили потери воды, подняли КПД системы до 0,8. В целом же коэффициент использования сырдарьинской воды приближается к единице. Это очень высокий показатель. Но по мере его повышения качество воды в нижнем течении реки становится все хуже. Подкреплю свои доводы цифрами. Водами Сырдарьи орошается три миллиона гектаров. При потребности одного гектара в 9 тысячах кубометров из реки необходимо взять 27 кубических километров, а весь ее сток, который можно использовать – 30 кубических километров. Поделив первое на второе, мы получим КПД 0,9. А в некоторых публикациях утверждается, что КПД сырдарьинской оросительной системы равен 0,5 – 0,6. Это идет от недостаточного понимания существа вопроса. Конечно, есть немало примеров нерационального использования и сырдарьинской воды, приводящего к заболачиванию и засолению земель. Но беспомощность отдельных руководителей ни в коей мере не определяет лицо нашей водохозяйственной политики, цель которой – получение максимального эффекта от каждого направленного на поля кубометра влаги. Кстати, о повышении эффективности использования воды говорят и обобщенные данные. Так, за последние 20 лет водозабор на нужды сельского хозяйства в регионе вырос на 40 %, продуктивность же орошаемого клина увеличилась на 91 %. А водозабор на один миллиард рублей сельхозпродукции за это время сократился вдвое. Коэффициент использования поливной воды у нас значительно выше, чем в Соединенных Штатах.

С. К. Зиядуллаев. Другие участники круглого стола журнала «Наш современник», не отрицая положительной роли мелиораций в аридной зоне, также распространяют негативные выводы, полученные на основе анализа мелиоративной практики в Черноземье, далеко за его пределы. Так, доктор биологических наук Назаров высказал глубокую озабоченность тем, как уберечь наше и будущие поколения от осуществления глобальных проектов переброски рек, научно необоснованных и непопулярных. В самой категорической форме я заявляю, что для трудящихся Средней Азии приход сибирской воды – самая актуальная на сегодняшний день проблема. Она не придумана специалистами, а выдвинута жизнью, ходом экономического развития края, задачами завтрашнего дня. Ни о какой необоснованности и непопулярности переброски части стока сибирских вод в бассейн Аральского моря у населения нашего края не может быть и речи. Напротив, десятки тысяч людей из всех слоев общества приведут самые убедительные аргументы в пользу скорейшего осуществления этого проекта. И это, повторяю, не местный патриотизм, не местническое стремление урвать у государства побольше капитальных вложений, а интернационалистское желание как можно больше дать родной стране.

Доктор технических наук Некрасов считает, что в наших проектных разработках потребный водозабор значительно преувеличен, так как в его основе лежат завышенные на одну треть нормы полива сельскохозяйственных культур. Он заключает: «Искусственно созданное завышение привело авторов («Союзгипроводхоз») к выводам о необходимости проектирования и строительства глобальных, невиданных в мире водохозяйственных сооружений». В отношении проекта канала Сибарал эти выводы необъективны. Наверное, за 12 лет работы над технико-экономическим обоснованием переброски сибирской воды в Среднюю Азию и за три года рассмотрения материалов экспертной комиссией Госплана СССР были достаточно полно учтены как положительные, так и отрицательные аспекты проблемы.

Нельзя согласиться и с утверждением академика Егорова, что в Средней Азии можно сберечь для целей орошения 10 кубических километров воды, которые сейчас ежегодно расходуются на промывку засоленных земель. Рассмотрим простой пример. Если подавать на гектар в вегетацию 10 тысяч кубометров воды, и если каждый ее литр будет содержать один грамм солей, а в среднем так и получается, то ежегодно на гектаре будет прибавляться 10 тонн солей. Если их не выводить с помощью промывок, земля очень скоро перестанет быть плодородной. Так что расход воды на промывку земель сократить не удастся.

По мнению отдельных ученых, в республиках Средней Азии собственные водные ресурсы далеки от исчерпания, так что с переброской сибирской воды вполне можно повременить. Несостоятельность и абсолютная беспочвенность этого утверждения нами уже доказывалась. Комплексная реконструкция ирригационных систем на землях старого орошения не может быть достойной внимания альтернативой переброски, так как обойдется в 12 миллиардов рублей, а сбережет всего пять кубических километров воды. Да и эта сэкономленная вода будет использована для повышения водообеспеченности староорошаемой пашни.

В. А. Духовный. Не могу согласиться с тем, что антимелиоративные настроения части нашей научной и творческой интеллигенции основываются на неэффективности мелиорации в Черноземье и других районах. Эти настроения основываются на незнании фактического положения дел в сельском хозяйстве. В стране имеются великолепные примеры высокоэффективного орошения черноземов. Это в

первую очередь Ставропольский край, где орошение совместно с комплексом систем зонального земледелия позволяет постоянно получать высокие урожаи сельскохозяйственных культур при неуклонном наращивании плодородия земель. А возьмем прекрасные показатели земледелия в Литовской и Эстонской ССР. На протяжении последнего десятилетия они получают урожай зерновых, производят мяса и молока на душу населения на уровне ФРГ и Голландии. А ведь основой нарастания плодородия земель здесь является 90-процентная обеспеченность дренажем и освоение научно разработанных севооборотов.

Особую эффективность, бесспорно, мелиоративные работы имеют в нашей зоне, богатой солнцем, плодородными почвами и вековым опытом орошения земель. Теперь позволю себе подробно остановиться на экономическом обосновании проекта переброски. Что мы, как говорится, должны вложить, на какие затраты пойти, и что получим. Начну с того, что каждый рубль, вложенный в ирригацию и мелиорацию Средней Азии, окупается примерно за шесть лет. Этот показатель наиболее высокий в стране. Действительно, природные и социально-экономические условия для развития орошения в Средней Азии наиболее благоприятные. Теперь заглянем в перспективу. Людские ресурсы региона очень скоро позволят обработать 15 миллионов гектаров орошаемых земель. Мощности строительных организаций, однако, не столь велики, но и они в состоянии довести, через две-три пятилетки, площадь поливного клина в крае до 10 миллионов гектаров. Собственные же водные ресурсы позволяют вести разговор об орошении 8,4 миллиона гектаров, при сегодняшнем фонде наших поливных земель 7 миллионов гектаров. Какое-то количество воды нам сэкономит дальнейшее совершенствование водопотребления. Данные, однако, говорят о том, что на местном стоке мы существенно свой орошаемый клин не расширим.

Темпы освоения новых земель уже сегодня ниже, чем в 1970 – 1980 годах. В связи с этим Узбекская ССР ежегодно будет недополучать все более существенную сумму. Суммарные потери до двухтысячного года существенно превысят размер капиталовложений на сооружение объектов первой очереди переброски, включая освоение земель. Водохозяйственная, экономическая и демографическая обстановка в регионе складывается таким образом, что безотлагательно требует дополнительного привлечения водных ресурсов. Нам возражают: экономнее расходуйте воду, шире используйте возвратные и подземные воды. Но по мере улучшения водопотребления объемы возвратных и подземных вод неуклонно снижаются, и многого мы здесь не выиграем, не наэкономим. В перспективе повышение КПД оросительных систем, с учетом полной их автоматизации, до 0,88 приведет к сокращению объемов возвратных вод на 10 кубических километров, но стоимость соответствующих мероприятий составит 10,3 миллиардов рублей. К тому же, привести в идеальный порядок все ирригационные системы Средней Азии в ближайшую перспективу практически невозможно. Эти работы придется вести на живом организме, выключая ежегодно из сельскохозяйственного оборота пять процентов обрабатываемых земель. Одно это повлечет за собой ежегодный недобро валового продукта на 250 миллионов рублей. К этому времени значительно возрастет сельское трудоспособное население, понизится национальный доход на душу населения. Таким образом, это не перспективный вариант, не альтернатива проекту переброски. Недостающую воду нам должна дать Сибирь, конкретно – канал Сибарал.

К возведению объектов такого масштаба водохозяйственные организации республик Средней Азии готовы. Так, если длина Сибарала 2550 километров, то длина Каракумского канала 1440 километров. Расход Сибарала 1000 кубических метров воды в секунду, а Южного Голодностепского канала вместе с деривацией Фархадской ГЭС – 780 кубометров в секунду. Высота подъема насосами воды на Сибарале 110 метров, а на Каршинском магистральном канале 156 метров. Примерно так же сопоставимы и объемы работ в денежном и материальном выражении. Стоимость всех работ первой очереди по переброске составит многие миллиарды рублей. Но и ежегодная прибыль тоже будет многомиллиардной. Она сложится из производства миллионов тонн зерна, мяса, плодоовощной продукции. Чтобы получить такую же зерновую прибавку в Сибири, необходимо вложить в производство минеральных удобрений 7 миллиардов рублей. Соответствующее увеличение производства животноводческой продукции, овощей и фруктов в других зонах страны потребует до 35 миллиардов рублей капиталовложений.

Переброска части стока сибирских рек одновременно решает и многие другие проблемы, раздельное решение которых повлечет за собой многократное увеличение затрат. Так, водоснабжение южного Урала и северного Казахстана путем сооружения автономных водоводов обойдется в один миллиард рублей. Сибарал обеспечит рабочими местами один миллион человек. Переселение такого количества людей из Средней Азии и обеспечение их рабочими местами в других районах страны будет стоить 28 миллиардов рублей. Сибирская вода снизит до допустимого уровня минерализацию воды в низовьях Сырдарьи и Амударьи. Здесь уместно заметить, что опреснение воды для целей водоснабжения будет стоить 4 миллиарда рублей. Всего совокупные затраты при раздельном решении этих проблем могут достичь 80 миллиардов рублей. Экономическая же и социальная значимость каждой из перечисленных проблем такова, что не решать их нельзя.

Может возникнуть вопрос: а каковы тенденции развития мирового сельского хозяйства, что подсказывает нам мировой опыт? В мире сейчас орошается 16 % сельскохозяйственных угодий, но они

дают ровно половину продуктов питания. К двухтысячному году будет орошено еще 150 миллионов гектаров, вследствие чего общая площадь орошаемого поля достигнет 400 миллионов гектаров. На эти цели будет израсходовано 600 миллиардов долларов. То есть, и тут наши планы вписываются в общемировое русло, отвечают общемировой тенденции упора на мелиорацию и интенсивные технологии возделывания сельскохозяйственных культур.

Г. Н. Кулешов. Проектирование первой очереди канала Сибирь – Средняя Азия начато в октябре 1983 года и будет завершено в 1989 году. В основе проекта технико-экономическое обоснование переброски, разработанное ранее. Напомню основные исходные данные. Трасса первой очереди пройдет от места слияния Иртыша и Оби на юг, поднимется по ступенькам насосных станций на Тургайский водораздел и с его немалой высоты устремится к Сырдарье и Амударье. Годовая подача воды 27 кубических километров. Водохранилища за водоразделом позволят равномерно загрузить головную часть канала в течение года и выдержать напряженный график водопотребления в вегетационный период, когда суммарный расход на орошение будет втрое превышать головной водозабор. Длина канала, насосные станции – все это уникально, с такими объемами работ наши проектировщики встречаются впервые. У инженеров дух захватывает. Многие, делясь своими впечатлениями, отмечают, что все то, над чем они сегодня самозабвенно работают, вчера было за чертой реального. Это, собственно, предопределяет высочайшую ответственность, высочайшую требовательность к себе. Люди работают творчески в полном смысле этого слова: всесторонне изучают исходные данные, мировой опыт, рассматривают, сопоставляют десятки вариантов, предлагают много интересных решений – и лучшие из них отбирают для проекта.

В. А. Духовный. Не успели эксперты одобрить технико-экономическое обоснование, как вы предложили новый вариант трассы южнее Тургайского водораздела и так основательно его подали, что с вами нельзя не согласиться. Это, я считаю, и есть творческий подход к порученному делу.

Г. Н. Кулешов. Действительно, тут мы уже кое-что улучшили. По сравнению с первоначальным вариантом наша трасса пройдет много восточнее, на более высоких отметках, то есть подкомандная ей площадь будет намного больше. Так, крупный Кызылординский рисовый массив мы теперь не огибаем с севера, а пересекаем посередине. Какие выгоды дает этот вариант? Трасса Сырдарьинского канала сокращается на 160 километров, две насосные станции на ней становятся лишние. Достоинством нового варианта является и то, что он дешевле. Очень быстро мы убедили оппонентов в его преимуществах, и сейчас с ним согласны практически все, от кого зависит принятие окончательного решения.

Читателей, конечно же, интересует, как организовано проектирование Сибарала. Генеральным проектировщиком является московский институт «Союзгипроводхоз». Он выполняет проектную документацию по головной части канала, вплоть до его 1127 километра. На этой трассе много ответственных сооружений: насосные станции, пересечения с руслами рек. Разграничительная линия проходит по Тургайскому водоразделу. Ниже – наш участок. От нашего института уже работают две изыскательские экспедиции, с базами в Кызылорде и Учкудуке.

Уникальные объекты канала будут укомплектованы техникой завтрашнего дня. Предстоит сконструировать и изготовить машины и оборудование, которые сегодня не выпускаются. Например, насос производительностью 125 кубометров воды в секунду будет в три раза мощнее самых крупных наших насосов, смонтированных на станциях Каршинсконго магистрального канала. Уже проектируются скрепера с объемом ковша 25 кубометров, бульдозеры мощностью 300 и более лошадиных сил, землеройные комплексы непрерывного действия, способные перерабатывать в час до 3000 кубометров грунта. На отдельных участках трассы будут задействованы земснаряды. Новые образцы землеройных машин проходят испытания у нас и в Туркмении.

В. А. Духовный. Хотя формально очередь до строителей дойдет не скоро, очень многое предстоит сделать заблаговременно, чтобы сразу после принятия решения можно было развернуть работы на всей трассе, в том числе и на сложном для нас головном участке, который проходит в безлюдных районах, лишенных инфраструктуры. Если не начать сейчас подготовку плацдармов наступления, неоткуда будет наступать. С этой истиной нельзя не считаться. Что такое строительный плацдарм? Приведу пример. Комплексное освоение Голодной степи, которым руководил Акоп Абрамович Саркисов, было начато с закладки Янгиера, с создания мощной производственной базы в городах, обрамляющих Голодную степь. Компетентность, огромный практический опыт в сочетании с редким человеколюбием, с большим доверием к молодым специалистам сделали его руководителем очень высокого, я бы сказал, непререкаемого авторитета. Так вот, вначале был построен Янгиер, а янгиерцы освоили Голодную степь – пусть не всю, но добрую половину. Имея за спиной надежный тыл, они уезжали в горячую степь за 50, за 100 километров, и поднимали целинные совхозы. А на субботу и воскресенья возвращались к семьям. На трассе Сибарала должны подняться свои Янгиеры.

С. К. Зиядуллаев. И то, что страна, Российская Федерация в частности, в который уже раз окажет нашему краю поистине бесценную помощь, поделившись с нами сибирской водой, пойдя на огромные материальные затраты, связанные с осуществлением проекта, станет фактором чрезвычайной важности в

дальнейшем единении наших народов. Сибарал – это материализованные нити нашего единства, такие же неразрывные, как железные дороги, газопровода, как миллионотонные потоки грузов к нам и от нас. И взять на себя осуществление этого невиданного проекта – наш интернациональный долг, наша прямая обязанность, вытекающая из внутрисоюзного разделения труда.

Г. Н. Кулешов. Трасса канала уже поделена. Для чего это сделано? Чтобы без авральных стрессов создать базы, плацдармы. Судя по всему, на строительные организации республики придется половина трассы, сооружение баз в Тобольске, Кургане. Надо как можно быстрее организовать передвижные механизированные колонны. Целиком согласен с Зиядуллаевым: разворачивать работу среди молодежи, формировать отряды добровольцев-энтузиастов надо уже сегодня.

В. А. Духовный. Ирригаторы прекрасно понимают, что сама по себе переброска сибирских рек не решает вопроса водообеспеченности народного хозяйства Средней Азии, потому что сохранение нынешних удельных расходов воды при росте населения и экономического потенциала потребовало бы в перспективе увеличить общее потребление воды до 170 кубических километров в год. Совершенствование же водопользования позволит обеспечить почти двукратный рост валовой продукции сельского хозяйства при увеличении водных ресурсов региона всего на 16 %. Таким образом, мы рассматриваем повышение продуктивности орошаемой пашни и перераспределение стока наших рек как два необходимых параллельно осуществляемых условия успешного развития региона.

Особое внимание мы уделяем совершенствованию эксплуатации оросительных систем. Здесь важным рычагом будет передача всей внутрихозяйственной сети на баланс водохозяйственных организаций. Предполагается четко разделить ответственность между мелиоративными органами, которые должны создавать плодородие земель, и сельскохозяйственными организациями, задачей которых является умелое использование плодородия этих земель. При этом предлагается ввести четкие экономические рычаги путем установления платы за водообеспеченный и мелиорируемый гектар земель в процентах от стоимости получаемой продукции.

Г. Н. Кулешов. Хочу высказать вот какое мнение. Даже в нашем засушливом рае многие не знают действительной цены воде, не воспитаны в духе экономного ее расходования. Средства массовой информации призывают беречь хлеб, металл, электроэнергию. А где призывы беречь воду? Она для нас тот же хлеб. Она олицетворяет собой все многообразие продуктов питания и растительного сырья, производимого в регионе.

x x x

В своих выводах – а в их основе лежит скрупулезный анализ огромного фактического материала – участники нашего круглого стола единодушны: без сибирской воды быстро растущее население региона мы не обеспечим продуктами питания собственного производства. В Средней Азии идет стремительное количественное и качественное истощение водных ресурсов. Масштабы хозяйственной деятельности человека придают этому процессу необратимый характер. Свидетельство тому – все более значительное недополучение продукции в маловодные годы, ухудшение качества воды в низовьях Сырдарьи и Амударьи, прогрессирующее усыхание Аральского моря. Речь идет о здоровье сотен тысяч людей, живущих в низовьях этих рек, а это уже не проблема местного характера. Когда у нас попадает в беду один человек, руку помощи ему часто протягивают десятки и сотни людей. И надо сказать, что сознание исполненного долга – награда из очень высоких. Чтобы отвести беду от сотен тысяч людей в низовьях среднеазиатских рек, нужны усилия всей страны, нужна чистейшая сибирская вода с практически ничтожным плотным остатком. В этом смысле проблема водного благоустройства Средней Азии давно уже приобрела общегосударственный характер, и ее решение требует подхода именно с этих позиций – с позиций дальнейшего увеличения вклада региона в экономический потенциал страны.

На объектах первой очереди Сибарала, включая сотни новых целинных совхозов, будет занято около миллиона человек. Значит, менее остро будет стоять вопрос использования трудовых ресурсов края. Расчеты говорят о высокой экономической эффективности проекта переброски. К моменту пуска канала можно будет подготовить 250 тысяч гектаров орошаемых земель, пойдя для этого на некоторое снижение водообеспеченности земель существующего орошения. В этом случае полезную отдачу получим сразу же, и строительство последующих очередей канала можно будет вести за счет получения этих доходов.

Неисчислимы социальные последствия осуществления проекта. Сибирская вода на десятилетия, если не на века, определит будущее края, даст мощный импульс развитию производительных сил, приведет к созданию агропромышленного комплекса, сопоставимого по своему потенциалу с житницами Украины, Северного Кавказа, но гораздо более стабильного по своим показателям благодаря независимости от погодных условий. Благотворное влияние планируемых преобразований на будущее края столь очевидно, что нет необходимости напоминать о полной поддержке проекта трудящимися всех среднеазиатских республик. И наша молодежь полна решимости связать свою судьбу с небывалой стройкой, сделать все, чтобы большая сибирская вода как можно скорее пришла на просторы нашего края.

С ВОДОЙ И БЕЗ ВОДЫ

Читательский интерес к дискуссии сторонников и противников переброски в южные районы страны части стока сибирских рек постепенно теряет остроту. Доводы сторон приведены и многократно повторены. Сближения позиций не произошло, напротив, все больше сил тратится на закрепление размежевания, на подчеркивание различий в точках зрения. Сторонники переброски не видят принципиальной разницы между пресной водой и другими природными ресурсами, которые человек давно добывает там, где они есть в избытке, и перемещает туда, где в них ощущается недостаток. Это, утверждают они, азбука любого хозяйственного обмена. Почему же дефицит воды не восполнять точно таким же образом? Их оппоненты заявляют, что резервы в использовании собственной воды в той же Средней Азии еще велики и потому вопрос о переброске ставится явно преждевременно. Кроме того, они считают, не очень, правда, заботясь о доказательствах (на это есть специалисты), что изъятие воды из Оби и Енисея причинит невосполнимый ущерб окружающей среде в Западной Сибири и Приаралье.

Вот, вкратце, исходные положения, выдвинутые сторонами. Их можно развивать и обосновывать, привлекая как богатейший фактический материал, так и доводы логики. Гипотезы тоже могут быть пущены в ход, такие, например, что Северный Ледовитый океан станет еще более ледовитым или что в Западно-Сибирской низменности площадь болот пойдет на убыль. Обсчитать это математическими методами сегодня нельзя, но возражение брошено – поди сладь с ним, когда оно не поддается обмеру и обсчету!

Во мне подспудно жило чувство, что с проектом века что-то случится, и случится именно на стадии перехода от изысканий, научных исследований и проектных проработок к его практическому осуществлению. Речь пойдет о реальных миллиардах, а на миллиарды всегда много охотников. Всегда найдутся люди, которые приведут десятки доводов в пользу того, что эти миллиарды используют с большей отдачей. Так было, когда решалась судьба Голодной степи. Кастандов, руководивший химической промышленностью, говорил: «Зачем нам хлопок? Построим заводы химического волокна и завалим страну синтетикой!» Но живая человеческая душа уютнее чувствовала себя в одежде из хлопка, и орошение Голодной степи себя оправдало. Однако мысли, что у страны вообще не окажется миллиардов на канал Сибирь – Средняя Азия, не приходило. Очень многое, оказывается, было скрыто от нас в годы, когда гремели несмолкаемые аплодисменты по поводу нашего очередного приближения к светлому завтрашнему дню, и бессчетные золотые звезды вешались на одну грудь.

Кажется, у Антуана Экзюпери есть такой эпизод. Авиакомпания привозит к водопаду Виктория группу бедуинов из Сахары. Бедуины стоят, зачарованные огромными массами низвергающейся, ревущей воды, и не желают возвращаться. Они ждут, когда водопад иссякнет. Ведь в их представлении вода – это то, чего всегда мало. Тогда им говорят, что водопаду десять тысяч лет и он не может иссякнуть. Они поражены, уязвлены в самое сердце. И старейший из них восклицает: «О, Аллах! Ты безмерно велик, создав этот водопад, в котором вода никогда не кончается. Но ты и несправедлив: ты обделил водой нас, бедуинов, жителей горячих песков Сахары!»

Ежегодно молодежные издания публикуют проекты транспортировки гигантских айсбергов из Антарктики к берегам Австралии и Аравии. Это что, фантастика, утопия? Или естественная реакция человека здравомыслящего и дальновидного на реальные условия его бытия в этой самой Австралии и Аравии? Дефицит чистой воды заставляет оглядываться по сторонам и искать, предлагать варианты на первый взгляд немыслимые. Дефицит воды точно так же заставляет поступать и нас. Упрек тысячеустный, хорошо срежиссированный: «Вы плохо используете имеющуюся воду!» Не совсем плохо и не всегда плохо. Но, ладно, плохо. Пройдет время, и слово «плохо» заменит слово «хорошо». Это неизбежно, без этого мы не представляем себе завтрашнего дня. Что тогда? Вот бы и получить тогда дополнительную воду, нужную до зарезу. Но мы будем от нее страшно далеки, ибо канал Сибирь – Средняя Азия с уникальными насосными станциями нельзя построить быстрее чем за 15 – 20 лет. Дополнительной воды не будет еще очень и очень долго.

Здесь есть во что углубиться мыслью.

Юг страны обделен водой. Это аксиома, от этого факта никуда не уйти. Природа распорядилась так, что на долю а страны приходится лишь 16 % стока. Дефицит воды имеет место в бассейнах Дона и Днепра, Урала и Терека. В бассейнах Сырдарьи и Амударьи он наибольший. Русло Сырдарьи при впадении в Аральское море давно уже сухое, по дельте Амударьи возможны лишь небольшие попуски – их называют санитарными, хотя они отнюдь не возвращают к жизни некогда обширный и обильный рыбой водоем. Маловодье уже не раз и не два перечеркивало наши планы. Я видел под Наманганом высохши яблоневые и гранатовые сады, они не получили за лето ни одного полива, и рисовые чеки в Каракалпакии, перепаханные под кукурузу. Это жалкое зрелище. Природа еще умеет показать человеку его бессилие и делает это гораздо чаще, чем нам видится в тиши городских квартир. Средний урон каждого маловодного года – полмиллиарда рублей только по одному Узбекистану. И в этих условиях упрек: «Вы плохо

используете свою воды! – издевка и демагогия. Собственно, а где в стране вода используется лучше? Нигде! Ибо вековой опыт коренного населения в ведении орошаемого земледелия – это огромное богатство, еще не оцененное в полной мере. Оно органически входит в наше национальное достояние.

Нам свойственно нетерпение. Оно – от нашей устремленности в завтра; мне кажется, свойственно оно и социализму в целом. Не раз и не два забегание вперед вредило нам, и очень, отбрасывая назад, но не излечивая от нетерпения и не приучая к строжайшей последовательности в достижении целей. И нравится нам это человеческое качество или нет, не играет роли – оно есть, и оно влияет на поступки.

Есть в позиции противников переброски момент, совершенно для нас неприемлемый: издалека, а часто и свысока, не зная наших нужд и забот, они решают за нас, что нам делать и как жить дальше. Выходит, можно извлекать в больших количествах из недр тюменских нефть и газ, ресурсы не возобновляемые, объясняя это высшими интересами страны, а вот воду, ресурс возобновляемый, не тронь, не покушайся на нее и в плане дальнего прицела. Вода Оби для Средней Азии объявляется неприкосновенной. В ответ мы просто недоуменно пожимаем плечами. Можно на разных уровнях вести спор. Можно остановиться на уровне взаимного непонимания и ни к чему не прийти. Не следствие ли это нетерпимости к точке зрения, полярно противоположной? Нетерпимость к иному мнению уже ой как дорого обошлась к стране. Не случайно даже в Политбюро раздаются голоса, что следует терпимо относиться к отдельным поискам, привыкать к необычному, не стараться быть судьями во всем и вся. Надо учиться уважать оппонента, не считать его непременно злоумышленником, отвинчивающим гайки у социализма.

Уже давно в нашей стране никто не сидит без хлеба. Уверен, что никто не останется и без воды, и будет она прозрачной и вкусной. Но большой работы это будет стоить. Очень большой.

Читатель уже обратил внимание, что журнал «Звезда Востока» защищает не проект, а идею переброски, идею восполнения водного дефицита в Средней Азии посредством подачи воды из соседнего региона, где ее избыток. Мы не берем на себя функции экспертов, одобрять или опровергать проект – не наше дело. Но увидеть насущную потребность жизни в выдвинутой идее нам по силам, как по силам и во всеуслышание об этом заявить.

Проблема преодоления дефицита (ресурсов, товаров, услуг, умов) – проблема общемировая, общечеловеческая. Наиболее просто она решается с помощью метода сообщающихся сосудов. Те, кто чем-то богат, стремятся реализовать излишки. Те, кому чего-то недостает, стремятся приобрести недостающее. Торговый ли обмен вступает в дело, или помощь на взаимно выработанных условиях, не суть важно. Это настолько прочно вошло в плоть и кровь человеческого сообщества, что напоминать об этом как-то неудобно. И в этой связи совершенно непонятно, почему Средняя Азия может получать из других районов страны в обмен на свою продукцию порядке помощи для ускорения развития зерно и нефть, но не может получить пресную воду. Еще раз напомню, что вода, в отличие от нефти, в природе возобновляется.

Особняком стоит проблема Аральского моря. Это боль наша, это и укор самим себе, на который трудно ответить: почему молчали? Арал гибнет, и реальной помощи ждать ему не от кого и неоткуда. Собственные реки выпиты хлопковыми полями до замшелых валунов, которыми выстлано их дно, и в Арал не впадают, а сибирская вода теперь от нас много дальше, чем двухтысячный год. Экологическая обстановка в оазисах южного Приаралья сейчас неблагоприятна чрезвычайно. Жители Нукуса. Ташауза и Ургенча вынуждены пить воду низкого качества. Высокая детская смертность в Каракалпакии, эпидемии гепатита не в последнюю очередь объясняются и этим обстоятельством. Можно дать волю эмоциям, встать в позу и заявить: «Вы сами же и виноваты!» Но это ничего не изменит. То, что случилось с Аралом, печальное следствие хозяйственной необходимости. Ибо прогноз ученых в шестидесятые годы в отношении Аральского моря, каким бы он ни был, не остановил бы развития орошаемого земледелия в среднеазиатских республиках. И выявить и назвать сегодня виновных занятие хотя и нужное, но малополезное. Хлопковая независимость – а мы заслуженно гордились и гордимся ею, ибо для ее достижения трудились не покладая рук миллионы, и сегодня Советский Союз экспортирует не зерно и не мясо, а хлопковое волокно, один Узбекистан отгружает за рубеж ежегодно сотни тысяч тонн этого ценнейшего сырья, - так вот, наша хлопковая независимость чего-то стоит. И, как сегодня выясняется, стоит она дорого. Именно она лишила Арал Сырдарьи и Амударьи.

Монокультура хлопчатника – а под ним занято до восьмидесяти процентов орошаемой пашни – посадила нас на голодный овоще-фруктовый паек, подрезала корни животноводства. На базарах нашего края, самой природой предназначенного для фруктового изобилия, овощи, фрукты и виноград дороже, чем в Москве. Монокультура гибельна для плодородия почвы. Как следствие, средства на возделывание хлопчатника растут, урожайность же топчется на месте, а то и скользит вниз. И не утратившая ли урожайную силу земля, не монокультура ли хлопчатника дали первый толчок тем страшным по своим последствиям приписках в хлопководстве, которые так уронили авторитет Узбекистана в глазах страны?

Мне кажется, ничто не нанесло большего урона проекту века, чем приписки и другие уродливые явления, имевшие место в республике в недавнем прошлом. Хозяйственное обоснование проекта сразу же

было взято под сомнение: что же это вы, товарищи, вписываете в графу экономического эффекта несуществующую, мифическую урожайность? Вот Каршинская степь, в ее орошение уже вложены миллиарды. Ну, а что на второй чаше весов? Действительно, а что на второй чаше? На ней совсем немного, миллиарды так и остались неуравновешенными. Комплексность в освоении засушливой целины, которой мы так хвастались в годы громкого славословия при стоянии на месте, нами же была нарушена, целинные совхозы долго оставались без жилья и соцкультбыта, а земли – даже без дренажа. Гектарщики, которых пускали на новые земли первыми и которые вносили за их аренду немалую плату (следственные органы устанавливают, кому и сколько), эти земли погубили хищнической, неумеренной и неуемной эксплуатацией. Сливки в виде лука, арахиса, арбузов снимались быстро, а хлопчатник уже не рос на испоганенных площадях и без того заботливого ухода, который необходим этому «дитя солнца». Гектарщики отбывали дальше, а переселенец мучился на земле, которая надолго становилась неурожайной. Возвращение к порядку, тому порядку внутри нас и вокруг нас, без которого нет социализма, не может быть легким и не укладывается в какое-нибудь разовое мероприятие. Предстоит огромная целеустремленная работа, предстоит вовлечение в эту работу молодежи, подвижников и энтузиастов, руки и души которых еще чисты, еще не соприкасались с язвами коррупции и протекционизма.

Но не может быть и сомнения в том, что порядок на земле, в нашем сельском хозяйстве восторжествует, и тогда земля и вода, единение которых и дает орошаемую пашню, будут использоваться несравненно продуктивнее, и земля откроет дехканину весь заложенный в ней потенциал. Так можно ли, правомочно ли говорить: «Вы плохо используете свою воду», умалчивая о земле, возлагая за это вину на мелиоратора, но ничего не говоря о земледельце, который один и есть, точнее, должен быть хозяином земли? Хозяин? Как бы не так. Однажды отступив от ленинского лозунга «Земля – крестьянам», мы все время пытаемся, но только пытаемся вновь к нему приблизиться, вновь пристально в него вглядеться. Семейный и бригадный подряд – это уже довольно близкое, довольно жизнеспособное приближение. Земля без хозяина – это и вода без хозяина.

Отношение человека к земле, вообще, дело тонкое, деликатное, очень близкое к взаимной приязни, ибо урожай не есть деяние одного человека, но и отдача земли на заботу человека о ней, и правила здесь вырабатывались многими поколениями крестьян-кормильцев. Тем более тонкое дело отношение человека к земле поливной. Здесь ответственность особенно велика, и нужны глубокие навыки и строгие жизненные устои, отделяющие раз и навсегда «можно» от «нельзя». Нельзя, в частности, переполивать, перекармливать землю азотом и гербицидами, сеять десять и двадцать лет подряд хлопчатник по хлопчатнику… Но всего этого нельзя делать на своем поле, а на общем? Семьдесят советских лет выявили достаточно четко, что общее – это еще не мое. И все, что мы заносим в графу «общее», содержится у нас далеко не в идеальном состоянии, будь то присутственные места или окружающая среда.

Что значит отрыв от лозунга «Земля – крестьянам», мы знаем по полкам наших продовольственных магазинов. Мы уже поняли, что косметикой здесь не обойтись. Косметики же обыкновенно хватает на год-другой, полки же гастрономов не ломятся от продуктов гораздо дольше. Но даже когда земля получит своего хозяина номинально, пройдет еще немало времени, прежде чем люди почувствуют себя полноправными ответчиками за землю, прежде чем осознают, что ими уже никто не командует и они самостоятельны в принятии решений. Да, земля и вода не терпят хозяйствования неграмотного, казенного, и отсутствие настоящего единения человека с землей, которое одно и может дать настоящего хозяина, обходится стране все дороже.

Орошаемое земледелие в последние годы довольно устойчиво сокращает удельное потребление воды. И все же работа по экономии водных ресурсов должна проводиться более целенаправленно. Как прогнозируют метеорологи, до конца нынешнего века повторяемость сильных засух может увеличиться. Это значит, что устойчивость нашего сельскохозяйственного производства будет прямо зависеть от интенсивности работ по мелиорации земель. Сегодня наша инвестиционная политика уже предусматривает увеличение вложений в реконструкцию существующих систем. Это можно рассматривать и как прямую реакцию на критику Залыгина, других представителей широкой общественности. Впрочем, эти проблемы стояли в повестке дня очень давно, но их решение постоянно отодвигалось нехваткою средств. Но даже при условии выполнения всех водосберегающих мероприятий народное хозяйство страны к двухтысячному году будет обеспечиваться водой с большим напряжением, и в Средней Азии дефицит водных ресурсов проявит себя с силой, которая крайне негативно отразится на экономическом и социальном развитии здешних республик. И вновь, только уже гораздо более остро, встанет вопрос о принципиально новых водосберегающих технологиях и территориальном перераспределении стока. От этого нам не уйти, как не уйти от ленинской многократно проверенной жизнью формулы: орошение более всего нужно и более всего пересоздаст край… О каком же дальнейшем пересоздании края можно вести речь, если нечем будет орошать? К такой ситуации в обществе социалистическом, живущим по пятилетним и перспективным планам, принято готовиться заблаговременно. Наверное, нам пора иметь, в дополнение к программам продовольственной и энергетической, и целевую комплексную программу «Водообеспечение» с научно

обоснованной стратегией рационального снабжения водой всех регионов страны. На юге приоритет, вне сомнения, следует отдать агропромышленному комплексу. И изложение в печати односторонних точек зрения в этом вопросе только дезориентирует общественность.

И по сей день бороздковый полив – почти единственный способ орошения в Узбекистане. Арык в земляном русле, поливальщик с кетменем, струя, пущенная на глазок в одну борозду, в другую; гектар, политый за день. Просто, надежно, но и примитивно, ибо так же поливали деды и прадеды, но и расточительно, ибо, пока струя дойдет до конца борозды, ее начало переувлажнится. Ничего другого в арсенале земледельца сегодня нет. Лет двадцать назад еще применялась дождевальная техника, но особых преимуществ она тогда не показала. Что-то есть на экспериментальных делянках, капельное орошение. Например, но пока это двинется на миллионы гектаров! Капельное орошение – это миллионы погонных метров труб, это сотни тысяч тонн металла, это деньги и удорожание продукции, но это и неизмеримо более высокая культура орошаемого земледелия. А хватит ли денег?

Специалисты считают, где, как и на чем сэкономить воду, во что это обойдется и что это нам даст. И результаты их расчетов не очень-то обнадеживают. Сэкономленной воды может хватить еще на один миллион гектаров, но стоить это будет почти столько же, сколько и первая очередь канала Сибирь – Средняя Азия. На эти затраты, однако, надо пойти, нельзя не пойти, ибо без них порядка в водопользовании не навести. Каналам в земляном русле давно нужна бетонная противофильтрационная рубашка, горизонтальный и вертикальный дренаж должен надежно регулировать уровень грунтовых вод. А дальше? Если в предыдущие годы Узбекистан осваивал по 90 тысяч гектаров новых проливных земель, то план на 1988 год – 30 тысяч гектаров. Всего! А сколько поливных гектаров уйдет под городскую застройку, дороги? И не останемся ли мы формально с плюсом, а фактически с минусом?

Мы считаем, что у нас хватит здравого смысла занять наши земли не только хлопчатником, но и люцерной – прекрасным оздоровителем почв и высококалорийной кормовой культурой, внедрить севообороты и таким способом вернуть истощенной пашне ее былое плодородие и еще поднять его там, где оно высоко и сегодня. В этой связи нельзя не сказать о корректировке плана по хлопку на 1988 год. План уменьшен на полмиллиона тонн и стал 5, 25 миллиона тонн. Но столько хлопка-сырца Узбекистан произвел за последние три года только однажды – в 1985 году. При таком «уменьшенном» но все же крайне напряженном плане сколько-нибудь существенного высвобождения площадей из-под хлопчатника не произойдет. По-видимому, Госплану страны надо еще раз взвесить, что сегодня лучше и выгоднее – один миллион тонн хлопка-сырца или десять миллионов тонн овощей и фруктов. Тем более, что часть хлопкового волокна производства предыдущих лет так и остается невостребованной. Высокая хлопковость орошаемой пашни все более ощущается населением Узбекистана как гиря и тормоз.

Но обратимся к читательским откликам. Письма принесли в редакцию журнала мнения самые противоречивые, при явном преобладании мнений о том, что Средней Азии уже в ближайшем будущем понадобится сибирская вода и что без этой воды региону не обойтись. Начну с мнений крайних, они говорят о том, к каким неожиданным всплескам и выбросам может привести дискуссия, которая ведется на пределе допустимых температур и эмоционального накала и которая все более разделяет, размежевывает оппонентов. Искандер Тимуров, рабочий из Саратова, под воздействием аргументов Залыгина обвинил Воропаева и проектировщиков вообще в воровстве народных денег и игре на публику, назвал наглым враньем статистические данные о том, что в Узбекистане душевое потребление мяса вдвое ниже, чем в СССР в целом. Институт водных проблем Академии наук СССР назван, соответственно, жирной кормушкой для беспринципных спецов. А несколько человек, тоже из России, обвинили противников переброски в русском шовинизме.

Понимаю, не на такую реакцию рассчитывали участники дискуссии. Крайности и есть крайности, и их положено отбрасывать, открывая путь доводам здравого смысла. То, что и Воропаев, и Залыгин продолжают занимать высокие посты, лучше всего говорит о правомочности их полярных точек зрения; единомышленников же у каждого из них не мало. Сам я давний сторонник того, что Средней Азии нужна сибирская вода, и не спешу менять свои взгляды только потому, что кому-то они не нравятся. Знаю, что такое вода для нашего края. И как с нею обращаться, знаю, и знаю, что не везде еще ее расходуют по-хозяйски. Знаю, что такое оставить без воды хлопковое поле, сад, целое хозяйство. Могу предположить, в какую сумму выльется дотация государства среднеазиатским республикам при прогрессирующем водном голоде на рубеже тысячелетий и дальше. Экономисты считают, что эти дотации намного превысят стоимость канала Сибирь – Средняя Азия, и мне кажется, что они гораздо ближе к истине, нежели люди, делающие все для того, чтобы наш регион не увидел сибирской воды.

Но хватит слушать самого себя, слова просят из рублики. «Статьи о водном кризисе в Средней Азии явились для меня, простой читательницы «Звезды Востока», холодным душем, - пишет Наталья Есина из Свердловска. – Странно, что об этом в полный голос заговорили лишь сейчас». «Зачем все свои реки вы перегородили плотинами? – спрашивает Елена Фролова из Москвы. – Почему позволяете Аралу красиво умирать? Спустите потихоньку все искусственные моря в реки, спасите Арал, а потом наполните свои

водохранилища снова. Посоветуйтесь со старыми мирабами, как быть, вы ведь видите, что наука только все загубила». Простим читателю его неискушенность. Сочувствие и сопереживание – первый шаг к пониманию проблемы.

Инженеры высказываются более аргументировано. Слово инженеру-геодезисту Алексею Киму из Ташкента: «По Залыгину, мнение специалистов в маневрировании водными ресурсами не стоит ничего, так как они защищают честь мундира. Другое дело общественность, которая бескорыстна и в силу своей бескорыстности всегда права. Но всегда ли она была права? Общественность была против Брестского мира и за Трофима Денисовича Лысенко… Жонглирование недостоверными фактами, прокурорский тон – не из незыблемого ли они права писателя на художественный вымысел? Но нельзя же так вольно пользоваться этим литературным приемом при обсуждении важнейшей социально-экономической проблемы. Вы говорите, что потери воды в канале Сибирь – Средняя Азия будут так же велики, как и в Каракумском канале. Но первый пройдет по глинистым грунтам, второй проложен по пескам. Коэффициенты фильтрации в глине и в песках разнятся, как небо и земля. Вы постоянно обвиняете министерство водного хозяйства в том, что оно действует по затратному принципу. Позвольте, а разве вся наша экономика работает не по этому принципу? И могло ли министерство, как часть целого, а не государство в государстве, работать по-другому? И почему бы вам в таком случае не обвинить в затратных тенденциях органы повыше министерства? Может быть, вы все-таки докажете нам, что водные ресурсы Средней Азии неисчерпаемы вопреки расчетам ученых, которым не очень-то следует верить? Убедите нас не терять оптимизма? Решать за нас наши злободневные вопросы – неблаговидное дело. Мы сами разберемся, что и как, и внесем в правительство предложения, которые устроят и нас, и страну. По моему глубочайшему убеждению, только сибирская вода в состоянии приостановить усыхание Аральского моря и восстановить природную среду вокруг него».

Пожалуй, следует привести выдержки из письма видных гидротехников Тухтамыша Баймирова, Виктора Духовного и других, назвавших его «Писателям СССР»

«В прежние времена писатели были верными союзниками мелиораторов, гидростроителей. Максим Горький создал творческий коллектив, который освещал сооружение Беломоро-Балтийского канала. Бруно Ясенский прокладывал Вахшский канал под пулями басмачей. Его впечатления о преобразовании пустыни переданы в романе «Человек меняет кожу». Андрей Платонов, будучи инженером-гидротехником, прекрасно отразил труд наших коллег в повести «Джан». «У дивных гор» Валентина Катаева, «Тайна Сырдарьи» Уйгуна – разве эти яркие произведения не о подвигах советских гидростроителей? Юрий Трифонов два года делил все тяготы жизни в пустыни со строителями Каракумского канала и подарил нам роман «Утоление жажды». Константин Симонов вдоль и поперек исколесил Голодную степь в пору ее интенсивного освоения.

И в то же время в последние 2 – 3 года под эгидой московской писательской организации развернулась небывалая антимелиоративная компания, которая носит дилетантский характер и чрезвычайно далека от объективности.

Писатель Василий Белов с болью душевной пишет о небольшой «забыть-реке» на его родине и радуется, что из-за отмены переброски части стока северных рек в Каспий опасность ее «забвения» исчезла. Но почему вас, дорогие литераторы, не беспокоит судьба великих среднеазиатских рек Сырдарьи и Амударьи? Ведь для того, чтобы обеспечить страну хлопком, эти могучие реки превратились в большие каналы. До Арала они не доходят практически с 1074 года. Если исключить площадь, занятую хлопчатником, то на каждого жителя Средней Азии сегодня приходится 0,1 гектара орошаемой пашни. Этого явно недостаточно для самообеспечения продуктами питания. Получается, что воды Сырдарьи и Амударьи израсходованы и в ваших интересах, дорогие писатели. Мы надеемся, что писатели, как и в прежние годы, встанут в общую шеренгу борьбы за решение продовольственной программы. А если у кого-то возникнет ощущение неясности путей, давайте не предвзято, не односторонне, а по-деловому обсудим все это за одним столом и на равных правах!»

Подстрекательское сетование противников переброски: «У переброс чиков ни с чьей головы не упал ни один волосок!» - явно опоздало во времени. Почему, собственно, у людей, которые делают свое дело и отрабатывают свой хлеб, должны лететь головы? Не случайно подписчица «Звезды Востока» москвичка Анна Аверина спрашивает: «В чем цель противников переброски? Не в том ли, чтобы предельно извратить, а затем и отмести огромную народнохозяйственную проблему, которая от этого, разумеется, никуда не исчезнет? Не в попытке ли дискредитировать всех, кто ее разрабатывает или просто не отвергает, понимая неуместность здесь легковесной риторики и оставляя за специалистами право принятия решений? Тем временем всякий, кто непредвзято подойдет к водной проблеме, наверное, согласится, что пользу государству принесет только объективное ее рассмотрение. Из своего жизненного опыта знаю, что люди, которые на протяжении жизни меняют свои взгляды на противоположные, обычно невосприимчивы к доводам оппонентов. Еще в 1970 году мелиоратор кандидат технических наук Залыгин уверял научный мир в том, что вода Оби должна быть использована для восстановления земель Средней Азии, которые без воды

представляют собой бесплодную пустыню («Комплексное освоение водных ресурсов Обского бассейна», Новосибирск, 1970 г. Стр. 246). Теперь он высказывает взгляды прямо противоположные, не желая замечать, что с той поры проблемы Приаралья приобрели необычайную экологическую и социальную остроту…»

По-разному звучит в письмах беспокойство о завтрашнем дне. Доктор наук Степанов из института почвоведения и фотосинтеза АН СССР пишет: «По оценкам экспертов, нашу планету в ближайшие пятьдесят лет ожидают серьезные изменения биосферы, обусловленные потеплением климата. Это реальное грозное явление может привести вскоре, на глазах нашего поколения, к естественной смене природной поясности. Полупустынный пояс может стать пустынным, и тогда вся Средняя Азия превратится в безжизненные, развеиваемые ветром пески и солончаки. Вся мировая цивилизация готовится к изменения климата, к массовым миграциям людей и животных. За короткий срок придется провести еще не виданные по размерам техногенные изменения окружающей среды, чтобы обеспечить выживание человечества. Проект переброски проработан в нескольких вариантах; при этом генеральные посылки исходят из того, что в ближайшие 20 лет, пока будет прокладываться канал, Средняя Азия не получит дополнительной воды. За это время должен быть наведен полный порядок в водном ъозяйстве региона и эффективно освоены все местные водные ресурсы».

Резкие замечания вызвала позиция академика Яншина, который утверждает, что «суммарный вред от рукотворных морей, наверное, больше, чем от Чернобыльской катастрофы. Надеюсь дожить до того времени, когда спустят Рыбинское водохранилище и восстановят запущенные луга, которые давали столько сельскохозяйственной продукции».

«Если послушать академика Яншина, - пишет начальник отдела водохранилищ института «Средазгипроводхлопок» Бабушкин, - то для сохранения экологии нужно разрушить все плотины в мире (их более 30 тысяч) и слить из них пресную воду (это более шести тысяч кубических километров). К счастью, такая идея еще никому, кроме Яшина, в голову не приходила, да и нет для этого повода. Людям необходима пресная вода во все большем объеме. Поэтому во всем мире и у нас, не советуясь с академиком Яншиным, строят водохранилища, чтобы максимально использовать речной сток. Мы уверены, что времена, когда по-яншински будут разрушены уже построенные водохранилища, не наступят никогда, как уверены в том, что к проблеме переброски части стока сибирских рек в наш регион еще придется вернуться».

«В последнее время появилось большое количество статей, подписанных учеными разных специальностей, кроме водников, в которых искажается проблема водообеспечения страны. Большинство критиков ссылается на комиссию академика Яншина, якобы разобравшуюся во всех безобразиях, царящих в водном хозяйстве и мелиорации. По-видимому, комиссия Яншина перепутала все на свете, и поэтому авторы разоблачающих статей предсказывают катастрофические последствия перераспределения водных ресурсов на окружающую среду на громадных территориях в миллионы квадратных километров. Такая критика оскорбляет и унижает тех, кто работал над проблемой, будоражит читающую публику, которая как черт от ладана шарахается от проблемы, вместо того чтобы разобраться в существе вопроса. Академик Яншин против подачи воды на южную территорию страны и потому приводит абсолютно неправильные данные о поверхностном и подземном стоке, о водохозяйственном балансе», - пишет почетный энергетик СССР Гранник Иннокентьевич Корнаков.

«У широкого читателя Яншин подорвал доверие ко всем проектировщикам- водникам, будь то создатели проекта защиты Ленинграда от наводнений или авторы проекта Рогунской ГЭС на реке Вахш мощностью 3, 6 миллиона киловатт, - сообщает журналу один из ведущих специалистов института «Средазгидропроект» Марк Бейлисон. – Не так давно гуманитарии Таджикистана выразили недоверие составителям проекта Рогунской ГЭС. Их сомнения таковы: водохранилища, если верить Яншину, приносят больше вреда, чем пользы; расчеты плотины выполнены на недостаточном профессиональном уровне, без учета в полной мере высокой сейсмичности региона; как следствие, разрушение плотины высотой 335 метров – это больше, чем Чернобыльская катастрофа. Специалисты института вылетели в Душанбе и убедили сомневающихся в достаточной компетентности составителей проекта и ученых, проводивших экспертизу. Если активность комиссии Яншина наберет силу, то недалеко время, когда даже школьников надо будет убеждать в надежности наших народнохозяйственных объектов».

Как бывший работник «Гидропроекта», могу констатировать, с каким скрупулезным вниманием, с какой безупречной строгостью в этом институте относятся ко всему тому, что включает в себя понятие «надежность». Вместе с тем, если кто-то высказывает сомнение и требует дополнительных гарантий, значит, их надо дать; объяснение правоты и правомочности своих действий – необходимый элемент в работе каждого специалиста. В то же время никак нельзя спокойно пройти мимо многочисленных фактов дискредитации специалистов-водников и мелиораторов, которые, как снежная лавина, сопутствуют кампании антипереброс чиков. Наклейка ярлыков и оголтелое очернительство не несут нам ничего, кроме вреда. Они не приближают, а отдаляют истину, и с этим нельзя не считаться.

«Направив в период до двухтысячного года максимум усилий на устранение недостатков в мелиорации и водном хозяйстве, можно довести орошаемую площадь в среднеазиатском регионе только до 8,3 миллиона гектаров. И это при наличии в крае 50 миллионов гектаров земель, пригодных для орошения! На 8,3 миллиона гектаров можно будет выращивать хлопок в объеме сегодняшнего производства и продовольствие для 40 миллионов человек, то есть для населения региона на рубеже веков, - делится своими соображениями инженер института «Средазгипроводхлопок» Лев Эпштейн. – Но при этом так и не будут решены основные социально-экономические проблемы региона – отставание на одну треть жизненного уровня населения от среднесоюзного, недостаточное вовлечение трудовых ресурсов в общественное производство. К сожалению, все критические выступления против переброски не содержат ни одного серьезного альтернативного предложения, позволяющего решить этот комплекс проблем, и в то же время буквально запугивают непосвященных гипотетическими катастрофическими последствиями изъятия шести процентов стока Оби – Иртыша, то есть 27 кубических километров в год, 16 из которых, доведенные до бассейнов Сырдарьи и Амударьи, позволили бы освоить 1,5 миллиона гектаров и обеспечить продовольствием еще 10 – 12 миллионов человек. Игнорирование этих простых истин мне представляется недопустимым».

Теперь о последнем ударе в набат нашего уважаемого оппонента Залыгина. О его письме, опубликованном в этом же номере «Звезды Востока». Начну с некоторого, пусть и небольшого, несоответствия фактам отдельных утверждений писателя. Так, Залыгин пишет, что письмо Воропаева мы опубликовали уже в третий раз – до этого оно было напечатано в журнале «Гидротехника и мелиорация» и в «Новом мире». Но в «Звезде Востока» письмо вышло в №6 за 1987 год, а в «Новом мире» - в седьмом, на месяц позже. Это к вопросу о «до» или «после». Мы испытывали внутреннюю потребность в публикации письма Воропаева. «Новый мир» пошел на это по необходимости: осада переброcчиков велась так рьяно, что было не до этических норм.

Обвинение Залыгина в том, что все наши публикации саботируют постановление ЦК КПСС «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек», понятно каждому, вылетело в пылу спора. Ни «Звезда Востока», ни «Новый мир» в числе конкретных исполнителей этого решения не фигурируют, дискуссия ведется в чисто теоретическом плане, что не только не противоречит, но соответствует той духовной обстановке, которая сложилась в стране к сегодняшнему дню. А слово-то употреблено какое: «Саботаж!» Но почему-то не страшно. Никто не испугался и не спешит отречься от своих убеждений. Кстати, неплохо было бы сообща подумать о том, почему вчерашние методы силового давления сегодня все чаще дают пробуксовку. В свою очередь, и мы, сторонники переброски, можем заявить, что позиция Залыгина противопоставлена известной формуле Ленина об орошении, которое больше всего нужно и более всего пересоздаст наш край. Получается, что нам никак нельзя без орошения. Но какого же развития орошения нам ждать, если собственные водные ресурсы близки к исчерпанию, а в сибирской воде нам отказано? Вот где таится противоречие, с наличием которого мы никак не можем согласиться и которое противники переброски стремятся законсервировать, превратить в вечный камень преткновения: что им из того, что сегодня в оазисах Узбекистан на 4 миллиона орошаемой пашни приходится 19 миллионов жителей, а в уже близком двухтысячном году будет 26 миллионов?

Спорить дальше становится не о чем: и говорящие на одном языке способны абсолютно не понимать друг друга. Мы не высокие договаривающиеся стороны, чтобы постепенно сближать наши точки зрения, идти на компромиссы. Очевидно, мы и дальше убудем стоять на избранных позициях. И не дело чести использовать известное постановление Политбюро для битья по голове сторонников территориального перераспределения стока. На мой взгляд, у этого документа иное назначение: в годы наведения порядка внутри нас и вокруг нас еще раз все скрупулезно взвесить и, только научившись самым бережным образом расходовать имеющуюся воду, просить воду дополнительную к имеющейся. Здраво, с этим нельзя не согласиться, особенно если учесть, что и средств на осуществление переброски сегодня нет, их предстоит накопить упорным трудом и бережливостью. Мне, например, ясно, что проект в немалой степени дискредитировал Рашидов – приписками и сокрытием хищнического хозяйствования на освоенной целине Голодной, Каршинской и Джизакской степей. Сегодня, когда у нас оросительная вода кое-где используется плохо, правомочна и точка зрения Залыгина на переброску. В ней много максималистского, экстремистского, но есть в ней и толика здравого смысла, подсказанная неэффективностью уж очень огромных вложений последних лет в развитие нашего сельского хозяйства, и в мелиорацию земель в частности. Обидно же, что миллиарды вбуханы, а полки магазинов продолжают наводить уныние и тоску даже на избалованных вниманием москвичей. Но вообразим себе такую картину: прошло двадцать лет, его величество порядок восторжествовал, земля и вода используются как надо, а сибирская вода все еще бесконечно далека от наших оазисов. В этих условиях быстро растущая емкость среднеазиатского продовольственного рынка не позволит сколько-нибудь заметно улучшить снабжение Сибири, Урала овощами и фруктами. Зеленый конвейер Юг – Север не выйдет за рамки чисто символические, дороговизна килограмма винограда, орехов и гранат останется фантастической. Машина времени, безоглядно уносящая

в будущее, как образно назвали проект переброски некоторые его авторы, так и останется феерической жар-птицей в ночных неугомонных бдениях наедине с собой. Ибо ничто не мстит так, как упущенное время.

Залыгин дает только одну оценку использованию нами воды – он называет ее преступно-бесхозяйственной. И все. Никаких вам полутонов, никакой дифференциации по областям и бассейнам рек. Но жизнь далеко не так однозначна, и если Залыгин прав в частностях – кое-где вода у нас действительно используется бесхозяйственно, то в целом он не прав абсолютно: в основном поливная вода используется у нас удовлетворительно и хорошо. В целом несерьезная это оценка, нет в ее основе ни анализа практики, ни знания местных условий. Домысел этот очень близок к вымыслу. Да каждый поливальщик в Ферганской долине или Хорезмском оазисе воспримет эту оценку как личное оскорбление и будет прав! Нигде в стране поливная вода не используется так эффективно, как в нашем крае. Вынужден повторить: не зерно и не мясо мы вывозим за границу, а хлопковое волокно. Вместе с тем, именно здесь кроются немалые резервы. Но можно ли, правомочно ли в орошаемом земледелии отделять воду от земли? Разве в орошаемом земледелии вода и земля не единое целое? И не гидротехник, не мелиоратор распоряжается водой на поле, а дехканин. И если этот работник, наконец, почувствует себя хозяином земли, которую он обрабатывает, если через семейный подряд, через что-то другое удастся нам в условиях перестройки воплотить в жизнь ленинский лозунг «Земля – крестьянам», это сразу же скажется на использовании воды. Вода, как и земля, нуждается в добрых хозяйских руках, любые другие руки для нее чужие. Воде и земле нужен один хозяин, и это главное.

Верно и то, что наша орошаемая пашня сегодня не в порядке. Она перенасыщена хлопчатником, теряет плодородие и не дает того, на что способна. Сеять хлопчатник по хлопчатнику из года в год и из десятилетия в десятилетие – это такое соковыжимание, которое ведет к истощению и бесплодию. С другой стороны, в нашем крае все более ощутима нехватка продовольствия собственного производства. Никогда еще овощи и фрукты на наших рынках не продавались так дорого. Администрирование, приказные методы руководства колхозами и совхозами показали свою полную несостоятельность, экономические методы еще не пробили себе дороги. Катастрофически растет перенаселенность села. Прямое следствие этого процесса, приобретающего все черты социальной беды – превращение хлопководства в убыточную отрасль, растущее сопротивление семейному подряду тех, кого этот подряд заставляет покидать село. Прямое следствие этого – чрезвычайно низкий уровень душевого потребления продовольствия на селе. В многодетных семьях дехкан дети месяцами не видят мяса. С этим, однако, мирятся: предки жили много хуже. Узбекское село накопило острейшие проблемы, которые необходимо решать всем миром. Прежде всего совершенно по-новому следует взглянуть на вопросы индустриализации Узбекистана. Ее низкие темпы не выдерживают никакой критики. Быстро растущий трудовой потенциал региона застал врасплох союзные планирующие органы. Сколько-нибудь серьезной и глубокой программы его использования пока нет, и это очень тревожный симптом. Бездействие в этом плане непременно приведет к огромным дотациям региона, покрывающим различные формы безработицы. Эти же средства, но своевременно вложенные в создание сотен тысяч новых рабочих мест в промышленности, строительстве, в сфере услуг способны снять внутреннее напряжение, которое уже сегодня всеми ощущается как очень сильное.

За двадцать лет – а это временной минимум, который ляжет между принятием решения и первой пришедшей к нам сибирской водой, мы рассчитываем выполнить огромный объем работ по удвоению урожайной силы нашей орошаемой пашни, по возвращению порядка и рачительности во все то, что связано с использованием земли и воды. Иного нам просто не дано. Если мы этого не сделаем, грош цена нам как хозяевам страны. И если в этих условиях в сибирской воде нам будет отказано, миллионы гектаров, намеченных к освоению, так и останутся пустыней, а миллионы прирожденных земледельцев вынуждены будут сменить образ жизни на городской.

Вопрос о том, куда сегодня выгоднее вкладывать миллиарды, в огромный канал или в сельские дороги, хранилища и элеваторы, решился в пользу дорог и хранилищ, и это правильно. Сначала нужно научиться сохранять все выращенное, а потом уже думать о приумножении выращиваемого. В то же время отсутствие средств на осуществление «проекта века» отнюдь не повод для того, чтобы перечеркивать проект, объявлять его надуманным, ущербным, таящим в себе семена грядущих экологических бед. В возражениях оппонентов проекта надуманное и дилетантское настолько превалирует над подлинно научным, что специалисты очень долго просто недоуменно пожимали плечами, не снисходя до объяснений. По их пониманию, и отвечать-то было не на что.

Рекомендации по водосбережению в Приаралье нам даны такие, что опять-таки можно только развести руками и сказать: «Разрешите уж нам самим разобраться в наших заботах и нуждах. Наверное, мы это сделаем более компетентно. Разрешите нам самим анализировать, принимать решения и осуществлять задуманное: ни себе, ни вам во вред мы не поступим». Сетовать же на общую для страны неэффективность вложений в мелиорацию можно, конечно, да какой от этого прок? Пока земля не получит хозяина, все вложенное в нее не даст должной отдачи, и практика не устает доказывать это. Разумно ли в такой

ситуации винить в невысоких урожаях одних мелиораторов? Кроме раздражения, такая позиция не рождает ничего.

Залыгин пишет, что в Средней Азии уже больше нечего орошать. Наши же почвоведы говорят о многих десятках миллионов гектаров земель вокруг Аральского моря, которым вода возвратит высокое плодородие. Кому же верить? Наверное, специалистам. Но позволительно ли так далеко отступать от реальных фактов ради утверждения и отстаивания своей точки зрения?

Залыгин вновь и вновь перечеркивает все то, что сделано в сельском хозяйстве среднеазиатских республик в послевоенные годы. Все это воровство и коррупция и ничего более. Воровство было. Отчеты показывали шесть миллионов тонн хлопка вместо реально заготавливаемых в Узбекистане пяти. За несуществующий миллион тонн в сравнительно узком кругу делились вполне реальные полмиллиарда рублей ежегодно. Сначала – возвращение к элементарному порядку, потом – все остальное. Иного подхода и бать не может. Порядок внутри и вокруг нас, порядок в использовании земли и воды – это вещи одного плана. На у на такие обвинения, что за последние сорок лет мы в орошаемом земледелии не добились ничего и только засолили и заболотили свои земли, отвечать нет резона. Уж очень все это несерьезно, бранливо и чванливо, бездоказательно. Воочию видишь: дискутировать-то не о чем, до полного непонимания друг друга мы докатились. Что ж, жизнь нас рассудит, а время высветит, кто прав.

И все-таки неверно, что у сторонников и противников переброски нет точек соприкосновения. А цена на воду? Хозяйственный расчет и бесплатная вода не стыкуются. Вода, в заданном объеме поданная в нужное время и в определенное место, имеет стоимость, и, значит, должна иметь цену, должна продаваться водопользователю. Безвозмездность в данном случае сестра бесхозяйственности и расточительности. Как долго убудет длиться это неестественное состояние? Мы на практике видим, как быстро многие из бесплатных социальных благ утрачивают свои высокие потребительские качества.

Множится число сторонников у предложения превратить Узбекистан в мастерскую страны. Мысль прекрасная. Она выстрадана, она выставлена на всеобщее обозрение теми процессами в экономике и обществе, которые ждут не дождутся своего положительного решения. Но где конкретная работа по осуществлению этой идеи? Ее нет, промышленность Узбекистана развивается почти теми же темпами, что и индустрия страны в целом, опережая среднесоюзные показатели за пятилетку всего на два процента. И это при отставании от среднесоюзного уровня минимум вдвое! Где дальновидные, целеустремленные альтруисты во главе министерств и ведомств, городов и областей? Где те радетели о народном благе, для которых долговременные цели то же самое, что и родительский наказ, что сама жизнь? И которые, наконец, освободят наш край от взяточничества и казнокрадства?

Завершая дискуссию по вопросам переброски в наш регион части стока сибирских рек, журнал намерен сосредоточить внимание на более эффективном использовании той воды, которой Средняя Азия располагает. Многоуважаемый Сергей Павлович Залыгин может считать это следование советам, которые он дал. Синица в руках – это та данность, пренебрежение которой всегда вело к плохим последствиям. Но ведь есть и журавль в небе. Он влечет к себе неотвратимо, как и сама бездонная синь, его родная стихия. И не случайно у многих авторов проекта переброски он ассоциируется с машиной времени, способной приблизить грядущий день. Не подлежит сомнению и то, что сибирскую воду нам следует заслужить. Уже в ближайшие годы мы должны научиться использовать собственные водные ресурсы так, чтобы ни у кого не повернулся язык обвинить нас в нерачительности или, более того, преступно-бесхозяйственном ведении поливного земледелия. Быть достойным сибирской воды становится задачей номер один для всего агропромышленного сектора среднеазиатских республик. Нетерпение не должно опережать здравый смысл. Но и совсем погасить его мы не вправе. Пламенному взору, устремленному на журавля в небе, несвойственно спокойствие выжидания. Ему свойственно нетерпение, и так, наверное, и должно быть.

Послесловие.

Миновало двадцать лет после этих бурных дискуссий. Очень скоро начался распад великой страны, силы центробежные взяли верх над силами центростремительными, союзные республики стали суверенными государствами, и сам собой отпал вопрос о переброске сибирских вод в центральноазиатский регион. Я понял, что противники переброски отрабатывали заказ правительства дискредитировать проект и отложить его на неопределенное время. На отсутствие денег само правительство не ссылалось, хотя к этому времени уже залезло в карманы граждан и выгребло из них все сбербанковские сбережения. Когда действительность позволит вновь обратится к этому проекту, не знаю, ведь все опять упрется в деньги. А вот китайцы деньги на гораздо более масштабный проект переброски нашли – свыше 60 миллиардов долларов. От плотины «Три ущелья» на реке Янцзы (она по стоку как три русских Волги) пролягут на восток страны три канала – и дойдут почти до берегов Желтого моря. Объем переброски – более 300 кубических километров в год. Не хило, кто понимает. Не хило и для тех, кто не очень в этом понимает. Что ж, у сегодняшнего Китая есть деньги, и не маленькие. Они и погасили все возражения против китайского проекта переброски. Мы же поломали столько копий, и все зря.

Только вот зря ли? Кто знает?

ПУТИ-ДОРОГИ МАЛЫХ ГОРОДОВ

У малого города есть одно преимущество, бесспорное сегодня и, я думаю, верное и для завтрашнего дня: в нем удобно жить. В нем все близко, центр и окраины, работа, магазины, друзья. И кажется, что знаешь в нем почти всех. Собственно, вся жизнь в таком городе проходит на виду у людей, которых хорошо знаешь. И тут уж невольно становишься строже, требовательнее к себе, невольно стараешься стать лучше. И если это твой родной город, если ты вырос в нем и возмужал, то возникает стойкая, почти нерасторжимая привязанность. Родной город манит тебя, когда ты в отъезде, и искренне радуется встрече, как добрый, испытанный друг. Он привязан к тебе тысячами видимых и невидимых нитей, и обрыв любой из них – это боль и грусть, которые порой невозможно передать словами.

В Узбекистане много малых городов. У большинства из них история не уходит корнями в седую старину. Это молодые индустриальные центры. Некоторые из них на наших глазах перерастают в крупные, в связи с развитием в них промышленности, несущей сильное градообразующее начало. Вместе со своими огромными химическими, горными, метулларгическими, машиностроительными предприятиями расстроились Чирчик, Алмалык, Навои, Ангрен, Бекабад. Получили ускоренное развитие и покинули разряд малых городов Джизак, Карши, Термез. Эти областные центры двигают вперед не одно крупное предприятие, а десятки средних заводов и фабрик.

Янгиюль, Ленинск и Янгиер, рассказ о которых впереди, продолжают оставаться небольшими. У них много общего с другими малыми городами республики. Жизнь еще не дала им стремительной и яркой ростовой силой. Не было внешнего импульса, который позволил бы им обрести дополнительное ускорение и вырваться вперед. Почти все показатели роста и развития у них средние. В движении вперед им приходится опираться прежде всего на собственные силы, на далеко не щедрые средства местного бюджета. Этим, однако, они и интересны. Ибо встающие перед ними проблемы присущи не им одним, а пути их решения тоже во многом имеют универсальный характер.

ЯНГИЮЛЬ

У этого города древние корни. Когда-то здесь пролегали караванные тропы Великого шелкового пути. В мирное время они оживали, в военное пустели. История словно поднимала и опускала шлагбаум.Темп жизни был неспешен, как поступь верблюда. Потом караванные пути повторила железная дорога. Застучали литые колеса: товар-деньги, товар-деньги! Все стало близким, Россия и заграница. Хлопок, шелк и сухофрукты устремились на север, хлеб, ситец и металл – на юг. В Туркестане задымили первые заводские трубы. Край наш, как и Российская империя в целом, созрел для социальных перемен.

Железная дорога, хлопкоочистительный завод и маслобойня позволили заштатному кишлаку расправить плечи, раздвинуть границы. Уже в наше время городок назвали Янгиюлем, ибо негоже ему было носить имя царского генерала Кауфмана, правившего краем после его присоединения к России (и правившего строго и честно, так что нареканий к нему, как к администратору, время не зафиксировало). «Янги йул» - новая дорога. Так в названии города отразилось новое время. Это название обещало интересную судьбу. Но не стала она самостоятельной, так как тень Ташкента лежала на Янгиюле, и стал он городом-спутником столицы республики. И все же ошибается тот, кто считает эту роль несамостоятельной. Она не хуже и не лучше других, и сами янгиюльцы прекрасно понимают это. Попробуйте бросить упрек в несамостоятельности им, инициаторам движения «Работать без отстающих!» Они таки добились того, что выполнение этого девиза стало делом каждого труженика, и в городе едва ли остались работники, которым дневное задание было бы не по силам. Работа без отстающих стала нормой, правилом, и правила этого янгиюльцы придерживаются строго. Тут-то и были проявлена завидная самостоятельность, а также ответственность. Вот вам и периферия. В дым развеяли янгиюльцы миф о периферии. Там, где открыт простор инициативе и уверенно претворяется в жизнь задуманное, нет и не может быть периферии в понятии социальном. И с этим нельзя не согласиться. Как нельзя не согласиться с тем, что инициатива и творчество – не привилегия столиц, но привилегия каждого, кто профессионально и честно делает свое дело.

В городе-спутнике 18 промышленных предприятий, кондитерская фабрика «Лаззат» среди них самое крупное. Ее главный корпус пропитан запахами, которые мы запоминаем с детства – запахами праздника. Таинственные ваниль и корица олицетворяют тропики, далекие острова в теплых морях. Какао-бобы и орехи кешью в джутовых мешках – тоже. Ну, а сгущенное молоко в бочках, мука, сахар и масло, кишмиш хотя и выглядят рядом с заморскими продуктами прозаически, зато поражают своим количеством. Горы, буквально горы составляющих смешиваются в одну тестообразную массу, пахучую и тягучую, чтобы стать карамелью или печеньем. Печи обдают жаром, конвейеры с обычным своим поскрипыванием и

попискиванием несут миллионы единиц этой сладкой и, наверное, с послевоенных времен не дефицитной продукции. Она еще раздета или, наоборот, одета проворными автоматами в хрустящую фольгу и цветастые бумажные платья. Дозирование, смешивание, выпечка, упаковка – вот вкратце технология всех этих бесчисленных сладостей, имя которым кондитерские изделия. Таков «Лаззат» - крупнейший кондитерский цех Узбекистана.

В многотонном чане созревает шоколадная масса. Никогда не видел столько шоколада сразу. Сколько же плиток формуется из одного замеса! Но сначала из невзрачных бледно-коричневых какао-бобов отжимается какао-масло. Высушенный и мелко размолотый жмых становится всем известным какао. Из его порошка матери готовят детям напиток с терпкой горчинкой. А какао-масло – главная составная часть шоколада всех марок и названий.

В цехах белые халаты, женские все умеющие руки. Достаточно и ручного труда, порой монотонного, однообразного. Глядя на то, что уже поручено машинам и с чем они прекрасно справляются, часто недоумеваешь, почему же вдруг прерываются их операции и в технологический процесс врываются руки, руки, руки. В цехах порядок и старание, люди знают тонкости своего дела. В бригадах широка взаимозаменяемость (здесь говорят «взаимовыручка»).

На фабрике есть детский сад, стол раскроя от ателье мод. Работницы хотят иметь и свою парикмахерскую. Это не проблема. Но – длиннющая квартирная очередь, и никаких перспектив. Одинаково трудно получить и новую квартиру, и участок под индивидуальную застройку. Это очень острый вопрос.

Янгиюльское автотранспортное предприятие возглавляет Сергей Аванесов. Он невысок, коренаст, над глазами массивные надбровные дуги. Речь его эмоциональна. Работает основательно. Видит перспективу и исходит из нее при постановке задач перед коллективом. Умеет превратить рубль во все то, что нужно предприятию. Этого своего умения не стесняется: стараться для людей – его обязанность. Да, интересы хорошего руководителя никогда не бывают замкнуты на самом себе. Построил столовую – конфетка, загляденье. Отделал мрамором аллею передовиков труда – второй такой, знаю, нет в городе. Можно похвалить: «Какой хороший хозяйственник!» Все правильно, так оно и есть. Но не одной предпринимательской жилкой силен Аванесов. Он хочет, чтобы его подчиненные стремились к тому же, к чему стремится он. И добивается этого: в руководимом им коллективе здоровый моральный климат. Никого не обошла стороной работа администрации по укреплению трудовой дисциплины. Если в 1982 году было сорвано 27 тысяч рейсов, то в 1983 – в пять раз меньше. Весьма конкретное следствие наведения порядка! Если бы везде в такой же пропорции были уменьшены недостатки, какой шаг вперед сделала бы республика! Но по-человечески порадовала меня вот какая деталь. Водители знали, кто и когда получит новый автобус. Из этого не делалось тайны, списки были вывешены рядом с диспетчерской. Водители знали также, какие нарушения отодвинут их очередь. Полная ясность устраняла всякие недоразумения. Новые машины распределялись прилюдно и своим же братом-водителем. Вот вам пример самоуправления в духе закона о трудовых коллективах.

Из цехов мебельной фабрики выходит 23 вида продукции. Это комплекты для детских садов, мягкая мебель. Оборудование не самое-самое, но и не дедовское, и если что-то получается не так, оборудование тут не при чем. Что гарантирует сегодня высокое качество мебели?

- Точное следование технологии, - поясняет бригадир Анвар Вагизов.
- Точное следование технологии – это когда шуруп не забивают молотком, а закручивают отверткой? – уточняю я.
- Вы верно ухватили суть.

Путь к точному следованию технологии был не простым. Когда Вагизов пришел в цех, он с негодованием увидел, как на сборочных линиях молотки с силой опускаются на хрупкие головки шурупов. Несоответствие с наставлениями технологии было явное. Просто вырвать молоток из рук нерадивого сборщика было нельзя, он взял бы его снова. Надо было убедить работника в преимуществе отвертки, поставить его в такие условия, чтобы он сам сменил молоток на отвертку. Были созданы сквозные хозрасчетные бригады по видам продукции, и одну из них возглавил Вагизов.

Что нравится ему в своей бригаде? Трудолюбие, взаимозаменяемость. Никто не прохлаждается, таких бригада просто не терпит. Да и можно ли позволять себе затяжные перекуры и тары-бары, если дорожишь уважением товарищей? На единый наряд идет работа, и коэффициент трудового участия учитывает вклад каждого. Выросли ли заработки? Вместе с производительностью труда. В бригаду просятся. Это уже авторитет, право выбора. Были случаи, когда бригада сама выступала инициатором повышения норм выработки. Не всем это понравилось, но столкновение мнений вылилось в решение: повышать! Без сомнения, люди за последнее время подтянулись, и сделала это общая ответственность за конечный результат. Прежде рабочих мало волновали вопросы ритмичности снабжения, нормальной работы оборудования. Теперь они требуют, голос повышают: «Обеспечьте!»И инженеры, которым это требование адресовано, задумываются над тем, как лучше исполнять свои обязанности. Значит,

несознательными мебельщиков не назовешь. Почему же так медленно растут качественные показатели? И если молоток и есть та пресловутая ложка дегтя, так ли уж сложно дать ему отставку?

- Сложно, - говорит Вагизов. – Многое должно вобрать в себя изделие, чтобы у покупателя не было претензий. В одном с вами заранее согласен: основное, что мы, исполнители, должны вложить в изделие со знаком качества, это совесть.
- Техническая сторона дела решается проще, чем моральная?
- Пожалуй. – Бригадир подумал и добавил то, что, по его мнению, никак нельзя было упускать из виду: - Бригада не остров. Мы только часть большого целого, и повышать качество надо сообща, всем миром.

Масложиркомбинат поражал архаичностью производства. В сумрачных цехах стоят прессы, многие из которых, наверное, ровесники первых пятилеток. И если люди, работавшие на них в годы своей молодости, давно стали пенсионерами, да и в живых многих уже нет, то прессы исправно продолжают нести свою бесхитростную сверхсрочную службу – жмут масло из хлопковых семян. Металл, пол, стены да и потолок пропитаны маслом. Густой масляно-хлебный дух витает в полумраке, неистребимо въедается в спецодежду и поры тела. Техника эта, пришедшая в день сегодняшний из дня вчерашнего и позавчерашнего без сколько-нибудь серьезной модернизации, требует для своего обслуживания массы рабочих рук. Но это мало кого беспокоит. Комбинат не испытывает недостатка в людях, хотя работа здесь давно не престижна. Научно-техническая революция словно стесняется прийти сюда и сказать веское слово своими роботами и микропроцессорами. Словно боится поскользнуться на пропитанном желтом маслом полу и оконфузиться возле допотопных машин.

Есть в Янгиюле интересный завод металлопластмасс, вполне современный. Небольшое это предприятие обеспечивает пробками крышками сотни консервных и пивоваренных заводов. В пробку полиэтиленовую прокладку закладывает автомат, в крышку резиновое уплотнение кладет работница. Здесь же из гранул штампуют аккуратные ящики для пепси-колы. Этим ящикам нет сносу. Сберегается древесина, гарантируется сохранность продукции. И руки таким ящиком не занозишь. Продукция завода еще дефицитна, и дальнейшее продвижение вперед заводу должна обеспечить реконструкция Она сулит прибавку мощностей и другие выгоды, и ее рассчитывают провести в сжатые сроки.

Поездка моя в Янгиюль пришлась на раннюю весну, самое время весеннего авитаминоза. Захотелось посмотреть, что предлагают в это межсезонье овощные магазины. Кое-что они предлагали. Картофель, лук и яблоки не были отборными, но хорошей оценки заслуживали вполне. Своим нормальным для марта товарным видом они были обязаны городскому овощехранилищу. Это внушительное сооружение емкостью в три тысячи тонн надежно предохраняло от порчи нежные овощи и фрукты. Картофель лежал в контейнерах, клубни сохранили упругую твердость, но бледно-зеленые глазки набрякли ростовой силой. Емкости хранилища почти хватает от лета и до лета. И если бы пригородные колхозы имели больше теплиц, стали бы здесь всесезонными помидоры, огурцы, лимоны собственного производства. Можно, конечно, сказать, что всему свое время, дойдет очередь и до решения этого вопроса. Правильно, дойдет. А хочется, чтобы уже дошла. Не в этом ли смысл инициативы городов и горожан в рамке продовольственной программы – подсобные хозяйства с мычащей, блеющей и кудахтающей живностью, с огородными грядками и виноградной лозой? Янгиюльский общепит завел приличную свиноферму, превращая свои отходы в реальные доходы. И предприятия поставили навесы, приобрели скот – тоже реальное подспорье в деле обеспечения трудящихся мясом. Сегодня подсобные хозяйства города производят по 30 кг. Мяса в расчете на одного работающего. Этот показатель один из самых высоких в Узбекистане.

В 1983 году в Янгиюле была распространена анкета с вопросами, насколько эффективны меры по укреплению трудовой дисциплины и наведению порядка. Анкета просила также оценить работу сферы обслуживания и правоохранительных органов и дать предложения по улучшению их деятельности. Наверное, такого рода социологическое исследование проводилось в городе впервые. И люди отвечали искренне и часто советовались с родными и друзьями, стремясь к предельной объективности. Хочу отметить: важнейшим положительным моментом этого широкого изучения общественного мнения было полное одобрение всего, что делалось в городе для укрепления порядка. Действительно, порядок, как воздух, необходим всем, кто живет и работает честно. Сферу обслуживания не хвалили. Ее явно не жаловали. На первом месте по числу нареканий, с большим отрывом от идущих вторыми медиков, была торговля. Продавцам вменялись в вину обвесы и обсчеты, припрятывание дефицита, потворство спекулянтам и низкая культура обслуживания. Не нравилось янгиюльцам и обилие молодых, полных сил мужчин на тех рабочих местах, где обществу выгоднее использовать женский труд. Медиков критиковали за невнимание к пациентам, искусственное создание лекарственного дефицита. Были не только названы узкие места, но и даны предложения, как их быстрее ликвидировать. Городская администрация получила массу ценного материала. Распорядилась она им по-хозяйски, предложения превратила в пункты мероприятий, назвала конкретных исполнителей и сроки исполнения. Люди хотят порядка и борются за него. И хорошо, что их не устраивает роль сторонних наблюдателей.

- В нашей работе я бы выделил стремление к порядку, - говорит председатель горисполкома Ахмаджон Анаркулов. – Хочется, чтобы вокруг был порядок. Депутаты, работники исполкома идут в трудовые коллективы, говорят с людьми об их нуждах. Потом, суммируя критику, добиваются улучшения работы всех наших служб. Часто заявляем гражданам: без вашей помощи не сможем содержать город в чистоте. И такую помощь получаем. Озеленение, благоустройство – почти всегда хашар. Городу это дает многое. И вот что интересно. Янгиюльцы не считают свой вклад безвозмездным. От чистоты на улицах, от свежей зелени лучше становится всем. Значит, для себя стараются, не безвозмездно.

Главный архитектор города Хайрулла Сагдуллаев развернул генеральный план. День сегодняшний соприкасается на нем с днем завтрашним, открывая ему свои надежды и передавая нерешенные проблемы. 67 тысяч жителей. Территория 752 гектара. Стесненность очень велика. Каждый из вопросов, решение которых назрело, бесконечно усложняет отсутствие свободных территорий. Город расширяет предприятия и строит жилые дома, в основном, на участках, освобождаемых от старого жилого фонда. Ветхость построек давно колет глаза. В год возводится всего 13 тысяч квадратных метров жилья, или 200 квартир. Это вдвое ниже среднестатистического уровня. Причем, три четверти квартир приходится отдавать семьям, переселяемым из сносимых домов. При таких условиях министерства крайне неохотно выделяют средства на гражданское строительство. В квартирной очереди 2500 семей, и движется она болезненно медленно. Предприятия годами не получают ни одной квартиры. Что же говорить о школах, больницах? При такой стесненности янгиюльцы обделены и зелеными насаждениями. Их здесь всего по шесть квадратных метров на душу населения – при норме 25. В городе один маленький парк, нет стадиона, бассейнов.

На генеральном плане иные масштабы и нормы, ибо он отражает перспективу. Ожидается, что к двухтысячному году население Янгиюля достигнет 150 тысяч человек. А территория увеличится вчетверо, до 3400 гектаров. Многоэтажные дома составят четыре пятых новой застройки. Куда расти городу? В сторону близлежащих колхозов, больше некуда.

За счет сноса много не построишь, - говорит Сагдуллаев. – Нужда в свободных земельных участках громадная. Мы давно уже не отводим землю под индивидуальное жилищное строительство.

- Ну, а если строить девятиэтажные дома?
- Для этого еще не создана надлежащая производственная база.
- Так добивайтесь ее создания! Вы слишком рано посчитали свои проблемы неразрешимыми!
- Нам для начала хотя бы сорок гектаров! – произносит Сагдуллаев с такой мольбой, словно удовлетворение его просьбы зависело от меня. На генплане эти так необходимые городу гектары были. Но генплан не работал, и то, что он нес в себе, оставалось картинкой, архитектурной мечтой. Должно было начаться расширение обувной фабрики – не началось. Новый корпус запланирован кондитерской фабрике – и тоже не начат. А этот корпус рассчитан на производство продукции стоимостью 14 миллионов рублей в год. Намечено вынести из центра города крупнейшего поставщика пыли в атмосферу – хлопкоочистительный завод, построенный в 1914 году. Тоже откладывается. Колхозная пашня слишком ценна, что занимать ее чем-то, помимо хлопка. Орошаемая пашня должна использоваться по назначению. Верно. Но и проблемы города надо решать, а не откладывать.

Когда назревшие проблемы не решаются, теряются и завоеванные рубежи. Так стало и с движением «Работать без отстающих», Оно медленно увядает без опоры на экономический фундамент. Поэтому следующий этап в этом движении – выход на новые рубежи в производительности труда – так и не наступил. Перед промышленностью города этот вопрос встал остро из-за низких темпов роста производства. За пятилетку рост должен составить 21 %, а первые три года принесли меньше пяти процентов. Экономика города фактически топчется на месте, масса перерабатываемого сельскохозяйственного сырья не увеличивается. В республике стало больше хлопкоочистительных заводов, время переработки хлопка-сырца сократилось, - все это, двинув вверх показатели качественные, не увеличило вала. И сразу сказалось, что в Янгиюле за последние 15 лет не построено ни одного нового предприятия. Старые же нуждаются в модернизации. А эти вопросы в условиях избытка трудовых ресурсов планирующие органы не считают первоочередными. Пять тысяч янгиюльцев ежедневно ездят на работу в Ташкент. Этот факт говорит о многом. При первой возможности эти люди станут ташкентцами. Супергород еще раздвинет свои границы – за счет своего маленького спутника. Возьмет (в другом, конечно, месте) под свои новые кварталы ту колхозную пашню, которую сейчас не дают под новые кварталы Янгиюля. Ибо работник все равно получает то, что ему положено – жилье, зеленые насаждения и все остальное.

Итак, отстающих в Янгиюле не стало, а дальше что?

Организованность, профессионализм трудящихся Янгиюля – весомые доводы, чтобы дать этому городу предпочтение при размещении современных высокотехнологических производств. Но правительство республики не принимает должных мер для интенсификации экономической жизни этого города. Настораживает прохладное, более того, равнодушное отношение министерств и ведомств к вопросам комплексного развития своих предприятий. Проявить заботу о приросте производственных

мощностей они еще могут. Но чтобы этот прирост достигался в комплексе со строительством жилья – этого нет. «Много чего хотите!» - отвечают министерства местным органам, которые именно так ставят вопрос. И добавляют: «Надо быть скромнее и брать, что дают».

Надо не мириться с застоем, а искать и находить выход, использовать для этого все имеющиеся средства. Об этом я обстоятельно говорил с секретарем горкома партии Героем Советского Союза Василием Ивановичем Рыбалко. И осталось у меня впечатление, что в бою этот знающий жизнь и людей человек был напористей, предприимчивей, чем при решении нынешних проблем, с каждым годом обступающих его все плотнее и плотнее. Только намеченные планом к первоочередному строительству фабрики – прядильно-ткацкая, верхнего трикотажа и нетканых ковров – смогли бы принять в свои цехи пять тысяч человек – как раз тех, кто сегодня ездит на работу в Ташкент. С ковровой фабрикой, положим, можно повременить, коврами рынок насыщен. Но зато есть наметки создать в Янгиюле другие очень нужные республике производства.

ЛЕНИНСК

Ленинск – ближайший сосед Андижана, обязан своим превращением в город первым пятилеткам. И нефти. В 1986 году город отметит свое пятидесятилетие. Нефть, правда, за это время иссякла. Станки-качалки, кланяясь матушке-земле, отбирают последние тонны из оскудевших пластов. Ключевое место в экономике города заняли переработка хлопка-сырца в волокно и масло, производство муки и комбикормов, ремонт автомобилей и сельскохозяйственной техники. Ташкентский тракторный завод переводит сюда выпуск тракторных прицепов (40 тысяч штук в год). Предприятие это стало важным градообразующим фактором. Кроме того, близится к завершению строительство филиала Андижанского хлопчатобумажного комбината на тысячу рабочих мест. Город размашисто пошел вверх и вширь, как подросток, получивший усиленное питание.

Тот, кто хотя бы однажды побывал в Ферганской долине, на всю жизнь вынесет впечатление, что эту землю сделали благословенной неутомимые руки дехкан. Ухожен и обильно плодоносит каждый клочок земли. И у станков вчерашние хлопкоробы показывают такую же – я бы сказал, впитанную с молоком матери – добросовестность. Трудолюбие ферганцев исключительно. Именно ему долина обязана своей славой. Впрочем, добросовестность – следствие не только воспитательной работы. Человека с репутацией лодыря в Ленинске на работу не возьмут. Здесь есть из кого выбирать.

У небольшого авторемонтного завода, весь коллектив которого 450 человек, две обильно плодоносящие теплицы, плавательный бассейн (в Янгиюле нет ни одного), подсобное хозяйство. Зимой вырастили по 20 кг. овощей на человека. Ну, а бассейн построен потому, что на заводе физкультура и спорт в большом почете. Одна тяжелоатлетическая секция подготовила пять мастеров спорта. У завода и свой эстрадный оркестр. Когда администрация находит время на такие «мелочи», то все главные полказатели хозяйственной деятельности обычно на высоте. Так и здесь.

На предприятии познакомили меня с интересной новинкой – эстафетой труда, культуры и быта. Родилась она в Ташкенте, на тракторном заводе, и оказалось, что для условий маленького города это похожее на фестиваль массовое мероприятие подходит как нельзя лучше. Честь пронести эстафету первому доверили коллективу авторемонтного завода. По труду и честь, как говорят в таких случаях. Как проводится эстафета? В клубе, в торжественной обстановке коллектив отчитывается об итогах года, принимает новые обязательства, чествует передовиков труда, рабочие династии. Затем дается концерт силами художественной самодеятельности. Искренность и старание на сцене вполне могут соперничать с профессиональными качествами. Люди довольны, эстафета послужила доброму делу сплачивания коллектива.

Завод сейчас выполняет ремонтных работ на пять миллионов рублей в год, а может – на семь миллионов. Хорошее предприятие, а полностью не загружено. Между тем, такой же завод возводится в Маргилане. Зачем? Не лучше ли выделенные средства использовать на обновление уже имеющейся ремонтной базы?

Высока культура производства и на мотороремонтном заводе Госкомсельхозтехники. Он один из лучших в отрасли, на его базе действует республиканская школа передового опыта. А на маслоэкстракционном заводе есть оборудование, которому полвека. Куда же смотрит министерство пищевой промышленности республики? Не я так ставлю вопрос – трудовой коллектив. Такая же картина на родственном предприятии в Янгиюле. Значит, и в отрасли в целом положение не блестящее. Министр приезжает сюда часто, но меняется мало что. Кому нужны приезды министра, если они ничего не меняют к лучшему? На заводе дали справку: 70% оборудования имеет возраст от 20 до 50 лет. Но все ли уж так недвижимо на этом предприятии? Стихийная реконструкция не затихает ни на год. Что-то постоянно улучшается, модернизируется. Получили немецкие прессы и полностью обновили один цех. Министр помогал? «Помогал, - соглашается директор Махмуд Турсунов. – Но хочется большего».

Цех рафинирования масла возводили своими руками, 12 лет – без фондовых материалов. Материалы все равно добыли, но с нервами, с ухищрениями. А срок строительства небольшого цеха растянулся. Это издержки, материальные и моральные. Навес для хранения пяти тысяч тонн семян тоже поднят своими силами, но уже быстрее. Так совсем ли безрезультатны приезды министра? И может ли он дать больше, чем лежит у него в кармане?

Спорный вопрос, - говорит директор. – Мы хотим большего. Разве мы не правы?

Каков завтрашний день предприятия?

Будем создавать маловаренное производство. И еще один навес поставим для хранения семян. Прелые семена никогда не дадут столько масла, сколько сухие.

Лес массивных железобетонных колонн подпирает небо. Чертят свои траектории стрелы гусеничных кранов, ширит электрическая сварка, нестерпимо ярко блестит вольтова дуга. Бетон и металл обретают форму огромного цеха. Это площадка будущего завода тракторных прицепов. Еженедельно в тесном вагончике штаба проводится планерка. Темпы этой стройки уже сказались на темпах жизни Ленинска. Восточная неспешность сменилась ускорением, продиктованным графиком пуска. Всем теперь видно, что одной строительной организации городу мало. Она полностью задействована на заводе прицепов, остальные объекты встали, и их исключают из плана. Некому строить.

Хотим создать общестроительный трест, - говорит секретарь горкома партии Хатам Кузиев. –Обратились за содействием. Думаю, нас поддержат. Жилья строим сейчас 13 тысяч квадратных метров в год, а надо вдвое больше. Квартиры нужны и заводу прицепов, и текстильщикам. Инфраструктура уже не обеспечивает того, что есть. Как же она в неизменном виде обеспечит то, что будет завтра?

Резонный вопрос. Новые предприятия потянули за собой узел проблем: жилье, вода, газ, канализация. Здесь, как и в Янгиюле, генеральный план города реализуется крайне медленно. К примеру, уже сегодня территория Ленинска должна вдвое превышать существующую. Тут одно из двух: или мы чрезмерно щедры в своем видении будущего, или медлительны и безынициативны в выполнении намеченного. Кузиев соглашается. Есть и забегание вперед, и нерасторопность. Нерасторопности больше. В первую очередь, нужны сорок гектаров свободных земель для оборотного строительства (построить – снести – снова построить). «Как в Янгиюле! – подумал я. – До чего же похожи проблемы!»

Кузиев развивает свою мысль. Город привязан к переработке хлопка, а здесь дальнейшего роста не ожидается. Скорее, наоборот, ведь со временем колхозы намерены сырец превращать в волокно сами. Выход в переориентации экономики. И она осуществляется. Новые производства преобразят Ленинск (Кузиеву город в недалеком будущем тоже виделся стопятидесятитысячным, расправившим плечи, многоэтажным), дадут работу тысячам юношей и девушек, вступающим в самостоятельную жизнь.

Но есть резервы, которые можно использовать и сегодня. Почему, например, швейно-художественная фабрика работает в одну смену? Она без рубля государственных затрат может удвоить выпуск продукции за счет второй смены. Тогда еще двести домохозяек станут работницами. Завод железобетонных изделий начал выпускать оросительные лотки. Спрос на них неограниченный, и их выпуск целесообразно увеличить. Если это предложение профинансировать, завод расширит свои мощности. Значит, и городу польза. Но наши планирующие органы почему-то удивительно пассивны к предложениям с мест, направленным на ускорение развития производительных сил.

Очень многие из городских проблем упираются в отсутствие свободного земельного фонда. Надо развивать подсобные хозяйства? Надо. Но нет земли, и негде держать скот, выращивать корма. Город освоил несколько сот гектаров на адырах, но их забрали под садсовхоз. Не берусь судить, хорошо это или плохо. Хотя думаю, что совхоз с его кадровыми рабочими едва ли хуже распорядится землей, чем подсобные хозяйства, положение дел в которых всецело зависит от инициативы и настойчивости руководителя предприятия. Но остается моральная сторона: делали для себя, мобилизовывали ресурсы, а пришлось отдать. Отдавали с разочарованием.

Да, свободных земель в благодатной Ферганской долине нет. Орошаемая пашня здесь буквально на вес золота. Но в соседней Ошской области братской Киргизии, которая подковой окаймляет Ферганский оазис, немало свободных горных склонов. Отдавать в аренду эти земли даром никто не соглашается. Даже без орошения адыры не так уж бесплодны, это и пастбища, и пашня для посевов богарной пшеницы. Но если предложить такую арендную плату, которая бы с лихвой возмещала все убытки соседей? Если справедливо завтрашние потери компенсировать? Уверен, экономический подход (а при решении хозяйственных вопросов иного подхода и быть не должно) позволил бы решить эти непростые вопросы к взаимной выгоде, стал бы важным фактором интенсификации сельскохозяйственного производства в Ошской области.

Ленинск соревнуется с Джалалабадом, таким же небольшим городом в соседней Киргизии. Соревнуется, как и положено, конкретно, с обменом делегациями, с яркими праздниками дружбы и братства. Соревнование не оставляет нерешенных вопросов, и дружба укрепляется. И так же, к взаимному удовлетворению сторон, должны решаться хозяйственные вопросы, неизбежно возникающие между

соседями. Взаимное удовлетворение – хорошая питательная среда для упорчения отношений дружбы и братства.

ЯНГИЕР

Этот город был заложен 30 лет назад на берегу Южного Голодностепского канала, в восьми километрах от узловой железнодорожной станции Хаваст. Город окружали полынные просторы Голодной степи, и янгиерцам предстояло превратить эти нелегкие для освоения земли в цветущий сад. Город был задуман как плацдарм наступления, как опопрный пункт строителей и монтажников, работающих в степи.

Янгиер начинался с палаток и вагончиков. Город-целинник противостоял лютым бекабадским ветрам и палящему солнцу. Деревья в зеленой полосе, отделяющей жилые кварталы от железной дороги, наклонены на запад. Ветры из Ферганской долины не позволили им расти прямо.

Палатки и вагончики сравнительно быстро стали историей, а их место заняли кварталы коттеджей и двухэтажных домов, которым подрастающие деревья быстро придали уют. На левы берег магистрального канала (Янгиер обращен фасадом к его водной глади) уже шагнули кварталы и повыше, подобротнее – вместе с филиалом ташкентского ирригационного института. И заводы здесь создавали с таким прицелом, чтобы они своей продукцией участвовали в преобразовании степи. Железобетонные лотки, детали домов, дренажные трубы, столярные изделия широким потоком идут в степь, на монтажные площадки. По-прежнему выезжают в степь бригады строителей, неделю работают в пекле, не жалея себя и не ведая усталости, а потом возвращаются домой, в родной город, к любимым людям. Так и работает «Голодностепстрой» - конвейер по созданию целинных совхозов. Многие из коренных янгиерцев были как перекати-поле, поколесили по стране и ее новостройкам. Дали дальние звали их, и они спешили, мечтая поспеть везде. Но здесь они как-то уяснили: нет никакой нужды поспевать везде, постоянный дом – великое благо.

Долгое время Янгиер развивался самостоятельно. Потом его объединили со станцией Хаваст. Между Янгиером и узловой станцией километров пять чистого поля. Но оно сокращается: обе части города развиваются в направлении друг друга. Теперь в Янгиере 56 тысяч жителей. Примерно, как в Ленинске.

Впервые на янгиерский комбинат строительных материалов и уконструкций я попал семь лет назад, вскоре после того, как го возглавил Петр Никифорович Матюшенко. И был поражен – никогда не догадаетесь, чем! – сказочной чистотой в цехах, в которых тысячи тонн цемента, щебня, песка, стальной арматуры перерабатывались в прочнейшие конструкции. Удивительное было рядом. «Вот тебе и периферия! – восхищался я. – Периферия – миф, если открыт простор инициативе, если в работе, которая никогда не была легкой, преобладает живое творческое начало».

Люди работали, и работала техника – она была в надежных руках. Не стояла ни одна машина. Каждый знал свое дело и отвечал за него, но при нужде мог подменить соседа, и для этого не требовалось особых распоряжений администрации, а достаточно было одного – производственной необходимости. Это, наверное, и был порядок. В таком законченном виде, в общем и целом, в масштабе большого коллектива я видел его впервые. И очень не хотелось воспринимать его как исключение, как достижение немногих.

С тех пор порядка прибавилось везде, а коллектив этого образцового предприятия взял следующие высоты, благо освоение целины – процесс непрерывный. На готовой продукции лежит печать высокой культуры производства. Все, что здесь делается, давно уже отвечает и государственным стандартам, и закону красоты. Янгиеру исполнилось тридцать. Комбинату, конечно, меньше, но на нем уже десятки рабочих династий. Дети приходят в цехи к отцам и матерям и становятся с ними рядом.

Здесь есть и теплицы, и грибница, оборудованная в старом фруктохранилище и рассчитанное на годовое выращивание сорока тонн шампиньонов. Комбинату столько не нужно, а городу нужно. Кроме того, комбинат располагает прекрасным профилакторием с грязелечебницей и физиотерапией, даже с кабинетом иглоукалывания, четырьмя детскими садами, навсегда ликвидировавшими очереди в детские дошкольные учреждения, водной базой с гребной станцией на канале имени Саркисова. Кстати, гребная станция – не какая-то дань моде, не желание блеснуть, соригинальничать. Достаточно сказать, что в традиционных спартакиадах комбината участвует более половины коллектива, нормы ГТО сдают и двадцатилетние, и сорокалетние.

О производственных делах скажу одно: здесь 38 хозрасчетных бригад из 39. Когда есть все вышеперечисленное, о плане можно не спрашивать, план получается как бы автоматически. Видишь эи замечательные плоды инициативы, и укрепляется вера, что будущее – за такими предприимчивыми руководителями, как Матюшенко. Все это можно назвать и заботой о людях. Правда, сам Матюшенко сторонится высоких слов. Прямое следствие этой заботы: с предприятия не увольняются. Уходят в армию, на учебу, на пенсию. Выбывают по причине смерти. А по собственному желанию – нет, не уходят. Не возникает у работников такого желания. Получается, что этот сплоченный трудовой коллектив как бы обогнал время, ушел на много лет вперед. О тепличных условиях и особом внимании, о щедрых

бюджетных ассигнованиях говорить не приходится. Обыкновенное предприятие, таких тысячи. Но на нем всегда был порядок, и оно легко и уверенно, на высокой скорости вошло в лучшие и, не снижая скорости, продолжает идти вперед. Матюшенко считает: быть требовательным к себе – значит, проявлять и поддерживать инициативу, претворять в жизнь предложения людей и свои собственные, направленные на лучшую постановку дела. Требовательность, не подкрепленная инициативой, формальна, то есть пусти и никчемна, как все то, что идет не от жизни, а делается ради соблюдения приличий.

Теперь о делах и заботах общегородских. Из разрозненных поселков предстоит создать компактный современный город на 150 тысяч жителей. Это основная идея генерального плана, и претворена в жизнь она будет примерно к 2000 году. Дело задумано большое, но нужного темпа не набрало. Собственной строительной организации у города нет, на многие километры вокруг единственный, но сильный подрядчик – «Голодностепстрой». Теперь, когда большая часть степи освоена, а возможности «Голодностепстроя» по-прежнему велики, следовало бы ему больше строить в самом Янгиере. Все-таки город мыслился, как столица преображенной степи и давно уже стал ею. И «Голодностепстрой» ему не чужой дядя.

Широтная ось Янгиера – канал имени Саркисова, меридиональная – Большой узбекский тракт Ташкент – Термез. Площадь, отведенная городу генпланом – восемь тысяч гектаров. Янгиюлю и Ленинску на те же 150 тысяч жителей дается вдвое меньше. Значит, янгиерцы не будут обделены ни комфортабельным жильем, ни зелеными насаждениями. Но в дне сегодняшнем положение иное. На человека приходится 6,5 квадратных метров жилой площади, что много ниже среднереспубликанского уровня. К тому же, темпы жилого строительства в городе резко упали. Цифры убедительно отражают полнейшее невнимание к Янгиеру со стороны республиканских планирующих органов, министерств и ведомств. Слабо развито коммунальное хозяйство, канализация охватывает только треть жилого фонда, тепло- и электроснабжение на голодном пайке. Плохо и с поливной водой. И это на берегу крупнейшего из наших каналов! Не содержится в должном порядке жилой фонд, на это тоже не выделяется нужных средств. Это наталкивает на мысль, что Янгиеру для нормального развития нужен импульс. Таким импульсом могли бы стать еще два-три предприятия, каждое не меньше комбината строительных материалов. Планы создать такие предприятия есть, для них зарезервированы удобные территории. Но когда ляжет первый камень в фундаменты новых цехов? Ведь только тогда реальными станут и новые жилые кварталы, получит дальнейшее развитие инфраструктура.

Окунувшись в эти непростые проблемы, я по-иному взглянул на респектабельные корпуса филиала ирригационного института, которые поднялись на правобережье, вблизи будущего общегородского центра. Оправдано ли такое отвлечение сил и средств, целесообразно ли? Правда, зачем маленькому городу свой институт? Вижу минусы, плюсов не вижу. Не вижу резона. Ростовой силы городу этот филиал не дает, забот же, расходов требует много. Но, несмотря на заботу и расходы, ученые здесь не приживаются, уровень преподавания низок и не повысится в обозримом будущем. Диплом без знаний? Нам это не нужно совершенно. Учиться завтрашнему инженеру следует основательно, а для этого в Янгиере просто нет условий.

ОБЩНОСТЬ ЗАБОТ И ПРОБЛЕМ

Янгиюль, Ленинск, Янгиер. Как во многом сходны их судьбы! Ускоренное развитие производительных сил – вот главное, в чем нуждаются эти города. И планирующие органы должны повернуться лицом в этой большой народнохозяйственной проблеме. Надо сказать, что жилье, соцкультбыт, вообще инфраструктура во всем ее объеме – больное место не только наших старых городов, но и огромного большинства новых, которые возводятся в чистом поле подле крупных предприятий. Не видел я, чтобы где-нибудь новый большой завод начинался с жилого микрорайона. Начинают с производственных цехов, и на большее уже не остается сил. Потом, когда оттягивать дальше никак нельзя, когда и снизу, и сверху нарастает и достигает критической точки давление: «Давай жилье!», когда десятки уважающих себя работников кладут на стол заявления об увольнении и дарят на прощание взгляд, в котором ничего не остается от былого уважения, - только тогда, когда нужда в жилье и объектах соцкультбыта становится острейшей и их нехватка грозит сделать неэффективными все предыдущие капиталовложения, - только тогда и закладывается завтрашний город. Но медленно закладывается, без огонька, как бы по тяжелой обязанности, а не по долгу и совести перед братом своим рабочим и инженером, которому давно осточертели вагончики и общежития.

В Марджанбулаке золотоизвлекательная фабрика дала первую продукцию раньше, чем приняли новоселов жилые дома. И в Учкулаче руда была поднята на-гора раньше, чем поднялся сам город. В Ширине, городе строителей и эксплуатационников Сырдарьинской ГРЭС, энергетические мощности вводились в эксплуатацию с опережением графиков, а все то, что должно им сопутствовать, вдвое медленнее. Комплексности, всеми желаемой, как идеал, не получается до сих пор. Не поддается

исчислению, сколько мы на этом теряем. Хорошие специалисты, как правило, обладают развитым чувством собственного достоинства и требуют, чтобы их уважали. В долгом непредоставлении квартиры, в отсутствии мест в детском саду, в плохом торговом, медицинском обслуживании они видят неуважение к себе и делают из этого соответствующие выводы – уезжают. Правы ли они? А кто осмелится утверждать, что нет? Они ждали, назначив разумные сроки и потом вводя в них поправки на объективные трудности. Спрки прошли, обещанное осталось невыполненным. А людьми всегда движет нетерпение. Хуже всего, томительнее всего годами ждать обещанного. Резкая реакция на неудовлетворительные жилищно-бытовые условия сегодня нормальна. Время бараков и палаточных городков кануло в прошлое – нашими усилиями кануло в прошлое. Но время, когда конституционное право каждого на благоустроенное жилище подкреплялось бы в каждой конкретной местности достаточным количеством жилищ, еще не пришло, острота вопроса спадает медленнее, чем ты того желаем.

Есть примеры не нарушения принципа комплексности в строительстве новых предприятий? Убежден, развитие Янгиерского комбината строительных материалов наглядное подтверждение этого принципа. Но пока это только пример, лучшее из того, что у нас есть, но не норма, не линия, не принцип, которого мы не посмели бы ослушаться.

Города, большие и маленькие, должны иметь комплексные планы развития. Каковы слагаемые этих планов? Конечно, генеральный план застройки. И план пятилетний, с цифрами роста промышленного потенциала, в цифрах приращения жилого фонда, расширения возможностей городского хозяйства. И финансовое и материально-техническое обеспечение этих планов. Иными словами, каждому городу нужна своя напряженная, но тщательно просчитанная и сбалансированная пятилетка. И очень необходим еще один компонент, без которого, как показывает практика, почти невозможно резкое ускорение. Это внимание и помощь вышестоящих органов. Пока что местные органы не имеют реальных планов экономического и социального развития на будущий год и перспективу, а о завтрашнем своем дне знают только, что он будет на уровне или несколько лучше дня уходящего. Потребности всегда накапливаются быстрее, чем возможности для их удовлетворения.

В избирательную кампанию 1984 года в Узбекистане было зарегистрировано на 584 тысячи избирателей больше, чем в кампанию 1982 года. Прирост трудовых ресурсов в нашем крае один из самых высоких. Если страна в целом ориентируется сейчас только на интенсивные факторы роста, то в Узбекской ССР положение несколько иное. Республика вынуждена широко использовать наряду с интенсивными и экстенсивные факторы роста. Эту поправку вносит демографическая обстановка, и планирующие органы ее учитывают. Узбекские строители в Тюмени, на БАМе, в Нечерноземье – это реальность, к которой давно привыкли.

…В одном из магазинов Ленинска мне приглянулись детские туфельки, очень аккуратные, даже праздничные в своей щегольской добротности. Я взял их в руки. И более внимательное рассмотрение не обнаружило изъянов. Пошиты они были безукоризненно. Я порадовался этому. Старание и трудолюбие естественно вылились в высокое качество продукции, то есть в громкую и легкокрылую славу. Высокое качество и сегодня чаще идеал, реже – норма. «Захотели – и добились, руки приложили и душу», - подумал я о янгиюльцах. Без души, когда молотком колотишь по шурупу, какое же качество? Никакого без души не будет качества. Но пять тысяч янгиюльцев и сегодня продолжают ездить на работу в Ташкент. Ибо за последние 15 лет планирующие органы не удосужились разместить в этом замечательном городе ни одного нового предприятия.

Быстрый рост населения и, соответственно, ежегодное увеличение трудовых ресурсов примерно на 300 тысяч человек – проблема большой социальной значимости, и не иметь ее в виду, постоянно не работать над ее решением – значит, жить вдали от самых насущных нужд Узбекистана. Для того, чтобы высокая обеспеченность трудовыми ресурсами не сдерживала рост производительности труда, необходимо повысить темпы развития производительных сил. Ученые подсчитали, что в этих условиях лучше всего развивать наиболее трудоемкие отрасли народного хозяйства – машиностроение, электронную, легкую, пищевую промышленность. Быстрый эффект приносит размещение предприятий и филиалов в средних и малых городах.

В малых городах и поселках республики за три года пятилетки построено 156 предприятий и филиалов с объемом производства 610 миллионов рублей. На них занято 36 тысяч человек. Свои филиалы в малых городах Узбекистана создали известные предприятия Москвы, Ленинграда, Тулы. Это здоровая тенденция соединения производственного потенциала и опыта центральных, наиболее развитых районов страны с нашими трудовыми ресурсами.

Очень важно увеличить коэффициент сменности. Если этот показатель в промышленности довести до 0,5, то в производство будет вовлечено еще сто тысяч человек. Мы пока плохо используем надомные формы труда, у нас всего 16 тысяч надомников. А могло быть в 20 раз больше. В редком колхозе, совхозе созданы подсобные промыслы. А ведь и это резерв. И кому, как не Советам, готовить и решать эти вопросы! Для того, чтобы богатые трудовые ресурсы Узбекистана были задействованы возможно более

полно, необходимо использовать и второй открытый нам путь –целевое направление молодежи республики на крупнейшие заводы и новостройки страны. Жизнь страны не отвлеченное понятие, ей подчинены и наша повседневность, и планы на будущее. Молодежи Узбекистана нужны новые рабочие места. Чтобы создать столько рабочих мест, сколько их требуется, здесь, на месте мы должны удвоить, утроить капиталовложения в развитие народного хозяйства республики. Сейчас это нереально. Между тем в стране пустуют новые рабочие места, в создание которых вложены большие средства. Мы все граждане великого Союза, и необходимо развернуть самую широкую работу по направлению молодежи Узбекистана на крупнейшие предприятия и стройки Союза. Эта работа нуждается в серьезном идеологическом обеспечении. Мы должны воспитывать в подрастающем поколении дух первопроходства, дух доброй, гуманной созидательной силы, поле приложения которой – не только наши оазисы, но и Казахстан, Урал, Сибирь, вся наша огромная страна. Многим это предложение может показаться неосуществимым из-за малой подвижности коренного населения. И по сей день с большим трудом мы находим переселенцев в целинные совхозы Джизакской, Каршинской степи. Это говорит о том, что мы плохо в этом направлении работаем. Необходимо искать и находить такие форма направления на работу и на такие сроки, которые бы устраивали все заинтересованные стороны.

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР В ЛИЦО

На ташкентской окраине люди ждали автобуса. Вдруг по земле разостлался гул. Он давил на уши все плотнее. По небесной сини, густой, бездонной, важно шествовал большой самолет. Затылки, как по команде, откинулись назад.

Умеем! – сказал моложавый мужчина и потер ладонью ладонь.

Раз умеем это, научимся и всему остальному, - сказал интеллигент с посеребренными висками.

А вам зачем учиться еще чему-то? Вам шаг до пенсии, - заметила женщина с громоздкой хозяйственной сумкой.

Сейчас самое время учиться новому. Если, конечно, уважение к себе терять не хочешь, - сказал интеллигент. – Я, например, удовольствие от этого получаю. Стояли на месте и сами себе аплодировали, да все громче, громче! Опомнились – стыдно стало. Рассердились на себя и пошли, пошли! И сразу скорость, сразу теплый ветер в лицо. Это ведь замечательно!

И здесь вы не утерпели, чтобы себя не похвалить! – улыбнулась женщина. Других комментариев не последовало.

Идти вперед и ощущать, как быстроту движения, теплый ветер в лицо, и радоваться сделанному, воспринимая скорость преобразований как все большую подвластность пространства и времени человеку, как вторжение в дали необъятные завтрашнего дня, - действительно. Что может быть лучше и выше этого? И что может полнее и ярче выражать созидательные устремления советских людей, граждан страны могучей и великой, которая несет нелегкую ношу первопроходства и отмеряет широкой и гордой поступью семидесятый год своего существования? Только семидесятый или уже семидесятый, - это как вам нравится.

Высота набрана немалая, и с нее хорошо видно. Сейчас, вглядываясь в дали дальние нашего начала и желая увидеть в прошлом то, что помогло бы проникнуть в самую суть сегодняшних забот и дало бы верное направление нашим поискам, мы останавливаемся мыслью на одном и том же событии – на замене продовольственной разверстки продовольственным налогом. Мы вдруг по-новому, с позиций перестройки, с позиций настоятельной необходимости как можно быстрее сломать косные производственные отношения и открыть дорогу инициативе, которая опиралась бы на хозяйственный расчет, - мы совсем по-новому воспринимаем это гениальное предвидение Ленина. Мы видим в нем поворотный пункт нашей истории, по своей значимости не уступающий Октябрю.

Потом эта веха была заслонена иными, волевыми решениями, но время отвело им на существование небольшие сроки. Объективные законы развития социалистической экономики взяли верх, а базируются они не на всем том, что составляло суть продразвертски, не на приказе и нажиме сверху, а на хозяйственном расчете, на стремлении наращивать и развивать производство посредством нововведений и сокращения затрат. С истиной не поспоришь. Признанная же и взятая на вооружение, она дает обществу ростовую силу удивительной напористости, перед которой не могут устоять асфальт и бетон вала, количества абстрактного, безадресного, замкнутого на самом себе. Экономика должна повернуться лицом к нуждам и запросам советского человека, это аксиома. Это и делается со все большей настойчивостью, со все более яростной рубкой и выбрасыванием вчерашних методов и форм хозяйствования, рождавших не достаток, не раскрытие способностей всех и каждого, а показуху и бег на месте.

Ленинский подсказанный жизнью вывод о необходимости отказаться от продразвертски (и, в более широком смысле, от военного коммунизма в целом) и перейти к обычному налогообложению крестьянина-единоличника логично привел страну к новой экономической политике. А нэп в считанные годы насытил лежавшую в разрухе страну товарами и услугами, позволил нам пройти первую школу хозяйственного расчета, ускорил накопление средств для широкой индустриализации. Общее снижение дальнозоркости руководства после смерти Ленина привели к тому, что нэп мы свернули преждевременно и не использовали заложенный в нем созидательный потенциал. Словно стесняясь того созидательного импульса, который дал стране нэп, мы показываем это переходное от разрухи к достатку время как разгул нуворишей, как бесконечные ресторанные оргии новоявленных хозяйчиков, вдруг снова вошедших в силу. Но ведь вседозволенности как раз и не было, нэп ставил частника в строгие рамки закона, и сверхприбыль шла государству. Но ограничения и запреты не были чрезмерными, они устраивали обе стороны, и, таким образом, простор для инициативы и приложения сил открывался немалый.

Истории, когда из нее своевременно не извлекают уроков, суждено повторяться, пусть и на иных витках развития. Сегодняшний его величество вал со своими догмами и канонами, с безудержным ростом затрат жесткими своими тисками и рьяной приверженностью к наезженной колее удивительно напоминает продразверстку. Понимаю: именно здесь меня легко упрекнуть в смешении несопоставимого, в экономической безграмотности, наконец. Но по своей роли, все более отрицательной, все более катастрофической, вал вполне отождествим с продразвертсткой. Валовые показатели мы отменяем с

огромным опозданием; пагубность продразверстки для судеб страны Ильич разглядел гораздо раньше. Но, наконец, теснить мы 6начали вал, и хозяйственный механизм сразу прибавил обороты, сразу стал давать меньше сбоев. И производственный отношения наконец-то начали догонять производительные силы, ушедшие в своем развитии далеко вперед.

Помню, в Термезе, самом южном городе земли советской, сидел я в кабинете директора большого автотранспортного предприятия, выполнявшего перевозки междугородные и даже международные. Мы говорили о делах и нуждах коллектива, о непростом, но увлекательном водительском труде, которые позволяли им хорошо чувствовать себя в социально-бытовом плане. Автомобилисты получали немалые доходы, которые позволяли им хорошо чувствовать себя в социально-бытовом плане. И тут дверь отворилась, и молодая секретарша, сияя улыбкой, положила на директорский стол телеграмму. Она знала, что делает шефу приятное. Красноводск просил срочно прислать два тягача за морскими контейнерами – железная дорога отказала в вагонах. Директор тоже весь засветился и сказал:

Из Бреста бы получать такие телеграммы!

То, что было накладно для страны – дальние перевозки, сулило выгоды его коллективу, который и отчитывался, и получал за тонно-километры. Ни за что больше, только за них.

Недавно в печати промелькнуло сообщение о пуске двух передельческих металлургических заводов равной мощности, в Белоруссии и Молдавии. Первый строили австрийские фирмы, второй – наши ведомства. При строительстве завода в Молдавии мы умудрились произвести бетонных работ на сто тысяч кубометров больше и смонтировать стальных конструкций на десятки тысяч тонн больше, чем австрийцы. И сделано это было только в угоду его величеству валу. Те же, кто представлял интересы страны, оказались лишенными права голоса.

Мы считаем на миллионы штук цветные телевизоры. А то, что эти аппараты чрезвычайно капризны и недолговечны, мало тревожит заводы-изготовители. И каждый в состоянии пополнить этот ряд примеров своими, добавить свое неодобрение к моему – и будет прав. Для тысяч предприятий всех отраслей народного хозяйства и сегодня важно произвести большие затраты – важнее, чем получить высокий конечный результат. В итоге всего этого дорожает жизнь, ибо на растущее денежное вознаграждение приходится все та же товарная масса. А это неприемлемо совершенно.

Тепл и свеж долгожданный ветер перемен. Нужды общества уже берут верх над диктатом валовых показателей. Наконец, мы перестаем – медленно, с оглядкой, с некоторой ностальгией по минувшему, которая стала частью нашей психологии, - перестаем вскармливать вал и ему поклоняться. Перестаем увеличивать добычу угля ради наращивания производства стали, а выплавку стали – ради роста добычи угля. Вероятно, близок уже день, когда предприятия получат право не приобретать и не оплачивать ненужное. Сейчас мы находим это право естественным и логичным, но как долго и с какими убытками для себя мы шли к пониманию этого! Как только право отказываться от ненужного вступит в силу, необходимость контролировать сверху такие показатели, как вал в рублях, отпадет. Прямые заказы – прямые поставки. А сколько пройти надо было, сколько синяков набить, чтобы найти искомое! Обновление фондов, более быстрое, чем в предыдущие годы, научно-технический прогресс, а, главное, спрос населения с его настоятельным стремлением к высокому качеству товаров и услуг теперь начинают задавать темпы роста и объемы производства. Спрос – вот единственный, всем понятный и всех устраивающий показатель.

Мы помним время, когда слишком много звезд вешалось на одну грудь. Сейчас мы стараемся внушить себе, что в те годы мы удумали обо всем этом так же, как и теперь. Но это не так. Нас не слышали, и мы замолкали, порой забывая обидеться – из уважения к высокопоставленным лицам, перед которыми пролагалось стоять навытяжку. Зато красочно и яркословно изображалось поступательное движение вперед, гремели фанфары и аплодисменты. Есть все основания верить, что это не повторится. Из этой веры, из осмысления нужд и запросов сегодняшнего дня несложно сформулировать задачу на завтра: нам надо лучше работать. И это касается всех и каждого. Чем выше общественное положение человека, тем это больше его касается. Чем шире круг его обязанностей и прав, чем больше от него зависит, тем четче должны проявляться высокий профессионализм, инициатива, а также обыкновенная порядочность, вытекающая из всем понятных принципов социальной справедливости. Уметь делать дело! Сейчас нет ничего важнее этого.

Того умения работать, которое было у нас недавно и которое нас тогда устраивало (а строго к себе мы и тогда не подходили), теперь совершенно недостаточно. Трагедия Чернобыля, трагедия «Адмирала Нахимова» учат: утрата чувства ответственности, своеволие у пульта управления и штурвала сложной современной техники чреваты чрезвычайными последствиями. Боль и скорбь по безвременно ушедшим делают всех нас умнее и серьезнее в обращении с техникой любого ранга, будь то атомный реактор или личный автомобиль. Мы должны еще раз четко обозначить пределы дозволенного на каждом рабочем месте и не переступать их.

Нас долгие годы приучала к минимуму усилий и рвения система должностных окладов, мало зависящая от нашего конкретного вклада в общее дело. Укоренившись, эта система принесла стране вред

неисчислимый. Зачем, собственно, стараться, что-то придумывать и внедрять, побеждать в соревновании, если все это не повышает зарплату? Расцвела уравниловка и перечеркнула правильную мысль о том, что предпочтение в ударничестве неизбежно должно влечь за собой предпочтение в вознаграждении. По труду и честь – это мы запомнили прекрасно. Почему же в реальной жизни лозунг этот оказался заслонен и обречен на бездействие неизменными должностными окладами? Почему так медленно пробивает себе дорогу хозяйственный расчет?

Понятие качества, инициативы, новаторства неразрывно связано с понятием честной работы. Еще много лет назад на заводе «Таштекстильмаш» лучшим из лучших рабочие давали краткую, но удивительно емкую характеристику: «Он работает честно». Это означало и то, что человек постиг все таинства мастерства, и то, что он охотно делится накопленным, без просьб подставляет плечо под тяжелую часть ноши. Как видно, понятие честной работы не оставляет места каким-либо проявлениям ловкачества, эгоизма. Такая вызывающая всеобщее уважение работа и ставится сегодня во главу угла. Она будет всячески поощряться, и для этого будут создаваться стимулы поощрения более совершенные и действенные, нежели те, которые были в нашем распоряжении вчера. Нам нужен только честный труд. Но раз так, нас не должен смущать и заработок по труду, каким бы высоким он ни был. Лишь бы он оставался честным. Социализм без честного труда фикция и самообман, та самая показуха, которую мы с гневом и с позором для ее организаторов изгоняем из нашего общества.

В сборочном цехе комбината «Ташкентмебель», где расторопные молодцы в живую и податливую древесную ткань шурупы, смачно ударяя по ним молотками, совестливый краснодеревщик сказал: «Есть гвоздь, и есть шуруп. Для забивки гвоздя существует молоток, шуруп же закручивают отверткой. Там, где шурупы забивают молотком, никогда не будет высокого качества». Прав этот совестливый краснодеревщик. За ташкентской мебелью что-то не выстраиваются очереди. Качество работы понятие многогранное, но оно легко раскладывается на составные части. И если мы, каждый на своем месте, будет терпеливо закручивать шурупы отверткой и никогда, ни при каком давлении сверху ли, сбоку или снизу, не потянемся за молотком, мы очень скоро почувствуем, что такое радость покупателя, приобретающего за свои кровные вещи добротные и красивые.

В отношении к работе, в одухотворении работы особое место занимало и будет занимать соревнование. Вспомним высокий нравственный подвиг Алексея Григорьевича Стаханова, его мысли о человеческом уважении, которое приходит к человеку труда только тогда, когда он знает и любит свое дело и постоянно в нем совершенствуется. Вспомним стремление Стаханова стать выше и лучше самого себя – оно пришло к нему уже после всесоюзной известности, после лавины почестей, когда казалось, что и мечтать уже не о чем. Вспомним могучий порыв строителей Большого Ферганского канала, которые, и стар, и млад как один пришли на хашар и в считанные дни совершили невиданное и неслыханное – руками, кетменями построили огромный канал. Эта водная артерия верой и правдой служит нам и сегодня. Но в последние годы в соревнование проник формализм и приземлил его, приглушил светлый и жаркий огонь состязательности.

Состязательность присуща человеку изначально. Как аксиому мы воспринимаем, что в беге побеждает быстрейший и в борьбе – сильнейший. Этот же принцип применим и к работе. В любом деле очень скоро появляются лучшие. К ним тянутся, им стремятся подражать, и это естественно, как естественно желание человека работать так, чтобы его заметили и выделили. Помню горькую обиду лучшей вязальщицы трикотажного объединения «Малика» Шоиры Халмухамедовой, которой порезали на куски платье за то, что она взялась обслуживать четыре вязальные машины вместе двух по отраслевым нормам. Другим работницам не объяснили тогда, что расценки не будут снижены, что взять себе дополнительные машины может каждая вязальщица. Такое возможно, когда биение пульса общественной жизни на предприятии едва прослеживается, когда между трудовым коллективом и его руководителями нет так необходимого всем нам единения. Мне могут возразить: это было давно, а сейчас… И могут привести четырехзначную цифру участников соревнования на этом неплохом предприятии. Вот вам охват, вот и результаты. Цифра, соглашусь, впечатляющая. Но всех ли согревает огонь состязательности, зажженный соревнованием? Сколько родилось починов по улучшению работы, сколько из них осуществлено? И не оказываются ли вновь инициаторы патриотических починов, равно как и изобретатели, рационализаторы и другие новаторы, в досадном вакууме непонимания, непризнанные и неподержанные? Ведь ускорение социально-экономического развития страны прямо зависит от уровня соревнования, от того, как горит костер состязательности в наших производственных, научных, творческих коллективах.

В последнее время я столкнулся с явлением, в нашем обществе совершенно новым, - изначальной нацеленностью на высокий трудовой результат, на рекорды и славу. Что луч прожектора следок, это понятно. Но что о нем можно мечтать со школьной скамьи – такого я не знал. Но вот Дильбар Кульматова, росшая в пригородном колхозе, заявила своему отцу, который не отпускал ее на ташкентский текстильный комбинат: «Папа, я буду работать, как Герой социалистического труда Лидия Казанцева, я прославлю нашу семью, отпусти меня!» Отца она уговорила, быстро стала хорошей ткачихой и долго работала за двоих. Ее

заметили и выделили, и свет прожектора уже непрерывно следовал за ней. А меня интересовало, может ли заданность, нацеленность на успех быть стимулом столь же сильным, столь же прочным и длительным, как и сердце, горячее от природы? Повторяю: Дильбар Кульматова была одной из лучших на текстильном комбинате многие годы. Но то ли напряжение все нарастало, то ли прожектор славы год от года ярчал, но ткачихе не выдержала, сделала шаг в сторону. Не считаю, что сбой этот был неизбежен. И здесь могло возникнуть недоразумение между коллективом и передовиком труда. Поначалу оно было легко устранимо, но ему позволили углубиться, разрастись. Мне говорили: «Чего вы хотите? Кульматова получила все, о чем мечтала». Но не будем забывать о том, что она многое дала. Одно то, что она привела на комбинат более двадцати девчат из родного кишлака, что ей поверили и за ней пошли, заслуживает благодарности теплой и искренней.

Все громче звучит: перестройку начинать с себя! А с кого же? Ведь если не мы, тогда кто станет называть вещи своими именами? Известно, как неудобны, а часто и нетерпимы люди, которые при общении говорят все, что думают. Но если не делать выводов о дне вчерашнем и дне сегодняшнем и не делиться ими, мы вскоре задохнемся от обилия угодников и подхалимов. Ведь именно в чинопочитании мы на редкость быстро достигли мирового уровня и даже превзошли его, да вовремя спохватились: этого-то нам и не нужно! Человек со своим мнением, с прочными, прочувствованными и выстраданными убеждениями, стержнем которых является наш моральный кодекс и которые выше соображений карьеры – такой человек необходим советскому обществу, как воздух. И если не мы, тогда кто же будет насаждать порядок вокруг нас и далее, далее? И уж никто не снимет с нас обязанности хорошо работать. Если мы этого сейчас сильно не захотим и не добьемся, мы и дальше будем шагать на месте. И вновь движение вперед будет заменено изображением такого движения.

Картину стремительного движения вперед, при нынешнем уровне средств массовой информации, нарисовать нетрудно. Ей можно придать такие черты достоверности, что в нее поверят. Но как поверить в нее самим? Вот и надо прежде всего сказать: «Мне, мне это не нужно!» Отказ от показухи, осуждение и искоренение показухи – величайшее наше достижение. Как ничто другое, оно освобождает нам путь к новым высотам от всего того, что мы на нем нагромоздили. А новые высоты сейчас, при нынешней обстановке в стране и при нашем к ним стремлении, действительно не за горами.

Перед каждым трудовым коллективом неизбежно встает вопрос, как поступать с плохими работниками. Речь идет о нежелании работника уметь и соответствовать. Причин человеческой нерадивости, недобросовестности всегда достаточно. Так вот, надо ли до всех этих причин докапываться, надо ли, найдя их, пытаться их устранить в полном объеме, или лучше избрать второй путь, более короткий – уволить горе-работника, портящего своей неизменной ложкой дегтя бочку меда, наполняемую тысячами? Путь первый – кропотливое воспитание добросовестности – более служит интересам общества. Путь второй, кстати, малообременительный, если увольняемый не склочник, более служит интересам конкретного коллектива. Удалили плохого, приняли хорошего, и все дела. Кстати, на стройках в подрядных бригадах так и поступают – выжимают, вытесняют плохих и неумелых. Мы все меньше уповаем на воспитание – или жизнь, часто не позволяющая остановиться и оглядеться, тому причиной? – и все больше полагаемся на администрирование. Мы ценим в работнике то, что заложено в нем годами учебы и прежнего опыта, и почему-то необъяснимо скупы в предоставлении ему простора для нового роста и самосовершенствования, ни на минуту не забывая, как важно и необходимо самим этот простор для роста иметь. Недаром сегодня в такой цене душевность, отзывчивость и доброта, в соединении с взыскательностью и требовательностью. Руководителей, обладающих такими счастливыми качествами, помнят десятилетиями после их ухода.

И все же процесс освобождения от несостоятельных работников, особенно в маленьких коллективах, при их нежелании уйти, сегодня изматывающее долог и болезнен. И терпят такого работника, и платят ему зарплату ни за что – за глаза красивые и наглые. Желание администраторов и коллектива не работать с тем-то и тем-то сегодня может не значить ничего и лишь служить источником конфликтов. Освобождение от плохого работника – естественное право коллектива, и нам надо научиться им пользоваться, не обходя букву и дух закона, и взяв в союзники аттестацию и меры воздействия, которые заключает в себе закон о трудовом коллективе.

В доверительном разговоре, который состоялся год назад, бригадир слесарей-сборщиков авиационного завода Назрулла Манапов сказал: «У нас в махалле тон с некоторых пор задают не люди труда, а люди, обогащенные нетрудовыми доходами. Они верховодят все более смело, и меня это беспокоит очень». Далее он поведал, как ему, кандидату в члены ревизионной комиссии ЦК КПСС, проводили телефон. Операция эта немудреная продолжалась более десяти лет. Сначала провели телефон соседу – повару ресторана «Зарафшан», потом соседу – работнику автосервиса, потом соседу-гинекологу. Ударнику труда и народному депутату телефон поставили в последнюю очередь. Ведь он не рубля не уплатил сверх положенного.

Мы и сегодня чрезвычайно мягки с теми, кто несет в нашу жизнь так называемые негативные явления. Видим – и молчим, не спешим засучивать рукава. Не зовем на помощь, если своих сил маловато. Почему? Откуда это непротивление злу насилием, ведь сила и закон на нашей стороне? Откуда эта гражданская пассивность? Жить не по средствам в наше время можно только на средства мои и ваши, и никак иначе. И если мы всем миром не засучим рукава и не заступим дорогу людям нечестным, не заставим и их соблюдать наши законы, мы мало чего достигнем. Мы будем производить и строить, а хапуги будут растаскивать, и общество остановится в своем развитии. Видеть недостатки и молчать безнравственно. Один мой знакомый как-то заметил: «Молчунам и тем, кто не умеет отстаивать свою правоту, еще долго будут наливать в трехлитровый баллон четыре литра пива». От себя добавлю: «А почему не пять?» Любителей подношений, несунов и прочих хапуг надо заставить отдать наворованное. И уже совершенно непозволительно, чтобы они задавали тон в трудовых коллективах или по месту жительства, в махалля и микрорайонах.

Кто не работает, тот не ест. Очень понятный принцип, яснее не скажешь, не выразишь лучше суть общества, построенного трудящимися. Попробовали мы заменить его другим принципом, попробовали объявить всех подряд нашими товарищами, друзьями и братьями – и неисчислимые беды великой уравниловки посыпались на наши головы. Поторопились мы, спреждевременничали, а почему? Потому что слишком оптимистично оценили ситуацию. К нам в друзья и братья такие типчики полезли, с которыми мы никогда не имели и никогда не захотим иметь ничего общего. Зачем нам, извините, не работающие, но купающиеся в достатке друзья и товарищи? Нет, старое вернее: кто не работает, тот не ест. Причем, этот принцип должен применяться не только к каждому отдельно взятому тунеядцу, но и к целым производственным, научным и иным коллективам, работающим без должной отдачи.

Предприятия, выпускающие никому не нужные изделия, завалившие прилавки и склады горами барахла, то есть просаживающие впустую громадные народные средства, лучше всего закрыть – для перестройки, которая сделает их экономическую эффективность приемлемой для общества. Ибо иждивенчество экономическое, встретив непротивление, стало злейшим нашим врагом. Дотации тем, кто не умеет, не хочет, не может, идут из кармана тех, кто умеет и может. И умеющий, которого эти постоянные и ничем не восполняемые изъятия начинают раздражать, в конце концов спрашивает себя: «А так ли уж хорошо уметь и хотеть?» Самаркандские холодильники, многие изделия ферганских обувщиков и ташкентских мебельщиков, например, не являются товарами ни повышенного, ни пониженного спроса. На них вообще нет спроса. В Ангрене многие десятилетия существует станция подземной газификации угля. Технология перегонки здешних бурых углей в газ отработана давно, все научные и практические вопросы решены. Один показатель работы этой станции остается неизменным: тепло, полученное при сжигании такого газа, обходится во много раз дороже, чем тепло, полученное при сжигании самого угля. Но он перечеркивает все. То есть, вся эта овчинка в условиях Ангрена никогда не стоила выделки. Куда выгоднее черпать уголь экскаваторами, чем получать из него дорогой низкокалорийный газ, который нельзя использовать в быту, и удорожать таким образом электроэнергию Ангренской ГРЭС. Предложения о закрытии этой станции высказываются постоянно. Но она работает, как ни в чем не бывало. Ибо доводы экономики и логики в соображение пока не принимались.

Надо ли Узбекистану ежегодно производить 10 тысяч хлопкоуборочных машин, которые конструктивно пока несовершенны? Трудоизбыточные хозяйства Ферганской долины или Хорезмского оазиса очень часто покупают их из-за трактора. Аппарат снимают, ставят в сарай и по прошествии времени сдают в металлолом. Трактор же используют на все сто процентов. Машинной уборке урожая должно предшествовать удаление листьев хлопчатника, что связано с применением бутифоса, очень токсичного. И там, где достаточно рабочих рук, стараются, ради здоровья детей, обойтись без дефолиации и машинной уборки урожая. А в ответ на требование улучшить соответствующие показатели хлопок-сырец ручного сбора записывают в графу сбора машинного. Так создавалось бумажное благополучие, и страна вводилась в заблуждение. И недавнее руководство республики аплодировало нашим прославленным механизаторам, капитанам голубых кораблей, которые за сезон собирали по 500 и более тонн. По заявлениям специалистов, столько одной машиной собрать невозможно, но опровержений от них не поступало. Те, кто знал, что все обстоит не так, молчали. Ибо на прямой вопрос: «Вам что, больше всех надо? Вы что, не патриот республики?» - не могли ответить: «Мне нужна правда, я патриот правды»,

Сколько лет можно выпускать несовершенную машину? Год-другой, ну, от силы третий. А десятилетия не хотите? Чтобы закрыть рты оппонентам, конструкторам – творцам нынешних хлопкоуборочных машин была пожалована Ленинская премия. Люди не стыдились называть плохое хорошим, но от этого плохое не становилось лучше. Что характерно для времен громких аплодисментов: ни один из награжденных не отказался от незаслуженной премии. В фильмах и спектаклях мы эти высоты человеческого духа видим, в жизни – нет.

Пусть сегодня мы собираем много «меньше» хлопка (не меньше, конечно), но дышится нам куда легче. Ведь из хлопка, которого по отчетам собирается меньше, волокна вырабатывается куда больше, чем

в годы пышного расцвета показухи. Так почему нам выпускать не 10 тысяч хлопкоуборочных машин, а столько, сколько действительно нужно хозяйствам? Сколько они заказывают? А высвободившиеся мощности передать для наращивания выпуска тракторов, нужда в которых велика, и изготавливать их с герметичной и подрессоренной кабиной, с кондиционером! Комфорт служебного кабинета в тракторной кабине – это ли не действительное проявление уважения к механизатору, это ли не стимул для роста производительности труда?

Недавно я разговаривал с молодым инженером из Янгиюля Анваром Рустамовым. Он сконструировал новую хлопкоуборочную машину, получил авторское свидетельство на ее рабочий аппарат, а обещанного опытного экземпляра все нет и нет. Он набросал схему работы своего аппарата. Его шпиндели мягко, щадящее обжимают кусты, не размолачивают стебли хлопчатника, нераскрывшиеся коробочки. По его мнению, качество волокна, собранного его машиной, будет более высоким. Но пока интересная идея даже не проверена в работе. Монополисты из ГСКБ по хлопководству опустили шлагбаум и не желают его поднимать. Вот если Рустамов согласится обрасти соавторами! Идея, защищенная патентом, нуждается в проверке практикой, это аксиома. Как же иначе, не принимая и не исследуя новые предложения, нам создать хорошую машину? Машина Рустамова уже давно должна была существовать в металле, но ее нет до сих пор. И никто не виноват в этом персонально. И мы терпим. И хозяйства продолжают снимать с нынешних машин хлопкоуборочные аппараты, высвобождая загроможденный ими трактор. И получается, что за этот трактор уплачено втридорога.

Пока хлопкоробы не имеют в своем распоряжении надежной уборочной техники, миллионы школьников, студентов и горожан вынуждены в белую страду надевать фартуки. Но контролирующие органы выявляют в организации уборки хлопка-сырца на местах факты, заслуживающие глубокого осмысливания. Так, в хозяйствах трудоизбыточных школьники и горожане лишь замещают собственных работников, особенно мужчин, которые уклоняются от участия в сборе хлопка. А вот там, где за килограмм хлопка ручного сбора с первых дней страды платили не по 5, а по 10 копеек, привлекать помощников со стороны не пришлось, вполне обошлись собственными силами. Во что же обходится хлопок самый поздний, самый низкосортный, годящийся разве что на увеличение валовых показателей? И в 50 копеек, и в рубль за килограмм. Но хозяйствам этот хлопок не стоит ничего, они получают его даром. Ревизоры Госагропрома в прошлом году подняли шум: почему за килограмма платят по 10 копеек, кто распорядился? И пресекли это дело. А при 5 копеек за килограмм дехканин получает в день 3 – 4 рубля, меньше, чем на других работах, не столь трудоемких и ответственных. Да разве предприятия не согласились бы субсидировать колхозных сборщиков пятикопеечной доплатой за каждый килограмм собранного сырца, только бы не ездить самим? Причем, на эти субсидии средств пошло бы меньше, чем тратится сегодня на поездки горожан на сельхозработы. И в самих этих выездах отпала бы нужда, по крайней мере в 80 % выездах. В Узбекистане на селе живет две трети населения, и далеко не все трудоспособные в кишлаках заняты общественно полезным трудом.

Мы говорим о придании подвижности и гибкости ассортименту производства и услуг, о повороте экономики лицом к человеку. И здесь надо приветствовать переход от слов к делу, к хозяйственному расчету, к новым методам поощрения инициативы: приняты и воплощаются в жизнь многие хорошие постановления по совершенствованию хозяйственного механизма. И вдруг на дороге, с которой раньше плохо просматривались детали, становится видно: от тебя, от твоего конкретного вклада зависит фонд заработной платы, а количество работников уже не определяется штатным расписанием, а только характером и объемами самой работы. И это замечательно. Его величество вал, его величество должностной оклад, ни от кого и ни от чего не зависящие, оказались оттеснены на задворки производственной жизни. Конкретный вклад – это все, это альфа и омега в трудовой характеристике человека.

Новым моментом нашей общественной жизни становится усиление индивидуальной работы с людьми. Эта работа открывает перед администрацией предприятий возможности, можно сказать, неограниченные. Идти к людям, узнавать их нужды и запросы, советоваться с ними, как увеличить их вклад в общее дело – все это может дать такой эффект, который сейчас даже трудно предсказать. Люди в откровенных индивидуальных собеседованиях с исчерпывающей полнотой отвечают на вопросы, что рядом с ними хорошо, что – плохо, кто из должностных лиц, с которыми они соприкасаются ежедневно, недорабатывает, злоупотребляет служебным положением, а кто старается, тянет за двоих, достоин выдвижения и прочих отличий. Принять по этим данным соответствующие меры уже дело техники. Если руководящие работники всех рангов пойдут к людям и будут говорить с ними о том, что для них важно и интересно, а полученные данные учтут в своих планах работы, я думаю, инициатива мест получит самый широкий размах и порядок будет установлен быстрее, чем при использовании обычных методов.

Особое место в жизни трудовых коллективов имеет принципиальная, нелицеприятная оценка деятельности руководителей. В нашем краю, в силу особенностей местных условий и традиций многим начальникам – с помощью подчиненных, конечно, - очень скоро начинает казаться, что они всегда правы.

Это и есть начало вознесения, отрыва от масс со всеми вытекающими отсюда неприятными и непредсказуемыми последствиями. Как бы ни была высока должность, занимаемая тем или иным человеком, она не выше человеческой совести. И подчиненные должны давать оценку своим руководителям не только в душе своей, но и прилюдно.

Говорить о перестройке сегодня можно. Слова произносятся всегда правильные. А вот дела, которые за ними следуют или им предшествуют, часто с ними не согласуются. Это особенно коробит в деле чрезвычайно важном – кадровой политике. На словах мы все за перестройку и ускорение. Но в нашей республике и сегодня по десяткам кадровых назначений можно проследить, как сила личной приязни («С этим человеком мне будет удобно работать»), родственных или клановых связей, сила протекции оказывается выше принципиальности, выше всем нам известных ленинских положений выдвижения достойных людей на руководящие должности.

Наше общество несет все возрастающий ущерб от назначения на руководящие должности, наряду с людьми высококомпетентными, честными и достойными, людей своекорыстных, малосведущих в порученном им деле. Отсюда застой и движение вспять в коллективах, попадающих под начало таких руководителей. Происходит это, если исключить приятельские и родственные отношения между назначающим и назначаемым и иной взаимный интерес, который может между ними существовать и весьма часто существует на самом деле, - происходит это потому, что люди, принимающие решения о должностных назначениях, за обширностью номенклатуры и поглощенностью заботами самыми разными, часто отстоящими далеко от их прямых обязанностей, лишены возможности наблюдать этих людей в работе, в общении с подчиненными, и не имеют должного представления об их деловых качествах, кроме анкетных данных. Все более негативную роль при выдвижении кадров играет так называемый «качественный состав». Ведь в соответствии с его догмами предпочтение сплошь и рядом оказывается не лучшим организаторам, не наиболее подготовленным и авторитетным работникам, а по качествам и признакам все же второстепенным – национальности, возрасту, полу, образованию и так далее. И люди, которых незаслуженно обошли при выдвижении, начинают думать, что их способности так и не будут замечены и реализованы, и, раз так, стараться не обязательно. Энтузиазм и горение сменяются спокойным следованием по проторенной колее. Никто не измерил потери общества, связанные с этим обстоятельством – по той простой причине, что они не поддаются подсчету.

Недавно директор узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов Пулат Максудов рассказал, как на его предприятии выбирают бригадиров, начальников цехов. Сбоев пока не было, бригады и цехи с выбранными руководителями стали работать лучше. Что это, единичный факт или явление, продукт перестройки? Не будем спешить с ответом. Сначала уясним себе, что такое назначение на должность и что такое выборы и какими будут различия в характере и поведении руководителя назначенного и избранного. Разница здесь, на мой взгляд, большая, принципиальная. У нас почти все руководители назначаются, практика эта сложилась исторически. Время проверило ее на прочность и жизненность и высветило в ней серьезные слабости. Руководитель назначенный старается оправдать доверие лица или лиц, его выдвинувших. Руководитель выбранный старается оправдать доверие коллектива. Ни для кого сегодня не тайна, что зависимость от коллектива, подотчетность коллективу – не формальная, а естественная, фактическая – основа нравственного здоровья руководителя. Но отсюда же вытекает приоритет интересов данного конкретного перед остальными ячейками общества и перед обществом в целом. Руководитель назначенный в первую очередь ориентируется на выполнение указаний, поступающих сверху. Отсюда его постоянное стремление разделить ответственность, переложить значительную ее часть на вышестоящее должностное лицо. Он – прямое воплощение идеи централизованного, тоталитарного руководства обществом.

Мы фактически заменили выборы назначениями для того, чтобы иметь более покладистых, более удобных – не для низов, для верхов руководителей. Выбирают, как правило, наиболее авторитетного организатора, лидера коллектива. Назначают же человека наиболее удобного. И разница эта, проявляющаяся объективно, начинает влиять на развитие нашего общества. Выбирать, оказывается, лучше, назначать – привычнее, спокойнее: отсутствие каких-либо осложнений почти гарантируется. Ничто не дает такого ощущения власти реальной, как возможность направить человека на ту или иную должность или, напротив, его отстранить. Добавлю: ничто, даже исцеление тяжелобольных, не создает более благоприятных ситуаций для выражения признательности. Нередко ее выражение очень протяженно во времени и выливается в отношения зависимости и подчиненности, имеющие мало общего с нашими принципами.

Что-то не хочется окружать себя сумеречными этими картинами, когда вокруг полно иных, тоже взятых из гущи жизни, колоритных, искрящихся оптимизмом. В метро я часто вижу по утрам подтянутую, неизменно празднично одетую женщину. Это Мария Алексеевна Обухова, машинистка газеты «Правда Востока». Ей 80 лет, и едет она на работу. Можно представить, что такое работа для Марии Алексеевны. Ибо в этом возрасте работа перестает быть обязанностью советского гражданина. Но право на труд

остается, и человек волен в своем выборе. И если он выбирает работу, а не заслуженный отдых, значит, она была и есть для него смысл жизни, неиссякаемый источник положительных эмоций: перекрой, иссуши его, и враз потускнеют краски, померкнет само солнце. Я знаю очень многих людей, которые к работе относятся точно так же. Но не все, даже не большинство. Можем ли мы с уверенностью сказать, что знаем, что нужно делать, чтобы число таких людей росло и множилось? Мы говорим: да, знаем.. Порукой тому – ветер перемен, чудесный и теплый ветер в лицо. И вот уже дышится легко и вольготно, и хочется быстроты, и хочется, чтобы она никогда не прерывалась.

Наши будни включают в себя каждодневный труд энтузиастов, предельное напряжение их моральных и физических сил. Включают в себя они и преодоление сомнений и инертности колеблющихся, неуверенных, по-прежнему отдающих обществу не по способностям, а лишь строго обусловленное зарплатой или окладом. По мере того как инициатива все объективнее вознаграждается материально, по мере того как она раскрепощается и ширится, армия энтузиастов перестройки растет, а число сомневающихся идет на убыль. Будни перестройки включают в себя и устранение с пути несогласных и мешающих. Мы не должны закрывать глаза на то, что у перестройки немало противников, которые душой и телом продолжают служить вчерашнему дню. Не с нами все те, кому не по душе порядок и законность. Их кругозор, их мечты и планы заполнены одним – созданием личного благополучия. Они живут не по средствам и хотят жить так дальше. А это можно только за наш счет, но мы на это не согласны.

Оглядываясь вокруг себя, мы не так уж часто делаем это с классовых позиций. И напрасно. Враг случайный может стать другом, жизнь включает в себя и такие моменты. Враг классовый – нет. Классовый враг в неприятии нас, советских и всего советского, не успокоится, не угомонится никогда. Именно в этом нас убеждают все семьдесят послеоктябрьских лет. Набредешь случайно в эфире на тот или иной иностранный голос и вдруг очень четко, предельно четко, яснее и лучше, чем после прочтения контрпропагандистских статей сознаешь: с тобой на твоем родном языке говорит враг. Классовый враг. Враг непримиримый, враг на все времена. Он может быть лживым, беспардонным, полуправдивым, льстивым, вкрадчивым, умным. Он может быть разным. Но во всех своих личинах и образах он – враг. Воочию видишь: нам противостоит сила. Сила организованная, прекрасно вымуштрованная на антисоветизма, не стесненная какими-либо моральными соображениями в выборе средств борьбы. Что мы этой силе противопоставляем? Наше единство, наши духовные ценности и наше растущее день это дня умение делать дело, умение работать, осуществлять задуманное.

Наши планы выполнять нам и только нам. Выполнять при непрерывном, сильном и злом противостоянии Соединенных Штатов и всего западного мира. То, что наша страна созрела для новых больших дел, то что она сегодня как никогда открыта идеям научно-технического и социального прогресса, для них как нож острый. Наше несогласие с застоем, наша энергия в преодолении недостатков шокировала противников социализма. Они ждали продолжения умиления нашими достижениями, новых бурных аплодисментов – и просчитались. Перестройке нужны не аплодисменты, а реализация, в каждодневной неустанной работе, нашего первого принципа: «От каждого по способностям». Наши достижения делают нам честь, и мы это знаем. Но чтобы быстрее идти дальше, чтобы быстрее покончить со всем тем, что привязывает нас ко дню вчерашнему, нам надо навсегда уйти от самовосхваления, от дифирамбов в адрес вышестоящих органов. Все ли они делают на высшем, единственно приемлемом для народа уровне? Этот вопрос мы будем задавать себе всегда. И всегда будем глубоко анализировать то, что является ответом.

СЧАСТЬЕ ДИЛЬБАР КУЛЬМАТОВОЙ

1. Решение

В колхозе имени Хамида Алимджана Аккурганского района Ташкентской области выращивают хлопчатник. В августе междурядья смыкаются, поля становятся темно-зелеными, и в нижних, самых ранних коробочках созревает волокно. Бенлые дольки выглядывают наружу, как птенцы из гнезда. Хлопковые поля со всех сторон подступают к кишлаку. Почти вплотную это хлопковое море подступает и к дому Кульматовых. Четырехкомнатный этот дом просторен и удобен, в нем и вдесятером не тесно. За домом сад, а там уже и поля, и дрожащий летний воздух над ними. В саду раздолье, яблони и сливы клонят долу тяжелые ветви. Под крупными ребристыми листьями прячутся многокилограммовые кисти винограда. И дом, и яркие цветочные клумбы перед айваном, и сад с небольшим огородом ухожены с извечным крестьянским старанием. И так же старательны Кульматовы на колхозном поле. А разве можно по-другому? Да, колхозное поле заслуживает радения. Оно, а не приусадебный участок, кормит большую и дружную семью Кульматовых. Оно несет в дом достаток.

У Барата и Холбуви Кульматовых детей семеро. Дочерей шестеро. Не самая многодетная, конечно, в колхозе эта семья. Нормальная. Дети растут, как у всех. Получают образование, начинают самостоятельную жизнь. Но традиции многодетной семьи, где старший нянчит младшего и каждый посильный помощник матери, где ребенка приобщают к труду вскоре после того, как он начинает ходить и говорить, - эти традиции очень влияют на формирование характера детей, на воспитание самостоятельности, чувства ответственности, долга. Старшая из дочерей, Зульфия, сейчас врач-педиатр, и то, что говорят о ней люди Барату и Холбуви, наполняет сердца родителей заслуженной гордостью. Вторая, Турсуной – воспитательница в колхозном детском саду. Кончила техникум, в поселке ее уважают. Зульфирхон, единственный сын – механизатор. Хлопкороб. И это особенно приятно родителям: значит, не утратит семья вековой связи с землей-кормилицей. Степенная, всегда серьезная Мухфурат – студентка ташкентского университета. Кем она станет? Преподавателем математики? Ученым? Во всяком случае, и врач, и математик первые в крестьянском роду Кульматовых.

Дильбар в семье пятая, рассказ о ней впереди. Росла она, как все в этой семье, училась успешно, и родители надеялись, что и перед ней распахнутся институтские двери. Семиклассница Гульбахор и Сайёра, что минувшим сентябрем пошла в четвертый класс, по-прежнему оглашают звонкими голосами родительский дом и сад. А раз дом полон озорной детворой, старости в нем нечего делать. Так считают Барат и Холбуви.

Труженики вырастают в семьях тружеников, в таких семьях условия для этого прекрасные, и эта традиция очень дорога нам, очень важна. А то, что семьи тружеников пополняют и ряды интеллигенции, как, например, эта, вовсе не исключение из правила, а одна из новых граней нашей социальной жизни. Труженик и с вузовским дипломом остается тружеником – и потому ценен обществу вдвойне.

Теперь о Дильбар. Тонкая, она казалась хрупкой. Тронь – надломится, как тростинка. Но впечатление это было обманчиво. Дать отпор, постоять за себя Дильбар умела и в школе, и на улице. Куда девались тогда застенчивость, врожденная деликатность? Непреклонность – вот что отчетливо проступало в девочке в таких случаях. Подруг же привлекала в ней мягкость и доброта. Это были противоположные качества, и их соседство не укрылось от внимания родителей.

- Дильбар не проста, не проста, - говорил Барат жене, и в голосе его были и одобрение, и беспокойство. В школе Дильбар старалась, как и дома. И старалась, когда осенью ученики от мала до велика выходили на сбор хлопка. Ей случалось достигать и почетного стокилограммового рубежа. Кто собирал хлопок, знает, что это такое. По мере того, как она переходила из класса в класс, учителя все чаще говорили о ее самостоятельности. Уж очень эта черта бросалась в глаза. Учителя предостерегали. Рано, мол, девочке полагаться на себя, на скромный еще жизненный багаж, так можно свернуть и не в ту сторону. Барат Кульматов согласно кивал (авторитет учителя в кишлаке незыблем) и мнения своего не высказывал. Самостоятельность, действительно, рано стала чертой характера Дильбар. Ей нравилось самой принимать решения, нравилось иметь свое мнение, нравилось, когда ее плечи ощущали тяжесть ноши, какой не было у других. Тут она преображалась. Появлялось воодушевление, подруги слушались ее почти беспрекословно, и чаще всего она добивалась своего, боролась и добивалась.

Кончив восьмилетку, Дильбар решила: стану ткачихой. Решила неожиданно для других, но не для себя. Училась, повторяю, она ровно, сверстниц во многом опережала, достаток семьи позволял ей спокойно кончить школу дома. Пример старших сестер, поступивших в институты, тоже говорил о многом. Кто, собственно, из нас не знает, как притягательно высшее образование? И отец сказал свое слово: Дильбар будет учиться дальше. Но тут и дала о себе знать особенность характера девушки: она не отступила. Она умела не только принимать важные решения, но и убеждать. Аргументы у нее были весомые. Она показала отцу газету с фотографией знатной ткачихи, героя труда Лидии Павловны Казанцевой, попросила

прочитать, что о ней пишут, заверила, что будет работать, как Казанцева – умело и быстро, и отцу не будет стыдно за нее, рабочую. Она говорила горячо, запальчиво, особенно подчеркивая то, что непременно будет в числе лучших, и Барат не мог не заметить, что так горячо говорят только о сокровенном. Казанцева уже тогда была для Дильбар путеводной звездой. Она обслуживала 48 станков при норме 24, а это все союзная известность, стремление сделать свой рекорд нормой каждого дня, стремление распространить свой почин как можно шире, сделать его достоянием многих. Все это оказало на Дильбар огромное влияние. Она всматривалась в черты лица Казанцевой на газетной фотографии. Немолодая уже, знающая жизнь женщина. Уверенная в себе. Безусловно, добрая. Дильбар открывала в ней все новые достоинства. Она поклонялась Казанцевой, никому не признаваясь в этом. В чем-то очень большом и важном Казанцева была для нее эталоном. Горячая, убежденная в своей правоте, она сумела повлиять на отца. Барат Кульматов несколько смягчился, и тогда Дильбар, видя, что отец не противник ее счастья, пообещала:

- Папа, одиннадцать классов я кончу в вечерней, и в техникум поступлю, честное комсомольское!

Родительское напутствие было кратким. И Барат, и Холбуваи старались не показать, что опечалены разлукой. Легкий чемоданчик в руке, надежды и мечты. Так в августе 1970 года Дильбар приехала в Ташкент.

Восхождение

Итак, знатная ткачиха Ташкента Лидия Павловна Казанцева привела пятнадцатилетнюю Дильбар Кульматову на текстильный комбинат. Не за ручку, конечно. Лучи трудовой доблести Казанцевой коснулись Дильбар, и зародилась надежда, а упорства и трудолюбия у девушки хватало. Вот вам авторитет передовой работницы, огромная притягательная сила тех, кого мы называем нашими маяками, нашими впередсмотрящими. Обычно девчонки в возрасте Дильбар мечтают об экране, о сцене. Дильбар мечтала об иной, но не меньшей славе – о славе Казанцевой, последовательницы стахановок Евдокии и Марии Виноградовых, впервые в мировой практике (октябрь 1935 года) перешедших на обслуживание ста ткацких станков. Дильбар поступила в профтехучилище текстильного комбината и в девятый класс вечерней школы.

Огромный город и прежде поражал Дильбар. Улицы, казалось, уходили в бесконечность. Площади одна красивее другой, парки с веселыми аттракционами и мороженым. И везде яркое многолюдье, биение энергичной, быстрой жизни. «Теперь и я горожанка», - думала она, стараясь запомнить черты города, в котором теперь был ее дом. Часами ходила по незнакомым улицам, не уставала – все ей было интересно.

В училище тоже было интересно. Мастер Муясар Мирхайдарова знакомила их группу с профессией. Прядение и ткачество уходят своими корнями в глубины веков. Они такие же древние, как колесо, гончарный круг, умение добывать огонь и пахать землю. Они относятся к первым навыкам, приобретенным человеком в постепенном восхождении к вершинам современной цивилизации. Обо всем этом Муясар говорила умно и обстоятельно, и девушки проникались уважением к выбранной профессии.

Занятия велись так: день – теория в стенах училища, день – практика на комбинате. Этим достигалось единство теории и практики. В кабинетах говорили об идеях, в цехе очень наглядно демонстрировали их материальное воплощение. Учиться было не трудно. Дильбар видела, как в подружек проходит робость первых дней, как замкнутые, застенчивые колхозные девчата становятся веселыми и общительными. Самой ей чувство робости пока еще было незнакомо. Жила Дильбар в общежитии. Большие комнаты на четверых, любимые актрисы из иллюстрированных журналов. Чистые кухни, прачечные. Порядок. Впрочем, к порядку она привыкла дома, и здесь воспринимала его как должное.

Комбинат от общежития через дорогу, ткацкий цех первый от проходной. В просторном вестибюле портреты лучших, и среди них ее любимая Казанцева. «Не уставать вам, Лидия Павловна!» - мысленно говорила Кульматова и шла в цех. За ней были закреплены три станка, и на них она училась ремеслу. В ткачестве главное – завязать нитку, то есть ликвидировать обрыв. Как только рвется одна из нитей основы, станок останавливается. Ткачиха, обходя свои 24 станка, ликвидирует обрыв и нажатием рычага пускает станок. Вначале, естественно, Кульматова не знала ничего, но то, что говорила мастер Мирхайдарова, схватывала налету. Способная, одобрительно думала Муясар. Гул огромного цеха, похожий на шум водопада, когда подходишь к нему близко, не смущал девушку. Не смущали ее и масштабы производства – почти 200 миллионов метров тканей в год, крупнейший в Средней Азии текстильный комбинат и один из крупнейших, после знаменитых ивановских и московских мануфактур, в стране. Она ожидала увидеть примерно то, что увидела, тут интуиция сослужила ей добрую службу. А скоро она познакомилась и с историей комбината, который был детищем первых пятилеток и который страна строила, экономя на самом насущном. История эта изобиловала трудовыми подвигами и славными именами. Это воодушевляло, хотелось быстрее овладеть мастерством.

Первые дни принесли массу впечатлений. Очень быстро девушка поняла, что комбинат – не колхоз. Где труднее, она не знала, так вопрос и не ставился. Суть трудового процесса тут и там была очень

различна. У фабричного производства были свои жесткие требования, несоблюдение которых приводило в число отстающих. Первое условие успеха – собранность, честное отношение к труду. Тех, на кого равнялись, кому хотели подражать, хвалили одной короткой фразой: «Честно работает!» Дисциплинированность, собственно, вытекала из воспитанного в ней трудолюбия, из всей предыдущей жизни, в которой немалую роль играл пример родителей. Процесс вживания проходил легко, цеховая жизнь, ее порядки и традиции не вызывали недоуменных вопросов. К тому же, она обладала счастливой способностью не замечать шума станков, не уставать от него. Ведь не устают же от шума быстро текущей воды.

А время шло стремительно. Только что ее приняли в училище, и вот уже Новый год с веселым карнавалом во Дворце текстильщиков, и новая пятилетка с нелегкими рубежами, которые теперь предстоит брать и ей, рабочей. Дни летели, Дильбар прилежно училась и, затаив дыхание, подолгу стояла за спиной Казанцевой и других ткачих экстра-класса, тративших на ликвидацию обрыва 18 секунд. Она приглядывалась, запоминала, а потом старалась воспроизвести все это на своих трех станках. При этом она копировала даже выражение лица Казанцевой. Казалось, она делала те же движения и в том же ритме, но времени у нее уходило много больше, лучшие были недосягаемы. Она не отчаивалась. Она новичок, ученица, а навык – это и время, недаром все знатные ткачихи женщины в летах. Постепенно она научилась укладываться в положенные на ликвидацию обрыва 25 секунд. Так появился первый навык. Когда Дильбар сдавала экзамены за профтехучилище, она уже работала на 32 станках (норма – 24), и дистанция, отделявшая ее от лучших, была не столь велика, как вначале. Квалификационная комиссия присвоила ей пятый разряд. Мало кто из выпускников мог похвастать столь высокой оценкой. Пусть мастерство ее еще нельзя было назвать зрелым, но ведь год назад она ничего не умела. Теперь она ликвидировала обрыв нити за 23 секунды. Но каждая следующая секунда экономии давалась труднее. Здесь уже действовал принцип перехода количества в качество. К своим нынешним 19 секундам Дильбар шла четыре года. Год – и сброшена секунда, еще год – еще секунда. Пусть эти ступеньки условны, но восхождение Дильбар было упорным, терпеливым и страстным.

Ее направили в бригаду мастера Валентины Николаевны Гусаровой. Шестидневная рабочая неделя, первая или вторая смена, ритм жизни устойчивый, время остается и на учебу, и на досуг, - все, значит, по задуманной программе, которая успешно выполняется. Бригада ткет марлю и миткаль. Марли на одном станке можно выткать за смену 70 метров, миткаля – вдвое меньше. Скорость у станка одна, постоянная. Чем больше ткачиха обслуживает станков, тем выше выработка. В бригаде 17 ткачих, 9 зарядчиц, 9 помощников мастера (основная их функция – наладка станков). Большой коллектив бригада. Если в нем каждый за себя, путного не будет. Но не такая Валентина Николаевна мастер, чтобы в ее бригаде каждый был за себя. Рассказывая о Гусаровой, Дильбар чаще других слов употребляет «педагог» и «человек». Пояснять эти слова не надо. Гусарова и воспитатель, и наставница. В общении проста, доверительна. Умеет воодушевить, увлечь общим, коллективным интересом. Научит и посоветует – только подойдите к ней, преодолейте застенчивость. И друг она, и сестра. Вот почему взаимопомощь – составная часть производственных отношений в этом коллективе, вот почему производственные отношения здесь очень человечны. Доверие – в основе всего. Но и спрос строг и конкретен, ибо доверие не терпит того, чтобы им злоупотребляли. Гусарова так поставила дело, что ее девушки радеют, в первую очередь, за общий, за бригадный успех. Работа на повышенном уплотнении (когда ткачиха берется обслуживать более 24 станков) всегда поощрялась. Трудно это, но почетно и материально вознаграждается, и бригадные показатели становятся выше. Когда Дильбар сказала Гусаровой, что хочет работать на 48 станках, она думала и о бригаде. При хронической нехватке ткачих простаивало слишком много станков, особенно во вторую смену, и это сказывалось на показателях комбината.

Но до этого июльского дня 1975 года, до принятия столь ответственного решения много важного произошло в жизни Дильбар. Четыре года работала она на 32 станках. Теперь она тратила на ликвидацию обрыва 19 секунд – больше, чем Казанцева, которая укладывалась в 16 секунд. Но у Дильбар было счастливое преимущество молодости – она не уставала к концу смены, ее внимание не притуплялось. Кончила школу, поступила в текстильный техникум – на вечернее отделение. Все это она торжественно обещала отцу, все это исполнилось. Правда, она знала, что и после окончания техникума останется ткачихой. Но знания расширяли кругозор, жизнь становилась содержательнее, и она и в техникуме училась с радостью и легко.

Уже два года она была членом партии. А это значило, что она не только может, но и должна быть впереди, вести за собой личным примером. Это она понимала и сердцнм, это превратилось в черту характера. На трудовой вахте в честь тридцатилетия Победы Кульматова работала под девизом «За себя и за того парня» Старалась – и выткала за комсомолку Ольгу Давыдову, которая ушла на фронт связисткой в тяжелом 1941 году, 25 тысяч метров суровых тканей. В музее комбината висит фото Давыдовой. Жизнерадостная девушка, ровесница Дильбар. Теперь у нее были бы внуки. Дильбар думала о ней и о всех 20 миллионах павших на войне, и великая Победа над темными силами фашизма приобретала в ее глазах

свое истинное значение – значение всенародного подвига. Лучше, чем в эти дни, Кульматова еще не работала. И ей было очень хорошо: наконец, она делала настоящее дело. Никто не забыт, ничто не забыто.

Ночной полет

Столь высокая выработка привела к неожиданному. В числе 19 лучших молодых рабочих Узбекистана Кульматова поехала в Москву на празднование 1 мая. Впрочем, неожиданного тут мало. По труду и честь – это давно уже принцип нашей жизни. В Ташкент она возвращалась ночным рейсом. В полночь исполин «ИЛ-62» помчался по взлетной полосе, как стрела, выпущенная из лука. Быстро набрана высота. Кругом ночь, самолет в плотных объятиях темноты, а на земле созвездия огней – поселки и города. А выше, над землей, рассыпное звездное море, загадки иных миров. Место Дильбар было в конце салона, у иллюминатора, и она видела огни городов внизу, небо и два сигарообразных двигателя самолета. Взошла луна, на металле заискрились желтые блики. Двигатели таили в себе чудовищную мощь, самолет мчался в стратосфере, пассажиры дремали, отрешенные от забот, а она бодрствовала. Огромный самолет, ночь и луна, соединенные вместе, производили на девушку странное впечатление. Сна не было ни в одном глазу, и не было усталости – лишь счастливая приподнятость, та самая, которая повсюду сопровождала ее в последние. Ей уже хотелось домой, дом теперь казался ей еще роднее, но семь проведенных в Москве дней были неизгладимы. Москва потрясла девушку. Не так давно ее мир ограничивался родительским домом, затем колхозом, затем – Ташкентом, городом большим и прекрасным. И вдруг Москва-столица, город ни с чем не сравнимый. Память рисовала московские улицы, нарядные витрины с улыбающимися матрешками, дома, смотреть на которые надо, круто задирая голову, эскалаторы метро, мягко уходящие к стремительным поездам. Гостиница «Россия», устланные мягкими коврами бесконечные коридоры, фойе с видами на Москву-реку и ансамбль Кремля. Она просыпалась рано – и шла на Красную площадь. Ей хотелось побродить по ней одной, поклониться Мавзолею, кремлевским стенам. И каждое утро желание это было таким же сильным, как и в первый день. Солнце блестело на золоте храмов, купола и маковки смущали строгим величием. Вдоль обновленной реставраторами стены росли невысокие серебристые ели, а в центре стоял Мавзолей, и в почетном карауле застыли воины в парадной форме. Еще не было людно, Москва еще спала, и только нетерпеливые гости разгуливали по площади, фотографируя ее. Фронтовики выделялись обилием орденов и особой степенностью, так отвечающей моменту. Это было самое сердце огромной страны, ее самое святое место. Много раз она видела все это в кино, но теперь, воочию, это воспринималось по-другому. Понятие родного дома очень расширилось, вобрав в себя и эту необыкновенную площадь, и Москву-столицу, и все то, что проплывало под белым крылом самолета – реки, поля, леса, поселения. Все это было ее, родное, кровное – не только ее, конечно, но и ее тоже. Она поняла, что счастлива, очень счастлива. И ей с огромной, удесятеренной силой захотелось добиться большего, работать с предельной отдачей. Это будет ее сказанное от всего сердца спасибо людям, которые так щедры к ней и столько для нее сделали. Это она уже обдумывала потихоньку – в гостинице и утром, по пути на площадь. Она убудет работать, как Казанцева, на повышенном уплотнении. 48 станков станут ее нормой.

Следующие дни закружили, завертели ее. Яркие краски праздника. С трибуны, оказывается, демонстрация воспринимается по-другому, чем когда идешь в колонне. Видна грозная сила миллионов. Встречи, приемы, слова благодарности за доблестный труд, свои сбивчивые рассказы о подругах-ткачихах и новом Ташкенте – все слилось в единый поток. В эти дни она себе не принадлежала. И теперь, возвращаясь домой, она все еще себе не принадлежала. Она должна, обязана добиться большего, у нее будет 48 станков. А за иллюминатором плыла огромная луна. Впрочем, ночь уже отступала, небо блекло и надвигался рассвет – самолет подлетал к Ташкенту.

3. Почин четырех.

Решение созрело, и впервые она испугалась. Она боялась не ответственности. Она боялась привлечь к себе внимание. Одно дело Казанцева, ее заслуженная слава. Дильбар казалось, что Лидия Павловна всегда ходила в лучших, что у нее не было годов ученичества, становления мастерства. И другое дело – она, никому не известная ткачиха. Любопытство в глазах каждого встречного – вот что ее страшило. Пришлось пересиливать себя. Долой колебания и страхи! Она может, значит, она и должна. Глупо держать под спудом свои способности. Для чего она тогда копила и копила мастерство, год за годом кропотливо вбирала, впитывала опыт лучших? Все, что она накопила, было для людей, все это принадлежало не только ей, но и обществу. «Надо! – сказала она себе. – Иди!»

Разговор с Гусаровой был кратким.

- Я знала, Диля, что ты попросишь об этом, - сказала Валентина Николаевна. – На тебя на первую надеялась. Одобряю. Ты к этому готова. Лидии Павловне скоро на пенсию, и ткацкому цеху нужен новый правофланговый.

И Дильбар Кульматова встала за 48 станков. Людей в цехе мало, а станки не должны стоять. Проба прошла удачно, Дильбар успевала, весь вытканный ею миткаль шел первым сортом. «Успеваю!» - ликовала она. Время теперь летело удивительно быстро. Обеденный перерыв, казалось, наступал теперь раньше, и сменщицы приходили раньше, чем надо. 48 станков стали ее постоянной нормой. Скоро ей сказали, что очень важно, чтобы у нее были последователи. И она вместе с другими передовиками труда Узбекистана – токарем-расточником завода «Ташсельмаш» Борисом Ефремовым, маргиланской ткачихой Айше Абдурахмановой и оператором ферганского нефтеперерабатывающего завода Авазжоном Валиевым выступила с призывом развернуть соревнование в честь очередного съезда партии. Пусть каждый установит в эти дни свой личный рекорд, и пусть этот рекорд в ближайшем будущем станет нормой каждого дня. Пусть последователей будут десятки, сотни тысяч!

Нет нужды говорить, что слово Дильбар не разошлось с делом. Такого еще не было в ее жизни. 48 станков, считает девушка, не предел, а шаг к следующим высотам ее жизни. Каким? Ее мечта – 64 станка. Пусть до этого пока далеко, пусть для этого оборванную нить надо завязывать еще быстрее, но ведь и совершенствованию в любимом деле нет границ! «Твори, выдумывай, пробуй!» - сказал поэт. Сегодня у нас творят миллионы. Вспомним, как стахановское движение всколыхнуло страну, как в считанные дни под натиском стахановской гвардии пали многие мировые рекорды производительности труда. Огонь, зажженный Алексеем Григорьевичем Стахановым, горит и сегодня, воодушевляя миллионы. Но обратив внимание вот на что. Все, кто идет по стопам Стаханова, делают свое любимое дело и беспрестанно совершенствуются в нем. Стремятся к самым заветным высотам.

У Дильбар две ученицы, шестнадцатилетние Салима Иргашева и Валентина Нигмасова. Каждая работает на 32 станках, но мечтает о большем. Славные девушки. Исполнительные. Когда Дильбар что-нибудь объясняет, смотрят преданно, влюблено. И Дильбар невольно ловит себя на мысли, что и сейчас она вот такими большими глазами смотрит на Казанцеву, хотя теперь они работают на равных. Но Казанцева-то быстрее завязывает нить! Сегодняшняя высота Кульматовой – это завтрашняя высота Иргашевой и Нигмасовой. А как же иначе? А как бригада отозвалась на почин Дильбар? Хрупкая, застенчивая Екатерина Попрацкая стала обслуживать 40 станков. Больше станков обслуживают теперь и другие ткачихи. Почин силен последователями, это верно. Верно и то, что на ташкентском текстильном комбинате умеют создать такую атмосферу трудовой состязательности, когда ценное начинание подхватывают тысячи.

5. Трудовая доблесть.

17 сентября 1975 года знатная ткачиха Лидия Павловна Казанцева сдала последние метры тканей а счет десятой пятилетки. Две своих пятилетних программы она выполнила раньше, чем обещала. Ее досрочный победный финиш всколыхнул комбинат. Три миллиона метров миткаля – вот итог этой вдохновенной, честной работы. Дильбар чуть свет побежала за цветами на соцгородской базар. Все должно быть торжественно и красиво. Она не была подругой Лидии Павловны, но Казанцева сделала для нее больше, чем могла сделать самая близкая подруга – она воодушевляла ее своими успехами. Старик-садовод предлагал огромные белые хризантемы. Она купила все цветы, букет едва уместился в руках. Счастливая, прибежала на комбинат. Стесмняясь, протянула цветы Лидии Павловне, поцеловала ее.

- Не уставать вам, Лидия-апа! Доброго вам здоровья, Лидия-апа!

x x x x

Идет со смены в потоке работниц хрупкая девушка в платье из хан-атласа и белой тюбетейке, под которой уложены венчиком плотные черные косы. Застенчива, черты лица тонкие. О чем она мечтает, куда устремлена ее мысль? Идет она к себе в общежитие, ничем среди девчат не выделяется – такая же молодая и красивая, и не скажешь, что она инициатор патриотического почина. Она, как все. Но более близкое знакомство позволяет сказать: «Нет, она не как все, она упорнее».

А в комнате №98, ее комнате, ее ждут подруги. Вечером Дильбар выступает по телевидению, ее увидит вся республика. В ее честь приготовлена изысканная шурпа, и приготовлено много теплых слов. Но как только поутихнут восторги, одна из подруг серьезно так скажет:

Дильбар, мы тоже хотим быть передовиками. Научи!

Она знает, что сказать. Путь к мастерству един, и обязательный залог успеха – горячее желание добиться большего. Дома, в колхозе дочь джут с нетерпением в воскресенье Барат и Холбуви Кульматовы. Ее слава – это и их слава. И очень ждут Дильбар ее младшие сестры Гульбахор и Саёра, которые хотят стать ткачихами, и отец уже не будет возражать. И многие девушки из этого колхоза станут ткачихами. Их приведет на комбинат Дильбар Кульматова, как когда-то привела Дильбар Лидия Павловна Казанцева. Ибо любое дело нуждается в преемниках и сильно преемниками.

СТЕПЬ ДЖИЗАКСКАЯ

(Очерк написан мною от лица Льва Литвака, главного инженера «Средазгипроводхлопка)

Пришла очередь

Несколько лет назад группа мелиораторов нашей страны, зарубежные гости осматривали новые голодностепские совхозы. Стояла погожая осень, в воздухе была разлита синь, над дальним полем висела черная стая скворцов, а на юге отчетливо-отчетливо были видны горы. Вокруг простиралась ухоженная земля, хлопкоуборочные машины завершали третий съем сырца. Это была впечатляющая картина: машины наполняли поля праздничным гулом, механики-водители каждые четверть часа опорожняли бункеры в тракторные тележки с высокими сетчатыми бортами. Человек не прикасался к хлопку, все делали машины.

За полем начинался поселок – зеленый, компактный, чем-то напоминающий небольшой уютный город. Инженеры были довольны. Освоенная целина оставляла впечатление грамотного, масштабного подхода ко всему комплексу проблем, которые возникали в связи с преобразованием полупустыни в оазис. Зарубежные гости тоже часто улыбались, много фотографировали, задавали вопросы. Отвечал, в основном, Акоп Абрамович Саркисов, начальник «Средазирсовхозстроя». Его скороговорка ставила переводчика в тупик, он видел это и помогал ему, делал паузы, а потом снова торопился, словно наверстывал упущенное. Лучшего гида нельзя было пожелать, доскональнее Саркисова мало кто знал Голодную степь. Отвечая, Саркисов делал упор на комплексное освоение целины. Мало, говорил он, только подвести воду, проложить ирригационную, а потом и дренажную сеть. Мало построить поселки, фермы, дороги, привлечь переселенцев. Надо все это делать в комплексе, увязывать одно с другим, и тогда полезная отдача будет максимальной. Сэкономить, выбросив одна из этих звеньев, нельзя, жизнь потом строго накажет за своевольство, и исправление ошибок обойдется в несколько раз дороже.

Он привел массу примеров, и то, что он останавливался не только на достижениях, но и предостерегал от ошибок (ошибки, говорил он со смехом, хороши лишь одним – они позволяют извлекать уроки), усиливало впечатление искренности, доверительности его рассказа. Наконец, когда первое любопытство было удовлетворено, один из гостей, степенный американец, спросил:

- Мистер Саркисов, вы сказали, что в Голондой степи вашим людям придется поработать еще лет шесть. А чем они будут заниматься дальше?

- У нас есть Джизакский массив, - сразу сказал Саркисов. – Вот он, за Южным Голодностепским каналом. Триста тысяч гектаров. Половину из них мы оросим. Это, после Голодной степи, самый компактный и удобный для освоения земельный массив в бассейне Сырдарьи. Итак, прибавьте еще лет восемь на Джизакскую степь. Затем к нам придет большая вода из Сибири. Обь, а потом и Енисей поделятся со Средней Азией своими ресурсами. Это такая проблема, что и внукам нашим будет где развернуться. И развернутся, покажут себя! Но принцип комплексного освоения целинных земель, который родился и апробирован здесь, в Голодной степи, обязательно возьмут на вооружение. В этом я твердо уверен.

Саркисов смотрел на юг, на невысокие близкие отроги Туркестанского хребта. Джизакская степь, желтая-желтая, полого восходила к этим горам. Пока на ее просторах паслись табуны карабаиров и отары овец, выращивалась богарная пшеница. Но мог ли в наших условиях богарный (неполивной) гектар соперничать с гектаром орошаемым? Никогда. В лучшие по осадкам годы богара рождает десять центнеров зерна с гектара, средний урожай – шесть центнеров. На большее экстенсивное земледелие не способно. Интенсивное, поливное – другое дело. Отдача возрастает в восемь, в десять раз. Вот что значит вода для наших плодородных, но засушливых земель. И потом, богарной может быть пшеница, хлопчатник – нет.

- Вот проектировщики! – Саркисов кивнул в мою сторону. – Они идут впереди. Голодную степь, например, в своих проектах они давно освоили, им это проще, чем нам, строителям. Они, я знаю, уже сейчас крепко взялись за Джизакскую степь, их изыскатели всю ее прошли вдоль и поперек и дяже под землю заглянули, им все интересно. Уже есть конкретные предложения. Увлекательнейшие! Что ж, поработаем, поработаем!

Мы тогда как раз занимались схемой освоения Джизакской степи, причем для исследований и консультаций были привлечены ведущие специалисты многих проектных институтов Ташкента, специалисты из Москвы. Основные варианты схемы Саркисов знал хорошо, и мне, не скрою, приятна была его похвала. Но главное, несколько раз повторил он, это вовремя приступить. Не раньше и не позже. Не спешить, спешка – это неизбежное распыление сил. Но и не медлить, иначе образуется пауза, аритмия во вводе орошаемых земель в эксплуатацию. Я запомнил эту его мысль. Не спешить, дождаться своего часа.

Вовремя начать – это, как я теперь понимаю, большое инженерное искусство. Дождаться своего часа. Начать – и сразу развернуться, пойти в наступление широко, мощно, с хорошим ускорением. Какой инженер, какой строитель не мечтает об этом, приступая к сооружению нового крупного объекта? С другой стороны, мы обычно торопимся начать (а там, мол, дело пойдет, от нас не отмахнешься, не позволим). И

эта вполне понятная спешка – кому не хочется сделать больше? – приводит, чаще всего, к отрицательным последствиям. Вспомним, как долго мы строим эти не вовремя начатые объекты – и 8, и 10 лет вместо двух-трех. Замораживаем большие средства. Допускаем распыление средств, распыление усилий вместо их концентрации на пусковых стройках. За примерами ходить далеко не надо: ташкентские масложировой, мебельный, пищевой комбинаты возводились втрое дольше нормативных сроков, и в результате мы ввели в строй предприятия не с новейшей, а с серьезно устаревшей технологией.

И вспомним теперь, как быстро были построены в Алмалыке заводы цинковый и минеральных удобрений. В год по заводу. В год по сложнейшему современному заводу, с передовой технологией, с комплексом жилых и культурно-бытовых зданий. На этих строительных площадках была достигнута столь высокая концентрация сил и средств, труд был организован настолько эффективно, а согласованность действий специализированных подразделений была так высока, что вскоре заговорили об алмалыкской строительной школе. Этот опыт затем был использован в Бекабаде (цех эмалированной посуды), Бухаре (текстильный комбинат), Самарканде (лифтостроительный завод). Подчеркну и такое немаловажное обстоятельство: все построенные в кратчайшие сроки заводы быстро достигли проектной мощности и нынче работают рентабельно, высокоэффективно. Успехи строителей и эксплуатационного персонала – это звенья одной цепи.

Я позволил себе привести примеры из промышленного строительства, но принципиального значения здесь нет. Для того, чтобы ритмично вводить новые земли в Джизакской степи, по 20 тысяч гектаров в год, необходимы два года интенсивных подготовительных работ по сооружению насосных станций и магистральных каналов. В то же время, в Голодной степи сейчас осталось целинных земель примерно на два года освоения, затем наступит период только достроечных работ. Иными словами, час Джизакской степи пробил, мы уверены, что начали вовремя, наступление уже разворачивается, и ведет его прославленный и многоопытный коллектив «Голодностепстроя».

Хорошо ли, что схема генерального плана орошения и освоения Джизакской степи была составлена за семь лет до разворота основных работ? Не рано ли проектировщики засели за чертежи? Нет, конечно. Раз Джизакская степь является естественным продолжением Голодной степи, то естественно и осваивать ее следом, не допуская разрыва. Практика показывает, что чем раньше приняты основные решения, -по организации территории, количеству хозяйств, инженерным коммуникациям, - тем меньше потом приходится переделывать, перестраивать, приводить в соответствие с проектом. Пусть генеральные схемы быстро стареют, это их удел. Зато они позволяют работать с открытыми глазами, видеть перспективу. А вносить соответствующие коррективы не так уж сложно.

С технической точки зрения освоение Джизакского массива – это, после освоения Голодной степи, следующая по сложности задача. Голодная степь орошается самотечными каналами, а здесь нам понадобится крупный каскад насосных станций. Тут и рельеф тяжелее, он более расчленен, чаще встречаются засоленные участки. И есть опасение – на это мы не закрываем глаза, что орошение 150-тысячного вышележащего массива ухудшит мелиоративное состояние Голодной степи. Модельные исследования, правда, не подтвердили этого, не окончательный ответ даст только практика. Таким образом, в нашей работе налицо движение от более простого к более сложному. Но налицо и последовательность, преемственность усилий. Кончив в одном месте, мы начинаем новую большую стройку. Но все сделанное нами вчера – это наш опыт, наше богатство, наши новые возможности. Да, следующая задача труднее, но нам она по плечу. В свою очередь, ее решение обогатит нас новым опытом. Ибо в перспективе нас ждут еще более сложные задачи, связанные с переброской в Среднюю Азию части стока великих сибирских рек Оби и Енисея.

Что предлагают инженеры

В основе любого инженерного решения присутствует конкретное знание задачи, анализ обстановки, предвидение конечного результата. Инженеры не говорят: может быть, наверное, посмотрим. Да или нет, утверждение или отрицание – их ответ всегда конкретен. Что нужно сделать, чтобы освоить Джизакскую степь? Вопрос первый: а что такое эта степь? Каковы ее потенциальные возможности?

Вот что говорят изыскатели. Джизакская степь расположена между Южным голодностепским каналом и предгорьями Туркестанского хребта. Ее площадь немногим более 300 тысяч гектаров. В том числе, до отметок 500 метров (территория, пригодная для орошения) – 219 тысяч гектаров. Климат соответствует зонам полупустынь, его характеризуют высокие летние и низкие зимние температуры, малое количество осадков (300 – 400 миллиметров в год), большая сухость воздуха, продолжительный безморозный период (в среднем 220 дней) с суммой эффективных температур 4000 – 5000 градусов. Это говорит о том, что здесь можно возделывать среднеспелые сорта хлопчатника и другие теплолюбивые культуры. Своих сколько-нибудь существенных водных ресурсов эта земля не имеет. Средний многолетний расход реки Санзар пять кубометров в секунду, Зааминсая – два. Другие горные саи летом безводны, но весной по ним могут вторгаться на равнину селевые потоки сокрушительной силы.

Центральную часть Джизакского массива занимает останцовая равнина, сложенная из лесса – Ломакинское плато. Южная, более расчлененная часть степи, имеет хорошие условия для оттока грунтовых вод, но по мере продвижения не север создается подпор грунтовых вод, и они приближаются к поверхности. Все нижние части конуса выноса требуют интенсивного дренажа. Почвы весьма однообразны, это типичные сероземы; степень их засоления очень неодинакова. Если на всем массиве незасоленных и слабозасоленных почв половина, то на землях первой очереди освоения – четвертая часть. Но повсеместно почвы характеризуются или как высокопродуктивные, или как пониженного плодородия, быстро восстанавливаемого в период хозяйственного использования.

Основой экономики здесь является сельское хозяйство. Под пашню используется сто тысяч гектаров, но орошается из них всего 21 тысяча. Продуктивность естественных пастбищ и богарного зернового клина низкая, и животноводство, за исключением овцеводства, убыточное. В 1070 году на этих землях произведено продукции на 36 миллионов рублей, из них 28 миллионов – доля растениеводства. Каждый гектар болгары дал всего 12 рублей прибыли.

Освоение степи, развитие здесь городов и рабочих поселков коренным образом улучшит хозяйственное использование земель. Новые совхозы (всего их будет 29) будут специализироваться на хлопководстве. Выращивание продовольственных культур планируется лишь для удовлетворения нужд местного населения. По достижении целинными совхозами проектной мощности здесь ежегодно будет производиться 200 тысяч тонн хлопка-сырца, 36 тысяч тонн зерна, 137 тысяч тонн овощей и фруктов, 16 тысяч тонн мяса. Население новых совхозов составит 74 тысячи человек, из них 30 тысяч трудоспособных.

Как привести воду?

Вопрос второй. Как привести воду?

Вспомним, что в 1974 году, исключительно маловодном, когда сток Сырдарьи составил 27 кубических километров (на 7 кубокилометров меньше среднемноголетнего), положение в бассейне этой реки создалось чрезвычайно напряженное, и пришлось ввести в действие все имеющиеся резервы, в том числе максимально использовать подземные воды и сток коллекторов, чтобы сохранить урожай. Но периодическое маловодье – это лишь одна чаша весов. Аоложим на вторую Токтогульское водохранилище на реке Нарын емкостью 19 кубических километров – его уже начали наполнять, Андижанское на реке Карадарья емкостью 1,7 5 кубических километра. То, что будет накоплено в их чашах в многоводные годы, мы возьмем при нужде. Это называется многолетним регулированием стока. Новые водохранилища, особенно Токтогульское, намного увеличивают возможности ирригаторов в бассейне Сырдарьи. А воды в Джизакскую оросительную систему нам потребуется подать сначала для 150 тысяч гектаров, а затем еще для 170 тысяч.

По бассейну реки Сырдарьи площадь орошаемых земель может быть увеличены с нынешней 2180 тысяч гектаров до 2960 тысяч гектаров, в том числе в Узбекистане – на 400 тысяч гектаров. Итак, вода есть, при рачительном ведении дела ее должно хватить. Но как направить ее на целинные земли, если степь много выше реки? Строить насосные станции. Каршинская степь на 132 метра выше Амударьи, но это не остановило человека. Самотечная подача воды, конечно, дешевле, но рельеф местности диктует свои условия, и тут ничего не попишешь, надо подчиняться. Инженеры подробно просчитали несколько приемлемых вариантов подачи воды. Все они предусматривают водозабор из верхнего бьефа Фархадского гидроузла на Сырдарье. А дальше идут различия: следует ли воспользоваться деривационным каналом Фархадской ГЭС и начальным участком Южного Голодностепского канала, расширив их, или лучше построить самостоятельный подводящий канал? Сопоставление было в пользу первого варианта. Это, я бы сказал, символично: там, где некогда легендарный Фархад пытался простым кетменем открыть путь сырдарьинской воде на голодностепскую равнину, и встанет реконструированный водозабор на форсированный расход в 900 кубометров воды в секунду. Деривационный и Южный Голодностепский каналы будут расширены на 30 – 40 метров, но без углубления дна. Причем, будущее время мною употреблено неправильно, работы уже ведутся, интенсивность их нарастает. Организован новый трест «Гидрострой» с производственной базой в поселка Хаваст. Из Рыбинска прибыли два мощных земснаряда. Они выполнят две трети земляных работ по расширению русла. Разработка грунта земснарядами наиболее экономична, и я рад, что инженеры остановились на этом способе производства работ. Начата выемка котлована и под первую насосную станцию. Она поднимется на сороковом километре канала.

Всего насосных станций будет четыре, с общей высотой подъема воды 174 метра. Соответственно, и орошаемый массив разбит на четыре зоны, каждая со своим магистральным каналом. Первая станция каскада рассчитана на подъем 190 кубометров воды в секунду, четвертая – 37 кубометров. Общая протяженность всех четырех магистральных каналов 244 километра. На них будет возведено 200 гидротехнических сооружение – перегораживающих, водовыпусков, сбросных, мостов и так далее. На первой насосной станции будет смонтировано десять крупных насосов; мощность их электродвигателей – 109 тысяч киловатт.

Протяженность внутрихозяйственных каналов превысит 800 километров (из них 239 километров – в бетонной облицовке), участковых – более трех тысяч километров. Все они пройдут или в асбоцементных трубах (80%) или в железобетонных лотках. Если при освоении Голодной степи мы отдавали предпочтение лоткам – они несколько дешевле, то в новых условиях хотим использовать преимущества трубопроводной сети. Она находится под землей, не мешает прохождению тракторов, проще в эксплуатации, долговечнее. Уклоны же местности таковы, что гарантируют создание необходимого напора. КПД системы внутрихозяйственного распределения мы планируем 0,95. Это очень высокий показатель, для огромного большинства существующих оросительных систем он пока недостижим, из-за их технического несовершенства. Сейчас считается нормальным, когда внутрихозяйственные оросители доводят до поля три четверти поданной в них воды. Каналы в земляном русле на большее и не способны. А асбоцементные трубы и лотки практически водонепроницаемы, фильтрация из них равна нулю. Мы совершенно избежим не только бесполезного, но и вредного просачивания воды в почву на участках от межхозяйственного распределения до поля.

При подготовке целинных земель к использованию намечено провести их капитальную планировку – выравнивание полей, придание им однородного, равномерного уклона. Удельный объем таких работ в среднем 1000 кубометров на гектар.

Дренаж

Вопрос третий. Как не допустить засоления освоенных земель? Проблема эта для орошаемого земледелия одна из важнейших, и многие древние цивилизации в аридных зонах угасли, будучи не в силах ее решить. В Голодной степи с задачей отвода избыточных грунтовых вод справилась разветвленная система закрытого горизонтального дренажа и открытых коллекторов. Был испытан и хорошо себя зарекомендовал вертикальный дренаж. Образно говоря, дренаж на орошаемых землях выполняет ту же роль, что и почки в живом организме – выводит вредные вещества, в нашем случае соли. В почвах с затрудненным отводом грунтовых вод накопление солей при орошении почти неизбежно. Вспомним, что в каждом литре сырдарьинской воды один грамм плотного остатка, и эти соли отнюдь не полезны. За год на гектар подается Джо 10 тысяч кубометров поливной воды – вот вам в остатке 10 тонн солей. Вода испаряется растениями и с поверхности почвы, концентрация солей нарастает. Процесс этот прогрессирующий; если не остановить его, не воспрепятствовать ему, земля быстро потеряет плодородие, культурные растения в конечном итоге погибнут. Напомню, что голодностепский дренаж настолько эффективен, что вынос вредных солей за территорию оазиса с коллекторными и промывными водами несколько последних лет превышает их поступление с оросительной водой. Налицо процесс рассоления. Мелиоративные условия в Голодной степи улучшаются, плодородие почв растет – вместе с отдачей поливного гектара. Мы можем быть рачительными хозяевами – все правильно.

Дренаж, горизонтальный и вертикальный, открытая коллекторно-сбросная сеть запроектированы и для Джизакской степи. Самые крупные межхозяйственные коллекторы приурочены, в основном, к естественным логам и границам новых совхозов. На северной границе степи они вольются в главный коллектор, который пройдет параллельно Южному Голодностепскому каналу. Далее дренажные и сбросные воды будут отведены в Арнасайское понижение.

Намечен и комплекс противоселевых мероприятий. На саях будут построены селехранилища, такие, как вблизи Андижана (там они доказали высокую надежность). Ливням и паводкам путь на культурные земли преградит дамба обвалования, которая пройдет по южной границе орошаемого массива. А в будущем, чтобы устранить саму угрозы зарождения селей, на склонах гор проектируются лесопосадки на площади 82 тысячи гектаров. Намечено высадить орехоплодные – миндаль, грецкий орех, а также яблони, абрикос, алычу. Технология их бесполивного выращивания на склонах высотой 600 – 1200 метров разработана Среднеазиатским научно-исследовательским институтом садоводства, виноградарства и виноделия имени Шредера.

Новые совхозы

Вопрос четвертый. Какими будут новые совхозы? Похожими на те, что мы строим сейчас в Голодной и Каршинской степях, но с учетом корректировок, которые вносит время. Жизнь не стоит на месте, и то, что вчера изумляло, сегодня воспринимается как должное, а завтра может показаться отсталым. В каждом новом джизакском совхозе будет одна центральная усадьба со всем необходимым для труда и культурного досуга. Центральная усадьба, помимо объектов совхозного значения, может включать в себя и крупные объекты – хлопкоочистительный завод, школу-интернат, больницу. Жилую застройку планируется вести группами домов – кварталами, размешенными вокруг общественного центра. В состав такого центра непременно входит большой парк. Кстати, далеко не все усадьбы голодностепских совхозов имеют парки, и это вызывает справедливые нарекания. 65 – 70 процентов жилого фонда падает на коттеджи – они лучше всего отвечают национальным традициям. В новых совхозах в многоквартирных домах будут жить те, кто

или не нуждается в приусадебном участке, или не хочет его обрабатывать. Это учителя, врачи, молодые специалисты, большей частью вчерашние горожане. Но есть и новая тенденция. Наиболее высокооплачиваемые рабочие уже тяготятся большими приусадебными участками, запускают их, перестают держать личный скот. Процесс этот медленный, и нет нужды искусственно подталкивать его.

Предусмотрены следующие виды благоустройства: водо-, тепло-, газо- и электроснабжение жилых, производственных и общественных зданий, телефонизация поселков. Автомобильные дороги – межхозяйственные, хозяйственные и полевые свяжут бригадные участки с полевыми станами, ксадьбами, районными и областными центрами. На всех дорогах, кроме полевых, предусмотрено устройство твердого покрытия. Объемы работ предстоят большие – 350 миллионов кубометров выемки, пять миллионов кубометров монолитного и сборного железобетона, двести тысяч тонн трубопроводов и стальных конструкций. Полная стоимость освоения Джизакской степи 1,26 миллиарда рублей; работы первой очереди обойдутся в четыре раза дешевле.

Вопрос пятый: насколько эффективны будут произведенные затраты? Рирост валовой продукции за счет предланаемых мероприятий составит 150 миллионов рублей, а прирост годового чистого дохода – 81 миллион. На смену экстенсивному земледелию придет интенсивное, основанное на новейших рекомендациях агротехники. Учтем также налог с оборота, поступающий в бюджет от реализации товаров промышленной переработки хлопка-сырца. Часть этого дохода, относимая на долю сельского хозяйства, составит 86 миллионов рублей. Таким образом, расчеты показывают, что срок окупаемости капиталовложений за счет совокупного чистого дохода – семь лет.

Плацдармы наступления

Итак, начало положено. Я говорю не об утверждении технического проекта, а о практическом начале освоения Джизакского массива, о работах по реконструкции деривационного канала Фархадской ГЭС и Южного Голодностепского канала. Начато сооружение и первой из четырех уникальных насосных станций. Техника перемещает тысячи кубометров грунта, расширяя русла крупнейших искусственных водотоков Голодной степи. Обретает проектные контуры котлован насосной станции. Скоро в конструкции станции широким потоком потечет бетонная смесь, уральские насосы и электродвигатели займут свои места. И если сегодня в орбиту наступления на джизакскую целину вовлечены сотни людей, к концу года их будут тысячи. Какое-то время строительство в Джизакской степи будет вестись параллельно с завершением работ по освоению Голодной степи, где осталось ввести в эксплуатацию 33 тысячи гектаров целины. Затем все мощности «Голодностепстроя» будут переключены на Джизакскую степь, где посеять хлопчатник на первых тысячах освоенных гектаров планируется уже в 1977 году. К 1981 году там будет освоено 80 тысяч гектаров.

Новые производственные базы будут созданы на железнодорожных станциях Обручево и Зарбдар. Они очень помогут при освоении глубинных массивов. Когда-то велись споры: нужна ли «Голодностепстрою» собственная мощная производственная база, не проще ли воспользоваться услугами заводов минпромстройматериалов, как поступают другие крупные подрядчики? Опыт, однако, показал, что собственная материальная база позволила ускорить освоение Голодной степи, вести работы технически грамотно, применять прогрессивные решения и конструкции, брать на вооружение все лучшее, что накоплено мировой практикой гидромелиоративного строительства. Сократилось время на реализацию принятых решений. Вот, например, идея: железобетонные оросительные лотки (первыми их применили французы). Всем хороша идея, оппонентов у нее не было. Но лишь строительство собственного крупного завода в Бекабаде позволило быстро воплотить ее в жизнь. И как воплотить! Апробированная в Голодной степи, лотковая ирригационная сеть получила распространение в Киргизии и Армении, Казахстане и Таджикистане. В целом, то, что получило «добро» на просторах Голодной степи, высоко оценено нашим народом. Авторы и ведущие исполнители проекта комплексного освоения Голодной степи удостоены Ленинской премии, и новые наши совхозы – это всесоюзная школа передового опыта. Отрадно, что этот опыт быстро становится достоинством мелиораторов страны.

Да, в республике накоплен богатейший опыт комплексного водохозяйственного строительства. Заказчик, например, министерство совхозов Узбекской ССР, получает от генерального подрядчика, например, «Голодностепстроя», готовый совхоз целиком, с благоустроенным поселком, оросительной и дренажной сетью, дорогами, мастерскими, фермами. И не просто совхоз целиком, а совхоз, пущенный в эксплуатацию, снимающий урожаи, близкие к среднереспубликанским. Генеральный подрячик не только строит, но и берет на себя функции освоителя. Вот этим опытом мы и делимся

Вода завтрашняя

Эта работа института «Средазгипроводхлопок» прямо не относится к Джизакской степи. Речь идет о создании автоматизированной системы управления ресурсами реки Сырдарьи. Система так и будет называться «Сырдарья». При ограниченности наших водных ресурсов, при большом напряжении водного

баланса в маловодные годы четкое распределение воды между республиками (первая стадия работы) и между областями и оросительными системами (вторая стадия) имеет важное народнохозяйственное значение. Обстоятельства, с которыми мы столкнулись в тяжелейшем 1974 году, позволили сделать вывод: мы, оказывается, не располагаем исчерпывающей информацией о стоке Сырдарьи, запасах в водохранилищах, о заборе воды. Информация, которая попадала в Минводхоз республики, была неполна и часто отражала картину вчерашнего дня, то есть еще и не была оперативной.

Автоаматизированная система управления – это, прежде всего, оперативная и абсолютно достоверная информация, которая будет поступать в память ЭВМ с гидрометрических постов практически мгновенно и тогда, как только в ней возникнет нужда. Далее, по команде ЭВМ затворы в точках выдела воды будут открыты на строго определенную величину, пропуская строго заданный расход. Влияние субъективных факторов, таким образом, будет исключено. Выдавая команды, ЭВМ будет руководствоваться одной из нескольких программ. Однеа из них, например, будет иметь в виду получение максимального, при наличных водных ресурсов, урожая, вторая – получение максимального экономического дохода, третья распределит воду пропорционально орошаемым площадям, четвертая – пропорционально численности населения. Как только будет утверждена одна из оптимальных программ, остальное – открытие затворов – произойдет автоматически. Машина неукоснительно выполнит программу.

Применение ЭВМ для управления объектами водного хозяйства дело новое, неизведанное, но сулящее, как и в других отраслях экономики, большие выгоды и преимущества. Это – завтрашний наш день, веление времени. Не секрет, что эффективность нашей работы в огромной степени зависит от того, как грамотно мы управляем производственными процессами, насколько правильны распоряжения руководителей, насколько четко контролируется исполнение. У себя в институте мы уже внедряем автоматизированную систему управлением, ЭВМ теперь – первый помощник руководителя. Она обладает колоссальными возможностями хранить и быстро выдавать самую разнообразную информацию. Так, мы разработали программу «контроль поручений». К нам поступает масса заданий, и прежде мы кое-что упускали, просто забывали. Пришел срок сдавать работу, а мы, оказывается, к ней не приступали. Машина же не забывает ничего. За минуту она выдает справку, в каком состоянии находится выполнение любого задания. И не важно, сколько их, 50 или 500. Важно, что все они под контролем, что машина непрерывно следит за производством. Приносит, к примеру, инженер заявление на отпуск, и машина тотчас дает справку, нет ли за ним долгов. Нет – пожалуйста, отдыхай, есть – изволь должок погасить. А прежде мы не имели такой объективной информации. Работать стало много легче, текучкам уже не заедает. Остается время и для творческой работы. АСУ – это порядок, это злейший враг разгильдяйства и безответственности.

Одна из последних ступеней автоматизированной системы управления – отраслевой банк информации, находящийся, например, в Москве, в нашем отраслевом министерстве. Банк хранит все сведения о последних новинках в области гидротехники, мелиорации, о последних технических решениях, изобретениях. Запросил такой банк – и тут же получил исчерпывающую информацию. Тогда наши проекты будут близки у совершенству. Пока это мечта, но грань между мечтой и возможностями весьма условна. Одно безусловно: работая над завтрашними проектами, мы будем все шире использовать ЭВМ, надежного помощника, безропотно принимающего на свои плечи все нетворческое в нашем деле – обыденные расчеты, поиск аналогий и так далее. Инженеру – думать, творить, ЭВМ – рассчитывать, сопоставлять. И мы будем широко внедрять автоматизированные системы управления на новых и реконструируемых объектах водного хозяйства. Это поднимет на высшую ступень все качество нашей работы.

КАРШИНСКАЯ СТЕПЬ

«АН-24» летел над пустыней. Серая, а временами желтая земля под крылом была однообразна и тосклива. Где-то там, внизу барханы Кызылкумов переходили в лесс Каршинской степи, но сверху эта граница была неразличима. И трудно верилось, что каждый из миллиона гектаров этой степи может быть плодородным. Что здесь может возникнуть оазис такой же прекрасный, как и благодатная Ферганская долина. Наконец, желтое пятно пустыни наткнулось на зеленую преграду. Карши.

Стюардесса разносит леденцы, самолет кренится, заходя на посадку, и под крылом открывается город, расчерченный улицами на прямоугольники и квадраты, и за серыми коробками заводов начинаются поля. Как кровеносные сосуды, к городу сходятся дороги. Это еще успеваешь заметить, и тут земля надвигается на тебя зеленью травы и густыми кронами деревьев. Колеса подбрасывают самолет, а потом медленно останавливаются пропеллеры. И город сужается до размеров улицы, по которой идешь, до размеров кафе, в которое зашел перекусить. До размеров кабинета, в котором ведешь беседу о будущем этого пропитанного солнцем, но обделенного водой края.

Еще несколько лет назад, возвращаясь из командировок, мои друзья-журналисты отзывались весьма нелестно об этом жарком и пыльном городе. В подробности они не пускались. Они уважали подробности, запоминающиеся надолго, уважали яркую индивидуальность, а городок был лишен всего этого. Тогда им казалось, что судьба обделила Карши, и эта серость – надолго.

Сегодня Карши становится интересным городом. Толчком к его бурному развитию послужило начало работ по освоению Каршинской степи. Если в 1959 году город насчитывал 33 тысячи жителей, то в 1970 году их число приблизилось к 85 тысячам, а через двадцать лет достигнет двухсот тысяч. В десятки раз увеличится промышленный потенциал областного центра. Уже сегодня он превратился в крупнейший плацдарм наступления на целину. Прирельсовые базы забиты техникой и материалами, прибывшими в адрес «Каршистроя», и асфальтированные долги гудят от стремительного бега сотен грузовиков. Поднялись крупные предприятия строительной индустрии. Одного сборного железобетона Каршинский комбинат строительных материалов и деталей будет производить 240 тысяч кубометров в год. Начал восстаналивать износившуюся землеройную технику и автомобили мощный ремонтный завод. На очереди строительство заводов по производству сельскохозяйственных машин, электробытовых изделий. Иными словами, Карши готовится стать не только административным, но и экономическим центром возрождающегося оазиса площадью в миллион гектаров.

Не так давно между старым городом и вокзалом простиралась четырехкилометровая пустошь. Это свободное пространство заняли новые микрорайоны. Башенные краны стоят густо, и место это чем-то напоминает центральные районы Ташкента, когда их восстанавливали после землетрясения. Магистрали север – юг и запад – восток свяжут жилые кварталы с промышленной зоной. Основную тяжесть пассажирских перевозок примет на свои плечи троллейбус. Уже являются взгляду контуры нового общегородского центра. Он включает в себя административные здания, театр и кинотеатр, предприятия торговли. Зданиям этого комплекса присуща архитектурная монументальность и богатство отделки, как внешней, так и внутренней. При тщательной продуманности деталей это дает прекрасный эффект. И пусть отдельные здания еще недостроены, то, что построено, позволяет составить цельное представление о будущем ансамбле. У меня, например, от города осталось светлое впечатление. Карши может нравиться или не нравиться, но серым его уже не назовешь. Каршинцы полны энергии и энтузиазма. Перед ним поставлено столько задач! Они всегда мечтали идти в ногу с веком и теперь оказались на большаке, где надо ускорять и ускорять шаг.

Первые

Мне повезло, что в первый же день пребывания в Карши я встретился с человеком, который смог просто и безыскусно рассказать, что же такое Каршинская степь – не издали, не на карте, а если в ней работать изо дня в день больше десяти лет. Человеком этим был начальник топографической партии изыскательской экспедиции института «Средазгипроводхлопок» Александр Степанович Поленин.

Экспедиция размещалась в двухэтажном бежевом здании. Первый этаж занимала лаборатория строительных материалов. Гидравлический пресс давил бетонные кубики и кирпич, проверяя их на прочность, а в белом холодильном шкафу такие же кубики подвергались многим циклам замораживания, с последующим оттаиванием в воде комнатной температуры – это называлось испытанием на морозостойкость. А на втором этаже хозяйствовали полевики. Внизу царила строгая сосредоточенность, в наверху была атмосфера подлинной непринужденности. Здесь собирались люди, приехавшие издалека и успевшие соскучиться друг по другу. Моложавые женщины и подтянутые юноши сидели над своими отчетами, а между столами прохаживался высокий, высушенный солнцем человек и всем приветливо улыбался. Он должен был вернуться от отпуска через неделю, но что-то заставило его сделать это раньше,

и теперь он снова был среди своих. И каждый в ответ на его улыбку старался сказать ему что-нибудь приятное. Этот человек и был Поленин.

Дела и без него шли как надо, да он и не ожидал другого и потому никогда не умел объяснить беспокойства, которое уже не в первый раз заставляло его прерывать отпуск и стремглав бросаться назад, Вт горячее пекло, каким была степь летом. Скорее всего, ему надоедала размеренность и неприкаянность жизни отпускника. Но это была только догадка. Сейчас к Поленину стекалась информация, восполняющая пробелы трехнедельной отлучки. Две-три малопонятные постороннему фразы проясняли положение, и никто не делал обстоятельных докладов. В отряде Алика Хамидуллина месяц прошел без происшествий, и в отряде Михаила Аврова тоже. Это особенно обрадовало Поленина, Авров был молодым топографом, молодым и горячим, и только постигал сложную науку управления людьми.

Пока он ходил из комнаты в комнату, радуясь возвращению и хорошим новостям, я ждал его в коридоре, чтобы договориться о завтрашнем выезде в поле. Я думал, что ветер и солнце оставили характерные следы не только на его мужественном лице. Они оставили следы и в его сердце, - на всю жизнь, и люди, с которым он работал и которые сейчас громко радовались его возвращению, во многом были такие же. Эти люди уезжали в степь на машинах и пропадали в ней, как иголка в стоге сена, а потом возвращались с сознанием исполненного долга. Смывали пыль, облачались в элегантные костюмы, и становились неотразимыми молодцами, умеющими повеселиться, пустить пыль в глаза. Это – если наблюдать их жизнь со стороны, наблюдать отъезды и приезды и спрашивать, как дела, не очень-то вникая в суть ответа. Но у этих людей и в самом деле очень содержательная жизнь. И те, из кого получаются изыскатели, - а получаются они, ясное дело, не из каждого, потом не помышляют о другой работе и даже в преклонные годы не садятся за конторские столы. Их по-прежнему тянет в поле, где солнце и ветер и неоглядный простор, где мысль течет свободно-свободно. Поленин был одним из этих людей, и я уже знал, что мне повезло на интересного человека.

Мы выехали с рассветом, держась общего направления на север. Позади остались массивные коробки заводов строительных материалов и деталей, призванные обеспечить нужды целинников в кирпиче и оросительных лотках, дренажных трубах и столярных изделиях. Замелькала пашня. 30 тысяч гектаров степи издавна орошались водами Кашкадарьи, а на большее этой реки не хватало, и без Амударьи нечего было и думать о большем.

- Здесь многое придется перекраивать, - сказал Поленин об освоенных землях. – По-новому пройдут дороги, каналы. Но это не главная наша забота. Главная забота – целина.

Вскоре началась и целина. Трава успела выгореть еще в мае, и однообразный желтый цвет, которому стало тесно на земле, казалось, переходил и на небо. Мы ехали по чуть намеченной колее. «Это с первого взгляда кажется, что здесь можно заблудиться, - сказал Поленин. – Как же ты заблудишься, если тут все понятно, и какой же ты топограф, если можешь заблудиться?» Тут и там на солнце блестели сосновые, затесанные топором разбивочные колышки с номерами пикетов и разметкой поворотов, а в стороне от ряда колышков изредка встречались реперы – основательно вкопанные в землю стальные трубы со специальными головками, носители высотных отметок.

- Канал, - небрежно бросал Поленин. Разумеется, он имел в виду будущий канал. – Коллектор. Дорога.

Нам встречались шурфы геологов, глубокие, обшитые досками, и мелкие шурфы почвоведов. Встречались крошечные опытные участки, на которых разрабатывался режим орошения, то есть сроки поливов и поливные нормы. Для того, чтобы выявить возможности этой степи, здесь прошли инженеры многих специальностей – геологи и почвоведы, мелиораторы и гидротехники, биологи и агрономы. Но первыми были топографы. А все остальные наносили результаты своих кропотливых исследований на составленные ими крупномасштабные карты.

Коренной ташкентец, Поленин уже двадцать лет работает вдали от дома. Невзрачно он обронил: «Если за эти двадцать лет провел с семьей два года, то это хорошо». Сюда попросился одним из первых, в 1959 году. Хотелось самому торить первые тропы. Голодная степь тогда уже была известная проектировщикам во всех подробностях, Каршинская же оставалась белым пятном. Страна уже могла выделить необходимые ресурсы для ее освоения. Степь эта привлекала, прежде всего, возможностью выращивать ценнейшие тонковолокнистые сорта хлопчатника. И забелели в степи палатки изыскателей…

- Палатки были недолго, - сказал Поленин. – Вообще, в моей работе палатки были только в самом начале. Сейчас мы живем в городе, в секциях с удобствами. Палатки, верблюды, ночи у костра остались в прошлом. Это, конечно романтично – верблюды, идущие медленной поступью, костер, звездная ночь. А вы попробуйте изо дня в день ухаживать за капризным верблюдом, и вам быстро надоест такая романтика. Газик надежнее, и успеваешь на нем куда больше. А как приятно вернуться из горячей степи и встать под холодный душ! Нет, романтика нашей профессии не в палатках и не в кострах. А в чувстве, что ты везде идешь первым. Это хорошее чувство, и кто испытал его, у кого оно стало чертой характера, того бесполезно звать на другое дело.

- Палаток нет, а землепроходчество осталось?

- Зесмлепроходчество всегда будет жить. Ведь нам все бюольше и больше надо знать о своей земле. На что она способна, и что надо сделать, чтобы она была способна на большее. Сотни инженеров, много ученых поработали в степи, прежде чем сюда пришли строители. Зато строим мы с открытыми глазами. Споткнувшись на чем-то в Голодной степи, мы стараемся избежать этих ошибок здесь. И добываем тот минимум знаний об этой земле, который нужен, чтобы не ошибаться.

- Чем приходится заниматься сейчас?

- Переносим проекты в натуру. Вбиваем в землю колышки на месте будущих сооружений. Следом идут строители, иногда наступают на пятки. И пусть наступают! Веселее работать, когда тебя торопят.

Степи отдано немало – 12 лет. И будет отдано еще много лет, пока человек не станет здесь полновластным хозяином. Но вот грандиозный замысел претворен в жизнь. Что дальше? Для Поленина это решено: «Ну, неосвоенных земель хватит и мне, и детям!»

Не сомневаюсь. Но мне хотелось понять, что движет такими людьми, как Поленин. Есть ли в нем что-нибудь от искателя приключений? Нет. Да и какие в желтой и ровной степи могут быть приключения? Ровно никаких. Вполне обычная, расписанная по дням и часам работа. Нет даже того азарта, с каким геолог ищет месторождение (тут можно и о мировой известности помечтать), с каким археолог раскапывает занесенные прахом времен города. Топограф работает не мудрствуя лукаво, строго по инструкции. Без самодеятельности. Математическая точность расчетов, самоконтроль. Все время проверяешь подчиненных, и все время проверяешь себя – высокая требовательность гарантирует от ошибок. Но и у этой работы своя прелесть. Какое обилие новых мест, в которые ты приходишь, как разведчик! Ориентиры, которые ты оставляешь, понадобятся многим.

Он говорил об этом просто, как о само собой разумеющихся вещах. А я вспомнил свои колышки под трассы лотковых оросителей в голодностепском совхозе имени Германа Титова. Десять лет назад я забил их там не одну тысячу, свой колышек под каждую опору лотка. Мне тогда нравилась эта работа. Я делал разбивку, а через несколько дней трамбовщик опускал на мои колышки пятитонную чугунную бабу, выштамповывая котлованы, и монтажники ставили опоры и шестиметровые лотки. До сих пор помню цифры на двадцатиметровой стальной ленте, против которых я забивал колышки: шесть ноль один, двенадцать ноль два, восемнадцать ноль три, четыре ноль четыре и так далее. Один сантиметр набавлялся на ширину шва при стыковке лотков. Поленин же сейчас разбивал не короткие трассы лотков, а многокилометровые каналы, коллекторы, намечал контуры будущих поселков, и место, где проходила разбивка, позволяла каждому новому рабочему дню не походить на предыдущий.

- Просторно здесь, правда? – замечает Поленин. – К простору привыкаешь, и когда его нет, начинаешь задыхаться, как в четырех стенах.

Лето, конечно, здесь тяжелое. Как ни привыкаешь к жаре, летний зной угнетает. Стараешься выехать в поле пораньше, с рассветом. В эти часы еще нет теплового дрожания воздуха – рефракции. А осенью или весной хорошо. Весной даже отлично. Вокруг непривычный зеленый цвет, выползают черепахи. Бугры заливает настоящее половодье маков. Помните маки на знаменитой картине Сарьяна? Им не веришь, этим макам на картине, такие они красные и так их много. Но им не веришь до тех пор, пока сам не увидишь в степи. После этого уже безоговорочно веришь Сарьяну. И как ты радуешься, когда по твоим колышкам идут колонны бульдозеров и ворочают землю, создавая трапецоидальное русло канала, и рабочие одевают откосы в бетон, а дороги покрывают асфальтом. И как радуешься, когда приходит вода – первая робкая струя, которую ты ждал 12 лет.

- Хвалить свою профессию не буду, зачем? – говорит Алексей Степанович. – Молчу, когда люди хвастаются работой. Это видь очень личное чувство, другим его часто не понять. Но отпуска своего до конца еще не отгуливал, вот и сейчас вернулся раньше срока. Как будто без меня здесь не обойдутся. Прекрасно обойдутся, знаю. Я вот уже не могу без этой степи. Только не заносите этого в блокнот, зачем лишние сантименты…

Он считает, что живет интересно, и я убедился в этом.

На берегу Аму

Едва наметившийся колесный след вывел нас к следу хорошо насметившемуся, с которого ветер сразу же сдувал пыль, а этот вывел на лоснящуюся асфальтом дорогу Карши – Дустлик, очень оживленную, как и всякая магистраль в районе большой стройки. Въезжая на дорожное полотно, мы спугнули большую серую птицу, орла или беркута, и она, взмахнув метровыми крылами, величественно поднялась Вт воздух и, пролетев метров двести, села на бугор и стала похожа на солдата, по грудь высунувшегося из окопа. Эта хищная птица, сурки и ящерицы и, вероятно, змеи были единственными представителями фауны Каршинской степи.

Потянулись пески. Красноватые сыпучие барханы до горизонта и за горизонтом. Вздыбленная, удручающая земля, редкая получая растительность – и зной, сделавший желтым даже небо. И вдруг за грядами барханов открывается Амударья. Река течет вольготно, широко, противолежащий низкий берег теряется в сизом мареве. Редкий тростник. Густая от ила вода набегает на берег ритмичными волнами, и рушатся песчаные откосы, а где-то ниже возникают острова, перемещаются и размываются и намываются снова. Река живет своей обычной жизнью, ее русло, проложенное в легко размываемых грунтах, не отличается постоянством. Река ежегодно несет на равнину 60 кубических километров воды, вдвое больше младшей своей сестры Сырдарьи. Вверх и вниз по реке плывут буксиры и тянут караваны барж – неторопливые маленькие буксиры и длинные баржи-плоскодонки, бесшумно скользящие по серой воде. Баржи и буксир были очень маленькие на этой бескрайней, свободно текущей воде.

- Какая это сила! – сказал Поленин.

Он не добавил ничего, но оба мы подумали об одном: как много могла дать человеку эта большая вода, спокойно текущая к морю, и как нужна эта вода той желтой земле, по которой мы сегодня проезжали. Эта вода могла дать жизнь еще трем – четырем миллионам гектаров пустынь, и одним миллионом гектаров из этих трех – четырех была Каршинская степь.

Люди, в их числе были Поленин, уже точно знали возможности реки, и знали, что нужно сделать, чтобы ее сток стал равномерным по годам и весь до последнего кубометра использовался человеком. Знали, где поставить плотины и какой высоты, и какой мощности будут электрические станции при этих плотинах, и куда направить каналы, и какую задать им пропускную способность, и знали многое другое, связанное с комплексным использованием водно-энергетического потенциала великой среднеазиатской реки. Веками смотрел человек на эту большую, спокойно текущую к своему морю воду, и всегда его охватывало чувство беспомощности. Он никак не мог соединить эту воду с жаждущей землей. Слишком слабыми были его руки, и слабыми были мускулы животных, его помощников. И лишь не так давно эта вековая мечта обрела под собой твердую техническую базу. У страны появились возможности с помощью гигантских насосов направить в Каршинскую степь столько воды, сколько нужно для полного ее освоения. Амударьинская вода уже пришла по Каракумскому каналу в Ашхабад, вдохнув свежую струю жизни в Марыйский и Тэджанский оазисы. И Туркмения в считанные годы удвоила валовые сборы хлопка-сырца. Вода пришла по Бухарскому машинному каналу на помощь Зарафшану, скудно поившему хозяйства Бухарской области, и в этих хозяйствах в полтора раза поднялась урожайность хлопчатника. А теперь наступил черед Каршинской степи. Этот проект грандиознее предыдущих. Только осуществление его первой очереди (освоение 360 тысяч гектаров) требовало полуторамиллиардных капиталовложений.

Вспоминаю разговор с начальником управления «Каршистрой» Хабибуллой Шагазатовым в его кабинете у карты освоения степи. На берегу великой реки все, о чем говорилось в кабинете начальника, обретало наглядность. С высоты прибрежных скал были видны голова магистрального канала и створ, где через пять лет начнется сооружение перегораживающей плотины, как в Тахиаташе. И было легко представить, как развернутся здесь работы и придет в степь большая амударьинская вода, и как изменится степь с ее приходом. Было легко представить, на что способны эти возвращенные к жизни земли. Как все эти тщательно продуманные мероприятия скажутся на жизни республики.

- Работы по освоению степи характеризуются, прежде всего, своей масштабностью, - говорил Шагазатов. – Им свойственны размах, непрерывное наращивание темпов. Нельзя было начать с малого в расчете на быструю отдачу, например, с подачи воды для одного совхоза, потом для второго, третьего, и так далее. Требуются очень большие предварительные вложения. Чтобы преодолеть разницу в уровнях Амударьи и Каршинской степи, надо возвести на транзитной части канала шесть насосных станций. Насосы уникальны, каждый будет поднимать сорок кубометров воды в секунду на высоту двадцати – двадцати шести метров. Каждая станция оборудуется шестью насосами, два из которых резервные. Электрический двигатель к таком насосу тоже не маленький, каждый мощностью 12,5 тысячи киловатт. Двигатели такой мощности приводят в движение океанские суда.

Участок через пустыню коварен. Мы опасаемся большой фильтрации и потому оденем его в бетон. Постелем полиэтиленовую пленку, сверху положим бетон, и вот вам полная водонепроницаемость. Уже разработан пусковой комплекс. Этот и следующие годы – окончание всех сооружений на канале, испытание насосов. Мы ориентируемся на насосы, еще не апробированные практикой. Не думаю, что это риск. У уральских машиностроителей солидный опыт, да и насосы проектировались очень тщательно, с кропотливыми модельными исследованиями. 1973 год будет пусковым. Но нам не безразлично, пойдет ли вода по каналу в конце года или в начале вегетации. Дадим воду к началу вегетации – вольем животворную амударьинскую струю в скудную Кашкадарью, сумеем уже в 1973 году собрать урожай с первых двадцати тысяч целинных гектаров. Сами понимаете, дать первую весомую отдачу нам всем хочется как можно быстрее. А в 1975 году будет орошаться уже 85 тысяч гектаров целины. Ежегодно мы намерены вводить по пять – шесть новых совхозов с площадью пашни 6,5 тысячи гектаров. Первая очередь освоения степи предполагает оросить 360 тысяч гектаров – в два этапа. Первый этап – орошение 200 тысяч гектаров. Затем,

после ввода в эксплуатацию Талимарджанского водохранилища, орошение на его базе остальной площади первой очереди. Это водохранилище находится за шестой насосной станцией и будет аккумулировать воду, поданную за пределами вегетационного периода, и направлять ее в рабочую часть канала в летние месяцы. Таким образом, мы достигнем равномерной во времени загрузки насосных станций.

Вторая очередь – это пока лишь контуры. Параллельно первому магистральному каналу пройдет второй, со своим водохранилищем – Шорсайским. Он и напоит остальные 620 тысяч гектаров степи. Ориентировочный срок полного осуществления проекта – девяностые годы. Принцип организации территории – строительство совхозов. Этот принцип вполне оправдал себя при освоении Голодной степи. Совхозы планируются без отделений, с одной усадьбой примерно на 2,5 тысячи жителей. Основу совхозной усадьбы составят жилые дома на одну семью – коттеджи, или на две семьи, двухэтажные, с квартирами в двух уровнях и с обязательным приквартирным участком. Многоквартирных жилых домов практически не будет. В Голодной степи они себя совершенно не оправдали, люди отказывались в них жить. Собирались сэкономить, а текучка кадров быстро съела эту экономию и принесла убытки.

Вообще, освоение Голодной степи стало для нас замечательной школой передового опыта, и мы переносим сюда все ценное, что оправдало себя там. Например, лотковое орошение, гибкие трубопроводы, закрытый дренаж – мы его сделаем более густым, чем в Голодной степи, и сразу стабилизируем уровень грунтовых вод на безопасной высоте. Работы впереди непочатый край. Побольше бы нам энтузиастов, строителей по призванию! В прошлом году м ы освоили 43 миллиона рублей, программа этого года – 65 миллионов. До прихода большой воды надо уложить 900 тысяч кубометров бетонной смеси в облицовку магистрального канала и в сооружения. Завершается создание всего комплекса инженерных коммуникаций для земель первого этапа освоения. Начато строительство совхозов, три уже в заделе.

Что позволяет нам быстро наращивать темпы? Четкое планирование. Мы начали с подготовки мощных плацдармов, возвели рабочие поселки Дустлик, Талимарджан, Нишан, где живут тысячи строителей, создаем мощную производственную базу. У людей есть жилье, дети ходят в школу, в детские сады – значит, можно работать.

Разумеется, это было лишь вступление к тому, что мне предстояло увидеть. Но я уже видел работу Поленина и его коллег, успел проникнуться глубоким уважением к этим одержимым людям. И в общих контурах уже представлял размах стройки. Но только в самой степи, наблюдая работы и радуясь их размаху, я смог мысленно соединить в одно целое землю и воду и усилия тысяч и тысяч людей. Да, эта большая вода могла принести человеку неисчислимые блага, и теперь человек был в состоянии заставить ее сделать это. Я представил стройки сегодняшние на этой реке – Нурек и Рогун в верховьях, Тюямуюн и Тахиаташ в нижнем течении – трехсотметровые плотины в горных каньонах с могучими гидростанциями, сравнимыми по силе в Братской ГЭС, и низконапорные плотины внизу, на песчаном основании, так необходимые для стабильного орошения полей Хорезма и Каракалпакии. 23 гидроузла, 200 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год – такими были потенциальные возможности Амударьи.

На трассе

Канал рассекает прибрежные холмы. За красноватыми грядами компактный поселок строителей Дустлик. Поселок возникает неожиданно среди горячего зноя Кызылкумов. Частокол деревьев и дома, тесно поставленные (так легче противостоять пылевым бурям), со всеми удобствами, которые предоставляет человеку современная цивилизация.

Водитель Бабаназар Саидов тормозит у колонки с артезианской водой. Долго пьем прохладную, удивительно вкусную воду. Напившись, водитель говорит:

- Смотрите, какой веселый городок вырос! Тут ведь такие бури вертятся! Смерчи, по три дня ничего не видно. А все на месте: дома, школа, магазины. Эти холмы еще зовут Пули Зиндан. Пыльная тюрьма. Я почему знаю? В 1954 году мы вели сюда колонну ЗИЛов, десять машин. Так мы семь дней пробивались сюда из Карши. А теперь два часа, и мы в Карши. Асфальт! Так и обживаем эту землю.

За Дустликом гараж на 500 машин, базы механизации. Базы, как небольшие заводы. На них собирают напорные трубопроводы, металлоконструкции для всех шести насосных станций. Что ж, заводской конвейер на строительной площадке – веление времени. Он приносит неисчислимые выгоды. И первая среди них – огромная экономия труда.

В цехе прохладно, несмотря на горячее дыхание пустыни. Мостовой кран разносит стальные листы по участкам. Шипят автогенные резаки, готовые секции напорных водоводов торцуются рядом на большом станке. В сторонке рабочие наносят пульверизатором на жирный металл суспензию сурика. Производство отлажено, каждый знает свою часть дела и задачу в целом. Графики опережаются, к этому здесь привыкли, и рабочая гордость уже не позволяет работать нечисто, с дефектами.

Во дворе гильотинный станок, вальцовочный стан, придающий раскроенным листам железа нужную кривизну, поточная линия для автоматической сварки заготовок. Гильотина обращается с толстенными листами стали примерно так же, как опытная портниха с отрезком материи – в считанные

секунды раскраивает сталь на куски заданной конфигурации. Высокая техническая оснащенность базы позволяет обходиться услугами минимума рабочих. Основные усилия – здесь, в цехе, монтаж – на площадке. А если бы все конструкции изготовлялись непосредственно на месте? На строительных площадках потребовалось бы в 15 раз больше сварщиков, плотников. Это не грубый подсчет, а точные выкладки экономистов.

Сварщик Василий Соколов – ветеран. Невысокий, подвижный, в защитных очках и брезентовой робе, он зачищал абразивным кругом кромку секции напорного водовода. Оранжевые брызги веером сыпались вокруг него. Когда мышцы наливались усталостью, Соколов выключал мотор, оттирал пот со лба тыльной стороной ладони и неторопливой походкой направлялся к автомату с газированной водой. К концу дня он выпивал двадцатый стакан, а в очень жаркий день – и двадцать пятый. Но очень старался, чтобы жара не сказывалась на работе. Чтобы безусая молодежь не обошла в негласном внутрибригадном соревновании его, ветерана.

Разговариваем о жизни. Приехали сюда Соколовы всей семьей («В Братске о трехкомнатной квартире можно было только мечтать, а здесь сразу поселили в хоромы»), жена Анна Тихоновна – оператор, сын Владимир – тоже сварщик, но не здесь, а на насосной, собирает воедино эти секции. Зять – плотник, а дочь пока не работает, ждет малыша. Для него есть и ясли, и садик, а для младшей дочери, восьмиклассницы – отличная школа. Тут, конечно, жарковато, а с металлом и на холоде работать тяжело, и иногда почти валишься с усталости. Но встанешь дома под душ, потом цветы польешь, срежешь с лозы гроздь винограда – и усталость отпускает тебя, и ты снова свеж и снова не ощущаешь своих годов.

- Я уже тридцать лет сварщик, - с гордостью заявил Соколов. Это была гордость человека, много повидавшего на своем веку и прекрасно знавшего цену добрым, все умеющим рабочим рукам. – Начатое всегда довожу до конца. Только тогда получаю полное удовлетворение от работы. Это третья моя стройка. До войны, не поверите, работал художником-декоратором в театре. Перед самой войной переквалифицировался. Сварку полюбил, из сына тоже сварщика сделал. Мне, например, быть хорошим сварщиком куда приятнее, чем посредственным декоратором. С войны привез десять боевых наград. За что – перечислять долго, каждый боевой эпизод так прочно отложился в памяти, что коротко про это рассказать не могу. Еще привез с войны закалку и любовь к стройкам. Насмотрелся на пепелища и уже который год строю и радуюсь. Стараюсь для людей, а люди стараются для меня. Так и живу. А страна вокруг уже не прежняя, - и сильнее, и красивее.
- А театр?
- Сейчас клуб в поселке достраивается. Так я обязательно возглавлю драматический кружок. Отрывки из чеховских пьес поставим, из шекспировских. Веселее заживем!

Ветеран кивнул мне, взял в руки инструмент, и белый абразивный диск, получив вращение, высек из металла сноп оранжевый искр. Соколов считал себя старожилом этой горячей земли, и самым большим его желанием было увидеть, на что эта земля способна, если ее досыта напоить. Он знал, что увидит это.

Цепочка насосных станций. Канал становится все глубже и глубже, и вот наступает момент, когда заглублять его дальше невыгодно. И тогда строится очередная насосная. Трубопроводы суриковыми хоботами преодолевают подъем, и дальше немного канал идет в насыпи, потом – в полунасыпи – полувыемке, и снова в выемке, все углубляющейся – до следующей насосной станции. Вода будет подниматься по ступенькам. Каждая такая ступенька сложное инженерное сооружение. Оно включает в себя аванкамеры для плавного подвода воды к насосам, сами насосы с огромными электрическими моторами, водоводы с напорным бассейном наверху, трансформаторы, пульт управления. Для обслуживания всех шести станций каскада потребуется энергия одной из девяти турбин Нурекской ГЭС. Насосы, по сути дела, те же турбины, что и на гидравлических станциях, только в них все происходит в обратном порядке – не вода вращает турбину, а турбина гонит воду вверх. И энергия здесь не вырабатывается, а потребляется. Борьба ведется за каждый процент коэффициента полезного действия насоса, и в крупных машинах она достигает 90 и более процентов, но конструкторы продолжают совершенствовать насосы, и здешние насосы будут самой последней марки.

Насосная станция № 2 в той степени готовности, когда уже не трудно представить сооружение. Плотный бетон конструкций, вверху опалубочные щиты и арматурные каркасы. Стрелы кранов в неторопливом движении. Небесную синь прочерчивают тяжелые бадьи с бетонной смесью. Стук топоров, сполохи сварки. Гул вибраторов, выжимающих из свежей бетонной смеси пузырьки воздуха. Запах ангарской сосны смешивается с запахом цемента. Команды подаются жестами, так привычнее.

Мой гид – начальник производственно-технического отдела СМУ № 7 Александра Куликова. Она молодой специалист, приехала сюда из Калинина с мужем Владимиром, который работает начальником участка. У него всегда все срочно и сверхсрочно, водоворот дел, и ему, конечно, нравится эта самостоятельность. А у нее работа поспокойнее – прохождение технической документации, разбивка, контроль исполнения. То ли это, к чему молодые люди стремились все пять лет учебы в вузе?

Да, то. Работа – это, в какой-то мере, и продолжение учебы. Ни один вуз не даст того, что даст вот такая строительная площадка. В круговороте рабочих дней приходит тот, чисто практический, опыт, без которого не бывает настоящего строителя. Каждый день приносит что-то новое, и надо постоянно быть готовым к встрече с этим новым. Вот только дочку приходится держать в Калинине у матери, а без нее все же жизнь не полна. При насосной станции поселок невелик, ясли не предусмотрены.

Кое в чем Куликова, неожиданно для меня, слово в слово повторила Поленина: «Начинается жара, подходит время отпуска – так хочется домой. Истоскуешься, пока приедешь в свой Калинин. Но вот отдохнем неделю-другую, в лес сходим, грибов нажарим, и снова тоска, и нам так же сильно хочется обратно, как до этого хотелось домой. Словно встало без нас здесь дело. Приезжаем раньше срока – здесь, конечно, все в порядке, насосная строится строго по графику. Остается только принять эстафету. Светлые впечатления? Все, что мы делаем здесь впервые, оставляет светлые впечатления. Первый освобожденный от опалубки блок – на бетоне ни единой каверны. Приятно! Первый напорный водовод. А свой клуб, построенный ребятами в неурочное время? А свой спортивный зал? Радости было, когда поднимали эти немудреные объекты! Они сплотили молодежь. И сейчас только брось клич – через неделю волейбольная площадка готова или еще что-нибудь. Вечера проводим веселые, как в институте – с самодеятельностью, танцами. Кино, рыбалка, весной – грибы, тюльпаны, просторная зеленая степь».

Александра знакомит меня с бригадиром бетонщиков Алексеем Елисеевым. Высокий и стройный парень застенчиво улыбается. Льняные волосы, небесно-голубые глаза. Ликом Алексей кроток, взгляд потуплен, а авторитет сумел завоевать высокий – иной ветеран таким авторитетом похвастать не может. Заовевал личным примером и чутким, тактичным отношениям к товарищам. Чувство товарищества в нем развито особенно высоко, ребята из бригады говорили, что с Алексеем и работать легко, и жить. Сначала, после армии, он приехал сюда из Ангрена один. Посмотрел, как и что, и вернулся за верными друзьями – Махмутом Кинжегалиевым, Евгением Мазуренко, Николаем Мизгаревым. Вообще, это любопытная деталь. Работать сюда люди приезжают или с семьями, или с друзьями. Так легче противостоять трудностям, короче сам процесс вживания. Половину своей зарплаты Алексей отсылает матери, на воспитание младших братьев. Доволен, что стал опорой семьи.

Я наблюдал, как он работает. В блок, промытый брандспойтами и вылизанный до зеркальной чистоты, бетонная смесь шла непрерывным потоком. Алексей взял себе участок посложнее, где арматуры было больше и поворачиваться было труднее, и просовывал тяжелый вибратор в каждую щель. Он не просто старался, он подставлял плечо под тяжелую часть ноши. Он вообще так работал, не рисовался. Привык все делать основательно, потому товарищи и выбрали его бригадиром. Этот высокий голубоглазый парень был мне глубоко симпатичен.

Во время перекура ребята обступили бачок с кипяченой водой. Все рослые, длинноволосые – дань моде. Смеются, вспоминают последнюю рыбалку. У Мизгирева ушел огромный судак – он его уже почти выволок на берег. «Можете Кинжегалиева поздравить! – говорит Елисеев. – По молодежной путевке в Чехословакию едет». Я спросил, как проведет отпуск он.

Я в отпуск- только домой. По заграницам что-то не скучаю. А по матери – очень.

x x x x

В проекте освоение Каршинской степи заложены замечательные идеи, плод коллективного труда и многолетних поисков сотен людей. Наступлению на степь присуща комплексность, характеру работ – индустриальность. Каждую семью целинников будет ждать благоустроенная квартира, и льготы убудут. Это, несомненно, привлечет переселенцев. Опыт, однако, учит, что и самые хорошие идеи могут быть испорчены дурным исполнением. О результатах пока говорить рано, вода еще не пришла в степь. А именно большая амударьинская вода и примет у строителей экзамен на зрелость. Накажет за малейший просчет. Пока же исполнение нигде нельзя назвать плохим. К качеству работ требования повсеместно высокие, и они соблюдаются. Лаборатория проверила на прочность десятки тысяч кубиков бетона, сотни проб керна, добытых буровыми станками из монолитной кладки насосных станций. Их прочность и морозостойкость почти всегда оказывалась выше паспортной.

Объявлен конкурс на создание типовых проектов жилых домов для целинных хозяйств Каршинской степи. Дома – коттеджи трех – пятикомнатные, или блокированные, с квартирами в двух уровнях, с обширными летними подсобными помещениями. Пойдет ли новосел жить в такие дома? С превеликой охотой! Особенно если архитекторы талантливо выполнят этот важный социальный заказ. Ну, а как будут заселяться новые совхозы? Одни добровольцы проблемы не решат. Человек с неохотой уезжает из родных мест, оставляет близких. Другое дело коллективное переселение, всем кишлаком. Вместе переезжают соседи и родственники. Сохраняются привычные взаимоотношения между людьми. Вот тут-то в полную силу и проявят себя идеи, заложенные в проекте освоения степи. Новые поселки не сравнить с кишлаками в старой зоне орошения. Есть ли в области кишлаки, которые целесообразно переселять целиком? Есть, и много. Это в первую очередь горные кишлаки, не обеспеченные орошаемой пашней, лишенные перспектив

быстрого развития. Там нагрузка на трудоспособного не превышает одного гектара. В новых же совхозах она достигнет 7 гектаров на человека. Такой рост производительности труда не нуждается в комментариях.

На всей 140-километровой трассе магистрального канала я не встретил ни палаток, ни вагончиков, в которых бы жили рабочие. И это большое достижение. Талимарджан в чем-то еще уютнее Дустлика. Семь лет назад первые его строители шутили: «Здесь будет город заложен!» Работали самоотверженно, с чистой верой в то, что город вырастет и сад зацветет. И вот город вырос и сад зацвел, а строители продолжают начатое, расширяя и расширяя границы своего сада. Последний их подарок – новый клуб, каким бы могло гордиться любое ташкентское предприятие. В нем зрительный зал с совершенной акустикой, огромное фойе, десятки комнат для спортивных кружков и групп художественной самодеятельности. И люди едут сюда и остаются надолго. В этих поселках нет ни одной пустующей квартиры.

Технические новинки. Ведя работы масштабно, главк «Средазирсовхозстрой» открывает зеленую улицу новой технике и научной организации труда. Дана путевка в жизнь многим комплексам машин для гидротехнического строительства – бетонукладчикам, дреноукладчикам. Большой эффект приенсло внедрение в жилищное строительство силикальцитовых конструкций. Но медленно внедряются сетевые графики, и не удалось пока комплексно механизировать укладку бетонной смеси в облицовку магистрального канала. Освоители Каршинской целины завершают подготовку мощных плацдармов. С них в глубь степи устремились ударные отряды строителей. На подходе амударьинская вода. И чувствуется, что ее участие в пересоздании края убудет не просто большим, но и решающим.

БУДНИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Первое впечатление от Джизакской области – это гудящие от напряжения дороги. Собственно, не дороги это уже были, а автомобильные реки и ручьи. Мчался лакированный металл, мчались люди, закручивался в вихри горячий воздух; одно движение перед глазами, одно мелькание. Потом я присмотрелся к автомобильным рекам. Больше всего в кузовах было строительных грузов. Спешили на неблизкие строительные площадки стены, потолки и лестничные марши завтрашних домов, колонны и плиты перекрытий завтрашних заводских корпусов. Под тяжестью кирпича рессоры утрачивали свою упругость. Во встречном потоке многие машины были доверху нагружены початками кукурузы, матово блестевшими арбузами, желтыми дынями, тугими мешками с луком. Целина не только вбирала в себя, но и отдаривала, и делала это с каждым годов все щедрее. На просторах Голодной и Джизакской степей формировался оазис, производственные возможности которого скоро будут сопоставимы с потенциалом благодатной Ферганской долины.

А между тем осень еще не выплеснула на отполированный асфальт большой целинный хлопок. Зальет тогда его белое половодье. Хлопчатник удался, урожай зрел отменный. И на план хватит, и на обязательство, и на прибавку к обязательству. Область нацелилась на 400 тысяч тонн хлопка-сырца. План предусматривал собрать столько хлопка в 1985 году, но реальная встреча с обязательством могла состояться уже в 1983 году. Что ж, поливное земледелие мало зависит от капризов погоды и позволяет планировать конечный результат с высокой степенью достоверности.

Насколько мог объять глаз, вокруг простирался плотный, добротный хлопчатник. Лист к листу, коробочка к коробочке. Лотковые оросители делили это необычное поле на бригадные участки. Я помнил эту землю другой, какой она была столетия и десятилетия: не тронутой плугом, покрытой редкими кустами верблюжьей колючки. В апреле и мае по этой земле приливной волной прокатывалась жизнь, а потом все затухало под жаркими лучами летнего солнца – до следующей весны. И ведь не верилось уже, что так было. Казалось, что хлопчатник и новые совхозы были здесь всегда, так незыблемо прочно вросли они корнями в голодностепскую целину. То тут, то там бугрились сады; под их защитой стояли усадьбы.

Целинные совхозы – это особое явление нашей действительности, явление развитого, зрелого социализма. Причем, явление не исключительное, а нормальное, закономерное. Прежде совхозы создавались десятилетиями. Государство подводило воду, прокладывало дороги, завозило технику, а на большее денег не хватало. Мы тогда не были так богаты, чтобы за счет государства строить комфортабельные совхозные поселки. Но мы пошли на это, как только стали богаче. И вот уже четверть века в Голодной степи совхозы строятся целиком, и их рабочие вселяются в благоустроенные жилища, как в городе. Не случайно один из зарубежных гостей назвал «Голодностепстрой» конвейером по производству совхозов. На этой земле работают сильные, надежные люди.

Один из них – Холбуви Рустамова, бригадир совхоза имени Ульянова Пахтакорского района. Я несколько раз слышал, как второй секретарь обкома партии Евгений Клеменов, обращаясь к Холбуви, назвал ее дочкой, а она его, полушутя-полусерьезно, величала в ответ отцом.

- Почему я зову Рустамову дочкой, а она меня отцом? – переспросил Клеменов. – Вот как это получилось. В 1975 году хлопок созрел поздно, и страда складывалась нелегко. Ну, начальство, как положено в таких случаях, днюет и ночует в хозяйствах, оказывает посильную помощь. Я приезжаю в полночь на заготовительный пункт. Ноябрьская ночь темна, холодна. Ветер раскачивает на столбах фонари. Трактор крутит ворохоочиститель, возле него объемистая такая фигура в ватных штанах. Фигура эта проворно орудует вилами, курак так и летит в приемник ворохоочистителя. Я говорю: «Не уставать тебе, парень!» Это обычное узбекское приветствие. Фигура отвечает: «Я не парень». Ну, я тут же перестроился: «Не уставать тебе, девушка!» Она: «Спасибо, отец!» Так мы познакомились, и с тех пор я зову Холбуви дочкой, а она меня – отцом. У нее тогда уже выходило по сорок центнеров с гектара. Для целины это высота. «Дам сорок три!» - пообещала она. Обещала с железной твердостью в голосе. «Дай сорок три, - говорю, - и проси у меня что хочешь». Знаете, что она попросила? Не угадаете никогда! Детскую энциклопедию.

- Наивность милая нетронутой души! – Эту есенинскую строку произнес редактор областной газеты «Джизакская правда» Мели Махмудов, тоже внимательно слушавший Клеменова.

- Как посмотреть, как посмотреть! – не согласился секретарь. – Я бы назвал это чистотой помыслов.

К нарисованному секретарем портрету, собственно, трудно что-либо добавить. Высокая, статная, сильная, Холбуви красива. Но это красота женщины, умеющей и любящей работать. На поле успевает за двоих, механизатор она отличный. Любит и ценит порядок. Лени, расхлябанности не прощает. И дело у нее спорится. Когда просят ее выступить, готовится старательно. Уединяется в пустой комнате, пишет, читает написанное вслух. Чувствуется, что сидеть в президиумах, а тем более выступать ей много тяжелее, нежели

работать в поле. Но, коль надо, значит, надо, и она мирится с этим, как с неизбежным. Здесь она своеобразный центр притяжения. По ее словам, прожектор славы, который сейчас на нее направлен, слишком ярок, и под его пристальным лучом подчас очень жарко, неуютно.

Хочу добавить, что первая профессия Рустамовой – медицинская сестра. В 1974 году она кончила курсы механизаторов, и тогда же приняла участие в белой страде в качестве механика-водителя хлопкоуборочной машины. В ней быстро проснулся талант земледельца, хозяина земли. Сейчас она заочно учится в сельскохозяйственном институте.

Когда Холбуви и другие механизаторы совхоза готовили к страде машины, возле них все время крутились подростки. Помогали: обтирали детали, подавали инструмент. Не сводили с машин восторженных мальчишеских глаз. Они знают, что будут механизаторами. Сначала они просят старших объяснить назначение рычагов. Потом просят дать попробовать самим. Потом, счастливые, просят поработать летом, в каникулы, и осенью, в уборочную. И очень скоро становятся умелыми механизаторами с навыками и деловой хваткой отцов. Тяга к технике в сегодняшнем узбекском селе велика, тенденция эта повсеместна. У Петрова-Водкина есть прекрасная картина «Купание красного коня». Видно, что подростки обожают коней, холят их. Эта крестьянская черта осталась, но место коня занял трактор, базовая машина нашего сельского хозяйства. И сравнением этим я только хочу подчеркнуть, что в сегодняшнем селе отношение к трактору такое же, каким недавно было к лошади – почтительное, бережное.

Через день я встретился с председателем большого и богатого колхоза «Москва» Джизакского района Асрором Иргашевым. Он был погружен в хлопоты, связанные со строительством поселка, который уже сейчас считался образцово-показательным. Это были радостные хлопоты. Как раз привезли сверкающие полированными фасадами мебельные гарнитуры, и можно было сдавать добротнейшие дома, в которых перед заселением расстилали ковры и расставляли новую мебель. «Въезжай, хлопкороб! Въезжай, животновод! – приговаривал Иргашев. – Живи счастливо, ты это заслужил. Но ответь ударным трудом на проявленную о твоей семье заботу!» Сам он испытывал ту же приподнятость, что и новоселы, и бесхитростное, умное его лицо светилось радостью. Тут я спросил его про хлопок.

- Хлопок будет, - просто сказал он, - за хлопок я давно спокоен. Хлопковое поле для каждого колхозника давно уже как свой огород.

Да, на полях этого хозяйства был полный порядок, и председатель мог заниматься тем, от чего зависело будущее его колхоза – капитальным строительством, например. И он занимался им с величайшим энтузиазмом. Сорокацентнеровые урожаи в этом хозяйстве давно норма, но для соседних колхозов это высота, за которую настойчиво борются. На просторах Голодной степи мы вели тяжелую борьбу с солью и вышли победителями, построив высокоэффективную сеть закрытого дренажа. Сначала превратили вредные соли в обороняющуюся, а затем – в отступающую сторону. Наука о дренаже, можно сказать, родилась в Голодной степи, и сегодня мы вооружены точными данными, как предохранять почву от засоления.

Хлопчатник, который я видел и у Рустамовой, и в колхозе «Москва», убеждал, что целинная земля, лишенная сколько-нибудь значительного естественного плодородия, при умелом хозяйствовании становится в один ряд с самыми высокопродуктивными почвами планеты. Вот слова известного советского почвоведа Сергея Николаевича Рыжова: «В тридцатые годы мы провели сплошную почвенную съемку территории Средней Азии, и недавно эту работу повторили. Почти во всех оазисах плодородие орошаемых земель существенно повысилось. Влияние человека и возросшей культуры земледелия на этот процесс столь очевидно, что мы выделили наши орошаемые культурные почвы в отдельный самостоятельный тип. Накопление плодородия – естественное следствие воздействия на почву механической обработки, орошения, высоких доз минеральных удобрений, передовой агротехники. Наши сероземы чрезвычайно отзывчивы на заботу и уход».

Итак, за советские годы плодородие наших почв заметно увеличилось. И такая далекая от социальных проблем наука, как почвоведение, это констатирует. Но наука идет дальше. Хлопкоробам нужны новые сорта хлопчатника, которые генетическую, наследственную невосприимчивость к болезням сочетали бы с высокой урожайностью и заранее заданными технологическими свойствами волокна. И ученые такие сорта создают. Сегодня мы в состоянии давать хлопчатнику азота и воды больше, чем он усваивает естественным образом. Здесь перспективны биостимуляторы, ускоряющие обменные процессы в растениях. Ученые ведут и такие исследования, изучают механизм действия стимуляторов роста, обменных процессов. Прекрасными стимуляторами зарекомендовали себя некоторые микроэлементы. И вот они уже берутся на вооружение сначала опытными хозяйствами, затем и повсеместно. Подземное орошение – поле без поливальщика. Фантастика? Нет, объект исследования. Есть опытные поля, где под каждым рядком хлопчатника проложена перфорированная труба. Сигнал автоматического датчика, поворот вентиля, и поле увлажняется до оптимальной влажности. Гидропоника указала нам потенциальные возможности хлопчатника – до 150 центнеров сырца с гектара. Так что резервов повышения урожайности еще много.

Вернемся, однако, к красному коню Петрова-Водкина. Как-то утром меня разбудил необычный цокающий звук. Звук показался смутно знакомым, я быстро оделся и вышел. Лошадь везла повозку, копыта

цокали, возчик курил, был отрешенно спокоен. Я подумал: что-то уходит из нашей жизни. Постоянно, навсегда. И последняя обитель лошади, где она по-прежнему кумир – ипподром. Там коня никогда не потеснит машина. А наше отношение к уходящему определяется нашим отношением к тому новому, сегодняшнему, что своим появлением делает ненужным в поле – лошадь, во дворе многоквартирного дома – колодец. Кетмень, фартук сборщика – продолжил я аналогию. Как быть нам с этими апробированными веками орудиями ручного труда? Их позиции давно уже не незыблемы. Комплексная механизация хлопководства хотя еще и не сделала кетмень не нужным до конца, но отобрала у него львиную долю работы. И не столь уж далек день, когда на хлопкороба с кетменем будут смотреть так же, как я смотрел на возчика – последнего из могикан. Четыре миллион тонн хлопка из шести мы уже собираем в железные фартуки машин, а задачу себе поставили такую: к хлопковой коробочке вообще не должна прикасаться рука человека. Ни ручного сбора, ни подбора за хлопкоуборочными машинами быть не должно.

Не столь быстро, как кетмень и фартук, уходят и арыки, верой и правдой служившие земледельцу тысячелетия. Их сменяют лотковые конструкции, асбоцементные трубопроводы. Обобщая, можно сказать: процесс вытеснения кетменя, фартука и арыка – процесс единый. И, как следствие, ученые констатируют растущее плодородие нашей орошаемой пашни.

Итак, не было ничего удивительного, что у Холбыви Рустамовой я видел отличный хлопок, сильный, прекрасно ухоженный. Когда отшумела белая страда, с ее ста гектаров было уложено в бунты 460 тонн сырца. И в Пахтакорском, и в Джизакском районах хлопчатник был густой, сильный. Но что такой же прекрасный хлопчатник я увижу на целине, только что поднятой, на поле, засеянном всего второй раз, я не ожидал. Было это в Зарбдарском районе, на землях совхоза №13. воду на которые пока подают временные маломощные дизельные установки. Зеленая плотная сочная стена – вот каким был этот хлопчатник. Директору Уракбеку Эркаеву понравилась похвала, и он не скрыл улыбку, но сказал, что по внешнему виду хлопчатник точно такой же, как у ташкентцев, коробочки на целине всегда более щуплые, и урожай будет не 40, а 30 центнеров.

На месте центральной усадьбы пока не было ничего, кроме пяти вагончиков и развороченной земли, над которой возвышались фундаменты жилых домов. Столбы вдоль Дороши стояли без проводов. Все только начиналось. Но совхоз уже будет убирать свой второй урожай, пусть пока не с полной площади. В 1982 году посевной клин здесь составит 3000 гектаров, и планируется большой ввод жилья – центральная усадьба примет первых новоселов.

Пока же хлопчатник здесь выращивают выездные бригады. Люди из соседнего Зааминского района, вчерашние животноводы и хлеборобы. Соберут урожай и вернутся домой, к семьям. Но получат жилье и останутся здесь навсегда. Все знают друг друга, привычные связи не рвутся, обретают новое содержание в совместном преодолении трудностей. Люди добросовестны, и работать с ними легко.

Отец Уракбека был чабаном, а он – директор совхоза. Но что здесь необычного? Уракбек сказал, что летом хлопкоробы выездных бригад живут в землянках, ведь полевых станов пока тоже нет. И я попросил его показать эти землянки. Поехали по грунтовой дороге. У лоткового оросителя хлопчатник сменили арбузы и дыни. Землянки стояли в ряд, прикрытые лотками. В ста метрах одна от другой. Мы вошли в первую. Землянка начиналась прямо под лотком, лоток, наполненный прохладной водой, составлял часть крыши. Остальная крыша и стены были земляные. Глубина землянки был небольшая, метра полтора. Кровати, нехитрый скарб. Дети шлепают по сырой земле босыми ногами. «Муж в поле!» - объявляет хозяйка, молодая розовощекая женщина. Мы прощаемся и уходим.

Я вспомнил, какую нещадную борьбу вел с землянками Акоп Саркисов, первый начальник «Голодностепстроя». Он разравнивал их бульдозерами, он не признавал за ними права на существование. Или вагончик, жилье временное, или дом, жилье капитальное. Землянки Саркисов воспринимал как личное оскорбление, как пощечину тем идеям комплексного освоения целины, которые сам выдвинул и самозабвенно претворял в жизнь. Но Саркисов давно умер, землянки же оказались куда более живучими. Другие руководители землянками, конечно, не восторгались и гостей в них не принимали. Но и не пускали бульдозеры утюжить их. Говоря языком справок, проявляли терпимость.

- И все-таки, почему землянка, а не вагончик? – спросил я директора.
- В ней много прохладнее. Вагончик, палатка раскаляются так, что днем в них не ступишь. Юрта бы подошла, юрты хвалят. И палатки в северном исполнении. С войлочным подслоем. Это испытанные средства против зноя, и мы готовы их приобретать. Но где, у кого? Нам их не продают. Отсюда землянки или камышовые шалаши, кто что предпочитает.

Отличный, безупречный хлопок, суливший высокие доходы и почет, в глазах директора оправдывал землянки. И в глазах многих других тоже. Неудобства, временный дискомфорт компенсировались высокими заработками. Люди, мол, согласны пожить и в землянках, пока не поднимется капитальный поселок. И потом, из центральной усадьбы так за полем не присмотришь. Полевые станы тоже не были выходом, они хороши, когда у людей есть постоянное жилье. А приютить на несколько летних месяцев 10 – 20 семей рабочих они не в состоянии. И все же я был глубоко убежден, что если

Саркисов умел обходиться без землянок 10 – 15 лет назад, то можно, нет, нужно и давно следовало выкинуть их из практики освоения целины. Не возрождать, не тащить из прошлого в сегодняшний день. Но хлопок, главный аргумент в пользу землянок, повторяю, вокруг был замечательный.

За этими полями шли земли совхоза №12 «Окалтин», который был на год старше. Его возглавлял целинник с двадцатилетним стажем многоопытный Саттар Усманов. Он сидел в тени виноградных лоз, и перед ним стояла пиала зеленого чая.

- Знаете, чем эта земля хороша? – сказал он после традиционного обмена приветствиями. – В ней нет соли. Посмотрите, какой сад! А виноград какой? А хлопок? Глаз не оторвешь. По десять коробочек на кусте. Но почвы очень проницаемые, легкие, и первые два года нужна почти двойная оросительная норма. Все каналы работают в форсированном режиме, а воды не хватает. К нам идут ферганцы, самаркандцы, зааминцы. Идут не в гости, не посмотреть, что и как, а насовсем. Потому что в целинных поселках есть все, а в кишлаках, откуда они родом, еще живут по старинке, без газа и канализации. И потом, есть ведь разница, восемь гектаров обрабатывает человек или один. Разница в характере труда, в конечном результате, в оплате. Надо только быстрее строить поселки.

Еще он сказал: «Молодежь идет к нам с радостью. И прочно обосновывается. Поднятая целина – это материализация устремлений и чаяний молодых».

Шефа совхоза, рабочие Ташкента, строят большую молочнотоварную ферму. Людей, убежден директор, хватит и для хлопкового поля, и для фермы. Сам Усманов из семьи животноводов. «Я истинный животновод, - сказал он о себе. – Но для меня нет ничего увлекательнее хлопка. Выращивать хлопок до того радостно, что не замечаешь усталости и только ночью, добравшись до кровати, чувствуешь, что ты как следует поработал». Его механизаторы зарабатывают 270 рублей в месяц. И большинство забот директора сейчас – как ускорить строительство поселка. Одно из его предложений – чтобы строительной организации, возводящей поселок, не поручали других объектов – уже осуществлено.

Секретарь Зарбдарского райкома партии Евгений Кондручин говорит, что на здешней целине, где вчерашние животноводы только становятся хлопкоробами, от строителей зависит почти все. От взятых ими темпов, от их отношения к делу. «Мы пашем и сеем, как только строители подводят воду, - поясняет он. – Не ждем всего остального. Знаем, что будет и остальное, и готовы ждать, терпеть лишения, но заставить землю плодоносить тотчас же, немедленно. План на нынешний год 25 тысяч тонн сырца, а мы дадим все 35 тысяч тонн. Десять тысяч тонн хлопка сверхпланового – это всецело продукт нашего нетерпения».

Воду на поля новых совхозов должна подать вторая насосная станция Джизакского машинного канала. Эта станция в каскаде самая крупная: высота подъема воды 40 метров, максимальный расход – 14о кубометров в секунду. От бетонных монолитов и щетины арматуры наверх, к далекому напорному бассейну, устремляется толстый суриковый водовод. Всего водоводов будет четыре, и к каждому из них подключат четыре насоса. Работами здесь руководит Виктор Шубин. Высокий, надежно скроенный, Шубин оставлял впечатление уверенности и в своих силах, и в своих людях. Он и его люди многое сделали, чтобы в срок дала воду первая насосная станция, а еще раньше – чтобы в срок дала электроэнергию Красноярская ГЭС. Он привык сдавать объекты в срок, выполнять обещанное.

Станция обеспечит водой 15 новых совхозов и две станции следующих ступеней. На площадке много техники. Идет облицовка сталью спиральных камер на пусковой очереди. Шубин говорит, что строители бы ушли вперед гораздо дальше, если бы по потребности получали цемент, металл, пилолес. «Мы не имеем того, что должны иметь, - с досадой пояснял он. – Отсюда аритмия, авралы. Коль наша стройка признана важнейшей, то и снабжать ее следует бесперебойно. Я, например, так считаю. Если я не прав – разъясните, в чем?»

На первую насосную станцию материалы поступали четче. Теперь, когда накоплен опыт и можно показать себя, можно рвануть, снабженческие сбои особенно досадны. Обидно, что новые возможности коллектива, возможности, приобретенные не так давно и с большим трудом, не используются в полной мере из-за распыления средств по многочисленным и часто второстепенным объектам.

От насосной мы ехали мимо обширного участка целинной степи, на котором выполнялась одна из необходимых предварительных операций освоения – капитальная планировка. Каждое поле должно иметь один уклон, тогда земля равномерно увлажняется при поливе, и нет перерасхода воды. Мини-бугры срезаются, мини-ложбинки заполняются срезанным грунтом. Технология отработана давно. Урча, ползают темно-зеленые большегрузные скреперы. Клубы пыли, за пылью часто вовсе не видно этих сильных машин. Движется не скрепер, а клуб пыли, эдакое перекати-поле из пыли. Скреперисты в одних трусах, головы обмотаны майками, полотенцами. Условия труда механизаторов на землеройных работах в пустыне неимоверно тяжелые, можно сказать, на пределе человеческих возможностей. Человека среднего возраста в кабине скрепера вы увидите редко. Давно и на всех уровнях говорилось о необходимости улучшить условия труда механизаторов. Давно уже приводились расчеты, что создание комфорта бульдозеристу, водителю большегрузного грузовика – не благодеяние благотворительного характера, а мероприятие, дающее большой экономический эффект в виде повышения производительности труда до 25 процентов.

Сейчас у страны есть возможность решить задачу конкретно, практически. В землеройных машинах надо поменять совсем немного – кабину. Надо сделать ее герметичной, пыленепроницаемой, и установить кондиционер. За рубежом это делают давно. Причем, кабины с кондиционерами изготовляют самостоятельные предприятия – и продают их фирмам, выпускающим тракторы, землеройную технику. Ташкентский тракторный завод давно экспонировал образцы тракторов, кабины которых герметичны и оборудованы кондиционерами и создают трактористу условия комфорта в самую нестерпимую жару. Но далее создания замечательных образцов дело не пошло, натолкнулось на бюрократические препоны и крепко в них увязло. Значит, вопрос надо ставить еще и еще раз.

Джизакскую степь напоит не одна сырдарьинская вода, хотя ее роль и будет решающей. 55 миллионов кубометров влаги вместит чаша Зааминского водохранилища. Узкий сай перегородит плотина высотой 84 метра. Саем у нас называют и дикое ущелье, и неширокую долину или лог с ручьем посередине. Истоки Зааминсая у высокогорных ледников, в поднебесье, можно сказать. Водохранилище будет небольшое, с его помощью можно напоить до 10 тысяч гектаров. А стоит оно 30 миллионов рублей. Еще недавно такие затраты были бы признаны нерентабельными. Но мы пошли на них. Люди в Зааминском районе есть, приглашать со стороны никого не потребуется. А повышение водообеспеченности земель позволит району расширить и хлопковый клин, и сады.

На две трети плотина уже поднялась. Остановленная ею, плещется зеленоватая вода. Разлившись по саю, озеро исчезает за мшистым изгибом склона. Пробит туннель, по которому вода направляется на поля. Бульдозеры утюжат влажное суглинистое ядро плотины. Самосвалы подвозят лесс. Сорокасантиметровый слой – и укатка, еще слой – еще укатка. Водонепроницаемое ядро будет надежно выполнять функции замка. Водитель самосвала Джумабай Ашурматов приехал сюда из Ферганы – в месячную командировку. Много работает, хорошо зарабатывает. Надеется привези домой 500 рублей. Я спросил у него, нет ли желания переехать сюда насовсем. Он подумал и сказал: «Вообще, мне здесь нравится. Места красивые, просторно, и в людях потребность большая. Здесь можно быстро проявить себя, не то что в нашем перенаселенном крае. И квартиру обещали, если останусь. Но я сначала продлю командировку, а там посмотрю».

От зеленой глади водохранилища рукой подать до прославленного зааминского высокогорья. Тех, кто живет на равнине, и горожан особенно, высокогорье поражает синевой, особой прозрачностью и целебностью воздуха, яркими, контрастными красками. Можно схватить суть горной страны, но запомнить ее нельзя, такая она многоликая, всегда разная, новая. Скалы, горные кручи, хребты, далекие вершины, березовые леса, ароматное альпийское разнотравье, непременная река или ручей с чистейшей холодной водой – все это, соединяясь вместе, впечатляет необыкновенно. Нет на земле ничего прекраснее гор, леса и воды, являющих нам свое естество не порознь, а вместе, слитно. Зааминское плато называется Супа. И знаменито оно арчовыми заповедными лесами и прозрачным воздухом. Это один из районов страны с минимальной запыленностью воздуха. Высота плоскогорья 2,5 километра над уровнем моря. Весна приходит сюда в мае, осень – в конце августа. На юге плато обрамляет цепь вершин. Они возвышаются над плато всего на километр. За ними течет Зарафшан.

Я нигде не видел столь густого, мощного арчовника, как в здешнем горно-лесном заповеднике. В Чаткальских горах арчи стоят редко, вольготно и похожи на воинов, сторожащих зеленую зону. Здесь же это сплоченный, монолитный строй. Колышутся темно-зеленые шлемы, в ущелья льется густой арчовый дух. И звенит студеный ручей. И светит солнце. Удивительное место. Таким и должен быть заповедник. Ловлю себя на мысли о том, что не могу насмотреться на эти густо поросшие арчой склоны. Словно не арча это, привыкшая стоять свободно, нежиться на солнце, а обыкновенная ель в еловом лесу. Арчовые деревья очень разные – и стройные, как девушки-гимнастки, и суховерхие, закрученные в штопор ветрами чудовищной силы. Стойкий, радостный арчовый аромат. Дерево это ценно тем, что почти не гниет. Не оно ли дает жизнь целебному горному маслу мумиё, вобравшему в себя половину элементов таблицы Менделеева? За сто лет арча вырастает всего на несколько метров, ее годовые кольца чуть потолще листа бумаги. Но как гордо стоит она на горных кручах, покоряя и самые неприступные из них! Ее восхождение к сияющим вершинам останавливают только вечные снега. Не растет она и ниже тысячи метров над уровнем моря. Сажали ее в Джизаке – не прижилась.

На Супу проложена асфальтированная дорога. Она идет вдоль сая. Когда арчовые склоны прорезала эта дорога, из заповедника ушли многие его обитатели – медведи, рыси. Диким зверям вольготно только на безлюдье. Из 80 медведей, по утверждениям лесников, ушло 60. Ушли за перевал, подальше от ревущих машин. Непрерывный подъем. В березовые и тополевые рощи удачно вписываются пионерские лагери. На Супе решено создать горнолыжный комплекс олимпийского класса. Стадион, каток, как в Медео, трассы слалома, бобслея, гостиницы, поселок. Плоскогорье просторно, и комплекс разместится прекрасно. Ниже планируется построить санаторий матери и ребенка. Да, не в Ура-Тюбе, а здесь следовало Саркисову заложить базу отдыха «Голодностепстроя». Заходило солнце, медленно гасли краски. Зачарованные, мы никак не могли решиться уехать. Тишина стояла величайшая, небывалая. Да, место для горнолыжного

комплекса выбрано замечательное. А время для его закладки? На это я пока не мог ответить столь же утвердительно. Не хотелось, очень не хотелось распыления средств.

В Заамине, центре одноименного района, несколько тысяч жителей. Это зеленый одноэтажный вольно стоящий городок. В новой больнице палаты с кондиционерами. На насыпном кургане стоит памятник нашим воинам, павшим на фронтах Великой отечественной. На розовой тверди армянского туфа вырезаны две тысячи фамилий. Небольшой, глубинный район, а сколько боли горя и здесь оставила война! Зааминцы любят свой городок. Молодые люди уезжают учиться и возвращаются учителями, врачами, строителями. Большая районная больница, например, не испытывает недостатка в персонале. Освоение целины сейчас стимулирует отток свободных рук. Но, по-моему, недалеко время, когда в Заамине появятся свои промышленные предприятия.

В Джизак мы возвращались другой дорогой, но хлопковые пол и здесь были достойны похвалы. Мои первые впечатления об этом городе – 22-летней давности. Тогда это был пыльный и людный районный центр с глинобитными плоскокрышими домами, укрытыми тенью тополей и яблонь и виноградных лоз. Железнодорожная станция и несколько заводов по производству строительных материалов уже были той ростовой силой, которая сулила городу хорошие перспективы. По воскресеньям центром городской жизни становился базар, огромный, шумный, обильный. Приехать сюда на базар было целое событие. Руководство СМУ выделяло автобус, назначался старший, которому вменялось в обязанность следить, чтобы мужики «не злоупотребляли». И, надо сказать, никто не злоупотреблял, если не считать отдельный исключений, без которых нигде ни обходится.

Мы приезжали на этот таящий сотни соблазнов базар из горячих глубин степи, из тесных вагонгородков, и оттаивали душой у пивных павильонов, у выставленных напоказ богатств узбекистанской осени. Базар словно олицетворял собой плодородие здешней земли. Базар говорил нам: и те земли, которые вы сейчас осваиваете, способны творить все эти богатства. Да, из всех достопримечательностей, которыми мог похвалиться Джизак тогда, нас привлекал только базар, а на другое не оставалось времени. Да было ли другое? Теперь знаю, что было, не могло не быть. С тех пор появилась масса новых достопримечательностей, которые заслонили собой прежние.

Но пройдемся вдоль торговых рядов базара сегодняшнего. Что же изменилось на нем за 22 года? Голодная степь, конечно, стала много щедрее, но щедрость эта почему-то минует нынешние базары. Конечно, есть горы оранжевых дынь и чернобоких арбузов, и горы отборного лука, и яблоки, и виноград. Но цены говорят об относительно небольшом подвозе. А ведь начало сентября, самая фруктовая и овощная пора. Хлопкоробы целинных совхозов, выращивающие бахчевые на своих приусадебных участках, предпочитают сдавать арбузы заготовителям по 6 копеек за килограмм, но не связываются с базаром. Изменилось отношение к базару и у колхозников. Из продавцов многие из них превратились в покупателей. А на этом и на всех других базарах орудует перекупщик. Организует подвоз, диктует цены, получает прибыль. Это уже мировая практика. Он хозяин рынка, и серьезных конкурентов у него нет.

Я вспомнил пожилую женщину, которая привезла на рейсовом автобусе в нарождающийся поселок нового совхоза два отборных юсуповских помидоров. Она просила по 500 копеек за килограмма. В Джизаке на рынке такие помидоры шли дороже рубля. И ничего непонятного тут нет, в Джизаке действовал перекупщик. Базар откровенно огорчил высокими ценами. В соседнем Самарканде в это время отборные фрукты и овощи населению предлагали государственные магазины. Но и самаркандский базар был дорогой, хотя и дешевле джизакского.

Итак, тихий, живущий неспешной жизнью поселок вырос раз в десять, стал областным центром, и его восьмидесяти тысячам жителей есть где развернуться. В сегодняшнем Джизаке более двадцати предприятий, а такие завода, как аккумуляторный, пластмассовых изделий, домостроительный комбинат, трикотажная фабрика сделали бы честь любому промышленному центру. Я видел качественно другой город. Здесь уже было на что смотреть, а гостиничный комплекс, спроектированный талантливыми архитекторами и выполненный на хорошем уровне, был просто замечательный. У этого комплекса начинался широкий бульвар с анфиладой фонтанов, бассейны которых были облицованы полированным гранитом. В начале бульвара стоял бронзовый бюст дважды Герою социалистического труда Шарафу Рашидову, уроженцу Джизака. Перед монументом люди останавливались, замирали. На их лицах было глубокое уважение к прославленному земляку.

Первые девятиэтажные дома давали представление о контурах завтрашних микрорайонов. Динамизм роста нового Джизака вызывал уважение. Но, как всегда, когда желание превышает возможности, когда хочется иметь все как можно быстрее, сегодня, сейчас, когда мы, оторвавшись от матушки-земли, стремимся объять необъятное и где-то вырываемся вперед, а где-то отстаем, и отстаем серьезно, и нарушается главный принцип создания комфортабельного, благоустроенного города – принцип комплексности застройки. Часто вперед вырывается второстепенное, в данном конкретном случае – обелиски, монументы, рестораны на вершинах близлежащих холмов, роскошный театр. Я специально поинтересовался, как посещают здешний театр. Да никак не посещают. Профсоюз вручает на предприятиях

бесплатные билеты, их берут и не используют. Вынужденно, значит, берут. Выходит, с театром поторопились. А жилье отстает, на предприятиях хронический жилищный голод, кадровая чехарда. Люди приходят и уходят, так и не дождавшись обещанной квартиры. Кого сейчас привлечешь и удержись даже хорошим общежитием? Острейшую нехватку жилья должен разрядить вступающий в строй домостроительный комбинат. Он станет выпускать трехслойные панели для домов с улучшенной планировкой. Толстый слой керамзитобетона защитит жилище от летней жары и морозов, и человек в этих домах будет чувствовать себя так же уютно, как в кирпичных. Соответственно уменьшатся расходы на охлаждение и отопление квартир. Но все это реальность завтрашнего дня, а наше время – время нетерпеливых людей.

Учкулачское месторождение полиметаллических руд лежит от областного центра строго на запад. И опять дорога отполированной блестящей стрелой пронзает превосходно ухоженные хлопковые поля. Но это уже не целина, а земли старого орошения. А это что за желтое половодье, что за желтые движимые ветром теплые волны? Оказывается, это цветет рапс, богатая витаминами и белками кормовая культура. Из рапса в птицеводческом совхозе имени Тимирязева делают прекрасную травяную муку, которую можно обменять на что угодно, в таком она дефиците. Но рапс – это то, что на виду. А вот это не у всех на виду: в десятой пятилетке птицеводческое хозяйство увеличило производство мяса птицы в семь раз, до 1,6 тысячи тонн в год. И будет давать еще больше, как только строители завершат здесь свои дела. Пока есть одно, но нет другого – нет комплекса. Производство птицы, яиц – по сути дела, заводской конвейер. И то, что звенья конвейера пребывают в разной степени готовности, все эти годы лихорадило совхоз, отражалось на стоимости продукции. Строители берут объекты пообъемнее, поденежнее, выхватывая из цепи наиболее подходящие для себя звенья. Подчеркну: подходящие для них, не для совхоза. Пусть все это относится к издержкам роста, но они и сейчас неоправданно велики, и тенденции у них – к дальнейшему росту. Несмотря на затянувшееся становление, сейчас этот совхоз – одно из лучших хозяйств «Узптицепрома».

Итак, старое зерновое и овцеводческое хозяйство в процессе специализации в корне изменило свой профиль, стало птицеводческим. Интенсивные методы ведения дела внесли коренные изменения и в организацию труда, и в психологию работников. Птичники, инкубаторный цех – все это здесь современное, основанное на новой технологии. А поселок пока старый. Но, опять-таки, под стреловидными кронами тополей много новых добротных домов. А то, что мы привыкли считать старым, вернее, устоявшимся, на проверку, копни только поглубже, не такое уж старое. Это старое успело вобрать в себя такую толику перемен, что, собственно, перестало быть старым. Волна обновления идет таким широким фронтом, что не видно ни конца ее, ни края. Рождается повсеместное стремление идти в ногу с жизнью, в ногу со временем.

За совхозом орошаемая пашня сменилась жесткой щетиной стерни. А потом и богарное поле незаметно сошло со сцены под натиском широкой, привольной степи. Вдали парил орел, расправив могучие крылья. Слева тянулась невзрачная горная гряда, изъеденная морщинами расселин. А вперед и направо, насколько хватало глаз, простиралась степь со скудным своим травостоем. Эти пустынные пастбища и были главным сельскохозяйственным угодьем Фаришского района, самого обширного в целинной области. Унылая, слегка всхолмленная степь, близкие предгорья. Пейзаж лишен каких-либо красот. Главная его достопримечательность – злое, беспощадное солнце. Поворот направо, и снова такое же однообразие. Не подумаешь, что близко к поверхности этой невыразительной степи залегают массивные рудные тела. Но вот на фоне белесого неба возникает одна буровая вышка, потом вторая. Конусом синей дробленой скалы обозначен вход в штольню. Несется навстречу груженый самосвал, и не какой-нибудь, а сорокатонный БЕЛаз. На первом карьере начались вскрышные работы. Здесь и поднимется город Учкулач, на 50 тысяч жителей (некоторые горняки называют цифру и побольше). Население всего обширного Фаришского района составляет столько же.

Начальник геологоразведочной экспедиции треста «Самаркандгеология» Худайберды Туркманов раздвигает плотный занавес. И на тщательно вычерченных профилях открывается то, что человек не увидит своим глазом, пока карьеры и шахты не опустятся на нужную глубину – рудные залежи. Пор форме они напоминают компактные, не доходящие до земной поверхности корни с утолщениями, похожими на клубни. «На центральном участке делаем детальную разведку. – Туркманов обводит указкой заштрихованный контур. – Его запасы будем утверждать в 1982 году. Затем доразведуем соседние участки. Будем работать много лет параллельно с эксплуатационниками».

Туркманов молод, и его стаж как руководителя невелик. Но в экспедиции он не новичок, и его добрая репутация зиждется на уважении к людям, умении использовать их знания и опыт, поддержать инициативу, общей дисциплиной и общей ответственностью соединить людей в слаженный, работоспособный коллектив. Его лицо, шея обожжены, закалены солнцем. «Вы наше подсобное хозяйство видели? – вдруг спрашивает он. – И сад, и огород – загляденье. На артезианской воде. Овощами обеспечиваем себя по потребности. И знаете, для чего мы здесь живем, трудимся? Чтобы когда-нибудь вся земля вокруг стала, как этот десятигектарный оазис».

Богатства, надежно припрятанные под толщами лёсса и известняка, геологи разглядели еще в 1930 году. Но тогда у страны было достаточно месторождений цветных металлов, расположенных удобно, вблизи надежных транспортных путей и сложившихся центров цветной металлургии. В послевоенные годы взошла звезда Алмалыка, ярко сияющая и сейчас: горно-металлургический комбинат одно из крупнейших предприятий республики. Здешнее месторождение так и не было доразведано. В 1955 году геологи ушли отсюда, но через 15 лет вернулись. Были пробурены новые скважины, пройдены новые штольни. И на месторождение взглянули по-другому. Оно перешло в разряд промышленных, перспективных. За семь лет было доказано, что руда здесь есть, что ее много, что брать ее можно недорогим открытым способом. В Алмалыке отработали технологию. До трехсотметровых глубин добыча будет вестись открытым способом, ниже – шахтным. Пока буровые долота достигли глубины 1200 метров, но рудные тела уходят глубже, ниже. Того, что открыто, хватит на полвека интенсивных разработок. А вблизи могут, нет, должны находиться другие рудные тела, пока затаившиеся в земных глубинах. Рудник уже строится. И город заложен. Вот и еще одному городу дали жизнь геологи – младшему брату Ангрена и Алмалыка, Газли и Зарафшана, Мубарека и Учкудука. Это все крупные промышленные центры, красивые, благоустроенные города. Каким-то будет новорожденный?

Ну, а как в Учкулаче с водой? Вся технология обогащения полиметаллических руд – это мокрые процессы. Руда измельчается в тончайший порошок, в воду добавляются активные пенообразователи, и на радужных пузырьках пены концентрируются окислы тяжелых металлов – свинца, цинка, серебра. Трубы сюда уже тянут из близкого урочища с богатым артезианским бассейном. Воды хватит и для комбината, и для города с его подсобным хозяйством, которое будет побольше того, что создали геологи. Туркманов показал-таки мне его. Сад, бахча, огород, были возделаны с любовью и высокопродуктивны. Всего десять гектаров отвоевано у пустыни. Но это уже земля, милая сердцу человеческому. На шаровидных яблонях плодов не меньше, чем листьев, а дыни и арбузы из тех, которые на базарах нахваливают: «Половина сахар, половина мед!» Небольшие оазисы в пустыне все такие. Потому столь контрастна выжженная земля рядом с ними. Туркманов мечтает свое подсобное хозяйство развить – пополнить отарой из 500 овец и дойными коровами. Для овец пастбищ вокруг предостаточно. А если расширить орошаемый участок и посеять кормовые культуры, то и коровы не убудут жаловаться на скудный рацион. Он говорит, что ничто так не сплачивает коллектив, как забота о людях. Если не о плане беспокоиться, а о людях, все для них делать, в пределах возможного, конечно, а возможности сейчас не маленькие – то план будет выполняться как бы автоматически. Идея не нова, но приятно, что она взята на вооружение.

Неспешный разговор о том, ради чего, собственно, поселился и живет здесь человек. Погонные метры горных выработок и керн, керн, керн. Завершается разведка Центрального месторождения. Только его запасов хватит на сорок лет интенсивной эксплуатации. А рудные тела чем глубже, тем богаче. Геологу хватит дел здесь надолго. Сейчас в экспедиции 450 работников. Половина из них люди семейные, с женами и детьми. Зарплата высокая. Строится новая контора – под старой обнаружили руду. Остро не хватает жилья. В проекте все это уже есть. Едем на место, «где будет город заложен». Он уже заложен. Несколько панельных четырехэтажных домов среди каменистой пустоши зияют пустыми глазницами окон. Дошло до отделки и застопорилось. Это даже не квартал, это самое начало. Что жить здесь первое время, пока не поднимутся деревья, будет не сладко, понятно без комментариев. Туркманов без обиняков заявил, что предпочел бы многоэтажкам коттеджи с зелеными приквартирными участками. Жизнь приходит в пустыню вместе с водой, а в Учкулач труба с животворной влагой пока не протянута. Но факт есть факт: новые дома без прутиков деревьев с трепещущими на них робкими листиками кажутся мертворожденными.

Промышленная зона. Много е начато, ничто не окончено. Серые, пустые коробки зданий. Налицо явное, расточительное распыление сил и средств. Освоение средств во имя пресловутого вала. Бездумное растекание вширь без ввода в эксплуатацию готовых объектов. А начнешь искать виноватых – их нет, все правы. Я слышал, что начальником нового градостроительного объединения «Джизакстрой» назначен Леонид Яковлевич Терман, до этого возглавлявший ангренский трест «Узбекшахтострой» и превративший его в образцовое строительное предприятие. Такого порядка, как на стройках Ангрена, я не видел в республике нигде. Чтобы возводили дом, и рядом не валялось ни одного разбитого кирпича, ни одной расщепленной доски? Чтобы раствор или бетонную смесь доставляли на объект строго по графику, с отклонениями от заданного срока плюс – минус десять минут? Такое я увидел только в Ангрене, у Термана, и проникся глубоким уважением к этому строителю по призванию, к созданному им порядку. Теперь ему предстояло навести порядок на новых незнакомых объектах, с другими людьми, которые не привыкли к высокой требовательности, и это было совсем не просто. Как потребовать дисциплины и ответственности у людей, у которых прежде их не требовали? Как навести порядок там, где давно забыли, что это такое? Я знал, что привычному, рутинному течению вещей, всем этим не укладывающимся ни в какие нормативы незавершенным работам теперь будет противопоставлен четкий план концентрации сил на пусковых объектах, подкрепленный материальными и людскими ресурсами. И появится ответственность за

порученное дело. И появится порядок, тот порядок, от которого выигрывают все. Это дело не одного месяца и даже не одного года. Но, начатое твердой рукой, оно непременно будет доведено до конца.

К рудным телам Учкулача рвутся четырехкубовые электрические экскаваторы. Снят верхний двадцатиметровый слой осадочных пород, но до руды еще 20 метров. И откроется ручеек полезной отдачи. Он будет шириться год от года, наберет силу могучего потока.

Мне говорили, что близ Учкулача, в серых, как свинец, и голых распадках сохранилось удивительное сооружение – шестисотлетняя плотина. Что ж, здесь во все времена люди умели ценить и беерчь воду. Об этой плотине мне говорили с почтительным удивлением. Вот, мол, ничего у наших предков не было, кроме крепких рук и дерзкого желания распорядиться водой горных саев по своему усмотрению. И они построили из камня плотину, которая простояла века. Водовыпуски сделали на разных уровнях – это ли не продукт пытливого инженерного ума?

И вот мы идем к плотине Абдуллы-хана. Как выдающееся сооружение прошлого, плотина носит имя хана, в правление которого построена. Этот хан был дальновиднее своих предшественников и преемников, искавших славы в завоевательных походах. И что ж – история их забыла. Мы карабкаемся по глыбам известняка, потом спускаемся в небольшую ложбинку, каких здесь десятки. Видим пологую степь, убегающую на запад. Видим желтые борта распадка. Видим, что долина внезапно обрывается, а ниже, по серым скалам змеится сухое русло, наполняющееся водой раз в году – весной. И нам невдомек, что мы стоим, собственно, на гребне плотины, что чаша древнего водохранилища до краев наполнена наносами – песком, гравием. Это открывается, когда мы спускаемся вниз. Мощная стена плотины сложена из плоских каменных плит на глиняном отлично сохранившемся растворе, в который для прочности добавляли яйца. Высота плотины 32 метра. Аккуратные швы, строгая геометрия водовыпусков, которые открывали по мере того, как понижался уровень воды в хранилище. Сколько же лет длились работы? Десять? Двадцать? Зато потом каждый кубометр воды служил людям верой и правдой до тех пор, пока место воды не заняли наносы.

Избалованные высотными плотинами нашего времени, не идущими ни в какое сравнение с этой, мы долго не могли дать должную оценку этому удивительному сооружению. Мы как-то не задумывались над его уникальностью. Надо было отрешиться от всех достижений цивилизации, чтобы поставить себя на место строителей этой плотины. Наконец, мы попытались сделать это, и, кажется, экскурс в прошлое удался. Мы увидели, что движущей, побуждающей силой человека и тогда было дерзание. Теперь же оно опиралось на прочный фундамент знаний, и потому горизонты, которые оно открывало, были беспредельны.

Фариш поселок старинный. Острословы называют его «наш Париж». Сходство основано только на звуковых ассоциациях и на этом кончается. Сай, дающий городку животворную влагу, полого поднимается к зубчатой горной гряде. Мы сидим под густыми деревьями высоко над поселком. Городок, кА на ладони. Компактная зеленая часть – зона старой застройки. Уютные дома утопают в садах, крыш не видно. От старой части поселка отпочковались, спасаясь от тесноты, новые кварталы. В них дома более основательные, добротные. За Фаришем необъятная степь до седого Арала и далее, до северных морей, дыхание которых здесь очень чувствуется осенью и зимой. Пока же струится ветер теплый и ласковый. Город отдыхает, неспешно зажигает огни.

Секретарь райкома партии Эркин Казаков человек степенный, в планах и поступках неспешный. Сначала подумает, и взвесит, и посоветуется, если надо, а потом уже говорит свое мнение или вносит предложение и, как правило, не промахивается. На достархане виноград. Ягоды черные, большие, сладкие. «Такой сладкий виноград нигде больше не растет, у нас только, солнце здесь такое и земля особенная», - говорит Казаков. Разламывает свежие лепешки из отборного богарного зерна, дающего при помоле муку цвета яичного желтка.

- Хотим ковровую фабрику строить, - говорит секретарь. – Пусть женщины работают, они просят. Домоводство хорошо, а фабрика лучше, - смеется он. – Триста человек займем.

Мы киваем, одобряя. И смотрим вдаль, где густеющее небо смыкается с унылой степью.

- Мы недавно в районе на два миллиона рублей строили, а когда геологи доказали наличие богатой руды и взошла звезда Учкулача, на семь миллионов рублей стали строить. В нынешнем году уже на 22 миллиона построим. Столько сразу трудностей возникает, а ничего, справляемся. Вот, в строителях нехватку почувствовали. Обратились к молодежи: становитесь строителями! Юноши пошли, и девушки пошли. Штукатурами стали, малярами. Мы отцам пообещали: автобус возьмет дочку у ворот – автобус к воротам ее доставит. Так и делаем.

Мы киваем. Хорошо это, важно. И организовано правильно, люди довольны.

- Мы хотим, чтобы район дал родине через три года десять тысяч тонн мяса, - сказал Казаков. Сказал: родине, не стране, как бы подчеркивая этим грандиозность и высокую общественную значимость задачи и, вместе с тем, невозможность не выполнить ее. – Сейчас даем пять тысяч тонн. Овец, коз будет

полмиллиона. На чабанов ляжет большая нагрузка. Но для чабанов мы ничего не жалеем. Пусть они стараются для района, а мы постараемся для них. Птицефабрику построим.

Ему очень хотелось, чтобы мы верили в реальность задуманного. Обобщая увиденное, я попытался отвлечься от мелькающих перед глазами пейзажей индустриальных и сельских, от ландшафтов пустыни и горного арчового леса и немного порассуждать. Бич Джизакской области, и не только Джизакской, серьезное препятствие на пути к осуществлению всех ее планов – распыление сил и средств в капитальном строительстве. Строители словно растеклись по огромному древу в безоглядном освоении средств. Заложено многое. Но начато, да не окончено. Работы ведутся малыми силами, вполнакала, без должной организованности и дисциплины. Учкулач, Марджанбулак, Джизак, новые целинные совхозы остро страдают от нехватки жилья, объектов соцкультбыта. Тормозится закрепление людей. А, значит, тормозится освоение мощностей в промышленности и сельском хозяйстве. В тог же время, открыта зеленая улица объектам второстепенным, которые бы у рачительного хозяина числились пока в далекой перспективе и ждали своего нескорого часа. В тог же время, открыта зеленая улица объектам второстепенным, которые бы у рачительного хозяина числились пока в далекой перспективе и ждали своего нескорого часа. На каждую из гор, окружающий Джизак, что-нибудь водружено: или обелиск, или кафе. С этим видом строительства, конечно же, полезно было бы повременить. С этим видом строительства, конечно же, полезно было бы повременить. На автомобильной дороге Джизак – Пахтакор возведена огромная и очень дорогостоящая развязка. Эстакада возносит автомобильную реку над железнодорожным полотном, над чем-то еще, направляет ее направо, налево. Стоит эта диковинная разрядка семь миллионов рублей. Ну, а не будь ее, часто ли прерывали бы поезда движение по этой автомагистрали? Раз в час, в полтора. Рациональным, эффективным вложением эти семь миллионов никак не назовешь. Разве мы настолько богаты, чтобы в погоне за красотой и парадностью не думать о быстрой отдаче капиталовложений? Пойдем дальше. Не надо было привязывать к заповедному зааминскому высокогорью олимпийский комплекс горнолыжного спорта стоимостью то ли в 70, толи в 100 миллионов рублей. Ибо в конечном итоге эти немалые средства будут отвлечены от Джизакской степи и месторождений цветных металлов, от самого областного центра, остро нуждающегося в еще более быстрых темпах застройки. Вывод напрашивается такой: не путать первоочередное с тем, что может и должно подождать, проводить четкую грань между объектами первоочередными всеми остальными. Не множить число строек, а сосредоточивать силы на основных направлениях – на освоении целины, объектах Учкулача и Марджанбулака, на индустрии и жилищном строительстве Джизака, умело доводить начатое до победного финиша.

Мой приезд в область совпал с празднованием двадцатипятилетия комплексного освоения голодностепской целины. В Джизаке это событие отмечали торжественно, широко. Юбилей собрал соратников и единомышленников, которых прокаленная солнцем степь сблизила и сроднила. Эта встреча ветеранов целины была очень похожа на встречу ветеранов войны. Каждый из людей, собравшихся за праздничным столом, в любую минуту мог опереться на плечо другого, и сам был рад помочь, подставить свое плечо. То, что сроднило этих много повидавших и многое испытавших людей, называлось высоким уровнем товарищества. Их уважение и любовь друг к другу были проверены временем, белым солнцем пустыни, общим делом и одной на всех победой, только не боевой, а трудовой, но не легкой, совсем не легкой. 373 тысячи гектаров комплексно освоенной целины – это было выдающееся достижение. Я смотрел на этих людей, гордился ими и немного им завидовал. Завидовал их энергии, счастливой определенности их судеб, их братству. И не сомневался, что успех будет сопутствовать им всегда. Это было самое яркое, самое прочное впечатление из вынесенных мною в тот вечер.

Теперь, правда, у этих людей были другие планы, нацеленные на покорение следующих высот. Все правильно, так и должно быть.

БЕКАБАД: СТАЛЬ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Распилив серые известняковые скалы, Сырдарья устремляется из Ферганской долины на равнину. Место это, равно близкое и к индустриальному Ташкенту, и к благодатному Ферганскому оазису, и к древнему Самарканду, является географическим центром Средней Азии. Это же подтвердила электронно-вычислительная машина, с помощью которой десять лет назад подыскивали место для крупнейшей тепловой электростанции региона – Сырдарьинской ГРЭС. Но еще раньше здесь возник Бекабад. Он словно оперся на реку и на идущие вдоль нее автомобильную и железную дороги.

Что это за город, как его обрисовать? Лет ему меньше, чем нашему государству, - таких городов у нас большинство. Индустриальный, конечно. Промышленность сегодня – важнейший градообразующий фактор. Хотелось бы видеть Бекабад городом-парком, но пока этого нет, над этим еще предстоит поработать. Нет и памятников старины, не оставили здесь века утонченных мечетей и роскошных дворцов. Есть довольно уютные жилые кварталы с домами не выше четырех этажей, но большей частью одноэтажными. И это правильно: коттеджи лучше отвечают условиям нашего климата. Есть передельческий металлургический завод – небольшой, по нынешним временам, мощностью 400 тысяч тонн стали в год. Есть цементный завод, тоже небольшой, меньше миллиона тонн продукции в год. Есть Фархадская ГЭС мощностью 126 тысяч киловатт. За минувшие десятилетия ее успели перегнать многие наши фабрики электричества. Есть комплекс заводов строительной индустрии, назначение которого – покорение голодностепской целины. Но и здесь Бекабад лишь один из плацдармов освоения Голодной степи, такой же, как Янгиер, Джизак, и тут первенство не за ним. Есть Сыддарья, делящая город надвое, мощно несущая паводковые воды – только давно их не было, заметных паводков, а в остальное время сухая, отдавшая воду большим и малым каналам. Ничего, вроде бы, особо приметного, известного на всю страну. Все обыкновенное и скромное.

А, вместе с тем, город этот знаменитый, авторитетный. И в любом уголке Узбекистана само слово «Бекабад» произносят уважительно, с глубоким почтением. В чем секрет? Не ошибусь, если скажу: в истории города. В том, как он становился тем, что он теперь есть.

Так уж случилось, что в трудные наши годы Бекабад надолго приковал к себе внимание республики. Цементный завод здесь был построен на деньги, отпущенные по подписанному Лениным декрету об орошении в Туркестане 500 тысяч десятин засушливых земель, и строила его вся республика, отказывая себе в самом необходимом. Металлургический завод, опять же, был поднят в суровые годы Великой отечественной войны, труд на его площадке был сродни труду ратному, а какому он и приравнивался, и первая выплавленная здесь сталь, став снарядами и боевой техникой, вместе с советскими воинами приняла участие в разгроме фашистской Германии. Тогда же была заложена Фархадская ГЭС, ее возводили методом народной стройки, социалистического хашара. Десятки тысяч людей во всех уголках республики, теперь уже ветераны труда, и сегодня гордятся своим участием в создании этих предприятий. Тут закалялось мужество, крепли традиции коллективизма, тут хлопкороб и пастух становились индустриальными рабочими. И потом уже, в годы послевоенных пятилеток, не прибавивших городу, кажется, новой славы, но упрочивших старую, Бекабад неприметно рос, раздавался в плечах, поднимался вверх ступенька за ступенькой. Это, однако, было в порядке вещей и, как я теперь понимаю, не позволяло меркнуть прежней славе, которая все время обновлялась.

Уже и трудных лет давно нет, а Бекабад по-прежнему синоним надежности, верности слову, больших потенциальных возможностей. Вот что значит однажды приобретенная и умело сохраняемая добрая слава. Как дань глубочайшего уважения к этим суровым годам, к человеческому мужеству, которым они наполнены, в центре города у стеклянного автовокзала стоит памятник. Преклонив колени, скорбно застыла женщина-мать, а перед ней колышется пламя вечного огня. И отсюда уходили на фронт бойцы, и сам город тоже был бойцом, хотя фронт оставался в тысячах километрах от его стен. Вглядимся в строгое, прекрасное лицом матери. Художник хорошо запечатлел горе и непреклонность. От своего мы не отступились, и стоило это нам 27 миллионов человеческих жизней. Уже 31 год отделяет нас от великой победы. Раны, нанесенные земле войной, давно зарубцевались, а раны в человеческих сердцах – нет. Как рана в сердце этой вырубленной из теплого коричневого камня женщины, преклонившей колени.

Когда бушевала война

Шамет Чикаевич Айтметов совершенно сед, но еще крепок и характера жизнерадостного, общительного. Глаза глубоко спрятаны под густыми бровями, но смотрят мягко, добродушно. Талант строителя у него счастливо сочетался с большими организаторскими способностями. Он умел находить дорогу к человеческим сердцам, умел воодушевлять людей, И государство поручало ему важные участки работы, а он оправдывал доверие. Об этом же говорят и ордена, украшающие его грудь в праздники. Его жена Алиса Николаевна, громкоголосая и милая, тоже человек с большими заслугами, но нива ее другая –

народное просвещение. Оба умеют и любят рассказывать. Слушаешь и словно по мосту, проложенному во времени, переносишься в далекие годы, когда у нас не было ничего. Советской власти оба служили преданно и восторженно, и пафос строительства нового мира, чрезвычайно сильный, оставляет и сейчас неизгладимое впечатление.

- Ночной телефонный звонок поднял мня с постели. Секретарь ЦК компартии Узбекистана Усман Юсупов сказал, что завтра в десять утра мне надлежит быть в Бекабаде. Утром на станции Хилдково я застал все правительство республики. «Вот директор узбекского металлургического завода, к строительству которого мы приступаем»,- отрекомендовал меня Юсупов. Мне оставалось только поблагодарить за доверие. Удивление удалось скрыть, хотя я знал, что вызвали меня неспроста. Мы направились на правый берег Сырдарьи, где была выбрана площадка под завод. Решение Совнаркома СССР о строительстве в Узбекистане металлургического завода было принято 18 июня 1941 года, но работы удалось развернуть лишь с осени 1942 года. Сталинградская битва вступила в завершающую фазу, и стало ясно, что новые предприятия эвакуировать на восток больше не придется.

Ну, обговорили все, и вот я – директор. Наказов принял к исполнению массу. Обхожу площадку уже сам. Зима, ветер огненный прямо. Приезжают колхозники, их размещают в землянках. Прибывают материалы. Много неразберихи. За что браться? Вдоль железнодорожной ветки кучи кирпича, рваного камня, извести, леса. Почему кучи, а не штабеля? В условиях военного времени ценность каждого кирпича, каждой доски возрастают многократно. Решаю, что начнем со складирования материалов. Заканчиваю обход и вдруг встречаю мастера Мергена-ака. 18 лет назад я работал у него подсобником.

- Ты что тут делаешь? – спрашивает он.
- Пока ничего. Хожу, смотрю.
- Давай ко мне в бригаду!

Не забыл, значит, что я у него быстро поворачивался. Мы в считанные дни навели порядок, и закипела работа. Холодно, голодно, мало теплой одежды, тяготы военного времени – на плечах каждого. Я сразу обратил внимание, что мужчин на стройке не густо, больше женщин. Тоже особенность военного времени. Объекты завода растут быстро, а надо – еще быстрее. «Все для фронта, все для победы!» В сердце каждого набатно звучит: «Вставай, страна огромная…» Тысячи людей, поднимавших завод, ассоциировались у меня с необъятной страной, грудью от мала до велика поднявшейся на врага. Линия фронта проходила и здесь, через нашу строительную площадку. Я чувствовал это по тому, как работали люди. Напряжение было предельным. Мы широко использовали традиции народной стройки – хашара. Колхозы, районы направляли к нам людей, продовольствие. И вот уже заложены мартеновский цех, прокатный. Как многого не хватало! Материалы и оборудование доставали, где могли, способы снабжения часто диктовала обстановка. Помню, на станции долго стояла платформа с трансформатором, хозяин не объявлялся. А до зарезу нужен трансформатор. Приезжает Юсупов, ведет планерку, и я говорю ему про этот бесхозный трансформатор. Рядом со мной сидит Акоп Абрамович Саркисов, начальник строительства Фархадской ГЭС. И ему трансформатор нужен как воздух. «Мне отдайте!» - перебивает он. Юсупов принимает соломоново решение: кто первый установит у себя эту хитрую машину, тот ее новый хозяин. Справа мой начальник снабжения. Я на него не гляжу, а под столом наступаю ему на ногу. Он понимает и просит разрешения отлучиться. Саркисов не обращает на это внимания. Через два часа начальник снабжения возвращается. Садится рядом и наступает мне на ногу. Я поднимаюсь и говорю: «Товарищ Юсупов, разрешите доложить, ваше приказание выполнено, трансформатор установлен и работает!»

- Это грабеж! – эмоционально восклицает Саркисов. Но мы с Саркисовым были добрыми соседями и быстро нашли возможность пользоваться трансформатором сообща. Сколько раз он меня выручал, и сколько раз я его, теперь не сосчитать.

Первая плавка. Мы ее выдали 5 марта 1944 года, вечером. А начали ровно в полночь. Пошла сталь – это был такой праздник! Хотелось зачерпнуть ее рукой – на память. Через два с половиной года пустили мелкосортный прокатный стан, еще через три года – стан листовой прокатки. За эти 32 года проектные нормативы предприятия перекрыты многократно. Три мартеновские печи рассчитаны на выплавку 35 тонн стали каждая, а плавят по 85 тонн. В 1944 году бекабадцы произвели 11 тысяч тонн стали. Печи обслуживались вручную, на глазок. Нынешний годовой итог весомее в сорок раз. Вот имена сталеваров, проводивших первую плавку: Хафиз Ганиев, Анвар Ташпулатов, Михаил Шелованов. Ветер грозился унести лозунг: «Дадим фронту узбекскую сталь!» Материя, в конце концов, не выдержала, а сталь пошла – нарастающим потоком…

К словам заслуженного строителя Узбекской ССР Айтметова я хотел бы присоединить отзыв, данный недавно одним авторитетным специалистом. Вот свидетельство инженера Берда Теплера из ГДР, приезжавшего изучать работу установки непрерывной разливки стали: «я побывал на многих металлургических заводах Европы и со всей ответственностью констатирую, что завод в Бекабаде работает на уровне лучших из них». Это действительно так, проектная мощность предприятия перекрыта втрое.

День сегодняшний

Аллея передовиков труда обсажена розами. Лучшие люди завода всегда здесь, на этой нарядной аллее. Их портреты окружены цветами. В конце аллеи на пьедестале лежит порыжевший от дождей слиток – из стомиллионной тонны стали, выплавленной нашей черной металлургией в конце декабря 1967 года. В девятой пятилетке наша страна произвела 660 миллионов тонн стали, на 30 миллионов тонн больше США. Вот и мировое первенство по стали перешло к нам – как и по добыче нефти, выработке цемента, производству минеральных удобрений. Практика показывает: однажды добившись мирового первенства в выпуске какого-нибудь важного вида продукции, мы его уже никому не уступаем. А сталь в индустрии, как хлеб в сельском хозяйстве, всему голова.

Цехи мартеновский, прокатный. Горячими их зовут не зря. Слитки подаются на прокатный стан при температуре 1200 градусов. Малиновую болванку, мягкую и пластичную, валки превращают в арматурную сталь нужного профиля, в тонкий лист. Ну, а в мартенах жидкая сталь слепит глаза: 1650 градусов! Валки прокатного стана спасает от перегрева вода, струящаяся по ним непрерывно. Прокатчиков же обдувают мощные вентиляторы. Иначе летом не поработаешь. Когда в 1946 году пустили средесортный стан, прокатка 60 слитков за смену считалась высокой производительностью. Сейчас 200 слитков в час – норма. «А что, так и должно быть! – сказал старший сварщик Илья Барышев, монтировавший этот стан много елет назад. – Ведь оно, время, в наших руках!»

В каждом мартене своя маленькая звезда, свое солнце. Гудит печь, слепит глаза, опаляет гостя жаром. А своим тут привычно. Войлочные костюмы не позволяют близкому этому солнцу из мартена опалить тело, синее стекло защитных очков предохраняет глаза. Но чаще, чем где-либо, здесь подходят к бачкам с остуженным зеленым чаем и к сатураторам с газированной водой.

Я видел, как обслуживала печи бригада сталевара Виктора Дубова. В его бригаде парни один к одному. Да, у огнедышащих печей работали люди, сильные и телом, и духом. Спешки нет и в помине, но видна сноровка, и круг обязанностей каждого очерчен очень четко. Часа два длится завалка печи, 4 – 5 часов – собственно плавка. Твердой шихты закладывается сто тонн – 65 тонн лома, 30 тонн чугуна, остальное известняк, вбирающий в себя ненужные примеси. Но вот пошла сталь, люди заспешили, напряглись, преобразились. Я увидел и вдохновение, и мастерство. Это, несомненно, красивейшие человеческие качества. Но вот жидкий металл разлит в изложницы, летка заделана, огромное напряжение спало. Парни-крепыши дышат громко, натужно, и пьют кружка за кружкой. Да, сталь никогда не была легким хлебом.

Разговариваю со сталеваром Тимониным. Пот блестит на его широком лице. Он здесь с 1943 года, приехал из Кемерово двадцатилетним парнем. Первое, что запомнил – ветер, лютый, валящий с ног. Строил, а потом варил сталь. Четыре первые годы печи загружали вручную, тогда и было трудно (сейчас, значит, не тяжело). Жена тоже при заводе. Детей пятеро. Дом Тимонину построил завод, семь лет потом платил в рассрочку. Сыновья пошли по его стопам, а дочь в Чарваке гидростанцию строит – мастер по укладке бетона. «Хотел было вернуться в Кемерово, но поехал – не понравилось», - признается он. Я догадался, почему ему не понравилось в Кемерово. Слишком многое здесь, в Бекабаде, сделано своими руками, корни пущены глубокие. Не «не понравилось», а корни не пустили. Но объяснить это ему было трудно.

Открыли заслонку. Работала завалочная машина. Она была похожа на железного бойца, сражающегося с драконом. Из уст дракона рвалось пламя. Неожиданно и, пожалуй, не к месту вспомнились есенинские строчки: «Как бабочка, я на огонь лечу и огненность целую». Сталевары, крепкие, нет, крепчайшие люди, каждый день целовали оранжевую огненность жидкого металла. Это была работа, но мне, человеку стороннему, виделось в ней что-то от ритуала.

День завтрашний

Этот завод решено расширить. На самой современной технической основе, конечно. К терм мартеновским печам прибавятся пять электрических годовой производительностью 250 тысяч тонн каждая. Появится и новый мощный прокатный стан, который переработает сырую сталь в готовую продукцию. Каковы экономические основы расширения завода? Сейчас он удовлетворяет потребности республик Средней Азии в прокате меньше чем на 15 %. Между тем, в регионе ежегодно заготавливают полтора миллиона тонн металлолома. Перевозка тонны местного лома в Бекабад стоит один рубли, а на Урал – десять рублей. Плюс обратная перевозка готового продукта. Вот и получается, что велика экономическая целесообразность переработки всего металлолома на месте. Одна экономия на транспортных расходах позволит быстро окупить затраты. Общая стоимость возводимого комплекса 240 миллионов рублей. Контингент металлургов увеличится на 7500 человек. Соответственно вырастет и город. Упор делается на гармоничное, комплексное развитие Бекабада, на строгое соблюдение пропорций городского хозяйства.

Расширение завода уже начато. За приземистыми корпусами из кирпича поднялся цех эмалированной посуды. Это как бы завод в заводе (длина цеха 600 метров, количество работников 3000

человек). Белый, он похож на океанский лайнер, причаливший в родной гавани. Внушительно выглядят японские прессы-автоматы, обжиговые печи. Продукция – сверкающие эмалью ведра и кастрюли, бидоны и чайники, всего 25 тысяч тонн изделий в год. Вообще, этот цех может похвастать высокой степенью автоматизации, поточности производства. И, вместе с тем, есть тонкая ручная работа – художественная роспись изделий. Почти три тысячи рабочих цеха женщины. Это важно для города, где основные рабочие профессии мужские.

Уже разворачиваются работы на электросталеплавильном комплексе. Бекабад еще не сталкивался с такими масштабами строительства. Чем привлекает большая стройка? Размахом. Кипением. Каждая бригада делает что-то свое, отдельное, часто внешне не связанное с тем, что делают другие, но все это естественно складывается в новый производственный комплекс. В этом смысле площадка напоминает сборочный конвейер. Общего, действительно, много, тем более что в последние годы мы настойчиво индустриализируем наши стройки, повышаем сборность, заводскую готовность строительных конструкций.

Электросталеплавильный цех, только начатый, уже впечатляет. Стальные колонны поднялись на 42 метра и, кажется, подпирают само небо. Шипит сварка, белое яблоко вольтовой дуги долго не гаснет в руках какого-нибудь умельца из Чирчика или Алмалыка. Внизу, глубоко в земле, бетонщики заливают пахнущую цементом смесь в замкнутое пространство, очерченное опалубочными щитами. Гудят вибраторы, фундамент растет на глазах. Уже перед концом в нем оставляют углубление, называемое стаканом. В него и ставится многотонная колонна.

Массивные конструкции из металла подвозит трубоукладчик «Катерпиллер». Трубоукладчик сам похож на плотный слиток металла – крепко сбит, силен, в работе безупречен, в обслуживании прост. Американская машина дорогая, стоит 110 тысяч долларов. И все эти уплаченные за нее деньги она должна отработать и дать прибыль. Она подталкивает огромные колонны к монтажным кранам. Краны советские тоже силачи, им по плечу и стотонный груз. «Катерпиллер» приносит, наши краны монтируют – вот вам уже конвейер. Я смотрю на американскую машину и думаю, что холодная война дала зримые трещины, времена меняются к лучшему, политика мира и сотрудничества дает свои плоды.

Старший прораб Фасхутдинов похож на дирижера. Самосвалы с бетонной смесью – налево, металлоконструкции – направо. А тут уже надо проверить разбивку, дать высотные отметки. И так три смены. Действует жесткий скользящий график, работы не прерываются ни днем, ни ночью. Первая электропечь даст металл уже в будущем году.

Шумите, рощи

Плотина Фархадской ГЭС, перегородившая Сырдарью, направляет всю воды в деривационный канал гидростанции (исключение из правила – необычной силы паводок 1969 года, когда сбросные отверстия плотины были открыты полностью). Затем вода устремляется в голодностепские каналы и орошает более полумиллиона гектаров вчерашней целины. Вот вам еще одна профессия города: словно мираб, он поит новый оазис. Между каналами и рекой шумят зеленые рощи. Шум этот вобрал в себя шелест листьев и гомон птиц. Первого человека, имевшего отношение к этим густо-зеленым, почти черным на ярком дневном свету рощам, я встретил случайно. Это был пенсионер Сергей Пахомович Мощенко, тридцать лет проработавший лесником. Он удил на спиннинг судака.

Разговорились. Он сказал, что привык здесь. Ко многому пришлось руки приложить, а особенно к лесу. В сороковые годы ветры здесь камни ворочали. А насадили первые полосы и направили вихри вверх, подальше от земной поверхности. Набрал лес силу, и дома стали как дома, а человек почувствовал себя увереннее. Я понял, что он не только привык здесь, но и прекрасно прижился, как и посаженные им тополя, карагачи. А какой силы достигают здесь ветры, я помню и сам. Летом 1958 года у нас была гидрометрическая практика на канал Дальварзинской оросительной системы. Мы измеряли расход воды на канале почти у стен Бекабада, и ночью поставили раскладушки на дамбе. А ветер сбросил раскладушки с дамбы – вместе с нами, конечно. Хорошо, что не в воду. Недаром это место у выхода Сырдарьи на равнину зовут аэродинамической трубой. 126 дней в году ветры не позволяют строителям использовать мощные башенные краны. Ну, а деревья здесь вплоть до Янгиера наклонены на запад.

Метеорологи зафиксировали здесь ветер, дующий со скоростью 56 метров в секунду. Это почти 200 километров в час, скорость урагана.

- С таким ветром разве можно жить в мире? – задает вопрос старший лнсничий Бекабадского лесхоза Махкам Марданов. – С таким ветром бороться надо, или он постоянно будет брать с нас дань. А способ борьбы один – лесные полосы. Они и почву сохраняют от выдувания, и урожай от июльского гармсиля прикрывают. Здесь мы заодно с мелиораторами. В Баяутском районе есть один колхоз, там председателем работает Турсунбай Латыпов. Вот это хозяин! Вот это хлопкороб! Души в земле не чает. У него весь колхоз покрыт лесными полосами. И у него урожаи стабильные, сорок центнеров хлопка с гектара. Потому что он знает цену всему – земле, воду, лесу. И человеческим рукам – в первую очередь.

Лес шумел, зеленые и многоголосый, и побеждал ветер, защищая город, хлопковые поля. С высокого левобережья Бекабад, как на ладони. То, что есть, все на виду, и можно легко додумать то, что будет, что в замыслах архитекторов. Тем более, что главный архитектор города Исхак Хабибрахманов рядом со мной и может давать пояснения. Этот молодой уверенный в себе человек не только предсказывает Бекабаду хорошее будущее, но и беспредельно верит в него.

Напомню о временах, когда Бекабада еще не было, - говорит он. – В 1926 году близ станции Хилково стали строить цементный завод. Сначала вагонетки с известняком толкали люди, потом лошади, потом «Фордзоны». Простая смена тягловой силы? Нет, ступенька вверх. Городом Бекабад стал в победном 1945 году. Сталь уже пошла, «Фархадстрой» кипит, новые люди кругом, вот вам Бекабад и город. Долгое время река делила его строго пополам. Еще в 1969 году 30 тысяч жило на левом берегу, и 30 тысяч – на правом. Потом свое стала брать удобная для комплексной застройки правобережная равнина. Городу развиваться на северо-запад, и туда же переместится его центр. Двадцатигектарная роща левее дороги на Ташкент превращается в центральный парк.

Высотных домов не планируем, а только такие, которые могут защитить деревья – четырехэтажные. Близкие грунтовые воды тоже помеха высотному строительству. Нужды Бекабада. Второй мост через Сырдарью нужен уже сейчас, транспортные коммуникации сильно растянуты и нерациональны. Вообще, очень нужно все то, что подпадает под понятие инфраструктуры. Город планирует троллейбусную линию от Фархадской ГЭС до металлургического завода и новых жилых кварталов. Мечта каждого бекабадца – набережная. Берега реки пока не благоустроены, не стали местом отдыха. Хотя у города, стоящего на реке, что может быть лучше реки? Тем более в нашем жарком климате. Есть намерение перегородить русло Сырдарьи невысокой, порядка трех метров, перемычкой. Образуется водоем площадью 14 гектаров, спрячет почти всегда сухое русло. Купайтесь, бекабадцы! Стоить это будет не так уж дорого. Набережная мыслится не из дорого гранита. Хотелось бы, конечно, да пока город не потянет такой набережной. Дерн, бетонные лестницы, лес опять же – и сказочно преобразятся пустынные берега. Ну, а если паводок? После создания Токтогульского водохранилища паводок здесь вообще маловероятен.

Самая насущнаяч забота города – жилье. Через десять лет бекабадцев будет 200 тысяч, а жилой фонд города к этому времени должен вырасти втрое. Да, жизнь диктует высокие темпы. Но, ни на минуту не забывая о самом насущном, в Бекабаде думают и о своей набережной. Как уже подумали о памятнике сынам города, павшим на фронтах Великой отечественной войны.

Фабрика электричества

Без Сырдарьинской ГРЭС, без этой крупнейшей в нашем регионе фабрики электричества не убудет полного представления о бекабадском индустриальном районе. Тем более что среди его продукции электроэнергия занимает первое место и по удельному весу, и по стоимости.

Первая очередь ГРЭС мощность 1, 2 миллиона киловатт – в эксплуатации. Веером разбегаются к промышленным центрам опоры линий электропередачи, жужжат под нагрузкой толстые жгуты алюминиевых проводов. Белое, почти 50-метровой высоты здание, заключившее в себя котлы, турбины и генераторы, далеко окрест разносит приглушенный гул. Здесь бухарский газ превращается в самую универсальную энергию нашего времени – электрическую. Как скромен человек по сравнению с содеянным им! Трубы – 180 метров. К ним, как дирижабли, причалены белые облака дыма. Мощь техники подавляет. Но впечатление это обманчиво, человек здесь уверенный, рачительный хозяин.

Тут, как нигде, видно, как скромно мы начинали. Когда строили Бозсуйскую ГЭС близ Ташкента, пришлось на копейку поднять оплату проезда в трамвае, иначе не сходились концы с концами. Шведские турбины Бозсуйской ГЭС развивали мощность 4 тысячи киловатт, и тогда не знали, куда девать столько электроэнергии: идея индустриализации еще только вынашивалась. Фархадскую ГЭС мощностью 126 тысяч киловатт мы строили вручную, стиснув зубы. Оборудование поставила всемирно известная фирма «Вестингауз». Несколько военных и послевоенных лет эта стройка была в центре внимания всей республики. Сырдарьинская ГРЭС мощностью 4800 тысяч киловатт лишь одна из крупнейших наших строек, на нее падает один процент капиталовложение, ежегодно осваиваемых в Узбекистане. В бесконечном списке поставщиков названия только отечественных заводов. Но как много среди них всемирно известных!

Эта станция уже оказывает благотворное влияние на развитие всех среднеазиатских республик. Рождающаяся здесь электрическая река плавит цинк в Алмалыке и свинец в Чимкенте, гонит из нефти высокооктановый бензин в Фергане, ткет ситцы в Оше и Ташкенте, оживляет экраны телевизоров в Ленинабаде. Скоро к этим профессиям прибавятся новые: орошение Джизакской степи, выплавка стали в электрических печах в Бекабаде. Директор ГРЭС Василий Иванович Божко сказал, что станция выработала уже более 13 миллиардов киловатт-часов. План на 1976 год – 8 миллиардов (почти четверть узбекистанского производства электроэнергии). В пятилетке рядом с первой очередью поднимется вторая, это еще четыре энергоблока по 300 тысяч киловатт. И, возможно, удастся пустить первый в Средней Азии

восьмисоттысячник. Но это уже будет зависеть от темпов экономического развития республики. Заготавливать электроэнергию впрок еще не научились.

Показатели работы станции имеют явно выраженную тенденцию к повышению, и потому можно сделать вывод, что коллектив быстро мужает, и ему по плечу становятся высоты, которые еще недавно были далекой перспективой. О культуре производства и вообще об уровне технических требований свидетельствует такой факт. Вода для парогенераторов (котлов) должна быть чище дистиллированной. Обыкновенная сырдарьинская, содержащая один грамм солей на литр, проходит дорогостоящую химическую обработку, пока количество примесей не станет неуловимо малым – 20 микрограммов на литр. Не миллиграммов, а микрограммов. Уменьшите один грамм в пятьдесят тысяч раз – получите необходимую величину. Но уж эта с большим трудом очищенная вода циркулирует по замкнутому кругу котел – турбина – конденсатор – котел. Чтобы заполнить один котел, надо 400 кубометров. За час эта вода дважды успевает стать паром с температурой 580 градусов и отдать вобранную в себя силу турбине.

Мне вспоминаются торжества пуска. Я был на всех четырех. Эти праздники не похожи на календарные и отличаются особой, личной причастностью к торжеству. Люди шли к пуску от первых колышков, от ровного поля, на котором не было ничего и только ветер гонял желтые шары перекати-поля. Все, что нужно для пуска, они сделали сами, своими руками. Перешагивали через преграды, сплачивались. На больших стройках люди все-таки быстро мужают и растут. Увлекают масштабы, это, конечно, первое. И потом, всеобщее внимание к большой стройке, всеобщая заинтересованность в ее успехе рождают чувство ответственности. Рабочий так и начинает рассуждать: раз я сегодня на переднем крае жизни, я сделаю все так, как надо, - чтобы спокойно смотреть людям в глаза. Строители ГРЭС стараются работать эффективно. Ввели в девятой пятилетке не два, а четыре энергоблока, дело поставили на конвейер, на поток, внедрили монтаж котлов укрупненными блоками.

Делаем то же, что и в предыдущие годы, но меньшими силами и быстрее, - так охарактеризовал эту часть пройденного пути начальник управления «Сырдарьягрэсстрой» Семен Семенович Функ.

Здесь научились преодолевать трудности работой напряженной и самозабвенной. Например, котельное оборудование четвертого энергоблока прибыло на площадку с опозданием на два месяца. Но на сроках пуска это опоздание не сказалось, это время было сэкономлено на монтаже. Свое слово начинает говорить бригадный подряд – на объектах маленьких и больших, таких, как шестиэтажный лабораторно-административный корпус. Котлы собирает бригада Эрифата Уланова. Парогенератор блока в триста мегаватт – это два котла, весящие вместе с обмуровкой 10 тысяч тонн. В каждом котле километры труб из особо прочной стали с толщиной стенок от 4 до 46 миллиметров (это уже толщина пушечного ствола). Расчетное давление пара до 320 атмосфер. Детали котлов собирали в блоки весом до ста тонн (это и есть укрупнительная сборка) и вели ее на хорошо оборудованных стендах. Из блоков монтировали котлы. Уложились в 2,5 месяца вместо четырех, но работали круглосуточно.

Хочу остановиться на детали, быть может, и второстепенной, но весьма точно передающей сам характер мероприятий по повышению эффективности строительного производства. Я имею в виду создание хозрасчетных прорабств, которые представляют участкам основных работ напрокат средства большой и малой механизации. Прокатный пункт на стойке? А почему бы и нет? Вы производитель работ, в один из дней вам нужен бульдозер, в другой – бетономешалка, автокран. Пожалуйста, берите и платите за прокат. А как вы сработаете, прибыльно или себе в убыток, это ваша забота. В вашей компетенции взять от техники все. Но как только она становится не нужна, вы возвращаете ее, освобождаясь, таким образом, и от арендной платы. Это прорабство сосредоточило у себя и средства малой механизации, требующие обслуживающего персонала – бетономешалки, цементпушки, и более простые, плодотворно использовать которые может каждый строитель – вибраторы, электродрели, отбойные молотки. Ремонтные рабочие обеспечивали постоянную исправность всей этой техники. Сосредоточение средств малой механизации в одних руках себя оправдало. Прежде было так: сломался у витбратора выключатель, и годами лежит механизм где-нибудь в бригадной каптерке. Теперь починят в тот же день, ибо работающий вибратор – это деньги. Когда техника была разрознена по участкам, ее не хватало. Потому что большую часть времени механизмы бездействовали. Теперь же, при том же количестве техники, имеется постоянный резерв. Коэффициент использования механизмов вырос вдвое.

Это рассказ только об одном уголке нашей республике, об одном большом и важном ее районе. Мне понравился он людьми, работающими творчески, и масштабами преобразований. Но особенного в этом нет ничего, интенсивность преобразований высока по всей стране. Мы движемся вперед с хорошим ускорением. А как конкретно это происходит, я полагаю, видно из рассказанного. Бекабад в этом смысле пример типичный.

ШАГАЙ, ЛЭП-500!

Очень часто в нашей стране вдали от столиц, от больших городов, в местах самых неожиданных встречаешь рабочие коллективы, которые добросовестностью, инициативой, верностью слову сделали бы честь и Москве, и Ташкенту. Сначала удивляешься этому, а потом, поразмыслив, приходишь к выводу, что удивляться нечему, что увиденное – в порядке вещей и отнюдь не открытие. Наша действительность абсолютно всем дает равные возможности для работы честной и творческой, для полного раскрытия способностей. Это наше достижение: твори, выдумывай, пробуй, но имей, конечно, под ногами матушку-землю, и тебе непременно будет оказана честь по труду. Страна заинтересована именно в таком отношении к делу и всячески его поощряет.

Один из таких коллективов я встретил на границе между Узбекистаном и Таджикистаном, в выгоревших от солнца Байсунских горах. Это были строители линий электропередачи. И тянули они ЛЭП-500 из Регара в Гузар. В одной из песен Александры Пахмутовой поется, что «ЛЭП-500 – не простая линия». Да, не простая. Это целая электрическая река, она в состоянии передать мощность полрядка одного миллиона киловатт. Линию эту строили сильные, мужественные, тоже совсем не простые – замечательные своей влюбленностью в дело и многими другими качествами люди.

Как ставят опоры

Кварталы Карши промелькнули быстро, но от них осталось впечатление пришедших и сюда больших перемен. Не так давно Карши были городом только по числу жителей, а по всему остальному обширной деревней, и казалось, что это надолго. Но наступление на здешнюю целину быстро втянуло в свою орбиту всю область, дало могучий толчок развитию производительных сил. И новые белокаменные кварталы Карши, новый впечатляющий общегородской центр – тоже следствие освоения Каршинской степи. Мы порадовались этим хорошим переменам. А потом замелькали поля с неизменными тутовыми насаждениями вдоль арыков и грунтовых дорог, и степь Каршинская стала незаметно переходить в предгорья. Одноэтажный Гузар очень походил на село. Железная дорога повернула налево, а мы – направо и вскоре въехали в какую-то долину, которая, сузившись еще, стала ущельем. Слева осталась плотина Пачкамарского водохранилища. Рядом с громадами гор она не выглядела внушительной.

- Вот и наша ЛЭП-500, - сказал Хаджиакбар Шаихов, инженер треста «Средазэлектро-сетьстрой». Высоченные опоры из серебристого металла (оцинкованная сталь) блестели на солнце, гирлянды стеклянных изоляторов струили слабый зеленоватый свет, между ними провисали тяжелые нити проводов. И мачты, и толстые жгуты проводов еще, как мне казалось, хранили тепло человеческих рук. Здесь работа уже была окончена, но так недавно, что ее еще нельзя было отделить от людей, выполнивших ее. Об этих людях мне еще предстояло рассказать.

Уже потом, стремясь найти стержень, который бы объединил впечатления, я почувствовал, что на сей раз сделать это много труднее, чем обычно – из-за обилия ярких деталей, каждая из которых просится в центр картины. Вот желтые отроги Байсунтау, и на склонах темные пятна кустов дикого миндаля, и небо чистое, бездонное. И, возникая у горизонта и пропадая за горизонтом, эти желтые склоны пересекает линия электропередачи – ЛЭП-500, идущая от набирающей силу Нурекской ГЭС к целинным землям Кашкадарьи. Опоры шагают размашисто, широко. Эта линия, думалось мне, нечто большее чем просто индустриальный штрих в доселе сельском, патриархальном пейзаже. Обратите внимание: опора ЛЭП непременно присутствует на всех плакатах, посвященных индустриализации. Не турбина символизирует универсальную энергию нашего времени, - электричество, а вот эта прозрачная стальная конструкция, несущая провода. У опор – люди. Они их ставят и крепят, натягивают толстые сталеалюминиевые провода. Они демонстрируют зрелую работу, которую наблюдаешь и с удовлетворением, и с некоторой завистью: ты так не умеешь. Очень быстро проникаешься к ним симпатией. Строгие белые вагонгородки, спартанский быт, веселые бородачи у раздаточной в столовой, крепкие руки, плечи, спины. Крепкие, уверенные в себе люди. Профессия прочно связала их со светом, с электрической лампочкой. Они несли с собой свет и тепло, и после того как они поработают, остается только повернуть выключатель, и в доме комфорт, все просто, мило и привычно.

Итак, мы поднимались выше и выше. Ущелье расступилось.

- Здесь конники Буденного дали первый жестокий бой басмачам, - вдруг сказал Шаихов. Мы были уже довольно высоко, опоры ЛЭП уверенно шагали к водоразделу, склоны вокруг, словно пропитанные солнцем, передавали все оттенки желтого цвета – любимого цвета Поля Сезанна. Вдали, еще выше, лежал снег, очень белый. Вот, значит, этой дорогой, а тогда узкой тропой углублялись в Байсунские горы всадники в остроконечных суконных шлемах, и примерно отсюда застрочил пулемет басмачей, ударили их винтовки. Но красные конники, обнажив шашки, рассредоточились по склонам и стали

обтекать засаду, вызвали панику. Басмачи отступили. Символично, что именно эти ущельем теперь проходит могучая ЛЭП-500. Исторические, можно сказать, места.

Бригада Георгия Тасунова готовится к подъему опоры. П-образная опора – две мачты и перекладина наверху – распластана на развороченной земле. Снуют бульдозеры. В их реве что-то медвежье, сердитое, сильное. Они насыпают подушку из грунта под «падающую стрелу», с помощью которой будет поднята опора. «Падающая стрела» - двуногая стальная мачта, по высоте почти равная двадцатиметровой опоре. Сначала бульдозеры поднимут эту мачту, она много легче десятитонной опоры, а затем мачта, медленно опускаясь, «падая», поднимет опору. Технология этой операции отработана четко и выучена назубок.

Ветер свеж. Еще не зима, предзимье, и такой проникающий под все одежды ветер. На склоны ложится вечернее солнце. Некоторые из близких вершин кажутся опоясанными крепостными стенами. Это тоже работа ветра, весьма своеобразная. Вот-вот и на нашу площадку падет тень, но светло, я знаю, будет еще долго. Бригада спешит. Тракторный кран подхватил бухту троса, и самый молодой из рабочих, подавшись вперед, отматывает нужный кусок. Опора промежуточная, то есть будет работать не в особо сложных условиях, и в вертикальном положении ее удержат тросы-растяжки.

Слаженная, без суеты работа красива. Каждый монтажник здесь знает свой маневр и маневр своих товарищей. Отсюда красивая согласованность усилий. Бригада – прекрасная команда. Вся она из города Ангрена, там у рабочих свои дома. Работать за тридевять земель от дома не легко. Выход из положения найден хотя и компромиссный, но вполне устраивающий и бригаду, и администрацию механизированной колонны. Три недели люди работают без выходных, а на неделю уезжают домой, к семьям. «Как моряки возвращаемся из плаванья», - шутит бригадир. Прежде он был водителем, возил эту же бригаду на объекты. Быть только водителем оказалось скучно. И он решил помогать ставить опоры. Втянулся, появилась сноровка, рабочие увидели, что когда командует Георгий Тасунов, меньше суеты и дело спорится быстрее. Так он стал бригадиром.

- Переменили профессию?

- Не совсем. Бригаду вожу по-прежнему. Ну, и опоры ставлю. Совмещаю новую профессию со старой. Против такого совмещения наше начальство, например, не возражает.

Грохнул взрыв. Метрах в шестистах, на противолежащем склоне. Мы не слышали сигнала, а звук лдетелс екунды две, и над местом взрыва уже висело серое тяжелое облако. Ветер нес его на нас, но по пути оно быстро рассеивалось, и, дойдя до нас, стало почти прозрачным. Запах пыли, однако, все почувствовали, воздух до этого был чистейший, настоянный на травах высокогорья. Анкерные фундаменты надо заглублять на два-три метра, а грунт не везде поддается ножу бульдозера или ковшу экскаватора. Тогда и выручают взрывники.

Наконец, все предварительные операции закончены, тросы расстелены, под ноги «падающей стрелы» подсыпан грунт, чтобы не скользила вслед за бульдозером. Бригадир подает сигнал, кран приподнимает вершину «падающей стрелы», бульдозер, пятясь, натягивает трос, ему на помощь спешит второй. Трос уже звенит, как певчая струна, и «падающая стрела» медленно идет вверх, описывая широкую дугу по безукоризненно чистому, яркому еще небу. Вот натянулся и трос, соединяющий «падающую стрелу» с опорой. Опора качнулась, медленно поползла вверх, вслед за вспомогательной мачтой. Тросы звенят, бульдозеры ревут, отползая все дальше. На лицах монтажников – напряженное ожидание.

- Встала на шарниры! – докладывает бригадир. Теперь «Падающая стрела» почти лежит, опора стоит, но еще не вертикально, и тракторный кран оттягивает второй трос, чтобы бульдозеры не перетянули опору в свою сторону. Заключительная, самая тонкая часть операции протекает очень аккуратно: чуть-чуть вперед, еще чуть-чуть вперед, так-так-так! Нормально! Слов никто не произносит, их заменяет язык жестов. Бригадир хладнокровно управляет механизмами. Быстро натянуты тросы-оттяжки. Теперь ни ураганной силы ветер, ни обледенелые, удесятеренного веса провода не стронут опору с места. Последний луч солнца гаснет на далеком пике. Рабочие улыбаются, но аплодисментов, конечно, нет, и никто не жмут бригадиру руку. Будничная работа. И лишь в конце месяца стремительный рывок в Ангрен, домой.

- Чисто сработали! – говорю я бригадиру.

- Дело знаем, - спокойно констатирует он. Пора в поселок, ужин-то готов. Едем. Бригадир и дальше отвечает на вопросы очень коротко. Вот уже видны огни вагончиков – приехали. Тасунов все-таки мало сказал о себе и своих людях. Он не сказал, что к каждой опоре надо пробить дорогу и по ней подвезти фундаментные блоки и стальные конструкции. Не сказал, что работать приходится и на крутизне, недоступной вездеходам, и тогда выручают лебедки и собственные спины. Не сказал, что аритмия в снабжении материалами часто приводит к простоям, а простой, если хочешь вовремя прийти к финишу, можно компенсировать только одним – авралом. Не сказал, как опаляет солнце, как секут дожди. И не сказал, какое это торжество, когда дело сделано, линия поставлена под напряжение и свет и тепло приходит ко многим тысячам людей. Какое огромное удовлетворение это приносит.

Вечером я нашел поставленную при нас опору на плане трассы. Номер у нее был 239, высота над уровнем моря 1100 метров.

Поселок на колесах

Внизу шумел ручей. Сумерки сгущались, краски тускнели, жухлая трава склонов теперь была серой, и только небо не хотело одеваться в серое, а медленно чернело. Вот-вот должны были зажечься первые звезды. Десятка два вагончиков были приютом для ста примерно человек. Временный этот поселок на колесах размещался на почти ровной площадке – нашли-таки удобное место, защищенное от ветров. Здесь в каждой котловине свой микроклимат, сказал Хаджиакбар Шаихов, не раз проезжавший 250-километровой трассой из конца в конец. Единственно, чем неудачно выбранное место – какая-то гора закрыла телевизионный ретранслятор. А радио, при всей любви к нему, не в состоянии заменить нашего постоянного товарища и спутника – голубой телеэкран. Вагонгородок стоял совершенно обособленно, вдали от горных кишлаков.

- Не хотим быть возмутителями ничьего спокойствия, - сказал по этому поводу Шаихов. – Нас приглашали, нам были бы рады, но здешние кишлаки очень невелики, мы бы невольно нарушили быт горцев.

Мы пересекли складскую площадку. Бухты троса, катушки белого сталеалюминиевого провода, ящики с изоляторами, всевозможная электротехническая арматура лежали не в идеальном порядке, под открытым небом. Впрочем, всем этим материалам предстояло служить под открытым небом, и особых нарушений, значит, тут не было. В центре поселка стоял вагончик-контора. Из него вышел невысокий жилистый человек, пожал всем нам руки, представился: «Николай Петрович Камлаш, начальник участка». Солнце высушило его, а ветры выдубили кожу на лице и руках.

- Продрогли? – участливо спросил он. – Греться, извините, придется чаем – сухой закон.

Он провел нас в пустующий вагончик, помог расставить раскладушки. А когда поверх толстых матрацев легли хрустящие простыни, а одеяла были вправлены в такие же белоснежные льняные пододеяльники, сказал: «Пора ужинать. Откушайте из нашего артельного котла!»

Кто в рабочей одежде, кто переодевшись в чистое, строители спешили в свою столовую. Оживленно переговаривались. Тут все были свои и среди своих, и всем тут делились с радостью – и впечатлениями, и хлебом. Пищеблок состоял из вагончика-кухни и вагончика-столовой. В столовой восемь столиков, скамейки добротные, тяжелые – свои плотники рубили. Щи, гуляш, компот – нехитрая, но вкусно приготовленная еда. Хозяйки, их трое, три раза в день кормят 120 человек. У раздаточного окошка загорелые, обветренные, угловатые парни словно отдыхают душой. Не торопятся, и очередь никого не торопит. Уважительно вежливы и остроумны. Их такту можно позавидовать.

- Что на ужин, королевы питщеблока?

Смех стоит веселый, молодой, задорный.

- На поварих нам повезло, - сказал Николай Петрович. – Рядом такая же механизированная колонна, но там обед берут сухим пайком, а мы и в обед едим горячее, девчата развозят.

Позже, когда рабочие поужинали и женщины принялись убирать со столов, я попросил повара Тамару Целикову рассказать о своей работе.

- Человек я семейный, а вот уже три года мотаюсь с этими людьми. Увижу новую опору – радуюсь, словно сама ее ставила. Чувство такое: это моя линия электропередачи. И такое еще чувство: я не только за борщ с мясом, я за всю трассу в ответе. В Ташкенте орсовские наши работники на меня обижаются: все тебе выдели, привези. Дичаешь вдали от культурных центров, говорят, громко требуешь! А я, если не накормлю этих чертей, умереть готова. Знаете, какие у нас люди? Какие они добрые, как неутомимы в работе? Мы втроем делаем все, чтобы завоевать их уважение.

Работа в полную силу и человеческое уважение вещи одного порядка, подумал я. И вспомнил другой отзыв об этих людях, очень похожий на Тамарин. Шаихов как-то сказал мне, что управляющий трестом «Средазэлектросетьстрой» Садриддин Каланов в молодости был строителем Фархадской ГЭС. И, встретившись с Калановым, я спросил его сначала не о дне сегодняшнем, а о том далеком, но прочно осевшем в памяти и характере, что связывало его с легендарной стройкой.

- Фархадская ГЭС – это, прежде всего, подвиг народа, это Днепрогэс Узбекистана, - сказал Каланов, человек немолодой, но, как мне показалось, непоседливый, эмоциональный. – Время-то какое было! Война, первые послевоенные годы, лишения, нехватки, строжайшее нормирование всего, и продуктов, и материалов. А мы, стиснув зубы, строили. До ста тысяч человек выходило на объекты гидроузла. Люди недоедали, страдали от жары, от холодов, а работали ударно. Знали: стране очень нужна их самоотверженность. Это мне и запомнилось: подвиг. Мелочи время выветрило из памяти, а главное – порыв, энтузиазм массовый – это запечатлелось на всю жизнь. Горжусь тем, что я строил эту станцию.

- Что вы скажете о сегодняшних своих рабочих?

- Хвалить не буду, их дела – лучшая и высшая им похвала. Однако подчеркну, что это образованные, культурные, высококомпетентные люди. И подвижники. Представляете, какое это замечательное единение качеств? Давайте теперь составим из таких работников коллектив. Сплотим его, нацелим на решение важных народнохозяйственных задач, воодушевим этими задачами. Да такому коллективу цены нет!

Он говорил очень рассудительно, долго подбирая и как бы взвешивая каждое слово. Голос у него был густой, глуховатый, но твердый, подчеркивающий неспешность и обстоятельность даваемой оценки. Мне показалось, что Каланов остро чувствует свое единение, прежде всего духовное, моральное, с людьми, о которых говорит, и с которыми ему так хорошо работается. И такое же духовное единение с этими людьми остро чувствовала Тамара Целикова.

Звездная ночь

Мы поставили на плитку большой эмалированный чайник, и я вышел из вагончика. Хотелось несколько минут побыть одному. Ветра здесь не было, и оттого казалось гораздо теплее, чем в том месте трассы, где шел монтаж опоры. Горы стояли черные – единый черный монолит, но как только обрывалась их зубчатая стена, начиналось звездное небо. Было тихо, как не бывает в наших городах. Очень четко доносились негромкие звуки гитары. Кто-то, молодой, как мне подумалось, парень, играл «Темную ночь». Он играл долго, его гитара волновала – значит, умел и любил прикасаться к струнам. Ночь действительно была темная, безлунная, правда, с богатейшей россыпью звезд, небо даже поголубело от звезд, и ничего опасного эта темная ночь не таила. Вдруг кто-то запел под аккомпанемент, может быть, сам гитарист. Голос тоже угадывался молодой. Парень сделал ударение на строке «Только ветер гудит в проводах». Подразумевались не абстрактные провода в абстрактной дали, а конкретные тяжелые, висящие совсем близко провода, которые эти ребята сами раскатывали, поднимали и крепили. Ветер, конечно, гудел в их и только в их проводах. Ударение – вольно, конечно, делалось на проводах, остальному отводилась роль фона. Я подумал, что отцы этих двадцатилетних рабочих тоже, наверное, не знали войны, по молодости лет, конечно. Дети тех, чьи отцы воевали, не смещали бы здесь акцентов. Но все равно песня лилась прекрасно и, странное дело, не вытесняла тишину, а медленно в ней растворялась. В больших городах так никогда не бывает, опять отметил я.

Купе вагончика встретило меня теплом, черным вкусно пахнущим чаем и успевшим завязаться между Камлашом и Шаиховым жарким обменом мнениями, в котором каждая из сторон была несколько пристрастна. Николай Петрович говорил, что журналистское внимание обычно приковано к строителям электростанций.

- Они на компактной площадке вводят крупные мощности, - горячился он, - у них все масштабно, все собрано в кулак, и когда начинает биться новое энергетическое сердце, средства массовой информации тут же оповещают об этом весь мир. Одержана, мол, еще одна трудовая победа! Одержана, не возражаю. Но, между тем, половина стоимости основных фондов в энергетике приходится на линии электропередачи, на ту самую «проводов голубую солому», которая несет свет и тепло в каждый дом, в каждый цех. Мало, значит, выработать электроэнергию, надо донести ее до потребителя. Причем, это вещи взаимозависимые, как ничто другое. Электричество еще не научились заготавливать впрок, вся вырабатываемая электроэнергия потребляется тотчас же. Но строителям линий электропередачи ваш брат совершенно не уделяет внимания. А наши трассы огромной протяженности, мы входим в каждый дом, и понимать это надо буквально. Что, разве наша работа менее заметна, менее значима?

А Шаихов попивал чай, поддакивал и вдруг сказал: «Подбрось еще дровишек, Коля, что-то нет пока настоящего жара». Он как-то сразу задел Камлаша аза живое и теперь радовался пару, выходящему из перегретого котла.

- Или вы думаете, что Узбекистан пришел к сплошной электрификации своих городов и сел без нашего участия? – обратился Камлаш уже ко мне.

- Я так не думаю.

- Да у нас везде, повторяю, везде пользуются электричеством! И это достижение столь велико, что вышло за рамки чисто экономические.

- Это социальное достижение, - подчеркнул Шаихов.

- Правильно! Мы так привыкли к лампочкам, горящим в наших квартирах полным накалом, что все реже и реже вспоминаем: так было не всегда. Кто сейчас помнит тусклые лампочки первых послевоенных лет? В нашем дворе было восемь квартир, и внутренняя проводка выдерживала, помимо освещения, только одну электроплитку. Каждый час этой плитки был строго расписан и поделен между хозяйками. Стоило вклиниться кому-нибудь еще, и дом сразу погружался во мрак. Ну, и суматоха поднималась! Крики, ругань: кто посмел?

- Тридцать лет назад – как это далеко!

- А мне близко, я это отлично помню. Мы постепенно все подняли, что разрушила война, все восстановили, покончили с бедностью и дальше пошли. Давно уже нет каких-либо ограничений на пользование электроэнергией в быту. У каждой хозяйки десятки электрических помощников, от прозаического утюга и нежной соковыжималки до вместительного холодильника. По мере продвижения вперед горизонт расширяется, - продолжал Камлаш. – Вперед в данном случае означает и выше, означает приобретение новых качеств. Ну, а чем выше поднялся, тем лучше видно, что делать дальше. Мы всегда старались развивать энергетику опережающими темпами. Как и металлургию, топливную промышленность. Она – одна из фундаментальных, основополагающих отраслей индустрии. Но в последние годы промышленность Узбекистана развивается быстрее энергетики. Мы понадеялись на высокогорные гидравлические станции, но из-за маловодья не смогли наполнить их водохранилища. Электроэнергии стало не хватать, хотя в минувшем году республика выработала ее 35 миллиардов киловатт-часов. Приходится ограничивать потребителей. А что значит отключить завод, фабрику? Это значит недополучить продукции на многие тысячи рублей. Причем, стоимость электроэнергии в этой продукции занимает очень небольшую долю.

- Но тут вступает в строй ваша сверхмощная ЛЭП-500, и все меняется, - сказал я.

- И все меняется! – в один голос воскликнули Камлаш и Шаихов. Слово снова взял Николай Петрович. Чувствовалось, что ему очень хочется выговориться. У него было такое право, он представлял здесь, в темном купе вагончика, 120 своих рабочих.

- Да, ЛЭП-500 – это настоящая артерия! Линия Регар – Гузар свяжет Таджикистан с объединенной среднеазиатской энергосистемой. Сейчас таджики не в состоянии потребить всю электроэнергию, которую вырабатывает Нурек. Ее избыток поступит в узбекскую энергосистему. А в будущем, когда наберет силу регарский алюминиевый завод, энергия из Таджикистана к нам будет поступать в часы максимальных энергонагрузок. Дополнительные агрегаты на гидростанциях можно пустить за минуту, а на тепловых станциях для этого нужны часы. А в часы обычных нагрузок энергия будет идти в Таджикистан из Узбекистана, от наших тепловых электростанций. Эффект немедленный: как только наша ЛЭП встанет под нагрузку, надежность энергообеспечения потребителей возрастет во много раз. А потребители у нас очень серьезные – это алюминиевый завод, это насосные станции Каршинской степи. Причем, наша линия – только часть кольца, которое соединит крупнейших производителей электрической энергии с крупнейшими ее потребителями. Крайние пункты этого энергетического кольца – Алма-Ата и Мары, Чимкент и Нурек. Точка пересечения линий – Сырдарьинская ГРЭС.

- Здесь я бы подчеркнул и вот какой момент, - сказал Шаихов. – Наша ЛЭП существенно расширяет экономические связи Узбекистана с Таджикистаном. В этом смысле, ее роль близка к роли железной дороги. ЛЭП, по сути дела, тоже дорога, но только для электричества.

Сейчас они оба смотрят в корень, подумал я. Подлил им, увлекшимся, горячего чаю. Они не обратили внимания. Тогда я спросил, для чего внутри алюминиевого провода пропущен стальной трос.

- Для прочности. Голоден и ветер меняют весовую нагрузку. А допустить разрыв, даже в самой непредвиденной ситуации, мы не имеем права. Слишком дорого за это заплатим.

- Почему прежде были фарфоровые изоляторы, а теперь стеклянные?

- В фарфоровом не видно изъяна, а стеклянный рассыпается от первой же трещины. Если он целый, значит, годный. Удобно.

- Тяжело пришлось?

Я спрашиваю о том, что и так было видно. Мне хотелось подробностей.

- Трасса сложнейшая, - ответил Камлаш. – Фундаменты – это пять тысяч кубометров сборного железобетона, опоры – 7300 тонн, провод – 3500 тонн. Привезти все это, доставить на место часто бывает куда труднее, чем смонтировать. Основа нашей техники – стосильный трактор. На него навешиваем будьдозерное или крановое оборудование. Горы суровы, и здесь мы очень много машин отправляем на тот свет. Я имею в виду не низкую квалификацию механизаторов, неопытному человеку здесь делать нечего, а сложность природных условий.

- И что вы делаете, если техника встает, упершись в слишком крутой склон?

- Ищем выход. И прорываемся. Костяк у нас славный – крепкий, смышленый. Сила духа, самоотверженность у ветеранов первопроходческие. Люди, однажды связав себя с нелегкой нашей работой, так прикипают к ней, что другого поля приложения сил для себя уже и не мыслят. Любимое, значит, делают дело. А раз любимое – с энтузиазмом в нем совершенствуются. Чтобы всегда впереди быть, среди лучших. В этом сила наших механизированных колонн. Местные жители тоже поступают к нам на работу. Но временно, пока не уедем. Единицы из них едут на следующую трассу. Но эти единицы от нас уже никуда. Так становятся ветеранами.

Мы потушили свет далеко за полночь. Проем окна, сначала черный, постепенно светлел. В него вливался зыбкий свет звездного неба. Я продолжал искать объединяющий стержень. Реплика Шаихова помогала: то, что делали здесь строители ЛЭП, вело к упрочению экономических связей союзных

республик. Прежде связующим звеном были в основном железные дороги, соединявшие их экономику в единый народнохозяйственный организм. Они и остались главным таким звеном. В конце двадцатых годов Средняя Азия получила железнодорожный выход в Сибирь, а не так давно рельсы пролегли через Приаралье, дав нам второй выход в европейскую часть страны. Паромная переправа Красноводск – Баку упрочила наши связи с Закавказьем, Кубанью. Сегодня примерно 55 миллионов тонн грузов Узбекистан получает по железным дорогам и 35 миллионов тонн отправляет. Причем, экономические связи между союзными республиками строятся не на клиринговой основе (равенство поставок в стоимостном выражении), а по планам, направленным на гармоничное развитие каждой республики, так что стоимость грузов, ввозимых Узбекистан, много выше (на 3 – 4 миллиарды рублей), чем стоимость грузов, из него вывозимых.

В шестидесятые годы к железным дорогам прибавились трубопроводы, направившие мощные потоки бухарского и туркменского газа в Казахстан и Россию. Возьмем теперь ЛЭП. Эта линия электропередачи, конечно, не первая, связавшая Узбекистан с соседями. И даже не первая из подобных ей по мощности. Мы обмениваемся с соседями электроэнергией, покрываем дефицит пиковых мощностей за счет Токтогульской и Нурекской гидростанций, проекты которых, кстати, были разработаны в Ташкенте. Это отвечает интересам каждой союзной республики и страны в целом.

Или взять такую деликатную, остро стоящую проблему, как распределение в регионе водных ресурсов. Основные источники орошения реки Сырдарья и Амударья формируются высоко в горах Тянь-Шаня и Памира, на территории Киргизии и Таджикистана. Основные потребители воды – хлопкоробы Узбекистана и Туркмении, республик равнинных, где еще много не орошенных, но пригодных для орошения земель. Киргизия и Таджикистан взяли на себя строительство мощных гидростанций с крупными водохранилищами. Это делается в интересах быстрого развития хлопкового комплекса Средней Азии. К хлопковой независимости мы пришли перед войной, а сегодня хлопковое волокно – одна из важных статей советского экспорта.

Мне вспомнился рассказ знакомого инженера-гидротехника. Из-за крайнего маловодья 1974 – 1975 годов пришлось почти на два года отложить пуск первой турбины Токтогульской ГЭС. Затворы опустили, воды сколько надо для пуска накопили, но тут такая дилемма: или потерять значительную часть урожая, в Ферганской долине и Голодной степи, где плантации нечем поливать, или сорвать пуск первой турбины. Экономисты подсчитали: если отодвинуть пуск гидростанции, государство понесет во много раз меньше убытков, чем если подсушить хлопковые плантации. Убытки же распределялись так. От недобора урожая страдал главным образом Узбекистан, а от того, что отодвигался пуск ГЭС, ущерб несла в основном Киргизия. Но в интересах страны было пойти на меньшие убытки, чтобы предотвратить большие. И из двух зол выбрали то, которое меньше. Затворы снова подняли и опорожнили водный амбар до дна: интересы страны превыше всего.

Или возьмем создание комплекса заводов сельскохозяйственного машиностроения в Узбекистане. Он ориентирован на удовлетворение потребностей всех хлопкосеющих республик в технике по возделыванию и уборке хлопчатника. Такого же назначение построенного в Узбекистане комплекса заводов по выпуску минеральных удобрений. Ни одно сколько-нибудь крупное предприятие сегодня не проектируется у нас без учета общегосударственных интересов. Для примера можно взять развитие газовой индустрии в Туркмении или центра цветной металлургии в Алмалыке. Коль есть у данного экономического района возможность удовлетворить насущные потребности страны в каком-нибудь важном продукте с меньшими затратами, чем это делалось прежде, эти возможности будут детальным образом учтены и быстро реализованы. Вот почему мы столько внимания и сил уделяем топливным комплексам Тюмени, металлургическим – Украины и Урала, хлопковым – Средней Азии. ЛЭП-500 Регар – Гузар в этом смысле очень необходимое связующее звено. Если хотите, это одно из звеньев материального проявления братства советских народов.

Ветер в проводах

Утро было совсем не похоже на вечер. Наступали предпусковые дни с их непременной концентрацией сил на незавершенных участках, с их высоким общим накалом, суть которого очень хорошо передает слово «самоотверженность». Все, кого я видел утром, торопились. В столовой завтрак ничем не походил на вчерашний степенный ужин. Быстрота и натиск, и все это без слов – моторы у вездеходов уже были заведены. Хлопали дверцы, в кузова летели инструмент и мелкая арматура, и машины, сигналя, отправлялись одна за другой. Лица людей были строги, сосредоточены. Сейчас это солдаты, выступившие в поход, понимающие, какая высокая ответственность легла на их плечи. Каждый – тугая пружина. Камлаш был доволен. Чувствовалось, что он гордится своими людьми. И сам он чувствовал, что очень прочно связан с ними.

Мы вновь направились на трассу по расчлененным ручьями склонам, пока не отыскали незавершенный участок. Провода, уже раскатанные, лежали на земле. Их подвеской и натяжением

занималась бригада электролинейщиков Анвара Бахтиева. На земле бородач Анвар настоящий витязь, статен и красив. Ну, а на проводе – канатоходец, только без шеста обходится. Три провода одной фазы в воздухе надо соединить распорками – по всей длине. Шаг по проводу скользящий, как по канату. Нога идет вперед, не отрываясь от провода, к ней приставляется другая. А руки – на верхних проводах. И предохранительный пояс с двумя карабинами надежно застегнут за один из них.

В бригаде есть электролинейщик Александр Мироненко. Так он может не слезать с провода всю смену. Идет себе, как по тротуару, и ставит распорки. И еще что-то напевает. Его зовут «циркач Шурик». Однажды он ремонтировал ЛЭП, которая проходит рядом с Фархадским базаром в Ташкенте. Залез наверх, что-то сделал – и вдруг оступился, повис на ремне. Торговки схватились за сердце, базар обмер. Он, в висячем положении, сообразил, в чем дело, послал базару воздушный поцелуй, вскарабкался на провод и продолжил работу. На его куртке нарисована схема ЛЭП-500, опоясывающая Среднюю Азию. Написано: Ташкент, Бекабад, Андижан, Карши. «Есть место и для Гузара!» - смеется молодой рабочий.

Здесь каждый прекрасно знает не только свой маневр, но и ближайшую задачу республики. Наверное, это и есть идти в ногу со временем.

У СКАЛ ФАРХАДА

Ранним утром солнце здесь словно процеживается сквозь зубья тянь-шаньских гор. Огромная горная страна простирается на восток и юг, обширная равнина убегает на запад и север. На границе равнины и гор – невысокая гряда Фархадских скал. Русло Сырдарьи рассекает ее. Вырвавшись на равнину, река разливается широко, вольготно. Здесь же стоит город Бекабад.

Об этом месте в народе осталось немало легенд. Легенда о богатыре Фархаде и прекрасной принцессе Ширин пришла к нам из глубины веков. Богатырю Фархаду было поставлено условие: приведи в Голодную степь сырдарьинскую воду, напои землю, и гордая принцесса станет твоей женой. Фархад принялся за работу. На скалы обрушились удары тяжелого кетменя. И дрогнули скалы, и пошатнулись, и рассыпались в пыль, и вода устремилась на равнину.

Легенды, легенды! Они передаются из уст в уста, от поколения к поколению. Сюжеты их охотно используют писатели. Но наступает такое время, когда легенды становятся действительностью, ничего не теряя от своего очарования. Скалы, сжавшие Сырдарью выше города Бекабада, с давних пор зовут Фархадскими. Конечно, на них не осталось следов богатырского кетменя. Будем считать, что их стерло время. В 1942 – 1951 годы здесь была сооружена Фархадская ГЭС. Реку перегородила плотина, деривационный канал подал воду на лопасти турбин канадской фирмы «Вестингауз». Заводы, эвакуированные с запада и так и оставшиеся на узбекской земле, получили электрическую энергию. А сырдарьинская вода устремилась дальше, на просторы Голодной степи. И нынче почти полмиллиона голодностепских гектаров – это хлопковые плантации, бахчи, сады.

Сегодня близ Фархадской ГЭС возводится гигантская фабрика электричества – Сырдарьинская государственная районная электростанция мощностью 4400 тысяч киловатт. В этой пятилетке будут введены в эксплуатацию два ее энергоблока. Коллектив «Сырдарьягрэсстроя» конкретизировал эти короткие сроки. Первый энергоблок ГРЭС даст ток в конце 1972 года, четвертый – в конце 1975 года. Мощность станции достигнет 1200 тысяч киловатт. Затем, примерно с годовым интервалом, дадут энергию блоки мощностью 800 тысяч киловатт. Их тоже будет четыре. А инженеры, нарисовавшие станцию на ватмане, уже поговаривают о третьей очереди, из энергоблоков небывалой мощности – 1200 тысяч киловатт.

72 ступени к небу

Мы ждали появления этой трубы, но ее долго не было видно, и это нас смущало. Не так-то просто проглядеть трубу, высота которой 180 метров. Трубу, подпирающую небо. Трубу, к которой, как дирижабли, могут причаливать легкие летние облака. И вот она появилась, нечеткая в молочно-белом утреннем воздухе, и не там, где мы ее ждали, а далеко справа. Но и нечеткая 180-метровая труба – это махина. Вблизи она была совсем громадина. А, в общем, стройное и даже элегантное инженерное сооружение. Смотришь, задрав голову. Болит шея, а ты все еще смотришь. Ташкентская телебашня выше всего лишь на пятнадцать метров. А год назад «трубачи» из Алма-Аты только заливали бетонной смесью фундамент, похожий на амфитеатр огромного цирка. Вернее, трубоклады. Но с чьей-то легкой руки трубокладов перекрестили в «трубачей». И, надо сказать, удачно перекрестили. Готовая труба торопит тех, кто собирает таганрогский котел и ленинградскую турбину, всю эту сложную начинку машинных залов и трансформаторных подстанций. Алма-атинские ребята уложились в короткий, даже при их общепризнанной хватке, срок, и теперь за ними тянулись другие. Старались постоять за честь своей строительной, или монтажной, или наладочной организации – их на стройке собралось более двух десятков. 5 декабря этого года мощность объединенной энергосистемы республик Средней Азии возрастет сразу на 300 тысяч киловатт. Это ровно половина мощности такой крупной электростанции, какой является Чарвакская ГЭС.

Отвечая на вопрос, насколько реален этот срок, начальник стройки Семен Семенович Функ произнес короткую, но очень емкую фразу: «Ну, первый-то энергоблок у нас в кармане». Он был уверен в своих людях, и сомнения не тяготили его.

Первые знакомства. Комсомольский вожак инженер-механик Бахтияр Махмадияров – олицетворение активной, энергичной молодости. А в проектировщике Игоре Петровиче Сутерине угадывается человек рациональный, не доверяющий эмоциям, привыкший оперировать математическими формулами. Втроем мы смотрим на красавицу-трубу, задрав головы, и я предлагаю подняться наверх. Бахтияр загорается: «Ну, конечно!» Сутерин же соглашается с неохотой, потому что не любит эмоций. «Сверху, конечно, виднее, - рассуждает он, - но вот я разверну перед вами генеральный план, и вы все увидите в уютном кабинете, и не надо переться в лифте на эту умопомрачительную высоту».

Заходим внутрь трубы. Полная устоявшегося мрака, она кажется бесконечной. Лишь где-то очень высоко клочок голубого неба просвечивает сквозь конструкции лесов и передвижной опалубки. Едем в

лифте. В Ташкенте на площади Ленина есть двадцатиэтажное административное здание. Так лифт на его последний этаж поднимается ровно минуту. Мы поднимались минуты четыре и как-то торжественно молчали. Изнутри до половины труба облицована жаро- и кислотоупорным кирпичом. Когда облицовка достигнет верха, лифт устремится в последний свой пробег – с членами приемной комиссии. Потом его уберут за ненадобностью, трубу опояшут ряды красных сигнальный фонарей – предупреждение самолетам. И, пожалуйста, можно подключать котлы.

Наверху, на подмостях, никого – обеденный перерыв. Скромно улыбается лифтерша. И – поля, горы и синь, голубой простор. И кажется, что видно до самого Ташкента, хотя где уж увидеть город, до которого 150 километров. Дымчато-белеый, странно раздвинувшийся горизонт. Могучая лента Сырдарьи, сужаясь, сливается с горизонтом. Артерии дорог и каналов, свежая зелень хлопковых плантаций и особая, сочная зелень люцерны. Малые, словно нарисованные поселки и обширные, многоэтажные города с внушительными корпусами заводов – Бекабад на востоке и Янгиер на западе. Фархадские серые скалы. Плотина, пропускающая летний паводок, и яркая радуга над потоком, низвергающимся с большой высоты. Деривационный канал с мостами и селепроводами. Толстые суриковые водоводы Фархадской ГЭС, паутина проводов. Легендарные, теперь уже обстоятельно обжитые человеком места. И прямо под нами железнодорожные пути, прирельсовые склады с каркасами металлоконструкций, бетонный завод, серебристые баки для мазута – если прекратится подача газа, станция за два дня «съест» сорок тысяч тонн мазута. Еще одна группа резервуаров для химически чистой воды, два канала и насосная станция для прямоточного охлаждения турбин (обилие воды позволит обойтись без громоздких градирен), масса трубопроводов. Временные поселки и город строителей Ширин, словно скопированный с одного из ташкентских микрорайонов.

- Что, дух захватило? – Это Сутерин. – Кто впервые сюда поднимается, долго вот так стоит. Это самая высокая наша точка. А то, что вокруг и что к нашей станции относится, уже 70 миллионов рублей стоит. Седьмой год, считайте, от первых колышков пошел.

А Бахтияр говорил о трубе – торжественно, как говорят с трибуны: «72 раза поднимали «трубачи» свою скользящую опалубку. Один шаг – это два с половиной метра. Семьдесят две ступени к небу. А где оно, небо? Сколько еще до него? И со спутника не увидишь, сколько еще до неба».

- Присядем, - предложил Сутерин. Теперь я видел, что ему тоже нравилась эта высота с упругим ветром в лицо. А день, по бекабадским меркам, был совсем не ветреный. – Так сколько ступенек до неба? – с улыбкой спросил он. – Много, это и ребенок скажет. И столько же ступенек до энергетики совершенной, преобразующей тепловую, солнечную или любую другую энергию в электрическую со стопроцентным коэффициентом полезного действия. Мне рассказывали, как строили первую в Узбекистане гидростанцию – Бозсуйскую. Бесхитростный рассказ, а запомнился. Годы были 1921 – 1926. Четыре тысячи киловатт, шведское оборудование. На бирже труда от рабочих не было отбоя. Что ж, безработица тогда была большая. Мы затягиваем ремень потуже и строим («мы» в данном случае сказано в переносном смысле, самого Сутерина тогда еще и на свете не было). На копейку поднимаем цену билета в ташкентском трамвае – и строим. Выплачиваем, таким образом, зарплату рабочим. И построили, и пустили в канун первого мая эту крошечную по нынешним временам станцию. И радости, радости было! И не знали в первые месяцы, куда девать такую массу электричества. А что такое четыре тысячи киловатт? Это два тепловоза. У нас в управлении еще работают строители Фархадской ГЭС, но мало. Слушать их всегда интересно. А я вам об этой станции расскажу. И о том, чем вообще мы, энергетики, живем.

- Лекция на вершине трубы! – сказал Махмадияров.

- Зачем так официально? – Сутерин поморщился. – Я, может быть, о сокровенном сказать хочу, обстановка располагает. Сейчас мы отстаем от США по выработке электроэнергии примерно в два раза, и отстаем по единичной мощности агрегатов и удельному расходу топлива. По добыче угля и выплавке стали перегнали, а здесь пока отстаем. Ну, а перспективы? Отставание будет сокращаться. Сейчас девятая пятилетка. В двенадцатой разрыва уже не будет. Для вас это, может быть, абстрактные вещи, а для меня, энергетика, они очень важны. Мы начинали с малого. А чего добились, на какие высоты метим? Вот оно, громадье наших планов! Но спустимся к вещам более конкретным. Какого место нашей станции в энергетическом потенциале региона? Здесь она будет самая крупная. И такой останется в обозримом будущем. Естественно и просто возьмет на себя роль флагмана. Вот у нас Нурекская жемчужина в Таджикистане – 2700 тысяч киловатт, Токтогульская в Киргизии – 1200 тысяч киловатт. Но эта станция даст втрое больше электроэнергии, чем Нурек. Втрое! Представьте теперь линии электропередачи напряжением 500 киловольт, таких еще мы не строили. Они свяжут Ташкент с Душанбе, Алма-Ату с Чарджоу. Закольцуют всех крупных потребителей электроэнергии и всех ее производителей. А где эти линии пересекутся? Здесь, у нас. Ибо здесь центр энергетических нагрузок Средней Азии. Место под станцию выбирали долго. И инженеры считали варианты, и ЭВМ. Этот вариант оказался оптимальным. К восьмидесятому году все, что на ватмане у нас нарисовано, будет перенесено в натуру. 26 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год!

После 1980 года наша энергетика все больше будет атомной. Недавно считалась, что тепловая энергия дешевле. И так оно и было. Но уже Белоярская атомная станция вырабатывает киловатт-час себестоимостью 0,45 копейки. Отпускная же цена электроэнергии оптовому потребителю по «Узбекэнерго» 1,9 копейки. Уже сегодня атомные электростанции выгодны экономически. Теперь возьмем блок на 2500 тысяч киловатт – над ним уже люди задумываются. Шаг вперед? Бесспорный и большой. Но генератор, работающий в блоке с такой турбиной, потребует уже не водородного и не водяного охлаждения, а криогенного – жидким азотом или жидким гелием. Понадобятся совершенно новые изоляционные материалы.

В голосе Сутерина пафос. Узнаю пафос энтузиаста, для которого шаги технического прогресса дело живое и кровное. Он с готовностью посвятил ему жизнь и не ошибся. Вера его в грядущие успехи была не эмоциональной, а логической, вытекающей из сопоставления богатейшего статистического материала. Но какой бы ни была эта вера в грядущие успехи, она делала его человеком увлеченным.

- Новшеств мы применили здесь не так уж много, но они симптоматичны, - говорит Сутерин. – Ну, эстетика и техника вещи, вроде бы, разные, но их союз многообещающ. Мы оденем станцию в белоснежные панели. Впечатляюще? Очень. Не станция – океанский лайнер. И не дорого: обычная керамическая облицовочная плитка. Столь же удачно решены интерьеры машинного зала, пультов управления. Затем, мы строго подошли к проблеме охраны внешней среды. В атмосферу поступят только продукты полного сгорания топлива – углекислый газ и вода. Никаких посторонних включений. И очень тщательной очистке будут подвергнуты все сбросные воды. Голодная степь получит только чистую воду.

На востоке громоздились горы, на запад же, насколько хватало глаз, простиралась возделанная, благодатная земля. Не так давно называлась она Голодной степью.

Реликвия

Удовлетворенные земными и космическими успехами своей страны, все более нетерпимые к недостаткам и упущениям, мы в сутолоке повседневных дел как-то забываем, с чего мы начинали. Как мала, по нынешним меркам, была исходная база. И как много было сделано дедами и отцами, чтобы день сегодняшний стал таким, каким мы его встречаем. Суровые, беспощадные двадцатые годы, разруха и голод после гражданской войны. В Ташкенте надо было месяцы выстоять в очереди на бирже труда, чтобы стать строителем Бозсуйской ГЭС. Помню рассказ отца о большом студенческом митинге в институте землеустройства, где он учился, по поводу первого в столовой борща с мясом (первым итогом коллективизации был повсеместный голод). Но начались пятилетки, и мы стали много строить. И мы по-настоящему удивили мир, когда выстояли и победили в Великой отечественной войне.

Война потребовала невероятного, нечеловеческого напряжения всех наших сил. Но и при этом нечеловеческом напряжении мы строили. Строили, в частности, Бекабадский металлургический завод, Фархадскую ГЭС. Вот она, легендарная станция. Я пошел к ней ранним пасмурным утром, когда из Ширина на строительную площадку отчаливали один за другим автобусы с рабочими. Автобусы заполнялись быстро, без суеты, и не так плотно, чтобы теснота нервировала. В Ташкенте в это время сесть в автобус было гораздо труднее. Это я отметил так, мимоходом, и мимоходом отметил красоту детского сада, куда матери торопились отвести беспокойных своих чад. И многое из того, к чему мы привыкли в последнее время, я отметил так, мимоходом: столовые и кафе без толчеи у раздаточных, магазины с очень неплохим ассортиментом товаров, школу, окруженную деревьями-однолетками, и длинный ряд стеклянных будок, в которых стригли и брили, что-то шили и что-то чинили. Все здесь было, как везде у нас, что-то, может быть, и похуже, а что-то и получше. Кварталы города с не успевшей поблекнуть штукатуркой венчал лес телевизионных антенн. Да, здесь было, как везде. И осознать это было, в общем-то, приятно, ведь недавно здесь простиралось ровное поле, и ветер гонял по нему желтые, скрутившиеся в шары кусты лебеды. Но одновременно думалось: раз здесь все началось совсем недавно, можно было придать новому городу и чисто свои, неповторимые черты. Изюминки, хорошей архитектурной выдумки пока я не видел. Подумалось: что ж, не станция строится при городе, а город при станции. Да, так оно и было.

Фархадская ГЭС спряталась за могучей лесной полосой. Деревья нехотя расступились, и открылось белое здание, четыре толстых суриковых водовода и козловые краны, манипулировавшие шандорами над бетонной глыбой напорного бассейна. Станция впечатляла и сейчас, через четверть века после пуска, и огромным казался подвиг десятков тысяч людей, сооружавших ее вручную – подвиг народа. Где-то глубоко внизу, в недрах белого здания зеленоватая вода обрушивалась из спиральных камер на рабочие колеса радиально-осевых турбин. Рождалось электричество. А спокойная, умиротворенная сырдарьинская вода величественно текла на просторы Голодной степи. И я подумал, что эта станция – реликвия. Только реликвия из бетона и стали, как Днепрогэс, Магнитка или Турксиб или Большой Ферганский канал.

В машинном зале с пастельно-желтыми стенами две уральские турбины вращались рядом с двумя канадскими. В данном случае сосуществование было очень даже мирным, но прослеживалась тенденция: прославленная фирма «Вестингауз» шаг за шагом сдавала свои позиции отечественным заводам

энергетического машиностроения. Ни к уральским, ни к канадским турбинам претензий у обслуживающего персонала не было. Но на каких-нибудь полпроцента коэффициент полезного действия наших турбин был выше. Эта деталь, безусловно, очень обрадовала бы Игоря Петровича Сутерина.

Теперь надо разыскать ветеранов, строивших эту ГЭС. Мне назвали имя и фамилию: Михаил Иванович Кот. Сажусь в автобус. В салоне отдельной группой держатся женщины, судя по спецовкам, штукатуры и маляры. Одна, должно быть, бригада. Женщины торопятся в Ширин, к неотделанным домам, в которые завтра въедут счастливые люди – сварщики, монтажники, бетонщики. Женщины грустно и хорошо пели о большом доме, «где знакомые окна и где нету моего окна». Потом они вышли все вместе, и в просторном салоне автобуса стало тихо и печально. «Ширин!» - привычно объявил остановку водитель.

Михаил Иванович Кот сидел за письменным столом, и окружали его счетные машинки и недописанные отчеты. Первый квартал удалось закончить хорошо, почти все пункты графика были выполнены, а по тем нескольким пунктам, которые выполнить не удалось, принимались жесткие меры для наверстывания упущенного. И начальник планового отдела привычно превращал пункты графика в беспристрастные цифры отчета. Цифры, считал он, для кого как: для одних сухота, для других песня. Для самого Михаила Ивановича сухие эти цифры в некотором роде были смыслом жизни. Ибо в них была самая точная характеристика коллектива, возводившего одну из самых больших в Союзе тепловых станций.

- Слушаю вас. – Михаил Иванович приветливо поднял чуть выпуклые глаза, в которых еще ничего не было от старческой немощи. А, узнав причину визита, оживился, улыбнулся неофициально и сделал, быть может, непозволительное – отодвинул от себя разграфленную страницу, не до конца заполненную цифрами. – Давно ведь это было, а до сих пор интерес сохраняется, - как бы удивился он. Но видел я: не удивился он, а, скорее, обрадовался. – Позвольте, я уж по порядку. ГЭС поставить здесь еще до войны задумали, изыскания провели и проект составили. Тут война. Но в сорок втором, когда фашистов окружили под Сталинградом и стало видно, что это перелом в войне, ГЭС решили строить. Стройку возглавил Акоп Абрамович Саркисов. Матерый, светлая ему память, строитель. И людей своих любил и понимал, и дело вперед двигал. Настоящая строительная косточка в нем была. Так вот, управление организовали. Много названий оно с тех пор сменило, а суть одна, и традиции тех лет мы сохранили и вглубь развиваем. Главное в этой традиции – назначил срок, так день в день приди к финишу. С готовыми ключами. Я и тогда был по плановой части, с людьми не непосредственно, а через цифры имел дело. Но того, как старались люди, никогда не забуду. Откуда силы только брались! Харч – он военный, нормированный, приварку быть неоткуда. Механизация самая необходимая и только на тех участках, где без нее не пробьешься. Компрессоры да взрывчатка для разрушения скалы. Все остальное делали вручную. В отдельные дни на площадке работало до 180 тысяч человек. Колхозники, трудармейцы – народная стройка. Большинство рабочих женщины. Женщины наши – цены им нет! – вынули и переместили миллионы кубометров грунта. Как встает перед глазами эта, картина нечеловеческих, но вынесенных нами перегрузок. Так и мысль приходит: нельзя такой народ победить. Я, когда в пятьдесят седьмом о первом спутнике сообщили, и потом, когда Юра Гагарин от земли оторвался, на триумфальные сообщения эти Фархадскую ГЭС накладывал. Понимаете, одна это цепочка, одна неразрывная. Банально, конечно, я говорю, ведь все последующее и большее в нашей жизни из предыдущего и меньшего проистекает. Но, уж извините, по-другому не умею. О себе мало кто тогда думал и заботился. Для страны старались, для победы. А когда победа пришла, для того старались, чтобы жить хорошо стало. И, как видите, неплохо старались. Теперь я, с вашего позволения, к сегодняшнему дню обращусь. Двадцать пять мирных лет прошло. Пугали нас, военными базами окружали и помощи лишили – «холодная война». Но что мы сумели за эти годы, я вам на цифрах покажу. 180 тысяч человек Фархадскую ГЭС строило. А сейчас в «Сырдарьягрэсстрое» и субподрядных организациях 2700 человек. 126 тысяч киловатт – и 4400. И марки только отечественных заводов в бесконечном списке поставщиков. Вот какой пройден путь.

Улыбнувшись еще раз, уже назидательно, - знай, мол, наших, есть еще порох в пороховнице! – Михаил Иванович придвинул к себе разграфленный лист бумаги и ввел в арифмометр исходные данные. Первый квартал, как он успел заметить, сложился неплохо, в пику необычным морозам и затяжным снегопадам. Теперь начиналось лето, самое время для разворота работ. Лето отразится и на цифрах – новым опережением графиков. А цифры – лучшая характеристика рабочему коллективу…

Энтузиасты

Низкие тучи принесли дождь. Суглинок достиг консистенции пульпы. Стройка обулась в резиновые сапоги. К сапогам налипало столько, что ноги, казалось, приклеивались к земле. Но кляли не дождь и не грязь непролазную, а ветер. Злой бекабадский ветер, способный остановить не только человека – грузовик. При 18 метрах в секунду замирали огромные башенные краны. Стройка не замирала и при 40 метрах в секунду. Но работы сосредоточивались внутри главного корпуса, под защитой высоченных его стен, и в котлованах инженерных коммуникаций. Ветер играючи носит по стройке какие-то черные куски. Бумага, картон? Нет, поролон, сорванный с гофрированных листов кровельного железа. Здесь применена новая

кровля, и все бы хорошо, да инженеры не учли силу местных ветров. Железо, намертво приваренное к фермам, остается, а утепляющий слой поролона разбросан ветром на километры вокруг. Я поднял один из кусков. Легкий, почти невесомый теплоизоляционный материал. Что ж, в любом деле случаются просчеты. А в большом – тем более.

Главное сегодня пусковой комплекс, первый котел, турбина, генератор и все с ними связанное. А связана с ним не поддающаяся перечислению уйма инженерных систем, автоматики. Но все сложное, оказывается, легко раскладывается на операции простые и понятные. Вот бригада плотников Василия Павлова обшивает опалубочными щитами хитрую паутину арматурных каркасов. Быть здесь фундаменту под еще одну стальную колонну котельного зала. Ну, плотницкое дело известно какое: надо приладить и прочно укрепить стойками и укосинами опалубочный щит, а лес бывает разный, лучше всего сосна, она мягкая, и хуже, если попадается береза. Топор снует в руках бригадира сноровисто и просто, так просто, что хочется, спросив разрешения, размяться самому. А ведь отлично знаешь, что у тебя так просто не получится. «Наша работа, - смущаясь, говорит Павлов, - сейчас не самая почетная, но мы уж по-старому, топором, молотком да ножовочкой. Монтажники – те поболе дела творят». И он взмахнул топором. Белое лезвие бросало вокруг солнечные зайчики. Бригадир торопился. После обеда придут бетонщики, шебутной и веселый народ, и не уложишься к сроку – насмешкой изведут.

Гульнара Махмудова, молодой мастер, прильнула к окуляру нивелира. «Товарищ Павлов, проверим омтетки!» Девушка вчера техникум окончила, начальственные нотки в голосе еще не прорезались. Не командует – просит. Пожалуйста, товарищ Павлов, сделайте одолжение! Рабочие улыбаются, шутят, а Павлов берет рейку и уважительно так обращается к мастеру: «Гульнара Ризаевна, как у нас здесь, все правильно? На шесть сантиметров поднять щиток? Поднял. А теперь как? Аптека?»

- Аптека!

Точно, как в аптеке на весах. Почему бы не помочь симпатичному молодому мастеру, считает Павлов. Твердо на ноги встанет – бригаде лучше. А пока здесь все для Махмудовой впервые. Первые свои колышки – уж она их выверяла! – первые отданные и выполненные команды, первые закрытые наряды. Первая зарплата, и подарок матери и отцу на первые эти деньги. И счастливая усталость, когда набегаешься до звона в ногах, но кончишь все, что наметила на день. И можно собраться на танцы или в кино…

Сорокатонная суриковая колонна, сложная стальная конструкция, вчера еще лежала на земле. Вечером монтажники поставили ее на фундамент. До того, как поднялся ветер. Задержались немного после смены, словно знали про ветер. Собственно, стоит пока половина колонны. Поднять всю 48-метровую махину не под силу и очень большому крану. 48 метров – высота котельного зала. Контуры первого котла уже прорисовываются. Сотни, тысячи трубок – одна к одной. Таганрогский котел тоже махина. 950 тонн пара в час, температура под 600 градусов. И стальное, особой прочности здание. На такой вариант главного корпуса инженеры пошли, как на самый антисейсмический. Даже девятибалльный толчок не вызовет опасных деформаций.

Для разговора садимся в сторонке. Бригадир закуривает, собирается с мыслями. «Как ни долго я здесь работаю, а часто отхожу в сторонку и смотрю на сделанное, - начинает он. – Вблизи все такое большое, железное – не разглядишь. Труба до неба или вот главный корпус, что на километр протянется. Вообще-то, масштабами нас, строителей, не удивишь. Чарвакскую ГЭС строил. А попросил раз «трубачей» поднять меня наверх в лифте – дух захватило. День очень ясный был. Да, такую память о себе оставить – жизни не жалко».

Безотказные ребята в бригаде. Строят в одном месте, потом едут за тридевять земель и снова строят. И обо всем осведомленная статистика сообщает: «В прошлом году в стране появилось пятьдесят новых городов». Лаконично так сообщает, без подробностей. Одна констатация факта. Разговор о работе. Разные это бывают разговоры. Хочешь обстоятельного – получается короткий. Хочешь самое интересное у человека выведать, а он не считает нужным пустить тебя в свой внутренний мир, замкнулся и говорит общие, годные на все случаи жизни слова. Бригадир же с готовностью пошел на разговор откровенный и доверительный.

- Если с близкого расстояния на наше строительное дело смотреть, в сторонку ен отходить и на трубу не забираться, то все в нем понятно и просто, - объяснял он. – А отойдешь, издали взглянешь – все не просто. Меня, к примеру, взять – о себе-то все знаешь. Сколько уже лет строю! Вроде бы, до всего дойти должен, все уразуметь. И ребята на меня только так и смотрят: ты мастер, ты все уметь должен. Ладно, мастер. И бетон укладывал, и плотничал, а о монтаже и говорить нечего – и железобетон, и сталь до ума доводил. А если глубже взять? Не отдельные операции, а объект в целом? Да не маленький, а такой, как этот? Объект в целом – он от сотен людей зависит. От общего старания. Реформу сюда добавьте, она у нас в двери стучится. Для чего она нам? Для ускорения прогресса. Она не только грамотности производственной требует, но и хозяйственности. Инициативы разумной, широкой. Чтобы из пятидесяти человек – столько людей у меня в бригаде – никто не стоял даже минуты. Это посложнее высокого индивидуального мастерства. Каждого, значит, материалами обеспечь, фронтом работ. Если я один за это

болею, один мы имеем результат. А если вся бригада кровно в успехе заинтересована? Я стараюсь, он старается – мы стараемся. Мы! В этом цель реформы – разбудить тех, кто еще общей нашей перспективой не заинтересовался. И подведу теперь итог. Вроде бы, просто строить. Строить – это я так, к себе ближе взял, это любым делом заменить можно. Клади кирпич на кирпич, или, как в нашем случае, стальной каркас собери сначала, а к нему уже все остальное прилаживай да график перед глазами имей, как компас для ориентировки. А чем лучше это дело сделать стараешься, и хочешь, чтобы не у одного тебя, а у всех на твоем объекте лучше получилось, - тем больше думать приходится. И требовать, от себя и от тех, кто рядом. Реформе подавай не только работника умного и хваткого, а в первую очередь такого, который бы за коллектив переживал, любил не только свой, но и общий результат предвидеть. Тут большие серьезности всплывают.

- Какие, бригадир?
- Я пример приведу, для нашей стройки типичный. С жильем у нас сейчас трудно. Мы подтягиваемся, но все равно не наверстываем всего того, что по жилью в предыдущие годы недодали. А сейчас перед пуском напряжение у нас большое, люди отовсюду едут. Специалисты. Кто по котлу знаток, кто по турбине. Без них стройка, как без рук. Ну, и мыкается стройка. Где таких ребят разместить? У меня же в бригаде 50 человек. Много ли это, мало ли? Как раз на объем работ. Но – смекайте – механизированного инструмента у нас нет. Инструмент этот сам по себе не велик, но польза от него большая. Мне бы и тридцати человек хватило, если с таким инструментом работать. Мы давно здесь в просторных квартирах живем, руководство нас уважает. Вот вам двадцать квартир для новеньких. Может быть, с денежной стороны это невыгодно? Механизированный инструмент на бригаду самое большее тридцать тысяч стоит будет. А двадцать квартир? 150 тысяч. Есть резон вооружить нас таким инструментом? Полный. А стопорится дело, и клубок тут сложный, без министерства его не распутаешь. Стройка хочет что-то заказать – или поздно спохватилась, или не по адресу обращается. Да и не дело каждой стройке самой о себе беспокоиться, толкачей везде рассылать. А министерство на что? Это я об одной своей бригаде сказал, о ее кровных нуждах. Здесь у нас размах, десятки бригад. Но у каждой есть свои резервы, они и людям видны, и до руководства доведены. Вот вам простор для творчества, для роста. Рабочий подсказал, инженер обобщил и внедрил. Во!

Сознаюсь, долго я искал этого философа в брезентовой спецовке монтажника. Нашел и обрадовался. Подумал: стройке этой, конечно, будет сопутствовать успех. С такими людьми. С добросовестностью, которая становится чертой характера. С обостренным чувством причастности ко всему, что делается вокруг. Строители съезжаются сюда со всей страны. Едет молодежь – демобилизованные воины и вчерашние школьники, которым стало тесно в уютных городских квартирах и на всем готовом. Но едут и беспокойные ветераны. И на новом месте, где их никто не знает, быстро становятся маленькими центрами притяжения. Потому что многое умеют. Но, главное, потому что любят предвидеть общий, коллективный результат труда.

Один из самых больших энтузиастов стройки ее начальник Семен Семенович Функ. Что ж, возразите вы, он начальник, и по должности за все болеть и переживать должен. Это так, но он еще и от себя добавляет. На объекте знает всех и вся. Можно сказать, первые колышки забивал. Но и тогда, от первых колышков вглубь заглядывая, весь объект готовым видел и его значение для республики представлял очень хорошо. И старался и темпы обеспечить, и для людей удобства создать, чтобы не мыкались, как в послевоенные годы, по хибаркам да вагончикам. Очень хочет растопить не только первый, но и последний котел станции. Кстати, каким он будет, в 800 или 1200 тысяч киловатт?

- О последнем энергоблоке пока молчу, а первый, считайте, уже готов. – В голосе этого подтянутого голубоглазого человека глубокая, я бы сказал, отеческая уверенность в своих людях, которых он знал и любил еще по предыдущим стройкам. – Обещаем и сделаем, и незачем на этом заострять внимание. Сделаем, как бы ни складывались обстоятельства.

Функа отличает горячее желание вникнуть в каждую деталь стройки. Внутренняя собранность и годами воспитанная самодисциплина позволяют выкраивать на это время. Многое из того, за что, казалось бы, полную ответственность должны нести подчиненные, он сознательно перекладывает на свои плечи. И к нему естественно и просто сходятся нити руководства. Кайраккумская ГЭС в Таджикистане, Южный Голодностепский канал – его объекты. И на этих стройках его отличала въедливая, беспокойная забота о людях. И здесь, в новых уже условиях, Функ начинает свой рабочий день с обхода магазинов и столовых. Что на полках, что в котле, что на складах? И начальнику ОРСа приходится краснеть от жестких вопросов:

- Почему не завезены сигареты, сливочное масло?
- Машина уже отправлена, Семен Семенович!
- Почему не отправили ее вчера?

А станция строится, и растет город ее строителей Ширин с очень узкой рабочей специализацией – делать электричество. Фархад и Ширин, легенда и действительность. Традиции, которые мы бережно перенесли в современность. Повторяется, но в иных масштабах, подвиг Фархада. На месте гордого

одиночки – коллектив, народ. И очень недалеко то время, когда энергия Сырдарьинской ГРЭС станет могучим ускорителем промышленного развития Узбекистана и всей Средней Азии.

Молодежный вожак

Город Ширин. Панельные дома, клумбы роз, нежные и недолговечные «анютины глазки». Тонкие прутики деревьев. Все новое, недавнее, только-только начавшее жить.

С секретарем комсомольской организации стройки Бахтияром Махмадияровым смотрю телевизор. В уютной гостиной постлан ковер, а стол сдвинут к стене. Можно сесть на ковер, поджав под себя ноги, или, по европейскому обычаю – за стол. Садимся на ковер, так свободнее. «Пахтакор» принимает свердловскую команду «Уралмашевец». Первые удары по мячу. Мы ждем острого поединка и обсуждаем шансы ташкентской команды вернуться в лигу сильнейших. А пахтакоровцы атакуют напористо и комбинируют как-то свежо, раскованно. «Так ведь одной игрой себя не реабилитируешь, надо всегда играть ровно и мощно», - говорит Бахтияр. И наливает в пиалы на донышко крепчайший чай, мне черный, себе зеленый. Молчим, смотрим игру. И городок замолчал, весь сгрудился у голубых экранов. Ребята из второй смены, наверное, недовольны, ведь каждому хочется посмотреть такой матч.

Потом он рассказывает о матери. Уважительно так рассказывает, чувствуется, что для него мать – важнейший на земле авторитет. Мать у него действительно замечательная – знатный хлопкороб, герой труда. По возрасту она оставила полеводство и сейчас заведует колхозным детским садом. Она и посоветовала сыну заняться общественной работой: «Иди, Бахтияр, раз люди тебе доверяют. Стараться для людей – самое главное в жизни».

- Не педагог у меня мать, - смеется он, - а правильно сказала, от души. И я уже год стараюсь. В Урсатьевском депо, где я начинал после института, все было понятно, известно заранее: производство. Бригада из семи человек. Даю ребятам задание да сам подключаюсь, вот и вся служба. Технология отлажена, вопросов по ходу дела не возникает. Правда, иногда зависть брала к тем ребятам, которые находили свою золотую жилу. Сам я таких не встречал, но в газетах читал про них – и завидовал. В эту работу, как в новую жизнь окунулся. Другой темп, все другое, и впечатление - как будто очень тяжелая ноша на плечах. Даже когда все хорошо и сам спокоен, ношу эту чувствуешь и знаешь, что другому ее нельзя передать, потому что она твоя. Все время приходит мысль, а правильно ли я поступаю? Старшие дают общие советы. А на постоянное курирование у них разве есть время? Нет, конечно. А я чувствую, что меня иногда за руку вести нужно. Когда один на один с ребятами остаешься, когда агитируешь их рейд ли по столовым провести или волейбольную площадку разбить, от одного меня зависит, пойдут ли они за мной, откликнутся ли?

- И как, откликаются?

- Знаете, не всегда. Мне кажется – я за важное, за большое агитирую, а им – что мероприятие стараюсь провести, себя с лучшей стороны показать. Значит, не убедил, сфальшивил в чем-то. А не убедишь в нашем деле – не поведешь за собой, авторитета не завоюешь. И кому, скажите, такой секретарь нужен?

Мне нравилась его запальчивость, желание самому докопаться до главного. Он и за советом обращался лишь в крайнем случае, когда у самого не получалось. Большой, горячий и совсем еще молодой, он только постигал закономерности работы с людьми, и часто ему казалось, что, может быть, их нет, этих закономерностей, и все зависит от вдохновения, удачной импровизации и ораторских способностей. Но иногда, в часы раздумий и самоанализа, он приходил к более правильному выводу – что закономерностей этих слишком много и все их постичь трудно. Значит, не стать ему вожаком молодежи? Мысль эта поднимала в нем глухой протест. Он хотел поднять роль молодежи на стройке, хотел, чтобы слово молодых звучало здесь громко и уверенно и чтобы такими же громкими были их дела.

- На моей стороне масштабы стройки, сама история этого края, - горячился он, объясняя, как он сплачивает ребят. – Наша ГРЭС – сердце огромного рождающегося сейчас народнохозяйственного комплекса. В Бекабаде будут построены цех эмалированной посуда и электросталеплавильный завод. В Обручеве – литейный завод, и очень большой. В Джизаке – машиностроительные заводы. И Бекабад, и Джизак станут городами с населением в двести тысяч человек. Конечно, это дело не одной пятилетки. А орошение Джизакской степи? Воду туда поднимут большие насосы. Наша станция даст сильнейший толчок развитию края. И молодежи, которая ищет свое место в жизни, нравится быть в центре событий. Нравится сознавать, что от нее многое зависит.

Я пытаюсь несколько приземлить его и говорю: «И, в то же время, молодым людям хочется просто жить. Играть в футбол, рыбачить на уединенной сырдарьинской протоке. Ходить в кино – у вас, кстати, и клуба приличного пока нет, - ездить на экскурсии в Самарканд, в Ташкент. И хочется иметь свои семьи, а не жалкую койку в общежитии. И хочется учиться дальше. Так это или не так?»

- Конечно, так! Я и не отделяю первое от второго. Но посмотрели бы вы, как замечательно прошло собрание, на которое мы пригласили Михаила Ивановича Кота! Нам было мало общего рассказа,

хотелось подробностей. Сколько вопросов задали мы ветерану! Вот вы сказали: ребятам хочется просто жить. Согласен. Но разве плохо, когда личные планы вытекают из наших общих задач? Обществу это лишь на руку. Комсомольская работа прекрасно развивает коллективизм, чувство ответственности. Личная жизнь, согласен, у каждого своя, хотя и в личной жизни мало кто обходится без друзей. Но есть еще и общие дела, которые сплачивают. Работа, спорт. У нас больше ста спортсменов, футбольная и волейбольная команды. Правда, пока нет стадиона. Но стадион дело наживное, не первоочередной объект. Построим, когда все другое будет!

В третий раз Махмадияров заваривает чай. Погас телевизор. За горячим этим разговором, помню, мы не обрадовались первой в этом сезоне победе «Пахтакора». Мы обсуждали вещи куда более интересные: воспитание активности, поощрение инициативы. Дорога в будущее, как справедливо считал Бахтияр, пролегала таким образом, что каждый новый шаг по ней одновременно был и шагом в совершенствовании природы человека. Большими успехами он пока не мог похвастаться, но многое уже мог занести в свой актив: удачные рейды по столовым ОРСа, реакция на которые была болезненная, но быстрая, улучшение обслуживания общежитий, веселые вечера отдыха с большими программами художественной самодеятельности. И, главное, организацию комсомольских бригад.

Бригады эти задавали тон в соревновании. Им, однако, не хватало стабильности. Поработав год-другой, ребята уходили служить в армию или поступали в институты. Будь их состав более стабилен, они бы не отдавали первенства бригадам ветеранов. Но и так они были на хорошем счету. Молодым поручали участки трудные и ответственные. Запомнились мне такие слова Бахтияра: «Людей своих я порка недостаточно изучил, это больное мое место. Узнаешь человека – узнаешь, как подойти к нему. Знание – ключ. А люди – это все. Могут на гребень волны поднять, и могут и отвернуться. И расписывайся тогда в полной своей беспомощности!»

Беседа наша продолжалась до глубокой ночи. Не знаю, помогла ли в чем Бахтияру это стихийно возникшая дискуссия, но мне она помогла понять человека. И, прощаясь, я сначала мысленно, а затем и вслух пожелал ему удачи. Город давно спал, а на здании станции работала третья смена, и сполохи сварки, отлично видные за несколько километров, были похожи на далекие зарницы. В это время будущие машинисты котлов и турбин Сырдарьинской ГРЭС несли вахту, трудовую и учебную одновременно, у котлов и турбин Ангренской и Ташкентской электростанций, набираясь опыта. Готовился задел на завтра: в день пуска у первого энергоблока встанет надежная, обученная смена.

Зона влияния

Зоной влияния Сырдарьинской ГРЭС станет вся Средняя Азия. Но особенно большие перемены принесет станция своему соседу Бекабаду. В зеленую дамбу тополей ударяет ветер. Ветер – постоянный житель Бекабада. Относит на запад заводские дымы. К стеклянной призме автовокзала причаливают красные автобусы. Напротив монумент отважным сынам города, которые ушли защищать страну на фронты Великой отечественной и домой не вернулись. Скорбно лицо Матери, преклонившей колени перед Вечным огнем. Архитекторам хорошо удалось передать скорбь и чувство гнева и силу скорбящей женщины. Перед памятником долго стоят в задумчивости и стар, и млад. Сырдарья, или просто Дарья, как принято говорить здесь, делит город ровно пополам. В каждой половине по тридцать тысяч жителей. На мосту нескончаемая вереница людей. Под мостом широкая, мощная река. Идет паводок. А летом Дарью можно перейти пешком и без моста – вся вода разбирается на орошение. У коричневой воды сидят терпеливые рыбаки. Взмахивают бамбуковыми удилищами и потом быстро вращают катушки спиннингов. Пенсионеры. Доносится глухой далекий рокот воды, низвергающийся в прорези Фархадской плотины. Щиты подняты. Плотина и серые скалы затянуты молочной, как туман, водяной пылью.

На городской окраине – цехи металлургического завода. К мартеновским печам ведет аллея передовиков производства. Красивая, торжественная алея, и идти по ней перед началом смены приятно. В ее конце на пьедестале слиток, выплавленный 26 декабря 1967 года. Тогда страна впервые перешагнула рубеж производства ста миллионов тонн стали в год. В этом году мы выплавим 126 миллионов тонн стали. Больше, чем Соединенные Штаты Америки.

Заводу 28 лет. Первую плавку он выдал 5 марта 1944 года, и длилась она 17 часов. Эти мартены, как и Фархадскую ГЭС, строила вся республика, и трудовое напряжение было большое и запомнилось, как подвиг. Сейчас плавка длится шесть часов или меньше, и проектная мощность мартенов превзойдена втрое. Исполнилось мое давнее желание – увидеть, как разливают сталь. В печи гудело оранжевое пламя, и цех дрожал, как дрожит на старте самолет с запущенными двигателями. Смотровые отверстия слепили глаза. Сталевары пользовались синими защитными стеклами, укрепленными на козырьке фуражки. Придвинуть стекло к глазам, и сразу видно, где сталь, где шлак, и правильно ли идет плавка. В мой приход плавку вела смена мастера Сергея Тимонина, участвовавшего в выплавке первой стали 28 лет назад. Крепышом его не назовешь: худощав, и ростом не взял. Но, видно, е одними мускулами силен человек, отдавший столько лет мартенам. Сыновья его тоже при огненном деле, тоже сталь варят. Хорошая наследственность!

Пора. Тимонин кивает первому подручному сталевара Александру Кутину, и тот пробивает летку. Ослепительно-белый металл течет в огромный ковш. Жара, все в искрах, в чаду. Наготове стоят изложницы, в них будут остывать стальные слитки. Поверх стали в ковше плавают темные ноздреватые куски шлака. Сталкиваются друг с другом, ломаются. Сталь, наконец, выпущена, и Кутин закрывает летку. Отойдя к бочонку с водой, снимает толстый войлочный пиджак. Пьет подряд три кружки воды. Обретает дар речи и широко улыбается. Горячий цех, ничего не попишешь. А слитки, полученные в изложницах, затем прокатывают в тонкий лист, в строительную арматуру. И эта продукция – 300 тысяч тонн в год – идет во все среднеазиатские республики и в сопредельные Иран и Афганистан.

- Будем расти, ведь объем производства далеко не покрывает потребностей Узбекистана в металле, - говорит Тимонин. – В Тбилиси и Ташкенте готовится проект коренной реконструкции завода. Вырастем, для начала, вчетверо. Сейчас в нашем регионе ежегодно заготавливается миллион тонн металлолома. Вот его и будем перерабатывать. Мартены получат отставку, их место займут электрические печи. Бекабад станет известным в стране поставщиком высококачественных сталей. После реконструкции мы поднимемся вверх не на одну ступеньку. Одновременно заложим цех эмалированной посуды, на двадцать тысяч тонн в год. Товары для народа! Этот цех пустим раньше остальных.

«Электропечи! – подумал я. – Электрометаллургия. Вот оно, качественно новое применение электроэнергии Сырдарьинской ГРЭС!» И удивила, и обрадовала меня предельно четкая взаимосвязь наших планов. Строилась гигантская фабрика электричества, а вблизи вдали от нее росли предприятия, в которые она вдохнет жизнь. И будет применена новейшая технология, и выгоду этого вскоре мы ощутим все – на своем достатке.

Гудели бекабадские дороги. По черному асфальту шли в Голодную степь изделия местной промышленности – цемент и арматурная сталь, железобетонные лотки и кирпич. Поток этих грузов был нескончаем и убедительно подчеркивал масштабность работ по освоению целины. Бекабад был мощным плацдармом наступления на Голодную степь, и это в большой мере определяло будущее города. Кстати, самое первое предприятие Бекабада – цементный завод – выдало продукцию в 1926 году. Его построили по декрету Ленина об орошении в Голодной степи 500 тысяч десятин земли. А бекабадских водителей знают в любом голодностепском совхозе. И все каналы, орошающие степь, тоже начинаются здесь, у Фархадской плотины.

К 1976 году по жилью будет построен еще один Бекабад, и население его превысит сто тысяч человек. В перспективе же быть Бекабаду городом с двухсоттысячным населением, известным в стране индустриальным центром. Ширин и Бекабад, скорее всего, сольются воедино.

Перед отъездом я поднялся на Фархадские скалы. Они были выше заводских труб, и одну из них венчал телевизионный ретранслятор. За Бекабадом открывалась равнина. Корпус Сырдарьинской ГРЭС и издали был внушительным, как океанский корабль. Было совсем не трудно представить, как перейдут на эту равнину и кальки генерального плана и корпуса заводов, и белокаменные жилые кварталы. Построить здесь предстояло очень много, и стройка только разворачивалась. Но было известно наперед, что здесь будет и как преобразится край. И это рождало уверенность в успехе.

СИЛУЭТЫ ГРЯДУЩИХ ПЛОТИН

Сырдарья была близко, мы в детстве купались в теплых протоках Чирчика, ее правого притока, подбредали майками медлительных пескарей, добирались пригородным поездом до солоноватых, удивительно рыбных озер в Сырдарьинской пойме и считали, что знаем об этой реке все. Амударья же была далеко, и то, что она была далеко, поднимало в ребячьем воображении силу и загадочность великой реки. Амударья была совсем не такая. Она была безбрежна и неласкова и не подчинялась законам, которым подчинялись другие, менее великие реки. Она прорывала дамбы и смывала целые города, и человек был бессилен защититься от ее своенравия. Турткуль, Беруни, Чарджоу возглавляли список пострадавших. Река сама намывала себе берега, сама прокладывала русло, а это было совсем неудобно людям. Ведь люди более всего ценили в природе постоянство.

Повзрослев, я увидел и Амударью. Сначала – из иллюминатора самолета. И с высоты в 6 - 8 тысяч метров река в летнем своем разливе являла внушительное зрелище. Серая широчайшая гладь, камышовые берега, серые барханы пустыни. Потом я стоял на горячем берегу, у самого уреза воды, и это было еще более внушительное зрелище. Тяжелая серая вода медленно текла к морю. Даже не текла, а влачилась, насыщенная наносами, и струи поднимались откуда-то со дна, еще более плотные. Вода казалась вязкой, и не было ей ни конца, ни края. Левый берег, очень далекий, лишь смутно угадывался в дрожащем воздухе. А за спиной моей простиралась Каршинская степь. Подумалось: когда-то человек изумленно взирал на эту большую воду, и в страхе от нее отшатывался, и обожествлял ее. Потом он плавал по ней и поил ее водой свои поля. А сегодня он строит на этой реке. И завтра этой реки, этой безбрежной воды ему будет мало. Мало!

Миниатюра

Ташкентская окраина. В темном каньоне течет канал Бурджар, рядом автостанция «Самарканд». За забором – научно-исследовательский отдел института «Гидропроект». Здесь работает много прекрасных специалистов, и много хитрых и точных приборов, способных в руках инженера ответить на тысячу «почему». Здесь, в гидравлической лаборатории, воспроизвели кусочек Амударьи и Туямуюнский гидроузел. Амударья в Ташкенте? Ну и что! Рядом текут Вахш, Нарын, Чирчик, и люди перешагивают через эти сильные реки, а во время опытов делают с ними, что хотят – работа. Все уникальные гидроузлы проходят кропотливую проверку на моделях. Нурекские туннели, к примеру, исследовались шесть лет, и конечные варианты существенно отличались от первых.

Помню, как долго колебался оператор телевидения, когда его подвели к катастрофическому сбросу Нурекского гидроузла. Ему не внушал доверия сам термин – «катастрофический». Наконец, он, смущаясь, попросил заменить его на какой-нибудь другой. Тогда ему сказали, что катастрофический водосброс строится, собственно, для того, чтобы исключить катастрофические подъемы воды в водохранилище при паводках большой силы, исключить сами катастрофы. И оператор успокоился.

Итак, миниатюрная Амударья. Крошечные волны, водовороты и плесы. Буря в стакане воды. По дну влачатся наносы, рождаются и размываются острова, меняются очертания берегов – река живет извечной своей жизнью, которая пока не во всем ясна человеку. Необычно дно и берега. Они сложены из опилок, вымоченных в известковом растворе. Их удельный вес 1,1, и они в состоянии имитировать мелкий песок, из которого сложено естественное русло. Кстати, это в данных исследованиях самое сложное – подбор материала, имитирующий амударьинский песок. Можно взять натуральный песок и пойти на искажение масштабов модели. А можно найти замену натуральному песку и полностью сохранить подобие. Результаты будут совершенно идентичными.

Деревянная, выкрашенная в голубое модель в водном потоке. Плотина, здание ГЭС, - левый берег, судоходный шлюз – правый. Кропотливо воспроизведены все объекты Туямуюнского гидроузла. Точно такими они будут и на настоящей реке, но в 80 раз длиннее, шире и выше. Непосвященному же кажется, что взрослые играют в игрушки. Да еще умудряются сохранять при этом полнейшую невозмутимость. Да, здесь сразу не настроишься на серьезность. А между тем еще великим Ньютоном были открыты законы подобия гидравлических явлений, благодаря которым сложнейшие, почти не поддающиеся математическим расчетам процессы взаимодействия воды с гидротехническими сооружениями можно изучать с очень высокой степенью точности экспериментальным путем, построив небольшую модель реки с полным комплексом сооружений или их фрагментами. Выводы об их хорошей или плохой работе безошибочны. Лишь получив «добро» экспериментаторов, проекты обретают в натуре свою бетонную и металлическую плоть. А модели – это вот такие ручейки, в точности копирующие далекие настоящие реки со строящимися на них плотинами. Работать здесь интересно. Радость находок вознаграждает за долгие месяцы поисков. Иногда эти находки – открытия. Но и открытия здесь – это, прежде всего, работа.

Идет опыт. В глубоком подземелье гудят насосы, поток устремляется к мерному водосливу. При восьмидесятом масштабе литр на модели – это в натуре 57 кубических метров в секунду. Ответственный исполнитель исследований инженер Игорь Макаров и главный специалист лаборатории Юрий Павлович Бурцев следят за прохождением потока. Оба ветераны лаборатории, у обоих в памяти масса аналогий, относящихся к взаимодействию воды с сооружениями. Макаров смотрит в нивелир и делает очередную запись в толстом журнале.

- Модель готова к пропуску катастрофического паводка!
- Давай, Игорь!

Надо учесть и паводок, который может обрушиться на гидроузел раз в тысячу лет, паводок невероятной силы, который никто не наблюдал в натуре и который предсказали геологи на основе теории вероятностей. Требование: гидроузел должен выстоять. Экспериментаторы невозмутимы. «Прибавляю расход!» - докладывает Макаров. Поток становится мощнее, процессы размыва за рисбермой усиливаются на глазах.

- Фотографа!

Все должно тщательно фиксироваться. Поток беснуется, но в водобойном колодце почти идеальное гашение. Представляю рев этой низвергающейся плотной массы воды. Здесь же тихо и буднично. Еще прибавлен расход. Катастрофический паводок достигает кульминации. И ничего, все остается странно будничным. Две горлинки сели на миниатюрный амударьинский берег, напились из потока и воркуют. Донеслись позывные «Маяка». И не рушатся в воду кишлаки, не спешат на выручку терпящим бедствие армейские вертолеты и амфибии. Идет опыт, обычный опыт из большой серии. Паводок прошел, остались разрушительные следы его работы. Яма размыва за рисбермой достигла внушительной глубины. На крепление русла рваным камнем на практике пришлось бы израсходовать несколько сотен эшелонов взорванной скалы. Все это надо знать заранее, и модель позволяет знать это заранее. Неожиданностей не будет.

Вопросы к экспериментаторам. Насколько пришлось изменить исходный вариант? Тут инженеры проявляют сдержанность: заключение и рекомендации еще не переданы главному инженеру проекта. Но исходный вариант оказался с существенными изъянами: сбойность потока, неудовлетворительное гашение. Пойти на такой вариант было нельзя. Сейчас испытывается предложение лаборатории. Картина совсем другая: и гашение что надо, и сбойности никакой. И, главное, меняются в сторону большой экономии параметры водобойного колодца. Он будет на семь метров мельче, а это уже миллионы. Но инженеры говорят об этом, как художники о своих незаконченных картинах – тихо и уважительно, словно это может сглазить. И я беру на себя ответственность, разглашая доверительный разговор. Но я знаю: эти люди не ошибутся, их добросовестности можно позавидовать. И этот, испытываемый сейчас вариант, не пойдет лишь в том случае, если вместо него они же предложат другой, еще более лучший. Время, однако, не ждет. Туямуюн готовится к большому бетону, и, скорее всего, этот отвечающий всем требованиям вариант и станет окончательным. Бетон в тело плотины пойдет в начале 1973 года. К этому времени Туямуюн для исследователей станет пройденным этапом, и они будут говорить о нем в прошедшем времени, как сейчас говорят о Нуреке. Для них гидроузел уже будет как бы построен. Они, как и изыскатели, идут впереди, но для этого им никуда не нужно выезжать.

Верблюжья шея

Самолет. Пустыня. Потом крутой вираж,крыло словно уперлось в один из амударьинских островов. Оазис на левом берегу. Благодатная земля Хорезма и пески, красные и черные, ее обступившие. Я словно вижу пригнутые к земле ветви яблонь, и тяжелые дыни на бахчах, и виноградные лозы с кистями до земли. Благодатную землю рассекают каналы. Насыщенная наносами вода, кажется, лишена возможности отражать солнце. А для урожая наносы – хорошо. Но в том, что в Хорезме самые высокие в мире уроажаи хлопчатника, заслуга не только амударьинских наносов. Это промелькнуло так, почти интуитивно, и промелькнули очертания Хивы, как что-то сказочное, для чего не всегда остается место в нашем торопящемся мире. Нов спомнился ветеран узбекской гидротехники Иона Тихонович Смольянинов. Умные глаза, весомая рассудочность в каждом слове. Когда-то и он, ветеран, был молод, как я, и был еще моложе. И вот тогда выпало ему промерить и снять Амударью от Тахиаташа до Туямуюна. Это двести километров напрямик, а по реке больше трехсот. Разлив в пиалы красный чай, пенсионер Иона Тихонович вспоминал:

- Экспедицию в низовья Амударьи я возглавил в 1925 году. Тогда изыскания немного отличались от нынешних. Под смету я забирал деньги, техники ехали со мной, рабочих я набирал на месте. Покупал лошадей, лодки, катера. Ну, а работа – всегда работа. Запоминается тем, сколько души и энергии ей отдаешь. Топографические съемки, гидрология. Осенью, когда программа выполнена, закругляюсь, имущество распродаю. Настоящий аукцион. Торгуюсь, как заправский купец. Потом сверяю итоги со сметой. Экономия? Нормально. Так вот, тогда-то мы и подметили значение Туямуюнского сужения – «верблюжьей шеи», как его зовут в народе. Лучшего места для гидроузла не сыскать на всей средней

Амударье. Скальные берега, сравнительно узкий створ. Ставь плотину и эксплуатируй водохранилище! Тогда, конечно, это была фантастическая мечта. Теперь другое дело. 315 миллионов рублей капиталовложений, все-таки. Но это водохранилище, доложу я вам, из самых необходимейших. Настоящее благо для низовий Амударьи.

- Интересные вещи вы рассказываете! – говорит зять Смольянинова, начальник одной из передвижных механизированных колонн «Голодностепстроя» Вячеслав Ковалев. – У меня, например, сейчас нет такой самостоятельности. А нужна она очень для пользы дела.

- Узкая специализация пришла потом, тогда это еще не было необходимостью. Сейчас иное дело, сейчас без нее не ступишь ни шага. Оборотная сторона медали: мы лишаемся инженеров широкого профиля и большого кругозора. А без этого качества нет руководителя инициативного, умеющего грамотно состыковать десятки специализированных организаций.

- Углубившееся разделение труда снизило кругозор инженеров?

- Вот именно. Надо очень любить свое дело, чтобы следить за успехами смежников. Я начинал службу у производителя работ, который имел разрешение на проектирование плотин, дорог, мостов, зданий и даже – не поверите – паровозов. Сейчас это, конечно, абсурд. Но покажите мне молодого инженера из числа тех же проектировщиков, компетентного по всем разделам проекта, скажем, Туямуюнского гидроузла. Такого нет. Вот почему так часто слабы позиции наших главных инженеров проектов, руководителей строек, для которых главное – дирижерские функции. Объект в целом содержит для них массу загадок…

Была земля, бешено мчащаяся навстречу самолету, было разливанное море хлопковых полей, ухоженных с особым тщанием, были поселки, в которых новые добротные дома соседствовали со старыми, тоже добротными. Конец оазиса, его самый юг – это и есть Туямуюн. Здесь кончается земля обетованная, и пески барханятся и барханятся, чистые пески до горизонта и за горизонтом.

Крутые берега сузили, сдавили реку, заставили резко броситься в сторону. А вверх и вниз на сотни километров – равнинная пологость и ни одного удобного створа. Мосты можно ставить, плотины – нет. Туямуюнская плотина, вторая на Амударье, будет намного крупнее и сложнее первой, Тахиаташской. Та лишь подопрет воду максимум на пять-шесть метров для облегчения водозабора, эта же создаст двадцатиметровый подпор. За плотиной скопится семь кубических километров воды, пять из которых будут направлены на хлопковые поля. Это раз и навсегда ликвидирует неудобства бесплотинного водозабора. Да, эта стройка первостепенной важности. Водохранилища обеспечит низовья Амударьи влагой на многие годы вперед, с учетом дальнейшего развития здесь хлопководства, рисоводства, животноводства. Естественно, и темпы работ здесь должны быть высокие.

Поселок гидростроителей. Его контуры только складываются, и здесь еще много временного, нечеткого. Но по соседству с времянками, с их неуютом, в чистом поле поднимается большой поселок со всем тем, что нужно для жизни гидростроителей. На возведение жилья брошены крупные силы – целое строительное управление и студенческий отряд из Ташкента численностью в 200 человек. Выполняется первая заповедь стройки такого масштаба – создание благоустроенного жилья в комплексе с объектами соцкультбыта. Проявляется забота о тех, кому возводить этот уникальный гидроузел, кто уже приехал сюда или приедет завтра. Именно с этого начинается сплачивание коллектива, превращение его в высокоорганизованную силу с большими созидательными возможностями.

Поселок рассчитан на 12 тысяч жителей, и в нем будут и панельные многоэтажные дома, и пятикомнатные коттеджи для больших семей. В будущем, когда строители, сделав свое дело, уйдут, здесь разместится районный центр. И расширит, за счет близлежащих такыров, свои границы Хорезмский оазис. Около ста коттеджей уже сдано, шестьдесят стоит под отделкой. Бригады плотников с завидной легкостью собирают щитовые дома. А легкость – это сноровка плюс энтузиазм. Все это оставляет чувство глубокого удовлетворения. Среди строителей много вчерашних воинов. Служили в строительных батальонах, на Дальнем Востоке строили дороги, мосты. Вернулись домой и продолжают строить. Студентов здесь вначале встретили недоверчиво. Что они умеют? К тому же – будущие медики. Вот если бы будущие гидротехники! Но отнеслись с вниманием, выделили им двухэтажное общежитие. Студенческий отряд за полтора месяца произвел работ на двести тысяч рублей. А в соседнем совхозе бесплатно отремонтировал школу. Уезжали будущие врачи в прекрасном расположении духа. Звучали песни, и многим было грустно уезжать.

Судьба гидроузла решается в котловане. Основные сооружения возводятся на левом берегу. Амударья как текла, так и течет себе, а рядом, в отгороженной перемычками глубокой выемке, будет построена водосливная плотина с водобойным колодцем, здание ГЭС. На правом берегу встанет судоходный шлюз. Когда эти сооружения будут готовы, строители разберут перемычки, Амударью перегородит банкет, а затем естественное русло будет наглухо перекрыто земляной плотиной.

Котлован громаден, но ему еще углубляться. Ведь первые кубометры бетонной службы будут уложены почти на 30 метров ниже уровня воды. Работы ведут взрывники и механизаторы. Станки ударно-

канатного бурения почти бесшумны, привод-то электрический. И экскаваторы, если на них смотреть издали, бесшумны. Поворачивают свои тонкие шеи направо – налево. Ковши, как головы динозавров. Вверх-вниз. А вот большегрузные самосвалы громко урчат, преодолевая подъем. Взрывы гремят раз в сутки, в обеденный перерыв. Котлован пустеет, люди в красных фуражках еще раз проверяют, не остался ли кто в опасной близости к зарядам. Ревет сирена, и гремят взрывы. Отдельные камни – их здесь называют «поросятами» - прочерчивают по небу замысловатые траектории. Пыль медленно рассеивается, и можно черпать ковшами раздробленные известняки.

Чем глубже котлован, тем жестче требования к службе водоотлива. Техника может работать только на сухом грунте. А приток грунтовых вод очень велик. Их надо откачивать. По периметру котлована пробурены десятки скважин водоотлива. Если хотя бы на час замрут насосы, могучая землеройная техника утонет в потоках подземных вод. Бетон пойдет сюда в начале 1973 года. И это будет новый этап в жизни стройки, вступление в пору зрелости. Большого бетона все на стройке ждут с большим нетерпением.

В Туямуюне в разгаре многосложный процесс становления коллектива. Создается атмосфера и личной, и общей ответственности за порученное дело. Самый занятый на строке работник ее начальник Александр Александрович Корниенко. У него лицо человека уставшего, хотя он в том возрасте, который принято называть возрастом творческой зрелости. Усталость эта не физическая, а нервная, и мало хорошо выспаться, чтобы она отпустила. Надо, чтобы каждая стоящая перед стройкой проблема получила свое положительное решение, чтобы ничто не выпадало из жесткого графика работ. Стройке позарез нужны квалифицированные кадры, и Корниенко добивается, чтобы министерство прислало опытных инженеров. Где-то застряли конструкции бетонного завода, и телетайп отбивает срочные телеграммы. Вдруг сократили объем работ взрывники, и начальник изыскивает средства нажать на нерадивого субподрядчика.

Дел неотложных немало, и Корниенко знает, что при его личном участии они решаются быстрее. Но среди десятков неотложных вопросов вырисовывается главный: как добиться синхронности. Добиться хорошей стыковки всех участков и организаций, выполняющих самые разные, но связанные в одну технологическую цепочку, работы. Сегодня дела на стройке лучше, чем вчера, а завтра будут лучше, чем сегодня. Он – начальник и за все в ответе. Прежде он строил каналы. Здесь, в Хорезме. А этот гидроузел не похож на какой-нибудь канал. Грандиозен и непривычен. Как подступиться? Опыта у здешних инженеров маловато. Но подступились. Котлован все глубже, фронт работ все шире. А пойдет большой бетон, и все подтянутся. То, что сейчас еще абстрактно, станет конкретным, близким. Сооружения начнут расти ввысь, это мобилизует.

Звезда Туямуюна уже взошла на нашем небосклоне. И ей сиятль так же ярки, как сегодня сияют звезды Чарвака, Нурека, Токтогула. Сиять она будет и тогда, когда гидростроители уйдут дальше, к следующим своим плотинам.

Буксир «Нвороссийск»

Из Туямуюна ведут в Тахиаташ три дороги, автомобильная, железная и водная. Выбираю реку. Когда еще в нашем сухопутном крае доведется ступить на судно? Пристань Шорлох. Тонкие мачты судов, слепящие надстройки, темные глазницы иллюминаторов. Стрела кранов, приземистые пропыленные склады, штабеля пиленого леса, стального проката. Здесь перевалка грузов на воду. Рекой везти дешевле, а во многие населенные пункты и нет иного пути. Стоят буксиры и баржи. Баржи номерные, несамоходные, с облупленными бортами и гулкими, пока еще пустыми палубами. Прошусь на буксир «Новороссийск». Его капитан Ибрагим Нурматов речник с 46-летним стажем. Двенадцатилетним мальцом нанялся на лямочный каюк. Что это такое? Большая плоскодонная лодка грузоподъемностью до 40 тонн. С мачтой и парусом. Дует ветер – хорошо, нет ветра – впрягайся в лямки и тяни. И пой «Дубинушку». Бурлачил, значит. Каюки не дожили до наших дней, нечего даже в музей поставить. На пароход Ибрагим-ака перешел в 1936 году. С тех пор и капитан. И сколько пацанов, начинавших у него матросами, теперь капитаны!

Нурматов богатырски могуч, крутоплеч, крупноголов. Зорок. Кажется, видит дно сквозь воду, в которой долго и старательно размешивали глину. Усы густые, висячие. «Капитан, обветренный, как скалы». Да, настоящий морской, то есть, извините, речной волк. На Дарье – речной, а на Арале – морской, с улыбкой уточняет он. Смеется. И непонятно, от чего дрожит палуба, от этого ли счастливого здорового смеха или от дизелей, начавших работать в черном чреве буксира.

«Новороссийск» поведет в Муйнак четыре баржи. Капитан проходит в рубку. Ревет сирена. Поднят трап.Знак рулевому, сигнал в машинное отделение. Колеса взбивают пену, берег отдаляется. Команда споро наваливается, где нужно, ловко забрасывает трос, ловко его крепит. С барж опущены в воду тяжелые, до блеска отполированные речным песком железные цепи. Они помогают удерживать баржи в фарватере, не дают им наваливаться на берег при крутых поворотах. Еще сирена – поплыли быстрее.

Плыть интересно. Крутые берега, шлюзы каналов, плоские крыши поселков. Или тугаи, густые, как джунгли. Над тугаями, на столбах, речные знаки. Они показывают, где держаться берега, а где повернуть. Амударьинский фарватер непостоянен и требует особой бдительности. Но капитану здесь просторно, в

дельте будет труднее. Поворот штурвала, и караван барж, извиваясь, как многоножка, послушно следует за буксиром. «Спала вода, - с нотками извинения говорит капитан. – В июле я водил на Муйнак по шесть и по семь барж». Он рассказывает о реке, как о живом человеке. Какой у нее характер весной, летом, осенью – до ледостава. Что такое дейгиш и как формируются острова и перекаты. И как быстро снять с мели баржу, если уж ты умудрился посадить ее на песок. И как плыть ночью, когда луна одевает все в желтую призрачность. Это была целая наука, но, любя свое дело, постичь ее было не трудно. К штурвалу встал молодой матрос. Сходство с капитаном было разительное, но не было только дородности и густых усов.

- Сын, - просто сказал капитан. – Я рад.

Вечер. Встала огромная, как прожектор, луна. Вода сделалась стальной и сонной, не различить, где быстрина, где тиховодь. На каждом речном знаке фотоэлементы зажгли огни, желтые или красные. Но капитан был дружен и с ночной рекой, и не снизил скорости. Капитан был с рекой на «ты», но уважал ее, как уважают человека, которому говорят дружеское «ты». И учился понимать и уважать великую реку сан капитана Мурат. Пока еще достаточно пороха в пороховицах, но передать детям опыт и навыки – тоже его, капитанское дело.

В Ходжейли мы пришли рано утром. Встало солнце, огромное, светившее не только с неба, но и из воды. Моя ладонь утонула в могучей ладони капитана. Я пожелал ему удачи и двухметровой воды под килем. Он кивнул и повел свой караван вниз, а Аралу. В 1917 году на всей Амударье было 9 пароходов и 14 барж. Доставили они 114 тысяч тонн грузов. В этом году один буксир «Новороссийск» перевезет больше.

Тахиаташ

Город этот каракалпакский, молодой. Пейзаж индустриальный. Гудят турбины в стеклянном зале ГРЭС – ей уже десять лет. Великан-элеватор. Его башни вмещают 50 тысяч тонн риса. Еще есть ремонтно-механический завод, полигон сборного железобетона. Приятный рабочий город с хорошим будущим. Но не ГРЭС и не элеватор привлекли к Тахиаташу внимание республики. Здесь поднимается первая на Амударье плотина. Она даст очень многое этому краю. Одних рисовых совхозов намечено разместить в дельте свыше тридцати. Давно ли человек изумленно взирал на великую реку, и боялся ее, и обожествлял, как обожествляют стихию? Теперь он на ней строит. Тахиаташ и Туямуюн на Аму, Нурек и Рогун на Вахше. И дожидаются своей очереди еще более грандиозные проекты. Даштиджумская ГЭС на Пяндже будет под стать Братской. И это в порядке вещей.

Если в Туямуюне плотина только начинается, то в Тахиаташе уже близок победный финиш. Гребенка бычков водосливной плотины достигла проектной высоты, начат монтаж тяжелых сегментных затворов и мостовых блоков (по плотине будет открыто автомобильное и железнодорожное движение). Кстати, затворы досрочно изготовил прославленный ленинградский завод имени Кирова (бывший Путиловский). В нижнем бьефе – толстая плита рисбермы с гасителями оригинальной конструкции, призванными успокоить паводковый, в десять тысяч кубических метров в секунду, поток. Наполовину готов и судоходный шлюз, а каналы к нему уже одеты в бетонную рубашку. Шлюз для капитана Ибрагима Нурметова, подумал я. Один из пролетов плотины шире других. Это, оказывается, рыбовод, и ток воды здесь будет постоянный. Приятная новинка. Рыбу привлечет специальный ультразвуковой сигнал. Плотина ни в коей мере не прервет естественные пути судов и рыбных косяков. Впечатляющая картина!

Через два месяца, а точнее 22 апреля 1973 года перемычки, ограждающие котлован, будут разобраны, Амударью перегородит банкет, и река потечет через щитовые отверстия плотины. Гидроузел вступит в строй. Уже приготовлен красочный фанерный щит, на котором написано: «До перекрытия осталось…» Цифры будут меняться ежедневно. Перекрытие будет легким, Амударью в это время пешком можно перейти. Но перекрытие будет означать и пуск гидроузла, к которому шли долгих семь лет.

Впечатляюща и панорама работ. Никакой замедленности, темп, темп и еще раз темп. Каждый досконально знает свой участок работ, свою задачу. На стройке нет отстающих. Завидная динамика! Это прямое следствие координации, осуществляемой пусковым штабом стройки. И это здесь отмечаешь в первую очередь. Ритм, красивую и, наверное, давшуюся не легко четкость в организации труда. Теперь и здесь, в некогда отсталой Каракалпакии, которая и стройками своими не славилась никогда, сегодня можно, оказывается, пройти неплохую строительную школу. Здесь есть на сто посмотреть и чему поучиться. Между тем, путь к нынешним высотам не был прямым и легким. Когда котлован заливала вода и большой бетон был далекой перспективой, а это сегодняшний день Туямуюна, были разнобой и неразбериха, и трудовая дисциплина оставляла желать лучшего. Администрация целеустремленно выправляла положение, внедряла персональную ответственность, наводила порядок. Здесь знали, как прийти к успеху – и пришли, проявив недюжинную волю и выдержку.

Здесь настоящим бедствием было отсутствие опытных инженерных кадров. А выпускники вузов? Спорили, можно ли доверять молодым. Доверили – и не ошиблись. Кстати, первое знакомство будущих инженеров с тахиаташской плотиной состоялось в студенческих строительных отрядах. И сейчас на лето

сюда приглашают студентов-гидротехников. С дальним прицелом. Второй брешью была низкая квалификация рабочих. Вчерашние хлопкоробы и чабаны только постигали азы строительного дела. Наладили производственную учебу, к бракоделам применили строгости. Помогло! Таким же образом и дисциплину подняли. Ввели за норму: приказ начальника – закон для подчиненного. Выполни приказ, потом обсуждай его, сколько душе угодно. И подтянулись люди, поняли необходимость требовательности строгой, но справедливой. Выросли заработки, это тоже агитировало за дисциплину. Дальше – больше. Расширили права диспетчеров, вменили им в обязанность свободное маневрирование техникой. Прежде не хватало экскаваторов, самосвалов, а тут вдруг стало хватать. А когда люди почувствовали себя хозяевами строительной площадки, когда им стал интересен конечный результат, легко было развернуть соревнование. Ибо семена падали на подготовленную почву. Бригады принимали обязательства одно весомее другого. Инициатива масс!

Инициатива масс… Бригада Абдукадыра Байклышева бетонирует бычки щитовой плотины. Три смены, три звена. Бетонная смесь поступает непрерывно, и днем, и ночью, в сполохах электросварки и пронзительном свете прожекторов гудят вибраторы. И бригада показывает выработку, удивляющую специалистов. А сам Байклышев, сын колхозника, вчерашний воин, как-то по-молодому радуется прорезавшейся в нем строительной жилке. При нем Тахиаташ городом стал. Точнее, при его энергичном участии. Теперь – плотина. Он уже видел в воображении, как разбиваются о бычки мутные волны, как в пролетах с поднятыми затворами рождается веселая радуга. И видел, как вода эта по каналам устремляется на просторы целины, и видел, чем эта вода становится золотой осенью.

Бригада Байклышева соревнуется с бригадой Иркина Саидалиева. Сравнимость результатов – пожалуйста! Бригады бетонируют одни и те же бычки, и если за месяц Байклышев сделал на один бычок больше, за ним и первенство. Результаты эти тотчас попадают на доску показателей – вот вам гласность. Взаимопомощь: Байклышев не держит в секрете свои приемы труда, Саидалиев – свои. То хорошее, что появляется утром в одной бригаде, вечером становится достоянием другой. Соревнование!

Стройка вступила в предпусковую стадию. Финиш близок, гидростроители движутся к нему с хорошим ускорением, радуя зрелостью и энтузиазмом.

Большая вода из Сибири

Толчея в Нукусском аэропорту. Чей-то оклик. Оглядываюсь. Широкая улыбка. Гидрогеолог Владимир Ковалев. Форма одежды полевая, настроение бодрое.

- Ты как здесь оказался?
- Командировка. Жду самолета.
- Мне легче, у нас свой самолет. Он нас ждет. Тысяч десять уже налетали, и все низом. В глазах рябит от близкой земли.

Подходим к видавшему виды биплану «АН-2». Экипаж и экспедиция института «Средазгипроводхлопок» отдыхали. Владимир Сергеевич никак не мог размять затекшие ноги. Легкий самолет у края большого взлетного поля выглядел сиротливо, но потрудился на славу. Я знал, над чем работает Ковалев, над чем работает Азарий Кузьмич Кияткин – главный инженер схемы комплексного использования водных ресурсов бассейна Аральского моря, предусматривающей направить в Среднюю Азию часть стока Оби и Енисея. Присутствие экспедиции здесь, в Нукусе, говорило о том, что кабинетные проработки были уже позади и начинались изыскания, сначала рекогносцировочные, а потом и более детальные. Полетали очень даже прилично: Ташкент – Арысь – Джезказган – Амангельды – сосновый бор Наурзумкарагай (высшая точка Тургайского водораздела, естественных ворот, через которые сибирские реки придут в Приаралье) – Тургай – Аральск – дельта Сырдарьи – дельта Амударьи – плато Устюрт – озеро Сарыкамыш – Нукус. Впереди Арнасайское понижение и возвращение в Ташкент. Легкий самолет летел над пустынями, над землями древнего орошения в Приаралье, облик которых скоро неузнаваемо изменит большая сибирская вода. Готовился проект гигантской водной трассы Сибирь – Средняя Азия, и эти десять тысяч километров были лишь незначительной частью огромной работы проектировщиков и изыскателей в поиске оптимальных решений.

Ковалев достает из планшета карту. Указательный палец упирается в место впадения Ангары в Енисей. Здесь – первый барраж (плотина). Барражи на Оби, Иртыше, Ишиме, Тоболе. Каналы между ними, ориентированные строго на запад. Затем резкий поворот на юг и выход через Тургайские ворота на равнины Приаралья. Правда, Тургайские ворота придется существенно расширить, то есть углубить. На целых пятьдесят метров. Иначе в Западной Сибири будут затоплены большие земельные массивы. У восточного берега Арала мощный канал ветвится, и два его отвода достигают Каспия: у Мангышлака, обходя Арал с севера, и у Красноводска, обходя Арал с юга. Отдельная ветвь пройдет на юг параллельно Сырдарье и у Чардары повернет к Бухаре. И две небольшие ветви пойдут по высохшим руслам Таласа и Чу. Конечно, предусмотрено создание емких водохранилищ, чтобы поступление воды по основной магистрали

было непрерывным и зимой, и летом. Водохранилища аккумулируют зимний сток и поделятся им в вегетацию.

С точки зрения человека, природа сильно ошиблась, обделив Среднюю Азию водой. В бассейне Аральского моря 35 миллионов плодородных гектаров. А своей воды только на десять миллионов гектаров. Что же, остальной земле быть вечной пустыней? Нет. Но откуда тогда взять воду? Ближе всего Урал, Волга. Урал маловоден. Волга, конечно, сильна, но нельзя обделять Каспий, его уровень только-только начал стабилизироваться после наполнения больших волжских водохранилищ. Кроме того, прикаспийские степи сами нуждаются в орошении. А великие реки Сибири? Они бесцельно несут в Северный Ледовитый океан огромные массы воды. Оби, например, даже полезно отдать часть своей воды: улучшится отток из заболоченных низовий.

Идея эта не нова, и первым ее высказал еще в прошлом веке инженер Яков Демченко в книге «О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилегающих стран». Инженеры вновь и вновь возвращались к этой проблеме, детализируя и углубляя разработки. Эти проблемы, однако, воспринимались как хорошая научная фантастика. Но у нашего времени есть замечательное свойство – переводить в мир реального то, что еще вчера казалось утопией. Уже было решение правительства о начале проектно-изыскательских работ по повороту части стока Оби и Енисея в Среднюю Азию. Этот проект, как машина времени, говорит Ковалев. На нем, как на машине времени, въезжаешь в будущее. Нужно четко представить все перемены, которые принесет в Среднюю Азию большая вода из Сибири. Экономический, социальный аспекты. Работа над проектом требует всех сил и массы знаний. Но она, как всякое сбывшееся желание, несет и большую радость. Пока над проектом работают десятки людей. Но завтра их будут сотни, послезавтра – тысячи. Армия же строителей будет огромной.

«Машина времени», - подумал я. И подумал о реальных деньгах, необходимых для осуществления проекта. И подумал о военных, которые очень сильно тянут одеяло на себя – захотят ли они поделиться реальными деньгами?

…Самолет, взлетев, развернулся над Амударьей. Этой большой воды, которая пока еще текла к своему морю, нам уже было мало. Амударье и другим нашим рекам, голубому Аралу и седому Каспию должны помочь великие реки Сибири – неисчерпаемый источник пресной воды. Мысль эта все более преломлялась в плоскость практической работы, теряя фантастическую окраску. И это уже, оказывается, нам по силам.

ТРАКТОР ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Этот заполненный тракторами асфальтированный четырехугольник чем-то напоминает уголок «Универсама». Зеленые тракторы стоят впритык. И кажется, что этим сильным машинам присуще чувство собственного достоинства. Покупайте, колхозы. Покупайте, совхозы. Вот они, стальные кони, основа сельской энергетики, основа интенсификации земледелия, основа его комплексной механизации. Город – селу, рабочий – крестьянину. Покупайте, заморские страны. Советские тракторы надежны, экономичны, дешевы – чем не прекрасная репутация?

И покупают. Гудит тепловоз, подталкивает платформы. И едут сильные машины навстречу своей судьбе, и с ними связаны надежды и планы десятков тысяч людей, не только трактористов. А за оградой цветущее хлопковое море, зеленый прибой ударяется в бетонные заводские корпуса. Символическое соседство. Впрочем, на месте цехов вчера тоже были поля. Ташкентскому тракторному не так уж много лет, и славой, масштабами производства ему не тягаться с волгоградским, харьковским, минским старшими собратьями. Да и в Ташкенте этот большой завод не в числе крупнейших. Гордясь своей продукцией, машиностроители Ташкента непременно на первое место поставят «Антей» («Антей» - величина и в Союзе, и в мире), на второе – хлопкоуборочную машину (второго завода такой мощности по выпуску хлопкоуборочных машин в мире нет), а на третье – трактор. Но если учесть, что с пуском тракторного завода Узбекистан начал производить все без исключения машины для хлопководства и что, следовательно, круг замкнулся, отрасль обрела комплексность, трактор можно будет поставить вслед за «Антеем». Отобрать первенство у воздушного геркулеса трактору, согласитесь, не под силу.

И еще я бы отметил такую деталь. К своему трактору ташкентцы относятся очень деловито, без излишних эмоций. Да, нужная, важная машина. Да, на уровне мировых образцов. Да, достижение. Но чего вы хотите? Ташкент давно уже стал крупным индустриальным центром.

«Расул», «Мансур», «Шараф»

Перед заводоуправлением тоже асфальтированный четырехугольник. На нем тоже стоят тракторы. Но другие, не с площадки готовой продукции. Тракторы стоят вместе, как принято говорить, на линейке готовности (хоть сейчас запускай двигатель – и в поле), очень похожие и чуть-чуть разные. Их красные двигатели говорят о силе, а белые просторные кабины с нависающими козырьками – об устойчивости и комфорте. На капотах оттиснуты символические названия экспериментальных машин – «Расул», «Мансур», «Шараф». Это мужские узбекские имена, из самых распространенных. Две первые машины обладают мощностью 60 лошадиных сил, но одна – трех-, а вторая – четырехколесная, а третья, девяностосильная, должна стать базой для шести- и восьмирядных хлопкоуборочных машин, производство которых планируется вскоре освоить.

Собственно, эти элегантные, сработанные по законам красоты тракторы тоже из завтрашнего дня, из завтрашних многотысячных серий, которые поднимут на новую высоту престиж ташкентских тракторостроителей. Это первые экземпляры тракторов восьмидесятых годов. Не будем этому удивляться, вспомним только, что будущее начинается сегодня, что чертеж становится трактором за пять, а то и за десять лет. Об их родстве с техникой завтрашнего дня говорили, однако, не размеры и не выросшая мощность двигателей, что важно само по себе, и даже не совершенные пропорции, а необычные надстройки-козырьки над белыми, герметично запирающимися кабинами. Слой теплоизоляции поверх металла? Нет, кондиционеры.

В таких кабинах будет устойчивый микроклимат, постоянная влажность воздуха и постоянная, не выше 25 градусов, температура. Что жара, что полуденное солнце против кондиционера? Что пыль против герметично запирающейся кабины? Добавим сюда глушитель (не ахти какая, но для тракторного двигателя новинка), удобное подрессоренное сидение. Тракторист – а сегодня им часто становится и женщина, защищенный от перегрева и пыли, от вибрации, тракторист, посаженный в тепличные условия (побольше бы нам такой тепличности на рабочих местах!), сможет гораздо полнее использовать все то, что инженеры заложили в новые машины. Сможет добиться, не перенапрягаясь физически, полного совпадения паспортных характеристик новых тракторов с их фактической производительностью.

Для справки: тракторист за рабочий день тратит примерно столько же энергии, сколько и молотобоец. Вот почему мы почти не встретим в хозяйствах трактористов старше 45 лет (а водителей в шестьдесят – сколько угодно). Попробуйте усидеть на жестком сиденье трактора, когда механизатор, разворачивая машину, ведет ее поперек борозд. Не усидите. Потому что кабина в это время мало чем отличается от вибрационного стола. А сиденье даже не подрессорено. Один из конструкторов по этому поводу резонно заметил: «Если машина может, а человек – нет, кому это надо?»Вот почему на вопрос, а нужен ли трактористу кондиционер, не может быть двух ответов. Конечно! И чем скорее, тем лучше.

Еще вчера, однако, мы не могли мечтать об этом. Сегодня, когда мы стали богаче, лучше считаем и лучше планируем, мы уверенно закладываем в проект трактора восьмидесятых годов кондиционер как необходимый элемент техники завтрашнего дня. Причем, мы закладываем его в проект не по-маниловски, не в виде благого пожелания, которое потом возьмут и опустят в утверждающих инстанциях, а заранее получив «добро» всех вышестоящих инстанций. Замысел конструкторов опирается на реальные заводы-изготовители, кондиционеры станут поступать на сборочный конвейер вместе с другими комплектующими изделиями. Себестоимость трактора возрастет процентов на двадцать. Зато себестоимость тракторных работ, как уже подсчитали экономисты, несколько снизится против сегодняшней – за счет резкого повышения производительности труда. Но даже если бы нам не удалось повысить производительности, вернее, если бы мы повысили ее только за счет наращивания мощности двигателя, что тогда? Кондиционер побоку? Нет, мы слишком много потеряем, экономя на элементарных удобствах. Простое улучшение условий труда выигрыш, согласитесь огромный. Вспомним, что подготовка механизатора обходится государству в 2000 тысячи рублей. И если тракторист не уйдет с трактора в сорок, когда его опыт и мастерство на вес золота, это уже не мало. Одно это, в масштабах среднеазиатского региона, окупит кондиционер, поставленный на тракторе хлопковой модификации.

Унификация

Конструкторское бюро. Чертежные доски скрывают людей. Атмосфера непринужденная. Шелест справочников, стрекот арифмометров. Обрывки разговоров – доводы за, доводы против. И дело движется вперед, и трактор, еще не родившись, становится проще, удобнее в изготовлении – технологичнее. Народ в бюро в основном молодой, необстрелянный, но дерзкий, умеющий замахиваться на большое. Стенд с фотографиями лучших работников бюро венчает призыв: «Будьте страстны в вашей работе и ваших исканиях». Действительно, человеку бесстрастному в стенах этого зала делать нечего. Я ловлю себя на мысли, что среди молодых, безусых инженеров многие имеют по три, по пять авторских свидетельств на изобретения, а среди не совсем безусых – и по десять, что многие рационализаторские предложения конструкторов позволяют заводу ежегодно экономить по 10, а то и по 50 тысяч рублей.

Но главный конструктор завода Юрий Гроховский считает, что это лишь начало, становление, так сказать, конструкторского коллектива, первая проба сил на большой проблеме. Дела же завтрашние принесут неизмеримо больше, потому что вчера и сегодня к ним готовились с чувством высокой ответственности. Сам главный конструктор в расцвете сил и обстрелян давно (эта должность не для необстрелянных). Умеет, определив русло поиска, сосредоточить силы на главном. Растечься мыслью по древу, считает он, полезно лишь в самом начале, когда только прорисовываются общие контуры. Лет восемь назад я встречался ним в конструкторском бюро по хлопководству, где он руководил отделом общей компоновки. Тогда как раз рождалась четырехрядная хлопкоуборочная машина, опытные экземпляры зарекомендовали себя отлично, и вскоре должен был начаться серийный выпуск. У меня в блокноте осталась запись его оценки новой машины. Это была высокая, но трезвая оценка инженера.

Да, он был доволен и знал, какое это достижение. Но знал он и то, что жизнь требует большего. Жизнь требует, чтобы к коробочке хлопка вообще не прикасалась рука человека. А такой гарантии новая четырехрядка не давала. Он сказал тогда, что кроме нас и американцев другие страны хлопкоуборочных машин не выпускают, что наши машины много дешевле, а в работе и обслуживании более просты. Достал из папки письмо, полученное от нашего представителя в одной из арабских стран. Этой стране мы продали 30 хлопкоуборочных машин. Я перенес в блокнот все интересное из этого письма. «Все поставленные машины в порядке. Рекорд – 120 тонн на машину за сезон. Был проведен такой эксперимент. Рядом поставили три американских машины-однорядки и одну нашу, двухрядную. Пустили, включили хронометры. Американские машины надо было все время регулировать, нашу – нет. Вечером подвели итоги. Три американских агрегата вместе собрали семь тонн, наш один тоже собрал семь тонн».

Только в одном американские хлопкоуборочные машины превосходили наши – во внешнем виде. Проблем Гроховский назвал тогда много. Одна из них: для четырехрядной машины нужен был пятидесятисильный трактор, а такого колесного трактора наши заводы серийно не выпускали. Сегодня этот трактор сходит с конвейера в Ташкента. Сегодня и четырехрядная хлопкоуборочная машина давно не новинка (кстати, ей принадлежит мировой рекорд производительности – 1200 тонн за сезон). А новинка – тракторы с кондиционером. И новинка шестирядная хлопкоуборочная машина. Для нее и предназначен девяностосильный трактор.

Но не будем отвлекаться. Сейчас завод готовится к выпуску шестидесятисильного трактора хлопковой модификации. Эта очень нужная машина сначала пойдет в серию без цельнометаллической кабины, на ней будет установлен обтянутый брезентовым тентом каркас безопасности. Но в 1976 году появится и цельнометаллическая кабина, и кондиционер – все то, что конструкторы и дизайнеры предусмотрели для ташкентского трактора. Дизайнер – это инженер и художник в одном лице. Эстет от техники и техник от эстетики. Его задача – придание технике эстетического вида, соединение мощности и

комфорта с броскими, современными формами. В бюро группу дизайнеров возглавляет опытный инженер Анатолий Фролов. Работа дизайнеров над трактором восьмидесятых годов видна сразу. Достигнута счастливая гармония формы и содержания.

Представление о новом тракторе только как о машине более сильной и с кондиционером в кабине, конечно, весьма примитивно. Гроховский напоминает, что будет усовершенствован целый ряд узлов. В связи с этим специальные заказы бюро на сложнейшие динамические расчеты и модельные испытания деталей и агрегатов выполнят многие научно-исследовательские институты. Весьма перспективную конструкцию фреонового кондиционера предложил ташкентский политехнический институт. Мне понравилось, что к работе над новым трактором привлечены такие серьезные силы. Гроховский объяснил это так: «Машина должна быть совершенной, мы обязаны черпать лучшее везде». В его словах не было местного патриотизма, но была ответственность за судьбу порученного дела.

Все семейство хлопководческих тракторов будет унифицировано. Унификация, и как можно более широкая – это первое, что завод ждет от своего конструкторского бюро. Уже сегодня видно, что тракторы мощностью 60 и 90 лошадиных сил почти на 90 % будут состоять из одних и тех же деталей и узлов. Причем, стандартные кабины с кондиционерами можно будет ставить и на хлопкоуборочные машины. Борьба идет за каждый процент общих деталей. А потом, когда процента уже не выиграть, борьба еще более напряженная будет вестись за каждую десятую его долю. Унификация – веление времени, она сулит огромную выгоду. Детали идут крупными сериями – следовательно, дешевле. И запасные части одни и те же. Значит, хозяйствам будет легко эксплуатировать новый тракторный парк. Я вспомнил, что к такой же всеобъемлющей унификации давно и настойчиво стремятся создатели хлопкоуборочных машин. Несколько лет назад, когда с конвейера «Ташсельмаша» сошла первая двухрядная хлопкоуборочная машина с шириной междурядий 90 сантиметров, когда ее провожали словами: «Пошла, родная!», главный конструктор завода Александр Муравьев счастливо говорил: «У новой машины и у четырехрядного «Узбкистана» 1335 общих деталей из 1400. Такая унификация выгодна чрезвычайно. Мы никогда так легко не переходили на выпуск машины другой марки. Скажу откровенно – соседние машиностроительные заводы прямо сгорают от зависти. Но это не главное. Главную выгоду получат эксплуатационники. Унифицированный ряд машин обслуживать гораздо легче – понимаете?»

Итак, унификация максимальная. Что ж, задача это большая. Но она в русле технического прогресса. Сейчас унифицируют все, что можно. Весь мир унифицирует. Но, как всегда, между замыслом и воплощением дистанция большого размера. Недаром среди инженеров в ходу поговорка: «Самый блестящий замысел можно убить плохим исполнением». На заводе хотят и стараются, чтобы исполнение не подрезало крылья замыслу. Есть энтузиазм, накоплен опыт, создана материальная база. Конечно, успех складывается и из других факторов, но без этих он просто невозможен.

Стотысячный

Интересен ли пройденный путь? Да, очень. Ведь чаще всего пройденный путь – это восхождение. А восхождение приносит человеку, помимо новых знаний, и радость исполнившихся желаний. В данном случае я ставлю целью проследить путь многотысячного коллектива тракторостроителей к совершенной машине восьмидесятых годов. Машины этой, если иметь в виду то, что сходит с конвейера сегодня, пока нет, хотя многие параметры сегодняшнего трактора очень хороши. То есть на прогресс в хлопководстве она пока никакого влияния не оказывает. Но она уже есть в чертежах и металле, и машиноиспытательные станции начали проверять ее в деле. Это один из этапов пути в серию. Отсчитывая годы назад, мы увидим, что ташкентский тракторостроительный завод стал тракторостроительным недавно, а до этого его собирались специализировать на сборке автомобилей. Да и выпускаемая им продукция была все же ближе к автомобилю, чем к трактору – тележки для бестарной перевозки хлопка. Но тракторы в Ташкенте собирают с 1960 года. Занимался сборкой совсем другой завод, на западной окраине города. Именно на его конвейере был собран стотысячный трактор хлопковой модификации. Веха? И знаменательная. Это событие достойно того, чтобы его вспомнить. А завод, собиравший тракторы, теперь называется агрегатный. Он остался важнейшим поставщиком узлов и деталей для ташкентского трактора.

Итак, стотысячный железный конь сошел с конвейера 25 января 1967 года. В 23 часа. Под ликующие возгласы машиностроителей. Летели вверх шапки, стрекотали кинокамеры, и было как-то очень торжественно, но торжественно по-домашнему, просто уютно и тепло, как бывает на хороших семейных праздниках. Кабина юбиляра была украшена флагом и лозунгами. Примерно три четверти этого трактора было сделано во Владимире, а здесь его собрали и придали ему хлопковую модификацию.

Рождения юбиляра ждали. К нему готовились. Размеренно двигался конвейер. Каждые двадцать минут один из слесарей поднимался в кабину, запускал двигатель, и трактор своим ходом выезжал из цеха. Очередь юбиляра приближалась. Его собирали восемь ветеранов, лучшие люди завода. Ветераны волновались. Возбужденные улыбки, резкие движения, и все делается бегом – такая сегодня смена. Вот юбиляра обувают – прикручивают колесе пневмогайковертами. В бак заливают солярку. Становится

людно. Съезжает трактор с заводским номером 99999. Теперь очередь юбиляра, теперь он на конвейере первый. Минута сосредоточенного молчания. К кабине крепят алое знамя. И вдруг за моей спиной звонкий голос: «Он еще вчера был готов!»

Оборачиваюсь – пареньку не больше шестнадцати. Бледное лицо, белесый чуб. Голубые восторженные глаза. Проговорился! Что ж, трактор мог быть готов и вчера, но сойти с конвейера должен именно сейчас. Громкий выхлоп. И стотысячный величественно сходит с конвейера. Его оставили на заводе. Передали музею трудовой славы предприятия. Возвели для него пьедестал. И каждый из 2500 рабочих, проходя мимо, мог сказать: «Мое детище!» И было как-то по-человечески хорошо, что в Ташкенте собран стотысячный трактор. Уже стотысячный.

С тех пор утекло немало воды, тракторосборочный изменил свой профиль, выпускает задние мосты и редукторы. Но суть не в этом. Суть в том, что это предприятие – одно из лучших в городе. Можно, конечно, сказать: «Одно из лучших – значит, не лучшее, не первое». Но ведь работа не стометровка, секундами, метрами, килограммами ее не измеришь. И быть в числе первых достижение. А стал завод одним из лучших благодаря настойчивому внедрению новой технологии. Уже заказаны станки с программным управлением; показатель охвата механизированным трудом – 80 % (в среднем по отрасли – 60%). Идти дорогой прогресса стараются все, но для многих руководителей это лишь дань времени. Всегда есть разница между «казаться» и «быть», но ведь ее надо увидеть. Плыть по течению – на это не требуется особых усилий. А еще есть энтузиасты. И таких особенно много на агрегатном заводе. За 13 лет объем производства здесь увеличился втрое, а численность рабочих уменьшилась. Достижение ли это? Смотрите сами: в среднем по отрасли производительность труда за это время выросла в два раза.

«Ташавтомаш» меняет профиль

Так уж случилось, что траскторосборочный завод не мог стать и тракторостроительным. На это были свои причины. Первая среди них – отсутствие свободных территорий. Стиснутый городскими улицами и соседними предприятиями, тракторосборочный мог развивать производство только на существующих площадях. А для того, чтобы строить трактор в Ташкенте, были нужны, в дополнение к сборочному конвейеру, цехи кузнечно-прессовый, механический, коробки передач. Каждый из этих цехов был задуман с учетом требований завтрашнего дня, все вместе они должны были занять площадь 120 тысяч квадратных метров. Как быть? Вариантов рассмотрели немало. Лучшие технико-экономические показатели давала реконструкция «Ташавтомаша». Окраина, за забором хлопковые поля, перспективы роста неограниченные, железная дорога и автострада рядышком. Радом с заводом можно возвести жилой городок и на десять, и на пятьдесят тысяч жителей. Почти идеальные условия. Было принято решение, и эстафету приняли строители. «Ташавтомаш» выпускал тогда только прицепы. Эту продукцию за ним оставили, а тракторное производство планировалось разместить в новых цехах. Планировалось смонтировать совершенные поточные и конвейерные линии. Этот размах радовал, но не казался чем-то из ряда вон выходящим. Для республики это была все-таки рядовая стройка. Можно было, не напрягая памяти, назвать с десяток строек более внушительных.

В те годы (1969 – 1970) я был частым гостем этой строительной площадки. Рабочие старались, это бросалось в глаза. Но снабжение материалами было не на высоте, и возникали неувязки, разрушавшие привычный рабочий ритм. Хорошо, однако, было то, что реконструкция включала в себя решение всего комплекса вопросов, относящихся к ташкентскому трактору. Мало было пустить конвейер. Программа 1971 года предусматривала выпуск 20 тысяч тракторов. Следующие программы были еще более напряженными. И поскольку задание было известно на много лет вперед, комплекс проблем предстояло решить до выполнения первого из них. Иными словами, предстояло создать надежный тыл. Азбучной истиной было то, что ни сами цехи-гиганты, ни установленное в них совершенное оборудование не дадут нам трактора. В цехи войдет хозяин производства – рабочий, мастер, инженер. В цехи войдет человек. И от того, в какой он будет жить квартире, в какой столовой будет питаться, в какую школу пойдут его дети, какие удастся создать условия для его творческого роста – от всего этого успех завода зависел ничуть не меньше, чем от самой организации производства. К сожалению, еще не разработана методика, которая позволила бы положить на стол готовые цифры: из-за нехватки стольких-то квадратных метров жилья, стольких-то мест в детских учреждениях завод недодаст стране стольких-то тракторов. Но это уже не мешает вести конкретный разговор, требовать от строителей сосредоточения усилий не только на производственных объектах, но и на всем том, что входит в понятие тыла. Важно отметить: на этом – на объектах тыла настояли, не перевели их во вторую очередь. Комплекс не распался, замысел претворили в жизнь в полном объеме, и городку тракторостроителей сейчас завидуют руководители многих крупных предприятий Ташкента. Примета времени? Назовем это так, но дело опять не в названии, а в том, что, учась хозяйствовать рачительно, мы все более убеждаемся, что без четкого осязания перспективы гораздо труднее решать и более скромные задачи ближнего прицела.

Навещая стройку, я обязательно находил бригаду бетонщиков Шарахима Шамахмудова. Он строил в кузнечно-прессовом. От разрытой земли веяло прохладой, и когда ее заливали бетонной смесью, появлялось ощущение солидности, прочности сделанного. Шарахим нравился мне добросовестностью, которая была у него чертой характера. В тот раз бригада бетонировала фундамент под воронежский пресс усилием 4500 тонн, и фундамент семиметровой глубины должен был упереться в пласт гравия. Фундаменты под колонны были помельче. Усилия пресса, таким образом, будут гаситься гравийным пластом, и это убережет здание от опасных сотрясений. Шарахим, сделав знак крановщику, дотянулся рукой до задвижки бадьи, и густая бетонная смесь пролилась в проем между опалубочными щитами. Затем бригадир включил вибратор. Дрожь вибратора делала бетонную смесь пластичной, и она послушно потекла, заполняя все промежутки между прутьями арматуры. Шарахим провибрировал сначала те участки у опалубки, где легче всего образуются раковины, если недоглядеть, затем перешел к середине блока. Он не перемещал вибратор на новое место до тех пор, пока на серой поверхности бетонной смеси не проступала вода и не начинали дрожать на воде пузырьки воздуха, такие же, что образуются на лужах в сильный дождь. Дрожь вибратора передается опалубке, и на нее Шарахим косится с неприязнью. Хотя ее и ставили мастера плотницкого дела, леса, как всегда, было в обрезку, щиты сколачивали из хлипкой дюймовки, и они легко могли деформироваться. Поэтому, прорабатывая бетон у самой опалубки, он был осторожен. Мне казалось, что он физически чувствовал момент, когда опалубка могла поддаться. Изредка его вспотевшее лицо озаряла улыбка. Я не знал, улыбался ли он тому, что все идет как надо, или какой-нибудь своей затаенной мысли, не связанной с работой, но эта улыбка очень красила его. Красила и молодила.

- Зина, все! – крикнул он наверх, крановщице.
- Еще один самосвал примем! – крикнула Зина. Очередной самосвал подруливал к бадьям. Тут Шарахим опять улыбнулся. Ему нравилось, что подача бетонной смеси наладилась, и теперь удастся избежать даже минутных простоев. После суровой зимы давно хотелось войти вот в такой плотный рабочий ритм, когда все идет гладко и получается как бы само собой, и кажется, что только заступил на вахту, а уже вечер, и пришла вторая смена. Самосвал разгрузился, и бригадир решил, что помощь плотников все-таки нужна, и направился к ним. Он шел, припадая на одну ногу; вторая не сгибалась. Ранили в Польше при освобождении Варшавы.
- Иосиф! – позвал он звеньевого плотников Вайсбека. – У меня щит один отходит, закрепи!

Иосиф безмолвно последовал за ним. Двенадцать лет бригадирствует Шамахсудов. В брминваде 16 человек, 16 индивидуальностей. Чтобы бригада была коллективом, чтобы в каждом быть уверенным, как в самом себе, Шарахиму приходится быть и педагогом. Одного человека, чтобы он в полную силу заработал, учить надо с азов, долго и методично. Второму, уже ученому, теплого слова достаточно. Но и для первого, и для второго бригадир всегда маленький центр притяжения.

Заступила вторая смена. Бригадир кратко объяснил звену задачу: укладывать бетонную смесь, а если, не дай Бог, случится перебой, готовить к бетонированию следующий фундамент. Один из молодых рабочих стал быстро жестикулировать. И вдруг так же быстро жестикулировать стал бригадир.

- Это Махкам, он нем от рождения, но все понимает. Прекрасный бетонщик. Кончил школу немых.
- У вас он не чувствует себя одиноко?
- Нет. Ведь мы его любим.

Домой Шарахим шел не спеша. С берега канала Карасу окинул взором поднявшиеся цехи. Таких крупных объектов у него еще не было. Были жилые дома, был даже атомный реактор в институте ядерной физики Академии наук. Но эти цехи самые грандиозные. Он остановился на дамбе канала. Усталость была приятна, вместе с усталостью пришло и душевное спокойствие. То, как он жил сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, как он жил до войны и после войны. Сейчас в его большой семье полный достаток. И это тоже помогало отдавать все силы любимому делу. Было бы хорошо, подумал он, если и сыновья станут строителями. Конечно, им есть из чего выбирать, но ведь и слово отца, пример отца играют не последнюю роль. Он постоял несколько минут, счастливый, умиротворенный. Потом направился к автобусной остановке и уехал в сторону Кибрая.

Через месяц монтажники ставили на готовый фундамент воронежский пресс. Задача была не из простых: станина пресса весила 102 тонны, стол – 80 тонн. Инженеры ломали головы. Разобрать кровлю и монтировать эта детали несколькими кранами? Разобрать кровлю и потом уложить ее снова – 70 тысяч рублей непроизводительных затрат. И кому охота ломать сделанное? И тут строители получили экспериментальный кран грузоподъемностью сто тонн. На пневматическом ходу. С заводским номером 001. Станину и стол монтировали в воскресенье. Монтажники любят назначать на воскресенья самые ответственные операцию. Площадка пуста, нет ротозеев, и руководство отдыхает, никто, значит, не будет стоять над душой. Операция предстояла трудная, и каждый из монтажников знал, что будет еще труднее, если распоряжаться будет не бригадир. Да, оркестр и дирижер составляли единое целое, и менять что-либо

в этом отлаженном механизме было не на пользу делу. Крановщики показали тогда завидное мастерство. Стрела прошла в сантиметре от фермы. Это заняло четыре часа. «Счастливый был день, - вспоминал потом бригадир. – Праздник. И каждый унес домой его частицу, никто не жалел, что пропало воскресенье».

Конвейер механосборочного цеха пустили в апреле 1970 года. Как всегда, минута пуска была торжественной. Десятки посветлевших глаз остановились на зеленой ленте конвейера, и вот очень медленно она двинулась, и так же медленно поплыли над полом тракторы, пока еще раздетые, а возле них засуетились слесари-сборщики. Они старались не оплошать, умело, как будто занимались этим всю жизнь, прилаживали к остову трактора задний мост и большие ведущие колеса, затем рулевое управление и переднее колесо. Резкий выхлоп, и трактор выбежал за ворота на свежий асфальт. Как все-таки проворны молодые рабочие руки! Первый трактор – это праздник многих тысяч людей, причастных к его рождению. Главному конвейеру задан устойчивый начальный ритм, который убудет убыстряться. Но сам конвейер не есть что-то самостоятельное, он лишь барометр заводской жизни, сердце завода. Оно забилось, и большой рабочий коллектив торжествует победу. Но ритм его пульса в прямой зависимости от того, что будет сделано завтра.

Наладчик

Про него мне сказали, что он один из лучших наладчиков. И я пошел к нему в цех. Цех был старый и низкий, и я вспомнил, что до войны на месте завода стояло приземистое строение, в котором варили томатную пасту. Но то, что построили здесь в году войны, уже с полным основанием можно было считать заводом. Наладчик Хасан Нуруллаев обходил свои станки. Есть люди с неброской внешностью, но корифеи в своем деле – к таким он и относился. Не крут в плечах, не широк в кости. Но отличала его зрелость суждений, свойственная человеку думающему. Прибавим сюда незаурядное мастерство. У вас разладился станок – он подойдет и устранит неполадку. Быстро и деликатно устранит, не подчеркнет, что он умеет, а вы пока – нет. На этом и держится его высокий авторитет.

Он шел между станками, прекрасный наладчик, знающий все о своих людях и технике. За машинами его не было видно, да он и не старался держаться на виду. Зачем? Не в этом дело. Здесь он все равно всему голова, здесь его слово последнее. Настроение у него приподнятое: со вчерашнего дня он техник-машиностроитель, диплом защищен, ночные бдения над учебниками позади. С пятью детьми окончить техникум было не легко. Но он упорно шел к намеченной цели и достиг задуманного. Теперь товарищи поздравляли его, и он говорил, что приготовит плов и будет принимать поздравления официально. И с ним соглашались: плов – это хорошо. Отвечая на поздравления что-то веселое, он без задержки шел дальше. Станки работали нормально – зачем останавливаться? Перед ним в прозрачном воздухе уже сияла следующая вершина – институт. Она не казалась ему недостижимой, хотя дважды он уже срезался на вступительных экзаменах. Неудачи не обескураживали его. Он будет готовиться упорнее и поступит.

Его поточная линия из девяти станков изготавливала ответственную деталь – сектор поворота. Когда линия отлажена как часы, и деталь в норме. Для начальства азбука то, что поточная линия Нуруллаева всегда в порядке. Катя Щукина меняла деталь на сверлильном станке, а ее долбежный и горизонтально-фрезерный работали в автоматическом режиме. Не так дано она пришла в цех ученицей, все было ей здесь в диковинку, работала она, нуждаясь в постоянной поддержке. Старалась, этого у нее не отнимешь. Теперь и ей можно учеников доверить. Он замедлил шаг: споро работает, молодец. Все хорошо было и у Геннадия Топоркова. Стружка змеилась горячая, лиловая. А вот у Людочки Нестеровой непорядок. Она в цехе недавно, и Нуруллаев первый ее наставник. Хасан посмотрел на девушку, на инструмент. Инструмент был заточен неправильно. Оен остановил станок и повел Нестерову в инструментальную. Заменил резец, и дело пошло. Людочка благодарно улыбнулась.

- Большое спасибо, Хасан нуруллаевич!

«Для молодежи я уже Нуруллаевич, летит время!» – подумал наладчик. Десять лет назад его, демобилизованного парня, вот так же учил уму-разуму технолог Александр Шпаков, и он тяжело привыкал к станкам. Была мысль, что эта премудрость ему не по плечу, и была мысль, прямо противоположная первой: то, что умеют другие, должен уметь и он. Хасан очень старался и освоил станки. А ведь тогда он мало чем отличался от Людочки Нестеровой. Не ушел, и все. Сейчас у него личное клеймо, знак особого доверия со стороны отдела технического контроля. Вот так и идет время. Поставишь перед собой сначала небольшую цель, а дальше – больше, а там и совсем на большое замахнешься. Но – не рано, потому что по силам. Возвращаясь, он опять остановился у станка Нестеровой, но так, что девушка не заметила его присутствия. Будет ли из нее толк? Пожалуй, да. Раз есть старание, приложится и остальное. Он бы прибавил оборотов, но ей еще рано. Для нее сейчас главное – качество. Глядя на Людочку, Хасан подумал, что пора пристраивать к делу старшего сына. Жена хочет пойти работать, но он подумал, ччто лучше пусть начинает свою рабочую жизнь семтанцатилетний парень. Правильно! Возьму к себе в цех, решил он. Была у него мечта о рабочей династии Нуруллаевых, и он хотел, чтобы она осуществилась.

НАШ ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП

Герой труда прядильщица ташкентского текстильного комбината Буальма Джураева написала о своих достижениях Леониду Ильичу Брежневу. Генеральный секретарь сердечно поздравил ее с большими производственными успехами. Письмо на комбинат доставил фельдегерь. Бульма работала. Начальник цеха подошел к ней и сказал: «Буальма, тебя спрашивают».

- Кто?
- Военный с портфелем.

Она подумала: «Сыновья где-нибудь нашалили». Обмерло сердце. Но посыльный, улыбаясь, протянул ей письмо. Она увидела подпись. Навернулись слезы. И у начальниука цеха, ыбывшего фронтовика, очень много повидавшего за свою жизнь, навернулись слезы. Вот она, честь по труду – приветствие руководителя огромной страны, слова благодарности за вдохновенную работу. Буальму поздравляли, обнимали. Нормировщица Мария Васильевна Киреева стиснула ее в объятиях, потом – сменщица Любовь Сергеевна Герасимова, потом – бывшая ее ученица, а теперь бригадир молодежной бригады Валентина Прокопенко.

- Какая вы молодец, как я люблю вас! – Голос у Валентины срывался. Буальма и сейчас шествовала над ее бригадой, и это, конечно, сказывалось на производственных показателях молодых прядильщиц. Муж, электрик из отдела главного энергеткиа, улыбался издали, где уж тут протиснуться. «Горжусь тобой!» - говорили его сияющие глаза.

Митинг начался стихийно. Бульма, многие ее ученицы плакали. Ответить на такое внимание руководителя страны она могла только одним – новыми трудовыми свершениями. Так она и сказала.

Кто она, рабочая, достижения которой так понравились первому лицу страны?

Буальме сорок один, в прядильщицах она ходит двадцать шесть лет. Мастерства добилась незаурядного, вторую пятилетку работает за двоих, а это очень не просто, тут умение рационально организовать труд, даже талант значат больше, чем сила, но и сила, выносливость тоже нужны. Роста она среднего. Широколица, черноволоса, ладно скроена. За что ни возьмется, видна сноровка. Но за этой сноровкой кроется не порыв, не эмоциональный накал, а какая-то очень глубокая, очень присущая ее характеру рациональность. Ничего лишнего: ни слов, ни движений. Только нужное, необходимое. Это, я понял, идет от профессии и составляет сущность мастерства Джураевой. Второе, тоже очень ценное качество – умение научить тому, чем прядильщица в совершенстве владеет сама, умение быть наставником. Умение расположить к себе, дать в руки путеводную нить и вести за собой естественно, непринужденно, не подавляя своим высоким авторитетом, а, напротив, воодушевляя. Внушить: и тебе, девочка, доступны эти вершины, будь только прилежна, работай честно, как того требует от тебя страна, в которой ты хозяйка.

Начало пути

Эизнь, точнее, ее начало у Буальмы сложилась нелегко. Она родилась в кишлаке Мучактепа Ахангаранского района. Это в 70 километрах от Ташкента, там, где Ахангаран, правый приток Сырдарьи, начинают обступать горы. Мунчак означает бусы, тепа – холм. Отец был чабаном, ходил с отарами в глубь тянь-шанских гор на летние богатые сочным разнотравьем пастбища – джайлоо. Мать вела хозяйство, помогала мужу летом, когда семья сопровождала его в кочевой чабанской жизни. Буальма запомнила снег на близких вершинах, яркий, слепящий глаза, нежные цветы высокогорья, войлочное тепло юрты, костер, над которым постоянно висел черный чайник. Но беззаботная жизень скоро кончилась: война! В 1942 году отец ушел на фронт. Буальма была в детском саду, отец забежал проститься. Высокий, сильный, с черными усами, он крепко прижал дочь к себе, потом поднял над головой. Больше она его не видела. Извещение о том, что отец пал смертью храбрых, семья получила в 1944 году. Жить было очень тяжело, и мать устроила детей в детский дом. Там они и выросли.

Буальма кончила семилетку. Ей шел шестнадцатый год, когда объявили набор учеников на ташкентский текстильный комбинат.

- Меня запишите, я очень хочу! – сказала Буалмьа директору. Так она попала в школу фабрично-заводского обучения, где выбрала профессию прядильщицы. Почему- прядильщицы? Сейчас ей трудно ответить на этот вопрос. С таким же успехом могла стать и ткачихой. Она помнит, что велика была тяга к самостоятельности. 26 лет ходит она в один и тот же цех, правда, станки там уже другие. В ее трудовой книжке всего одна запись о приеме на работу.

Бульму профессии прядильщицы учили Елена Андреева и Екатерина Бухвина. Теория перемежалась с практикой, а практику вела Бухвина. Бульма характеризует Бухвину несколькими словами, но какими! «Она была нам, как мать. И в общежитие придет, приласкает, а уж про работу не говорю. Всегда рядом. И мы всегда – к ней, к ней. Со всем, что есть на душе. Первое, что она от нас, новеньких, требовала, это аккуратности. Начинали мы с обслуживания одной сторонки – это обращенная к проходу

половина прядильной машины, двести веретен. Не спешите, говорила она, быстрота придет со сноровкой. Скоро будете обслуживать и шесть сторонок, и больше.

А теорию преподавала Андреева. Было интересно слушать, каким путем волокно превращается в яркую, нарядную ткань, сколько для этого требуется операций, какие машины их выполняют. Как с течением времени совершенствовалась технология текстильного производства. Прядение, ткачество – одни из древнейших ремесел, и едва ли кто-нибудь из историков зафиксировал, где впервые научились выделывать ткани, заменив ими шкуры животных. У гончарного круга и прялки, при внешнем несходстве, много общего – круг и веретено должны быстро вращаться. В течение тысячелетий обязанностью каждой хозяйки было прясть и ткать. И лишь сравнительно недавно машины избавили хозяек от этой малопродуктивной работы. Но еще в начале прошлого века прялка была принадлежностью каждого крестьянского дома. Посетите этнографический музей, и вы убедитесь в этом. Вспомним Пушкина: «Три девицы под окном пряли как-то вечерком». Так начинается прекрасная сказка о царе Салтане. В сказке о рыбаке и рыбке говорится: «Старик ловил неводом рыбу, а старуха пряла свою пряжу». Еще у Пушкина: «В избушке, распевая, дева прядет, и, зимних друг ночей, трещит лучинка перед ней». С тех времен, конечно, утекло много воды, и труд сегодняшней прядильщицы в тысячи раз производительнее. Не буду говорить о технологии превращения хлопкового волокна в ткани богатейшего ассортимента – она достаточно сложна, хотя и интересна. Подчеркну только, что наша легкая промышленность сейчас на подъеме, и недалеко уже время, когда требования модниц на красивые ткани будут удовлетворяться полностью.

В год, когда родилась Буальма, дала продукцию первая очередь ташкентского текстильного комбината. Это была крупнейшая стройка Узбекистана в годы второй пятилетки. Вспомним, что до революции в Туркестане не было ни одной текстильной фабрики. Царское правительство, оплачивая золотом американский хлопок, стремилось увеличить производство отечественного текстильного сырья. Когда Самаркандское акционерное обществоходатайствовало о строительстве текстильной фабрики, генерал-губернатор края ответил категорическим отказом, а в Москву написал следующее: «Это весьма неблагоприятно отразилось бы на Московском фабрично-заводском районе».

В 1934 году на глухой юго-восточной окраине Ташкента закипела невиданная стройка. Всеузбекский староста Юлдаш Ахунбабаев сказал: «Здесь будет работать двенадцать тысяч человек, в основном женщины. Этот комбинат сыграет огромную роль в деле фактического арскрепощения женщины-узбечки». Закладывались не только производственные корпуса, но и жилой городок с детскими садами, школами, магазинами, с Дворцом культуры текстильщиков. Не бараки, как прежде, но многоэтажные жилые дома строились на ташкентской окраине. В 1936 году были введены в эксплуатацию 112 тысяч веретен и 3300 ткацких станков. Мощность первой очереди – 74 миллиона погонных метров тканей в год. Дворец культуры и сейчас, спустя сорок лет, украшение Ташкента. Вторую очередь комбината, такой же мощности, как и первая, торжественно пустили в 1940 году. Сооружение третьей очереди прервала война. В недостроенных корпусах разместились цехи эвакуированного завода-гиганта «Ростсельмаш». После войны это предприятие прекратило выпускать реактивные снаряды для «Катюш» и специализировалось на производстве текстильных машин. Таким образом, не только ткани, но и машины для их изготовления производит сегодня некогда отсталая окраина Российском империи. Ну, а ташкентские текстильщики за 41 год выработали более пяти миллиардов метров тканей и пять миллиардов катушек ниток.

Своим учителям Андреевой и Бухвиной Буальма обязана тем, что не ошиблась в выборе профессии. На прядильном станке ровница, пройдя через вытяжной аппарат, становится тонкой и прочной нитью. Теоретические занятия перемежались с практикой в прядильном цехе комбината. Норма, когда прядильщица обслуживает шесть сторонок. Буальма, как и все в ее группе, начала с одной, постепенность здесь необходима. Чуть-чуть научилась присучать – дали две сторонки. Но опыт ее еще был невелик: первые полгода после окончания школы ФЗО Буальма работала съемщицей. Только после этого Бухвина поставила ее к машинам. Она обслуживала семь сторонок, потом восемь…

Звезда Алексея Стаханова

В последнее время мы стали шире понимать слово «созидатель». Стали отождествлять его со словом труженик. Сегодня мы называем созидателями швею и парикмахера, повара и ювелира. Мы убрали знак неравенства между ними и, скажем, строителями, металлургами, хлеборобами. И это, конечно, правильно. Ибо не профессия красит человека, а человек профессию, и мастерству, вдохновению мы научились отдавать должное, в какой бы области труда они ни проявлялись. Второстепенных профессий нет и быть не может!

И тогда, когда Буальма поступила в школу ФЗО, первое, что постарались ей привить опытные преподаватели, - уважение к выбранной профессии прядильщицы. Девушек познакомили с историей предприятия, с его традициями. Огромные цехи поражали воображение. Размах, масштабы, добрая репутация – да, таким предприятием нельзя не гордиться, нельзя не считать его своим. Ну, а тому, что становится родным, человек отдает все и делает это с любовью. «Мой комбинат, мой цех!» - говорила

Буальма, и голос ее звенел радостью. Жизнь ее наполнилась глубоким содержанием. Когда она стала обслуживать не шесть, а восемь сторонк (1,33 типовой нормы), ее портрет впервые появился на доске почета прядильно-ткацкой фабрики №2. Он висел долго, много лет, и ей нравилось подходить и смотреть на себя, молодую. Только недавно его заменили новым. Тогда же она услышала: «Наша стахановка!» Вечером, в библиотеке, она попросила почитать что-нибудь о Стаханове. Ее влекла к себе не слава, а личность Алексея Григорьевича Стаханова. Слава, она знала, следствие.

«Чего я стремился достичь в жизни? – читала она рассказ Стаханова о себе. – На первых порах – быть сытым. Далее – получать высокий заработок. Потом – достичь человеческого уважения. С развитием классового самосознания возникло желание доказать, что без тебя не может обойтись шахта, целый коллектив. В конце же концов выработалось понимание необходимости быть лучше и выше самого себя». Она сравнивала это, стахановское, со своим, со своими представлениями о жизни и счастье. Первое, быть сытой, для нее давно уже отпало, хотя она ясно помнила военные и послевоенные дни, когда именно это и было главным. Второе, высокий заработок, имело, конечно, значение, но тоже не было самоцелью. Высокий заработок сам по себе, без уважения в коллективе ее тоже не устраивал. Уважение товарищей (Стаханов называл это человеческим уважением) - ради этого уже стоит жить, штурмовать вершины мастерства. Быть нужным обществу, стать выше и лучше самого себя - возможно ли это? Для Стаханова – да, он доказал это всей своей жизнью. А для нее, только начинающей трудовой путь? Стаханов звал за собой, становился высоким нравственным ориентиром. Она знала, что будет стараться походить на него.

Работа на производстве всегда была насыщенной. Росло мастерство, росло и число обслуживаемых сторонок. Но очень быстро Буальма оказалась в центре общественной жизни большого предприятия. Еще в детском доме она любила комсомольскую работу. Это интересно: постоянно находишься в гуще всех событий, можешь на них влиять. Интерес Буальмы к делам комбината приметили быстро. Ее избрали депутатом районного, потом и городского совета. А депутатские дела самые разные. С чем только не идут люди к своему депутату! Квартирный вопрос, детский сад, даже семейные нелады – с самым наболевшим обращаются люди к избранному ими депутату. И чистосердечно, не сомневаясь в помощи, выкладывают свои нужды.

Буальма и помогала, и строго спрашивала с провинившихся. Одно было неотделимо от другого. Вникнуть в чужую судьбу, проявить участие Буальма умела. И люди шли к ней, выдвигали ее, рабочую, на все более ответственные общественные посты. Ее рекомендовали в партию; сейчас она член ЦК компартии Узбекистана. За производственные успехи и плодотворную общественную работу она награждена орденами Ленина и Октябрьской революции. На XX1У съезде КПСС, делегатом которого ее избрали, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный вручил ей Золотую звезду Героя социалистического труда и второй орден Ленина. Она знала: для того, чтобы претворить намеченное в жизнь, надо работать еще лучше, и надо, чтобы лучше работали ее цех, весь комбинат. Ее вклад – лишь кирпичик в огромном созидательном процессе, которым живет страна.

Стать выше себя

До XX1У съезда партии Буальма Джураева обслуживала восемь сторонок – 1600 веретен. На съезде познакомилась с прославленной прядильщицей Александрой Волковой из Ленинграда. Разговорилчсь. «А вот у нас…» - то и дело звучало в их устах. Волкова вызвала Джураеву на соревнование. Заключили договор. И каждая прядильщица стала обслуживать десять сторонок – две тысячи веретен. Разумеется, их почин был широко подхвачен. Тысячи текстильщков приняли повышенные индивидуальные обязательства. Это совпало с общим подъемом легкой промышленности в стране и, конечно, чрезвычайно способствовало развитию отрасли.

Дальше – больше. В 1973 году в Иваново состоялся слет передовиков труда текстильной промышленности страны. На съезде Джураева была удостоена премии имени ткачих Екатерины и Марии Виноградовых, зачинательниц стахановского движения в хлопкопрядении. На съезде же Джураева с двумя другими известными прядильщицами обязалась вдвое превзойти типовую норму – обсолуживать 12 сторонок, или 2400 веретен. И вот уже более трех лет она в буквальном смысле этого слова работает за двоих, выполняет две нормы или даже больше. За смену она должна снять со своих машин сто килограммов пряжи (это норма) а снимает 220 – 230 килограммов. Сказывается мастерство, ведь скорости машинам не прибавишь. А к договору присоединяется все больше текстильщиц. И это хорошо. Чем шире соревнование, тем больше подъемная сила у его крыльев. А как стахановская заповедь стать выше и лучше самого себя? Оказывается, она так же емка, как сама жизнь. Она не позволяет в какой-то момент остановиться и сказать: ну, я всего достигла, это вершина. А дальше после этого куда – вниз? Нет, дерзание без конца, непрерывное восхождение. Вот какой оказалась заповедь забойщика Алексея Григорьевича Стаханова.

- Это по мне, - говорит Буальма. – Если вдруг остановлюсь, перестану видеть впереди следующие высоты, к которым должна, обязана стремиться, жизнь потеряет и смысл, и привлекательность.

Сколько лет потребовалрось Джураевой, чтобы стать одной из лучших прядильщиц страны? Двадцать? В 1971 году ее избрали делегатом съезда партии, значит, она уже ходила в лучших. Пятнадцать? В 1965 году товарищи сказали ей: «Буальма, мы считаем, что твое место в партии». Она поблагодарила за доверие. Она давно хотела быть в партии, но сама стеснялась об этом заговорить. Ее уже выделяли, и выделяли, конечно же, за добросовестную работу. Молодые охотно шли к ней в ученицы. Десять лет назад?

- Пожалуй, больше. Хорошей прядильщицей я была и через год, когда перешла на обслуживание восьми сторонок. Но от лучших меня еще отделяла дистанция. Я, например, ее видела.

Овладение мастерством всегда процесс длительный. Буальма, взявшая себе за образец Стаханова, стремилась, как и он, взять от техники все, завоевать человеческое уважение. Но ее интересы не замыкались только на сфере производства. Еще в детском доме она полюбила художественную самодеятельность, отлично танцевала, на вечерах отдыха ей всегда аплодировали. Во Дворце текстильщиков она записалась в хореографический кружок. Не пропускала ни одной репетиции. Бригадиром и помощником мастера у нее тогда был Юлдаш Джураев. Она вдруг увидела его на занятиях хореографического кружка. Удивилась: танцором он был неумелым. Не умеет, а ходит – почему? Как-то на работе Юлдаш сделал ей замечание. Выговаривал за проступок, а сам смотрел в землю. Буальма, всегда острая на язык, взяла и сказала: «Ты чего глаза прячешь, я за тебя замуж не собираюсь!»

Юлдаш покраснел, Буальма поняла: в хореографический кружок он ходит, чтобы быть рядом с ней. Он подтвердил это: «Куда ты, туда и я». В пятьдесят седьмом году, зимой, свирепствовала тяжелая эпидемия вирусного гриппа. Буальма слегла. Температура – сорок, антибиотики не помогают. Юлдаш пришел проваедать больную, цветы принес. Это были первые подаренные ей цветы. К больной его не пустили. Она разговаривала с ним, сидя на подоконнике. Летом того же года художественная самодеятельность комбината участвовала во всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Буальма и Юлдаш впервые увидели столицу. Москва принимала гостей сердечно, с исконным русским гостеприимством. Ансамбль комбината выступал удачно. Танец цветов, танец текстильщиков («ситцевый бал»), узбекские народные танцы шли под несмолкаемые аплодисменты зрителей. И молодые текстильщики Ташкента стали лауреатами фестиваля. Тогда же, в Москве, на выставке достижений народного хозяйства, Буальма и Юлдаш сыграли свадьбу.

- Нашли мы друг друга и живем счастливо, луша в душу, - сказала Буальма. – Сыновьям скоро в армии служить, дочка в восьмой класс пошла. А фестиваль в Москве и нашу свадьбу я помню так, словно вчера это было. В том, чего я добилась, половина – заслуга Юлдаша, его вклад.

Она не преувеличивала. Помощь и поддержка близкого человека – мобилизующий фактор огромной силы. Сыновья, Курбан и Кахрамон, как и отец, стали электриками. Место их работы – комбинат.

- Дочь тоже пойдет по вашим стопам? – спросил я прядильщицу.
- Халида мечтает стать врачом. Что ж, пожалуйста.

Ну, а что дает предприятию работа Джураевой, других текстильщиц на повышенном уплотнении? Для комбината это особенно важно. Не так давно на предприятии не хватало людей, оборудование простаивало. Загрузить его полностью можно было, если обслуживать не шесть сторонок, как предусматривала норма, а больше, например, 12, как Джураева, не 24 ткацких станка, а 48, как Лидия Казанцева и Дильбар Кульматова. Инициатива передовых работниц, поддержанная коллективом, вывела предприятие из прорыва, принесла ташкентским текстильщикам новую славу.

Люблю обучать молодежь

- Буальма, что вы любите?
- Очень люблю ездить, - говорит она. – Лучшего отдыха не знаю. В каких только городах мы с мужем не побывали! Не считая, конечно, Москвы и Ленинграда. Больше всего мне запомнилась поездка на Кубу. Своей непохожестью на обычные командировки. По документам эта поездка значилась туристической, но была деловой. С ткачихой нашего комбината Анной Верзилиной мы обучали прядению и ткачеству кубинскую молодежь. Это были дети, подростки 14 – 16 лет. Их родители погибли в революцию, и государство взяло на себя их полное обеспечение. Любозхнательные, отзывчивые, веселые, здоровые – дети, как дети. А я вспосмнила свой детский дом в Ахангаране, начало своего пути, когда так много значило доброе слово наставника, и не отходила от этих детей ни на шаг. Стала учить испанский язык, и скоро уже мы хорошо понимали друг друга без переводчика. Наверное, на нас интересно было смотреть со стороны. Дети стараются ввернуть русское слово, я смело и не всегда правильно говорю по-испански. Го взаимопонимание было полное. Дело, одна, осложняло то, что мы работали на незнакомом американском оборудовании. Учила и сама училась. Станки очень старые, до наших им далеко. Два месяца и два дня продолжалась моя кубинская командировка.
- Вы дни считали, значит, ждали отъезда с нетерпением?
- Ждала. Родной дом – что может быть милее? Люблю ездить, но с какой радостью всегда возвращаюсь домой, к семье, к своему рабочему месту! Куба оставила прекрасное впечатление. Авторитет

советского человека там велик. Мы с Верзилиной чувствовали это буквально на каждом шагу. Ну, а доверик у нас, советских людей, принято оправдывать, высокую репутацию укреплять. За эти два месяца у нас не было ни одного выходного. Вернулись с Кубы – нас приняла Валентина Терешкова. Сердечно поблагодарила за проделанную работу. Проста и обаятельная первая в мире космонавтка…

Последнее, о чем у нас разговор – о работе с молодежью.

- Люблючать молодых, - говорит Буальма. – Сейчас все молодые люди высокообразованны, с развитым чувством собственного достоинства. Чувство долга, однако, иногда притуплено. Как-то так повелось, что в школе больше обучают правам, нежели обязанностям. К каждому надо подобрать ключ. Ну, а доверился тебе человек – это уже половина успеха. Доверился, значит, заинтересовался твоей жизнью, твоим миром. Приходит девочка – ничего не умеет, смотрит на тебя широко раскрытыми глазами. А потом все умеет. Старается. И так радостно, что это я ее научила, настоящей рабочей сделала. Все, кого я выучила, мне как родные. Жизнь наша построена на преемственности. Обучать мастерству так же важно, как важно хорошо работать. Первое от второго я не отделяю.

ТАШКЕНТ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Очерк написан от лица председателя горисполкома Х. Асамова

Я поднялся на седьмой этаж оранжевого кирпичного дома. Эта строительная площадка арсположена в самом центре города, на бульваре Ленина. Дом возводила бригада Джалила Каюмова из треста «Высотстрой». Еще вчера в чистом воздухе была разлита осенняя синь, ветер обрывал с тополей последние листья, в цветниках еще переливались нежными красками хризентемы. И вот зима за одну ночь сменила осень. Шел снег, завихряясь в опалубочных щитах. Наверху строители в брезентовых спецовках привычно и споро делали свое дело. Гудели вибраторы. Крановщику трудно было приноровиться к снежной пляске. Я спросил бригадира, не сильно ли мешает снег. Ну и что, сказал бригадир. Если обращать внимание на погоду, искать летом защитиы от жары, а зимой от холода, разве бы мы подняли таког город?

Такой город. Он был внизу и вокруг нас, только снежная вуаль скрадывала отдаленные кварталы. Слова Каюмова заставили глубоко задуматься, столько в них было тепла, гордости за сделанное, за товарищей по бригаде, которые во всем были такие же, как он сам – строители по призванию.

Да, прежде Ташкент не был таким. Не было у него обширных жилых кварталов на Чиланзаре и Северо-Востоке, проспекта Дружбы народов и такой светлой, устремленной в убудущее центральной площади. Не было белокаменных кварталов, подаренных строителями России, других братских республик. Не было многого из того, что появилось в последние годы и совсем недавно. Это новое естественно и просто влилось в прежний глинобитный Ташкент, неузнаваемо омолодило город, придав его устремленности в будущее красивую романтичную экспрессивность. Нынче Ташкент один из первых в стране городов по числу новоселий на тысячу жителей. Когда я услышал от Каюмова: «Разве, трудясь вполсилы, мы бы подняли такой город?» - мне невольно подумалось: да, Ташкентвырос благодаря тысячам Каюмовых с фамилиями русскими, украинскими, булорусскими, казахскими.

Мысленно обращаюсь к событиям той пятилетней давности. Утро первого, самого сильного толчка. Неведомая сила швырнула меня с кровати. Землетрясение! Сразу – во двор. На востоке светлела полоса неба. Я сел в первую проезжавшую нашей улицей машину. На улицах города открылась истинная картина разрушений. Чем ближе к центру, ьем больше бед натворил утренний толчок. Обвалились трубы, карнизы. Глинобитные дома дали широкие трещины. Так трескается перезревший арбуз, если на него сильно надавить. Домам дореволюционной постройке в центре досталось еще сильнее. Кое-где здания странно расслаивались. Половина глиняной стены вывалилась наружу, а половина оставалась стоять, поддерживая деревянные балки перекрытия. Воздух оглашали сирены машин скорой помощи и пожарной охраны. Но рухнувших домов мне не встретилось, и жертв, к счастью, было совсем немного. Разрушения, однако, такеовы, что нечего было думать обойтись простым ремонтом, простым замазыванием трещин. Но дома постройки последних лет, снабженные сейсмическими поясами, стояли незыблемо, как утесы.

Ташкенты остались верны себе, своему долгу. Люди плотной массой заполнили улицы - шли на работу. Помню, машина остановилась у одного полуразрушенного домика. Аксакал с густой белой бородой вместе с домочадцами вытаскивал вещи. «Что, отец, - говорю, - большая беда?»

- Э, сынок! Выдержим! Справимся!

Этот умудренный ижизнью человек прекрасно знал: государство не оставит в беде город, разрушенный землетрясением. И все ташкентцы знали: страна с ними. Вот документы, ставшие уже достоянием истории. Они остались в памяти ташкентцев, как в памяти ветеранов войны остались сводки Сокинформбюро. «26 апреля в Ташкент специальным самолетом прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Вместе с ними прилетели члены комиссии по ликвидации последствий землетрясения в Ташкенте…» (Из сообщения УзТАГа днем 26 апреля 1966 года).

Все будет хорошо, верили ташкентцы. В сердце каждому из нас запали слова Брежнева: «Целый ряд союзных республик и областей страны уже выразили свою готовность помочь Ташкенту. Мы считаем, что их помощь, помощь правительства будет основной и решающей силой, котроая позволит не только восстановить разрушенное жилье, но и изменить облик города. Образно говоря, это начало нового Ташкента, более красивого и крепкого – такого, которому никакие землетрясения не будут страшны».

А эшелоны с цементом и лесом уже меняли направление, добровольцы во всех городах страны записывались в строительные отряды, архитекторы ходили с воспаленными глазами, решая днями и ночами проблемы сноса, проблемы новых жилых кварталов и всего того, что должно им сопутствовать. Столица Узбекистана строила палаточные городки, принимала поезда с тысячами людей, с мощной техникой. Тысячи семей переселились в квартиры родственников и знакомых, тысячи перешли жить в палатки. Все знали: это временная мера. Кузней Шаахмед Шамахмудов, усыновивший в годы войны 14 детей и воспитавший их, освободил две комнаты в своем доме для семьи, лишившейся крова. Другой аксакал Курбан-ата Бекмухамедов приютил у себя 48 студенток педагогического института.

А город на глазах прекращался в гигантскую строительную площадку. Начинался всенародный хашар по возрождению Ташкента. Слово хашар еще недавно было известно далеко не всем советским людям. Сейчас оно едва ли кому-нибудь незнакомо. Родившись у отзывчивого к чужой беде узбекского народа, слово «хашар» означает, что люди сообща возводят человеку жилище, которое в одиночку построить ему не по плечу.

На восстановление Ташкента государство выделило огромные средства. В городе была создана мощная строительная организация – Главташкентстрой. Личные сбережения трудящихся, отдаваемые Ташкенту, стекались на счет 170064. Только в мае 1966 года на этот счет поступило более пяти миллионов рублей. Казанская школьница скопила пять рублей, не знаю уж на что, и послала их Ташкенту. Рабочий из Харькова прислал отпускные. А мать и дочь Максимовы из Севастополя купили на свои сбережения сборный деревянный дом и подарили его Ташкенту. В нем поселилась семья Исламходжаевых, младший сын которой погиб при освобождении Севастополя.

Начались восстановительные работы. Планы возрождения обсуждались в кругу архитекторов, в горисполкоме, в каждой ташкентской семье. Общим было мнение, что восстанавливать глинобитное старье нет смысла, что Ташкент должен расти, опираясь на несокрушимую мощь железобетона. Под застройку первой очереди отводились свободные территории на юго-западе и северо-востоке города. Ну, а каким быть центру? Основой проекта по застройке центральной части столицы стали рекомендации Всесоюзного научного конкурса, в котором приняли участие лучшие архитекторы страны. Теперь, когда глинобитные кварталы были повержены и сотни самосвалов вывезли их останки за городскую черту, когда пришла пора закладывать фундаменты зданий, которым стоять века, ясное дело, нельзя было обойтись без строжайшего отбора. Из десятков предложений иногда не устраивало ни одно. Для нас было бесспорно, что Ташкент должен стать современным городом. Но не похожим на другие. Удобным для жизни, с развитыми коммуникациями и своим неповторимым лицом. Пусть стандартизация неизбежное явление технического прогресса, мы ее не отвергали. Не призывали вернуться к стилям, ставшим историей. Мы хотели архитектуры вполне современной, развивающей лучшие планировочные и объемно-пространственные принципы местной архитектуры, особенно народного зодчества. В свое время образцом такого удачного синтеза современности и национального своеобразия в архитектуре Узбекистана называли театр имени Алишера Навои. Это здание и сейчас одно из самых своеобразных в городе. Но архитектура республики шагнула дальше, задача синтеза современных и традиционных архитектурных форм усложнилась.

Шла огромная творческая работа. Архитекторы, художники, инженеры остро чувствовали, где опыт прошлого смыкается с идеями современности. Город воспитывает не только своей историей, но и своим обликом. У нас была возможность создать в центре Ташкента ансамбль, котоырй бы радовал, воспитывал чувство прекрасного, духовно обогащал человека. И мы, как мне кажется, эту возможность использовали. Центр Ташкента, каким он задуман и отчасти уже воплощен, передает не только его историю, но и его славу столицы Узбекистана – края большого хлопка, крупнейшего индустриального, научного и культурного центра советского Востока.

Вспоминаю, как грустно было расставаться с «Искрой», «Молодой гвардией» - самыми популярными кинотеатрами Ташкента, с цирком. Поникла, лишившись своих сияющих витрин, улица Карла Маркса. Старое рушилось, освобождая место новому. Пока разворачивались работы в центре и на окраинах, военные строители в считанные месяцы построили на капустных и помидорных полях в нескольких километрах от Ташкента город-спутник Сергели. В его одно- и двухэтажных жилых домах получили квартиры двадцать тысяч ташкентцев. Добрую память оставили о себе строители Российской Федерации, Москвы и Ленинграда, союзных республик. Их руками в Ташкенте возведено 1200 тысяч квадратных метров жилья, десятки школ и других объектов. Пять лет назад был брошен клич: «Построим новый Ташкент!» Не десятилетия, а менее трех лет понадобилось для того, чтобы встал из руин, возродился, помолоден древний город. Не просто восполнено потерянное. Тесно стоявшие глинобитные домики уступили место современным зданиям из кирпича и железобетона, рассчитанным на высокую сейсмичность. За пять лет восстановлкено и капитально отремонтировано 26 тысяч квартир, построено свыше четырех миллионов квадратных метров жилья. Это насного больше, чем было разрушено землетрясением. Пробиты новые улицы и проспекты – имени Дружбы народов, Горького, Германа Титова. Реконструирована площадь имени Ленина. С востока ее замыкает оригинально задуманный фонтан-водопад. Возведены уникальные здания гостиницы «Россия», вокзала, дома знаний, радиодома, крытого котка, театра имени Хамзы, комплекс исследовательских институтов Академии наук республики, комплекс университетского городка. Пополнили свои производственные мощности все ведущие предприятия Ташкента. За пятилетку они увеличи объем производства на 45 процентов.

«Была ли беда?» - спрашивают нас и по сей день. Беда была, большая, стращная. Но страна приняла ее на свои могучие плечи, и ее последствия оказались очень недолговечны. По сущесмтву, последствия разрушительного землетрясения в Ташкенте бывли ликвидированы менее чем за три года.

В свою очередь, когда весной прошлого года землетрясение произошло в Дагестане, Ташкент протянул руку помощи Махачкале. Узбекистан построил в дагестанской столице жилой квартал площадью 20 тысяч квадратных метров, с общественным цетром и котельной. Первые дома уже приняли новоселов.

Мир капитализма характеризуют примеры другого порядка. Сильное землетрясение произошло в январе 1968 года в Сицилии. Италию нельзя назвать страной бедной или слаборазвитой. Но и поныне 30 тысяч сицуилийских семей не имеют крова. Землетрясение 1964 года в японском городе Ниигата полностью разрушило 2134 постройки. Япония тоже не бедная страна, но ушерб от этого землетрясения не ликвидирован и поныне. Десятилетиями залечивают раны после землетрясений соседние Тукрция и Иран, а также Филиппины, Перу, Чили. Я понимаю: ни одна социальная система не застрахована от стихийных бедствий. Но сколь различны условия, создаваемые этими системами, для преодоления последствий природных катастроф! Весь мир с изумлением следил за эпопеей восстановления Ташкента – эпопеей, в которой с громадным воодушевлением участвовал семь советский народ! «Поразительно!» - говорят представители зарубежной прессы, приезжающие в Ташкент. А нам, признаюсь, непонятно их удивление. Для нас это в порядке вещей, потому что это наш образ жизни.

Городской пейзаж менялся буквально на глазах. Интенсивность строительных работ за считанные месяцы выросла втрое. По свидетельству пилота вертолета, по стрелам башенных кранов можно было пройти из конца в конец огромного города, не спускаясь на землю. Пилот, конечно, преувеличивал, но общую картину перемен выразил верно. Позволю себе еще одно небольшое отступление. Город строился, а о нем уже снимались фильмы. Снимали хронику, но создавались и художественные ленты. Одна из таких, на мой взгляд, удачных лент – «Улица Тринадцати тополей». Фильм сняла студия имени Довженко. Это яркий рассказ о мужестве ташкентцев.

Ташкентская весна 1966 года, цветущий урюк, безмятежная колея жизни. Украинец Остап получаетв наследство дом в Ташкенте и приезжает, чтобы вступить во владение им. Он молод, смотрит на жизнь широко раскрытыми глазами. У него много планов, но ни одного конкретного. Жизнь по вдохновению, и первая любовь. По соселдству с ним живет юная Мастура. Но пока этро любовь без взаимности. Тогда Остап вешает табличку «Продается дом» и летит к деду в Киев. И в это утро… 26 апреля… Улица Тринадцати тополей оказалась в эпицентре. Остап узнает о несчастье и летит назад. Идет Мастуру. На месте улицы Тринадцати топоелй развалины, ее жители переселились к родственникам или в палатки. А город с помощью страны самоотверженно борется с землетрясением. Остап не может не принять участие в этом великом процессе созадния. И не он находит Мастуру, а Мастура – его. Она узнает, что Остап вернулся ради нее, и возникает ответное чувство. Вот, вкратце, и все. Украинским кинематографам удалось создать фильм высокого публицистического накала.

Но перенесемсяч в мастерские архитекторов. Их вчерашние замыслы воплощались в конструкции. Их сегодняшние замыслы – завтра нашего города. Актовый зал института «Ташгипрогор». На стенах и столах чертежи, макеты. Архитекторы умеют придавать своим чертежам особую выразительность, когда на замысел можно смотреть так, словно он уже воплощен в натуре. В Чиланзарском общественном центре поражали гостиница и крытый рынок. Тридцатиэтажная гостиница словно купалась в голубом небе. А бирюзовые купола крытого рынка сходили к нам прямо из сказок Шахерезады. «Задел на будущее!» - с улыбкой сказал Леон Тигранович Адамов, главный архитектор института. У него была улыбка хорошо поработавшего человека.

Но основные проблемы города пока были связаны с жильем, скоростными магистралями, метро, подачей гороячей воды зимой и холода летом в жилые дома и учреждения. Этих проблем было вполне достаточно даже для большого коллектива «Ташгипрогора». Его архитекторы разрабатывали сейсмично-просадочную серию домов. От домостроительных комбинатов уже требовались не жесткие крупномерные по габаритам дома, а отдельные блок-секции. Компаную блок-секции по условиям рельефа, архитектор мог создавать здания любой конфигурации, лучше сохранять зелень. Это обогащало архитектуру массивов. Время домов, похожих на солдат в серых шинелях, прошло безвозвратно.

Или такой вопрос, как хладоснабжение. Он уже в стадии практического решения. Мы будем снабжать квартиры горожан холодом так же, как сейчас снабжаем их электричеством – в централизованном порядке. Кондиционеры, одна из новинок технического прогресса, необходимы в странах жаркого климата. В Америке уже пик потребления электроэнергии приходится не на зиму, а на лето, когда в работу включаются кондиционеры. Первая ласточка – теплохладоцентр в квартале Ц-7 уже действует, потребляя горячую воду теплоцентрали. На нем установлены бромистолитиевые холодильные машины. И тепло, и холод будет поступать по одной и той же системе трубопроводов.

После землетрясения нам было не до кондиционеров. И тут произошло событие, взволновавшее меня до глубины души. Киевский институт экспериментального проектирования разработал проект теплохладоцентра для одного из районов Дарницы. И после езмлетрясения в Ташкенте вошел в правительство Украины с ходатайством прекратить эксперимент в Киеве и продолжить его в Ташкенте. Это предложение было одобрено, и сегодня в нашем квартале Ц-7 работает украинский теплохладоцентр. Это

поистине братский подарок. Со временем такие центры покроют весь город, займут место традиционных котельных. Но для этого Ташкенту понядобятся две или три новые мощные теплоэлектроцентрали.

Самое интересное в работе наших архитекторов – пробивать и застраивать новые магистрали, создавать новые площади. Человек, приходя в город, воспринимает его в первую очередь через магистрали и площади. Сколько светлого внесли в жизнь города проспекты Дружбы народов, Навои, Лахути, Горького, Аллея парадов, которые пробиты в последнее время! На проспекты Горького и Титова выходят, как правило, девятиэтажные дома. По этим магистралям – а их ширина до 140 метров – пойдут массовые потоки транспорта со скоростью до 80 километров в час. Вновь пробитые магистрали застраиваются в первую очередь.

Познакомимся теперь с новыми площадями. Уже сложились площади Привокзальная, Саперная, Ак-Тепе, Университетская, у театра Навои. Площади Тетральная, Фурката, на пересечении улиц Пушкина и Горького существуют пока только на ватмане. Но они обещают стать очень интересными. Например, Театральгая – она арскинется сразу за сквером Революции. Ташкентцы легко пердставят себе ее местоположение: 17-этажное здание гостиницы «Интурист» и радиодом выйдут на нее своими фасадами. Ее формирование завершит ряд новых зрелищных учреждений. Среди них театр кукол, трехзальный кинотеатр, который придет на смену некогда популярной «Искре». Оригинальность этой площади в том, что со стороны сквера она как бы поднимается несколькими террасами. Так решено использовать особенности рельефа. Доминировать, конечно, будет громадина гостиницы. Но и осталыные здания решены настолько удачно, что обеспечивается большая хъудожественная выразительностьв сего ансамбля. С востока площадь огибает улица Первомайская с большим транзитным движением. Было очень важно, чтобы площадь хорошо смотрелась и отсюда. Этому способствуют уомплексы зданий радиодома и трехзального кинотеатра. Три круглые зала, похожие на башни, великолепно смотрятся с любой стороны.

Значительной, по размерам и содержанию, одбещает стать площадь Фурката. По своему местоположению она бюудет перекликаться с Комсомольской, которая подвергнется реконструкции: главной ее достопримечательностью станет цирк. Центром композиции площади Фурката станет киноцонцертный зал на четыре тысячи мест. Перед ним будет воздвигнут памятник Фуркату. Проспект Дружбы народов получит ряд новых градостроительных узлов – площадь на пересечении с улицей Мукими, ансамбль между улицами Волгоградская и Фархадская. Ансамбль украсит тридцатиэтажная гостиница, крытый рынок, другие здания оригинальной архитектуры. Интересно решается площадь на пересечении улиц Горького и Пушкина. Ее образуют здания Главпочтамта и проектного института. Главпочтамт задуман как загнутая в улитку высотная композиция с нарастанием этажности. Все операционные залы разместятся в огромном первом этаже.

И еще я хотел бы рассказать об одном здании, которое будет иметь для ташкентцев большое значение. Я имею в виду дом транспорта. В этом здании будут сосредоточены центральные диспетчерские службы трамвая, троллейбуса, автобуса, такси, городское транспортное агенство. Закономерен вопрос: а не простая ли это перемена мест слагаемых? Средств общественного транспорта у столицы республики, мне кажется, достаточно, а вот оперативно управлять ими трудно, и частые перебои болезненно сказываются на ритме городской жизни. Диспетчерская служба поднимется на качественно новую ступень – она будет автоматизирована.

Перед диспетчером на огромной красочной схеме пассажирских коммуникаций будет полная картина работы трамвая, троллейбуса, автобуса. Каждую минуту диспетчер будет в курсе, сколько транспортных единиц у него на маршрутах, как соблюдается расписание. Отклонение от расписания в одну минуту – и на схеме у остановки, куда опоздал, к примеру, трамвай, зажигается красная лампочка. Оперативные меры принимаются тут же, по линии прямой связи. Ну, а если авария, трамвайц сошел с рельсов? Тут же дается команда машинам скорой технической помощи, на остановках через громкоговорители пассажиры оповещаются о причинах задержки, на параллельные маршруты троллейбуса и автобуса тотчас выводятся дополнительные машины. Сейчас такого в практике организации движения пассажирского транспорта Ташкента вы не встретите. Но это дело близкого будущего.

Ташкенту присущи качества, которые производят на наших зарубежных гостей сильное впечатление. Это, в первую очередь, масштабы градостроительных работ. Специфика Ташкента и в том, что мы не ставим дома плотно, а вкрапливаем их в зелень. В центре города, среди великолепных зданий и зелени, в прохладе человек будет чувствовать себя вольготно. Зарубежные деятели всегда отмечают эти особенности Ташкента.

Каким мы увидим любимый город через пять лет? Проведем вначале несколько исторических параллелей. В 1917 году площадь Ташкента равнялась 90 квадратным километрам, население составляло 250 тысяч человек. Сегодня – 220 квадратных километров и 1420 тысяч человек. В 1975 году ташкентцев будет 1,7 миллиона. За 53 советских года город вырос в ешсть раз. При этом ввысь он растет втрое быстрее, чем вширь. Когда от Черного до Баренцова моря протянулся фронт Великой отечественной войны, Ташкент стал одной из важных баз, где ковалась победа над врагом. Город принял 93 завода, сотни тысяч

эвакуированных. Он стал отцом и матерью, родным домом для 50 тысяч детей, у которых война отняла родителей. Ташкент сегодняшний – это крупнейший индустриальный центр. У него 46 вузов и техникумов, 28 проектно-изыскательских институтов, 70 научно-исследовательских институтов Академии наук республики. В новой пятилетке в Ташкенте предстоит построить больше, чем было построенот за предыдущие пять лет, и это несмотря на огромный размах восстановительных работ после землетрясения. Будут расшироены заводы тракторный, экскаваторный, хлопкоуборочных машин, кабельный, швейные и обувные фабрики. Появится много новых предприятий. Вырастет мощность городского водопровода, канализации. Вдоль канала Бозсу, от парка «Победа» до Комсомольского озера, протянется красивейшая гранитная набережная длиной шесть километров. В парке «Победа» поднимется новая телевизионная башня высотой триста метров. У нее будет вращающаяся обзорная площадка. Дальнейшее развитие получит общественный транспорт.

Намечено пробить несколько новых магистралей. Так, улица Горького шириной 140 метров пройдет от массива Каракамыш до авиационного завода, ее длина составит 22 километра. Начнется строительство большого бульварного кольца вокруг Ташкента. Город украсят новые мосты и путепроводы, станет больше подземных переходов.

Возраст старого Ташкента измеряется веками. Новому всего пять лет. Но за эти прять лет сделано больше, чем за века. А за пять предстоящих лет будет сделано еще больше.

ОТКРЫТАЯ ДУША ТАШКЕНТА

В воздухе разлито тепло, много тепла. На северной окраине, в благоухающем розами дворе профессионально-технического училища встретились две группы вьетнамцев. Первая закончила двухгодичную учебу и должна была отбыть на родину, втоая, около ста человек, только прибыла в нашу страну. Приехавшие были застенчивы и выглядели изможденными. Встречу описывать не буду, наверное, во всехъ странах близкие люди встречаются похоже. Разбившись на группы, дипломированные сварщики, токари, слесари что-то восторженно говорили своим сверстникам. И у «старичков» и у новеньких сияли глаза. Словом, которое упоминалось наиболее часто, было название города. Я понял: новеньких знакомили с традициями, которые родились здесь, в Ташкенте. «Старички» увозили в свою страну не только новые для себя профессии, но и любовь к нашему образу жизни. И Ташкент,в се увиденное и понятое здесь во многом ассоциировалось у них с будущим их родной страны.

Другое время года, другая городская окраина. Квартира декана гидромелиоративного факультета ТИИИМСХ Фарида Рахимбаева. За праздничным столом вместе с хозяевами дома непринужденно сидят кубинские студенты. Ляган с пловом; на рисе, на лиловых ягодах барбариса блики света. Отдано должное и плову, и зеленому чаю. Молодые кубинцы поют под гитару – так звонко и самозабвенно поют только в юности. Два года Рахимбаев отдал Кубе, прочитал курс лекций «Орошение и осушение», подготовил двадцать мелиораторов. Помнит, как сильна бывает тоска по родине, как трудно с ней бороться. И потому кубинские студенты частые гости в его хлебосольном доме. «Тетя Гульнара, - говорят юноши жене Рахимбаева, - вы наша мама». Акцент тоже передает интонации нежности.

На днях телеграф принес известие приятное и одновременно симптоматичное. Городом-побратимом Ташкента стал тихоокеанский порт Соединенных Штатов Сиэтл. Ташкент и Сиэтл первые советский и американский города, установившие такого рода дружеские взаимоотношения. Этот шаг, мне кажется, продиктован не вежливостью и не модой, а тем растущим в Америке интересом к Советскому Союзу, к нашим городам, которые, предоставляя гражданам те же виды комфорта и благоустройства, что и в Америке, делают это более экономично. Американцы обеспокоены судьбой своих городов. Их центры пустеют, наиболее обеспеченные жители переселяются в предместья, и в запустение приходят многие кварталы. Общественный транспорт во всех крупных американских городах влачит жалкое существование. Здесь к перенапряжению транспортных артерий, своего рода гипертонии, добавилась езе одна болезнь: в сердце города отмирают участки живой ткани.

В наш век крупнущих связей выход большого города на мировую арену явление обычное. Но в этом процессе интересно то, с чем мы выходим, что составляет гордочсть и индивидуальность Ташкента. Чем, прежде всего, знаменит Ташкент? Не чем, а кем – ташкентцами. Людьми, создавшими узбекской столице славу города хлебного и теплого, ласкового к друзьям, протягивающего руку мира и дружбы всем континентам.

Улица Карла Маркса, особенно любимая молодежью, обладает и сейчас некоей притягательной силой. Выдалась свободная минута, и я, вспоминая что-то из юности, вышел прогуляться. Впереди меня шли четверо. Подростки. Подчеркнутая аккуратность одежды, подячеркнутая независимость. Один, не заботясь о том, чтобы его слушали, говорил о всепогодном истребителе с треугольными крыльями, которому перейти на сверхзвуковую так же просто, как водителю переключить скорость с третьей на четвертую. Второй, тоже не заботясь, чтобы его слушали, рассказывал о недавнем походе в горы – как там все было здорово и как они одолели все-таки перевал, несмотря на грозу, высоту и потерю тропы. Третий, не слушая, рассказывал о вчерашнем фильме – он до конца не знал, кто же шпион, и это понравилось и запомнилось. Четвертый же был погружен в себя и думал, думал, думал. Где он парил, каких лиловых высот достиг его звездолет? Он не знал, какую добрую службу сослужит ему завтра эта окрыленность. Он многого еще не знал. Но видел впереди необъятный простор, и был покорен им, и собирался постичь его. Я смотрел на них, и мне не было грустно, хотя каждый из этих молодых людей повторял в чем-то сокровенном мою юность. Они принесут Ташкенту новую завтрашнюю славу.

Люди Ташкента. Вот бригада строителей, 26 человек в брезентовых спецовках. Седьмой этаж строящегося Дома золота по улице Пушкинской. Отсюда близко небо и совсем близка стрела башенного крана. Каменщики, бетонщики, плотники, сварщики делают каждый свою часть работы, а утром прохожие отмечают, что вот этогог этажа вчера еще не было. Во главе этого коллектива свой командир – бригадир, самый опытный и авторитетный рабочий. Рабочий! Не совсем так. Этой бригадой руководит инженер-экономист Джалил Каюмов. На седьмой этаж лестница ведет долго, стены еще не покрыты штукатуркой, и видно, как аккуратно лег в стены кирпич, как хорошо перевязана кладка: швы ровные, строгой полуторасантиметровой ширины, как и предусмотрено нормами. Что ж, каменщики и Каюмова признанные мастера. Седьмой этаж. Светло, солнечно. Каменщики ведут кладку, бетонщики вибрируют бетонгную смесь, освобождают от опалубки затвердевшие конструкции. Здесь каждый знает свое задание, на совесть

делает порученное ему дело – и помогает товарищу, если в этом есть необходимость. Так что если надо привести пример работы самоотверженной и творческой, работа бригады Каюмова как раз и есть пример такого рода.

А сам Каюмов высок, худощав. Скромен, но при этом требователен. Все время при деле: или расставляет людей, или трудится сам. Причем, работая, не чурается прибрать мусор, хотя является монтажником высшей квалификации. Личный пример – вот главное его оружие в сплочении бригады. И радует вот какая его черта: думающий он человек. Перед началом работы все детально изучит. Со стороны кажется – медлит, в чем-то сомневается, а он уже весь в работе. В мысленной работе. Зато как приступит к делу, у него все идет в строгой последовательности, как и полагается по технологии. Ни брака, ни переделок. Кончит, посчитает все – затраты труда у него самые минимальные. И тогда говоришь себе: не удивительно, ведь он инженер.

Инженер остался бригадиром. Не захотел уйти со строительных лесов. Выгодно ли это государству? Выгодно, потому что выигрывает дело.

Институт экспериментальной биологии растений. Здесь работает селекционер Садык Мирахмедов. Он вывел получившие широкое арспространение новые сорта хлопчатника, которые не болеют вилтом, и закрепил за ними названия «Ташкент – 1, 2 и 3». Еще недавно вилт – грибковое заболевание хлопчатника, был настоящим бичом наших плантаций. Узбекистан терял полмиллиона тонн сырца каждый год. Переход на вилтоустойчивые сорта позволил поднять отдачу полей с 4 до 4, 7 миллиона тонн хлопка-сырца в год. Идея Мирахмедова была такова: вилту, котоырй прокрался даже в низлвья Амударьи, должны противостоять не только передовая агротехника, но и само растение хлопсатника, то есть такие его сорта, в которых невосприимчивость к вилту закладывалась бы генетически и была наследствнно стойкой. Он скрестил дикие американские сорта хлопчатника, не боящиеся вилта, с нашими культурными сортами – и получил стойкий иммунитет к вилту. Теперь он борется за скороспелость.

Еще один знаменитый ташкентец, знакомству с которым можно гордиться – врач высшей категории отоларинголог Давид Иосифович Шенкер. У него операционный день, больная подготовлена. Диагноз – отосклероз. Склеротическое разрастание слуховых косточек (молоточка, стремечка и наковальни), передающих звуковые колебания, привело к их неподвижности. Больная уже двадцать лет не слышит. Сделать ее полноценным человеком может только операция. И вот операционный стол. Рефлектор на лбу хирурга направляет пучок света в ушную раковину. Шенкер открывает доступ к барабанной перепонке. Дальнейшее делается под микроскопом. Тонкая струйка света врезается в слуховой аппарат. Руки Шенкера быстры и как-то отечески нежны. Диагноз правилен. В микроскоп молоточек кажется огромной берцовой костью, стремечко – толстым канатом. Все окостенело. Шенкер разбивает стремечко медицинским долотом. Где-то включили радио, полилась мелодия из «Гаянэ», и Шенкер стал насвистывать ее. Эта операция была для него привычной работой. Он готовит стремечко – протез из тефлона, белого синтетического материала. Несколько примерок. И самое ответственное – надо проколоть вторую перепонку, соединенную со слуховым нервом. Сетра боится шевельнуться: может скрипнуть пол, а даже такая мелочь мешает. В руках у Шенкера иголка. Пальцы напряжены, глаза приникли к окуляру, как к прицелу. Быстрый укол. Иголка больше не нужна, на молоточек надето тефлоновое стремечко.

Вы меня слышите?

Слышу, доктор!

Двадцать шесть.

Двадцать шесть! – Это исцеление. Человек почувствовал себя родившимся заново, и это ни с чем не сравнимо…

В Союзе архитекторов Узбекистана готовится выставука проектных работ. Руководит подготовкой директор института «Ташгенплан» Фархад Юсупович Турсунов. Этот проектный институт, наверное, самый молодой в Ташкенте. Его рождение было вызвано потребностями реконструкции узбекской столицы, которая после езмлетрясения 1966 года велась особенно интенсивно. Вполне естественно, что эти работы не должны были выплескиваться за русло генерального плана. Но кое-где это русло уже было мало для такого большого корабля, каким стала реконструкция Ташкента. Оно нуждалось в углублении и расширении. Корректировку генерального плана, с учетом новейших тенденций развития градостроительства, лучше всего было сосредоточить в одних опытных руках. Так родился институт «Ташгенплан».

Город, сячитает Турсунов, живой организм, но, в отличие от человеческого, он может не только расти и стариться, но и молодеть, равняясь на эпоху, впитывая ее тенденции. Когда в городе живет свыше миллиона человек, это уже большой город, и сделать его удобным для жизни куда сложнее, чем город маленький. Сегодня Турсунова и его коллег интересуют перспективы роста Ташкента и городов-спутников Чирчка, Янгиюля, Алмалыка, городской и внешний транспорт, пригородная зона, формирование зон отдыха. Все это не простые вопросы, и решать их надо с учетом перспективы. Еще – формирование общегородского центра. Еще – водоснабжение, охрана внешней среды. Простор для поиска почти

безграничный. Но и ответственность какая! Кое-что, однако, уже было решено, и решено кардинально, и этим решениям посвящалась выставка.

Архитекторы обладают счастливым даром придавать своим проектам почти художественную выразительность. Вот макет ядра центра города. Зеленая зона протянется от фонтана-водопада на площади Ленина до сквера Октябрьской революции. Справа поднимутся почти квадратные невысокие здания предприятий общественного питания, слева – контрастные высотные здания министерств, проектных контор. В сторону педагогического института будет продолжен проспект имени Ленина. Он будет застроен жилыми домами большой протяженности, на 200 – 300 квартир каждый. На территории бывшей крепости будет разбит второй детский парк, а берега каналов Бозсу, Карасу, Салара будут превращены в благоустроенные набережные. Облицовка берегов – бетон и гранит. Отдельные участки останутся в своем первозданном виде, они зхороши и без облицовки.

Ташкентцы – это тысячи Каюмовых, Мирахмедовых, Шенкеров, Турсуновых. Это люди пытливой, устремленной в завтра мысли. Это прекрасные рабочие и специалисты, работники науки и культуры, создавшие новую славу своему городу – трудовую. И жить для таких людей – огромная, ни с чем не сравнимая радость.

Дореволюционный Ташкент не снискал себе большой славы. Древние зодчие не оставили здесь ярких шедевров архитектуры, ханы-завоеватели не делали его своей резиденцией. И история города не привлекла к себке такого пристального внимания, как история Самарканда, Бухары, Хивы. В эпоху феодализма, которая продлилась до 1866 года, Ташкент влачил жалкое существование. Затем развитие города ускорилось, хотя большие события в его жизни все еще разделялись годами и десятилетиями. В 1900 году бельгийское акционерное общество упстило здесь конку, в 1913 году появился телефон. Канал Бозсу четко делил Ташкент на старый, узбекский город и на новый, европейский, который развивался на восток, в сторону вокзала. Сегодня в Ташкенте полтора миллиона жителей – в шесть раз больше, чем в 1917 году. Заводы и фабрики города выпускают тысячи наименований промышленной продукции. Это, в частности, самолеты «Антей» (их еще называют летающими вагонами), хлопкоуборочные машины, экскаваторы, тракторы, текстиль и обувь, лекарства, радиодетали, даже искусственные алмазы. Связи со страной самые тесные. Через ташкентский железнодорожный узел ежегодно проходит в южном направлении 60 миллионов тонн грузов, в северном – 40 миллионов тонн. Причем, эти хозяйцственные связи строятся не на клиринговой основе, подразумевающей равенство в стоимостном выражении ввоза и вывоза. Расчеты на клиринговой основе не позволили бы республике развиваться столь стремительно.

Индустрия – одна сторона жизни города. Наука, культура, народное образование – вторая. В городе 260 тысяч школьников, 165 тысяч студентов. Академия наук, семь театров, пять музеев. И тенденции роста таковы, что приходится идти на некторые ограничения. Ибо сегодня притягательная сила большого города очень велика. Городское хозяйство, расширяясь с каждым годом, ставит перед городом задачи, новые и с качественной, и с количественной точек зрения. Это строительство жилых микрорайонов, комплексная проблема транспорта, развитие коммунальных служб и благоустройство.

После войны был торжественно пущен первый троллейбус. Теперь у города сорок трамвайных и троллейбусных маршрутов, своя электричка. Начато строительство метролитена. Девять станций первой очереди распахнут двери уже в 1977 году. Полумиллионный Чиланзар получит надежный транспортный выход в центр. Начатые в 1933 году работы по составлению генерального плана Ташкента давно завершены, в первоначальные проработки вносятся своевременные коррективы. Горисполком знает, что надо построить сейчас, безотлагательно, а что можно отнести на более поздний период. Особое внимание уделяется реконструкции главных транспортных магистралей.

Размещая на бойких магистралях жилые здания, архитекторы стараются ствывить их не столько параллельно улице, сколько пернендикулярно к ней. В этом случае часть звуковых волн гасится торцевыми стенами. Превосходная защита от шума – высокие деревья с густыми кронами и обильным лиственным покровом. Такой заслон полезнее летом, чем зимой. Но и зимой даже небольшой слой снега на ветвях значительно ослабляет уличные шумы.

Возрожденный Ташкент. Иду зелеными аллеями чиланзарских кварталов. Многоэтажным домам нет конца. Здесь представлено все многообразие советской архитектуры. Читаю слова, к которым нельзя привыкнуть. «Сибирь – Ташкенту», «Липецк – Ташкенту», «Ташкентцам на счастье от белорусского народа». Невольно думаю: здесь должны жить счастливые люди. Звоню наугад в одну из квартир. Дверь открывает Хасия Камалова, работница гостиницы «Россия». Муж Икрам, водитель троллейбуса, сейчас на линии. Пятеро детей. «Живем счастливо, - говорит Хасия. – Год жили на уплотнении у родственников, спасибо им, а потом получили эту просторную квартиру. Воронежцы строили! Спасибо им! Представляете – после землетрясения въехать в такую квартиру?»

Итак, схватка со стихией и ликвидация ее последствий позади. Потерянное восполнено давно, но интенсивность реконструкции города не пошла на убыль. Растут жилые массивы на Чиланзаре, Севере и Северо-Востоке, Каракамыше и Куйлюке, и мы довольны темпами этого роста. Центр тяжести

строительных работ перемещается в бывший старый город, жилой фонд которого наиболее ветх и неблагоустроен. На массив Север пришел трамвай, а к обувщикам на южную окраину – троллейбус. Метростроевцы двенадцатью забоями ведут проходку перегонов. Столяры настилают паркетные полы в двадцатиэтажном административном здании на площади имени Ленина, которая таким образом получила монументальную завершенность. Инженеры рассчитывают, какой должна быть зона отдыха на Чарвакском водохранилище в 70 километрах от Ташкента, чтобы она одновременно могла принять сто тысяч человек. Постепенно Ташкент приобретает черты, не свойственные ни одной из столиц сопредельных стран. Наши градостроительные задачи решаются комплексно и масштабно, в центре внимания – человек труда, его нужды и потребности. Какая из столиц Востока, к примеру, может похвастать, что каждый ее житель получает ежедневно 400 литров чистейшей водопроводной воды?

Связь человека с городом, в котроом его дом, в котором он вырос и который живет в нем отблесками событий далеких и близких, сделавших их добрыми друзьями – связь эта эта всеобъемлюща. Его город – его гордость, забота и боль. Для кого-то, конечно, лучше другие, их города, а для него – этот. Город привязан к человеку улицами и площадями, и аллеями парков, и трамваями, торопящимися вдаль – которыми когда-то так хорошо было возвращаться со свиданий. Город привязан к человеку всем тем, что с ним здесь было – его прошлым, которое, совсем немного, стало и прошлым города. И это же можно сказать о настоящем и будущем. Когда человек уезжает куда-нибудь по делам или в отпуск, родной город манит его к себе, и рождатся чувство тоски, которому трудно противиться. Другие города могут быть тоже хороши, даже необыкновенно хороши – они могут быть лучше родного города, и все-таки они не так хороши. Потому что с ними тебя ничего не связывает, кроме простой любознательности. И когда самолет или поезд привозят тебя обратно и ты с чувством легкости и с приливом сил ступаешь на порог дома своего, тогда весь город снова с тобой, и ты рад его ненавязчивому присутствию рядом. И тут ты постигаешь, какое это счастье – понимать душу родного города. Его открытую, добрую, родственную душу.

Именно такая душа у Ташкента.

ШАГ В ВЕК ГРЯДУЩИЙ

Двухтысячный год… Мы привыкли воспринимать этот рубеж как отдаленную перспективу. Но сегодня, оказывается, он вовсе не туманное будущее, скрытое за горизонтом времени, а вполне реальное, даже осязаемое наше завтра, предстающее в конкретных планах, в контурах городов на чертежах архитекторов, в виде новых машин, сдающих экзамены на заводах и полях, в виде совершенных технологических процессов, отрабатываемых в лабораториях ученых. И даже дети, родившиеся нынче, получат свои паспорта в первом году третьего тысячелетия. Такова поступь времени, спешащего в будущее.

Вдумаемся всего лишь в один факт: к концу двухтысячного года намечено удвоить производствнный потенциал страны. Это означает, если мыслить образами, что появится еще одна такая же могучая индустриальная держава. Такая же? Нет, еще более совершенная, ведь предусмотрено коренное качественное обновление всего производственного потенциала. И предполагается этого добиться за какие-нибудь пятнадцать лет!

Ожидаемый результат, конечно, придет не сам по себе. Предстоит осуществить крутой поворот к интенсификации производства, переориентировать каждое предприятие, каждую отрасль промышленности на полное и первоочередное использование качественных факторов экономического роста. И решающее чслово за достижением намеченных целей будет, разумеется, за человеческим фактором.

Предстоит совершенствоваться и территориальной структуре общественного производства. Предусмотрено обеспечить рациональное сочетание экономического и социального развития в каждой союзной республике и в каждом экономическом районе, улучшится их взаимодействие в едином народнохозяйственном комплексе страны. В Узбекской ССР проект «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986 – 1990 годы и на период до 2000 года» предлагает за пятилетие увеличить производство промышленной продукции на 24 – 27 процентов. Это в семье советских республик самый высокий темп движения вперед. И предусмотрен он не случайно. Ведь Узбекистан для этого располагает вполне достаточными трудовыми и природными ресурсами, надежным фундаментом и во многом еще не исчерпанными резервами для дальнейшего развития своего потенциала.

Заложен же этот фундамент предыдущими пятилетками. Теперь в Узбекской ССР более полутора тысяч промышленных предприятий. У нас быстро развиваются электроника, машиностроение, металлургия, химия, добыча топлива, легкая и пищевая промышленность – всего свыше ста отраслей. В общем, есть все основные отрасли индустрии,т характерныфе для высокоразвитых государств.

И здесь, чтобы в полной мере осознать величие свершенного, правомерно вспомнить, с чего мы начинали. Для объективности сошлемся на свидетельства очевидца. Таковым вполне может быть известный географ В. И. Мосальский, автор книги «Туркестанский край», изданной в 1913 году. Он писал: «Что же касается фабрично-заводской промышленности, то она едва только зарождается в Туркестане и пока играет в жизни населения более чем второстепенную роль… Преобаладают мелкие предприятия, которые только носят названия фабрик и заводов, в действительности же являются производствами кустарно-ремесленного типа».

Пройдемся же сегодня по цехам производственного объединения «Ташкентский тракторный завод». Вы увидите автоматические поточные линии, комплексы и обрабатывающие центры, где сложнейшие процессы выполняют роботы. Ташкентские тракторостроители вот уже пятнадцать лет выпускают самую главную машину хлопковых полей. За это время через заводские ворота прошло свыше трехсот тысяч тракторов. Вспомним, что Ленин мечтал о времени, когда вся страна убудет иметь сто тысяч тракторов. А тут всего лишь на одном заводе, построенном на некогда бывшей окраине государства, за совсем малый срок с конвейера согло втрое большее количество машин! Они вместе с другой техникой, пришедшей на службу крестьянам, помогли сделать сельское хозяйство республики высокомеханизированным.

Оглянемся снова на истоки. «Приемы и способы обработки земли и вообще культуры полевых растений в Туркестане в общем первобытны и в большинстве местностей остаются в настоящее время такими же, какими они были сотни лет тому назад», - авторитетно утверждал упоминавшийся выше Масульский. Всего полвека назад в нашем крае главными орудиями труда земледельца были деревянный плуг – омач, и кетмень, который заменял лопату, заступ, лом, сапку и так далее. Географ писал: «Убирают хлеба и люцерну незазубренным серпом (ураком), молотят ногами животных, которых гоняют по разостланному хлебу на особо устраиваемом в поле току (хирмане)».

А вот описание тем же автором технического уровня в области ирригации и орошения: «Постройка туркестанких каналов произведена самыми простыми способами с помощью земли, хвороста и других материалов, имеюшихся всюду под рукой; ни каменных сооружений, ни шлюзов на них нет… Вода доставляется на поля посредством водоподъемных колес или чигирей. Чигирь состоит из огромного колеса, на ободок которого привязаны глиняные кувшины: колесо приводится в движение лошадью, верблюдои

тлт водой, и, черпая при вращении кувшинами воду из глубокого канала, выливают ее в желоб или канаву, по которым она течет на орошаемое поле. Подъем воды для орошения более современными механическими способами, к сожалению, еще мало развит в Туркестане».

Сегодня Узбекистан по праву гордится своими достижениями в области орошаемого земледелия. Созданы десятки водохранилищ, действует более девятисот современных оросительных систем, в том числе и управляемых ЭВМ. На каналах возведено свыше 50 тысяч гидротехнических сооружений. Каждый третий кубометр воды подается на плантации насосами.

Посетим для примера один из гидроузлов – Туямуюнский. Это крупнейший ирригационный комплекс. Его творцы перегородили Амударью километровой плотиной, смонтировали на ней ГЭС мощностью 150 тысяч киловатт, уже вырабатывающую второй миллиард киловатт-часов электроэнергии. А перед плотиной, среди песков наполняется водой искусственное море. Из этой гигантской копилки влаги на поля Хорезма, Ташауза, Каракалпакии уже подано более 12 кубических километров воды. Гидроузел не только обеспечивает водой существующий оазис, но и позволит ввести в селькохозяйственный оборот еще полмиллиона гектаров засушливых земель.

Таковы масштабы свершений сегодняшнего дня. Они буквально преобразили эти некогда глухие места. В. И. Масальский писал: «Скрип ячигирей и звон железных побрякушек у арбы слышится всюду при поездве по Хивинскому ханству». Сегодня, естественно, во время путешествия по Хорезмскому оазису уже не встретишь ни чигирей, ни арб. В наши дни низовья Амударьи – один из динамично развивающихся районов страны. Здесь ежегодно выращивается свыше миллиона тонн хлопка, около полумиллиона тонн риса, много фруктов, бахчевых, шелковичных коконов. Быстрыми темпами начала расти в этих местах и промышленность.

И еще параллель с прошлым, на этот раз из сферы духовной. Возьмем образование и процитируем в последний раз книгу «Туркестанский край»: «Ученики обучаются в мактабах механическому чтению и письму на арабском языке и заучивают главы (суры) Корана; более успевающие из них получают некоторые сведения относительно совершения омовения, намазов (молитв) и других религиозных обрядов. Покончив обучение в мактабе, продолжающееся от двух до пяти лет, мальчик приобретает умение читать без понимания прочитанного, и только лишь те книги, по которым он учился в школе, а также механически выводить буквы или списывать с оригинала. Познания, получаемые в школе, настолько не применимы к жизни и шатки, что огромное большинство окончивших обучение в мактабе и вернувшихся к занятиям их отцов, быстро забывают начатки грамотности…»

Это мальчики. В те времена считалось, что девочкам учиться вообще ни к чему.

Узбекистан – республика сплошной грамотности. У нас широкая сеть школ, специальных средних и высших учебных заведений. С нынешнего учебного года в школах Узбекистана, как, впрочем, и повсюду в стране, стали изучать основы информатики и вычислительной техники. Таково требование времени, вдь юношам и девушкам, внукам и правнукам тех, кто когда-то учился в духовных школах при медресе, предстоит быть хозяевами на заводах, фермах и плантациях на стыке веков. И не просто работать, а использовать автоматизированные системы управления и карманные компбютеры…

И как здесь не подивиться стремительному бегу времени! Однако кто-нибудь из читателей может возразить: время одинаково идет всюду. Так ли это? Убедитесь сами, что этио не так. Возьмите туристическую путевку за рубеж, внимательнее присмотритесь к передачам телевидения, наконец, просто полистайте газеты и журналы, и вы узнаете о существовании на земном шаре обширных районов, где время как будто остановилось или даже движется вспять. Виною тому капитализм, эксплуатация человека человеком во имя процветания немногих.

В каждом из нас воспитано чувство хозяина большого дома – СССР. Еще в 1922 году Михаил Иванович Калинин говорил: «Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках форм, которые дали бы народами возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в сегодняшний день практически закладывается первый камень в этом направлении…» Что ж, в фундамент общзего дома семьи народов страны Советов были заложены прочные камни. Их кладка успешно прошла испытание временем. И не случайно прозорливейшие умы человечества считают Советское государство моделью для будущего устройства всего мира.

В нынешних достижениях Узбекистана есть вклад всех народов нашей общей Отчизны. Это с их помощью за короткое время на древней земле Узбекистана воздвигнуты такие индустриальные центры, как Чирчик и Алмалык, Навои и Мубарек. От нас стартовали гигантские газопроводы Бухара – Урал и Средняя Азия – Центр. Это у нас превращены в цветущие сады сотни тысяч засушливых гектаров Голодной и Каршинской степей, низовий Амударьи. Это у нас поднялись современные промышленные предприятия. При участии народов-братьев сыновья дехкан научились плавить металл, собирать самолеты и тракторы.

Выше говорилось об ускоренном развитии в республике промышленности. Быстро будет расти и селськое хозяйство. Узбекистан и впредь останется основным поставщиком хлопкового волокна. Его

производство в 1990 году намечено довести до 1,9 миллиона тонн. Здесь надо отметить, что уже два последних года труд земледельца стал оцениваться по конечному результату – количеству сданного государству волокна. В итоге выросла ответственность руководителей за качество продукции, увеличился выход волокна, уменьшились потери. Улучшились и экономические показатели, повысились доходы хозяйств. В новой пятилетке намечено значительно увеличить производство мяса, молока, овощей и фруктов, бахчевых культур.

В промышленности предпочтение для наиболее высоких темпов развития отдано химической, электротехнической, легкой индустрии, приборостроению, переработке сельскохозяйственной продукции. Выработка электроэнергии увеличится на четверть; новые мощности будут введены на Новоангренской и Талимарджанской ГРЭС. В целях более полного использования трудовых ресурсов продолжится создание филиалов действующих предприятий в малых и средних городах и сельской местности.

Мы гордимся нашими несомненными достижениями, радуемся ясным и вдохновляющим перспективам. Но мы видим недостатки и резервы. Мы концентрируем на них свое внимание. Рабочие, крестьяне, каждый советский человек сделают все, чтобы принятые решения были претворены в жизнь. Двенадцатая пятилетка уверенно вступает в свои права, наш народ уверенно делает шаг навстерчу грядущему веку.

Послесловие

А далее началось непредсказуемое, и началось естественно и просто – с горбачевской гласности. Простая демократизация общества сначала пошатнула власть партии, а потом свела ее на нет. Правда белых через семьдесят советских лет восторжествовала над правдой красных, и восторжествовала бескровно, без очередной революции. Двенадцатая пятилетка осталась не выполненной, а тринадцатой у советского народа уже не было. Не стало и самого Советского Союза, а бывшие национальные рспублики предпочти далее развиваться самостоятельно. Для России, измученной предыдущим, это тоже был оптимальный вариант. Братство советских народов автоматически перешло в мирное сосуществование, а Нагорный Карабах и другие межэтнические разборки показали, что братство это было больше нарисованное, чем реальное. Главное, 22 миллиона коммунистов не стали ничего советского отстаивать и ничего советского защищать. Значит, им самим установленные партией порядки и законы изрядно поднадоели, и они сочли за лучшее отойти от них. В начале XX века Россия была пятой экономикой мира. А после всех выдающихся советских побед и достижений в начале века XX1 Россия едва доползла до десятого места. Ее обошла даже Бразилия, знаменитая разве что своими карнавалами, футболом и кофе. Что ж, индивидуальное начало в человеке оказалось выше начала коллективисткого, и XX век доказал это. Дорогой ценой доказал, очень дорогой.

РОЖДЕНИЕ МОРЯ

Эти очерки задуманы, как хроника одного строительства. В 70 километрах от Ташкента, перед слиянием Чаткала и Пскема в Чарвакском распадке поднялась высотная плотина. Она остановила реку Чирчик, и заплескалось Чарвакское море. Стройка началась в 1963 году.А в 1971 году станция была пущена. Лжин за другим даои ток четыре агреката суммарной мощностью 600 тысячя киловатт. В чаше водохраниолища скоро будет собрано два кубических километра влаги. Но гул двадцатияпятитонных самосвалов не утих, отсыпка плотины продолжается. И началось возведение следующей станции каскада – Ходжикентской ГЭС мощностью 160 тысяч киловатт. Изыскатели и проектировщики приглядываются к новым створам. Освоение водно-энергетических ресурсов Чирчика продолжается. Сделано, безусловно, многое. Но тем ярче замыслы, и тем больше вмещают в себя планы. Не в этом ли - в постоянном штурме новых высот – краста жизни?

Начало

В начале января 1963 года в Ходжикенте за пионерским лагерем стояли три вагончика управления механизированных работ треста «Узбекгидроэнергострой». Один вагончик трест предоставил управлению строительства Чарвакской ГЭС, созданного только что, и все управление в нем разместилось. Днем вагончик был отделом кадром, а ночью в нем спали.

Тот же январь. Морозным днем старики сидели в ходжикентской чайхане. Пили чай, неспешно беседовали. Жизнь шла своим чередом. За окном стояли белые горы. Так бывало зимой и много лет назад, природа вершила свой круговорот. И, подчиняясь ему, ижили люди. У чайханы остановилась машина, и из нее вышли двое шофер и высокий мужчина, геолог или инженер. Вошли, поздоровались, сели на айван, попили чаю. Когда они вышли, машина свернула к мосту через Чирчик. Через час она снова проехала под окнами чайханы. Потом вернулась, и эти двое опять вошли в чайхану. Стали обедать. Похоже, они больше никуда не торопились, и дела у них были здесь. Какие?

В чайхану вошли еще трое русских. Этих старики знали, они работали здесь на буровых станках. Все пятеро сидели и беседовали, и стало заметно, что они взволнованны.

- Значит, начинаем, Геннадий Моисеевич? – спросил бурильщик у высокого.
- Начинаем! – Высокий внимательно оглядел чайхану, неожиданно встал, подошел к старикам и сказал: - Товарищи, по решению правительства здесь начато строительство Чарвакской гидростанции. Передайте всем, что нам нужно много рабочих!

Это было 3 января, а высокий мужчина был первым начальником строительства гидроузла, и фамилия его была Арамбицкий. В верховьях Чирчика начиналась новая жизнь.

Уже в мае Ходжикент напоминал разворошенный улей. На правом берегу реки спешно строили новый поселок, который ничем не напоминал старый Ходжикент: прямые широкие улицы, аккуратные домики. А на месте старого поселка возводили подсобные предприятия, прокладывали дороги. Долина Чирчика здесь очень узкая, и пришлось Ходжикенту переезжать. Уже было много приезжих. Они жили в вагончиках, в близлежащих пионерских лагерях. Приезжих выдавал счастливый блеск глаз. Что ж, первопроходцы всегда романтики. Новый поселок скоро пополнился многоэтажными зданиями и был назван Солнечным.

Всем было интеерсно, каким будет гидроузел, каковы вообще перспективы освоения горных рек. Согласно схеме комплексного использования гидроэнергетических ресурсов реки Чирчик, разработанной среднеазиатским отделением института «Гидропроект», на реках Чаткал и Чирчик (он образуется от слияния рек Чаткала и Пскема) целесообразно построить Баркраутскую, Среднечаткальскую, Чарвакскую и Ходжикентскую гидростанции суммарной мощностью 1,5 миллиона киловатт. На Чирчик-Бозсуйском энерго-ирригационном тракте уже работало 16 небольших гидростанций общей мощностью 340 тысяч киловатт, и возведение новых ГЭС существенно повысишало их эффективность. Верхней ступенью каскада должна была стать Баркраукская ГЭС с водохранилищем многолетнего регулирования емкостью 4,4 кубических километра.

Чарвакская ГЭС расположена в среднем течении реки Чирчик. В ее бассейне сосредоточены большие площади поливных земель (320 тысяч гектаров), и имеются крупные земельные массивы, еще не орошенные. Этот район является населенным и промышленно развитым. Орошаемые земли оптимально обеспечиваются водой только в многоводные годы. Паводок в Чирчике приходился на конец мая, и в июле-августе воды для полива в маловодные годы остро не хватало. Необходимо было водохранилище, регулировавшее сток Чирчика. Такое регулирование и гарантировал Чарвакский гидроузел с плотиной высотой 168 метров и гидростанцией мощностью 600 тысяч киловатт, с выработкой около двух миллиардов киловатт-часов электроэнергии в средний по водности год. Он также гаранитровал дополнительное орошение 145 тысяч гектаров. Водохранилище площадью 40 квадратных километров создавало прекрасные условия для организации массового отдыха трудящихся.

Таким образом, Чарвакский гидроузел – комплексный, он решает вопросы и энергетики, и ирригации. Станция будет рабаотать в наиболее ценном для энергосистемы пиковом режиме, выдавать электроэнергию в то время, когда в ней наибольшая потребность. Плотина гидроузла уникальная, из местных материалов. В мире таких высоких плотин из местных материалов еще не возводили (Нурекская, однако, будет почти в два раза выше). Объем плотины – 19, 5 миллиона кубометров. Глубина противофльтрационной цементационной завесы – сто метров. К турбинам воду направят туннели. По особому туннелю вода будет сбрасываться вниз, если водохранилище станет переполнять катастрофический паводок.

Еще полвека назад энергетики и ирригаторы пришли к выводу, что для сезонного регулирования стока Чирчика в его верховьях необходимо создать крупное водохранилище. Возможным местом для возведения плотины было Чарвакское ущелье. Проектировать гидростанцию начали перед войной, а завершили в 1957 году. И вот началась реализация проекта.

Каждый день в Ходжикент приезжали добровольцы, и не один из них, стоя на берегу быстрого Чирчика, говорил: «Здравствуй, Чарвак!» А его еща нужно было построить.

Счастье

Новость эту Хикмат Аширбаев узнал в кишлаке, наверное, последним. От своей бабушки. Пока он переодевался и умывался, затемно вернувшись с работы, бабушка, заменившая ему мать,в се порывалась сказать что-то. «А ты ведь, Хикмат, хочешь быть шофером!» - не вытерпела она.

- Хочу, - подтвердил внук.
- Так ты им станешь! – торжественно произенсла бабушка. И рассказала все, что узнала от соседей. В Ходжикенте начиналась огромная стройка.

Технику в Хумсане уважали. С того самого дня уважали, когда появился в колхозе первый трактор. По просьбе стариков трактор долго ходил по главной улице туда-сюда, затем вспахал большой участок на горном склоне. Старики шли рядом, приговаривая: «Легко берет! Глубоко пашет!»

Морозным утром Хикмат пришел в управление строительства Чарвакской ГЭС. Увидел много знакомых ребят. Ребята ему завидовали: он был каменщиком. На работу его приняли без лишних слов. Впрочем, принимали тогда всех, стройке были нужны рабочие руки. И потекли рабочие будни. Хикмат строил жилые дома в поселке Солнечный. Почти все делалось вручную. На первом же комсомольском собрании его, парня расторопного и во все вникающего, выбрали комсоргом. А он не отказывался от своей мечты. Он хотел водить машину. И как только открылись вечерние курсы шоферов, поступил на них. Днем клал стены, вечерами учился водительскому делу. Жил оченьл напряженно. Домой возвращался поздно, спал мертвым сном. Возликовал, когда ему впервые доверили машину. Теперь он водит 25-тонный самосвал, в который трудно взобраться, возит на плотину суглинок, гравий, рваный камень. Премного доволен своей судьбой.

В тот день, когда Хикмату доверили великан-самосвал, бабушка, внимательно следившая за успехами внука, спросила как бы между прочим: «Ты, говорят, стал работать на машине, в которую трудно забраться?» Внук улыбнулся и предложил: «Хочешь, покатаю? Но тогда тебе придется пойти со мной на Чарвак!» Не мог же он приехать на таком великане в Хумсан. Его машина не вписалась бы в узкие улицы поселка.

Добровольцы

На желтых солдатских палатках таблички с названиями далеких городов: Омск, Иркутск, Новосибирск. В них живут 320 членов всесоюзного студенческого отряда. Год 1966, строительная площадка Чаовакского гидроузала. Палит южное солнце. На рукавах рубашек парней и девчат эмблемы их институтов. Легко ли перекваливицировались будущие инженеры, агрономы, педагоги в землекопов, плотников, бетонщиков?

- У нас в конце июня вывесили объявление: «Проводится запись добровольцев в Ташкентский строительный отряд», - рассказывает преподаватель философии Новосибирского строительного института Виталий Яковлевич Пащенко. – Через несколько дней объявление пришлось снять. Число добровольцев намного превысило число мест. И то же произошло в Новосибирском университете.

Управление Чарвакгэсстроя поручило студентам важные объекты – отводящий канал, водозаборные сооружения, овощехранилище, здание техникума, жилые дома. В 6-30 обитатели многоместных солдатских палаток просыпаются. Завтрак, линейка, и машины развозят ребят по рабочим местам.

Студент из Иркутска Александр Котляров строит техникум. «Только сегодня дали экскаватор, чтобы засыпать подполье, - говорит он. – Еле выпросили! Ребята уже половину радботы сделали вручную. Иногда и это выход из затруднений». Недалеко ловко орудовал топором молодой парень. Сбивал

опалукбочные щиты. «Это Паша из Иркутска, - знакомит нас Котляров. – Не знаю, когда он спит! Вчера день отработал, ночью дежурил, часа два поспал – и опять на площадке».

- Ну, а самому много приходится спать?
- Куда там!

Отводящий канал. Сначала студентам здесь доверили только установку опалубки. Затем допустили к бетонным работам. Так бригада Валерия Леонтьева уложила за смену 170 кубометров. Это пока рекорд стройки. Легко ли было его установить? Вибратор весит ровыно пуд, и всю смену надо держать его в руках, выжимать с его помощью из бетонной смеси пузырьки воздуха. Вязнуть в липкой массе. Но обошли ветеранов – радость великая!

Каждый вечер, каким бы тяжелым ни был рабочий день, садится у палатки с гитарой в руках студентка из Новосибирска Любовь Мазуренко. В ночное небо рвется песня:

Вы слышите, грохочут сапоги!
И птицы ошалелые летят…

Два месяца трудового семестра промчались незаметно. Студенты многому научились. И стройке они тоже дали много, так что память о них осталась самая добрая.

Вениамин Филиппов

- Познакомься с Филипповым! – сказали мне в управлении. – Интересный человек. По образованию филолог, по должности диспетчер, в свободное время поэт.

Когда я поздно вечером пригел в диспетчерскую – у Вениамина было ночное дежурство – он стоял и разговаривал по телефону, и лицо его хмурилось все больше.

- Так-так-так! Песок кончается! Самосвалов нет! Машинист удалился спать. Очень хорошо! Дорогой, о чем вы днем думали? Ладно, что-нибудь сделаем… На бетонном узле не запасли песка, - сказал он мне. – А в тоннеле, на отводящем канале, бетонируют облицовку. Перекрытие на носу! – Он начал нобирать какой-то номер, но вдруг положил трубку. – Нет, лучше поехать!

Дежурная машина помчалась. Филиппов действовал решительно. На автобазе договорился о машинах, отправил за песком самосвалы, возившие гравий. Одним приказывал, другим разъяснял ситуацию. Разговор шел при свете фар, на подножке машины. Нам показали, где живет машинист тракторопогрузчика. Его подняли прямо с постели. Он только спросил: «А машины будут?»

Филиппова знали все, и он всех называл по имени. На обратном пути он успокоился, повеселел. Остановил машину около рабочих, которые бетонировали дорогу.

- Поаккуратнее заглаживайте бетон! – укорил он бригадира. – Видите, он у вас волнами идет.
- Не думай, что всегда такая горячка _ сказал он, когда мы вернулись в диспетчерскую. – Если заявки на транспорт выполняются полностью, можно всю ночь просидеть на месте, и звонков не будет. А сейчас проверю, все ли в норме. Алло, бетонный! Песок возят? Сколько машин? Как тоннель берет бетон? Интенсивно? И обеспечиваете? Молодцы!

В здании управления строительством кроме нас никого нет. Непривычная тишина. Через балконную дверь видны темные громады гор и поселок. По дрогам движутся машины. Свет их фар пляшет по склонам. На объектах сейчас работает около пятисот человек. Нолчная смена. И все нити управления работами – у диспетчера. Я вспомнил строки из стихотворения Филиппова: «Диспетчера, как доктора, на пульсе стройки их рука».

- Нравится быть диспетчером?
- Работа интересная. Правда, в юности мечтал стать моряком, но в мореходку не попал по здоровью. Отменное здоровье нужно моряку! Ну, поступил в педагогический, потом работал в школе. Тебя не смущает, что работаю не по специальности? Стройка нравится мне. Потянуло неудержимо, и я сорвался. Я здесь третий гор, и мне хорошо. Сложные, серьезные сооружения, и атмосфера дружбы. Пишется мне тоже хорошо. А если что-то меня тяготит, ни строчки не выдам. Раскрепощенная душа нужна для строчек. Здесь для меня все новое – жизнь, образы, характеры, конфликты. Весной здесь спасали сооружения от наводнения, и я увидел, на какие чудеса способен сплоченный коллектив.

Тогда, в ночь на пятое мая, диспетчеру позвонили со входного портала тоннеля:

- Вода размывает перемычку, резко возросла фильтрация!

Он помчался туда на дежурной машине. Чирчик грозно ревел в темноте. Лил дождь. За перемычкой подле насосов суетились люди. Филиппоыв бросился заворачивать на перемычку машины с рваным камнем, поднял на ноги начльство. В схватку со стихией вступили сотни человек. Мокрые, обляпанные грязью, люди работали самозабвенно. А вода уже просачивалась сквозь перемычку, заливала механизмы. Механизмы вывели, а перемычку отстояли. Сражение со стихией длилось два дня. Потом вода пошла на убыль. Он напишет об этом стихи и прочитает полному залу. И гидростроители убудут аплодировать ему.

Берег левый, берег правый

Чарвакскую ГЭС планировали начать строить в 1957 году. Но в это время в Кызылкумах была открыта несметная газовая кладовая, республика перераспределила средства, и Чарваку пришлосчь ждать еще пять лет. А потом важнейшей задачей стало сокращение сроков строительства. Одновременно возводились десятки объектов: основные сооружения, жилой поселок, дороги. Стройка долго не вылазила из земли, не было ни одного готового объекта. А потом их принимали один за другим, и все сразу заметили, что на Чарваке хороший бетонный завод, автобаза, ремонтные мастерские. Четкие контуры принял отводящий канал, а под землей на 780 метров протянулся внушительный тоннель для отвода реки. В Бурчмулле сносили дома, которые попадали в зону затопления. Загремели взрывы на Меловом перевале перед Чимганом – там должна была пройти дорога.

Трасса в Чимган идет по пологим отрогам Тянь-Шаня. Чем дальше в горы, тем круче подъем. Перед Меловым перевалом, за которым начинается урочище «12 ключей», подъем особенно крут. Этот перевал задал дорожникам задачу. Его ни обойти, ни объехать. Слева пропасть, справа скалы. Пригласили взрывников. Руководил взрывными работами Рустем Ибрагимов. Подходная штольня была длиной более ста метров, еще камеры для зарядов – в них поместили 700 тонн взрывчатки. Взрывчатку подвозили по плохой дороге, с великой осторожностью. Зарядка тоже была ювелирной работой. А потом грохнул взрыв. Горы содрогнулись, тучи дыма и камней накрыли перевал. На нем образовалась глубокая выемка. Было выброшено полмиллиона кубометров скального грунта.

Затем взрывники Рустема работали на основных объектах. Внедряли «гладкое взрывание». Что это такое, мне показали в котловане под здание ГЭС. Часть борта глубокого котлована имела рваную, неровную поверхность, а другая – чуть ли не полированную. Казалось, что там поработала фантастическая пила, режущая скалы. Только пилу заменяли обычные буровые станки. Когда взорванную породу вывезли, образовался котлован с ровными краями строго определнного размера. Чарвакские гидростроители стали признанными мастерами этого метода горных работ.

Плотина

Главный инженер проекта Чарвакской ГЭС Дмитрий Александрович Жигарев так сказал о своем детище: «Своеобразие станции в ее высотной плотине. 168 метров! Каменно-набросную плотину такой высоты в Советском Союзе строят впервые. Пришлось решать ряд принципиальных вопросов, касающихся устойчивости плотины, ее ядра. Основной ее элемент – противофильтрационное ядро из суглинка, упорные призмы из камня. Между ними и ядром два слоя фильтров, которые защищают ядро от разрушения. Под плотиной проходит цементационная завеса».

Да, насыпная плотина Чарвакской ГЭС – гордость и предмет постоянной заботы гидростроителей. Равной ей нет в стране, хотя плотины Токтогульского и Нурекского гидроузлов позже превзойдут чарвакскую. Пока оа своеобразный испытательный полигон, на котором опробуют различные способы производства работ, испытывают контрольно-измерительные приборы. Здешний опыт интересует не только отечественных специалистов. На Чарваке побывали делегации из многих зарубежных стран. В свою очередь, строители Чарвака изучают опыт зарубежных коллег. Чарвакская ГЭС благодаря своим уникальным объектам входит в число опытно-показательных строек Совета Экономической Взаипомощи.

… Вагончик стоит на высокой каменной террасе. Основное поле плотины, перегородившей чарвакскую теснину, метров на десять ниже. Там снуютсамосвалы и бульдозеры, наращивают плотину. Высоты вагончика плотина достигнет к концу года. Отсыпая водонепроницаемое ядро, много экспериментировали. Отрабатывали технологию – какой должна быть толщина отсыпаемого слоя, как его укатывать. Чарвакский опыт – детище коллективное. Здесь применили реактивную установку. Я видел ее в работе. Вначале услышал грохот, который ни с чем не спутаешь: так ревут реактивные лайнеры. Затем увидел установку. Поднимая за собой шлейф пвли, по плотине двигалась диковинная машина. На тракторе был смонтирован авиационный реактивный двигатель. Он отслужил на лайнере положенное количество часов и теперь нес службу на земле. Такие установки обслуживают зимой аэродромы – сдувают с взлетных полос снег струей раскаленного воздуха. В Чарваке этот агрегат подсушивал суглинок, не позволял ему смерзаться, переувлажняться.

На правобережной скале каньона, почти на самой ее вершине, установлен бетонный стобик. До этой высоты и будет расти плотина. Ее объем почти двадцать миллионов кубометров. Вот и снуют день и ночь по горыным дорогам 27-тонные карьерные самосвалы. Страна снабдила гидростроителей мощной техникой. Она здесь на каждом шагу. Курьезный случай: ленинградские киношники снимали здесь фильм, посвященный строительбству Фархадской ГЭС. И нужно было показать работу в котловане. А на стройке не оказалось ни одного кетменя, ни одной тачки. Кетмени привезли, но оказалось, что чарвакцы, занятые в массовых сценах, совершенно не умеют ими пользоваться.

Мощная техника работает и на поверхности, и под землей. Под землей она облегчает ставить цементационную завесу – преграду фильтрационным потокам. Эта работа требует высокого мастерства. Ее ведет участок цементации Гидроспецстроя. Руководит им Гельмут Пфейфер. По крутой деревянной

лестнице, перешагивая через шланги и провода, спускаемся вниз. Вокруг невообразимый грохот, визг победитовых коронок, шипение сжатого воздуха. Подходим к работающему буровому станку. Из скважины периодически бьет фонтан загрязненной воды. Бурильщики работают в брезентовых робах, резиновых сапогах. Пфейфер чувствует себя под землей, как дома. Ловко огибает станки, уверенно перешагивает через шланги. Выбираемся на поверхность – на его костюме ни пятнышка.

- Встречаются ли большие трещины, пустоты в породе? – спросил я начальника участка.
- И такое бывает. О пустотах в породах мы судим по тому, сколько цементного раствора поглощает скважина. В среднем на погонный метр скважины уходит 10 килограммов раствора, а случается – и 700. А на 23 снкции потерны расход цемента неожиданно достиг трех тонн. Значит, там мы залили раствором целую полость.

На прочном основании вырастает плотина Чарвакского гидроузла.

Курортный пояс

Верховья Чирчика, иногда называемые узбекской Швейцарией, всегда привлекали туристов. Здесь расположены десятки пионерских лагерей, санатории, дома отдыха. Поэтому решение о создании зоны отдыха на берегах водохранилища было своевременным и правильным. На берегах Чарвакского моря смогут одновременно отдыхать 60 тысяч человек летои и 15 тысяч – зимой. Комплекс горнолыжного спорта в Чимгане будет иметь 1200 стационарных мест и 25 тысяч – для отдыха в воскресные дни. На склоны гор лыжников доставят канатные дороги.

Главный архитектор проекта зоны отдыха Виктор Георгиевич Земляницын рассказывает: «У этого места очень благоприятные климатические и природные условия. Летом температура воздуха здесь на несколько градусов ниже, чем в Ташкенте, нет угнетающей жары, воздух более влажный. Зимой здесь ровные переходы температур, много снега. Важна близость этого района к Ташкенту, развитые транспортные связи с ним. Богатые физиотерапевтические и спортивные ресурсы района будут использованы комплексно. Отдых здесь показан буквально всем: взрослым и детям, людям здоровым и тем, кто нуждается в лечении. Здесь в условиях комфорта можно будет прекрасно провести отпуск. Получат развитие горнолыжный спорт, альпинизм, все виды туризма, водный спорт».

Основная часть зоны отдыха протянется на 20 километров по южному берегу водохранилища. Лучшая территория отводится семикилометровой зоне пионерских лагерей. В них одновременно будет отдыхать до 18 тысяч детей. На Юсупханинском полуострове будет установлен маяк юных моряков, разместится пионерская обсерватория, дворец пионеров, станция юных натуралистов. Ну, а для взрослых будут построены дома отдыха, климатические санатории, гостиницы-пансионаты, летние курортные городки. В двух центрах разместятся учреждения культурно-бытового назначения. Поселок обслуживающего персонала рассчитан на 12 тысяч человек.

Застройка зоны отдыха будет осуществляться по единому плану, с полным инженерным оборудованием территории. Основные пляжи расположатся на северном берегу, так как южный крут. Ширина водохранилища здесь полтора километра, и сообщение южного берега с северным будет осуществляться катерами. Чарвакская зона отдыха в этом районе не будет единственной. Но она – центральная. Возникнут также Пскемская, Чаткальская, Ялаулыкская, Бельдерсайская, Аксакатинская зоны отдыха, будут арсширена Акташская, Хумсанская, Угамская зоны. Всего в верховьях Чирчика одновременно смогут отдыхать 175 тысяч человек. Примерно столько же отдыхает и на Южном берегу Крыма. Основной поток пассажиров будет прибывать электричками. Станцию Ходжикент с берегом водохранилища свяжет восьмикилометровая трасса, которая пройдет напрямик по левому берегу Чирчика. Пассажиров станет перевозить и своеобразный «морской» флот. А в районе «12 ключей» станут приземляться пассажирские вертолеты. Для возрождения кумысо- и медолечения будут увеличены стада кобылиц, а на цветущих горных лугах размещены дополнительные пасеки.

Так что, планируя свой отпуск, ташкентцы должны помнить, что у них под боком есть чудесное место для отдыха, ни в чем не уступающее прославленным курортам Крыма и Кавказа.

А паводок был катастрофический

Весной 1969 года гидростроители готовились к встрече небывалого паводка. В горах скопились несметные запасы снега. Вся эта масса воды должна была пройти через тоннель, который работал уже два года. Датчики, установленные в облицовке тоннеля, свидетельствовали: его бетонные стены так же прочны, как и до начала эксплуатации. Отводящий канал так же был готов к пропуску паводка. Но каким он будет? Достаточна ли пропускная способность тоннеля? Уж очень многоснежной была зима. Полярное дыхание под Ташкентом – такими были зимние заголовки газет.

Были созданы противопаводковые комиссии. Первый натиск паыводковых вод должны были принять сооружения Чарвакской ГЭС. Строители интенсивно наращивали верховую перемычку. За несколько дней в нее уложили 12 тысяч кубометров рваного камня. А уровень воды в Чирчике поднимался

с каждым часом. Пик паводка пришелся на апрель. Чирчик никогда прежде не нес столько воды. Огромные массы воды, встретив на своем пути преграду – верховую перемычку – с ревом рвалась в горловину тоннеля. И вскоре входной портал тоннеля исчез под водой. Над ним кружилась огромная куча мусора – вырванные с корнем деревья, обломки смытых построек. Гидростроители пытались сжечь этот мусор, извлечь его с помощью кранов – все тщетно. Скорость потока огромна, и как спички переламываются вековые деревья. Вода поднимается все выше, выше. А до каких пор – выше? Вот затоплена камера затворов. Но тоннель и отводящий канал с честью выдерживают грозное испытание. Паводок идет на убыль. Первыми облегченно вздыхают проектировщики – они не ошиблись в своих расчетах. Повеселели и строители: их сооружения выстояли. Теперь можно было сосредоточить усилия на основных работах, предваряющих наполнение водохранилища и пуск первого агрегата.

Напряженные работы велись под землей, на пробивке водоводов к зданию ГЭС. Надо было ускорить отсыпку плотины, укладывать в нее ежемесячно не 200 тысяч кубометров грунта, а вдвое больше. И надо было быстрее поднитмать здание ГЭС, готовить к монтажу затворы, турбину, генератор. Сегодня, когда эити трудности позади и гидростанция дает ток, нужно отметить большую волю к победе, проявленную гидростроителями. Прекрасно дирижировал стройкой ее начальник Станислав Иванович Садовский (будущий начальник строительства Красноярской ГЭС). Предстоящий пуск станции воодушевлял людей.

Началось заполнение водохранилища. Оно наполнялось юыстро, и к 15 ноября 1970 года должен был скрыться под водой глубинный водоприемник. Семь метров отделяло гребень плотины от уровня воды. Она поднималась на полметра в сутки, плотина поднималась медленнее. Было мобилизовано все, что можно, и плотина стала подниматься быстрее, чем вода. Соревнование со стихией было выиграно. Второго декабря была взорвана перемычка, отделявшая здание ГЭС от русла реки. Мастерски взорвана, сооружения не пострадали. Был закончен глубинный водоприемник. Напорные тоннели прикрыло сложное сооружение, отдаленно напоминающее средневековый замок. Сороудерживающие решетки и плоские ремонтные затворы сродни металлическим воротам.

Глубинный водоприемник – сложный объект. Его возводила бригада Василия Золотопупа. Крановщиком здесь был Александр Ильиных. Прежде он был плотником. Выучился на крановщика, и сразу что-то новое появилось в его облике, манере разговаривать. Новую свою профессию он ценил выше прежней. «Сижу в кабине, а она раскачивается, - говорит он. – Кабина вровень с плотиной, и ветерок никогда не утихает».

Поднимаюсь с ним в кабину. Действительно, высоко работает Александр, до земли пятьдесят метров. Он подает материалы бригадам, которые ставят здание ГЭС. Кран быстроходный, стрела поворачивается легко, быстро. Колонны здания ГЭС уже высокие, как бы их не зацепить!

Потянулись к чайнику, а он пуст. Александр на шнуре опустил его вниз, и один из бетонщиков зачерпнул воду прямо из родника. Родником пользуются все, кто работает в котловане. Его не замуровали бетоном, а отвели в сторону и сохранили. Всем пришлась по вкусу кристально чистая вода зесмных глубин.

Ни на день не прекращается проектирование. Что главное в работе проектировщиков? Не считать принятые решения окончательными, искать лучшее, постоянно думать. Два барьера на пути проектировщиков: надежность сооружения и его стоимость. Стопроцентная надежность – требование первое и непременное. Что ж, ни одна советская плотина еще не подвела их создателей, не прохудилась. Лучший проект, естественно, не должен быть дороже. Проектировщику нужны высокая квалификация, кругозор, смелость мышления. Так считает начальник отдела рабочего проектирования Петр Константинович Осокин. Он знает, о чем говорит, за плечами у него 20 лет работы. В Чарваке он седьмой год. То тут, то там проектировщики вносят уточнения, что-то меняют, детализируют. Так, уточнение схемы разработки котлована под здание ГЭС позволило сэкономить 142 тысячи рублей. Проектировщики улучшили схему автомобильных дорог. Они предложили совместить дороги внутрипостроечные с эксплуатационными. Это тоже дало большую экономию. Особое отношение у сотрудников отдела к горному Чаткалу. Осокин всех заразил своей юношеской мечтой поставить энергию этой реки на службу людям. Схъема использования гидроэнергетических ресурсов Чаткала уже готова. Так что Чаткал перегородит еще не одна плотина под стать Чарвакской.

Здравствуй, море!

Для пуска первой турбины в водохранилище надо было накопить 170 миллионов кубометров воды. То есть, до соответствующей высоты надо было отсыпать плотину, подготовить ложе водохранилища, смонтировать на отводящем канале огромные затворы. Монтаж двух плоских и одного сегментного завтора был выполнен за 48 дней. Сегментный затвор весом 82 тонны был способен менять сечение потока в туннеле при напоре до 150 метров. Такой затвор в нашей стране устанавливался впервые. Одному из участников этой вахты, молодому инженеру Валерию Вишневскому, суждено было начать заполнение водохранилища.

В горной долине готовилось ложе водохранилища. Переселялись жители кишлаков, которые уходили под воду. Переставали существовать селения Джартюба, Шунгак, Кемер, Бокачуль. Селениям Сиджак, Нанай, Бурчмулла, Богустан суждено было стать прибрежными поселками. В сиджак из низины переселялось 157 семей, в Нанай – 72, в Богустан – 166. 80-километровым кольцом опоясывали водохранилище новые дороги. Над Чаткалом, Коксу и Пскемом возводились стальные мосты. Все готовились к волнующему событию – заполнению рукотворного моря. И оно не заставило себя ждать.

19 сентября 1970 года. В 14 часов рабочая комиссия подписывает аукт о приемке чащи водохранилища и водосброса первого яруса. И директор строящегося предприятия Лева Григорьевич Тах разрешает эксплуатационникам присутпить к заполнению водохранилища. Валерий Вишневский втапливает кнопку на пульте управления затвором. Срабатывает гшидравлика, сегментный затвор приходит в движение. Вода ударяется в него, пенится, вскипает. Щелкают затворы фотоаппаратов, жужжат кинокамеры, запечатлевая этот исторический момент. Древнеяя сухая земля становится дном моря. К 20 декабря перед плотиной скопилось 190 миллионов кубомкетров воды. Пускать первую турбину было можно.

Как пускали турбину

Итак, турбина и генератор собраны. 25 декабря инженер Ленинградского металлического завода Аркадий Яковлевич Баршт принял команду на пуск и повернул на щите штурвальчик, открывая путь воде к лопастям турбины. И турбина начала делать то, для чего предназначалась – вращать генератор. Людям в холодном машинном зале стало жарко. В воздухь полетели шапки, прогремело «Ура!» Гидростроители Чарвака восемь лет шли к этому часу. Над людьми, собравшимися в машинном зале, простиралось красное полотнище: «Уходя отсюда, оставим Чарвакское море и море огней, зажженных Чарвакской ГЭС!»

Вначале – прокрутка. Точные приборы покажут, правильно ли отцентрированы валы турбины и генератора, не вибрируют ли они, надежны ли подшипники, и так далее. Есть масса вещей, которые надо проверить, прежде чем поставить агрегат под нагрузку. Это такая же ответственная работа, как сама сборка. Гидроагрегат включали в сеть под Новый год. И это было самое запоминающееся за восемь лет работы. Пять часов утра, народу лишнего нет, только свои, причастные к торжеству. И вот простая команда: «Внимание, пуск!» И все. Внешне ничего не изменилось, генератор гудит так же, как гудел до этого. Но уже известно, что он вырабатывает электричество. До этого энергия текла в Чарвак, теперь – из Чарвака, по этим же проводам. И было по-человечески хорошо дождаться этого.

Один из подземных коридоров выводит прямо к вращающемуся валу турбины. Четырехсоттонный вал в два обхвата вращался и матово блестел. На него воздействовали огромные силы, а он стальной своей мощью выдерживал их. И еще оставался запас прочности. А наверху мерно гудел генератор. В зале еще не кончили отделку, и в кадках не стояли пальмы. Но приборы показывали, что все системы первого агрегата работают нормально. Воснмь лет Чарвак аккумулировал народные средства. Теперь началась полезная отдача. В тишине, казалось, слышался шорох электрического тока, стекающего по тяжелым медным шинам к трансформатору. На следующий день обильно шел снег, но я поднялся на обзорную площадку – чарвакское Ласточкино гнездо. Снежная вуаль скрывала дали, и плотина прорисовывалась смутно, а здание ГЭС – четче, оно было ближе. Несмотря на снег, работы на створе велись в прежнем высоком темпе. И под крышей здания ГЭС тоже кипела работа. И тепло этой работы передавалось сквозь снежную мглу. Теперь чарвакцы готовили к пуску вторую турбину. Она была поставлена под нагрузку 24 марта 1971 года.

Вторая турбина

Чарвак – это целый мир, тысячи судеб. Но прежде всего это большая стройка. Следать за такими стройками всегда интересно. Впечатляют масштабы работ, быстрота перемен. Нетронутое место, первозданная природа, патриархальщина и архаика в окрестных кишлаках. И вот уже все это отступило перед энергией и волей строителя, и канули в прошлое сами глинобитные кишлаки, их место заняли рабочие поселки с тем уровнем комфорта, к котроому мы привыкли в городе, а реку перегородила плотина – в ущелье между двумя горами поставили третью, вершиной вниз. Но это все же лежит на поверхности, и это видит каждый. Не менее интересно наблюдать рост и возмужание людей, начинавших с малого, пугливо шарахавшихся от 25-тонных самосвалов и 250-сильных бульдозеров, а потом занявших водительское кресло в этих могучих машинах. Люди, привыкшие опираться только на себя в извечном единоборстве с горами, впервые познавали огромную созидательную силу коллектива, учились отвечать за порученное дело. Люди не только поднимали высотную плотину, но и росли вместе с ней. Каждое новое дочстижение открывало перед ними следующие дали, еще вчера казавшиеся недоступными.

Ничто так не сплачивает, как большая стройка. Недаром говорят: школа Братска, школа Голодной степи, школа Чарвака. Мир горного кишлака все-таки узок. Перед детьми гор большая стройка открывала незнакомую и загадочную страну техники, крупных электрических машин. Приобщение к технике двадцатого века, однако, шло быстро, потому что было желанным. Аульские мальчишки, прекрасно

чувствовавшие себя в седле, прекрасно усмирявшие горячих карабаиров, становились умелыми шоферами, машинистами экскаваторов и башенных кранов. А те, кто уж очень привык к горным кручам, шли в скалолазы. Например, Ибрагим Рузметов. Но прежде чем вместе с ним мы вскарабкаемся на оранжевые кручи, еще несколько слов о Чарваке.

Там, гже дорога взбирается по склону каньона к будущему гребню плотины, есть ровный выступ с бетонными надолбами перед пропастью. Водители назвали его ласточкиным гнездом. Не знаю, насколько правомочно это название, но обзор отсюда действительно великолепный. И плотина, еще широкая в верхней, недостроенной своей части, и здание ГЭС, и открытое рачспределительное устройство с паутиной проводов, и сбросной тракт с обледеневшими пирсами гасителей – как на ладони. Водохранилище покрыто матовой пластиной льда. На льду метровой толщины собирают понтоны и катера. Появилось море, и у него будет свой флот.

По плотине разъезжают самосвалы, тяжело ползут бульдозеры. Зимой по технологии нельзя класть суглинок в водонепроницаемое ядро, и сюда везут оранжевые куски скалы. Великаны-самосвалы маленькие, как жуки, и бульдозеры маленькие, и люди совсем крошечные. А плотина большая. Большая, как горы вокруг. Наверное, поэтому сверху кажется: люди внизу работают неторопливо. А потом спускаешься вниз, идешь к людям и видишь: они очень торопятся. Хотят закрутить вторую турбину и торопятся. Хотят отсыпать в плотину миллион кубических метров грунта и торопятся. Хотят сдать линию электропередачи в Ташкент напряжением 220 киловольт и тоже торопятся. В этой всеобщей спешки нет суеты, но есть чувстыво ответственности, долга. И есть энтузиазм: на нас смотрит страна, страна ждет нашего успеха, страна верит…

Выше всех работают скалолазы. Обеспечивают безопасность тех, кто трудится внизу. У них бронзовые, как у моряков, лица. Ветер и солнце вызолотили кожу. Обув прочные ботинки со стальными шипами, обвязавшись веревками, они прилипают к вертикальным откосам выемок, выковыривая из них те камни и камушки, которые взрыв лишил устойчивости. Но движутся они по склону не снизу вверх, как альпинисты, а сверху вниз, оставляя после себя прочный скальный монолит. Их работа сродни работе саперов, и только надписи «Проверено, мин нет» они не оставляют. Бригаду возглавляет Ибрагим Рузметов. Под его началом парни из окрестных горных сел, прирожденные скалолазы и альпинисты.

У Ибрагима за плечами десятилетка и служба в армии.

- Почему на экскаватор не пошли? – спросил я.

Он подумал и сказал: «Мой брат на экскаваторе».

- А на самосвал? На «БЕЛАЗ»?
- Мой брат на «БЕЛАЗЕ». – Он помолчал и еще сказал: - Зато я выше всех работаю.

Он был доволен. Он широко улыбался, когда объяснял, что как только с опасностью камнепада на здешних скалах будет покончено, бригада займется укладкой бетона – это они тоже умеют, здесь научились, и даже потягаться могут с бетонщиками Пеганова и Мурашова. И парни согласно закивали – все это так, все правда, почет и уважение завоеваны. И сам Ибрагим, и все в его бригаде были крепкие люди, крепкие и жизнерадостные, умеющие постоять за себя и друг за друга – за бюригаду, за ее честь.

Глядя на них и радуясь хорошей их спаянности, я вспомнил другой день, который отделяли от этого три года. В тот день шло перекрытие Чирчика, на штурм реки были брошены все механизмы стройки, трубили карнаи, славя силу человека, а седобородые аксакалы плотной обособленной группой стояли на крутом берегу, смотрели, как река покорно поворачивает в тоннель, улыбались и, утратив степенность, оживленно жестикулировали. И только один старик, постелив коврик и обратив лицо к воображаемой Мекке, усердно молился. То, что люди делали с рекой, в его представлении было кощунством, и он просил Аллаха простить их и воздержаться от кары. Это был островок скорби и боли в мире радости. Одинокий островок, на который со всех сторон накатывались волны веселья, победы. Я подумал, что, может быть, среди этих сильных, уверенных в себе парней из бригады Рузметова есть дети и внуки того старика. Должны быть. В том, что есть здесь дети и внуки тех, других аксакалов, приветствовавших стройку в Чарваке, я не сомневался.

Прораб Акрам Махкамов, внимательно следивший за тем, как скалолазы натягивают над входным порталом тоннеля второго яруса металлическую сетку (защита от камнепада), сказал: «Дней через двадцать подснежники будем собирать. А при такой погоде, может, и раньше. Солнце чуть-чуть потеснит снег, и вот они, подснежники!» Здесь людя любят природу и глубоко чувствуют ее красоту. Горы в снегу. Снег свежий, белый и яркий, а в ущельях – синий. Арчи на клонах контрастны и величавы. А тополя в долине, напротив, прозрачны, как будто их ветви из гибкого стекла…

Плотина. Ревут самосвалы. Молоденькие регулировщицы показывают водителям, куда ссыпать камень. Покорно выслушивают шутки. Бульдозеры разравнивают грунт. Как только потеплеет, возобновится отсыпка ядра плотины. В прошлом году, осенью, здесь рождались рекорды. Один за другим. В ноябре интенсивность отсыпки грунта достигла 600 тысяч кубометров. За год было уложено 4, 3

миллиона кубометров. Тоже рекорд. И в этом году здесь будут рождаться рекорды, но только когда потеплеет. И в следующие годы – обязательно.

Если уже установленные рекорды разложить на составные части, львиная доля успеха придется на лихое и неутомимое водительское племя. Николай Иванович Данилкин перевез на своем большегрузном самосвале 73 тысячи тонн грунта, Александр Захарович Мельников – 65 тысяч. За год. Это наивысшие показатели за историю стройки. Но долго ли держаться этим рекордам? Николай Иванович спускается по лесенке из высокой кабины. Он широколиц, а телом крепок. Говорит, в ответ на упоминание о рекореде, что хороши бы они, водители, были, если бы не стремились добиться большего. Еще говорит, что сменщик Абдулла Кахаров у него работящий, честно относится к делу, и это одна из причин успеха. Машина верой и правдой служит уже четыре года, и ни разу не была в капитальном ремонте. Но еще сильна, как зубр из Беловежской пущи. Сменщик ему оставляет машину заправленную и ухоженную, а он – сменщику. Все просто. Но об одном не сказал Данилкин – как они вкладывает душу в работу, он и сменщик. Он понимал это, но не умел объяснить. Он боялся ысоких слов, которые должен был сказать, объясняя это. И все свел к простому: ну, работаю, ну, езжу, так ведь и другие у нас не лыком шиты. Согласен: не лыком шиты. Так ведь он среди них – первый.

Здание ГЭС. Из крайней отсасывающей трубы бьет зеленая пузырящаяся струя. Один агрегат в работе, второй и третий – в монтаже, четвертый – в пути. Парни в брезентовых робах и ярких касках укладывают бетоннцую смесь в секции вокруг третьей турбины. Здесь сегодня самые напряженные звенья цепи, здесь строители трудятся бок о бок с монтажниками, приехавшими из Ленингроада, Харькова, Запорожья для того, чтобы с ювелирной точностью провести какую-нибудь одну монтажную операцию. Стрелы кранов, плывущие в воздухе бадьи с бетонной смесью. Блеск сварки, шум вибраторов, звон гаечных ключей. Жадная затяжка – наконец-то удалось закурить. И телеграф нервно отстукивает в Москву: «Сегодня закончили навеску полюсов на ротор. Приступили к пайке межполюсных соединений. Рабочее колесо вместе с валом установлено на место, расцентровано, фланец турбинного вала сдан генераторщикам…»

Превая турбина шла тяжелее, на нервах. Вторая идет лучше, без такой спешки. Качество сборки получается выше, и потому пустить ее собираются с опережением графика. 21 марта агрегат поставят на холостые обороты, 25 марта он даст электроэнергию. Пока генератор весь открыт взору. Это внушительная, сверкающая полированной медью машина. Поток энергии, который она породит, тоже внушительный – 150 тысяч киловатт. Здесь трудятся рабочие и инженеры высшей квалификации. Руководит ими начальник монтажа Александр Иванович Бойков. Он был смоим соседом по гостинице. Уезжал в семь, приезжал в одиннадцать, но сон его был ровен и спокоен. А когда собирали первую турбину, ночевал прямо на монтажной площадке. Позади у него десятки станций, и много впереди, а Чарвакская – одна из многих и, наверное, ничем особым ему не запомнится. А если и запомнится, то, наверное, каким-нибудь досадным отклонением от нормы (грелся подшипник, вибрация) и тем, что в связи с этим предпринималось. Здесь у него не было свободного времени, и он ни разу не встал на лыжи. Не подошел к бильярдному столу. Только дома он как все и может пойти на футбол или посидеть с друзьями. А в разъездах всегда поджимает время, все срочно или сверхсрочно, ведь большинство из того, что предстояло сделать, следовало сделать еще вчера. Но он старался, и его люди старались. И укладывались-таки в очень сжатые сроки.

Один из подземных коридоров здания ГЭС вывел меня к вращающемуся валу турбины. Вал матово блестел, выдерживал воздействовавшие на него огромные силы. А наверху мерно гудел генератор, и у пульта управления дежурила смена инженера Дмитрия Тарасенко. Приборы показывали, что все системы первого гидроагрегата работали нормально. Пока вырабатываемую здесб электрическую энергию можно было назвать электрическим ручьем. Но берега его уже были в состоянии вместить и большую реку.

На следующий день пошел обильный снег, но я все же поднялся на обзорную площадку. Снежная вуаль скрывала дали, и плотина прорисовывалась смутно, а еберега моря таяли в белой мгле. Но близкое здание ГЭС было видно четко. Несмотря на снег, работы на створе велись в высоком темпе, и тепло этой ударной работы переадвалось через снежную круговерть. Позднее бесстрастная статистика констатировала: второй агрегат Чарва дал энергию досрочно, в марте, третий – тоже досрочно, в ноябре. И последний, четвертый – в июне следующего, 1972 года. Тоже досрочно.

Четвертая турбина

В горах быстро меняются краски. Солнце, облачко ли набежало, утро, полдень, вечер, и все вокруг другое, привычное, но другое. И это нравится и запоминается в Чарваке. Летом здесь жарко, как везде в нашем крае. С окрестных гор стекает к плотине оранжевы зной. Дрожит горячий воздух, дрожат далекие пики, а в густых садах порывы ветра проливают абрикосовый дождь. Яблоки и орехи тут тоже лучшие в Узбекистане. Осенью все желтеет, выделяются яркие, как пионерские галстуки, кусты барбариса, и высветливаются дали. Становится видно, как велика горная страна окрест и как много пиков не сняло перед летом своих белых шапок. Зимой метут метели, раздолье лыжникам. Потом, с приходом тепла, снег

медленно отступает от подножий к вершинам. А приход тепла – это май. Это сочащиеся соком травы, и отары овец, рассыпавшиеся по склонам, и сады в цвету. И парень, протягивающий девушке охапку тюльпанов и розовых эремурусов – вон куда пришлось лезть за ними! И девушка, смущенно принимающая цветы двумя руками.

Но что всегда в Чарваке одинаково, не зависит от времени года и, пожалуй, стало самой яркой его достопримечательностью – это трудовое напряжение, с каким пятитысячный коллектив гидростроителей продолжает возводить крупнейшую в республике гидростанцию. Это здесь самое красивое. Добрая слава и высокий авторитет Чарвака заоевывались, брались с бою его рабочей гвардией. Здесь испытвалось и закалялось мужество. Здесь, в сумрачных туннелях и на здании ГЭС, в карьерах и на гигантской плотине рождался трудовой пафос, которому в кульминационные дни стройки – перекрытие Чирчика, пуск первых агрегатов – горячо аплодировала вся страна. Здесь угловатые парни из окрестных кишлаков, привыкшие к кетменю, но не знавшие, что такое бетон и опалубка, становились отменными строителями и по-молодому радовались прорезавшейся в них строительной косточке. И, отталкиваясь от этой почти готовой плотины, видели следующие, которые им закладывать завтра. Здесь утверждалось и крепло трудовое братство, и белокурые северяне, ветераны Братска и Красноярска, чувствовали себя как дома под нашим горячим солнцем и не раз от всего сердца поздравляли наших земляков, побеждавших в соревновании.

Вот и десятая весна пришла в Чарвак. Почти готова последняя, четвертая турбина. С ее пуском в июне установленная мощность станции достигнет проектной. Но главной задачей сейчас была не эта. Главным было поднять к началу поливного сезона плотину еще на несколько метров. Тогда емкость водохранилища достигнет 400 миллионов кубометров, и значительную часть этой воды можно будет отдать плантациям хлопчатника в июле – августе. Это начало большой работы Чарвака на урожай. Если энергетика – первая функция Чарвака, то ирригация – его вторая функция. Какая важнее? Это зависит от многих обстоятельств, однозначного ответа нет.

Чтобы поднять горизонт воды в верхнем бьефе на необходимую высоту, надо срочно забетонировать камеру затворов и трубу второго яруса строительного туннеля. На этот ответственный участок брошена бригада бетонщиков Михаила Ивановича Мурашова. Мурашов в Чарваке приметная личность, один из центров притяжения. До сих пор помнят его приезд на стройку и связанные с этим хлопоты. Ибо приехал он не один, а с бригадой в 40 человек, и не откуда-нибудь, а из Братска. И сразу показал, что такое братская выучка.

Вагончик на плотине, вторая смена Мурашовской бригады заступает на вахту. Рабочие курят и смотрят на бригадира, а двое играют в шашки. В синей спецодежде, не крепыш – в уличной толпе такого не выделишь – бригадр без суеты, негромко и внятно говорит, кому и что надо сделать.

- Вам обрубить арматуру, вам ставить опалубку, вам принимать бетонную смесь, и проверьте, чтобы все вибраторы были исправны. Вопросы есть? Приступайте!

Отпустив звеньевых, он кивком головы пригласил меня сесть поближе. Да, он заявил здесь о себе во весь голос, но в этом не было ни хвастовства, ни самолюбования, а только сила и зрелость рабочего человека, привыкшего «на все сто» делать порученное ему дело.

- Праздник как праздноватьу будем? – переспросил Мурашов, думая еще о своем, о тех двух тысячах кубометрах бетонной смеси, которые непременно надо уложить в конструкции к этому самому празднику. Чтобы замкнуть цепочку водохранилище – хлопковое поле. – Праздник – он наш, рабочий. Он от нас не уйдет. Праздновать мы умеем, и на демонстрацию выйдем, и погуляем вечером. Но праздник, сами понимаете, тогда хорош, когда к нему с высокими показателями приходишь. Тогда всем хорошо, и душа отдыхает. Сейчас мы стараемся, по весне разные зимние прорехи штопаем. Думаю, сделаем все, что обещали, и праздник у нас будет что надо. Ждут его ребята, и я жду.

Он оживился, представил своих ребят не в брезентовых робых, а при полном параде и блеске, с женами и детьми, довольных своей работой. И то сомнение, которое в нем еще было, рассеялось, уступило место твердой вере в успех.

- Да, отпразднуем на славу! – сказал он уже весело, даже задиристо. – Вместе со всей страной отпразднуем. Вместе с Вьетнамом, с Кубой. Торжественно отпразднуем свой Первомай, не сомневайтесь!

- А я встречу праздник за пультом управления станции. Первого мая у меня вахта, - сказал начальник смены эксплуатационников Борис Панюшкин. Смена его недавно признана лучшей на станции. Сейчас каждая из работающих турбин развивала мощность в сорок тысяч киловатт, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. Громко гудели трансформаторы. Затворы сбросных сооружений были плотно прикрыты, и всю свою накопленную силу река отдавала турбинам. Напор рукотворного моря был уже не маленький – 75 метров. Через три года он вырастет ровно вдвое.

- В этом году мы выработаем первый миллиард киловатт-часов электроэнергии! – обещает Панбшкин. – Прикидывал – должны дать. Поднимем горизонт воды еще на десять метров, пустим последнюю турбину и будем стабильно отдавать триста тысяч киловатт. Жаль, Москву праздничную по телевизору не увижу. Но, ведь, для люедй будем работать! Это почетно.

Поселок деятельно готовился к празднику. Кажется, все здесь начиналось недавно, и вот уже десятый Первомай в Чарваке. Я знал, что гидростроители вспомнят за праздничным столом всю историю стройки, первые желтые колышки и сегодняшнюю внушительную силу готовых объектов. Прихорашивались улицы и дома, красный цвет приметно вкрапливался в белые фасады домов и зелень деревьев. На вьезде в Чарвак стояла огромная фигура Маяковского, детище художника Феликса Иванова. Широким жестом поэт приглашал в Чарвак. Приглашая, вдохновенно говорил о городе, который будет. Но этот город уже стоял за его спиной, белокаменный и зеленый. Поэт обещал счастье – счастье трудных дорог и вдохновенного поиска. И очень многие нашли его здесь, в Чарваке.

В праздничный день на центральной площади поселка пройдет митинг, будет чествование передовиков труда. Вторая, неофициальная чсасть праздника состоятся на зеленом берегу водохранилища. Под сенью берез и орешин прозвучат гордые тосты за Чарвак и людей Чарвака, за всю нашу необъятную страну, за ее ведущую роль в современном мире.

Немного хроники

Не всем нравится служебный язык приказов, отчетов, статистических таблиц. Лишенный начисто элементов лирики, он, однако, точно и конкретно передает суть явлений, и этим ценен. Хозяйственные работники знают: ничто так полно не характеризует рабочий коллектив, как скупые цифры выполнения обязательств. Фактам слово.

«Государственный план трех лет пятилетки в сумме 57 миллионов рублей коллектив «Чарвакгэсстроя» перевыполнил, произвел работ на 61 миллион рублей. Перевыполнено и задание 1973 года, в тело плотины отсыпано 2,2 миллиона кубических метров грунта при плане 1,4 миллиона. Всего с начала строительства произведено работ на 184 миллиона рублей. Выполнено выемки 46 миллионов кубометров, насыфпи – 22,6 миллиона кубометров, в том числе в тело плотины – 16 миллионов кубометров. Уложено 987 тысяч кубометров бетонной смеси, смонтировано 50 тысяч тонн арматуры и 29 тысяч тонн металлоконструкций, установлено 20 тысяч тонн технологического оборудования. Построено жилья – свыше 90 тысяч квадратных метров, линий электропередачи – 200 километров, автомобильных дорог – 200 километров».

Из доклада начальника «Чарвакгэсстроя» С. И. Садовского на собрании хозяйственного актива 8 января 1974 г.

«Чаовакгэсстрой» выступил с инициативой переключить строительные расхлды реки Чирчик на второй ярус водосброса на год раньше срока. Это позволит увеличить объемы воды в водохранилище на 0,5 кубокилометра. Будет создан достаточный запас воды для бесперебойной работы Чарвакской ГЭС и станций Бозсуйского каскада, значительно улучшится обеспечение водой хлопковых полей. Для этого предстоит едмонтировать камеру затворов тоннеля первого яруса и установить в нем бетонную пробку, построить камеру затворов тоннеля второго яруса».

«22 декабря 1973 года был навечно опцущен затвор весьм 219 тонн на порог строительного тоннеля первого яруса. Подобная операция без предварительного осмотра паховых конструкций затвора осуществлена в практике мирового гидротехнического строительства впервые. Но коллектив был твердо уверен в успехе этой операции. Опускание затвора и опорожнение первого строительного тоннеля знаменует собой завершение большого этапа работ и позволяет планировать завершение основных строительно-монтажных работ на Чарвакской ГЭС в 1975 году».

«Огни Чарвака», 11 и 18 января 1974 г.

«Камера затворов строительного тоннеля первого яруса отслоужила свое и теперь лишь помеха воде, которая по наклонной трубе тоннеля второго яруса будет сбрасываться в отводящий канал. До наступления паводка строители спешат убрать это ненужное теперь сооружение. Весь район плоских затворов обурен перфораторами. Последние приготовления, и – взрыв. Рассеивается пыль, и мастер удовлетворенно кивает головой: взрыв поработал нормально».

«Огни Чарвака», 25 января 1974 г.

«В напорный фронт Ходжикентской ГЭС уложен трехтысячсный кубометр бетонной смеси».

«Огни Чарвака», 8 февраля 1974 г.

«Газете «Огни Чарвака» исполнилось 10 лет. Первый номер вышел 8 марта 1964 года».

«Огни Чарвака», 8 марта 1974 г.

«Для отделки здания ГЭС из Ташкента прибыла бригада художественной резьбы по ганчу, которую возглавляет Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР усто Махмуд Усманов. Площадь резных панно – двести квадратных метров».

«Огни Чарвака», 31 мая 1974 г.

«В восьми километрах от поселка на берегу водохранилища начала функционировать зона отдыха «Чарвакгэсстроя». Ее уютные коттеджа рассчитаны на одновременное пребывание двухсот человек. Сезон продлится до 1 октября».

«Огни Чарвака», 6 июня 1974 г.

«С 25 по 27 июня были проведены испытания автомобильного моста через Чаткал – важнейшего сооружения на дороге, которая опояшет Чарвакское море. Стальной, на высоких опорах мост простоял под нагрузкой 38 часов. Все это время могучие «БЕЛАЗы» с полными кузовами утюжтлт пролетные строения. Работа мостостроителей получила высокую оценку. По мосту открыто регулярное движение».

«Огни Чарвака», 3 июля 1974 г.

Ветераны

Несколько лет назад, когда я познакомился с Пегановым, Аркадию Михайловичу было тридцать, но уже тогда его, возглавлявшего бригаду бетонщиков, причисляли к ветеранам Чарвака. Он начинал здесь от первых колышков, когда еще и поселка гитдростроителей не было, а на высоком берегу Чирчика возвышался древний кишлак Ходжикент, где ему с женой с превеликим трудом удалось снять комнату. Вечерами неуютный быт его семьи освещала керосиновая лампа. На створе зимой выматывали душу ветер и снег, а летом – солнце, высушивавшее до шоколадной черноты. И почти все тогда давалось с превеликим трудом: туннель, бетонный завод, автобаза, первые кирпичные дома. Ровно час уходил у него на то, чтобы вскитпятить воду для стирки пеленок. Но Пеганов, помогая жене, терпеливо грел воду, терпеливо стоял у корыта, и на стройке тоже был терпелив и настойчив – и своего добивался всегда. Подметив это немаловажное качество, подметив цельность и незаурядность характера вчерашнего солдата, Аркадия назначили бригадиром, и он долгие годы шел нога в ногу с прославленным Мурашовым. То мурашовцы вперед вырвутся, то пегановцы – в управлении это называли первенством на двоих. Потом пеганов заочно кончил техникум и возглавил участок. В этой должности он и встречал меня нынешним летом.

Его бригады работали на объектах глукбинного водоприемника, водосброса второго яруса и катастрофического водосброса. Не все, однако, шло гладко, по двум или терм пунктам сетевого гарфика наметилось отставание, подводили смежники и снабженцы, арматурные каркасы шли в дело прямо с колес, цемента тоже не хватало. Бригады же требовали своего, и требовали совершенно справедливо. Он, Пеганов, бригадирствовавший столько лет, лучше других понимал справедливость их требований: ты производитель работ, ты отвечаешь за участок, так что вынь и положи все то, что необходимо для бесперебойной, ритмичной работы. И только после этого требуй высокого качества и ускорения темпов.

Качество его удовлетворяло вполне, а вот тоемпы необходимо было ускорить, и он думал – как? И видел, что очень многое зависит от оперативности снабженцев. Он уже два месяцы маневрировал, перебрасывал людей с объекта на объект, а теперь уже и маневрировать было негде. Нужна сталь, и все будет в порядке. Сталь… Он, производитель работ, обязан сделать все, чтобы эта остро необходимая его участку сталь была, наконец, подвезена. Да, бригадирствуя, он не сталкивался с такими трудностями, когда все зависело от него и его людей, а в трудностях, с которыми бригада сталкивалась часто, были повинны другие люди, и он шел к ним и добивался устранения преград. Теперь за всем этим шли к нему, а он и даже его начальник, и даже начальник его начальника – все они не были всесильны и не могли достать сталь.

Но, повествуя о своих делах, Пеганов не стал заострять внимание на трудностях и расписывать сложность ситуации. Меры уже были приняты, через месяц-другой, он знал, стальной прокат поступит на стройку в должном количестве и ассортименте, и тогда его ребята наверстают упущенное. Они замечательны в деле. Нужны только фронт работ и их материальное обеспечение. Да, бригадирствоватьв се же было легче. Зато сейчас круг его обязанностей много шире, он несет ношу потяжелее и отвечает за большее.

- Мурашова помните? – вдруг сказал Пеганов. – Мы его в Москву послали, изучать опыт Злобина. Хотим и у себя применить бригадный подряд. Подряд, конечно, не панацея, он идет без скрипа тогда, когда все организовано великолепно, но это уже от нас, производителей работ, зависит. Подряд Мурашов возьмет на строительство двух километров бетонных дорог на плотине. Попробуем! А на новых гидростанциях, считаю, бригадный подряд раскроет все свои богатейшие возможности. Такие, как Мурашов, возьмут от новой формы организации труда все.

«И такие, как Пеганов», - подумал я. Стройка шла к концу, но он все же решил испытать здесь злдобинский метод. Чтобы знать, что это такое. Чтобы идти в ногу с жизнью и во всеоружии встерчать

следующие стройки, более грандиозные. Тяга к новому, к экспериментам тоже была чертой его характера. Он знал, что судьба эксперимента зависит от того, как он подготовлен. И потому Мурашов поехал в подмосковный город Зеленоград, а не ограничился знакомством с методом бригадного подряда по статьям и брошюрам.

В чем-то очень походил на Пеганова (но только не внешностью) другой прославленный бригадир Чарвака проходчик Владимир Петрович Алешин из «Гидроспецстроя». За ним числились интересные новшества, и среди них – примененные впервые в нашей стране. Сейчас его бригада выполняла довольно прозаическую работу – бетонировала участок водосброса второго яруса, примыкающий к камере затворов. Тут все было выверено и отлажено, дело двигалось вперед в строгом соответствии с графиком, но любопытного не было почти ничего, и я регил, что стоит рассказать про дела минувших дней, к которым и относится магическое слово «впервые». Например, про то, как проходчики Алешина за семь месяцев при норме один год пробили в крепчайшей скале напорные стволы турбинных водоводов, а потом повторили этот успех на вертикальном стволе водосброса.

Помню тоннель, прошитый строчкой блеклых огней. Бетонная облицовка, в которую одет тоннель, чиста и аккуратна. Слышно, как с размеренностью маятника совсем близко падают капли. Шаги гулки, и гулки голоса. Алешин в резиновых сапогах шел несколько впереди. Банально, конечно, сказать про крепко скроенного человека, что у него косая сажень в плечах, но впечатление силы доброй, соизидательной было первым впечатлением от встречи с бригадиром. Потом мы сели на трубу, в которую нагнетали сжатый воздух.

- Вот как это было, - не торопясь, начал он. – Вот верхний тоннель, вот нижний, который, раздваиваясь, идет к двум турбинам. А соединяет тоннели вертикальный ствол. Глубина его 78 метров, сечение – эллипс, сто квадратных метров. Нелегкое сечение. В самом низу – камера. К ней пробили фурнель – узкий прямоугольный ствол. Идея такова: взорванную скалу спускать по фурнелю в камеру и там экскаватором грузить в самосвал. Проетировщики предложили пройти ствол перворатарами. Это значит паутина шлангов с водой и воздухом – запутаешься. И наши решили использовать самоходную бурильную установку. Ее обслуживают всего двое рабочих. Подвесили станок на тросах, защитили снизу от взрывов металлическим полком – полок, как шаблон, позволял контролировать сечение. Набурим скважин, поднимем станок тросами вверх, произведем отпалку, породу – в фурнель, и снова бурим. Так и прошли стволы. Сэкономили шестьдесят тысяч рублей и пять месяцев.

Позже я узнал в управлении, что очень много сделали, чтобы это новшество прошло, инженеры. Но главным героем успеха все в один голос называли бригаду Алешина. Отводили ей первое место. Вероятно, в этом и была разница между подачей идеи и ее осуществлением. Разговор о работе. Он может быть разный – скупой ли, многословный. Но важен он одним – отношением к делу. Ораторствовать Алешину, судя по его рассказу, в жизни приходилось не так уж часто. На работе он тоже предпочитал не рассказывать, а показывать, учить личным примером. «Делай, как я!» - золотая армейская привычка. Он говорил тяжело, словно гвозди забивал, а я представлял его в деле и видел не только силу и мастерство, но и деликатное умение хорошо поставить работу, воодушевить людей.

- Труднее всего было начать, - говорил Алешин. – Вначале все было неясно, мы только видели, что предложенный проектировщиками способ проходки стволов дорог и долог. Запомнилось, как мы нащупывали решения, как много было предложений. Это были интересные дни. Искать, оказывается, очень увлекательно. Искать и находить. Перфораторы не пошли, и мы на мели. Но ведь есть самоходная бурильная установка! Что с того, что она для горизонтальных проходок? Мы ее подвесили на тросах и на лебедке опустили в забой. Нормально. А поставили на полок – отлично! Быстро идти стали. Однажды что-то с лебедкой случилось, и тросы порвались, как гнилые. И наша установочка ухнула вниз. С сорокаметровой высоты. Ну, вдребезги. А через три дня работала, как ни в чем не бывало. Эти три дня тоже запомнились. Вся бригада эти три дня выхаживала установку – и выходила. Парни у меня что надо!

Кто-то бросил на ходу Алешину: «Ты еще здесь? А дружки твои давно на Ингури-ГЭС! Ждут!»

- Я еще здесь, - сказал Алешин.
- Так ведь ждут тебя! – донеслось издали.
- Я привык кончать начатое! – крикнул Алешин. Как точку поставил. А мне сказал: «Жаль, что не увижу Грузии. «На холмах Грузии лежит ночная мгла…» Хороши они, должно быть. Красивы. Но для меня здесь, понимаете, все родное. Здесь я впервые под землю спустился, страх пересилил – было со мной и такое. Здесь проходчиком стал. Доверие, уважение – вот они, завоеваны. Зачем же мне уезжать?»

На новых створах

Там, где поднимется напорный фронт Ходжикентской ГЭС, Чирчик не узок и не широк, не очень стремителен, но и лишен равнинной медлительности. За тысячелетия река пропилила в скальных породах довольно широкое ущелье и может теперь прижаться к правому берегу или метнуться к левому. И только в

большой паводок величественно несет она свои воды, заполняя все дно ущелья. Тогда слышны глухие удары валунов о выступы скального дна.

Ходжикентская плотина перегородит реку девятью километрами ниже Чарвакской и будет меньше ее по высоте почти вчетверо и по объему – в девять раз. Это вторая станция каскада Среднечирчикских ГЭС. Ее турбины дадут энергию в 1976 году. По мере завершения работ на Чарвакском гидроузле строители, естественноЮ все больше внимания смогут уделять Ходжикенсткой ступени каскада. Эта гидростанция должна войти в строй действующих почти одновременно с Чарвакской для того, чтобы последняя могла работать впиковом режиме. Ведь гидравлические станции гораздо эффективнее покрывают пиковые нагрузки, чем тепловые. Гидравлическую турбину можно пустить в считанные секунды, при полном водохранилище она готова к работе всегда, а чтобы растопить на тепловой станции резервный котел, нужны часы, и стоит это недешево. Но, работая в пиковом режиме, Чарвакская ГЭС будет крайне неравномерно сбрасывать воду в нижний бьеф, что непременно скажется на работе Бозсуйского тракта. Ходжикентская ГЭС с достаточно емким водохранилищем сможет аккумулировать неравномерный сброс Чарвака, и расход реки выровняется.

Эту ГЭС тоже возводят гидростроители Чарвака, в полной мере используя свою производственную базу. Это намного удешевит стоимость станции. Сделано уже многое. Проложены подъездные пути, вырыт котлован под здание ГЭС (его строят на левом берегу Чирчика на сухом месте). Впрочем, сухо было только вначале, а так как строители углубились на 20 метров ниже уровня воды в реке, пришлось создавать мощную систему водоотлива. Уложены первые кубометры бетона. Произведены вскрышные работы на карьере суглинка. Когда возведут напорный фронт и здание ГЭС и смонтируют турбины, Чирчик перекроют. По сути дела, это и будет завершающим этапом строительства.

Но финиш в Ходжикенте будет означать старт в Газалкенте. Мощность этой станции порядка ста тысяч киловатт. Немного, скажете вы. Да, немного. Но энергия этой станции будет в несколько раз дешевле энергии станций, работающих на газе. Запасы гидроэнергии относятся к возобновляемым, запасы газа – нет. На Газалкенстком створе пока царит первозданная тишина. Но изыскатели здесь уже поработали проектировщикам досконально известны геология и гидрология створа, механические свойства грунтов, например, их сопротивляемость сдвигу (это важно знать при расчете устойчивости плотины). Выбран тип станции, выполнена компоновка гидроузла, произведены модельные исследования. Иными словами, у изыскатеелй и проектировщиков уже готовы обстоятельные ответы на все важные вопросы. И как только будет принято решение о начале работ, строители получат первые тома технической документации.

Ореховый дождь

То, что происходит вокруг Чарвака, не менее интересно, чем сама стройка. На горных склонах заклыдваются сады – по две, по три тысячи гектаров в год…

Как влитой, сидел в седле лесник Иргаш Юлдашев, во владения которого мы направлялись. За ним ехали главный лесничий Бурчмуллинского лесхоза Умурутдин Джанходджаев, многоопытный сеелкционер из института имени Шредера Сергей Семенович Калмыков и я. Тропа круто поднималась по Карнасаю, правому притоку Пскема. На противоположном склоне нас долго сопровождали террасы, занятые виноградной лозой. По нашему склону шли леса, и за виноградниками на той стороне – тоже. Это были густые леса. Местами они сплошь состояли из грецкого ореха, местами – из яблонь, алычи, боярышника. Деревья росли вольготно и хорошо плодоносили. Осенью порывы ветра с размаха ударяют в янтарные купола могучих деревьев, и на землю проливается ореховый дождь. А у мальчишек – сборщиков ореха чернеют руки. Но сейчас лето, и время в этих солнечных лесах словно останавливается. Можно лечь на траву, слушать птиц и смотреть на небос квозь разводья ветвей. Кристальная прозрачность воздуха рождает чувство окрыленности.

- Не могу привыкнуть к здешней сини, - сказал Калмыков. – Воздух этот пить можно. Но красоты красотами, а вы на яблони обратите внимание. Они облагорожены. Прививке подвергнуты двести тысяч дичков. Они обильно плодоносят.

Мы поднялись на левый борт сая, потом спустились вниз и очутились в саду – да, в саду, иначе про этот стогектарный плодоносящий яблоневый лес и не скажешь. Яблони были ухожены, их упругие ветви гнулись под тяжестью краснощекого «апорта». Яблоки достигали полукилограммового веса и были очень вкусны. Вот что значила добрая рука человека.

Терриртия лесхоза огромна – 152 тысячи гектаров. Это долины Пскема, Коксу, Чаткала. Места живописные, а после заполнения Чарвакского водохранилища – курортные. Природа еще не создала ничего красивее, чем вода, лес и горы. Наверху арча, ниже – орехоплодовые. Леса требуют непрерывного ухода, восстановления, расширения. Леса – это защита склноов от эрозии, регулирование стока рек. Это эстетика. Промышленных рубок здесь не ведут совершенно. Санитарные – да. Весной 50 тысяч молодых яблонь были подвергнуты окулировке – к дикому подвою привиты культурные сорта. Это и есть облагораживание дичков, и то, что мы видели вокруг, как нельзя лучше подтверждало огромную пользу этой работы.

Лесхоз широко проводит омолаживание грецкого ореха, заклапдку промышленных планитаций как для получения плодов, так и для заготовки древесины. Орех – ценснйшее дерево, дающее плоды исключительной питательности и непревзойденную по качеству древесину, стоимость которой на мировом рынке 500 долларов за кубометр. А каповые наплывы, изредка встречающиеся на орехе, ценятся втрое дороже. Между тем, потребности страны в грецком орехе удовлетворяются сегодня только на одну пятую часть. Естественно, грецкому ореху, а также миндалю, фисташке особое внимание. В больших масштабах проводится омолаживание усыхающих и больных деревьев. Но генеральное направление в развитии ореховодства на горных склонах – закладка новых плантаций. Мощные тракторы прокладывают на склонах широкие террасы, на них высаживают саженцы ореха, яблони, абрикоса. Площадь таких садов уже превысила семь тысяч гектаров. Причем, все это на естественной влаге, без полива. Такие сады компактны, а террасы не только защищают почву от эрозии, но и обеспечивают доступ к ратениям тракторов.

В кишлаке Сиджак оставляем лошадей и на машине едем в Чарвак, в Бостанлыкский филиал института имени Шредера. Калмыков знакомит нас с соратми грецкого ореха, миндаля, фундука, пекана (американского похожего на жолудь ореха, который высоко ценится) его селекции. Рощи миндаля, высаженные на холмах за Газалкентом, уже плодоносят. Сам Калмыков, поставивший на этих склонах свои первые опыты еще сорок лет назад, не ожидал, что миндаль пойдет так хорошо. Считиал, что выживет каждое десятое деревце, а выжили практически все. Плантации пришлось прореживать. «Ошиблись, учтем в будущем», - улыбается он. Было видно, что эта ошибка из приятных, и он согласен часто так ошибваться. Кстати, на этом участке совершенно прекратилась эрозия склонов, а родники у подножий стали обильнее.

Миндаль цветет рано, и весенние заморозки губят нежные завязи. Но сорта, выведенные Калмыковым, цветут поздно. Он скрестил миндаль и персик, это родственные растения, и получил очень морозостойкие гибриды. Филиал ежегодно выращивает свыше ста тысяч саженцев грецкого ореха (гектар орехового сада – это всего 36 растений). Их, однако, не хватает. И хорошо, что не хватает, значит, орех пошел широко. В естествнных ореховых лесах по Пскему (их называют реликтовыми) Калмыков и его коллеги нашли скороспелый сорт, которому дали название «идеал». Он плодоносит уже на второй год, а к десяти годам дерево дает 35 килограммов ореха. Этот карликовый сорт один из лучших в мире, у него тнокая скорлупа и вкусное ядро (до 7 процентов сахара). Важнейшее его достоинство – морозостойкость. Он цветет дважды, в апреле и конце мая. Если погибают апрельские завязи, непременно выживают майские. Каждый год во многие страны мира уходит 3000 посылок с «идеалом». Удивительный сорт! Его создала природа путем естественных мутаций.

Более десяти сортов создал сам Калмыков. Все они переданы в производство. «Тонкоскорлупый», «родина», «гвардейский». Сорт «родина» почти не подвержен болезням. Сорт «гвардейский» назван в честь однополчан. Калмыков служил в прославленной Панфиловской дивизии.

Убеждаюсь, что сады на горных склонах – будущее огромного района, в центре которого будет плескаться синее-синее Чарвакское море. Шуметь ореховым, яблоневым, абрикосовым рощам над волнами водохранилища. Здесь складывается замечательная по природно-климатическим условиям зона отдыха, и сады станут улчшим ее обрамлением.

Будущее Чаткала

Зал заседаний среднеазиатского отделения института «Гидропроект». На стенах красочные схемы комплексного использования водно-энергетических ресурсов Амударьи, Сырдарьи, их притоков. Фотографии строящихся Нурекской, Токтогульской, Чарвакской, Ходжикентскойтгидростанций, Туямуюнского водохранилища. Вода…

В лжной из повестей Антуана Сент-Экзюпери есть такой эпизод. Летчик привез группу бедуинов из Сахары к водопаду Виктория. Дети пустыни смотрели, зачарованные. Смотрели и удивлялись. Потом сели у водопада и стали ждать. Они ждали, когда же водопад иссякнет. В их представлении, вода – это то, чего всегда немного, что всегда быстро кончается. Им сказали, что водопаду десять тысяч лет, ждать бесполезно. Поняв это, старший из бедуинов воскликнул: «О, Аллах! Как велик ты, сотворивший этот водопад! Но как несправедлив к нам ты, сотворивший пустыню!»

Воде мы обязаны многим, особенно здесь, в Средней Азии. Каждый литр поверхностного стока должен быть поставлен на службу человеку – такова задача. Ведущие гидротехники старны обсуждают проблемы освоения Чаткала. Эту горную реку, главную составляюшую Чирчика, еще не перегородила ни одна плотина, в то время как Чирчик верой и правдой служит нам почти полвека. Вместе с Чарвакской на нем уже 17 действующих ГЭС, и после строительства Ходжикентской и Газалкентской гидростанций возможности этой реки будут исчерпаны полностью. Чаткал – другое дело: твори, выдумывай, пробуй.

Доклад делал главный инженер отделения Сигизмунд Антонович Боровец, один из авторов проекта Нурекской ГЭС, гидротехник широчайшей эрудиции. На территории Чирчик-Ангрен-Келесского ирригационного района сейчас проживает 3,5 миллиона человек, а в двухтысячном году будет жить шесть миллионов. Это неиболее развитый промышленный район Средней Азии, и опережающие темпы его

развития в будущем сохранятся. Если в среднем по Узбекистану 90 % воды потребляет ирригация, то в этом районе иное соотношение: доля городов достигает одной трети. Докладчик выделил три проблемы: водоснабжение индустриальных центров, ирригация, создание Чарвакской зоны отдыха.

Сейчас на нужды городов региона ежегодно расходуется два кубических километра воды. Скоро эта цифра удвоится. Будет построена крупная межрайонная водопроводная система с забором воды непосредственно из Чарвакского моря. Одновременно будет проложен и крупный межрайонный канализационный коллектор до Сырдарьи. В Сырдарью будут сбрасываться только тщательно очищенные воды. На базе Чарвака будет орошено около ста тысяч гектаров удобных для освоения земель – по правобережью Келеса и в Чирчик-Ангренском междуречье. На эти цели планируется выделить около 700 миллионов рубелй. Это втрое больше стоимости Чарвакской ГЭС.

Чарвакское водохранилище аккумулирует только треть годового стока Чирчика и не в состоянии осуществить многолетнее регулирование этой реки. Сток Чирчика колеблется от 5 до 12 кубических километров в год. В перспективе намечено итспользовать 6 кубических километров чирчикских вод. Поэтому выше Чарвака нужны новые гидроузлы с водохранилищами большой емкости. Построить их можно только в каньонах Чаткала. Чаткал там, где кончается подпор Чарвакской плотины, имеет на стокилометровм участке семисотметровое падение. Этого достаточно для возведения трех гидроузлов. Удобных створов, с хорошей геологией и топографией, найдено четыре: Акбулакский, Харгушский, Баркраукский и Верхнечаткальский. Первоочередной створ, конечно, Акбулакский. Причем, даже плотина с трехсотметровым напором практически не затопит полезных земель: под водой скроется всего 15 гектаров орошаемой пашни.

Три гидроузла на Чаткале мощностью порядка миллиона киловатт каждый будут работать в пиковом режиме и смогут ежегодно производить около пяти миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Они станут мобильным резервом энгергосистемы республик Средней Азии и Южного Казахстана. Предварительно рассмотрено несколько вариантов Акбулакской ГЭС. Объем ее плотины втрое больше Чарвакской. Проектировщики предлагают применить направленные заряды. Основной заряд весом 88 тысяч тонн тротила и вспомогательный весом в 43 тысячи тонн , взорванный в двухстах метрах от борта каньона, обрушат в реку 90 миллионов кубометров скалы. Сотрясение почвы на расстоянии трех километров от центра взрыва достигнет семи баллов.

Рассмотрена возможность переброски в Чаткал рек Коксу и Пскема, правых притоков Чирчика. Экономически это выгодно. Туннель будет стоить около ста миллионов рублей.

Создание Чарвакской зоны отдыха идет полным ходом. Ее площадь – пять тысяч гектаров. Общая стоимость санаториев, домов отдыха, кемпингов, туристических баз и пионерских лагерей – триста миллионов рублей. Одновременно в зоне отдыха будет пребывать сто тысяч человек. В ноябре 1974 года в Чарвак пришла первая электричка.

Пройдет не так уж много времени, и Чаткал примет у Чирчика эстафету великих свершений. Быть на Чаткале большим стрйокам, быть и Чаткалу рекой электрической! Но нести эстафету дальше – гидростроителям Чарвака.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ВТОРОЙ ВИТОК
МЫСЛИ ВСЛУХ - С АКАДЕМИКОМ ЗИЯДУЛЛАЕВЫМ

Листаю свой блокнот, читаю запись разговора с академиком Зиядуллаевым и вижу, с некоторой долей удивления, что ничего в сказанном Саидом Каримовичем не устарело, не кануло навсегда в день вчерашний. Да, нет уже с нами мудрого Саида Каримовича Зиядуллаева – светлая ему память! – но его видение жизни, его видение перспектив развития Узбекистана еще сослужит всем нам добрую службу. Предлагаю читателям «Зеркала» перенестись в тот день, когда состоялась наша беседа.

Академику Саиду Каримовичу Зиядуллаеву много лет – почти восемьдесят четыре. Четверть века он возглавлял Госплан Узбекской ССР, затем руководил Советом по изучению производительных сил Узбекистана и всего центральноазиатского региона. Нет нужды говорить, что у него цепкий, аналитический ум, а память хранит массу наработок по части того, что прежде называлось перспективным планированием. Академику есть что вспомнить, есть о чем порассуждать. Я же всегда любил слушать умных людей.

- Мир, в который я пришел ребенком, разительно отличается от мира, который мне вскоре предстоит покинуть, - говорит академик. Он не стесняется обнажать истины, которые люди его возраста предпочитают обходить молчанием. – Прост, примитивен был мир моего детства. Почему? Потому что в нем отсутствовала индустрия. Воду я носил домой из хауза, спать ложился при керосиновой лампе.

С тех пор все неузнаваемо изменилось, и это понятно. Человечество никогда не развивалось так стремительно, как в XX веке. 70 лет назад была пущена Бозсуйская ГЭС мощностью 4 тысячи киловатт, и это было событие. Теперь же Узбекистан производит на душу населения в три раза больше электроэнергии, чем Турция. Наша топливно-энергетическая промышленность полностью покрывает наши нужды и является надежным фундаментом нашего суверенитета. Есть топливо, есть электричество, есть молодые люди, жаждущие работы – это ли не благодатная почва для нового витка индустриализации? Такой индустриализации, которая целиком направлена на удовлетворение нужд и запросов человека.

«Отличие от индустриализации социалистической, - отмечаю я. – Та целиком была направлена на удовлетворение нужд и запросов государства».

- Созданная с нуля в двадцатом веке промышленность Узбекистана по любым оценкам является значительной. Первый ташкентский ситец, самолет, трактор, первая чирчикская селитра, трансформатор, первая алмалыкская медь, первый самаркандский лифт и многое другое, первое, первое и первое – всему этому я был свидетель. Я искренне радовался каждому новому виду продукции, полученному на узбекских заводах и фабриках. Индустриализация позволила нам уйти от вековой отсталости. Да, наша индустрия сегодня представлена в основном предприятиями, выпускающими средства производства, но не товары для народа. Она создавалась для обслуживания нужд большого и сильного государства, каким долгое время был СССР. Нужды самиого Узбекистана, нужды людей брались в расчет лишь во вторую очередь. Повернуть такую индустрию лицом к запросам человека, к рынку совсем не просто. Но волею судьбы поворот этот совпал с перестройкой отношений собственности. А собственник, хозяин в состоянии справиться с этой задачей быстрее и лучше, чем государство в лице его косных министерств и ведомств. Во всяком случае, вековой опыт многократно доказал это.

- Да, наша тяжелая промышленность совсем не мала, - соглашаюсь я. Ведь только то, что мы ежегодно извлекаем из наших недр, оценивается во многие миллиарды долларов. Это и становой хребет нашего суверенитета, и надежный фундамент для последующего развития, для второго витка индустриализации, который и выведет Республику Узбекистан в число высокоразвитых, богатых стран. Сотни тысяч автомобилей, сошедших с конвейера завода в Ассаке, яркое свидетельство тому, что поворот нашей экономики лицом к человеку не только провозглашен, но и уже совершается. И конкретных фактов тому все больше. Десятки совместных предприятий, сотрудничество со многими международными корпорациями – верное тому подтверждение.

- Ну, а что наш, отечественный капитал? Когда он охватит своим мятущим взором не только прилавок и сферу обслуживания, но и производство? – спрашиваю я у аксакала.

- Мне тоже интересно, как ведут себя люди с деньгами. Пока они вкладывают деньги в торговлю, в недвижимость, реже – в ценные бумаги, еще реже – в производство. Это неправильно, недальновидно. Можно, конечно, и дальше вкладывать деньги в торговлю, но это уже бесперспективно. Сейчас рядом с одним нормально работающим магазином появляются второй и третий, - и все три начинают хиреть, вянуть. Ведь покупателей едва хватало на один.

Разве найти место для двадцати швейных машинок, для минизавода по переработке молока, овощей, фруктов труднее, чем для магазина? Не в этом, видно, дело. Чтобы двадцать швейных машинок оправдали себя, надо по крайней мере разбираться в швейном производстве. А чтобы в нем разбираться, надо этим производством заниматься настойчиво, целеустремленно. Надо пригласить специалиста,

поделиться с ним ожидаемой прибылью. Знаю, что мини-ателье в наших махалля, не всегда видимые со стороны, неплохо конкурируют не только этикетками, но и качеством своей продукции, а, главное, ценами с ведущими мировыми производителями одежды. А о чем говорит обилие автомастерских? О том, что автодело выгодно. Значит, и престижно. Но навык торговать в нас сегодня неизмеримо сильнее, чем навык производить. Поэтому сейчас большой избыток в предприятиях торговли, общественного питания. Не пора ли во весь голос заявить, и заявить на всех уровнях, что наш главный ориентир есть производство, и всячески – законами, делом, атмосферой наибольшего благоприятствования – поддержать это заявление? Мы зажигаем зеленый свет перед инвестором зарубежный, мы явно отдаем ему предпочтение. Мы гарантируем ему все, что можно. Но зажгли ли мы зеленый свет перед инвестором отечественным, богатым числом? Гарантируем ли ему защиту от государственных чиновников с чрезвычайно развитым чувством мздоимства?

Интересно ставит вопрос академик Зиядуллаев. Инвестор отечественный – это и есть наш человек с деньгами. Что он скажет, как поступит, когда сама жизнь будет заставлять его вкладывать деньги в производство? Между тем, Саид Каримович приводит кое-какие примеры, наводящие на кое-какие размышления.

- Я был в Таиланде тридцать лет назад. Я – человек, привыкший к жаре. Но тропическая влажная жара совсем не похожа на нашу, сухую. Она тяжела для людей с севера. Я иду по улице и хочу пить. Маленькие лавочки. Я захожу, разглядываю, что на прилавке. Вижу апельсины, лимоны, другие тропические фрукты, большинство из которых никогда не пробовал, и маленькие арбузы размером с яблоко-апорт. Я объясняю, что хочу воды, сока. Ни воды, ни готовых соков в лавке нет. Хозяин берет арбуз, разрезает его пополам, кладет в соковыжималку, - и протягивает мне большой бокал арбузного сока, очень ароматного. Я был поражен, как быстро все произошло. Пять секунд, и готов прекрасный освежающий напиток. Я подумал тогда: «Вся это бытовая техника, простая, сравнительно недорогая, просится к нам, в наши магазины, кафе. Она окупит себя не за год – за месяц. И почему бы нам не изготовлять ее самим?»

Сегодня Таиланд уверено входит в число богатых стран. Он производит широкий круг товаров, и производит их на мировом уровне. Я до сих пор ношу две батистовых рубашки, которые приобрел в Бангкоке. Они отлично сшиты, легко стираются. Значит, уже тридцать лет назад таиландцы выпускали изделия высокого класса. И это сказалось на судьбе страны самым положительным образом.

Другой пример, двадцатилетней давности. Я в Америке, в хорошей гостинице. Встаю по традиции в шесть часов. Гуляю. Захожу в магазин, он уже открыт, хочу купить кефир.

- Вам какой кефир? – спрашивает продавец.
- Как какой? – говорю я, не привыкший к разнообразию этого вида продукции. – Молочный!
- Есть кефир молочно-вишневый, молочно-абрикосовый, молочно-апельсиновый, - разъясняет продавец и продолжает перечислять дальше. Он называет еще пять сортов кефира. Все они в одинаковых бумажных стаканчиках, в красивой и прочной упаковке. Только этикетки разные. Я выбрал вишневый кефир. У него отменные вкусовые качества, и это абсолютно свежий продукт. Тогда я был поражен, и только. Сегодня я оцениваю это несколько иначе. Я вижу, что экономика способна творить чудеса, когда она повернута лицом к человеку. Когда частнику никто не мешает проявлять свои способности, свою инициативу.

Я понял, для чего академик привел этот эпизод. Сегодня в Ташкент из пригородных кишлаков ежедневно приезжают тысячи женщин с тяжелыми бидонами, наполненными молоком. Они разносят молоко по домам. С точки зрения общества, это чрезвычайно малоэффективный труд. Но, видно, у этих женщин нет пока иного выхода. Никто не приезжает к ним в кишлаки, не покупает молоко, не стермится превратить его в другие продукты – сыр, масло, тот же кефир. Почему? Над этим следует задуматься. Если бы наше стремление производить было таким же сильным, как и стремление торговать, уверен, наши торговые ряды ломились бы от высококачественных молочных и мясных продуктов самого широкого ассртимента. Ибо мини-перерабатывающие предприятия построить не труднее, чем магазин или кафе.

- Мы живем в удивительно быстро меняющемся мире, - продолжает Саид Каримович. – Я помню мир моего детства, он был совсем не таким. Мой народ жил примитивной жизнью, редко можно было встретить грамотного человека. В быту отсутствовали такие привычные сегодня атрибуты цивилизации, как водопровод, электричество, телефон, общественный транспорт. Все было, как при отцах и дедах, все делалось руками. Теперь все это в далеком прошлом. Мой народ показал свою восприимчивость к современной технической цивилизации, свою приверженность к ней. Достижения прогресса входили в наш дом одно за другим, и мы радовались им – ибо жизнь наша становилась лучше, содержательнее, богаче. Но приобщение к цивилизации связано с упорным каждодневным трудом. Электричество, газ, телевизор в каждом доме – это огромный труд. Но это еще и праздник. Праздник восхождения по ступеням цивилизации.

Я хочу, чтобы восприимчивость моего народа к новшествам, которая помогла ему достойно войти в мировое сообщество наций, стала ведущей чертой его национального характера. Мы любим и умеем торговать. Мы чуть ли не в мгновение ока соорудили прилавок от Ташкента до Термеза и от Андижана до Нукуса. Но мы сплошь и рядом равнодушны к вопросам производства. Мы мало, неглубоко, необщенародно занимаемся этими вопросами. Я целиком связываю наш завтрашний достаток, благополучие миллионов семей в моей независимой стране с заводским цехом, с промышленным производством, с дальнейшей индустриализацией Узбекистана – все более глубокой, основанной на применении новейшей техники, основанной на сотрудничестве со всеми странами, которые готовы сотрудничать с нами, и в первую очередь с нашими партнерами по ШОСу – Шанхайской организации сотрудничества. Основанной на привлечении как отечественного, так и мирового капитала.

Когда кто-то пытается доказать, что индустриализация чужда нашему народу, что она привнесена извне и не дает народу ничего, кроме осквернения среды обитания, я категорически возражаю. Ремесленники всегда пользовались у нас почетом. А чем заводской цех отличается от мастерской ремесленника? Тем, что там созданы все условия для труда неизмеримо более производительного. Так, продажа на мировом рынке месячной продукции ташкентского авиационного завода не так давно приносила Узбекистану столько же валюты, сколько и продажа всего хлопкового волокна, выработанного за год в Ташкентском оазисе. Ибо сегодня труд в промышленности во много раз эффективнее, чем труд в сельском хозяйстве.

Подводим итоги разговору-размышлению. И Зиядуллаев, и я видим, что для дальнейшей индустриализации страны у нас есть все: отлаженная система образования, профессиональной подготовки, рабочие руки, богатые природые ресурсы. Есть достаточно развитая инфраструктура – дороги железные и автомобильные, линии электропередачи и связи, сети водо- и газоснабжения, и так далее. Ни одна из динамичных, быстро развивающихся стран не приходит к высокому уровню жизни своих стран, минуя стадию интенсивной индустриализации. Возьмем даже не Северную Америку, не Европу, где достижения индустриализации хрестоматийны. Возьмем «азиатских тигров» - Южную Корею, Тайвань, Малайзию, Таиланд. Их промышленные изделия – автомобили, электроника, станки, одежда мало чем уступают американским, а стоят заметно дешевле. Возьмем Китай, который совсесм не продает за рубеж хлопковое волокно, а только готовые изделия из хлопка. И выручает за них ежегодно более пятидесяти миллиардов долларов. Глубокая переработка хлопка на месте – разве это для нас не первая из проблем, не задача общенациональной величины? И не радоваться нам надо, что мы вторая, после США, страна в мире по экспорту хлопкового волокна. Вот если мы станем второй после Китая страной по экспорту текстиля, готовой одежды – это будет повод для заслуженной гордости.

Сергей Татур